

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Институт философии

ЛОГИКА ДОСТОИНСТВА И СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ

*Посвящается 85-летию Института философии
Национальной академии наук Беларуси*

Минск
«Беларуская навука»
2016

УДК 1:341.231.14(082)

ББК 87я43

Л 69

Рекомендовано:

Ученым советом ГНУ «Института философии НАН Беларуси»,
протокол № 2 от 19 февраля 2016 г.

Составитель и научный редактор, член-корреспондент НАН Беларуси Л. Ф. Евменов

Редакционный совет:

А. А. Лазаревич (председатель),
сопредседатели: Л. Ф. Евменов, И. Б. Михеева, С. А. Мякчило,
члены совета: И. Я. Левяш, В. А. Божанов, Г. А. Василевич, М. И. Веренич,
М. Б. Завадский, В. А. Максимович, И. В. Саверченко

Рецензенты:

доктор политических наук, профессор С. В. Решетников,
доктор философских наук А. С. Лаптёнок,
доктор философских наук, профессор В. А. Салеев

Логика достоинства и свободы личности: посвящ. 85-летию Ин-та
Л69 филос. НАН Беларуси / сост. и науч. ред. Л. Ф. Евменов. – Минск : Бела-
русская наука, 2016. – 577 с.

ISBN 978-985-08-1996-3.

Понятие достоинство в сочетании с правами и свободами человека во второй половине XX и начале XXI в. весьма частые гости в речах политиков и международных дипломатов. Однако их антропологический генезис, содержание, структура, конвергенция до сих пор оставляют желать более основательной разработки как в философии, так и в этике, культурологии, международном праве, политологии.

В книге, представляющей собой коллективный труд, делается попытка проследить основные этапы становления и развития явлений и понятий достоинства, прав и свобод человека от античности до наших дней, предлагается опыт их разработки в современном философском прочтении.

Адресована государственным служащим, международным дипломатам, сотрудникам правоохранительных органов и судебных инстанций, ученым, преподавателям, студентами и всем, интересующимся проблемами развития современной человеческой личности.

УДК 1:341.231.14(082)

ББК 87я43

ISBN 978-985-08-1996-3

© Оформление. РУП «Издательский дом
«Беларуская наука», 2016

Отказаться от своей свободы – это значит отказаться от своего человеческого достоинства, от прав человека, даже от его обязанностей...

Жан-Жак Руссо

ВВЕДЕНИЕ

Замысел этой книги родился в Институте философии Национальной академии наук Беларуси в ходе дискуссий о путях и направлениях трансдисциплинарного синтеза, вокруг которого могли бы объединиться гуманитарные научные сообщества Республики Беларусь и ее соседей – как на Западе, так и на Востоке, – вовлекая в круг исследовательской работы представителей социальной, правовой, медико-антропологической науки, сферы инженерной деятельности, управления и коммуникаций.

Предметом такого общего дела должна прежде всего стать онтология человеческого мира, совокупность человекомерных объектов и отношений – то, во имя чего и осуществляется в конечном счете любая научная работа. Основной трансдисциплинарных проектов в этом поле должна выступить система фундаментальных идей и явлений, задающих рамки понимания человечности как таковой – субстанции и критерия общественной жизни, ее движения, трансформаций, нововведений. Что означает быть человеком в эпоху, которую Серж Московиси тридцать лет назад метко обозначил «веком толп» и которую сегодня все чаще определяют через представления о чем-то внечеловеческом, артефактном – индустрии, технологии, информации, сети? Является ли это определение человека в своей идеологии медико-биологическим, психологическим, социальным, этическим или техницистским? Обладает ли только категориальным смыслом или также и четко очерченным практическим содержанием? Сможем ли мы опереться на такое определение в поиске способа объединить эвристический потенциал школ и традиций социально-гуманитарной мысли, исповедующих гетерогенные ценностно-мировоззренческие установки, – таких как белорусско-российская, европейская (континентальная) и англо-американская, китайская, арабо-исламская?

Убедительным ответом на эти вопросы мог бы послужить дискурс, построенный вокруг понятий достоинства личности, ее свободы, прав и обязанностей, которые были впервые осмыслены еще в эпоху античности, тематизированы в христианской философии и идеологии Ренессанса, получили категориальную проработку в трудах немецкой классической философии и французского Просвещения. Нельзя назвать ни одной развитой мировоззренческой системы, где не было бы реализовано то или иное представление о достоин-

стве и его критериях. Не существует в современном мире ни одного международного кодекса, в котором идея достоинства не присутствовала бы прямо или косвенно в числе источников правовых определений. Не проходит и дня, чтобы мотив достоинства не возникал в качестве аргумента в полемике по вопросам власти и управления, межкультурного диалога и практического мультикультурализма, нравственных аспектов профессиональной деятельности в различных сферах, религии и ее места в общественной жизни и множества других тем. И конечно, эта дискуссия находит свое отражение в целом спектре философско-теоретических изысканий – от современной православной и неотомистской мысли до идеологии либертарианства, от меняющегося канона профессиональной этики ученых, медиков, журналистов до споров о структуре и нормативном содержании биоэтического знания, от философии контрактуализма Джона Роулза, обосновывающего модель общественной справедливости, опирающуюся на идею достоинства личности наряду с принципами личной и политической свободы, экономических и социальных преимуществ, до коммуникативной теории Юргена Хабермаса, стремящегося дать социально-историческое обоснование процесса «раздифференциации» («Ausdifferenzierung») достоинства, которое, будучи изначально разделительным маркером происхождения и статуса с течением времени воплощается в понятие о равнодостоинстве как «нормативной субстанции» прав человека.

Весомым вкладом в дискуссию о достоинстве стали работы советских и российских теоретиков последней четверти XX – начала XXI в.: Р. Г. Апресяна, В. В. Бибихина, С. Г. Братуся, А. А. Гусейнова, В. В. Кузнецова, Н. В. Медведева и многих других. Философско-методологическим введением в проблематику философии достоинства в Республике Беларусь служат работы, изданные в последние 10–15 лет*.

События последнего времени придают этой тематике особую актуальность. За те несколько лет, в ходе которых идея книги о достоинстве личности и его политико-правовых, экзистенциальных нравственных, эстетических коррелятах наполнялась содержанием, предметом общественного сознания и гуманитарной рефлексии стали многие факты, свидетельствующие об остром *кризисе достоинства* в транзитивном социуме. Практически каждый день работы над книгой был отмечен вновь приходящими известиями о гражданском противостоянии и насилии в государствах, охваченных дуновением «арабской весны» и «цветных революций» (симптоматично, что по крайней мере одна из них получила красочное, но поднимающее свои вопросы название «революции достоинства»); о размахе глобального терроризма и взаимном ожесточении, с которым ведутся гибридные войны в Сирии, Йемене,

* Евменов Л. Ф. Международная идеология прав человека: проблемы – решения. Минск, 2000; Евменов Л. Ф. Культура и достоинство личности: фундаментальные права и обязанности Homo Sapiens // Глобализация: конвергенция – достоинство и права человека: сб. науч. ст. Минск, 2015; Евменов Л. Ф. Социально-нравственные императивы человеческой личности // Белорусская думка. 2016. № 1. С. 91–98 и др.

Ливии, Ираке и других странах; о потоках беженцев и мигрантов, которые с риском для жизни проделывают путь в Западную Европу для того, чтобы столкнуться с растущим отторжением и ограничительными мерами, которые ставят под угрозу саму идею европейского культурно-цивилизационного единства; о распространении трансгуманных подходов и прогрессе технологий, меняющих биопсихосоциальную идентичность человеческого существа; о далеко не всегда безболезненном столкновении традиционной и религиозной морали с требованиями терпимости ко всем возможным формам социально-функционального, гендерного, вероисповедного самовыражения; наконец, о том, как неоднозначно воплощаются эти доминанты современности в текстуре общественно-гуманитарной рефлексии, как приводят к расколу, противоречиям, дивергенции позиций даже там, где, казалось бы, давно было установлено прочное взаимопонимание на началах рационального гуманизма.

Разумеется, все это относится и к идее достоинства, которая, несмотря на всю ее философскую, этическую и правовую проработку, остается открытой проблемой. Достоинство – это безусловная ценность и прерогатива человека, – пишет профессор Марсельского университета, член французского Национального консультативного комитета по этике Пьер Ле Коз. – Однако налицо «семантическая инфляция этого понятия, очевидная из текстов правовых документов, содержания общественных дискуссий, рекомендаций в сфере нравственности, которая угрожает его обесценением». Вместо того чтобы обогатить дискуссию, оно становится поводом воздержаться от нее. Как понятие с нечетким содержанием достоинство с течением времени стало своего рода «ключевым словом» («magic word»), которое в современных дебатах по этическим вопросам позволяет защищать любую позицию, как и ее диаметрально противоположность*.

Кризис достоинства в общественной практике и смысловое обеднение («инфляция») понятия достоинства в дискурсе – одноприродные, параллельные процессы. В различных явлениях действительности этический образ достоинства порой расходится с показателями конкретных «достоинств» социальных субъектов, идея прав личности – с практикой функционирования правовой системы, онтологическая характеристика свободы – с представлением о «свободах», становящихся порой разменной монетой политической игры, мощь морально-императивной ответственности – с частной алгоритмикой «привлечения» к ответственности и ее «избежания».

Ход истории сдвигает рамки понимания человека и человечности, а где-то попросту обрушивает их, ставя нас на грань бездны расчеловечивания, требуя начать работу по категориальному обоснованию принципов гуманизма практически с нуля. Ответом на это может стать двоякая работа, включающая, с одной стороны, философско-категориальное восстановление императива достоинства личности, его эвристическое обогащение и продвижение в форме

* См.: Le Coz P. Dignity and freedom: towards an insoluble contradiction? // Journal International de Bioethique. 2010. № 21 (3). P. 17.

системы принципов в методологию всех социально-гуманитарных дисциплин, а с другой – полномасштабную реализацию этого императива на практике: как в правотворческой и правоприменительной деятельности, так и в нравственной регуляции подсистем социального бытия, включая общественное управление, науку, образование, социальную работу, сферу межгосударственных, межкультурных, межконфессиональных отношений.

Ежегодно в мире и на постсоветском пространстве публикуется большое количество работ, прямо или косвенно затрагивающих тематику достоинства и свободы личности, проходят научные конференции. И все же было бы преувеличением сказать, что теория достоинства сложилась в дисциплинарном или междисциплинарном ключе, что она имеет четкий логический выстроенный понятийный аппарат, репертуар аргументации и демонстраций. Все это еще предстоит создать. Строго говоря, для того чтобы сформировалась полноценная научно-практическая дисциплина достоинства и свободы личности, должна быть сконструирована фундаментальная *философия достоинства*. Мы не зря используем здесь слово из технического лексикона. То исследовательское действие, которое сегодня необходимо произвести над рефлексиями Аристотеля, Канта, Руссо, Пейна, Чаадаева, Маркса, Бердяева, Фромма, Хабермаса, Роулза, посвященным свободной и ответственной личности в справедливом и гармоничном обществе, сродни конструированию, сборке, выяснению сочетаемости и взаимной «подгонке» идей, а ее результат должен обладать валидностью в качестве реального методологического регулятива социальной жизни.

Но философия достоинства не возникает на пустом месте. Как любая развитая форма реализации философского мышления, она опосредует определенные онтологические интуиции, историографию родственных подходов, множество взаимосвязанных определений, толкований и ценностей. Можно говорить о том, что философия достоинства опирается на *культурологию достоинства* – систематизацию и интерпретацию образов и критериев достоинства, какими они бытуют в разных культурах в различные исторические эпохи. Принципиально важно сформулировать основания *герменевтики достоинства* – дисциплины, обеспечивающей его понимание в контексте функционирования знаково-символических комплексов, коммуникативных сред. Поскольку мы утверждаем, что достоинство не является сугубо теоретическим принципом, но и оттеняет реальные обстоятельства жизни, воздействуя на самосознание, выбор, поступки человека, необходима *экзистенциальная аналитика достоинства* – дисциплина, позволяющая увидеть, как достоинство прорастает сквозь текстуру типичных, повторяемых репрезентаций в контекстах поиска смысла жизни и счастья, труда и игры, любви и враждебности, веры и безверия, творчества и разрушения. И разумеется, чтобы связать все эти представления между собой речь прежде всего должна идти о системе принципов взаимосвязи, развития, взаимоперехода понятий и представлений, в которых формулируется философская картина достоинства, – о ее имплицитной *логике*. Это – краеугольный камень в фундамент философии достоинства и связанной с ней практики.

Именно этим соображением продиктовано название книги – «Логика достоинства и свободы личности». Лишь на первый взгляд оно покажется внешним, отсылающим к чуждой для нашего предмета строгой формализации. В советском издании «Философской энциклопедии» есть определение: логика – это наука о законах, формах и приемах познания мира на ступени абстрактного мышления и одновременно – обозначение закономерностей развития и взаимосвязей предметов и явлений объективной действительности. Иными словами, используя формулу «логика достоинства и свободы», мы подразумеваем и схематизм знаний о достоинстве, диалектическую взаимосвязь между идеями достоинства, свободы, ответственности, прав личности, и одновременно наше представление о том, как они объективно, субстанциально складываются в общественной жизни, и, наконец, наше понимание того, что теоретический и практический план бытования достоинства, прав, свободы, ответственности многообразно сопряжены между собой прямой и обратной связью. Эта логика несет в себе заряд рефлексии в гегелевском понимании – параллелизма и взаимного отображения между теоретическим конструктом и действием. Говоря об этом параллелизме, автор «Науки логики» отмечал, что логическое получает свою истинную оценку, когда оно становится результатом опыта наук, являющегося человеческому духу «всеобщую истину... не как некоторое особое знание наряду с другими материями и реальностями, а как сущность всего этого и прочего содержания».

Гегель подчеркивает: «Хотя логическое в начале [его] изучения не существует для духа в... сознательной силе, он благодаря этому изучению не в меньшей мере вбирает в себя ту силу, которая ведет его ко всякой истине»*. Именно так, озаглавливая словом «логика» коллективный труд многих авторов, представляющих различные ветви отечественной гуманитаристики, мы хотим, чтобы он выполнил функцию методологического введения в проблематику философии достоинства и стал отправной точкой для конкретизации и практической отработки как можно более широкого перечня критериев и атрибутов достоинства в жизни общества, прежде всего через институты образования и социализации, механизмы воспроизводства общественного мировоззрения и культуры. Речь здесь идет о принципах становления и развития явлений достоинства, прав и свобод личности, представляющих не что иное как логику основных путей исторического становления человека, генезиса его сознания и разума, наконец, его деятельности, в которой создается подлинная человеческая ойкумена – социально-коммуникативное пространство, мир культуры.

Говоря о логике достоинства и свободы личности, мы стремимся охватить и зафиксировать в матрице понятий те феномены человеческого духа и общественной жизни, которые, пересекаясь и взаимодействуя, формируют систему объективных свидетельств достоинства, гарантов права, рамочных условий и ограничителей человеческой самости, откуда складывается императив

* Гегель Г. В. Ф. Наука логики: в 3 т. М.: Мысль, 1970. Т. 1. С. 112.

ответственности субъекта. В этом логика достоинства как теоретический феномен сродни тому, что в обществоведении XX–XXI вв. обозначается понятием «социологика» – это совокупность средств конструирования знаний, факторов формирования убеждений, поведения и коммуникации людей. На страницах современных научных работ мы встречаем модели социологии семиотических систем, систем знания, экономической жизни. Логика достоинства и свободы личности раскрывает социологию морально-правовой регуляции общественных отношений, становления, воспроизводства и трансляции морального сознания.

Важнейшее достояние философии достоинства на сегодняшний день – понимание неразрывной связи между идеями и понятиями достоинства личности, личностной свободы, ответственности и прав человека. Фактически любое рассуждение о морально-правовой стороне человеческого бытия, претендующее на актуальность и эвристичность, должно разворачиваться именно в этом координатном поле. Поэтому говоря о достоинстве личности, мы так или иначе подразумеваем серию проекций, которые не существуют друг без друга: это проекция в плоскость философской антропологии, антропо- и культурогенеза (за ней стоит «чистое» понятие достоинства), онтологическая проекция (представление о свободе личности), этическая проекция (идея ответственности), наконец, проекция социально-правовая (древо понятий, вырастающее из концепта прав человеческой личности).

Источник этих проекций – то, что мы имеем право назвать субстанцией человечности, основой человеческого способа бытия. В социологии формирования и распространения знаний о ней их раскрываются принципы постижения человечности; показывается, как в различные исторические моменты та или другая выходит на первый план, как одна проекция стремится заместить другую. Но также наглядно демонстрируется и то, что в конечном счете культура всегда приходит к пониманию их равнозначности, которая только и обеспечивает нам стереоскопический образ человека. Поэтому здесь и далее правильнее будет говорить о «*понятийном комплексе достоинства*», в который неотъемлемо входят идеи разума, креативности, творящей деятельности, свободы, ответственности, прав человека, интегрированные в рефлексивную систему понятий. Какова эта система? Достоинство в ней артикулируется как креативный принцип, создающий предпосылки для формирования и конкретизации моральных норм, из которых вытекают понятия и явления прав и обязанностей человека. Источником достоинства является разум и творящая деятельность человека, обобщенная в представлении о культуротворческой природе человеческого существа, высшим продуктом которой являются нравственные императивы культуры. В свою очередь, реализация прав и обязанностей личности возвышает, наполняет экзистенциальным содержанием уже добытое им достоинство. Именно этот комплекс, эта схема, которую можно рассматривать как развернутое в тематическом поле рефлексивное понимание достоинства (не терминологическая дефиниция, а, так сказать, практико-дискурсивное определение) – взята за основу авторами данной книги, проявляется в построении ее разделов.

В издании читатель найдет полезное для себя знание, даже если знакомится лишь с отдельными главами, тем более что каждая из них в большей или меньшей степени сопровождается обзором источниковой базы, анализом социально-практического измерения своей тематики, выводами и методическими рекомендациями. Но, разумеется, предпочтительным является последовательное чтение, воспроизводящее, как нам представляется, саму логику отображения достоинства в дискурсе.

Для этого содержание книги структурировано в рамках пяти разделов. Это, во-первых, культурно-исторические и философско-дискурсивные основания становления понятийного комплекса достоинства и развития связанных с ним явлений. Во-вторых, по возможности эксплицитный и всесторонний анализ понятийного комплекса достоинства в современной науке и ее социально-гуманитарных дисциплинах. В-третьих, раскрытие места, которое благодаря теоретико-методологической подпитке, приходящей из сферы философского и научного творчества в понятийный комплекс достоинства, реализуется в сознании глобального сообщества. Отражением этого комплекса служит здесь международное право о достоинстве и правах человека. В-четвертых, многообразие социальных отношений и практик, в которых понятийный комплекс достоинства играет регулятивную роль. В-пятых, прикладная сторона проделанного исследования, которую представляют теоретические и практические проблемы правового обеспечения и защиты достоинства и прав человека.

В первом разделе коллективного труда рассматривается философско-методологическая основа дискурса достоинства. По его материалам можно судить о путях приращения философского знания, о достоинстве и свободе личности, о возможностях систематизации различных подходов к понятию достоинства и попытках научного определения достоинства, прав и обязанностей. Предметом здесь является антропологический генезис достоинства и прав человека, проблематика социально-практического *раскрытия, осуществления* достоинства как морально-этической категории и доминанты культуры, а также разработка диалектики отношений достоинства, прав и обязанностей, гарантирующих такой уровень морально-правового самосознания общества, в котором будет услышан «внутренний голос» достоинства личности, а обязанности будут поняты как его образующее начало.

Рассматривая стержневую роль понятийного комплекса достоинства в формировании облика цивилизации, в самопонимании культуры, авторы раздела постулируют достоинство, права и ответственность личности как *категорические императивы* социального бытия. Достоинство личности понимается здесь как ее мироощущение в качестве творца человеческой цивилизации, выражающееся в притязаниях и долженствовании человека по отношению к окружающей действительности, государству и обществу, своему «Я» и «Другому», которые обнаруживаются в его чувствах, идеях и понятиях, действиях и поступках. Это позволяет увидеть становление явления понятия и достоинства,

прав, свободы личности через динамику восхождения от абстрактного к практическому гуманизму.

Методологической основой этого понимания служит *конвергенционная триада* категорий достоинства, прав и обязанностей. Стоящие за ними представления и отношения складываются в социогенезе параллельно: так, первоосновой достоинства выступает самоуважение личности и взаимное уважение членов сообщества, вырастающее в коммуникации между ними; источником права – трудовая деятельность и распределение результатов труда (и тот, и другой процесс, как очевидно, имеют весомый коммуникационный аспект); наконец, взаимно принятые обязательства и долг людей как коррелируют способности к договору, регуляции труда и распределения его продукта служат фундаментом ответственности.

Понимание достоинства, прав и обязанностей как конвергенционной триады дает возможность уточнять содержание каждого из понятий в конкретных ситуациях практики через содержание смежных с ним. Так, реализованные права человека оказывают решающее влияние на облик человеческого достоинства, поскольку право как феномен социальной регуляции впервые появляется там, где налицо дефицит достоинства, его поправание, – и возникает прежде всего для того, чтобы компенсировать этот недостаток. Тем самым мы можем воспринимать права человека сквозь призму культуры обязанностей, свободы и долга. В равной мере мы должны понимать права и ответственность как социальный механизм, поддерживающий человеческое достоинство. А это, в свою очередь, дает возможность расширять содержание базисных прав человека по мере уточнения содержания представлений о достоинстве.

В материалах данного раздела последовательно проводится принцип взаимосвязи между идеей, понятием и образом достоинства как основное содержание рефлексии достоинства в культуре – такой, формами которого являются философское творчество, право, наука, религия, литература и искусство. Следуя за нелинейной траекторией европейской культуры от эпохи античности и римской правовой системы к христианскому средневековью и Ренессансу через кризис обезличения человека в культуре модерна к проектам теоретической реконструкции субстанциальных основ человечности в постклассической философии XX в. на основе синтеза рационального и экзистенциального начал, разума, интуиции и веры, авторы раздела рисуют многогранную картину «социальной жизни» понятийного комплекса достоинства как одновременно и действующего фактора, и морально-правового отражения исторического процесса. Анализируется христианское понимание идей, входящих в понятийный комплекс достоинства, и его проявления в различных документах церковной и светской практики.

Второй раздел книги призван увенчать рассказ о социогенезе понятийного комплекса достоинства обсуждением вопроса о том, какие новые социально-онтологические рамки для достоинства человека создает современное постиндустриальное общество. Демократизация общественных отношений выдвину-

ла на первый план то измерение рационального, которое многие века оставалось в состоянии имплицитности, неявно воздействуя на выбор и поступки людей, «прорываясь» лишь в самых ярких фигурах истории. Это *нравственная рациональность*, воплощенная в этосе научной и технической деятельности, в первых ростках глобальной политической этики и цивилизационной ответственности. Именно для постиндустриальной эпохи критерием воплощения понятийного комплекса достоинства является глубина интеллектуальной жизни, которая, в свою очередь, раскрывается через соотношение интеллектуализма и интеллигентности (признаками последней выступают полнота духовной жизни, высокая нравственность, развитый кругозор и устойчивая система мировоззренческих принципов, национальное самосознание, честь, самоуважение и др.). Авторы раздела подчеркивают фундаментальный онтологический статус творчества в жизни человека, раскрываемый через аутопойезис сознания, нравственное, социально-нормативное творчество, множество видов созидающей и преобразовательной деятельности.

Отдельного рассмотрения заслуживает вклад в идейное наполнение образов достоинства, прав и обязанностей, который вносят такие дисциплины, как история, архивоведение, этнология, литературоведение и лингвистика. В этом смысле большой интерес представляют достижения белорусской гуманитаристики по анализу идей достоинства и прав человека в памятниках отечественной культуры, таких как Статуты Великого Княжества Литовского. В материалах раздела понятийный комплекс достоинства анализируется в контексте процессов нациогенеза, гражданского правосознания, политического самоопределения. Национальный язык и, шире, национально-культурная традиция осмыслены как выразитель достоинства человеческого сообщества и конституент достоинства личности. Высказана идея о том, что именно эта традиция призвана стать фактором консолидации общества вокруг ценностного стержня общественного бытия, сформированного проекциями идей достоинства, права и ответственности в сфере духовно-нравственного самоопределения, коммуникации, солидарности.

Читателя должна заинтересовать картина становления идеи и принципа достоинства в интеллектуальной культуре Беларуси от эпохи христианизации белорусских земель до наших дней, его отражение в выдающихся памятниках словесности и культуры: наследии К. Смолятича, К. Туровского, Ф. Скорины, И. Поцея, С. Полоцкого, К. Марашевского, деятелей белорусского культурного возрождения XIX–XX вв. В книге раскрыты две модели генезиса достоинства «позитивная» (идущая от создания онтологической выделенности, богопричастности человека) и «негативная» (от переживания «крыўды», морального протеста – к моральному самовозрождению личности). На этом основании сформулированы социокультурные критерии реализации принципа достоинства в современном белорусском обществе.

Третий раздел книги говорит о переходе исследуемых понятий в область практической политики и в акты международного права, т. е. о приобретении

ими, вспоминая знаменитую формулу Канта, качества составных частей «всеобщего законодательства». В материалах раздела раскрывается эволюция содержания понятий достоинства и прав человека в основополагающих международных актах, принятых в XX–XXI вв., таких как Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Европейская конвенция о правах человека и протоколы к ней, Итоговый акт Сопредседательства по безопасности и сотрудничеству в Европе, Хартия Европейского союза об основных правах и др. В качестве понятия, претендующего на категориальное обобщение всего спектра подходов, связанных с определением и реализацией понятийного комплекса достоинства в международном праве, авторы раздела выдвигают *право на культуру*, содержанием которого выступает возможность для субъекта достоинства (будь то личность, сообщество, этнос) участвовать в созидании общечеловеческих ценностей, прилагая к этому свой креативный потенциал, категориальный аппарат, ценности и образность мировоззрения и, что принципиально важно, свой язык как носитель социально-культурной идентичности.

С опорой на это обобщение документы, уже введенные в контекст рассмотрения в первых разделах книги и получившие там философско-культурологическую интерпретацию, становятся теперь предметом детального разбора с использованием актуального методологического аппарата правоведения и философии права. Здесь задаются предметные вопросы о содержании и правовом смысле понятия «достоинство» применительно к контексту международно-правовых документов, а равно о правовой независимости принципа достоинства, возможности опираться на него безотносительно конкретных норм законодательства, варьирующихся от страны к стране. Это, в свою очередь, ставит на повестку дня разрешение философско-правовых коллизий в связи с альтернативными трактовками достоинства как отдельного права, как базовой ценности и как сочетания этих двух ипостасей. Сами по себе эти вопросы находятся в сложной прямой и обратной связи с дискуссией о возможности объективных социально-правовых критериев достоинства, которые должны выкристаллизоваться на стыке двух его измерений: рефлексивного (отношение человека к самому себе) и социально-коммуникативного (восприятие человека, отношение к нему со стороны социума). Актуальность этих критериев возрастает в контексте социально-этических дилемм современности.

Разумеется, разговор о понятийном комплексе достоинства был бы неполным, если бы он строился в сугубо описательном ключе. Принятая нами модель изложения логики достоинства и свободы личности предполагает взаимное соответствие субъективного и объективного плана бытования соответствующего понятийного комплекса, причем «объективность» предстает здесь и сквозь призму исторического явления, предмета генерализующего дискурса, представленного прежде всего в теории права, и как интересобъективное поле смыслов, предмет идиографического подхода.

Именно такой подход реализован в четвертом разделе издания, содержание которого строится посредством раскрытия размерностей достоинства и свободы в плане личностного переживания, рефлексии морально-правовых норм и самоопределения, самопроектирования субъекта. Этот принцип позволяет применить наработанный методологический аппарат анализа понятийного комплекса достоинства к процессам становления гражданского общества и гражданской инициативы, предпринимательской деятельности, к спектру особенностей и противоречий социоприродных отношений.

Данный принцип способствует рассмотрению императива достоинства сквозь призму понятия о *смысле жизни* как модели организации ценностно-мировоззренческой системы, поведения и деятельности личности. С такой постановкой вопроса мы выходим на понимание достоинства как объекта формирующего воздействия в процессе социализации подрастающего поколения. Это, в свою очередь, позволяет дифференцировать созидательные, обогащающие личность, и потенциально деструктивные образовательно-воспитательные практики, обосновать методологические приемы по реализации потенциала образования как основополагающего института формирования достоинства, прав и обязанностей субъекта.

Очевидным коррелятом смысла жизни в социально-онтологическом плане выступает представление о ценности человеческой жизни и его обеспечивающий механизм – принцип *милосердия*, а также складывающиеся под воздействием научно-технического прогресса нормы биоэтики и медицинской этики. В антропотехнологической практике современной цивилизации тематика достоинства личности проявляется в праве на ответственное и нравственно обеспеченное решение дилемм, связанных с искусственным оплодотворением, прерыванием беременности, эвтаназией безнадежно больных пациентов. Важным измерением социологии достоинства является обоснование механизма по формированию и сохранению достоинства личности через преодоление факторов дефицита социальной адаптации, социальную реабилитацию и интеграцию людей, нуждающихся в особой заботе. Перефразируя известный афоризм Джавахарлала Неру: «О свободе судите по степени свободы обездоленных», – мы могли бы сказать, что показателем воплощения императивов достоинства, свободы и прав личности в социуме служат индикаторы достоинства дезадаптированных граждан. В этом контексте затрагиваются проблемы обеспечения достоинства и прав пожилых людей, инвалидов, становление современной модели социальной консолидации, основанной на понятии достоинства и несущей такие черты, как субсидиарность, коллективная ответственность, адаптация к переменам, преодоление социального отчуждения и одиночества.

Все сказанное свидетельствует об одной и той же интегральной проблеме – создания, формирования или, если угодно, воссоздания социально-нравственного достоинства человека, отражающегося в ключевых вопросах социальной защиты пожилых людей, учитывающих универсальную тенденцию старения

общества, в изменении социально-экологических реалий, в новых экономических отношениях, связанных с феноменом предпринимательства, и ряде других сфер.

Специфическим мотивом пятого – практико-правового – раздела является проблематизация понятийного комплекса достоинства в качестве интегрального показателя природы и качества отношений между государством, обществом и человеком в условиях современного изменения политико-правовой парадигмы, которое связано с ростом правовой культуры граждан и институтом, возрастанием доли процессов социальной самоорганизации, сетевых отношений в структуре политической жизни общества, изменением принципов и механизмов общественного управления, внедрением новых социальных и гуманитарных технологий. Для оценки характера и направленности этих процессов требуется особая методология трактовки документов законодательства и права, выявление практического смысла категории достоинства в праве с учетом содержания смежных и параллельных норм, особенностей правоприменения и его социокультурной рефлексии. Не случайно, как отмечает один из авторов, «достоинство личности наполняется конкретным содержанием в конкретной правовой культуре».

Для целей системного понимания социологии достоинства важно определить, каким образом укорененность понятия и образов достоинства в правовом дискурсе обеспечивает устойчивость и адаптабельность правовой системы, гарантирует такие социально-правовые ценности универсального порядка, как объективность, справедливость, беспристрастность права, обеспечение атрибутивных, базовых потребностей и интересов граждан. А это, в свою очередь, обращает наше внимание на интерпретацию понятий чести и деловой репутации, их правовой защиты, на то, каким образом они черпают свое содержание из общефилософского и специально-правового смысла достоинства, прав и обязанностей личности. Таким образом предельно широкий теоретический подход к осмыслению понятийного комплекса достоинства смыкается с задачами повседневной регуляции политической, социальной, экономической, культурной жизни общества и каждого гражданина, приводит в конечном счете к формулировке конкретных рекомендаций по совершенствованию правового обеспечения достоинства, прав и свободы личности в современном обществе и конкретно – в Республике Беларусь.

Представленный в книге материал достаточно разнообразен. Пожалуй, невозможно было бы – да и не следовало – вписать его в жесткие структурные рамки, исключить ризоматичность внутренних смысловых связей. Данная работа обозначает задачу формирования философии достоинства через раскрытие логики соответствующего понятийного комплекса в культуре. Но поставить задачу – не означает предвосхитить ее решение. Мы далеки от мысли, что логика достоинства может быть представлена как система – в гегелевском духе. В конечном счете это означало бы ничто иное как оторваться от реальности, в очередной раз провести черту между абстрактной идеей (теорией)

гуманизма и противоречивой, зачастую антигуманной социальной практикой. Для постклассической философии достаточно очевидной представляется та мысль, что жесткая схематизация социального бытия – и есть источник антигуманизма. Напротив, философия достоинства как интегральный трансдисциплинарный проект нацелена как раз на то, чтобы, отталкиваясь от анализа сложностей и противоречий реальной жизни, внести вклад в гармонизацию социальной среды через мягкое, вовлеченное, ответственное управление ею – управление рефлексивное, а не директивное, деятельность посредством ценностей, а не рассудочных схем.

Здесь нельзя не вспомнить знаменитые слова величайшего философа достоинства – Иммануила Канта: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением... это звездное небо надо мной и моральный закон во мне... я вижу их перед собой и непосредственно связываю их с сознанием своего существования. Первое начинается с того места, которое я занимаю во внешнем чувственно воспринимаемом мире... Второй начинается с моего невидимого Я, с моей личности... Первый взгляд на бесчисленное множество миров как бы уничтожает мое значение как животной твари... Второй, напротив, бесконечно возвышает мою ценность как мыслящего существа, через мою личность, в которой моральный закон открывает мне жизнь»*. Действительно, достоинство, права, обязанности, ответственность, креативность, уважение и самоуважение, терпимость, сострадание, милосердие, совесть, свобода, – это те моральные законы, те «нравственные звезды», которые создают и направляют жизнь человека и человеческой цивилизации. Вклад в сохранение этой жизни – лейтмотив философии достоинства.

* Кант И. Критика практического разума // Лекции по этике. М.: Республика, 2005. С. 404.

ДОСТОИНСТВО И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ, ЛОГИКА РАЗВИТИЯ

HISTORIA EST MAGISTRA VITAE*

И. О. Евтухов,
доктор исторических наук, профессор

Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной ассамблеей ООН в 1948 г., словами преамбулы «Признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира» подтвердила неразрывную взаимную связь между понятиями «достоинство» и «права человека». Эта связь (без прав не может быть и речи о достоинстве личности, без достоинства не будет прав) неизменно проявлялась на различных этапах развития человеческого общества: от античности до современности.

Права и достоинства человека в античном полисе

Знаменитый филолог-классик и выдающийся переводчик М. Л. Гаспаров писал: «Полисы – это маленькие города-государства, каждое величиной с какой-нибудь район Московской области, каждое с населением полноправных граждан, независимых, замкнутых, где все, можно сказать знают друг друга и сами решают общие дела... все общественные отношения, все причины и следствия событий в общественной и личной жизни каждого здесь ясны как на ладони» [5, с. 30].

Афины были именно таким небольшим полисом. Всего по переписи 309 г. до н. э. в городе и принадлежавшей ему территории проживала 21 тыс. граждан и 10 тыс. метэков (постоянно живущих в городе чужеземцев и вольноотпущенников). Кроме них в Аттике было 400 тыс. частных и государственных рабов, полностью бесправных [15, с. 193].

Граждан и метэков объединял статус свободного человека, избавлявший их от пыток. Последним могли подвергаться только рабы. Пытки при этом были изощренными, разнообразными и ничем не ограниченными, кроме воли допрашивающего, о чем свидетельствует Аристофан в комедии «Лягушки» (стр. 612–624): «*Ксанфий (которого схватили и связали)*. Зевс свидетель мне, пусть сдохну, если прежде приходил сюда и обокрал тебя хотя бы на волос. Постой, вот предложенье благородное. Вот мой слуга. *(Указывает на Диониса.)*

* История – учительница жизни (лат.).

Бери его, пытай его! Вину мою докажет, так казни тотчас! *Эак*. Но как пытать? *Ксанфий*. По-разному: плетями бей, души, дави, на дыбу вздерни, жги, дери, крути суставы, можешь в ноздри уксус лить, класть кирпичи на брюхо. Можешь все! Прошу лишь об одном: не бей его былинкою! *Эак*. Совет разумный. Если ж изувечу я раба на пытке, деньги возьмещу сполна» [3, с. 656–657].

Помимо личной свободы метэки имели с гражданами мало общего. Они были лишены избирательного права, не принимали участие в работе афинских органов власти, не могли приобретать земельные участки и дома в Аттике. В то же время метэки исправно платили налоги, а во время войн защищали ставшие их родиной Афины с оружием в руках. В 431 г. тяжело-вооруженная пехота города насчитывала 29 тыс. человек. Из них 7 тыс. были негражданами. Многие метэки нанимались гребцами на боевые корабли Афин [40, р. 28–30].

Защищая неродной для себя полис от внешних врагов и обеспечивая его экономическое благополучие (основным занятием была торговля), метэки не получали от полноправных граждан должного уважения. Занятие торговлей считалось недостойным в отличие от земледелия или интеллектуальной деятельности. Личная свобода не гарантировала достоинства человека. Обрести его можно было только выйдя из статуса метэка и получив полное или частичное гражданство по решению народного собрания [15, с. 197].

Временно лишались гражданских прав атимосы – люди, на которых по суду была наложена атимия. Число атимосов могло быть не таким уж и маленьким, ибо атимии подвергались граждане, не выплатившие в срок присужденные им штрафы (неплательщиков также могли держать в заключении до погашения долга) [29, р. 225]. Снималась атимия народным собранием.

Полным набором гражданских прав изначально обладали только свободные жители полиса, рожденные в законном браке, и только на территории своей родины. По достижении ими возраста, определенного как совершеннолетие, их имена после тщательной проверки вносились в списки демотов.

Каждый из нескольких десятков полисов Греции имел собственные законы и установления: в чем-то общие, в чем-то различные. Аристотель подготовил серию научно-популярных трудов, описывающих внутреннее устройство 158 полисов (в том числе и негреческих). До нашего времени сохранилась только «Афинская полития», обнаруженная на египетском папирусе и опубликованная в 1891 г. [8, с. 115].

Источник сообщает, что в Афинах совершеннолетие наступало в 18 лет. После внесения в списки демотов юноша становился эфебом и в течение года проходил военную подготовку. По истечении срока юноша, получивший колье и щит, отправлялся на два года служить на границу. «По истечении двух лет, – пишет Аристотель, – они становятся уже на один уровень с остальными гражданами» (гл. 42) [1, с. 79–80]. Это означало, что они могли принимать участие в голосовании при избрании претендентов на «должности, избираемые

поднятием рук»: военные, т. е. связанные с необходимостью наличия соответствующей подготовки и опыта (гл. 61) [1, с. 104–105].

Новоиспеченный гражданин мог занять должность, из числа тех, которые назначаются по жребию. Кроме того, он получал жалование: «...драхму за рядовые народные собрания по драхме, а за главные – по девяти оболлов». Определенные суммы выплачивались за исполнение должностных обязанностей. Большинство должностей можно было занимать только один раз. Исключение составляли членство в Совете (допускалось два раза) и военные должности (неоднократно) [1, с. 105–106].

Свои права и свободы афинский гражданин получал от сограждан и ставил на службу согражданам, объединившимся в рамках полиса. Постоянная должностная ротация приводила к тому, что каждый гражданин на протяжении своей жизни проходил через всю полисную структуру, проникался ею и в конце концов поглощался ею. Аристотель подчеркивал, что человек, живущий вне полиса «в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств», – это «либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек; его и Гомер поносит, говоря «без роду, без племени, вне законов, без очага»; такой человек по своей природе только и жаждет войны; сравнить его можно с изолированной пешкой на игральной доске» [2, с. 378–379].

Обладание политическими правами пробуждало в свободных гражданах безграничную любовь к родному полису, восприятие собственной значимости и достоинства.

Влияние полиса на представление человека о достойном и недостойном поведении простиралось на столетия вперед после утраты Грецией своей независимости. Известный греческий писатель римского времени Плутарх с огромным энтузиазмом брался за любую работу на благо родной Херонеи, даже «за исполнение весьма хлопотных и не самых престижных обязанностей телеарха – надзор за очисткой от мусора тесных городских улочек и водосточков, и делал ее с максимальной тщательностью и дотошностью. Не обращая внимания на насмешки граждан, Плутарх лично присутствовал при разгрузке известки и камней для строительства домов, измерял размеры черепицы и т. д.» [11, с. 11]. «Может показаться ничтожным тот, кто занимается такого рода мелкими делами для собственной пользы, – писал он в «Наставлениях по управлению государством». – Но если это делается общественным порядком в интересах города, то он уже становится не ничтожным, а забота даже о мелочных вещах – достойной всяческого поощрения» [23, с. 213].

Полисная организация стремилась обрести опору для своего устойчивого развития в единодушии, которое, по словам Сократа, переданным в «Воспоминаниях» Ксенофонта, «есть величайшее благо для государства; очень часто там совет старейшин и лучшие люди увещевают граждан быть единодушными; везде в Элладе есть закон, чтобы граждане давали клятву жить в единодушии, и везде эту клятву дают. Думаю я, это делается не для того, чтобы гражд-

дане присуждали награду одним и тем же хорам, чтобы хвалили одних и тех же флейтистов, чтобы отдавали преимущество одним и тем же поэтам, чтобы вообще находили удовольствие в одних и тех же предметах, но чтобы повиновались законам» [14, с. 135].

Нарушение единодушия (или единомыслия) в греческом полисе было серьезным преступлением. Афиняне присудили к штрафу в 5 талантов и изгнали Анаксимандра за то, что он назвал Солнце глыбой, огненной насквозь; изгнали из города Протагора и сожгли на площади его книги за слова: «О богах я не могу знать, есть ли они, нет ли их, потому что слишком многое препятствует такому знанию, – и вопрос темен, и людская жизнь коротка». Первым пунктом обвинений против приговоренного к смерти Сократа стояло: «Не чтит богов, которых чтит город, и вводит новые божества» [7, с. 107, 375, 116].

Приняв полис таким как он есть, Аристотель признал закономерность неполноправного положения метэков и неправомочность тезиса об изначальном равенстве людей. А такая идея уже циркулировала в тот период в среде афинских философов. Донес ее до нашего времени ранний (сократический) платоновский диалог «Протагор».

Идея изначального равенства людей была «окутана» дискурсом мифа о Прометее и Эпитемее, похитивших для людей «премудрое искусство Гефеста и Афины вместе с огнем». Поначалу все шло хорошо. Люди начали чтить богов, научились говорить, изобрели жилища, одежду, приступили к обработке земли. Опасаясь гибели от диких зверей, «стали строить города для своей безопасности. Но чуть они собирались вместе, как сейчас же начинали обижать друг друга, потому что не было у них умения жить сообща; и снова приходилось им расселяться и гибнуть». Тогда Зевс приказал Гермесу дать людям «стыд и правду, чтобы они служили украшением городов и дружественной связью» [21, с. 430–432]. Причем получить дар должны были все люди, оказавшиеся таким образом равными носителями способности к социальному общению, вложенной в них Зевсом.

Еще более выразительно тезис про изначальное равенство людей прозвучал в одной из не дошедших до нас речей хорошо известного Аристотелю софиста Алкидаманта. Речь была посвящена освобождению в 369 г. до н. э. Мессении из под власти Спарты [30, р. 60]. Он заявил здесь, что «божество создало всех свободными, а природа никого не сотворила рабом» [35, р. 74].

Не соглашались софисты и с проявляющимся социальным неравенством, выражавшимся в выделении в рамках общества особого слоя «благородных» людей. «У благородного происхождения, – иронически отмечал софист Ликофрон, – красота незрима, на словах же оно признается достойным уважением» [18, с. 74].

Новый вариант равенства, по Христу, был предложен апостолом Павлом в середине I в. н. э.: «...нет ни эллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (1 Колосс 3: 11).

В начале III в. н. э. видный римский юрист Ульпиан дал теоретическое определение изначального равенства людей: «По естественному праву все рождаются свободными... но после того как по праву народов возникло рабство, за ним последовало благодеяние отпущения из рабства. И хотя мы носим единое наименование «люди», но, согласно праву народов, возникло три категории: свободные и, в противоположность им, рабы и третья категория – отпущенные на волю, то есть те, кто перестали быть рабами» [6, с. 25].

Сведение трех категорий в две: римские граждане и рабы, произошло в 212 г. н. э., когда почти все свободные жители империи (в том числе и отпущенники) получили права римских граждан по эдикту, изданному Каракаллой [24, с. 66–80]. Из сферы действия документа была изъята единственная категория населения: «сдавшиеся» (*dediticii*), т. е. расселенные в империи жители покоренных территорий [31, р. 427].

Римские граждане попадали под действие гражданского права, не совпадающего с правом естественным и правом народов. Ульпиан подчеркивал: «Если мы что-либо прибавляем к общему праву или что-нибудь из него исключаем, то мы создаем собственное, т. е. гражданское, право» [6, с. 25].

Собственно римское право (как публичное, так и частное), если судить по 2,5 тыс. выдержек из сочинений Ульпиана, содержащихся в тексте сборника законов «Дигесты», давало достаточно прочные гарантии защиты прав римских граждан как личных, так и имущественных. Требовалось только, чтобы человек неукоснительно следовал предложенной законом парадигме поведения: «Предписания права суть следующие: жить честно, не чинить вред другому, каждому воздавать то, что ему принадлежит» [6, с. 26].

Личная неприкосновенность римских граждан охранялась законом. В свое время к формуле «*Civis Romanus sum!*» («Я римский гражданин!») вынужден был прибегнуть апостол Павел. Новозаветная книга «Деяния апостолов» сохранила следующий рассказ об одном из эпизодов его жизни: «Но когда растянули его ремнями, Павел сказал стоявшему сотнику: разве вам позволено бичевать римского гражданина, да и без суда? Услышав это, сотник подошел и донес тысяченачальнику, говоря: смотри, что ты хочешь делать? Этот человек – римский гражданин. Тогда тысяченачальник, подойдя к нему, сказал: скажи мне, ты римский гражданин? Он сказал: да. Тысяченачальник отвечал: я за большие деньги приобрел это гражданство. Павел же сказал: а я и родился в нем. Тогда тотчас отступили от него хотевшие пытать его. А тысяченачальник, узнав, что он римский гражданин, испугался, что связал его» (Деян 22: 25–29).

Тем не менее в условиях империи в целом ряде случаев гарантия главного для человека права, права на жизнь, отсутствовала. Причем угроза жизни была особо высока для граждан, имевших высокий социальный и имущественный статус.

Все обязанности, связанные с магистратурами, исполнялись за собственный счет (в том числе организация игр и праздников). Успешный адвокат Плиний Младший вполне достойно справлялся с магистратурами (вплоть до

наместника провинции), имея в своем распоряжении доход от вилл, стоимость которых приблизительно оценивается в 17 млн сестерциев. Доход, полученный его коллегой по адвокатскому цеху Марком Аквилем Регулом за несколько лет профессиональной деятельности, составил 60 млн сестерциев [38, p. 27]. Столь высокие заработки последнего легко объясняются тем, что он специализировался на делах «об оскорблении величия». Обвинитель (доносчик) в случае удачного для себя завершения дела получал вознаграждение, должность осужденного и часть средств, полученных после реализации конфискованного имущества. При этом Марк Регул не собирался останавливаться на достигнутом и планировал довести свое состояние до уровня 120 млн сестерциев [22, с. 401].

Подпадали под закон «об оскорблении величия» и христиане в первые столетия существования своей церкви. В 250 г. император Деций издал эдикт, который «предписывал совершение жертвоприношения римским официальным богам всем жителям империи... Осуществление эдикта Деция выявило, что большинство христиан предпочло совершить предписанное жертвоприношение либо добыть окольным путем документ о якобы совершенном такого рода действии. Значительно меньше было тех, кто отказался участвовать в церемонии, за что и был подвергнут изгнанию, пыткам, тюремному заключению, ссылке в рудники, а то и смертной казни» [25, с. 85, 108].

Безопасность граждан от внешних вторжений долгое время обеспечивалась системой пограничных сооружений (валов, лимесов) и размещением гарнизонов в фортах. Однако в начале V в. Рейнский лимес был прорван. Началось наступление германских племен, приведшее империю к падению.

Права и достоинства человека в феодальной Европе

В средние века, начавшиеся с падения Римской империи под ударами отрядов германских племен, произошел раскол территории некогда единой страны. Германцы (варвары по римским понятиям) создавали собственные королевства. Картина общества изменилась коренным образом. На многие десятилетия актуализировался вопрос о том, кто является «своим», а кто нет.

В период раннего средневековья к «своим» относились только жители своей деревни. Все остальные люди, причем не только чужеземцы, но и соотечественники из более отдаленных районов, считались «чужими», а значит и потенциально опасными. Они могли быть приняты без враждебности только при наличии у них какого-либо опознавательного знака. Показательной в этом отношении является ст. 20 судебника уэссекского короля Инэ, где в роли опознавательного знака выступает дорога или громкий звуковой сигнал: «Если человек, происходящий из другого места (*feorcund mon*), или чужестранец (*fremde*) вне дороги через лес идет и не кричит, (и) в рог не трубит, за это его нужно считать вором: (должны) или (у)бить или взять выкуп» (перевод наш. – *И. Е.*) [42, p. 42].

В период высокого Средневековья к «своим» уже относится большая часть людей. Своим теперь был человек, обладавший следующими признаками: житель Западной Европы, католик, член какой-либо корпорации или иерархии. «Чужими» были жившие за пределами региона и исповедовавшие иную религию арабы и славяне, против которых направлялись крестовые походы. Однако к чужим могли относиться и некоторые западноевропейцы, прежде всего не католики: евреи и еретики, которые в своем большинстве были обречены на физическое уничтожение: еврейские погромы XI–XII вв., Альбигойские войны (1209–1229), приведшие к запустению некогда цветущие районы южной Франции.

Человек средневековья никогда не выступал в общественной жизни индивидуально, только как представитель какой-нибудь корпорации, занимавшей определенное место в иерархической структуре общества. «Средневековый человек, – отмечал видный французский медиевист Жак Ле Гофф, – не видел никакого смысла в свободе в ее современном понимании. Для него свобода была привилегией, и само это слово чаще употреблялось во множественном числе. Свобода – это гарантированный статус... Она могла реализовываться только в состоянии зависимости, где высший гарантировал низшему уважение его прав. Свободный человек это тот, у кого могущественный покровитель» [16, с. 343].

Данное понимание свободы закрепляло человека за определенной корпорацией. Он мог переходить из одной корпорации в другую (межсословная мобильность была незначительной, но все же была – свободный человек мог стать клириком, студентом, светским специалистом), крестьянин мог перейти в городское сословие. Невозможно было оказаться вне корпорации, ибо это означало утрату всякой поддержки и защиты, без которых выжить в тех условиях было практически невозможно.

Стержнем, связывавшим в одно целое и социальное и природное окружение, был принцип иерархизма. Иерархия пронизывала весь Космос: его духовную часть (мировоззрение и стиль мышления, зафиксированные в схоластических трактатах), природную часть (последовательность живых существ, включавшую в себя растения, животных, людей, ангелов), социальную организацию (феодальную систему господства–подчинения). Отражением иерархизма в менталитете стала оппозиция «верх – низ», внешним выражением которой был устремленный ввысь готический собор [10, с. 19].

Теория о иерархическом строении человеческого общества сложилась (по крайней мере во Франции) в первой трети XI в. Ее концептуальное оформление обычно связывают с именем Адальберона, епископа города Лаон, предложившему в поэме, адресованной королю Роберту, трехчленную схему: *oratores* (те, кто молятся), *bellatores* (те, кто воюют), *laboratores* (те, кто трудятся) [33, р. 684]. Причем первые два сословия живут по своему закону, третье – по своему.

Видный французский медиевист Жорж Дюби следующим образом проинтерпретировал разделение законов, предложенное Адальбероном. Существо-

ют два царства: веры (*res fidei*) и земное (*res publica*), каждое из которых управляется собственными законами. Первое – божественным (единым), второе – человеческим (распределенным, множественным). По человеческому закону в рамках общества выделяются слои: благородных и сервов. Первому слою назначены независимость и свобода, второму – подчинение [36, р. 49–50].

Становление феномена достоинства человека в рамках феодального общества вступило в свой следующий этап: иерархической структурированности. В отличие от античного полиса самоуважение и самореализация человека связывалась с интересами корпорации. С такой позиции вполне оправданным представляется предложенный современным немецким философом Ю. Хабермасом тезис: «Конкретное понятие достоинства, или «социальной чести», принадлежит миру иерархически расчлененного традиционного общества. Там личность могла черпать свое достоинство и уважение к себе самой из дворянского кодекса чести, из сословного этоса ремесленных цехов или, скажем, из корпоративного сознания университетов» [28, с. 71].

Принципиально новые оценки достоинства человека и его места в мире вызревали в североитальянских городах, получивших импульс для развития от зарождавшейся буржуазии, не воспринимавшей как наказание и скорбь.

В Северной Италии жили и творили многие деятели Возрождения, в том числе и граф Джованни Пико делла Мирандола.

В марте 1486 г. 23-летний юноша вернулся из Парижа во Флоренцию. Уже в мае он прибыл в Рим и начал подготовку к диспуту по своим тезисам, число которых приближалось к 900. На диспут он пригласил (за свой счет) множество образованных людей из разных стран. Для вступительного слова к диспуту граф Пико написал речь «О достоинстве человека». Тезисы были опубликованы, но диспут не состоялся. Его проведение запретил Папа Римский Иннокентий VIII [32, р. 10]. Тем не менее речь была опубликована и принесла графу Пико широчайшую известность. Особого внимания заслуживает высказанный им взгляд на место человека в мире: «Тогда принял Бог человека как творение неопределенного образа и, поставив его в центре мира, сказал: «Не даем мы тебе, о Адам, ни определенного места, ни собственного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно твоей воле и твоему решению. Образ прочих творений определен в пределах установленных нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю. Я ставлю тебя в центре мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обозревать все, что есть в мире. Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь. Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие божественные»... В рождающихся людей отец вложил семена и зародыши разнородной жизни, и соответственно тому, как каждый их возделает, они вырастут и дадут в нем свои плоды.

Возделает растительные, – будет растением, чувственные, – станет животным, рациональные, – делается небесным существом, интеллектуальные, – станет ангелом и сыном бога» [20, с. 221].

Пико делла Мирандола вывел феномен достоинства человека за рамки иерархий и корпораций феодального общества. Наиболее предпочтительный вариант реализации заложенного в человеке потенциала мыслитель видел в его свободном выборе, обусловленном интеллектом и стремлениями души. Идеалом достойной жизни становится человек-творец. Такое понимание достоинства было во многом близко к современному («...как явление достоинство личности есть ее мироощущение как творца второй культуры, творца человеческой цивилизации, не имеющего эквивалента» [9, с. 62]), но соотносилось пока с весьма немногочисленной частью общества: гуманистической интеллигенцией.

То, что католическими идеологами военной страте общества было отведено ведущее место, налагало особые обязанности не только на предстителей страты, но и на их верховного руководителя, короля. Фома Аквинский указывал в трактате «О правлении государей», что государю «предстоит тройная задача. Во-первых, заботиться о преемственности людей и назначении тех, кто возглавляет различные службы... Во-вторых, чтобы своими законами и предписаниями, наказаниями и наградами он удерживал подчиненных себе людей от греха и побуждал к доблестным делам... Третья задача, стоящая перед царем, чтобы все подчиненное ему множество могло отразить врагов» [27, с. 243].

Однако исполнение подобного рода функций было по плечу далеко не всем монархам. Особую неспособность к делам государственного управления выявил английский король Иоанн Безземельный. Один из наиболее глубоких российских исследователей английской истории Д. М. Петрушевский приводит следующую оценку современников: «В лице Иоанна Безземельного английское общество получило короля, который даже марокканского эмира поразил своими деяниями и заставил этого восточного деспота в величайшем негодовании воскликнуть: «Как же эти несчастные англичане позволяют такому человеку царствовать и властвовать над ними? Да они настоящие бабы и холопы» [19, с. 19].

То, что высказанное восточным правителем мнение было ошибочным, показали события 15 июня 1215 г., когда король Иоанн Безземельный подписал предъявленную баронами «Великую хартию вольностей». Данный довольно объемный документ (63 статьи) посвящен урегулированию множества конкретных наболевших вопросов, связанных с имущественными отношениями, вопросами феодальной службы и другими. Вместе с тем отдельные статьи документа отчетливо маркируют его общую направленность на предоставление «свободным людям королевства» значимых гражданских прав.

К их числу относятся:

1) неприкосновенность основного имущества при наложении штрафа: «Свободный человек будет штрафовать за малый проступок только сооб-

разно роду проступка, а за большой проступок будет штрафоваться сообразно важности проступка, причем должно оставаться неприкосновенным его основное имущество; таким же образом (будет штрафоваться) и купец, и его товар останется неприкосновенным; и виллан таким же образом будет штрафоваться, и у него останется неприкосновенным его инвентарь, если они подвергнутся штрафу с нашей стороны» (ст. 20);

2) право на судебную защиту по закону страны: «Ни один свободный человек не будет арестован или заключен в тюрьму, или лишен владения, или объявлен стоящим вне закона, или изгнан, или каким-либо (иным) способом обездолен, и мы не пойдём на него и не пошлём на него иначе, как по законному приговору равных его (его пэров) и по закону страны» (ст. 39);

3) право на свободу перемещения с некоторыми незначительными изъятиями: «Каждому пусть впредь будет позволено выезжать из нашего королевства и возвращаться в полной безопасности, по суше и по воде, лишь сохраняя верность нам; изъятие делается, в интересах общей пользы королевства, только для некоторого короткого времени в военное время» (ст. 42);

4) право на вооруженное выступление против короля в случае нарушения им Хартии: «И если мы не исправим нарушения... в течение времени сорока дней, считая с того времени, когда было указано это нарушение нам..., то вышеназванные четыре барона докладывают это дело остальным из двадцати пяти баронов, и те двадцать пять баронов совместно с общиной всей земли будут принуждать и теснить нас всеми способами, какими только могут, то есть путем захвата замков, земель, владений и всеми другими способами, какими могут, пока не будет исправлено (нарушение) согласно их решению; неприкосновенной остается (при этом) наша личность и личность королевы нашей и детей наших; а когда исправление будет сделано, они опять будут повиноваться нам, как делали прежде» (ст. 61) [19, с. 116, 119, 120, 125].

На протяжении всего XIII века «Великая хартия свобод» служила английским баронам целеполагающим ориентиром в их противостоянии с короной. Но в полном объеме ее потенциал раскрылся уже в следующий период, в раннее Новое время.

Косвенное влияние оказала Хартия и на осмысление английскими крестьянами своего места в обществе. По мнению католических идеологов, крестьяне, занимавшие в трехчастной схеме подчиненное положение, были приговорены к наказанию трудом. Жорж Дюби подчеркивал, что епископ Адальберон в упоминавшейся выше поэме обыгрывал созвучие латинских слов *labor* (труд) и *dolor* (скорбь) [35, р. 50].

Сами крестьяне с этим были согласны далеко не всегда. И если в бурных событиях, связанных с принятием «Великой хартией вольности», роль английских крестьян была мало заметна, то уже столетие спустя они поставили вполне резонный вопрос: «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто был господином?» В своей архаичной и несколько видоизмененной форме: «When Adam dug and Eve span, where was then the pride of man?» – данное выражение было

впервые зафиксированно ок. 1340 г. [39, р. 295]. В 1381 г. вопрос про Адама, Еву и господина задал крестьянам, восставшим под руководством Уота Тайлера, проповедник Джон Болл [45, р. 159].

Права и достоинства человека в Европе раннего Нового времени

Со вступлением западноевропейской цивилизации в период раннего Нового времени начал раскрываться потенциал, заложенный в «Великой хартии вольности». В 1571 г. вышли из печати исторические сочинения Матвея Парижского, содержащие ее текст. Документ стал достоянием образованной читающей публики. После начала противостояния с королевской властью видный политический деятель Эдуард Кок начал активно использовать Хартию в своей пропаганде, направленной против абсолютизма первых двух Стюартов. При этом документ позиционировался как «декларация базовых основ фундаментальных законов Англии» [43, р. 147].

Под влиянием Хартии английский парламент пошел на дальнейшее ограничение власти монарха в «Билле о правах» (1689). Документ запрещал королю приостанавливать законы, взимать сборы без согласия парламента, а также делать из законов изъятия. Провозглашалось это от имени народа для «восстановления и подтверждения... древних прав и вольностей» [13, с. 128].

Билль, принятый большинством вигов в парламенте, получил позднее самые восторженные отзывы лидера тори лорда Болингброка: «Ныне король Британии точно и определенно является тем, чем короли всегда должны быть – членом – правда, верховным членом, главой – политического организма... Уложения, в силу которых он управляет людьми, представляют собой некие основополагающие соглашения, заключенные между ними и народом. Положение короля целиком обусловлено ими, поэтому он может лишиться права на то, чтобы подданные повиновались ему полностью и бесповоротно, как и каждый из них может лишиться своего права на защиту с его стороны. Отныне не существует каких-либо «скрытых» резервов власти, которые можно было бы при случае пустить в ход, дабы взять верх над правами и привилегиями народа. Законы страны общеизвестны, они и есть тот единственный источник, из которого властитель может черпать свои притязания, а народ свои» [4, с. 170].

Первые ростки теоретического осмысления феномена достоинства и прав человека появились немного позднее, в трудах философов эпохи Просвещения.

В семантическом поле понятия «эпоха Просвещения» в русском и немецком (*Zeit der Aufklärung*) языках прослеживается ориентировка на процессы, связанные с образованием, обучением, самосовершенствованием. Великий Иммануил Кант с нескрываемой радостью транслировал распоряжение своего государя, прусского короля Фридриха II: «Рассуждайте сколько угодно и о чем угодно, только повинуйтесь!» и заявлял, что «препятствий... на пути к просвещению или выходу из состояния несовершеннолетия, в котором люди

находятся по собственной вине, становится все меньше и меньше. В этом отношении наш век есть век просвещения, или век ФРИДРИХА» [12, с. 31, 35].

Во французском и английском языках понятие «эпоха Просвещения» столь же отчетливо связывается с семантикой света: «*Siècles des Lumières*», «*Age of Enlightenment*». Английское слово «*enlightenment*» произошло от глагола «*enlighten*», означающего «дать свет», «сделать светлым»: «*And to enlighten thee (и чтобы дать свет тебе/ сделать светлой тебя)*», – писал Шекспир в своем 152-м сонете [41, р. 346].

Присвоение термину «*enlightenment*» значения «предоставление света» для английского языка XVII в. является вполне оправданным и целесообразным при рассмотрении идей Джона Локка, который в последней четверти столетия «пролил свет» на многие вопросы, волновавшие современное ему общество, в том числе и на проблему прав и достоинства человека. На следующий за «Биллем о правах» год Локк издал «Два трактата о правлении». Для темы исследования особый интерес представляет второй из них, или «Опыт об истинном происхождении, области действия и цели гражданского правления».

Уже в самом начале трактата, в главе «О естественном состоянии», автор постулирует тезис о безусловном равенстве всех людей без исключения: «Нет ничего более очевидного, чем то, что существа одной и той же породы и вида, при своем рождении без различия получая одинаковые природные преимущества и используя одни и те же способности, должны также быть разными между собой без какого-либо подчинения или подавления» [17, с. 262]. Помимо свободы неотъемлемым правом человека является право на собственность, включающую в себя саму личность, «на которую никто, кроме него самого, не имеет никаких прав», и плоды его труда. «Чтобы тогда человек ни извлекал из того состояния, в котором природа этот предмет создала и сохранила, он сочетает его со своим *трудом* и присоединяет к нему нечто принадлежащее лично ему и тем самым делает его своей *собственностью*» [17, с. 276].

Признавая изначальное равенство и свободу всех людей, Локк вместе с тем допускает изъятие из этого правила для большой группы населения: пленных, захваченных в справедливой войне. Философ считает, что «по естественному праву они находятся в абсолютном подчинении и под деспотической властью своих хозяев... находясь в *состоянии рабства*, они не могут иметь какой-либо собственности; следовательно, в этом состоянии их нельзя считать какой-либо частью *гражданского общества*, главной целью которого является сохранение собственности» [17, с. 308–309].

Отказ в наличии каких-либо прав у пленных, низводимых до уровня рабов и выводимых из-под защиты закона, имел политический характер. Локк признавал правомочность действий Англии после кровавого кромвелевского завоевания Ирландии (1649–1653). Для возмещения военных расходов в 1656 г. в рабство на Ямайку было продано около 2 тыс. ирландских детей в возрасте до 14 лет. Вскоре масштабы работорговли значительно выросли: на Карибские острова продали около 100 тыс. детей и 52 тыс. женщин [37, р. 16].

В XVIII в. британский суд сделал огромный шаг вперед от теоретического признания равенства людей к его практической реализации во время ставшего историческим процесса «Соммерсет против Стюарта». Соммерсет – раб африканского происхождения, привезенный своим хозяином Чарльзом Стюартом из американского Бостона в Лондон и сбежавший от него в 1771 г. Поймав беглеца, Стюарт приказал отправить его на Ямайку и продать там на плантации. Однако оказалось, что бывший раб успел принять крещение. Его крестные родители подали в суд, требуя выдачи writ of habeas corpus, оспаривая тем самым правомочность действий Стюарта. Решение судьи лорда Мансфелда было однозначным: рабство не имеет опоры в позитивном праве и английских законах, а потому Соммерсет должен быть освобожден. Вскоре текст решения был распечатан и начал распространяться в английских колониях, в том числе на американском континенте: Филадельфии (1773) и Бостоне (1774), умножая число противников рабства [44, p. 86, 114].

Внесла свой вклад в осмысление прав человека и Франция. В 1751 г. группа авторов во главе с Дени Дидро приступила к изданию «Энциклопедии», написанной не лапидарным, а публицистическим стилем, простым и доходчивым. Ознакомившись с томами энциклопедии, читатель узнавал, что:

«Первое состояние, которое человек получает от природы и которое считается самым ценным из всех благ, которыми он может владеть, – это состояние свободы. Это благо, которое не может быть ни обменено на другое, ни продано, ни потеряно, потому что естественно все люди рождаются свободными, то есть они не подчинены власти господина и никто не имеет права превращать их в свою собственность» (Естественная свобода);

«Полагать, что христианская религия предоставляет исповедующим ее право обращать в рабство тех, кто ее не исповедует, чтобы тем легче обратить их в христианство, означает поступать вопреки праву человеческому и вопреки природе» (Рабство);

«Собственность – это право каждого индивида, входящего в состав свободного общества, владеть благами, законно им приобретенными» (Собственность) [26, с. 219–220, 521, 572].

Издание «Энциклопедии» еще продолжалось, когда была принята американская «Декларация независимости». «Мы исходим из той самоочевидной истины, – говорилось в документе, – что все люди созданы равными, и все они одарены своим Создателем некоторыми неотчуждаемыми правами, к числу которых принадлежат: жизнь, свобода и стремление к счастью» [13, с. 167].

А через несколько лет после завершения издания началась Великая французская революция, приведшая к провозглашению «Декларации прав человека и гражданина», первый пункт которой утверждал: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные отличия могут основываться лишь на соображениях общей пользы» [13, с. 250].

Американская и французская декларации, переведя права человека из области философского дискурса в область практических действий, заложили фундамент для следующего этапа становления феномена достоинства и прав человека и обозначили новые направления его развития.

Наибольшую актуальность среди них обрели проблема равноправия мужчин и женщин («Декларацию прав женщины и гражданки», предложенную в сентябре 1791 г. Олимпией де Гуж, французское Национальное собрание не приняло [34, р. 27]) и полная законодательная отмена рабства в Англии и в тех штатах США, где оно сохранялось (Франция периода Великой революции провозгласила отмену рабства в колониях).

Признание со стороны общества и государства изначального равенства людей придало новый импульс процессу становления феномена достоинства человеческой личности. Свободный человек стал активным «делателем», получив возможность принять участие в создании ценностей человеческой цивилизации. Его достоинство нашло свое выражение в «притязаниях и долженствовании... окружающей действительности, государству и обществу, к себе самому и другому, обнаруживающееся в его чувствах, идеях и понятиях, действиях и поступках» [9, с. 63].

Литература

1. Аристотель. Афинская полиция. Государственное устройство афинян / Аристотель. – М.: Соцэкгиз, 1936. – 198 с.
2. Аристотель. Политика / Аристотель // Соч.: в 4 т. / Аристотель. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4. – С. 375–644.
3. Аристофан. Комедии. Фрагменты / Аристофан. – М.: НИЦ Ладомир: Наука, 2008. – 1033 с.
4. Болингброк. Письма об изучении и пользе истории / Болингброк. – М.: Наука, 1978. – 358 с.
5. Гаспаров, М. Поэзия Горация / М. Гаспаров // Оды. Эподы. Сатиры. Послания / Гораций. – М.: ИХЛ, 1970. – С. 5–38.
6. Дигесты Юстиниана. – М.: Наука, 1984. – 456 с.
7. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Диоген Лаэртский; пер. М. Л. Гаспарова. – 2-е изд. – М.: Мысль, 1986. – 576 с.
8. Доватур, А. Политика и Политии Аристотеля / А. Доватур. – М.; Л.: Наука, 1965. – 390 с.
9. Евменов, Л. Ф. Достоинство и права человека не есть утопия / Л. Ф. Евменов // Наука и инновации. – 2013. – № 2. – С. 62–69.
10. Евтухов, И. О. Западноевропейское общество Высокого средневековья / И. О. Евтухов // История средних веков: в 3 ч. – Минск: ИЦ БГУ, 2008. – Ч. 2: Высокое средневековье. – С. 4–22.
11. Евтухов, И. О. Плутарх Херонейский: жизнь и творчество / И. О. Евтухов // Избранные жизнеописания / Плутарх. – Минск: Беларусь, 1995. – С. 4–18.
12. Кант, И. Ответ на вопрос: Что значит просвещение? (1784) / И. Кант // Собр. соч.: в 8 т. / И. Кант. – М.: Чоро, 1994. – Т. 8. – С. 29–37.
13. Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX веков. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1957. – 587 с.
14. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе / Ксенофонт. – М.: Наука, 1993. – 379 с.
15. Латышев, В. В. Очерк греческих древностей / В. В. Латышев. – 2-е изд. – СПб., 1888. – Т. 1. – 355 с.
16. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 558 с.

17. Локк, Дж. Два трактата о правлении / Дж. Локк // Соч.: в 3 т. / Дж. Локк. – М.: Мысль, 1988. – Т. 3. – С. 137–405.
18. Маковельский, А. О. Софисты / А. О. Маковельский. – Баку, 1941. – Вып. 2. – 100 с.
19. Петрушевский, Д. М. Великая хартия вольностей и конституционная борьба в английском обществе во второй половине XIII века / Д. М. Петрушевский. – 2-е изд. – М., 1918. – 176 с.
20. Мирандола, Пико делла. Речь о достоинстве человека / Пико делла Мирандола // Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – эпоха Просвещения / редкол.: И. Т. Фролов [и др.], сост. П. С. Гуревич. – М.: Политиздат, 1991. – С. 220–239.
21. Платон. Протагор / Платон // Собр. соч.: в 4 т. / Платон. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 418–476.
22. Плиний Младший. Письма / Плиний Младший. – 2-е изд. – М.: Наука, 1982. – 407 с.
23. Плутарх. Наставления по управлению государством / Плутарх // Вестн. древней истории. – 1978. – № 4. – С. 211–234.
24. Ранович, А. Эдикт Каракаллы о даровании римского гражданства населению империи / А. Ранович // Вестн. древней истории. – 1946. – № 2. – С. 66–80.
25. Федосик, В. А. Церковь и государство: Критика богословских концепций / В. А. Федосик. – Минск: Наука и техника, 1988. – 205 с.
26. Философия в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера. – М.: Наука, 1994. – 720 с.
27. Фома Аквинский. О правлении государей / Фома Аквинский // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.). – Л.: Наука, 1990. – С. 234–244.
28. Хабермас, Ю. Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека / Ю. Хабермас // Вопросы философии. – 2012. – № 2. – С. 66–80.
29. Allen, D. S. The World of Prometheus: The Politics of Punishing in Democratic Athens / D. S. Allen. – Princeton: Princeton UP, 2003. – 449 p.
30. Baldry, H. C. The Unity of Mankind in Greek Thought / H. C. Baldry. – Cambridge: CUP, 1965. – 223 p.
31. Berger, A. Encyclopedic Dictionary of Roman Law / A. Berger. – Philadelphia, 1980. – 808 p.
32. Bori, P. C. The Historical and Biographical Background of the Oration / P. C. Bori // Pico Della Mirandola. Oration on the Dignity of Man: A New Translation and Commentary. – Cambridge: Cambridge UP, 2012. – P. 10–36.
33. Carozzi, Cl. Les fondements de la tripartition sociale chez Adalbéron de laon / Cl. Carozzi // Annales. Histoire, Sciences Sociales. – 1978. – 33 Année, № 4. – P. 683–702.
34. Cole, J. R. Between the Queen and the Cabby: Olympe de Gouges's Rights of Woman / J. R. Cole. – McGill-Queen's Press – MQUP, 2011. – 328 p.
35. Commentaria in Aristotelem graeca. – Beroloni, 1882. – Vol. 21. – 439 p.
36. Duby, G. The Three Orders: Feudal Society Imagined / G. Duby. – Chicago; London: Univ. of Chicago Press, 1982. – 382 p.
37. Guy Nixon (Red Corn). Slavery in the West: The untold story of the slavery of Native Americans in the West. – Xlibris Corporation, 2013. – 202 p.
38. Kehoe, D. P. Investment, Profit, and Tenancy: The Jurists and the Roman Agrarian Economy / D. P. Kehoe. – Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1997. – 269 p.
39. Manser, M. H. The Facts on File dictionary of proverbs / M. H. Manser. – Infobase Publishing, 2007. – 499 p.
40. Sinclair, R. K. Democracy and Participation in Athens / R. K. Sinclair. – Cambridge: Cambridge UP, 1991. – 253 p.
41. Shakespeare, W. Sonnets and Other Poems / W. Shakespeare. – Palgrave Macmillan, 2009. – 384 p.
42. The Laws of the Earliest English Kings. – Cambridge: Cambridge UP, 1922. – 256 p.
43. Turner, R. V. Magna Carta: Through the Ages / R. V. Turner. – Pearson Education, 2003. – 256 p.
44. Wiecek, W. M. Somerset: Lord Mansfield and the Legitimacy of Slavery in the Anglo-American World / W. M. Wiecek // The University of Chicago Law Review. – 1974. – Vol. 42, № 1. – P. 86–146.
45. Wilkinson, B. The Later Middle Ages in England 1216–1485 / B. Wilkinson. – Routledge, 2014. – 436 p.

КАНТОВА ИДЕЯ ДОСТОИНСТВ ЧЕЛОВЕКА В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

*О. Л. Познякова,
кандидат философских наук, доцент*

Идея общественной ценности достоинства человека зародилась, когда человек стал осмысливать собственное бытие в природе и в среде себе подобных. Обработка земельного участка при помощи орудий труда сопровождалась у первобытных людей попыткой осмыслить собственную значимость внутри коллектива, что впоследствии послужило основой для зарождения у человека чувства собственного достоинства.

Сама идея достоинства человека прошла в своем развитии долгий путь от философско-мировоззренческого постулата до основополагающего конституционного принципа многих стран мира. Традиция европейской культуры связывает начало процесса сознания и определения человеком своего достоинства с философско-правовой мыслью Древней Греции и Древнего Рима (VII в. до н. э. – V в. н. э.). Так, само понятие достоинства восходит своими корнями к учению римского мыслителя Цицерона (диалог «О законах»), к категории «*dignitas*» римских патрициев, а впоследствии получает свое развитие в католической этике и ренессансных трактатах о достоинстве человеческой природы. Известно, что главным принципом всей гуманистической этики Ренессанса было учение о высоком назначении человека, о его достоинстве. Данный принцип гласил, что человек, наделенный разумом и бессмертной душой, обладающий добродетелью и безграничными творческими возможностями, свободный в своих поступках и помыслах, поставлен в центр мироздания самой природой. Это учение основывалось на воззрениях античной философии и отчасти на средневековой теологической доктрине о том, что человек был сотворен по образу и подобию божьему. По сути же оно было направлено против христианского аскетизма с его предопределенностью места человека в универсальной иерархии.

Подобные взгляды высказывал Альберти в своем трактате «О семье», Манетти в произведении «О достоинстве и превосходстве человека», Пико делла Мирандола в трактате «Речь о достоинстве человека» и др. Все их рассуждения были проникнуты одной главной идеей – преклонением перед разумом и его творческой мощью. Разум – это бесценный дар природы и творящей деятельности, который отличает человека от всего сущего, делает его богоподобным. Для гуманистов мудрость являлась высшим благом, доступным людям. В мудрости и познании, верили они, человек обретает настоящее счастье – и в этом состояло его подлинное благородство.

Трактат Манетти «О достоинстве и превосходстве человека» занимает исключительное место в теоретическом наследии итальянских гуманистов XV в., являясь вершиной гуманистической мысли в понимании достоинства челове-

ка, этой центральной проблемы всего гуманистического мировоззрения. Вопросы, поднятые в этой области Петраркой, Манетти развернул в широкое и стройное учение, не побоявшись выступить против крупнейших церковных авторитетов. Трактат «О достоинстве и превосходстве человека» состоит из четырех книг. Он посвящен доказательству превосходства человека над всеми другими живыми существами, обоснованию его достоинства и высокого, творческого жизненного предназначения. Автор открыто полемизирует с идеологами аскетизма и прежде всего с Папой Иннокентием III, который, будучи кардиналом, написал трактат, доказывавший жалкую участь человека и проповедовавший презрение к миру. Замысел трактата у Манетти родился в ходе дискуссий при дворе неаполитанского короля Альфонса Арагонского. Этот двор был культурным центром Неаполя, где Манетти появлялся в посольских миссиях. На вопрос, заданный Альфонсом Арагонским относительно жизненного предназначения человека, Манетти ответил: «agere et intelligere» – «познавать и действовать» [5, с. 64]; этот ответ и стал центральной мыслью трактата.

Другое не менее знаменитое произведение эпохи Возрождения, посвященное определению места человека в мировой иерархии, принадлежит Пико делла Мирандола. «Речь о достоинстве человека» была написана им в 1486 г. Ею философ намеревался открыть диспут по своим 900 тезисам. После запрещения диспута «Речь...» нигде не издавалась и была известна лишь узкому кругу ближайших друзей. Впервые ее опубликовали в 1496 г., после смерти автора. Начало этой речи признается теперь наиболее четким выражением возрожденческого антропоцентризма. Однако при ближайшем рассмотрении «Речь...» оказывается не столько гимном человечеству, сколько программой, которую должно осуществить. В самом начале речи Пико выдвигает тезис о величии человека, его превосходстве над всеми существами. «Человек есть посредник между всеми созданиями, близкий к высшим и господин над низшими, истолкователь природы в силу проницательности ума, ясности мышления и пылкости интеллекта, промежуток между неизменной вечностью и текущим временем, узы мира, как говорят персы». Создав мир в его священном совершенстве, Бог захотел, чтобы «был кто-то, кто оценил бы смысл такой большой работы, любил бы ее красоту, восхищался ее размахом» [6, с. 5]. Но, поскольку мир был уже завершен, все идеи были воплощены, творец не мог бы дать человеку ничего. Человек полностью вне космической иерархии, но приобщен к каждой ее ступени, не отражает, а как бы объединяет в себе миры. Отсюда исходит его царственное положение в мире, однако оно не данность, а результат собственных усилий человека. Таким образом, по природе своей человек есть чистая возможность, потенция. Мир разворачивается из человека и свертывается в нем. Это не бесконечность прямой, а бесконечность точки, замкнутая и централизованная, как в художественных композициях Ренессанса.

Кроме того, следует отметить, что начиная со Средневековья и раннего Возрождения концепция достоинства человека ассоциировалась с конкретны-

ми статусными группами – рыцарей, священников или профессоров университетов, которые возникали в контексте особенностей экономического и политическим развитием государств. Поэтому моральное право, закрепленное за той или иной социальной группой, стало облекаться в юридическую форму. И эта трансформация парадоксальна, поскольку концепция человеческого достоинства изначально защищала интересы высокостатусных, властных групп. Но в итоге под ее защиту попали все остальные группы. Эта новая, довольно абстрактная концепция человеческого достоинства освободилась от корпоративных характеристик. Но самое важное, что произошло в это время и далее на протяжении веков, – источником самоуважения людей стал служить тот факт, что все граждане начинают признавать субъективные права отдельно взятого конкретного человека.

Таким образом, вплоть до XVIII в. трактовка понятия достоинства человека связывалась с представлением о его социальном статусе, приобретенном в силу принадлежности к знатному роду, служебного положения или заслуг перед обществом. Такое толкование опиралось на представление о так называемой социальной цене человека, его звании, чине. Так, Т. Гоббс в «Левиафане» писал, что «общественная ценность человека, то есть та цена, которая ему дается государством, есть то, что люди называют достоинством» [1, с. 257]. Что касается концепции достоинства человека в религии, то она отличалась от светской лишь тем, что здесь речь шла о заслугах человека перед Богом, а не перед обществом. Иными словами, понимание ценности и достоинства человека ставилось в зависимость либо от суммы его действий по преодолению греха и спасению души, либо от потребностей и интересов общества в целом.

Такому релятивистскому представлению о человеческом достоинстве И. Кант, немецкий мыслитель эпохи Просвещения, впервые противопоставляет свое понимание достоинства как абсолюта, не зависящего от внешней выгоды или пользы. В «Основоположениях метафизики нравов» немецкий философ пишет: «Разум относит каждую максиму воли как устанавливающую всеобщее законодательство ко всякой другой воле и так же ко всякому поступку по отношению к самому себе, и при этом не в силу какой-нибудь практической побудительной причины и не ради будущей выгоды, а исходя из идеи достоинства разумного существа, повинующегося только тому закону, какой оно в то же время само себе дает». Более того, противопоставляя понятию достоинства категорию «цены», И. Кант отмечает: «В царстве целей все имеет или цену, или достоинство. То, что имеет цену, может быть заменено также и чем-то другим как эквивалентом; что выше всякой цены, стало быть не допускает никакого эквивалента, то обладает достоинством» [3, с. 212]. Иными словами, обладать человеческим достоинством означает, по И. Канту, быть личностью, уникальной и неповторимой, причастной к подлинной нравственности и способной сделать максиму своего поведения объективным законом воли для всех остальных людей. Основанием достоинства человека, по

И. Канту, выступает автономия воли, а «единственно подходящее выражение для той оценки, которую разумное существо должно дать этому достоинству, это – уважение» [3, с. 213].

Смысл нового понятия достоинства раскрывается И. Кантом сквозь призму категории разума, в формулировках категорического императива, а именно в признании человека автономным существом, полагающим в основании своих поступков всеобщий закон. Так, немецкий мыслитель пишет: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» [3, с. 195]. И далее: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился к нему только как к средству» [3, с. 205]. По И. Канту, «только нравственность и человечество, поскольку оно к ней способно, обладает достоинством» [3, с. 212], поэтому человек, как разумный и моральный субъект, выше всякой цены. Такие факторы этического рассуждения, как представления о счастье, греховности и т. п., не существенны для признания безусловной ценности достоинства человека. Люди, как разумные существа, сами формулируют иерархию ценностей, которые при желании можно заменить, продать или купить, поскольку они все обладают эквивалентом. Сама же личность по своей природе бесценна, ее нельзя отнять у человека и она не зависит от того, к какой социальной группе принадлежит человек, является ли он грешником или праведником, верующим или неверующим.

Более того, в «Критике способности суждения» И. Кант показывает взаимосвязь достоинства человека с понятиями долга и ответственности: «Я хотел бы, чтобы не утруждали молодежь примерами так называемых благородных (сверхдобродетельных) поступков, которыми так изобилуют наши сентиментальные сочинения, и обращали главное внимание на долг и на то достоинство, которое человек может и должен обрести в собственных глазах от сознания того, что он не нарушил долг, так как то, что сводится к пустым желаниям и тоске по недостижимому совершенству, порождает лишь героев романов, которые, хвастаясь своим чувством чрезмерно великого, освобождают себя от исполнения обыденной и обиходной обязанности, которая в таком случае кажется им ничтожно малой. Здесь надо обращать внимание не столько на душевный подъем, который бывает очень непостоянным и преходящим, сколько на подчинение сердца долгу, от чего можно ждать более продолжительного влияния, так как оно приводит к принципу (а душевный подъем – только к отдельным вспышкам)» [2, с. 420].

Важно отметить, что понятие человеческого достоинства неразрывно вплетено в канву кантовской философии истории. С одной стороны, сама природа заставляет, по И. Канту, человечество двигаться в направлении развития самых лучших разумных задатков личности, наставляя людей на путь Просвещения и утверждения «всемирно-гражданского состояния» и вечного мира на всей планете. Утверждение человеком своего достоинства происходит посте-

пенно, по мере создания условий для его нравственного совершенствования. С другой стороны, заложенное природой достоинство в человеке является его универсальной и неотъемлемой характеристикой и служит предпосылкой становления на Земле морально-правового «всемирно-гражданского состояния».

Здесь И. Кант как бы бросает вызов своим потомкам: изменить всю структуру приоритетов политического и социального сознания, сфокусировав его не на власти и национальных интересах, а на понятии достоинства человека и критериях политического и социального действия. Для И. Канта жизненно необходимо, чтобы в обществе были созданы условия возможности поступков, соразмерных представлению о достоинстве человека, поскольку только такое общество может рассчитывать на выживание. В противном случае человечество ожидает неминуемый крах.

Характерно, что если в философии истории И. Канта достоинство человека постулируется как морально соразмерное, то в современном мире понятие достоинства человека выступает уже не только в роли этического принципа, но и как правовая категория. Документы международного права, ряд конституций европейских государств вводят понятие человеческого достоинства как базовый принцип всего конституционного строя. Тем самым оно превращается из универсального постулата моральных поступков в высшее субъективное право каждого отдельного индивидуума, а государство признает себя конституционно обязанным защищать и охранять достоинство человека. Неприкосновенность человеческого достоинства становится главным критерием легитимности утверждения национальных интересов, политических и правовых установлений.

Так, первая статья Всеобщей декларации прав человека гласит: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах». Эти же слова записаны и в первой статье Основного закона Федеративной Республики Германии от 23 мая 1949 г.: «Достоинство человека неприкосновенно. Уважать и защищать его – обязанность всей государственной власти» [8]. В преамбуле Международного пакта о гражданских и политических правах также подчеркивается значимость достоинства человека: «Принимая во внимание, что в соответствии с принципами, провозглашенными Уставом Организации Объединенных Наций, признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира, признавая, что эти права вытекают из присущего человеческой личности достоинства... участвующие в этом пакте государства соглашаются о ниже следующих статьях...» В ст. 10 данного Пакта отмечено: «Все лица, лишённые свободы, имеют право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности». Иными словами, международные механизмы обеспечения и защиты прав человека в современном мире основаны на идее о том, что права людей вытекают из идеи о достоинстве человека.

Связь между человеческим достоинством и правами человека активно обсуждается сегодня не только мыслителями, но и политиками и широкой

общественностью. Известно, что после террористических атак на США 11 сентября 2001 г. в ФРГ был принят закон об обеспечении авиационной безопасности, дававший право государству сбивать захваченный террористами самолет с заложниками в целях сохранения жизни людей, находящихся на земле. Однако в 2006 г. Конституционный Суд Германии признал этот закон неконституционным. Суд постановил: нельзя ради безопасности людей, находящихся на земле и подвергающихся угрозе, жертвовать жизнью людей на борту авиалайнера. И если государство решается на то, чтобы уничтожить самолет, то его действия умаляют человеческое достоинство пассажиров и нарушают известную максиму Канта: «Никогда не относись к человеку только как к средству, но всегда и как к цели».

Здесь следует обратить внимание на то, что нередко данный категорический императив интерпретируют исключительно в духе альтруизма, подчеркивая ценность человека как цели. Однако Кант в своей формулировке четко дал понять, что на практике средство от цели неотделимо.

Философская концепция человеческого достоинства получила широкое распространение и законодательное закрепление в документах международного уровня и национальных конституциях после Второй мировой войны. Массовые преступления против человечности, совершенные нацистским режимом, поставили в фокус внимания мирового сообщества не только проблему защиты прав личности, но и вопрос защиты человеческого достоинства [4].

Концепция человеческого достоинства является ключом, логической связью между важнейшими правами человека, связанными с его личной неприкосновенностью, свободой экономической деятельности (включая защиту прав собственности) и свободой вероисповедания. Именно эти права призваны не допустить вмешательства государства в частную жизнь людей.

Вместе с демократическими правами, которые гарантируют участие граждан в деятельности государства, они образуют так называемый пакет классических гражданских прав. Однако не все люди имеют возможность воспользоваться им в равной степени. Личность может формировать свою индивидуальность в конкретной культурной среде и не быть дискриминируемой только при условии, что частные и экономические права человека достаточно защищены и гарантированы государством.

Но если люди признают права друг друга, значит ли это, что и достоинство разных людей весит одинаково? Да, потому что люди в таком обществе начинают ценить не статус человека, складывающийся в системе вертикальных связей, а достоинства отдельной личности и ее вклад в сообщество людей. Так, на смену представлению о превосходстве одного человека над другим пришла концепция абсолютной ценности личности и ее уникальности.

Важно заметить, что борьба за права и достоинства человека продолжается сегодня по всему миру. Каждый раз, когда человека преследуют за политические убеждения, сажают за это в тюрьму или депортируют из страны, государство умаляет его человеческое достоинство. Страдание людей, подвергаю-

щихся гонениям, лишениям и дискриминации, не есть их естественный удел. Обязанность государства – уважать достоинство каждого человека. Всеобщая декларация прав человека, инкорпорированная в конституции многих стран, накладывает на институт государства юридическую ответственность за нарушение этих прав. Примеры того, как государство умаляло достоинство человека – особенно во времена войн и политических репрессий, – навсегда отпечатались в коллективной памяти человечества.

Ханна Арендт (1906–1975), известнейший немецко-американский философ и политолог XX в., в своем произведении «Истоки тоталитаризма» последовательно показывает, что в тоталитарных обществах дисбаланс в пользу публичности предельно расширяет границы вмешательства государства в жизнь человека, до минимума сводя возможности проявления человеком себя в приватной сфере. Более того, по ее мнению, тоталитаризм стремится не к деспотическому господству над людьми, а к установлению такой системы, в которой люди совершенно не нужны. Сама система приобретает первостепенную значимость по отношению к индивиду. Поэтому когда речь заходит о современном человеке, живущем в посттоталитарном мире, Х. Арендт рекомендует и на уровне теоретической рефлексии, и на уровне активной политико-практической и нравственно-коммуникативной деятельности стремиться к созданию такого модуса существования, который гарантировал бы в первую очередь человеческое достоинство.

Последователем кантовского учения о достоинстве человека в современном философском дискурсе является Ю. Хабермас. Так, на Международной конференции в Москве, приуроченной к 80-летию Института философии РАН, он выступил с пленарным докладом на тему «Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека» [7, с. 66–81], где показал взаимосвязь кантовской трактовки достоинства человека с правовыми и моральными нормами в современном мире. Нормативным истоком современных базисных прав человека является идея человеческого достоинства. Эта идея подразумевает, что права укоренены в универсальном содержании морали. По самой своей правовой сущности они призваны служить защите человеческого достоинства, что имеет своей необходимой коннотацией, с одной стороны, самоуважение, с другой – социальное признание международного статуса демократического гражданства. Отсюда, по Хабермасу, необходима соотнесенность с понятием реалистической утопии, целью которой является осуществление социальной справедливости, присущей самим институтам демократического конституционного государства.

Конечно, такой подход к утверждению базовой ценности достоинства человека сегодня все еще характерен большей частью для европейского континента. Западу противостоит «азиатский» тип социальности, который по самой своей природе не благоприятствует формированию личности. Основная особенность «азиатского» типа социальной организации – в социальной роли общественности, и прежде всего, олицетворяющей ее власти как гаранта

и самого смысла общественного воспроизводства. Власть выступает здесь как особая сила, фактически превращающая социум в условие своего существования. Однако, как показал И. Кант, достоинство невозможно без свободы, а свобода прежде всего не совместима с неполной выделенностью индивида из любого вида природной или исторической общности.

Что касается духовного состояния современного общества, то здесь на протяжении длительного времени наблюдается неуклонная тенденция к разрушению общественной морали и как следствие – забвение понятия человеческого достоинства. Средства массовой информации в погоне за материальной выгодой каждый день предлагают новую сенсацию, в основе которой чаще всего – человеческий порок, по своей природе более разнообразный и привлекательный, чем добродетель. При помощи рекламы происходит ежедневное манипулирование человеческим сознанием и навязывание людям ценностей, порой открыто противоречащих основным принципам нравственности. Предательство, унижение и оскорбление сегодня стали скорее нормой, нежели отклонением от нее, и те, кто боятся выглядеть «несовременными», всеми силами стараются эту новую норму утвердить. А ведь первоисточник всего бесконечного величия «звездного неба надо мной» скрыт исключительно в сознании достоинства своей личности, «нравственного закона во мне». Таково подлинное самоощущение человека, для которого И. Кант нашел точную формулу и которое настойчиво уничтожается господствующей пошлостью современного «общества потребления». Не случайно само слово возвышенное (не говоря уже о безнадежно архаически звучащей «добродетели») исчезло из нашего языка, изгнанное настоящим культом всего низменного. Если бы ценность жизни измерялась суммой удовольствий, как это и внушает нам современная «массовая культура», то она упала бы «ниже нуля». Спустя двести лет после И. Канта становится все более ясным следующее: пока достоинство человека сохраняет свое место лишь в предварительных статьях конституций, торжественных речах руководителей стран и в попытках оправдать агрессивные войны, тогда как на самом деле сегодня человек, может быть еще больше, нежели во времена И. Канта, рассматривается с точки зрения его рыночной цены и его пригодности в качестве средства, – до тех пор нет никаких оснований придерживаться кантовского умеренного оптимизма относительно возможностей разума в наше время.

«Человека потребления» сегодня настолько захватила погоня за удовольствием, что тот уже перестал замечать вокруг себя ценности, которые невозможно купить или продать. А ведь мир, в котором все покупается и продается, по И. Канту, – это мир природы, в котором нет свободы, а значит, нет и человеческого достоинства. В «Основоположениях метафизики нравов» немецкий философ пишет о том, что нет ничего хуже для морали, когда в качестве ее основания выступает эмпирический принцип счастья [3, с. 163–164]. В таком случае все разумные силы человека были бы направлены на удовлетворение собственных инстинктов и человек ничем не отличался бы от животного.

В свою очередь, понятие человеческого достоинства говорит нам об особой ценности человека именно в силу возможности его свободного утверждения вопреки обстоятельствам и инстинктивным желаниям самого человека.

Как показывает практика, симуляция свободы посредством подмены долга выгодой и возведение принципа выгоды во всеобщность могут временно заглушить задатки добра в человеке и дезориентировать его. Однако нравственное начало, согласно кантовскому анализу, составляет саму субстанцию личности человека, и поэтому неискоренимо и может исчезнуть лишь вместе с ним. Такое понимание универсального характера природы человека и его достоинства дает людям надежду на то, что объективная логика самого хода событий и фундаментальный характер подлежащих разрешению противоречий, связанных с духовным кризисом современного общества, рано или поздно подвигнут людей на разумное преодоление собственных слабостей и пороков с целью сохранения человеческого рода на Земле.

Литература

1. Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс. – М.: Мысль, 2001. – 478 с.
2. Кант, И. Критика практического разума / И. Кант // Собр. соч.: в 8 т. / И. Кант; пер. с нем. – М., 1994. – Т. 4: Пролегомены; Основоположения метафизики нравов; Метафизические начала естествознания; Критика практического разума. – С. 373–566.
3. Кант, И. Основоположения метафизики нравов / И. Кант // Собр. соч.: в 8 т. – С. 153–247.
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп. от 21 сент. 1970 г., 20 дек. 1971 г., 1 янв. 1990 г., 6 нояб. 1990 г., 11 мая 1994 г.) // Бюл. междунар. договоров. – 2001. – № 3.
5. Манетти, Д. О достоинстве и превосходстве человека / Д. Манетти // Итальянское возрождение. Гуманизм второй половины XIV века – первой половины XV века.
6. Мирандола, Пико делла. Речь о достоинстве человека / Пико делла Мирандола // Эстетика Ренессанса: в 2 т. / сост. В. П. Шестоков. – М., 1981. – Т. 1.
7. Хабермас, Ю. Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека / Ю. Хабермас // Вопросы философии. – 2012. – № 3. – С. 66–81.
8. 100 ключевых документов по германской истории 20 века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.100dokumente.de/index.html/index.html?c=dokument_de&dokument=0014_gru&object=translation&l=ru. – Дата доступа: 21.03.2014.

КАТЕГОРИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

*Н. Г. Севостьянова,
кандидат философских наук, доцент*

Интеллектуальный вызов современному обществу, необходимость укрепления нравственного потенциала достоинства личности в его взаимосвязи с правами человека, реализация возможности их отождествления – эти вопросы выдвигаются сегодня на ключевые позиции в социальной практике и философ-

ском дискурсе. Объективные контексты глобализации и интеграции в современном «технократическом» (Д. Белл), «информационном» (М. Кастельс), «индивидуализированном» [1] «обществе риска» [2] в условиях жизни «после добродетели» [16] высвечивают драматический опыт попрания человеческого достоинства, умаления его нравственной силы.

Негативные трансформации достоинства и прав личности во многом детерминированы кризисом основных социальных и нравообразующих институтов (семьи, государства, церкви) в глобальном и локальном масштабах; сопряжены с антропологическим кризисом как сдвигом сущностной природы человека.

Так, «сетевые» надгосударственные и надкультурные контексты глобализации носят объективный и стихийный характер с заметным усложнением экономических процессов, социальной нестабильностью, духовной маргинальностью. Это ведет к неопределенности жизненного мира человека и социальной незащищенности граждан, разрушает нравственные ограничения, без которых немислимо достоинство личности; проблематизирует ценности свободы и ответственности как основу прав человека [22, 24]. Мировой кризис семьи порождает ее новоявленные и экзотические формы, в которых стерты социальные роли, утрачена ответственность за совместное бытие, рождение и воспитание детей.

Происходит «децентрация» личностной сути к маргинальным краям, в лучшем случае к «горизонтам». Человек познающий превращается в человека информированного, плохо понимающего смысл знания. Человек созидательный творит в «токсичной», «бросовой» среде, подавляя и презирая идеалы ввиду их ненужности и удаленности от «мутной» повседневности. Человек верующий «самоликвидируется» в секулярном обществе, где нередко глумятся над самоценностью и достоинством личности [21].

Актуальные исследования жизненного мира человека и общества выявляют различные принципы, уяснение которых способствует преодолению рисков, угроз и вызовов современности. В этом качестве были обозначены, в частности, «принцип надежды» (Ю. Мольтманн), «принцип доверия» (Ф. Фукуяма), «биографическое разрешение системных противоречий» (У. Бек), «индивидуализация как судьба, а не выбор» (З. Бауман), «принцип ответственности как идея новой практической философии технологической цивилизации» (Г. Йонас), «ответственность как основоположение этики ценностей, ее интерпретационный принцип» [10], «концепт человеческого достоинства» (Ю. Хабермас).

Такие акты международного права, как Устав ООН (1945), Всеобщая декларация прав человека (1948), Международные пакты о правах человека (1966) сообщают, что «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве» (ст. 1 Всеобщей декларации прав человека).

«Эхо кантовского категорического императива» [28] – достоинство личности – изучают как моральный исток, который имплицитно присутствует и по содержанию питает все базисные права человека [4, 8, 9, 15, 19, 20, 27–29].

Понятие и явление нравственного достоинства личности рассматривают как процесс и результат конституирования человека вообще. По определению даже если социальный субъект безнравственен (мораль вездесуща), человек самоценен, как самоценна и его жизнь. Это должное, пребывая в антиномии с сущим, фундирует права человека, но и затрудняет их реализацию в конкретной социальной действительности.

Ю. Хабермас, автор принятой в современной социальной и политической философии методологической стратегии – парадигмы коммуникативного действия, которая «возвращает» мораль как в систему (государство), так и в жизненный мир человека (гражданское общество), – утверждает, что достоинство представляет собой высший ранг ценности на службе интегративной концепции прав человека. Достоинство – это сейсмограф политической общности; это портал, через который эгалитарно-универсалистское содержание морали импортируется в право; это понятийный шарнир, который соединяет мораль равного уважения к каждому с демократическими правами деклараций [28]. Научная дискуссия по поводу статьи Ю. Хабермаса «Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека» уже принесла свои значимые результаты.

В связи с этим Л. Ф. Евменов отмечает, что «идея и понятие достоинства человеческой личности отражают нечто более сложное, то есть явление достоинства личности» [7, с. 62]. «Достоинство человеческой личности – это ее мироощущение как творца цивилизации, выражающееся в притязаниях и долженствовании человека окружающей действительности, государству и обществу, к себе самому и другому, обнаруживающееся в его чувствах, идеях и понятиях, действиях и поступках» [7, с. 63]. Явление достоинства личности неразрывно связано с правами человека, которые выступают как моральная (декларация), юридическая (кодификация), социальная (реализация) реальность [8].

Солидаризируясь с данными дефинициями и недискуссионным утверждением о достоинстве как моральной предпосылке базисных прав человека, рассмотрим категорический императив достоинства личности в плане насущного требования современности и в русле этики долженствования И. Канта сообразно трем определениям категорического императива в трудах философа «Основы метафизики нравственности», «Критика практического разума», «Об изначально злом в человеческой природе», «Метафизика нравов». Выявим нравственно-возвышающую суть достоинства личности и антиподы нравственного достоинства и прав человека («социально-нравственные негативы») в связи с онтологическими и гносеологическими основаниями достоинства как общезначимого морального закона, как цели самой по себе, как акта самоуважения и уважения и свободной воли.

«Совершенное творение истинно великого духа вечно будет производить глубокое и проникновенное действие на все человечество, – настолько мощное, что нельзя предсказать, на сколь отдаленные времена и страны будет простираться его просветляющее влияние» [30, с. 662], – писал А. Шопенгауэр

о значении творчества И. Канта в приложении «Критика кантовской философии» к труду «Мир как воля и представление». В советском кантоведении и прежде всего в работах В. Ф. Асмуса, А. А. Гусейнова, О. Г. Дробницкого [5, 6], И. С. Нарского, Э. Ю. Соловьева также отмечены «глубина этической теории», систематичность, общий морально возвышенный дух учения И. Канта [3]. Критике подвержены автономность морального законодательства и его невыводимость ни из государственных установлений, ни из божественных предписаний, потому что «мораль довлеет сама себе». Раскрыты формализм, метафизичность, неисторичность этики И. Канта; ее безусловная императивность и неосуществимость требуемого; сочетание духовной силы и практического бессилия; дистанцирование морали от права; выведение религии из морали. Как «немецкая теория французской революции» философия И. Канта содержит протест против унижения человеческого достоинства в условиях абсолютистских режимов и принимает форму общезначимого закона [3]. В этом плане в марксистской критике предупреждают о возможной реакционности новых переинтерпретаций творческого наследия мыслителя [17]. Как бы то ни было, этика И. Канта превосходит моральную философию как адептов-неокантианцев, так и оппонентов.

Вездесущность морали (нравственности) и нравственное достоинство личности

Беспрецедентное обоснование И. Кантом феномена и ноумена морали, основных категорий этики остается современным. Так, разработанное мыслителем понятие человеческого достоинства рефлектирует ситуацию современных обществ, где отсутствует единый содержательный порядок ценностей [28]; невозможна общечеловеческая мораль, но есть общая линия развития и смены моральных систем.

В дальнейших рассуждениях понятия «мораль» и «нравственность» применяются как равнозначные, что соответствует лексической этимологии данных слов. Древнегреческое *ethos* (нрав, обычай) в переводе на латинский язык дает *mos, mores, moralis* (нравственный). Следовательно, в первоначальном значении «этика», «мораль», «нравственность» – разные слова, но один термин, смысловая калька. Затем мораль (нравственность) становится предметом изучения этики как науки. Попытки разграничения понятий «мораль» и «нравственность» не вышли за рамки академических опытов, однако следует упомянуть, что Г. В. Ф. Гегель соотносил мораль с умyslom, виной и намерениями, а нравственность – с семьей, гражданским обществом и государством.

Мораль (нравственность) рассматривается как форма общественного сознания и социальный институт, выполняющий функцию регулирования поведения человека в обществе; как императивный, нормативный, оценочный феномен; как внутренняя осмысленность жизни, соединяющая личностный смысл с высшим смыслом.

В отличие от основных типов нормативной регуляции (право, обычай, традиция) требования нравственности (как и обычаи) формируются в практике массового поведения и общения, являются отображением культурного опыта, выступают внеинституциональным способом управления, поддерживаются силой «неписаного» закона. Однако императивный характер морали, «специфически моральная форма детерминации – долженствование» [5, с. 378], свободное самоопределение жизнедеятельности и многое другое отличают ее от прочих форм нормативной регуляции. Достаточно назвать такие существенные свойства морали, как безличный характер требования, равенство всех людей в нравственном отношении, универсальность норм, личностный выбор, незаинтересованность мотивации поведения, чтобы оставить иллюзию их совмещения в общеприемлемом понятии морали. Ее всепроникающий характер раскрывается в значениях «общественное, традиционное, идеологическое, духовное, психическое, внутренняя настроенность, проповедь, нравочужение, житейский опыт» [5, с. 21].

Другими словами, дефиниция морали остается открытой проблемой философского знания, хотя и получен компендиум, руководствуясь которым можно сориентироваться в сути уникального феномена. Осмысление морали производится по каналам культурно-исторического опыта и в практической моральной философии. «Так или иначе происходит взаимопроникновение того и другого – освоение теорией обыденного морального опыта и обратное воздействие первой на второй» [5, с. 217]. Однако неразрешимая исследовательская задача состоит в том, чтобы соотнести «теоретическое выведение» и жизненный опыт человека «посредством осознания единых истоков», из которых они возникают. Здесь мораль интерпретирована как всепроникающая (всеобъемлющая, всекомпетентная, вездесущая) форма духовности; функциональный феномен: сторона, срез, аспект всякого рода сознания, деятельности и отношений. Так все виды достоинства и прав человека как субъекта морали приобретают нравственный характер в обществе, моральность которого поддерживается неписанным законом [6].

Согласно И. Канту, «для себя самой мораль не нуждается в религии; благодаря чистому практическому разуму она довлеет сама себе, так как ее законы обязывают через одну лишь форму всеобщей законосообразности принимаемых в соответствии с ней максим как высшего условия всех целей» [13, с. 463]. «Мораль неизбежно ведет к религии, благодаря чему она расширяется до идеи обладающего властью морального законодателя вне человека, в воле которого конечной целью мироздания служит то, что может и должно быть также конечной целью человека» [13, с. 466–467]. «Из всего практического познания моральные законы вместе с их принципами не только отличаются от всего прочего, в чем заключается что-то эмпирическое, но вся моральная философия всецело покоится на своей чистой части. Будучи применима к человеку, она ничего не заимствует из знания о нем (из антропологии), а дает ему

как разумному существу априорные законы, которые еще требуют способности суждения» [14, с. 160].

Таким образом, «мораль сама себе довлеет», она автономна, и в этом смысле не нуждается ни в религии, ни в праве, а человек «как цель самое по себе», «как субъект морально практического разума, выше всякой цены, т. е. он обладает некоторым достоинством (некоей абсолютной внутренней ценностью), благодаря которому он заставляет все другие разумные существа на свете уважать его, может сравнивать себя с каждым другим представителем этого рода и давать оценку на основе равенства». «Принадлежность к роду человеческому (*die Menschheit*) само уже достоинство; ибо ни один человек не может пользоваться другим человеком как средством, он всегда должен в то же время быть целью, и именно в этом состоит его достоинство (личность), благодаря которому он стоит выше всех остальных живых существ» [12, с. 829, 861].

В современной философии нравственное достоинство личности рассматривается как «этическая категория, выражающая абсолютную ценность человека как разумно-социального существа». «Достоинство – это форма самосознания, самооценки и самоконтроля личности, один из способов осознания своей ответственности перед другими и самим собой» [26, с. 147]. Это индикатор самооценки личности и мотивационное основание индивидуального поведения. При этом «признание достоинства «другого» – обязанность и нравственный долг человека в той же степени, как и долг другого по отношению к нему. Это, с одной стороны, следствие свободы человека в выборе жизненных ориентаций, с другой – стимул к отстаиванию своей свободы, основание достижения свободы самопроявления. Сохранение и упрочение личного достоинства возможно для человека лишь через признание прав на уважение достоинства других людей» [26, с. 148]. «Умаление достоинства своей личности противоположно долгу перед самим собой» [12, с. 830].

В результате самоуважение и общественное признание выступают теми измерениями достоинства личности, которые напрямую увязывают его с правами человека. Однако притязания на общественную значимость должны быть следствием позитивной социальной деятельности «человека как творца» [7, 8] и его адекватной самооценки. Общественный нравственный потенциал также должен быть достаточно высоким для действительного признания достоинства человека и обеспечения реализации его декларированных прав. Подобная мера в контексте кантовской антиномии должного и сущего неизбежно нарушается и приводит к объективному и субъективному, всеобщему и единичному, позитивному и негативному, конструктивному и деструктивному, внутреннему и внешнему, качественному и количественному, возможному и действительному бытию и пониманию нравственного достоинства личности.

Семантика прежних и современных учений о человеческом достоинстве была связана с представлением о социальном статусе личности. Достоинство человека определялось в основном обществом и государством в зависимости

от социальных потребностей и интересов [18]. Оно и сегодня часто рассматривается как количественная величина, приписываемая определенной группе людей в силу их заслуг и социальной цены [10].

Именно такому относительному подходу к пониманию нравственного достоинства И. Кант противопоставил понятие о достоинстве человека как абсолютной ценности. «Так же как человек не может отдать себя ни за какую цену (что противоречило бы долгу самоуважения), точно так же он не может поступить против столь же необходимого уважения к другим людям, т. е. он обязан практически признавать достоинство человечества во всех других людях. На человеке лежит долг, связанный с уважением, которое необходимо следует оказывать всем другим» [12, с. 861]. «Уважение, которое я питаю к другим или которое другие могут потребовать от меня, есть, следовательно, признание достоинства (*dignitas*) в другом человеке, т. е. достоинства, не имеющего ни цены, ни эквивалента, по которому можно выменять объект почитания» [12, с. 860].

И. Кант «Об изначально злом в человеческой природе»

Подмечая «хрупкость человеческой природы» и «слабость человеческого сердца» [13, с. 487], мыслитель утверждает, что человеку «лучше полагать в основу всеобщую формулу категорического императива: поступай согласно такой максиме, которая в то же время сама может стать всеобщим законом» [14, с. 215].

Характерно, что человек, согласно И. Канту, принадлежит двум мирам – чувственно воспринимаемому и умопостигаемому. Представления человека имеют только два источника – либо чувственность (склонность), либо практический разум (воля, долг, закон). Источник зла (антипод достоинства) находится не в природе человека, а в свободном принятии общезначимого закона в максиму (субъективный закон) своего поведения. «Только моральный закон сам по себе есть мотив в суждении разума, и тот, кто делает его своей максимой, морально добр» [13, с. 481]. Ведь если зло имеет свой источник в природе человека, то человек не ответственен за него. Невозможно отвечать за то, от чего нельзя отказаться. По большому счету, когда снимается ответственность, появляется *adiaphora* (неразличение добра и зла). «Для учения о нравственности вообще очень важно не допускать никакой моральной середины ни в поступках (*adiaphora*), ни в человеческих характерах, так как при такой двойственности всем максимам грозит опасность утратить определенность и устойчивость» [13, с. 479].

«Если мы говорим: человек по природе добр или он по природе зол, то это значит только то, что он имеет в себе первое основание признания добрых или признания злых максим, и притом как человек вообще» [13, с. 478–479]. Соотношение злого и доброго принципа следует рассматривать как соотношение двух самостоятельных и влияющих на человека действующих причин. «Ан-

тропологическое исследование дает нам право приписывать человеку один из этих двух характеров как прирожденный» [13, с. 483].

Рассуждая «о первоначальных задатках доброго в человеческой природе», И. Кант делит их «на три класса как элементы определения человека: 1. Задатки животности человека как живого существа. 2. Задатки человечности его как существа живого и вместе с тем разумного. 3. Задатки его личности как существа разумного и вместе с тем доступного вменению» [13, с. 483]. Эти задатки «первоначальны, так как требуются для возможности человеческой природы. Под предрасположением я понимаю субъективное основание возможности той или иной склонности (привычных желаний), поскольку она для человечества вообще случайна. Оно отличается от задатков тем, что может быть прирождено человеку, его можно мыслить (если оно доброе) как благоприобретенное или (если оно злое) как нажитое самим человеком. Между предрасположением и склонностью находится инстинкт. Выше склонности – страсть, которая исключает всякую возможность владеть собой» [13, с. 486].

Так определяются негативные проявления, антиподы нравственного достоинства как абсолютной ценности человека вообще и конкретного человека. «Задатки животности в человеке можно подвести под общую рубрику физического и чисто механического себялюбия, т. е. такого, для которого не требуется разум. Они тройкого вида: во-первых, стремление к самосохранению; во-вторых, к продолжению рода своего через влечение к другому полу; в-третьих, к общению с другими людьми. Их можно назвать пороками естественной грубости, и при наибольшем отступлении от целей природы они становятся скотскими пороками: обжорства, похоти и дикого беззакония» [13, с. 484].

«Задатки человечности можно подвести под рубрику сравнительного себялюбия (для чего требуется разум). Отсюда склонность добиваться признания своей ценности во мнении других, и притом первоначально лишь ценности своего равенства с другими: никому не позволять превосходства над собой... Отсюда прямо возникает несправедливое желание добиться превосходства над другими. Так возникают ревность и соперничество, открытая враждебность против всех. Эти пороки могут называться и пороками культуры, например, завистью, неблагодарностью, злорадством и т. д., могут быть названы дьявольскими пороками» [13, с. 484–485].

«Задатки личности – это способность воспринимать уважение к моральному закону как сам по себе достаточный мотив произвола. Свойством такого произвола служит добрый характер. Но для возможностей этого все же должны существовать задатки в нашей природе, которым никак не может быть привито что-либо злое» [13, с. 485].

«Когда мы названные три вида задатков рассматриваем с точки зрения их возможности, то мы находим, что первый не коренится ни в каком разуме, второй коренится в подчиненном другим мотивам разуме, и только третий сам по себе коренится в практическом, т. е. безусловно законодательствующем»

щем, разуме. Все эти задатки в человеке не только добры (не противоречат моральному закону)» [13, с. 485], но и содействуют исполнению морального закона.

Рассматривая «предрасположение к злumu в человеческой природе», возникающее из способности не принимать моральный закон в свою максиму, И. Кант называет его добрым или злым сердцем. Это означает «смешение неморальных мотивов с моральными», «отсутствие чистоты», «злонравность человеческой природы», «испорченность и извращенность человеческого сердца». «Хрупкость человеческой природы» выражена уже в сетовании апостола: хочу доброе, но совершить его не могу. Кроме того, моральный «образ мыслей бывает извращен в корне, и поэтому человек называется злым». Характерно и то, что «между человеком добрых нравов (*bene moratus*) и нравственно добрым человеком (*moraliter bonus*) нет никакого различия» [13, с. 488], поскольку первый соблюдает букву морального закона, а второй – дух этого закона.

Следовательно, «суждение *человек зол* выражает то, что человек сознает моральный закон и тем не менее принимает в свою максиму отступление от него». «Для нас хорошим кажется уже и человек, злое в котором не выходит за обычные рамки... и человек видит достаточно пороков культуры и цивилизации, чтобы решить: лучше не глядеть на поведение людей, дабы самому не впасть в другой порок, а именно в человеконенавистничество» [13, с. 490, 492]. И. Кант подчеркивает, что «причину злого нельзя усматривать в чувственности человека и возникающих отсюда естественных склонностях. Нельзя усматривать в испорченности разума» [13, с. 493], потому что, в силу моральных задатков, закон действует на человека неотразимо. Однако в силу естественных задатков человек принимает чувственность в свою максиму. «Различие между тем, добрый ли человек или злой, заключается не в различии между мотивами, которые он принимает в свою максиму, а в субординации мотивов. Он переворачивает их нравственный порядок, делает мотивы себялюбия условием соблюдения морального закона, тогда как последний должен быть принят в максиму как единственный мотив» [13, с. 495].

Показывая «восстановление в силе первоначальных задатков доброго», И. Кант отмечает: «Если человек в моральном смысле бывает или должен быть добрым или злым, то он сам себя должен делать таким... Он становится добрым или злым в зависимости от того, принимает ли он в свою максиму те мотивы, которые заключаются в задатках, или нет». Несмотря на отпадение, «заповедь *мы должны стать лучше*, не ослабевая, звучит в нашей душе. Следовательно, мы должны также и мочь сделать это. Мы делаем себя способными принять непостижимое высшее содействие» [13, с. 504, 505].

В современной философской антропологии, основоположником которой признан соотечественник И. Канта М. Шелер (1874–1928), человек рассматривается как уникальная индивидуальная проекция природы (микрокосмос), общества и культуры (микросоциум), Бога (микротеос). При этом противоречия человека и личности как его интегральной социальной характеристики

настолько непреодолимы, что человек остается проблемой сам для себя, и вопросы, а не ответы составляют его сущность и нравственное достоинство. Многочисленны отрицательные определения человека, в которых отмечается его несводимость, неповторимость, непредсказуемость, незаменимость, неопределенность, невыразимость, безопорность.

«То, что мир во зле лежит, – это жалоба, которая так же стара, как история. Тем не менее, у всех мир начинается с добра – с золотого века. Но это счастье скоро исчезает как сон, и впадение в злое (моральное, с которым всегда в ногу идет и физическое) ускоренным шагом торопится к худшему» [13, с. 476]. Гораздо менее распространено мнение педагогов и моралистов, добавляет И. Кант, согласно которому «мир беспрестанно идет от плохого к лучшему». В итоге человека и нравственное достоинство человека можно и нужно помыслить, потому что человек вообще по определению живой, познающий, страдающий, любящий, верующий [23].

Три формы императива нравственного достоинства личности

Логический каркас моральной философии И. Канта как учения о категорическом императиве, в том числе императиве нравственного достоинства личности, составляют понятия «склонность», «воля», «долг», «практический разум», «закон», «максима», «мотив», «уважение».

Воля есть способность выбрать то, что разум независимо от склонности признает практически необходимым, т. е. добрым. Объективные основания воли (законы) общезначимы, а субъективные (максимы) случайны. «Максима есть субъективный принцип воления» [14, с. 172]. Максимой жизни И. Кант называет моральное достоинство человеческой личности и утверждает, что если человек сохраняет свою жизнь «не по склонности или из страха, а из чувства долга, – тогда его максима имеет моральное достоинство». Однако «максиме не хватает нравственного достоинства, и именно совершать такие поступки не по склонности, а из чувства долга» [14, с. 169, 170], несмотря на то, что человек отличается от животных бытием по долгу, а не склонности. «Под долгом разумеется практически безусловная необходимость поступка; следовательно, он должен иметь силу для всех разумных существ» [14, с. 201]. Через долг утверждаются и всеобщность морального закона, и внутреннее достоинство личности. Долг императивен как представление об объективном принципе, принудительном для свободной воли.

В соответствии с тремя условиями возможности безусловного повеления И. Кант выделяет три основные формы категорического императива.

Во-первых. «Существует только один категорический императив, а именно: поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом». «Всеобщий императив долга: поступай так, как если бы максима твоего поступка посредством твоей воли должна была стать всеобщим законом природы» [14, с. 196, 197].

Во-вторых. «Практическим императивом будет следующий: поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству» [14, с. 206].

В-третьих. «Идея воли каждого разумного существа как воли, устанавливающей всеобщие законы» [14, с. 209].

«Категорический императив может быть выражен и так: поступай согласно максима, которые в то же время могут иметь предметом самих себя в качестве всеобщих законов природы» [14, с. 216].

Единым для всех трех форм категорического императива как сути морали и нравственного достоинства личности является то, что требование в них относится не к поступкам, а к максима как субъективным основаниям воли. «Нельзя было бы придумать для нравственности ничего хуже, чем если бы хотели вывести ее из примеров». «Спускаться до ходячих понятий очень похвально, если перед этим мы поднялись до принципов чистого разума» [14, с. 181, 182], – утверждает И. Кант. Правда, в тексте работ по метафизике нравственности все же есть редкие примеры (о человеке, которого нужда заставила взять деньги взаймы без возможности их возврата) безнравственного содержания поступков. Но ни в одной из форм категорического императива нет указания на конкретное содержание поступка. Дан принцип, из которого поступок следует, а главный смысл отношения императива к поведению выражен в слове «так». Это и есть мера противоречия должного и сущего как имманентная характеристика и движущая сила развития морали, которая помогает понять картину морали вообще.

И. Кант подчеркивает, что «все максимы имеют 1) форму, которая состоит во всеобщности; 2) материю, а именно цель, и тогда формула гласит: разумное существо как цель по своей природе должно служить каждой максиме ограничивающим условием всех произвольных целей; 3) полное определение всех максим» [14, с. 214–215].

Императивы выражаются через долженствование и повелевают либо гипотетически, либо категорически. Первые представляют практическую необходимость возможного поступка как средство к чему-то другому, вторые означают повеления цели. «Кант первым развел принципы общественной целесообразности и нравственного долженствования» [5, с. 98], – отмечает известный советский исследователь понятия морали О. Г. Дробницкий. Требования морали безусловны и самодостаточны. С одной стороны, они имеют объективное значение; с другой стороны, являются субъективными, поскольку свободно выбираются и интериоризируются личностью. «Суть разрешения проблемы в том, что каждый из этих моментов отнюдь не является абстрактно-всеобщим положением, имеет значение лишь в системе взаимно соотносенных характеристик, в рамках целостной структуры понятия нравственности» [5, с. 118], личности и общества.

В соответствии с тремя формами категорического императива возможно выявить три формы императива нравственного достоинства личности. Во-первых, достоинство как долг самоуважения (в результате следования всеобщему моральному закону) и долг уважения (к закону и другим людям). Во-вторых, достоинство как безусловная ценность человека и человечества. В-третьих, достоинство как добровольность поступков.

Антиподы нравственного достоинства личности и прав человека

Идея личного достоинства выражает логику не только морального, но и аморального сознания. Важнее другое – безусловная ценность личности, которая оставляет в тени, делает менее существенными конкретные проявления безнравственности.

В связи с первой формой категорического императива следует отметить, что законы морали «повелевают безусловно и делают долг предметом глубочайшего уважения. Все люди могли бы довольствоваться этим, если бы они придерживались только предписания чистого разума в законе, что бы ни было с их земной жизнью... и даже если бы в ней никогда не совпадали счастье и достоинство» [13, с. 467]. Моральный закон обладает достоинством, т. е. безусловной, несравнимой ценностью. Единственно подходящее выражение для той оценки, которую разумное существо должно дать этому достоинству, – это слово «уважение». «Под уважением подразумевается не просто чувство, возникающее из сравнения нашего собственного достоинства с достоинствами других, а только максима ограничения нашего самоуважения достоинством человечества в лице другого». «Долг свободного уважения к другим аналогичен правовому долгу – никого не лишать его *свое*» [12, с. 845–846]. «Долг человека перед самим собой – в соответствии между максимами воли человека и достоинством человечества в его лице» [12, с. 812]. Природа человека достаточно благородна для того, чтобы возвести в правило для себя эту идею, но в то же время слишком слаба, чтобы ей следовать.

«Пороки, противостоящие этому долгу: ложь, скупость и ложное смирение (раболепие). Эти пороки противоречат характеру людей как моральных существ, т. е. внутренней свободе, прирожденному достоинству человека» [12, с. 812–813].

Нравственное достоинство человека выступает таким показателем качества его бытия, которое сопровождается противоречиями из-за своеобразного переживания и самосознания собственной ценности. Зачастую внешняя демонстрация нравственного достоинства является симуляцией человека, странно понятным предназначением, но задает определенный подход к восприятию данного человека. Разрыв с принципами гражданского общежития и правами человека, ущербная социализация и недостаточная социальная адаптация, размытая идентичность порождают антиподы нравственного достоинства личности.

«Две группы социально-нравственных негативов детерминируют безнравственность. Первая – принуждение, подневольное состояние, диктатура и тирания, угнетение и насилие, государственный (и иной) терроризм, политические репрессии, преследование и месть, уголовное преследование по политическим основаниям. Вторая – такие антинравственные силы, как угрозы, страх, нужда, зависимость, несправедливость, обман, ложь, клевета, ущемление истины, преследование за правду, за инакомыслие» [7, с. 66].

Вторая форма категорического императива связана с идеей человека и человечества как цели самой по себе. «В царстве целей все имеет или цену, или достоинство. То, что имеет цену, может быть заменено также и чем-то другим как эквивалентом; что выше всякой цены, то обладает достоинством. Моральность же есть условие, при котором только и возможно, чтобы разумное существо было целью самой по себе. Только нравственность и человечество, поскольку оно к ней способно, обладают достоинством» [11, с. 212–213].

Именно в запрете инструментального обращения с человеком и в идее свободы как автономии (третья форма категорического императива) дано минимальное требование отношения к другому как к моральному субъекту, наделенному способностью самостоятельного целеполагания. По мысли И. Канта, абсолютность человеческого достоинства означает, что человек «выше всякой цены», а представления о доброй или злой природе человека, о моральных чувствах, о счастье, греховности и т. п. не существенны для признания безусловной ценности человеческого достоинства. «В ряду целей человек есть цель сама по себе, т. е. никогда никем не может быть использован только как средство» [11, с. 401]. Здесь возникает и проблема «незаинтересованной заинтересованности» моральной мотивации, поскольку человек заинтересован в выполнении принципов нравственности, но бескорыстен (альтруистичен) в своих поступках.

Третья форма категорического императива связана с автономией нравственного законодательства и моральными требованиями к себе, а затем к другому. Ведь пока общезначимое не является личным правилом, следование ему не может быть моральным поступком, но может являться действием по праву, обычаю, традиции. В принципе идея свободы образует основу морали. И. Кант рассматривает должную свободу, а творящему зло вменяется то, что он не свободен, хотя должен быть свободным. Согласно мыслителю, человек испытывает чувство вины и угрызения совести, когда совершает злодеяние. При этом любая склонность может быть пересилена страхом, а страх преодолен моральной твердостью духа.

Поскольку же сохранение личного достоинства онтологически связано с обладанием внутренней самостоятельностью, сохранением значения своего «Я», то условия социальных негативов и деструкций, угрожающие распадом целостного бытия человека, заставляют человека искать пути, выводящие его из-под унижающего диктата среды. «Мораль основана на понятии о человеке как существе свободном» [13, с. 463], но свобода переживается и выражается

человеком как позитивно, так и негативно, допускает свободу выбора зла и «бегство от свободы».

Здесь уместно отметить уверенность И. Канта в неспособности человека преодолеть безнравственность ни собственными усилиями, ни усовершенствованием общественного строя. Условием победы над злом мыслитель называет веру в существование в мире нравственного порядка, а условием этой веры – свободу воли, бытие Бога, бессмертие души. Моральная философия И. Канта не связана с христианским вероучением: он отрицает онтологическое значение сверхъестественного в содержании религии, предлагает символическое толкование догматов христианства, не признает доказательную силу аргументов бытия Бога, принимая только понятия нравственного разума в глубинах совести, которая не может примириться с реальностью зла.

Современные негативные угрозы состоянию нравственного достоинства личности связаны как с антропологическим кризисом вообще, так и с кризисом основных нравообразующих институтов. В частности, семья, в которой достоинство домочадцев должно цениться выше, чем вне ее, зачастую становится местом тирании и ужасающего попрания человеческого достоинства [25]. При этом есть основания считать, что трансформации и кризис семьи в современном обществе говорят о кризисе *основных ценностей семьи*, а не семьи как таковой. Именно в ней начинается и свершается воспитание личности.

«Моральное воспитание человека должно начинаться не с исправления нравов, а с преобразования образа мыслей и с утверждения характера», – отмечает И. Кант. Надо «как можно чаще возбуждать чувство возвышенности своего морального назначения, нравственный образ мыслей, который противодействует природному предрасположению к извращению мотивов в максимах» [13, с. 508, 510]. Надо средствами философской рефлексии по поводу прав человека и «условий возможности» социальной деятельности, соответствующей кантовскому представлению о достоинстве личности, формировать этику и политику достоинства.

Задача преодоления асимметрии достоинства и прав человека

Ю. Хабермас ставит вопрос не только о прямой связи, но и об асимметрии достоинства личности и прав человека, которая более всего выражается в сфере реализации прав человека [28]. Оксюморон «реалистическая утопия прав человека» увязывается им с «избыточной идеей справедливости» и возникающим из нее напряжением в политической и социальной реальности. Но «достоинство и права человека – это не утопия, это субъективно-объективная социально-правовая реальная возможность, постоянно превращающаяся в действительность, притязания и долженствование человека одновременно» [7, с. 69].

В современном правовом поле, отмечает Ю. Хабермас, понятие человеческого достоинства переносит содержание морали равноуважительного отношения к каждому на статусный порядок государственного гражданства. Са-

моуважение каждого из граждан возникает из того, что он признается другими в качестве субъекта права. Но ведь философы и прежде «не выстраивали никакого семантического моста к эгалитарному смыслу современного понятия достоинства», – подмечает мыслитель. Уже в античности между понятиями *dignitas* и *persona* была установлена тесная связь, но о неприкосновенности достоинства отдельной личности как источника нормативных притязаний не было речи. Только в современном обществе к коллективной генерализации добавилась индивидуализация. Место ценностного возвышения человечества заняла абсолютная ценность личности и ее нравственного достоинства.

Современное звучание приобрели формы категорического императива И. Канта в единстве с формами императива нравственного достоинства и прав человека. Эти формы содержат запрет на превращение человека в средство для достижения различных целей, признают его автономию как разумного существа, раскрывают нравственное достоинство личности как долг самоуважения и долг уважения к другим людям, как безусловную ценность. Призывают к реализации категорического императива достоинства личности на всех уровнях мироустройства вне зависимости от ресурсов для выполнения этого насущного требования [22, 24].

Литература

1. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман; пер. с англ. – М.: Логос, 2002. – 390 с.
2. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек; пер. с нем. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
3. Гусейнов, А. А. Философия, мораль, политика / А. А. Гусейнов. – М., 2002.
4. Декларация о правах и достоинствах человека. – М., 2000.
5. Дробницкий, О. Г. Понятие морали. Историко-критический очерк / О. Г. Дробницкий. – М.: Наука, 1974. – 388 с.
6. Дробницкий, О. Г. Проблемы нравственности / О. Г. Дробницкий. – М.: Наука, 1977. – 333 с.
7. Евменов, Л. Ф. Достоинство и права человека – это не утопия / Л. Ф. Евменов // Наука и инновации. – 2013. – № 2 (120). – С. 62–69.
8. Евменов, Л. Ф. Соч.: в 5 т. / Л. Ф. Евменов. – Минск: Бип-С Плюс, 2006.
9. Йонас, Г. Принцип ответственности: Опыт этики для технологической цивилизации / Г. Йонас. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 480 с.
10. Канке, В. А. Этика ответственности. Теория морали будущего / В. А. Канке. – М.: Логос, 2003. – 352 с.
11. Кант, И. Критика практического разума / И. Кант // Основы метафизики нравственности. – М.: Мысль, 1999. – С. 247–439.
12. Кант, И. Метафизика нравов / И. Кант // Основы метафизики нравственности. – С. 563–895.
13. Кант, И. Об изначально злом в человеческой природе / И. Кант // Основы метафизики нравственности. – С. 461–562.
14. Кант, И. Основы метафизики нравственности. – С. 155–246.
15. Конституция Республики Беларусь.
16. Макинтайр, А. После добродетели: исследования теории морали / А. Макинтайр; пер. с англ. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – 384 с.
17. Мур, Дж. Природа моральной философии / Дж. Мур. – М.: Республика, 1999. – 351 с.

18. Оссовская, М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали / М. Оссовская. – М.: Прогресс, 1987. – 528 с.
19. Права человека / под общ. ред. А. Д. Гусева, Я. С. Яскевич. – Минск, 2002.
20. Права человека: сб. международно-правовых док. – Минск: Белфранс, 1999. – 1133 с.
21. Проблема человека в западной философии: переводы. – М.: Прогресс, 1988. – 552 с.
22. Севостьянова, Н. Г. Принцип нравственной ответственности / Н. Г. Севостьянова // Вестн. МГЛУ. Сер. 3, История. Философия. Социология. Экономика. Культурология. Политология. – 2010. – № 9. – С. 91–98.
23. Севостьянова, Н. Г. Философская антропология: конфликт интерпретаций / Н. Г. Севостьянова // Тр. БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – Минск: БГТУ, 2009. – Вып. XVII. – С. 46–48.
24. Севостьянова, Н. Преференции и проблематизации нравственной ответственности / Н. Севостьянова // *Ad augusta per angusta. Księga pamiątkowa z okazji nadania honorowego tytułu W. S. – Chełm*, 2011. – С. 445–453.
25. Семья и женщина в современном мире: социальные и культурные аспекты: материалы Междунар. науч. конф., Минск, 2 фев. 2012 г. – Минск: Право и экономика, 2012. – 491 с.
26. Словарь философских терминов / науч. ред. В. Г. Кузнецова. – М.: ИНФРА-М, 2010. – 731 с.
27. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к просвещению / Ф. Фукуяма; пер. с англ. – М.: АСТ, 2004. – 730 с.
28. Хабермас, Ю. Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека / Ю. Хабермас // *Вопросы философии*. – 2012. – № 2.
29. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас; пер. с нем. – СПб.: Наука, 2001. – 380 с.
30. Шопенгауэр, А. Мир как воля и представление / А. Шопенгауэр; пер. с нем. – Минск: Харвест, 2007. – 848 с.

ЭВОЛЮЦИЯ СМЫСЛОКОНЦЕПТА «ДОСТОИНСТВО»: ОТ ВОЗРОЖДЕНИЯ К ЕВРОПЕЙСКОМУ ДЕКАДАНСУ

И. Я. Левяш,

доктор философских наук, профессор

В дискурсе современного социогуманитарного знания едва ли найдется смыслоконцепт, который обладает такой бесспорной приоритетностью и одновременно – неопределенностью, как *достоинство*. Диапазон разночтений – содержательного, структурного и динамического характера. Поскольку *предмет* этой статьи ясно обозначен в ее заглавии, условно оставим дискуссию в связи с этим за скобками и будем исходить из следующих положений.

Во-первых, по своему содержанию достоинство – не только моральная и правовая категория, но и более емкий социокультурный концепт, который выражает внутреннее состояние самооценности субъектов как свободных – благодаря или вопреки обстоятельствам, а также их переживание или понимание собственной значимой идентичности. Самоидентификация неизменно первична, однако идентификация предстает и как *честь*, которую социум оказывает достойным субъектам в таких проявлениях, как уважение, признание, или в сакральной форме почитания. Христос говорит об этом так: «Не бывает

пророка без чести, разве только в отечестве своем и в доме своем» (Матф 13: 57). «И не совершил там многих чудес по неверию их» (Матф 13: 58). Если же субъекту отказывают в такой чести, то, по К. Марксу, «чем больше ценностей он создает, тем больше сам он обесценивается и лишается достоинства» [19, т. 42, с. 89]. А для человека труда, писал он, достоинство дороже хлеба.

Во-вторых, в структурном аспекте субъектами достоинства являются не только личность, как настойчиво утверждают либеральные доктрины разного толка, но и общности – социальные группы, народы, государства в конечном счете – человечество в целом («общечеловеческое достоинство», по И. Канту). Гегель обоснованно писал, что «в государстве дух народа – нравы, законы – являются господствующим началом. Здесь человека признают и с ним общаются как с разумным существом, как со свободным, как с личностью; и каждый отдельный человек со своей стороны *делает себя достойным этого признания* (курсив наш. – *И. Л.*)... по отношению к другим ведет себя так, как надлежит вести себя всем, – признает их за то, чем сам хотел бы быть признанным, т. е. за свободного человека, за личность» [5, т. 3, с. 222–223]. Ф. Достоевский также писал о «личности русского народа» [11, т. 10, с. 104].

В-третьих, становление и развитие феномена «достоинство» – это динамика восхождения от абстрактного к практическому гуманизму, процесс противоречивый и обремененный незрелостью не только общества Архе, но и Большой традиции (рабовладения, феодализма). Всеобъемлющая проблема заключалась в гегелевской формуле «Раб и свободный», в которой в статусном смысле первый обеспечивал выживание, а второй – поступательное развитие. Тем не менее, подчеркивал Ф. Достоевский, «раб может быть в высочайшей степени свободен, будучи рабом. Это возможно, если он свободен духом и непреклонен волей» [11, т. 11, с. 122], действует не в соответствии со своим социальным статусом, а в меру своего человеческого достоинства, осознания самоценности и притязаний к обществу. Не говоря уже о Спартаке, из рабской среды рекрутировалась значительная часть интеллектуалов и даже общественных деятелей – управляющие, инженеры, врачи, юристы, военачальники, поэты и философы (Сенека, Эзоп, Мис – ученик Демокрита, Флавий и многие другие). Так возник и Олимпийский пантеон, на котором «боги были как люди, люди как боги». Человек – творец белокаменных Афин и величественного Рима – сознавал себя триумфатором политического разума (вспомним знаменитую речь Перикла) и зодчим «мирового города» (Марк Аврелий, Цицерон). Отсюда – его «решительная вера в себя» [20, с. 82].

Отсюда проблема гуманистической *ценности человека* в Большой традиции, рассмотренная сквозь теологическую оптику по форме, но не сути дела. Ценность человека выявляется по мере самоопределения как самоценного существа – личности. Если под личностью понимать уникального индивида, который в своей особой форме и степени осваивает и преобразует собственную культурно-цивилизационную сущность, то непреходящая проблема Большой традиции в том, что в ней человек предстал как результат эманации (истече-

ния) энергии космоса, нечто производное, вторичное и неоформленное, скорее «прилагательное», чем «существительное». В эллинскую эпоху возникает понятие «лицо» в значении внешне выраженной индивидуальности (отсюда «лицедейство» – выражение внешнего, маска). Сходное по обозначению слово «ипостась» обозначало все, что обладает своей формой существования. Понятие «индивид» впервые использовал в своих сочинениях Цицерон. Но для него это был лишь «атом» – неделимое, как считали в то время, слагаемое в мире. Латинское «persona» – «лицо, личина» обозначало отдельного человека, а также маску и роль актера. Слово «subjectus» в латинском языке наделялось значением «находящегося под», «подчиненного», «подвластного». А. Лосев отмечал, что в греческом языке не было даже эквивалента слова «личность», и «все существующее для античности, в том числе и личность, является только истечением из общего и безличного чувственно-материального космоса и целой иерархией подчиненных один другому элементов. Поэтому эманация и субординация, которые мы наблюдаем в природных явлениях, необходимо мыслится в античности и в рассуждениях о личности, которая, не обладая никаким своим вечным и неразложимым «я», только и возможна здесь в результате того или иного частичного излияния чувственно-материального космоса» [18, с. 62–63].

Известно, что такой «космический» или, если быть более точным, *абстрактный гуманизм* на своей вершине отмечен полной достоинства речью Перикла, а на закате – деградацией и катастрофой, о которой Зевс поэзии и мудрый философ писал: «И безобразья крайнего черты / Родятся здесь, в отчизне красоты! / Еще зовут античной эту жуть» [7, т. 2, с. 298].

Личность – гениальное изобретение христианской культуры. «На личность ли смотрите? Кто уверен в себе, что он Христов, тот сам по себе суди...» (Павел 10: 7). Христос впервые в истории культуры творил самого себя как идеальную (нормативную) личность. Однако этот подвиг стал *инновацией*, воплотился в ментальности европейских народов много столетий спустя. Первый проект единой Европы был провозглашен в 802 г. императором Карлом Великим. Он привел к присяге «христианский народ», и это произвело «коренной переворот в умах» [12, с. 253].

Однако уже в XIV–XV вв. маятник Средневековья определенно указывал на глубокий кризис традиционных оснований и ценностно-смыслового ядра деятельности традиционного человека, подавление даже эволюционно-консервативного начала охранительно-репрессивным. Поразительна глубока рефлексия современниками глубинных культурно-цивилизационных истоков этого кризиса. Свидетельство тому – отчетливо аксиологически окрашенный текст XIV в.: «Молодежь более ничему не желает учиться, наука в упадке, весь мир стоит вверх ногами, слепцы ведут слепцов и заводят их в трясины... Марию более не влечет созерцательная жизнь, а Марфу жизнь деятельная» (цит. по: [8, с. 158]).

Вместе с тем кризис этого времени был не эпохальным, а *стадиальным*, и в нем, как в зерне, не только умирала душа закосневшей культуры, но и рождалась новая, полная воли придать ей второе дыхание, обновить на собственной основе путем «возврата» к незамутненным истокам Большой традиции. Это мощное и впечатляющее движение известно как *Ренессанс* (фр. Renaissance – Возрождение).

Отвлекаясь от процесса становления этого блистательного феномена (см.: [16, т. 1, ч. 3, гл. 4]), обратимся к абстрактному гуманизму, роли в нем человеческого достоинства.

Леонардо да Винчи метко писал, что «кто может идти к источнику, не должен идти к кувшину». «Божественная комедия» Данте Алигьери (XIII–XIV вв.) – это программный «возврат» к источнику – античной культуре – и вместе с тем гениальная философско-поэтическая манифестация творческого, во многом пророческого обновления ее гуманистического смысла. Решительно все, по убеждению поэта, свидетельствует о том, что «век обновленья ждет: / Мир первых дней и правда – у порога». Эта правда несовместима с господствующей теократией, обмирщением Церкви, которая, «взяв обузу / мирских забот, под бременем двух дел / упала в грязь, на срам себе и грузу». Поэт оппозиционирует католико-крестоносной ксенофобии и создает образ Человека как *универсальной* ценности. «Родится человек / Над берегом Инда; о Христе ни слова / Он не слышал и не читал вовек; / Он был всегда, как ни судить сурово, / В делах и в мыслях к правде обращен, / Ни в жизни, ни в речах не делал злого. // И умер он без веры, не крещен. / И вот, он проклят; но чего же ради? / Чем он виновен, что не верил он?»

Особенно примечательно, что «коллективному бессознательному» и ортодоксально-охранительному средневековому «Мы» Данте впервые в значимых текстах того времени противопоставляет не только свое свободное и динамичное личностное «Я», но и неразрывно связывает его со всеми, кто жаждет кардинальных перемен. Поэт не только «менялся сам, себя во мне менял», но и его Улисс (Одиссей) обращается к своим спутникам с полными достоинства словами: «Тот малый срок, пока ещё не спят / Земные чувства, их остаток скудный / Отдайте постиженью новизны... / Подумайте о том, чьи вы сыны: / Вы созданы не для животной доли, / Но к доблести и к знанью рождены» [9, с. 233, 258, 396, 460].

Вершиной ценностно-смысловой программы Возрождения стал трактат 23-летнего Пико делла Мирандола (XV в.).

Воздав должное религиозному официозу, Мирандола обратился к *миру* с неслыханными доселе словами: «Человека по праву называют и считают великим чудом... действительно достойным восхищения... Ни определённого места, ни принадлежащего одному лишь тебе обличья, ни какой-либо особой обязанности не дали Мы тебе, Адам, и посему ты можешь обладать и распоряжаться, следуя своему желанию и суждению, любым местом, любым обликом и любыми обязанностями, какими ты сам пожелаешь. Естество же прочих

тварей, будучи определено, ограничивается предписанными нами пределами. Ты же, не ограниченный никакими пределами, сам определишь свое собственное естество, сообразуясь с собственной свободной волей, в руки коей Я отдал тебя. Я поставил тебя в средоточие мира, чтобы оттуда тебе легче было обозревать всё, что только в мире ни есть. Мы не создали тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным: так, чтобы ты сам, став более свободным и более благородным творцом и созидателем самого себя, придумал себе любое обличье, какое ты захочешь принять. Тебе будет дозволено опуститься к низшим формам бытия – а это дикие звери; и тебе будет дозволено родиться вновь, по суждению и выбору твоей собственной души, поднявшись к высшим существам – а это божественное бытие» [25, т. 1, с. 248; 23, с. 181]. Это означает, что «человек есть соединительная связь всей природы и как бы эссенция, составленная из всех ее соков. Поэтому, кто познает себя, познает в себе все» (цит. по: [4, т. 1, с. 102]). Благодаря универсализму познания человек сам творец своей судьбы – «*fortunae suae ipse faber*».

После таких манифестаций целая плеяда блестящих имен – представителей самых разнообразных слоев общества и занятий – посвятили себя коренной «переоценке ценностей» закосневшей господствующей культуры и вырабатывали альтернативу. Этим титанов объединял решительный отход от почитавшегося добродетелью созерцания жизни и пассионарное отношение к ней как к многомерному, по меркам того времени, универсальному творчеству. Мыслители и художники, книгопечатники и зодчие, политики и религиозные деятели, все они «живут в самой гуще интересов своего времени, принимают живое участие в практической борьбе... борются кто словом и пером, кто мечом, а кто и тем и другим вместе» [19, т. 20, с. 347].

Тем не менее нет оснований переоценивать их радикализм. Возрождение, отмечал Н. Бердяев, не было разрывом с церковью, и это сосуществование заходило так далеко, что папы порой были его покровителями прежде всего из престижных соображений. Такая «любовь – ненависть» требует ответа на исходный и двуединый вопрос: какие *смыслообразующие ценности* отрицали и утверждали пассионарии Ренессанса? «Неизбежно было явление в истории гуманизма нового европейского человека, для того чтобы по-настоящему была испытана творческая свобода человека... На заре нового времени произошла децентрализация, были отпущены на свободу творческие силы человека. И вот шипучая пора этих творческих сил и создала то, что мы называем Ренессансом... Этот исторический период стоит под знаком... децентрализации... дифференциации всех сфер общественной и культурной жизни, когда все области человеческой культуры становятся автономными» [2, с. 100–101].

В этом величайшая социокультурная заслуга Ренессанса, его гениев и подвижников. И все же в шекспировской «связи времен» они еще не вышли из парадигмы абстрактного гуманизма. Слегка перефразируя Данте, можно сказать, что век обновления еще ждал, и его правда была у порога, но она еще не вступила в новый мир.

Впечатляющим зенитом предвидения Нового времени и одновременно началом его заката стала Декларация прав человека и гражданина (фр. *Declaration des Droits de l'Homme et du Citoyen*) – важнейший документ Великой французской революции, определяющий права человека. Декларация была принята Национальным учредительным собранием 26 августа 1789 г. В основу идей Декларации прав человека и гражданина положена концепция равноправия и свободы, принадлежащей каждому от рождения. Естественными правами человека и гражданина объявлялись свобода личности, свобода слова, свобода убеждений, право на сопротивление угнетению.

Однако это была именно *декларация*. Не говоря уже о том, что она освящалась гильотиной, истребившей немало французских граждан и многих вдохновителей революции, она не помешала длительному рабству в США, а в Европе – массовой безработице, гендерному правовому неравенству (оно было отменено лишь в 60–80-х гг. XX в.), «черте оседлости», гетто для тех, кого ныне корректно называют «людьми с ограниченными возможностями». Для них новая «правда» осталась «у порога». Все эти категории людей были наделены достоинством, нуждались в признании, но были лишены его.

Иными словами, абстрактный гуманизм рухнул. Провозглашенная мыслителями Просвещения лучезарная «дневная эпоха» торжества Разума, или, по О. Конту, век «стабильности и порядка» быстро закатился, и набатом прозвучал библейский вердикт: «Сторож! сколько ночи? Сторож отвечает: приближается утро, но еще ночь» (Исайя 21: 12). Это, по оценке русского философа И. Ильина, уже не «дневное», а «ночное время, когда «обнажается бездна», с ее «страхами и мглами», и когда отпадают преграды между нами и ею» [14, с. 196, 197].

Имя этого времени – *декаданс*. Он не сводим к своей линейно деструктивной этимологии (фр. *decadence* – упадок, разложение). Впервые этот термин широко использовал Ш. Монтескье в своем «Рассуждении о причинах величия и падения римлян» (1734). Гете утверждал, что «все эпохи, которые идут вперед, имеют объективное направление», зато «все эпохи, которые идут назад и охвачены разложением, полны субъективизма» [24, с. 292].

По сути декаданс – это состояние на разломе культурно-исторических эпох, деградация традиционных ценностей и смыслов, их системное несоответствие изменившейся социокультурной реальности и вместе с тем – глубокая и плодотворная рефлексия смысла и роли ценностей субъектов культуры, поиск ими альтернатив. И в этом смысле декаданс – всегда *фронтир*, мост в будущее.

Н. Бердяев писал, что декаданс «представляет очень глубокое явление... Сложный, утонченный человек нашей культуры не может вынести этого раздвоения, он требует, чтобы универсальный исторический процесс поставил в центре его интимную индивидуальную трагедию и проклинает добро, прогресс, знание и т. п. признанные блага, если они не хотят посчитаться с его загубленной жизнью, погибшими надеждами, трагическим ужасом его судьбы.

В Европе появился Ницше, у нас Достоевский, и это было настоящей революцией» [2].

Достоевский – русский Екклесиаст – и Ницше – второй Сократ – были связаны *ценностно-смысловыми* узами. «Для задачи, лежащей перед нами, большое значение имеет свидетельство Достоевского – этого единственного психолога..., от которого я многому научился», – писал Ницше [11, т. 1, с. 408]. Но притяжение русского и немецкого гениев предстает не только как *смысловое*, но и как *генетическое*. Второй Сократ, по его оценке и вплоть до бесчисленных текстуальных параллелей, – это Ева, вышедшая «из ребра» петербургского Адама. Воздействие Достоевского было определяющим и «сквозным» для Ницше. В чем-то Ученик пошел дальше своего Учителя, но более значимо «Новое Евангелие» культуры, которое они создали.

Оба мыслителя – мудрые дети декаданса, «защемленные между сегодня и завтра и впрягшиеся в противоречие между сегодня и завтра... первенцы... наступающего столетия» [21, т. 1, с. 660]. Они первыми пришли к заключению о переходном характере современной эпохи. Это привело к убеждению, что время – не только разбрасывать, но и собирать камни, и «пессимизм силы», фундаментальная переоценка ценностей – это признак «решительного и коренного роста, перехода в новые условия жизни» [20, с. 92].

«Связь времен» распадалась, и «наш просвещенный век» пугающе «пошатнулся». Смысловое ядро такой переоценки – это потребность в восхождении от абстрактного «человечества» к конкретному человеку – личности, его деятельной любви/ненависти: любви – ко всему человеческому в человеке и ненависти – к его варваризации.

Россия восприняла конец Ренессанса и кризис гуманизма острее, чем где бы то ни было на Западе. Правда, академик Д. Лихачев утверждал, что она прошла Предвозрождение как особую стадию развития русской культуры, которая переживала бурный подъем (к примеру, феномен А. Рублева), однако не смогла до конца освободиться от влияния религии [17, с. 480–487]. Особенно впечатляет «оптимистическое и светоносное» творчество А. Пушкина. Но в целом, писал Н. Бердяев, «нам не было дано пережить радость Ренессанса, у нас, русских, никогда не было настоящего пафоса гуманизма, мы не познали радости свободной игры творческих избыточных сил. Вся великая русская литература, величайшее наше создание... не ренессансная по своему духу... Достоевский, который так болел о человеке, о судьбе человека, который сделал человека единственной темой своего творчества, именно он и скрывает внутреннюю несостоятельность гуманизма, трагедию гуманизма... Его собственный трагический гуманизм глубоко противоположен... историческому гуманизму» [2, с. 143–144].

И это не специфически русская «печаль», а *общевропейская* «тоска». Достоевский ставит ее «вне сомнения и не только наряду, но и несравненно выше какой-нибудь современной практической деятельности». В этой «тоске», кризисе абстрактно-гуманистических ценностей он усматривал «заходящее солн-

це последнего дня европейского человечества», и он, «русский европеец, не мог допустить того» [11, т. 13, с. 375, 380].

Но русский Екклесиаст и вслед за ним второй Сократ были далеки от того, чтобы упрекать, тем более обвинять в этом весь человеческий род. Ницше со-знавал и адресно писал, что «не человечество в упадке, а только паразитиче-ский класс людей, которые... добрались до звания определителей ее ценно-стей... И на самом деле, *мое* мнение таково: учителя, вожди человечества, все теологи были вместе с тем и декадентами; *отсюда* переоценка всех ценностей в нечто враждебное жизни» [22, т. 2, с. 413].

Отсюда неотступная дума Достоевского «об униженном человеке... Пото-му мыслю об этом человеке, что я сам такой человек» [11, т. 14, с. 99]. Мысли-тель требует «откопать человека» даже в варварском «заживо Мертвом доме», ибо «самый забитый, самый последний человек есть тоже человек» [11, т. 3, с. 189]. Это означает, что следует деятельно споспешествовать становлению и возрождению *каждого* человека и прежде всего отчужденного, «унижен-ного», потому что «всякий, кто бы он ни был и как бы они ни был унижен... требует уважения к своему человеческому достоинству... никакими клеймами, никакими кандалами не заставишь забыть его, что он человек. А так как он действительно человек, то, следственно, и надо с ним обращаться по-человечески. Боже мой! Да *человеческое* обращение может очеловечить даже такого, на котором давно уже потускнел образ Божий» [11, т. 4, с. 91]. Ир-рациональный характер мира в человеке, но против него не означает, что его невозможно рационально понять. И alter ego писателя из «Мертвого дома», прибыв на каторгу, принимает вполне *рациональное* решение: какой стиль по-ведения он должен избрать, чтобы сохранить свое достоинство и вместе с тем не противопоставить себя сообществу каторжан (см.: [11, т. 4, с. 76–77]).

Неизвестно, был ли знаком Достоевский с Марксом, который в социологи-заторском духе рассматривал человека как проекцию общественных отноше-ний. Но он иронизировал по поводу сентенции: «Все от среды, а сам человек есть ничто» [11, т. 6, с. 283], и констатировал: «Нет, видно, нашего брата... не сеют, а мы сами родимся» [11, т. 4, с. 188]. Достоевский из Петропавловской крепости писал брату 22 декабря 1849 г.: «Жизнь везде жизнь, жизнь в нас са-мих, а не во внешнем. Подле меня будут люди, и быть человеком между люди-ми и остаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях, не унять и не пасть – вот в чем жизнь, в чем задача ее. Я сознал это. Эта идея вошла в плоть и кровь мою» [11, т. 15, с. 82]. Если человек – личность, то она *ответственна* за свой образ жизни как наделенная достоинством или лишенная его. «Един-ственная свобода, – писал Достоевский, – победить себя» [11, т. 11, с. 276].

Свободный и полный достоинства, такой образ жизни явно не в ладу с со-временным «хорошим» обществом, нивелирующим личность. По Достоевско-му, «нынешнее время – это время золотой середины... и потребности всего готового. Никто не задумывается... Явись человек с надеждой и посади дере-во – все засмеются: «Разве ты до него доживешь?»... Скрепляющая идея со-

всем пропала» [11, т. 13, с. 54]. Отсюда не только неспособность, но и отсутствие потребности быть идентичным своей индивидуальности и социально значимой личностью. В обществе «теперь трудно под маской узнать человека-с» [11, т. 1, с. 163]. В анонимном обществе «всеобщей полезности» маски срastaются с лицами. Их носители «с коротеньким, нерушимым мировоззрением» [11, т. 14, с. 51]. В итоге неутешительное заключение: «Где вам сделать что-нибудь без собственной инициативы и личности?.. Оригинальности нет, личности нет, человека нет – подло!» [11, т. 11, с. 267].

Обезличение человека в современном обществе – это его *обесчеловечение*, и такое состояние напоминает писателю известный библейский фрагмент: «Знаю твои дела; ты не холоден, не горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то низвергну тебя из уст моих. Ибо ты говоришь: я богат, разбогател, и ни в чем не имею нужды; а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг» [11, т. 10, с. 497].

Характеризуя суть такого феномена, писатель не случайно апеллирует к Апокалипсису. Свертывание масштаба и невидение перспективы неизбежно превращают «золотую середину» в агрессивного антипода культуры. «Рутинизм из рутин» – это все более «тип и воплощение, олицетворение и верх самой наглой, самой самодовольной, самой пошлой и гадкой ординарности» [11, т. 8, с. 99]. Это «ординарность, которая ни за что не хочет остаться тем, что она есть, и во что бы то ни стало хочет стать оригинальной и самостоятельной, не имея не малейших средств к самостоятельности» [11, т. 8, с. 284].

Перед нами первый в европейской культуре набросок портрета «человека-массы» и констатация еще глухих толчков «землетрясения» – варваризации и «восстания масс». Их девиз: «Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом» [11, т. 10, с. 311]. В этом деструктивном процессе выявилась болезнь западной цивилизации – «все переходящее через меру». Метафорически это Гулливер, который, «возвратясь из страны лилипутов... до того приучился считать себя между ними великаном, что, и ходя по улицам Лондона, невольно кричал прохожим и экипажам, чтоб они пред ним сворачивали и остерегались, чтоб он как-нибудь их не раздавил» [11, т. 10, с. 8]. Среди них и «ординарность, которая ни за что не хочет остаться тем, что она есть, и во что бы то ни стало хочет стать оригинальной и самостоятельной, не имея не малейших средств к самостоятельности» [11, т. 8, с. 284]. Такие «натуры широкие, карамазовские, способные вмещать всевозможные противоположности и разом содержать обе бездны, бездну над нами, бездну высших идеалов, и бездну под нами, бездну самого низшего и зловонного падения... Две бездны, две бездны в один и тот же момент» [11, т. 15, с. 129].

Современный человек живет *между двух миров* или «бездн над нами и бездн под нами», т. е. между абстрактным гуманистическим идеалом и далекой от него реальностью. И такая раздвоенность определяет пафос интерпретации мыслителями в общем известной, но, на наш взгляд, не вполне понятой библейской максимы «любви к ближнему» – до определения того, кто именно

этот «ближний». С позиций абстрактного гуманизма «фанатиков человеколюбия» такая любовь переходит в свою полную противоположность, и героиня Достоевского резонно вопрошает: «Можно ли любить людей, всех людей, всех своих ближних, – я часто задавала себе этот вопрос? Конечно, нет, и даже неестественно» [11, т. 8, с. 379]. Мыслитель вычленяет в этом типе «мечтателей» главное – отвлеченность мысли и жизни как причина равнодушия или жестокости в отношении к людям. Всем им присущ известный парадокс: «Чем более я ненавижу людей в частности, тем пламеннее становилась любовь моя к человечеству вообще» [11, т. 14, с. 53]. (Кстати, именно такая абстрактно-умозрительная «любовь к дальнему» была характерна для винтиков эфемерной коммуны – обитателей платоновского Чевенгура.)

Достоевский и Ницше пошли противоположным путем – любви к ближнему, а с ней – и к «дальнему», но не созерцающего, а *деятельного* индивида, практически способного стать свободной, исполненной достоинства и ответственной за всех и каждого личностью. Но такой человек – не данность, а *задача*, и «личность надо заслужить» [11, т. 11, с. 267]. Исходное и фундаментальное условие – «осчастливить непременно и чем-нибудь хоть одно существо в своей жизни, но только практически, то есть на самом деле, я бы поставил заповедь для всякого развитого человека» [11, т. 13, с. 381]. Такой образ жизни дается только «опытом деятельной любви. Постарайтесь любить ваших ближних деятельно и неустанно» [11, т. 14, с. 52].

Это необходимо не только ради того, чтобы сохранить и упрочить собственную свободу и достоинство, но и во имя *социально значимой*, «благодетельности равных и самоценных во взаимном признании достоинства людей». «Лишь в человеческом духовном достоинстве равенство, – утверждал Достоевский. – Раньше, чем не сделаешься в самом деле всякому братом, не наступит братства... Были бы братья, будет и братство». Старец Зосима очерчивает масштаб и перспективу такого братства: «Ты же для целого работаешь, для грядущего делаешь... Не бойся ни знатных, ни сильных, но будь премудр и всегда благолепен. Знай меру, знай сроки, научись всему» [11, т. 14, с. 275, 286, 292].

Свершился принципиальный разрыв с абстрактным гуманизмом и утверждение новой, революционной в мире человека и человека в мире, парадигмы практического гуманизма. В эссе «О всемирной любви» К. Леонтьев резюмировал кредо Ф. Достоевского: «Вот та преобладающая мысль, которая везде слышится в воздухе. Верят в *человечество*, в *человека не верят больше*... День наш – век наш! И потому терпите и заботьтесь лишь о ближайших делах, а сердечно – лишь о ближних людях: *именно о ближних, а не о всем человечестве*» [16, с. 46, 47].

Многие замечательные современники русского Екклесиаста стали его последователями прежде всего потому, что увидели в нем гениального критика социального эвдемонизма, который «раскрывает несовместимость его со свободой и достоинством личности... Тема о человеке и его судьбе для Достоев-

ского есть прежде всего – тема о свободе. Судьба человека, его страдальческие странствования определяются его свободой. Свобода стоит в самом центре мирозерцания Достоевского. И сокровенный пафос его есть пафос свободы... Он не хотел снять с человека бремени свободы, не хотел избавить человека от страданий ценою лишения его свободы, возлагал на человека огромную ответственность, соответствующую достоинству свободных...» [4, т. 2, с. 36, 44].

От формулы: «Ничто человеческое мне не чуждо», – подчеркивал испанский мыслитель начала XX в. М. Унамуно, – следует переходить к максиме: «Никакой человек мне не чужд. Пора понять, – писал Л. Витгенштейн уже после Освенцима и Хиросимы (и это бесспорно также после геноцида в Хатыни и его второго издания в Одессе 2014 г.), – что «никакой вопль страданий не может быть громче, чем вопль отдельного человека... никакое страдание не сравнится с тем, которое выпадает на долю одного человеческого существа... планета в целом не может испытать больше страдания, чем одна душа» (цит. по: [1, с. 264]).

Вслед за «гуманизмом по плоти» (В. Розанов) русского Екклесиаста в русле европейского декаданса возвысил свой голос Ф. Ницше – мыслитель, который своей творческой мощью заслужил имя второго Сократа. По смыслу это точное определение мыслителя, который не только глубоко «схватил» главное в наследии античного мудреца – интенцию именно к познанию самого себя, но и обогатил веру своего русского учителя в человека, способность быть собою даже вопреки его «нигилизму слабости» и отчуждения в «ночную эпоху» кризиса европейской цивилизации.

Последовательный критик абстрактного гуманизма и свидетель его заката, Ницше видел в себе «антипода всякого пессимистического философа» [22, т. 2, с. 371–372]. Он утверждает возможность *альтернативного* нигилизма и вопрошает: «Существует ли пессимизм *силы?*» [21, т. 1, с. 46]. С его точки зрения, «опыт переоценки всех ценностей». В этой формуле выражено некоторое *противоборствующее движение*... нигилизм есть до конца продуманная логика наших великих ценностей и идеалов, потому что нам нужно сначала пережить нигилизм, чтобы убедиться в том, какова в сущности была *ценность* этих «ценностей»... Нам нужно когда-нибудь найти *новые ценности*» [20, с. 34, 92].

Таким образом, вопреки сомнениям в поступательном в конечном счете характере эволюционного процесса, Ницше не отвергает идеалов и постоянно заявляет о себе как о философе, «который несет огромную ответственность, на совести которого лежит общее развитие человека...» [20, с. 308]. Сущность процесса возвышения человека мыслитель усматривает в том, что «наше *очеловечение* в каком-то смысле может считаться действительно фактическим *прогрессом*», и Ницше ратует за «дух просвещения и прогрессивного развития» [21, т. 1, с. 441].

Философ программно пишет: «Наши современные учреждения никуда не годятся. На этом все сходятся единодушно. Но причина этого кроется не

в них, а в нас самих» [22, т. 1, с. 403]. Ницше был против дарвиновского учения об определяющем влиянии внешней среды. Люди протестуют против нее «во имя человеческого достоинства... Циник иначе мыслит об этом, потому что он презирает честь» [21, т. 1, с. 438]. Однако такие качества, как достоинство и честь, оправдывают понятия человека и человечности, сохраняют веру в него (см.: [22, т. 2, с. 30]).

Ницше подчеркивает, что речь идет не об абстрактном человечестве, а о *конкретном* человеке – индивиде. Поэтому *самоцелью* развития общества «должны быть отдельные индивиды» [20, с. 112].

Вместе с тем Ницше четко различает понятия индивидуализма и индивидуальности, акцентируя эгоцентризм первого и социокультурную сущность второго. Для него «человек – не только индивид, но вся совокупность сохранившихся органических форм в одной определенной линии». «Всякий индивид представляет собой всю линию развития», и «если он представляет подъем линии «человек», то его ценность, действительно, громадна». «Мы – нечто *большее*, чем индивид: мы сверх того вся цепь, вместе с задачами всех этапов будущего этой цепи» [20, с. 320, 326].

Таков ведущий мотив той «*сорадости*» [21, т. 1, с. 656], которую испытывал Ницше в общении с людьми, достойными этого именованья. Народ, по Ницше, «по справедливости, имеет свое мерило ценностей» [22, т. 2, с. 289]. Вообще, писал он, «весьма вероятно, что в народе, в низших классах, среди крестьян все же относительно больше благородства, вкусов и тактичности..., чем у читающего газеты полусвета духа, у интеллигенции» [22, т. 2, с. 289, 308].

Однако с точки зрения высокого мерила ценностей, философ, вслед за Достоевским, не считает возможным отождествлять народ и «массы», идеализировать последние и «умышленно смешивать количество и качество». Человек-масса «не представляет собой «личности», а получает свою ценность благодаря тому, что он отвечает известной схеме человека..., он не должен быть единичным» [20, с. 136]. Массы – это «чернь», которая «подмигивает: «мы все равны» [22, т. 1, с. 226]. Этот «*стадный инстинкт*, завоевавший теперь верховенство, представляет нечто в корне отличное от инстинкта аристократического общества: от ценности единиц зависит то или другое значение суммы... Вся наша социология не знает другого инстинкта, кроме инстинкта стада, т. е. *суммированных нулей...*» [20, с. 60].

В мире этого «стада» Ницше беспокоит не столько «социальный вопрос», сколько утрата тружеником нравственного *достоинства*. В этом смысле «наисовершеннейший из миров» эпохи Просвещения ничего принципиально не изменил. «Царственная учтивость в словах «все мы труженики!», – пишет он, – *еще* при Людовике XIV была бы цинизмом и непристойностью». Если «человек жив не хлебом единым», то «кто хочет есть, тот должен приложить и свои руки, не исключая королей» [22, т. 1, с. 225]. Когда alter ego Ницше Заратустра признается святому, что любит людей и несет им «дар», мудрый ста-

рец скептически отвечает: «Лучше возьми у них что-нибудь и неси вместе с ними – для них это будет всего лучше». И тогда ты не только сможешь, но и «должен стать господином над собой» [21, т. 1, с. 239].

Достоинство человека – не в праздности или мимикрии труда, а в творческой деятельности – таков ницшеанский ключ к практической гуманизации общества. Для этого требуется «порода более высокая, чем «продуктивный человек». Это – «творческий или переделывающий человек... как творческий, ты принадлежишь к свободным, как переделывающий, ты – их раб и орудие» [21, т. 1, с. 248, 761]. Необходима не столько неопределенная демократия (такого термина у Ницше вообще нет), а «новая аристократия, которая будет противником всякой черни и всякого деспотизма и на новых скрижалях начертает слово «*благородно*» [22, т. 1, с. 165].

Ницше – не только философ, но и филолог, – ищет адекватное *именование* искомого им благородного и достойного человека, и в этом ракурсе его термины «сильный», «великий», «человек-мост» – это ступени определения термина, способного адекватно выразить смысл искомого: «Все более лишать человека его общего характера... Не надлежит ли, напротив, каждому индивиду, благодаря своим индивидуальнейшим признакам, стать попыткой достижения более высокого вида, чем человек?» [21, т. 1, с. 819].

Так возник универсалистский ницшеанский концепт *сверхчеловека*. Он находится в явной оппозиции аристократическому «дерзающему» сверхчеловеку Гете (см.: [7, т. 2, с. 25]), и своей апелляцией к «каждому индивиду» и вместе с тем – высокими императивами является *синонимом всечеловека* Достоевского. Демистифированный, не замутненный ницшеанский сверхчеловек, его «воля к власти» – это способность преодолеть в себе «недочеловека» – европейского обывателя и в этом смысле – утвердить подлинно человеческое.

Во многом поучителен образ человека, достойного такой оценки. Прежде всего такой человек – *свободная* личность, сознающая ценность своей идентичности. Не свободен от чего, а «свободен для чего?» [22, т. 1, с. 51] – таков добродетельный смысл его деятельности и знание ее меры. «Речь не идет не о возможности *идти впереди...*, а о возможности *идти самому по себе, о возможности быть иным*» [20, с. 156]. Непременное условие такого служения – его бескорыстность, и «когда было слыхано, чтобы мать желала, чтобы ей платили за ее любовь?.. Пусть будет ваша добродетель – ваше само, а не... кожа, не одеяние; вот истина из глубины души, о добродетельные!.. Пусть будет в поступке ваше само, как мать в ребенке» [22, т. 1, с. 72, 74].

Такой душевный настрой Ницше К. Леонтьев полагал и квинтэссенцией мировидения Достоевского: «*Первая мысль дня*. Лучшее средство хорошо начать день состоит в том, чтобы, проснувшись, подумать, нельзя ли хоть *одному* человеку доставить сегодня радость» [21, т. 1, с. 469].

Парадоксально, но глубоко верно то, что именно «человек качества», который устремлен «к малому», самоидентификации, одновременно и сильный че-

ловек, *практически* способный служить всем людям. Но термин «сила», как признак достоинства и чести личности, вопреки расхожему мнению о философе, далеко не из арсенала «войны всех против всех», а идейной борьбы как атрибута *культурного творчества*. Вдумаемся в его пафос: «Равенство перед врагом есть первое условие *честной* дуэли. Где презирают, там *нельзя* вести войны; где повелевают, где видят нечто *ниже* себя, там *не должно* быть войны. – Моя практика войны выражается в четырех положениях. Во-первых, я нападаю только на вещи, которые победоносны. Во-вторых, я нападаю на вещи, против которых я не нашел бы союзников, где я стою один... это мой критерий правильного образа действий. В-третьих, я никогда не нападаю на личности... В-четвертых, я нападаю только на вещи, где исключено всякое различие личностей, где нет никакой подкладки дурных опытов. Напротив, нападение есть для меня доказательство доброжелательства, при некоторых обстоятельствах даже благодарности» [22, т. 2, с. 341–342]. Согласитесь, такой кодекс в идейной борьбе заслуживает того, что быть воспринятым.

В конечном счете уникальность Достоевского и Ницше в том, что они принадлежали к той редчайшей породе гениев, которым в равной мере доступно «постижение сущности, проникновение в мудрость и *водительское служение...*» [14, с. 20] каждому человеку, который исполнен внутреннего достоинства и взыскует чести – признания общества.

Гении ведают не только обстоятельства исхода, его «последние основания» (Аристотель), но и главное – *кем и во имя кого* он должен быть совершенен. Их призвание и откровение – инновационное *человековедение* – во имя людей, их достоинства и чести. Прибегая к библейской метафоре, эти мыслители бросили семя, которое, лишь умирая, дает воскресение и жизнь.

Литература

1. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М.: Логос, 2002.
2. Бердяев, Н. Смысл истории / Н. Бердяев. – М.: Мысль, 1990.
3. Бердяев, Н. Судьба России / Н. Бердяев. – М.: Мысль, 1990.
4. Бердяев, Н. А. Миросозерцание Достоевского / Н. А. Бердяев // Философия творчества, культуры, искусства: в 2 т. / Н. А. Бердяев. – М.: Лига, 1994. – Т. 2.
5. Гегель, Г. В. Ф. Соч.: в 14 т. / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Госполитиздат, 1936. – Т. 3.
6. Гегель, Г. В. Ф. Философия истории / Г. В. Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 1993.
7. Гете, И. В. Соч.: в 10 т. / И. В. Гете. – М.: Худож. лит., 1978. – Т. 2.
8. Гофф, Ж. Ле. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф. – М.: Прогресс-Академия, 1992.
9. Данте, Алигьери. Божественная комедия / Алигьери Данте. – Минск: Маст. літ., 1987.
10. Дженис, М. Европейское право в области прав человека. Практика и комментарии / М. Дженис, Р. Кей, Э. Брэдли. – М.: Наука, 2003.
11. Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч.: в 15 т. / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1972–1976.
12. Зидентоп, Л. Демократия в Европе / Л. Зидентоп. – М.: Логос, 2001.
13. Ильин, И. Наши задачи / И. Ильин. – Париж; М.: Рарог, 1992.
14. Ильин, И. О тьме и просветлении. Бунин. Ремизов. Шмелев / И. Ильин. – М.: Скифы, 1991.

15. Левяш, И. Я. Базовые универсалии культуры: в 3 т. / И. Я. Левяш. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. – Т. 1.
16. Леонтьев, К. Наши новые христиане / К. Леонтьев // О великом инквизиторе. Достоевский и последующие. – М.: Молодая гвардия, 1991.
17. Лихачев, Д. С. Вопрос о возрождении на Руси / Д. С. Лихачев // История всемирной литературы: в 8 т. / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1985. – Т. 3.
18. Лосев, А. Ф. История античной эстетики: в 2 кн. / А. Ф. Лосев. – М.: Искусство, 1992. – Кн. 1
19. Маркс, К. Соч.: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М., 1962. – Т. 23.
20. Ницше, Ф. Воля к власти / Ф. Ницше. – М.: Refl-book, 1994.
21. Ницше, Ф. Соч.: в 2 т. / Ф. Ницше. – М.: Рипол-классик, 1994.
22. Ницше, Ф. Соч.: в 2 т. / Ф. Ницше. – М.: Сириус, 1990.
23. Тарнас, Р. История западного мышления / Р. Тарнас. – М.: Крон-Пресс, 1995.
24. Эккерман, И. Разговоры с Гете / И. Эккерман. – М.; Л.: Худож. лит., 1934.
25. Эстетика Ренессанса: в 2 т. – М.: Худож. лит., 1981.

ИДЕИ И ОБРАЗЫ ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ В ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

С. А. Мякчило,
научный сотрудник

Многоплановый теоретический комплекс, связанный с идеей достоинства личности, является одним из наиболее интересных и значимых достижений «антропологического поворота» философии XIX–XX вв. Наследуя дух и тематику рассуждений о достоинстве, характерных для концепций Платона, Аристотеля и стоиков, воспринимая отдельные черты учений ренессансных гуманистов, представителей французского рационализма и Просвещения и, разумеется, немецкой трансцендентальной школы, постклассическая философия прав и достоинства человека стремится изобразить картину этих феноменов новыми, более яркими красками и с большей степенью детальности.

Именно в постклассическую эпоху стало возможным говорить о том, что *идея* достоинства и его теоретические *определения* для того, чтобы стать регулятивом общественной жизни, должны быть дополнены развернутым *образом* или множеством образов достоинства. Последнее подразумевает репертуар взаимосвязанных социальных практик, форм мышления и коммуникации, тем или иным образом обыгрывающих тему воплощения человеческого достоинства в реальной жизни, посягательств на него и защиты от этих посягательств.

Синтезируя *идею* и *образ* достоинства, постклассическая философия замыкает своего рода исторический «круг». В античной философии мы начинаем с наглядной демонстрации достоинства в мышлении и *modus vivendi* мыслящего субъекта (зачастую это ставит его в оппозицию устоявшимся мнениям, нравам, обычаям множества людей). С течением времени мы приходим к характерному для новоевропейской философии постулированию достоин-

ства как теоретического принципа, рационального основания жизни и взаимодействия людей. Достоинство как принцип укладывается в философскую картину «мира должного», необходимую для целесообразного преобразования мира сущего. Наконец, постклассическая философия, от Шопенгауэра и Ницше до экзистенциалистов и марксистов, говорит о достоинстве именно как о способности синтезировать идею и образ, воплотить умопостигаемый принцип в практике жизни, стремящейся преобразовать, упорядочить, подчинить моральному закону хаотичный, зачастую абсурдный, несправедливый либо неподлинный мир. Достоинство – больше чем принцип и больше чем черта поведения: это способность человека к ответственной (перед самим собой) и «цельной» жизни в мире, каким бы он ни представал перед нами. Готовность к жизни, которая обеспечена внутренним моральным законом, критерием правоты и справедливости.

Можно согласиться с тем, что такое понимание достоинства уже не является сугубо «гуманитарным». Оно может трактоваться расширительно – как функциональная характеристика структурной единицы в системе отношений, опосредованной символическим обменом. Такое достоинство – это и признак человека (именно как мыслящего существа, способного как к общению и сотрудничеству, так и к сознательному обособлению от других существ), но оно может быть и признаком культуры, идейно-мировоззренческой системы, научной дисциплины или учения. Не случайно современный российский исследователь А. Бикбов свое эссе в области социологии философского знания (о том, как философия и философы позиционируют себя в научном сообществе и каким образом добиваются для себя влиятельного положения) обозначил темой «Философское достоинство как объект исследования» [1]. Другой пример, гарвардский профессор Майкл Розен в книге «Достоинство: история и значение» [2] анализирует достоинство как смыслоконцепт в системе дисциплинарных и культурных связей, включающих философию, право, политику, этику, теологию и конкретные религиозные убеждения и, более того, как средство уточнения правового, политологического, этико-религиозного дискурса путем помещения его в конкретный социальный контекст.

Сделав эти оговорки, отметим, что ниже речь пойдет о наиболее очевидном модусе проблематики достоинства – достоинстве человеческого существа. Представленный обзор носит в значительной мере перечислительный характер и не претендует на концептуальную полноту. Постклассическая философия богата различными парадигмами человека (социально-критической, аналитической, феноменологической, структуралистской и др.), и даже при общей идейной базе образы достоинства в различных традициях существенно разнятся.

Прежде всего интерес представляет сходство и различия между экзистенциально-феноменологической философией, которая через посредство немецкого неокантианства воспринимает черты кантовского подхода к феномену человечности, и социально-критической традицией (включая неомарксизм и постмарксизм), ориентированной на дистинкцию «подлинного» и отчужденно-

го бытия человека. Определенный вклад в понимание достоинства вносит философия структурализма и постструктурализма, с ее тематикой символических детерминант самости, воздействующих на идентификацию человека.

Для современной русскоязычной литературы типичным является понимание достоинства как «характеристики человека с точки зрения его внутренней ценности, соответствия собственному предназначению» [3]. Это вполне отчетливое определение, но оно обнажает определенный парадокс рефлексии достоинства. В какой мере можно говорить о «предназначении» человека, не установив прежде онтологические основания достоинства? а если поставить себе цель отыскать их, то не получится ли так, что онтология достоинства в теоретической реконструкции полагается на идею «предназначения» как на некое трансцендентное условие, на внерациональную идею наподобие «судьбы» или «дао»?

Стремясь обойти это затруднение, постклассическая философия оговаривает, что истоки достоинства следует искать, безусловно, в онтологии личности. Как одна из базовых социально-нравственных характеристик личности, достоинство должно рассматриваться в функциональной взаимосвязи с ее веренитетом и самоопределением (в мировоззрении, мышлении, поступках), с ее стремлением к объективации. В рамках такого подхода мы можем как бы заменить слово «предназначение» на «призвание» и получить категорию достоинства как образа мышления, поведения и ценностей самоактуализированной личности – той, что реализовала свою «волю к смыслу жизни», пользуясь выражением В. Франкла, и сумела автономно постулировать свое предназначение. «Самоактуализирующиеся люди, – пишет А. Маслоу, – вовлечены в какое-то дело, во что-то, находящееся вне их самих. Они преданы этому делу, оно является чем-то очень ценным для них – это своего рода призвание» [4, с. 110]. Отсюда вытекает идея деятельностной природы достоинства: оно – не предпосылка бытия человека, а прежде всего возможность и целевой ориентир. Деятельность человека, соответствующая определенным критериям, объективирует и даже *опредмечивает* достоинство; благодаря этому сама деятельность обретает статус достойной. И напротив, отсутствие деятельности либо ее несообразный характер наносит ущерб достоинству.

Здесь не будет лишним еще раз подчеркнуть, что деятельностная парадигма достоинства – это прежде всего достояние *европейской* философии, она отражает глубинные характеристики мировоззрения западного человека, не знакомого на культурно-генетическом уровне с образом достойного недеяния (у-вэй) и действия, жестко дисциплинированного принципом ненасильственности (ахимса). Более того, деятельностная парадигма вызывает известные сложности с локализацией достоинства в качестве феномена и ценностного принципа. Достоин человек сам по себе или же его поступки, сумма оценок которых наделяет его качеством достоинства? Может ли «достойный» человек совершать «недостойные» вещи – иногда, в силу обстоятельств? По каким критериям приобретается достоинство, и как оно утрачивается?

Ставя вопросы, подобные указанным здесь, мы видим, что в понятийных контекстах, представленных постклассическими философскими традициями, достоинство предстает перед нами двояко: и как *явление* (характеристика человека, интегральный показатель его самопонимания и самоощущения), и как *принцип* (сущностная черта человеческого со-бытия, заключающая в себе императив поведения и деятельности). Принцип достоинства включается в философский дискурс через соответствующую идею, развертываемую в понятие; явление – через репертуар образов, афористику нравственных предписаний, образцы высоконравственного поведения, которыми подтверждаются теоретические выкладки, – иными словами, через «учение, утверждающее уважение к миру и человеческое достоинство», как в свое время охарактеризовал смысл творчества Альберта Швейцера африканский политик Б. А. Бонго [5, с. 301].

Важно, что достоинство человека предполагает самоопределение не только в наличной социальной реальности (последняя всегда дана человеку в некотором разрезе и направляет сознание в определенное русло, субъективирует его), но и в более широкой системе координат: это самоидентификация в истории, культуре, идейном контексте, задаваемом образом «всего человечества», смысла человечности и ее судьбы. В этом контексте И. Кант говорил о ценностной конституции культуры («культура собственно состоит в общественной ценности человека» [6, с. 11]), обусловленной тем, что существование ценностей как таковых возможно лишь в силу человеческого отношения к миру, «как мера человечности и свободы» [7, с. 7], и «только нравственность и человечество, поскольку оно к ней способно, обладают достоинством» [8, с. 212].

Несмотря на большую работу по понятийному закреплению принципа-идеи и явления-образа достоинства, проделанную философами эпохи Просвещения (а в какой-то степени и вследствие этой работы), понимание достоинства в интеллектуальной культуре остается во многом противоречивым. Это связано с неразработанностью главного, на наш взгляд, мотива проблематики достоинства – функционального статуса достоинства в структуре и логике человеческого бытия. Слишком часто достоинство обсуждается субстанциально, в качестве синонима *самости* человека, человечности как таковой, и слишком мало внимания уделяется атрибутивным признакам достоинства, условиям реализованности или нереализованности достоинства в реальной жизни человека и общества.

Помимо парадокса, связанного с введением темы достоинства в дискурс судьбы и предназначения человека, который более или менее устраняется деятельностным подходом, можно выделить еще как минимум три группы затруднений.

Во-первых, вопрос о природе и (или) социально-историческом и антропологическом генезисе достоинства и прав человека, диалектике их отношений. Деятельностный подход – именно то, что объединяет проблему достоинства в один комплекс с проблемой прав человека. Права человека наполняются

конкретным содержанием в силу того, что он, проявляя активность, вступает в общение, кооперацию и противоречия с другими людьми. Именно поэтому ряд основополагающих международных актов, таких как Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Международный пакт о гражданских и политических правах, содержат формулировку о том, что «признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира» [9, с. 1, 5, 13]. Понятие достоинства используется здесь, во-первых, в увязке с понятием права (достоинство *всех* и равенство прав, имеющее отношение к *каждому*, взаимно обуславливают друг друга), а во-вторых, в одном смысловом поле с понятиями, обозначающими регулятивы и принципы именно деятельности, активности, самопроявления субъекта, такими как «свобода» и «справедливость».

Однако, как отмечает М. Розен, внимание к правам человека не только делает проблему достоинства более рельефной, но и парадоксально отвлекает внимание от права другого рода, в принципе не кодифицируемого – права на восприятие и признание моего достоинства: даже не в поступках – в мышлении, в эмоциях, в мировоззрении другого человека. По сути, речь идет о праве на «уважение», которое вытекает из неотъемлемого достоинства, и в свою очередь, является предпосылкой «достойного отношения» к другому и в мыслях, и в делах. Наиболее четко это отношение между достоинством и правами демонстрирует, к примеру, такой документ, как «Заявление об этических принципах», принятое Международной федерацией социальных работников. В нем оговорено, что социальная работа основывается на уважении неотъемлемой ценности и чувства собственного достоинства всех людей, из которого следуют права («inherent worth and dignity of all people, and the rights that follow from this») [10]. Это по-своему смелая декларация, где достоинство не просто упомянуто наряду с правами, но однозначно определяется как источник прав (а отсюда – один шаг до понимания достоинства как источника *права* вообще, о чем прямо не говорят, но что подразумевают конституции ряда европейских государств, см. об этом далее). Симптоматично, что такая постановка темы достоинства проявляется в отношении людей, являющихся объектом социальной работы, т. е. тех, чьи социальные права нуждаются в особой защите.

Достоинство в политико-правом дискурсе принято рассматривать как постоянную характеристику человека. Такое понимание и заложено во Всеобщей декларации прав человека, где речь идет о «неотъемлемом [inherent] достоинстве». С другой стороны, как подчеркивает Р. Г. Апресян, в истории культуры идея достоинства складывается в качестве не столько оценочной, сколько императивной характеристики: человеку *даровано* достоинство (такое, например, установка христианства), и он *обязан* быть достойным, чтобы не погрешать против универсального порядка вещей. Так, идея неотъемлемости достоинства переплавляется в идею «наделенности» им.

Что важно, наделенность достоинством не всегда автоматически означает *обладание*, во всяком случае, не такое обладание, которое можно нормативно зафиксировать. Такой имплицитный парадокс генезиса достоинства присутствует даже у Канта. С. Даруэлл отмечает, что «хотя Кант порой мыслит достоинство как такое состояние, которого должен для себя требовать каждый, или «безусловное» уважение, он также воспринимает достоинство как ценность, которую мы можем обрести, но только в том случае, когда надлежащим образом используем наше право морального выбора» [11, р. 8]. Как следствие, достоинство в современной философской мысли – это прежде всего потенциал человека и своего рода задача, тест для человеческого сообщества. Не случайно М. Хайдеггер подчеркивал, что «высшие гуманистические определения человеческого существа еще не достигают подлинного достоинства человека» [12, с. 328].

Во-вторых, встает вопрос о сфере применения принципа достоинства. Как о понятиях разной степени общности говорят о «достоинстве человека» вообще и «достоинстве личности» (дистинкция может быть такой, что в первом случае речь идет об универсальном принципе, имеющем трансцендентную, божественную или кантовскую трансцендентальную обусловленность, во втором – о характеристике онтогенеза отдельной личности с учетом ее нравственных качеств, а также нравственно-эмоциональной самооценки). Помимо этого, в частных социологических теориях вводится представление о корпоративном, групповом достоинстве, производном от феномена групповой солидарности и взаимного совпадения личностных диспозиций участников группы [13]. В русле современной биоэтики развивается представление о «достоинстве человеческой жизни». Его соотношение с идеей человеческого достоинства как такового будет затронуто ниже.

В-третьих, трудности вызывает сопряжение идеи достоинства с проблемным полем аксиологии. Преамбула Устава Организации Объединенных Наций помещает в синонимичный ряд «веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций», причем так, что «достоинство и ценность» («dignity and worth») выступают как взаимодополнительные атрибуты. Логика авторов документа такова, что недостаточно номинировать уважение к личности через «достоинство» или «ценность» сами по себе, а только через их синтез.

За этой композицией понятий стоит своя концептуальная, а возможно и психологическая «история». Сама по себе мысль о достоинстве переплетена не только с понятием ценности, но и с идеей оценки – «оценить по достоинству» самого себя, дожидаться такой (или противоположной) оценки от окружающих, принять полученную оценку как адекватную или отказаться от нее, преодолеть. Самооценка достоинства, в особенности критическая, наделяет субъекта определенным нравственным преимуществом либо особыми «полномочиями» (вспомним формулу, применяемую православным священником

при исповеди: «Аз недостойный иерей, властью Его мне данную прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих»). И тем не менее никто из философов не согласился бы признать, что явление, а тем более принцип достоинства жидется на практике оценки.

Нельзя не отметить, что такая же тесная переплетенность есть между понятиями оценки и ценности, и она столь же противоречива. Процедура отнесения к ценности не совпадает с процедурой прагматической оценки – «оценки достоинства объекта», как принято это называть в повседневной речи [14]. И то, и другое имеет черты сходства и различия с процедурой осознания и определения достоинства как такового. По мнению многих философов постклассической эпохи, *оценивание достоинства* желательно полностью отделить от *признания достоинства*, хотя это, вообще говоря, не совсем верно с точки зрения содержания «внутренней жизни» сознания. Однако лучше так, чем допустить, чтобы эти процедуры смешались, и попасть в еще более глубокие затруднения. Даже если за человеком признают достоинство, не всякое такое признание хорошо. Оно может быть и уничижительным, когда присуждается условно («он достоин, потому что он такой-то / сделал что-либо»).

Но как же быть с императивом достоинства, которому можно следовать или не следовать, как быть с негативистской самооценкой достоинства? Не лучше ли методологически ограничить саму возможность объективного суждения в данной области? «Пора понять, наконец, что именно характеристика чего-то как «ценности» лишает так оцененное его достоинства, – пишет М. Хайдеггер. – Это значит: из-за оценки чего-либо как ценности оцениваемое начинает существовать только как предмет человеческой оценки» [12, с. 343–344]. Суждение, приписывающее субъекту достоинство словно бы переводит разговор из плана бытия в онтическую плоскость: можно *быть* или *не быть* достойным, но суждение «он достоин» не затрагивает этот план: оно может говорить о кажимости (в извечной дилемме «быть или казаться»), о практической оцененности. В порядке некоего летучего эксперимента над этой мыслью (оставив за скобками особенности строя рассуждений на немецком и на русском языке, как и сам по себе контекст хайдеггеровской философии) можно зафиксировать разницу между модусом «быть достойным» и модусом «обладать достоинством» или даже многими «достоинствами», как обладает ими хорошая вещь. Язык ценностно-оценочных суждений стремится ухватить первую из альтернатив, но фактически вынужден остановиться на второй, «овеществляя» человека.

Как бы мы не стремились оградить идею, по-кантовски говоря, «чистого достоинства» в ее собственном теоретическом поле, на практике этот подход мало применим. Как отмечает, к примеру, Ю. Хабермас, в реальных проблемных ситуациях смысловой ряд человеческого достоинства неизбежно включает прагматические коннотации – не центральные, но безусловно значимые. Они связаны с представлением о практически проверяемой ценности, прежде всего через самооценку человека, но также и в контексте оценок, даваемых

другими. Именно в этом смысле достоинство сопряжено с осознанием человеком своего «места», статуса, «предназначения» – той точки социального пространства, в которой самооценка вступала бы в максимальный резонанс с силой внешнего воздействия. Это может быть не только гармония соответствия («быть собой на своем месте»), но и контрапункт противоречия соразмерных сил («быть собой вопреки обстоятельствам и демонстрировать свою волю, адекватную «воле» последних»).

В философском и политическом дискурсе достоинство человека и его социально-приемлемые личностные качества (частные «достоинства») отождествляются довольно часто. На этом принципе основана, в частности, идеология меритократии, истоки которой содержатся в работах М. Янга [15]. Привлекательная сама по себе идея (если не в жесткой своей формулировке: «всю власть – достойно проявившим себя»), то по крайней мере в мягкой: «общество должно создать необходимые условия для творческого самопроявления каждого») оставляет много вопросов с точки зрения реализации. Популярность этой идеологии свидетельствует о кризисном состоянии политико-правовой самоидентификации социума, расхождении между его самооценкой и закрепленными механизмами балансировки и развития, такими как представительная власть, процедуры принятия решений. Даже в демократическом обществе, и прежде всего в нем, «появление меритократического дискурса, напоминающего, что власть должна принадлежать достойным, есть признак надвигающегося кризиса легитимности» [16].

Затруднение, связанное с ценностным и оценочным контекстом достоинства, во многом продиктовано стремлением мыслителей вывести идею достоинства из «тени» интуитивного представления о системе социальных статусов, более или менее «достойных» позиций. Сделать это непросто, поскольку статусная иерархия, которую можно наблюдать и в мире животных, судя по всему, глубоко укоренена в психике человеческого существа. И тем не менее многие современные социальные философы, в частности Дж. Уолдрон и М. Дан-Коэн в своей работе «Достоинство, статус и права», отмечают что продуктивнее было бы говорить о достоинстве в терминах достижения равновысокого статуса для максимально широкого круга людей, нежели отказаться от разговора о статусах вообще [17, р. 47].

В силу того, что человек, «реализующий» достоинство в жизненной практике, выводит свое сознание за рамки социального контекста, достоинство характеризуется одновременно безусловной значимостью и отсутствием практического эквивалента; оно сопрягает человека и человечество с трансцендентным ему. Последнее позволяет развивать персоналистскую концепцию достоинства, опосредующую «учения.., утверждающие ценность и достоинство самой человеческой личности. При этом сам человек понимается сугубо идеалистически как персона (лицо), наделенное физической и духовной целостностью. Персонализм считает духовность ведущей стороной целостности, а само понятие личности человека определяет «в виде некоего социально-

го наслонения...» [18]. Примечательно, что в персоналистской концепции достоинство рассматривается как характеристика и критерий взаимосвязи единичной личности с универсальным и, более того, как важнейший модус «включения» универсального в повседневной жизни человека (пользуясь выражением Канта, отдельный человек не свят, но человечество в себе он должен чтить свято). Тем самым в философский образ достоинства проникает мотив дисциплины самопреодоления, распространяющейся на человеческий род в целом. Так, М. Хайдеггер категорически провозглашает, что «положение и достоинство индивида, сообщества, их взаимоотношение, ранг и строй народа и групп народов определяются в зависимости от... силы, с какой они ставят себя на службу... безоговорочного господства человека над самим собой» [19, с. 312].

Нередко подчеркивается, что успех такого переустройства общества зависит от того, насколько сам человек способен «выйти за свои пределы». В европейской интеллектуальной культуре персоналистская концепция часто предстает как богословско-персоналистская. Общество не может стать человекоориентированным, или по крайней мере не сможет длительное время оставаться таким, если «человекоцентричным», т. е. эгоистически настроенным, будет оставаться сам человек. Отсюда вытекает известная формула Н. А. Бердяева: «Человек должен быть теоцентричен и организовывать себя на божественном начале, в этом его образ; общество же должно быть антропоцентрично и организовываться на начале человечности» [20, с. 269].

Возвращаясь с учетом этих рассуждений к тексту Устава ООН и Всеобщей декларации прав человека, можно было бы сделать такое пояснение. Интуитивно понятно, что человек вообще, как представитель рода человеческого, обладает достоинством, которое выступает своего рода *критерием человеческого способа бытия*. Это особый, высокий критерий, имеющий трансцендентную размерность. И поэтому чтобы ввести его в реальный нравственно-аксиологический, гражданско-политический, культурологический дискурс, избежав уклона в абстрактные рассуждения, требуется предметно-ориентированный коррелят, некий «якорь». Таким якорем выступает идея *ценности человеческой личности*.

Отдельно взятое понятие ценности в применении к человеческому существу может быть истолковано превратно и вызывает большую критику. Понятие достоинства таких некорректных толкований не подразумевает, но в каком-то смысле недостаточно эвристично для второпорядковых философских и общегуманитарных дискурсов, таких как прикладная этика, философия права, теория социального управления. В силу сказанного имеет смысл, вслед за идеологами Организации Объединенных Наций, говорить о достоинстве-ценности человека, достоинстве и безусловной ценности человеческой личности. Несмотря на очевидную громоздкость, такое композитное понятие более стереоскопично и лучше позволяет преодолеть издержки деятельностной парадигмы достоинства.

Повторим, что проблематика достоинства человека в постклассической философии представлена в наборе ракурсов, по-своему оттеняющих установки и мировоззренческие принципы различных философских и философско-правовых школ. Не претендуя на полноту обзора, попытаемся выделить несколько инвариантных «измерений» проблемы достоинства, которые выходят за рамки отдельно взятой традиции и организуют дискуссию в масштабе всего корпуса современной философии.

Первое измерение связано с вопросом о субъективных и объективных контекстах достоинства, иными словами, о том, в каком отношении «чувство собственного достоинства» как эмоционально-ценностное переживание (с преваляцией эмоционального компонента) находится к идее «достоинства человеческой личности», взятой с объективных, универсалистских позиций. Человек, обладающий своим неотъемлемым достоинством, мог бы в принципе оставаться чисто концептуальным предметом. Однако человек, *осознающий* свое достоинство, *реализующий* его через переживание достоинства *я* и ценности *другого*, а тем более *заявляющий о своих правах*, обеспеченных идеей достоинства-ценности, – это уже не абстрактная фигура, а реальный субъект истории, с которым мы «лицом к лицу» встречаемся на каждой странице летописи социальных преобразований. На этом уровне в философии достоинства фиксируется методологическая проблема соотношения между «чувством собственного достоинства» и «оценкой по достоинству»: есть ли между ними генетическая связь (что первично, а что вторично) либо только функциональная. Речь не только об оценке со стороны другого, но и в конечном счете о самодисциплине и самооценке. Так, по мнению П. Рикёра, в структуре чувства собственного достоинства самооценка и самоуважение дополняют друг друга как этический и деонтологический компонент [21, с. 12].

Второе измерение можно было бы обозначить так: достоинство как автономия и автаркия нравственно полноценной личности. В современном мире феномен достоинства человека во многом сопряжен с его способностью «вслушиваться» в голос внутреннего нравственного императива и следовать ему в условиях тесных социальных взаимодействий, вовлеченности сложные производственно-экономические и коммуникативные схемы, которые волей-неволей побуждают человека к адаптации, поощряют конформное поведение и мышление. Эффекты «века толп», связанные с субъективацией ценности и дереализацией ценностно маркированного (этического, эстетического) начала в поведении человека раскрываются в ряде направлений постклассической философской мысли – у Х. Ортега-и-Гассета, у представителей франкфуртской школы и др.

Автономия и автаркия могут быть рассмотрены в качестве орудия борьбы с «одномерностью» жизни, ее ценностного насыщения. Однако их источники в рамках этого подхода могут быть определены различным образом. В-первых, это уже упомянутый образ общения с трансцендентным – «мое достоинство в том, что я могу отвергнуть обстоятельства и причаститься к выш-

нему». Такой подход характерен для религиозного персонализма, неотомизма; вспомним и высказывание известного деятеля Православной церкви о. Александра Меня о том, что достоинство невозможно без веры: «...если не верить в смысл мироздания, то эта идея [достоинства] повисает в воздухе» [22, с. 222]. Во-вторых, это ощущение онтологической выделенности, уникальности внутреннего опыта я – «мое достоинство в том, что опыт моего я ничем нельзя симулировать или заместить» (экзистенциальная философия). В-третьих, напротив, идея отличия от других, продиктованная отсутствием структур, которые бы «легитимировали» достоинство и задавали его критерии там, где их ищут другие – «мое достоинство именно в том, что я понимаю: ему не на что «опереться» во внешнем мире, а поэтому определяю его для себя сам, тогда как другие опираются на миражи» (философия постструктурализма). В-четвертых, моральная автономия может выступать и как компенсация естественно-природной зависимости, необходимая для того, чтобы человек ощущал и понимал себя полноценным существом (таков, в частности, взгляд Ю. Хабермаса).

Еще одно измерение связано с пониманием достоинства как реализации особой личностной установки (вспомним про идею «стремления к смыслу»). В классической философии тематика достоинства человека складывалась в контексте представлений о «природе», неизменной основе, субстанции человечности. Отказ от субстанциализма в философской картине мира привел к необходимости перевести дискурс достоинства на язык самоконституирования человечности – того, как личным нравственным усилием восполнить отсутствие метафизического основания я. Такое восполнение приобретает характер особого проективного отношения человека к себе самому. «Философско-антропологический анализ показывает, что достоинство можно трактовать как «неизменное присутствие» (т. е. оно должно быть всегда – это аристотелевская традиция), либо – как открытую возможность, тип «самозадания присутствия» (т. е. его нужно задавать, ставить себе как цель – М. Хайдеггер)» [23]. Особенно четко эта идея проводится в философии экзистенциализма. Если качество, или ценность, вещи объективного мира определяется прежде всего устойчивостью, предсказуемостью (быть равной себе, т. е. «надежной», соответствовать ожиданиям), то, напротив, достоинство человека – в темпоральности, устремленности его способа существования, который исключает любую стереотипную оценку личности, и не потому что «неэтично», а потому что полноту личности невозможно «захватить» никакой объективирующей системой координат. «Но что мы хотим... сказать, кроме того, что у человека достоинства больше, нежели у камня или стола? – пишет Ж. П. Сартр. – Человек существо, которое устремлено к будущему и сознает, что оно проецирует себя в будущее. Человек это прежде всего проект, который переживается субъективно» [24].

Установка на самопроявление оборачивается в то же время особым отношением ко всему бытию, которое вслед за М. Хайдеггером принято обозна-

чать через идею «заботы». Достойный человек – тот, кто проявляет заботу о своем месте в мире и через это – печется о целостности и системности самого мира, которые только и обеспечивают ему условия реализации «права на достоинство». «Осуществляющее, тем или иным образом посылающее на путь раскрытия потаенности есть как таковое спасительное. Ибо оно дает человеку увидеть высшее достоинство своего существа и вернуться к нему. Это достоинство в том, чтобы беречь непотаенность, а с нею – тем самым заранее уже и тайну всякого существа на этой земле» [25].

В четвертом своем измерении достоинство предстает как фактор ценностной коммуникации. Известно, что постклассическая философия во многом отказывается от построения единой рационально-логической картины бытия. Следствием становится то, что по большинству линий постановки философских проблем обозначает разрыв между возможностями философской теории и «самой жизнью», между конституитивностью философского языка и ее практическими применениями. По словам Г. Маркузе, «за пределами... рациональности человек живет в мире ценностей, а ценности, отделенные от объективной реальности, становятся субъективными... Ценности могут обладать высоким достоинством (моральным и духовным), но они не действительны и, следовательно, немногого стоят в делах реальной жизни – и тем меньше, чем выше подняты над действительностью» [26, с. 194]. Подобное же различие проецируется и на проблему человеческого достоинства как такового, приобретая вид дистинкции «достоинство я как таковое – достоинство я в глазах другого».

Вне зависимости от того, считаем ли мы, что достоинство *черпается* из со-бытия или взаимодействия с другими людьми, или полагаем его безусловным, мы не можем отвернуться от вопроса о том, как достоинство *проецируется* в это со-бытие и взаимодействие, как меняет его характер. У достоинства в модусе самоощущения, самооценки может и не быть трансцендентного основания, однако по крайней мере есть критерий, призванный отличить его от честолюбия и эгоизма, и он связан с признанием других, приятием взаимных моральных обязательств. По словам Ю Хабермаса, «человеческое достоинство» в его строго моральном и правовом понимании тесно увязано с... симметрией отношений. Оно не является собственностью, которой можно... «обладать» по природе. Скорее оно обозначает ту «неприкосновенность», которая имеет смысл исключительно в межличностных отношениях взаимного признания, в эгалитарном обращении личностей друг с другом... субъективность, превращающая человеческую плоть в одушевленный сосуд духа, образуется через интерсубъективные отношения с Другим» [27, с. 45–46].

Пятое измерение проблемы достоинства связано с формами и критериями его проявления в техносреде. С самого начала исторического пути человек и человечество воплощали свой творческий потенциал в создание объектов «второй природы» и совершенствование навыков обращения с ними. Мастерство-*techné* давно и прочно стало одним из основных измерений человеческо-

го достоинства, а по мере развития способа производства в этом определении все рельефнее стал выделяться мотив техники как таковой. Достойный человек не может быть «неумелым»; он обязан выстроить определенное познавательное и (или) ценностное отношение с техносредой. В XX в. отголоски этого требования все настойчивее проявляются в рефлексии интеллектуальных элит – начиная от известной истории с Борисом Пастернаком, который на писательском съезде был ошеломлен появлением девушки-метростроевки с отбойным молотком [28] и до размышлений М. Хайдеггера о том, в чем суть стремления «утвердить власть духа над техникой», которое становится «все более настойчивым, по мере того, как техника все больше грозит вырваться из-под власти человека» [25]. Решение этой задачи затрудняется тем, что длительное время оценочные критерии достоинства человека выстраивались таким образом, чтобы «отформатировать» его потенциал в соответствии с требованиями управления и обслуживания техники. На протяжении большей части эпохи капитализма, по замечанию З. Баумана, «стоимость и достоинство жизни человека оценивались по критериям, связанным с трудом и с разными аспектами позитивного отношения к труду – трудолюбием, добросовестностью, рвением, предприимчивостью» [29].

Вместе с тем развитие техногенного общества показало, что и отдельному человеку, и человечеству в целом утвердиться над техникой будет исключительно сложно, если вообще возможно. Не пришла ли пора провести разделительную линию между идеей достоинства и «технического мастерства»? В русле современной прикладной этики, в швейцеровской идее этосферы как особой нравственно полноценной формы организации социоприродного взаимодействия вырастает идея о том, что достоинство человека обосновывается и проявляется не столько в опоре на технический арсенал цивилизации, сколько отталкиваясь от него. Радикальное проявление такого взгляда – идея о том, что достоинство можно рассматривать как особый атрибут человеческой жизни в контексте социоприродных отношений, отличный и по ряду параметров противоположный их *инженерному качеству*, т. е. технологической организованности и практической эффективности.

Шестое измерение проблемы проявляется в современных дискуссиях о применимости измерительного подхода к достоинству со стороны представления о достойном качестве жизни. На первый взгляд это выглядит как некая ревизия прагматической интерпретации достоинства, против которой обоснованно выступали и Кант, и Хайдеггер, и Сартр. Однако взглянем внимательнее на само понятие качества жизни: оно специфицируется на различных смысловых уровнях, сообразно множественности разнородности потребностей человека. Так, современный немецкий мыслитель Михаэль Кванте говорит о «натуральном» (физиологическом), социальном, а также персональном и интересубъективно-рациональном прочтении качества жизни [30]. По меньшей мере последние два прочтения укладываются в искомое понимание достоинства как «права на уважение» и характеристики гармоничности вну-

тренней жизни сознания человека. Эти прочтения не только «соответствуют такому понятию о человеческом достоинстве, которое отвечает высшей ценности автономной личности в демократических обществах» [31, р. 602], но и позволяют, по мнению автора, провести современный дискурс достоинства между Сциллой абстрактной теоретичности и Харибдой богословского персонализма, не являющегося в сегодняшней интеллектуальной культуре для всех приемлемым.

Седьмое измерение находится на пересечении философского и политико-правового дискурса и связано с пониманием достоинства человека как источника социальных действий и основания права. Такой подход отражен, в частности, в 1-й статье Основного закона ФРГ 1949 г., текст которой нередко выступает отправной точкой философско-правовых рефлексий. Достоинство не определяется здесь понятийно; однако указано, что неприкосновенность человеческого достоинства является императивной основой «для всякого человеческого сообщества, мира и справедливости на земле» [32, с. 254]. Более сжатая формулировка приведена в Конституции Республики Беларусь (ст. 25 – «Государство обеспечивает свободу, неприкосновенность и достоинство личности»), Конституции Российской Федерации (ст. 31 – «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления»). Столь широкое проникновение понятия достоинства в базовые правовые документы не случайно. Современные исследователи отмечают: при существующих весьма различных пониманиях того, что входит в набор неотъемлемых прав человека и по каким разрядам («поколениям») систематизируются эти права, точку схождения многочисленных правовых традиций и систем мы обретаем именно в интуитивном понимании того, *что* есть человеческое достоинство и *как* его необходимо охранять. В конечном счете «достоинство» – более универсальная категория, применимая для обеспечения понимания и диалога цивилизаций и правовых культур, чем «права человека» в их европейском понимании.

Особо прокомментируем подход, реализованный в Конституции Республики Польша, где сказано, что «естественное и неотчуждаемое достоинство человека является источником свобод и прав человека и гражданина. Оно нерушимо, а его уважение и охрана являются обязанностью публичных властей» (цит. по: [33]). И в том, и в другом случае примечательно самоприменимое логическое (по сути, рефлексивное) отношение: достоинство является «главным мотивом и оправданием существования прав и свобод» [34], но при этом само понятие достоинства вводится в оборот прежде всего через отсылку к правам и свободам. Одним из первых в таком обращенном порядке «расставил» эти понятия Ж. Ж. Руссо, автор известного высказывания о том, что «отказаться от своей свободы – это значит отказаться от своего человеческого достоинства, от прав человека и даже от обязанностей».

В силу этого последнего обстоятельства часто на достоинство человека ссылаются прежде всего как на *гражданское достоинство* – готовность

к гражданскому действию по отстаиванию своих прав. Но не означает ли это, что достоинство – своего рода «симулякр», нечто постоянно явленное в инобытии, но не имеющее собственного бытия?

Чтобы ответить на этот отчасти провокационный вопрос, нужно упомянуть и восьмое измерение достоинства, определенным образом связывающее между собой все перечисленные (и другие, оставшиеся здесь вне поля зрения). Это вопрос о «пределах» достоинства на понятийном, практико-деятельностном и рефлексивном уровне. Он проясняется через три уточнения: 1) в каких современных философских контекстах правомерно использовать термин «достоинство» в сравнительно строгом прочтении (можно ли сказать, что, споря о достоинстве, теоретики, в особенности представляющие разные философско-правовые школы, вообще хорошо понимают друг друга?); 2) если такое понимание достоинства действительно имеется, как согласуется оно с практикой деятельности, общения, управления и контроля, которая принята в социуме? И в частности, в какой мере понятие достоинства со всеми его прагматическими, экзистенциальными контекстами согласуется с возможностью оценивать других людей и их поступки («достойн – не достоин»)?; 3) можно ли, попросту говоря, управлять достоинством в субъект-объектном режиме? Воспитывать его, «даровать» другому человеку или, наоборот, лишать (не *отказывать* в достоинстве при сохранении его субъективных критериев, а именно *отнимать* с изменением или разрушением самости человека)?

Это не праздные вопросы. История человечества дает нам много примеров того, что можно назвать «обретением» достоинства в мысли, поступке, решении. Несложно вспомнить случаи, когда откровенно бесчеловечное отношение не лишало жертву «внутреннего стержня», связанного со следованием внутреннему критерию подлинности и правоты. Но многочисленны и примеры, когда в подобных обстоятельствах человек демонстрировал полную утрату такого критерия, «изменял себе».

Поиск закономерности в каждом из таких случаев обуславливает потребность в *переходе от дескриптивной философской концепции достоинства к конструктивной*. Характерная черта первой – описание и осмысление «опыта достоинства» в системе координат человеческой самости с опорой на базовые категории той или иной философской доктрины. Вторая отличается тем, что нацелена на обоснование граничных условий достоинства, перехода от опыта «не-достоинства» к «достоинству» и (что нельзя исключать) обратно, а также на постулирование принципов деятельности, общения, управления, способных реально сделать достоинство человека регулятивом социальной реальности. Пример первого подхода мы находим в творчестве Дж. Пико делла Мирандола, Б. Паскаля, в постклассическую эпоху – например, у А. Бергсона. Исходные пункты второго – прежде всего в философии И. Канта. В постклассическую эпоху ему стремился следовать М. Хайдеггер (идея достоинства как «постановки человечества на службу человека»). Отзвуки подобной идеи слышны, в частности в концепции Л. Л. Фуллера о «внутренней моральности

закона», которая подразумевает такие его качества, как ясность, последовательность, непреложность формулировок, ориентировка на перспективу.

В духе этой концепции достоинство должно рассматриваться не просто как предпосылка права, а как критерий «эффективной гуманности» правовых норм. Сегодня такой же подход исповедует Ю. Хабермас, например, когда применяет понятийный комплекс, построенный вокруг идеи достоинства, для оценки современных медицинских технологий и нормативно-правового дискурса, сложившегося вокруг них.

Характерно дизъюнктивное название одной из недавних работ немецкого философа – «Достоинство человека или достоинство человеческой жизни?» [26]. Автор аргументирует, что перенос идеи достоинства человека на «достоинство жизни как таковой» в конечном счете запутывает этический анализ проблемы, не способствует ее внятному решению.

С этой позицией можно согласиться, но лишь отчасти. В современной интеллектуальной культуре укоренено убеждение, что задача конструирования достоинства связана прежде всего с обеспечением *целостности личности* (разбор этих взглядов см., в частности, в [19]). Целостность, в свою очередь, следует понимать как функциональное единство интеллектуальной, духовной, эмоциональной, телесной подсистем, «цельность внутреннего опыта» и его определенную гармонию с внешней средой.

Последнее не следует трактовать слишком широко: достоинство – это не способность человека адаптироваться ко всему, подобно рептилии, откорректировать свои внутренние процессы сообразно погоде. Достижение единства со средой предполагает ее активное формирование, в ходе которого эксплицируется потенциал различных подсистем личности, проявляются ее «сильные» и «слабые» стороны. Достоинство личности может быть при этом представлено таким образом, что оно опирается на «достоинство человеческой жизни», которое, в свою очередь, является частным случаем права способной к саморазвитию системы (такой как, например, человеческий эмбрион) на невмешательство извне. Иными словами, «нарождается новое поколение прав человека – права, связанные с определением того, что есть человек на уровне его природы» [34]. И такая констатация ставит в один ряд феномены достоинства и права на жизнь человека; достоинства и права на самоопределение человеческого сообщества, хозяйствующего на своей территории; достоинства и права на невмешательство природной системы, сложившейся независимо от антропогенного воздействия и т. д.

Обобщая, можно сказать, что достоинством обладает любая система, готовая «жить» и развиваться (именно по модели жизни) независимо от внешних обстоятельств, вопреки им. И даже если мы сделаем акцент только на человека, вынеся за скобки все другие саморазвивающиеся объекты, то и в этом случае с этической точки зрения правомернее рассматривать не «атомарного субъекта», а систему «человек и его жизненное окружение». Здесь уместно еще раз упомянуть о понятии заботы. Проявляя полноту своей человечности,

я воплощается в работе, направленной на возвращение пространства своей жизни, его упорядочение, управление им. Это становится продолжением самости и ее наглядной демонстрацией.

Каковы же принципиально важные черты формирующейся конструктивной философской концепции достоинства?

Во-первых, она должна строиться на анализе специфической когнитивно-ценностной среды, в которой возвращается достоинство и в особенности комплекс достоинство-ценность, – это самосознание личности, группы, нации. Именно в контексте самосознания достоинство перестает восприниматься как абстрактно заданная цель или трансценденталия. Вместо этого оно ценностно-мировоззренчески осваивается как *мотив* поведения, конкретных поступков и действий межличностного, профессионально-трудового, гражданско-политического характера. Можно привести определение из работы В. Н. Столина, отечественного психолога, ученика выдающегося А. Н. Леонтьева: «Как феномены самосознания долг, ответственность, честь, достоинство, совесть конкретизируют для социального индивида... такие нравственные ценности общества, как добро, справедливость, человечность. Эти феномены являются... формой выражения важнейшей черты мотивационной сферы человека, т. е. касаются того факта, что своим высшим, нравственным содержанием мотивы выводят человека за рамки его индивидуального существования... и связывают человека с проблемами эпохи, общества» [35]. Самосознание, прежде всего в его социально-групповой форме, становится предпосылкой развитой правовой системы, основанной на уважении личности, ее неотъемлемых атрибутов и прав. Не случайно наиболее развитые кодексы прав человека исторически складывались именно в тех культурах, где матрица философского мировоззрения, понимания мира и места в нем человека опирались на идею суверенности *я*, на особый онтологический статус деятельного субъекта (см.: [36]).

Во-вторых, несмотря на свою внепрагматическую размерность, конструктивная философская концепция призвана выявлять и подчеркивать практический характер достоинства, а это значит – создавать предпосылки для лучшей *идентификации* достоинства-ценности в мире, наполненном материальными вещами, овеществленными отношениями и объективированными людьми с их утилитарными качествами и частными «достоинствами».

Идентификация достоинства зиждется на понимании соотношения между *идеями* и *образами* достоинства. Для этого, в свою очередь, в конструктивной концепции достоинства необходимо дифференцировать уровни самосознания. Целесообразно говорить по меньшей мере о трех таких уровнях: самовосприятие, интроспекция, рефлексия.

На уровне *самовосприятия* достоинство складывается как особая форма отношения к себе, как личностная и (или) групповая установка на самоуважение, сопряженная также с выдвиганием к себе определенных морально-этических критериев, требований. Этот процесс связан с формированием устой-

чивого чувства собственного достоинства, вытекающего из достаточно жесткой, порой критической, самооценки и внутреннего проектирования мер по ее повышению, т. е. определенной «работы над собой».

На уровне *интроспекции* через самонаблюдение за складывающимся чувством собственного достоинства, его вариациями и кризисами, происходит первичное обобщение образа достоинства в идею, могущую выступить интегральным принципом оценки как себя (своей группы, социальной общности, культуры), так и других. Иными словами, чувство собственного достоинства претворяется в некое *определение* достоинства, в репертуар вербальных и образных коннотаций. В личностном масштабе это обобщение может носить выраженную эмоционально-эстетическую окраску (оценка поступков в терминах «красоты», «стильности» и т. п.), на групповом – реализовываться в художественном дискурсе, наполненном аллегориями предпочтительных для данной общности социально-моральных качеств.

Наконец, на уровне *рефлексии* частные вербальные определения и образно-символические коннотации достоинства укладываются в понятийную структуру достоинства как универсального принципа, применимого для проектирования масштабных форм личностного, социально-группового, национального, общечеловеческого строительства и развития. Безусловно, это наиболее сложный уровень, поскольку на пути к общечеловеческому принципу *идея* достоинства должна, в известном смысле, высвободиться из тесной взаимосвязанности с репертуаром *образов*, но и не остаться при этом обескровленной теоретической формулой.

Рефлексия достоинства должна сформировать такую конструктивную концепцию, в которой идея достоинства-ценности не фундирована его частными образами, «случаями», примерами достойного и недостойного поведения, а значима и обоснована сама по себе, но при этом наглядным образом воплощается в образах, необходимых для пропагандистской, воспитательной работы. Иными словами, образ достоинства, достоинства-ценности выступает не «отправным пунктом», предпосылкой соответствующей идеи, а, наоборот, ее демонстрацией, и при этом образ не произволен по отношению к идее, а следует из нее с логической точностью. Именно такой подход способен приблизить нас к решению поставленной выше обобщенной задачи – управление «границами» достоинства как пределами применимости *принципа достоинства* (разумеется, в сторону его всемерного расширения).

В-третьих, конструктивная концепция достоинства должна, разумеется, учитывать преимущества деятельностного подхода, но при этом избегать его ограниченности. Достоинство человека не сводится к его готовности к труду, и если мы характеризуем его через понятие о способности преобразовать свой жизненный мир, то, конечно же, в экзистенциальном, а не в «производственно-экономическом» понимании. Вместе с тем концепция достоинства невозможна без опоры на сверхличностную субстанцию, универсальное мерило. Последнее не обязательно представлять в форме абстракции «человеческого

духа» или внерационального *sacrum*. Универсальным коррелятом достоинства человека вполне может быть обобщенное понятие самой человеческой личности как творца истории, цивилизации и культуры, преобразователя природы, «автора» множества артефактов, которые наполняли и наполняют жизненный мир человека: от каменных орудий труда до современных технологий и средств.

Из этого следует, что деятельностный подход к человеку, получивший распространение как в философской антропологии, так и во второпорядковых философско-практических дискурсах, может быть модифицирован с обращением к понятию о творчестве, креативности. Линия развития цивилизации такова, что достоинство человека во все большей степени обеспечивается креативным потенциалом всего человеческого рода, способностью человечества найти адекватные ответы на свои глобальные и локальные вызовы, продемонстрировать поступательное движение к более справедливому, гармонично устроенному социальному и социоприродному миру.

Таким образом, в постклассической философии понятийный комплекс достоинства-ценности человека предстает как один из важнейших источников социально-антропологической и этико-правовой рефлексии, обнажая парадоксы картины мира и образа человека в мире, свойственные современной культуре. Философия достоинства более не является производной, побочной ветвью философской доктрины, призванной лишь экстраполировать ключевые для этой доктрины метафизические принципы. Напротив, дискурс достоинства нередко выполняет функцию тематической настройки доктрины, своего рода «теста на человекомерность». Проблема достоинства в ее современном прочтении не предполагает сугубо концептуального, теоретического решения. В силу того, что «достоинство человека предстает как совокупность качеств биологического, нравственно-религиозного, национально-культурного и социального характера, которые индивидуализируют человека как личность, выделяют его из живой природы и помогают ему в ориентации на определенный жизненный стандарт» [37], эта проблема ориентирует гуманитаристику на выработку синтезных подходов с участием правового, социологического, медико-антропологического, психолого-педагогического знания, актуальных форм и методов воспитательной работы, художественного творчества, технологий общественных коммуникаций.

Литература

1. Бикбов, А. Философское достоинство как предмет исследования / А. Бикбов // Логос. – 2004. – № 3–4. – С. 30–60.
2. Rosen, M. Dignity, Its History and Meaning / M. Rosen. – Harvard: Univ. Press, 2012.
3. Апресян, Р. Г. Достоинство / Р. Г. Апресян // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В. С. Степина [и др.]. – М.: Мысль, 2000.
4. Маслоу, А. Самоактуализация / А. Маслоу // Психология личности. Тексты. – М.: МГУ, 1982.

5. Швейцер, А. Письма из Ламбарене / А. Швейцер; пер. и прим. А. М. Шадрина; отв. ред. Д. А. Ольдерогге. – Л.: Наука, 1978.
6. Кант, И. Собр. соч.: в 6 т. / И. Кант. – М., 1966. – Т. 6.
7. Столович, Л. Н. Кант и проблема ценности / Л. Н. Столович // Кантовский сборник. – 2009. – № 2. – С. 20–30.
8. Кант, И. Основоположения метафизики нравов / И. Кант // Соч.: в 8 т. / И. Кант. – М., 1994. – Т. 4.
9. Права человека: сб. междунар.-правовых док. / сост. В. В. Щербов. – Минск: Белфранс, 1999.
10. Statement of Ethical Principles [Electronic resource] // International Federation of Social Workers. – Mode of access: <http://ifsw.org/policies/statement-of-ethical-principles>. – Date of access: 01.09.2014.
11. Darwall, S. Honor, History, and Relationship: Essays in Second-Personal Ethics II / S. Darwall. – Oxford: Scholarship Press, 2013.
12. Хайдеггер, М. Письмо о гуманизме / М. Хайдеггер // Проблема человека в западной философии. Переводы / сост. и послесл. П. С. Гуревича; общ. ред. Ю. Н. Попова. – М.: Прогресс, 1988.
13. Прусак, А. И. Достоинство личности в социологическом дискурсе / А. И. Прусак // Социс. – 2006. – № 7.
14. Шохин, В. К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль / В. К. Шохин. – М.: Изд-во РУДН, 2006.
15. Янг, М. Возвышение меритократии / М. Янг // Утопия и утопическое сознание / сост. и общ. ред. В. А. Чаликовой. – М.: Прогресс, 1991.
16. Кустарев, А. Меритократия и демократия / А. Кустарев // Неприкосновенный запас. – 2013. – № 1. – С. 3–10.
17. Waldron, J. Dignity, Rank and Rights / J. Waldron, M. Dan-Cohen. – Oxford: Scholarship Press, 2012.
18. Епифанова, Н. Н. Аксиологические принципы «жизненного мира»: Э. Гуссерль и неокантианская методология / Н. Н. Епифанова // Вестн. Адыгейского гос. ун-та. Сер. 1, Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2008. – № 8 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/aksiologicheskie-printsipy-zhiznennogo-mira-e-gusserl-i-neokantianskaya-metodologiya>. – Дата доступа: 20.08.2014.
19. Хайдеггер, М. Европейский нигилизм / М. Хайдеггер // Проблема человека в западной философии. Переводы.
20. Бердяев, Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии) / Н. А. Бердяев. – М.: Междунар. отношения, 1990.
21. Подолько, О. Е. Достоинство: личностное измерение и риск ответственности: автореф. дис. ... канд. филос. наук / О. Е. Подолько. – Тверь, 2011.
22. Мень, А. Речь на российско-германском Вайнгартенском симпозиуме «Индивидуальное и массовое сознание» (май 1990) / А. Мень // Иностранная литература. – 1990. – № 11.
23. Шаракшанэ, С. А. Достоинство человека: опыт философско-антропологического осмысления: автореф. дис. ... канд. филос. наук / С. А. Шаракшанэ. – Ростов н/Д, 2007.
24. Сартр, Ж. П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж. П. Сартр // Сумерки богов. – М.: Политиздат, 1989. – С. 319–344.
25. Хайдеггер, М. Вопрос о технике / М. Хайдеггер // Время и бытие. – М., 1993. – С. 221–238.
26. Маркузе, Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе. – М., 1994.
27. Хабермас, Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике / Ю. Хабермас. – М.: Весь Мир, 2002.
28. Быков, Д. В. Борис Пастернак / Д. В. Быков. – М.: Молодая гвардия, 2005. – (Сер. ЖЗЛ).
29. Бауман, З. Свобода / З. Бауман; пер. на рус. яз. Г. М. Дашевский. – М., 2006.
30. Quante, M. Quality of life assessment and human dignity: against the incompatibility-assumption / M. Quante // Poiesis and Praxis. – 2005. – № 3. – P. 168–180.

31. Wiesemann, C. Michael Quante, Menschenwürde und personale Autonomie. Demokratische Werte im Kontext der Lebenswissenschaften / C. Wiesemann // Ethical Theory and Moral Practice. – 2011. – № 14. – P. 601–603.
32. Конституции государств Европейского Союза. – М., 1997.
33. Власова, О. В. Достоинство человека как нравственно-правовая ценность: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / О. В. Власова. – Ханты-Мансийск, 2011.
34. Ковалев, А. А. Ценность и достоинство личности – философско-правовая основа прав и свобод человека / А. А. Ковалев // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство, право и управление. – 2011. – № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.journalnio.com/index.php?option=com_content&view=article&id=1097&Itemid=114. – Дата доступа: 01.06.2014.
35. Столин, В. В. Самосознание личности / В. В. Столин. – М.: Изд-во МГУ, 1983 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/stolv01/txt10.htm>. – Дата доступа: 20.08.2014.
36. Повещенко, Н. П. Концепция прав человека и статус личности / Н. П. Повещенко // Вестн. Нижегород. ун-та. – 1998. – № 1. – С. 70–76.
37. Гаскарова, М. Л. Правовая защита чести и достоинства личности: вопросы теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. Л. Гаскарова. – Саратов, 1996.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ХРИСТИАНСКОГО ПОНИМАНИЯ ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ И ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

*С. Г. Мовсесян, протоиерей,
кандидат философских наук, кандидат богословия*

После окончания Второй мировой войны и создания комплекса международных миротворческих институтов риторика, возвеличивающая права человека, обрела статус, сравнимый с религией в традиционном обществе. Действенность международных правовых норм обеспечивалась тем, что в культуре европейских народов была жива память ужасов войны, повторения которых в новых формах и должны были не допустить современники. С другой стороны, мир существовал в биполярных условиях, сдерживавших глобальные авантюры любых субъектов мирового сообщества. «Мир во всем мире», как бы ни понимали это выражение в различных частях света, был общей целью нескольких поколений людей. Права человек, призванные его обеспечить, служили душой либеральных идеологий второй половины XX в.

К началу нового тысячелетия жизнь человечества изменилась и продолжает меняться изо дня в день. Желание утвердить некий единый мировой порядок в том его варианте, который приемлем для победителей холодной войны, возрастает. При этом международные конвенции оказываются все менее очевидными рамками взаимодействий.

Прогресс в сфере технологий также существенно меняет представления человека о себе самом. Их внедрение в медицину ставит вопросы, ответы на которые раньше казались очевидной константой. Что такое жизнь и где та граница, после которой начинается смерть? Что такое пол и насколько он конститутивен для формирования личности человека? Таких вопросов много. Важно

то, что их появление демонстрирует серьезные вызовы для наших антропологических представлений и для соответствующих индивидуальных и социальных практик.

Вместе с этими фундаментальными изменениями права человека остаются формальным основанием для регулирования отношений между людьми. Ссылки на права человека в описанных условиях, тем более в обществах, которые оказываются объектами, а не субъектами трансформаций, вызывают резонный вопрос о смысле этого концепта и о механизмах его применения. К сожалению, многочисленные конференции, на которых он обсуждается, зачастую похожи на рекламную акцию продукта, но не способствуют тому, чтобы выявить основания и философские предпосылки концепции прав человека.

Нужно отметить, что к реализации комплекса идей, входящих в нее, постоянно привлекаются религиозные организации. Эти обращения к религиозным организациям различных традиций, по всей видимости, не являются случайным явлением, следствием чьих-то субъективных пристрастий. Очевидно, что религия как институт, регламентирующий с помощью своих специфических механизмов жизнь общества, не может быть оставлена без внимания специалистами правозащитных организаций, претендующих на исполнение тех же социальных функций своими средствами.

В Русской Православной Церкви имеется своя история отношения к концепции прав человека. Кр. Штекль, исследовавшая динамику этих отношений с момента подписания Всеобщей декларации прав человека в 1948 г., отмечает: «С нашей точки зрения, за эти полвека позиция Русской Православной Церкви сменилась от решительного отрицания к критическому принятию. Сегодня Московский патриархат пользуется понятием прав человека для достижения собственных целей и отстаивает консервативное понимание прав человека в полемике с либерализмом и индивидуализмом международной системы прав человека» [1].

Исследовательница выявляет внешние и внутренние причины неприятия прав человека Русской Церковью. К внешним она относит давление, которое испытывала Церковь от советского государства, в силу чего и не могла открыто говорить о гонениях в свой адрес. Внутренней же причиной Кр. Штекль считает ситуацию, сложившуюся до и во время Второй мировой войны: «Некоторые части Русской Православной Церкви объявили свою независимость от Московского патриархата. В частности, Украинская автокефальная православная церковь и Русская церковь в Западной Европе. После 1945 года патриарх Алексей, при поддержке советского правительства, сделал все возможное, чтобы вернуть отколовшиеся группы под юрисдикцию Москвы» [1]. Оказалось, что апелляция к Всеобщей декларации прав человека, в частности к 18-й статье, в которой говорится о свободе менять свою религию, может нанести вред каноническому единству самой Церкви.

Кр. Штекль отмечает, что к 1991 г. удалось обнаружить лишь два официально высказанных представителями РПЦ суждения о концепции прав чело-

века. Это выступление в 1963 г. митрополита Никодима (Ротова) в Праге на «Христианской мирной конференции», а также статья А. Осипова «Богословские аспекты прав человека», опубликованная в Журнале Московской патриархии за 1984 год. Оба материала критически относятся к правам человека, как стоящим на защите индивидуальных интересов в ущерб общему народному делу. А. Осипов в рамках богословской аргументации указывает также на связь человеческой свободы с грехом, в силу чего невозможно абсолютизировать притязания человека на самореализацию. При этом возникает опасность абсолютизации греха.

В основе изменений в отношениях к правам человека лежит обнаружение тех глубинных оснований правовой культуры, на которых создается ответственное отношение человека к себе, к окружающим людям и к миру. Речь, как представляется, идет об открытии антропологической перспективы вопроса о правах человека. Как пишет Кр. Штекль: «Отличительной чертой этого нового подхода стало более глубокое знание западного правового режима, его истории и текущих проблем правового законодательства. Эта стратегия была принята на вооружение с того момента, как митрополит Кирилл впервые процитировал 29-ю статью Всеобщей декларации прав человека:

«1. Каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности.

2. При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе.

3. Осуществление этих прав и свобод ни в коем случае не должно противоречить целям и принципам Организации Объединенных Наций.

Это «открытие» двадцать девятой статьи сильно повлияло на споры вокруг прав человека внутри Русской православной церкви, которая больше не противопоставляла себя западному индивидуалистическому пониманию человеческих прав. Вместо этого Церковь считала себя защитницей подлинного понимания прав человека, отраженного в 29-й статье. Это понимание подчеркивает важность нравственности и обязанностей перед обществом» [1].

Открытие нравственного основания правовой культуры Европы позволило Русской Православной Церкви по-новому взглянуть на концепцию прав человека и стать активным участником дискуссий о самой природе правового сознания, о правоприменении, об аппликации этой концепции на реалии народов, окормляемых Русской Православной Церковью.

Горизонты для антропологического подхода к пониманию прав человека расширяются, когда эта концепция рассматривается в контексте с фундаментальным понятием достоинства человека.

Д. Шультцинер задается вопросом о способах употребления этих понятий в практике международных организаций. Ссылаясь на преамбулу Устава ООН,

а также на преамбулу Всеобщей декларации прав человека, он говорит, что понятия права и достоинства там употребляются как два отдельных и взаимозависимых понятия, при том что иерархия этой взаимозависимости не представлена в эксплицитных формулировках. Вместе с тем исследователь ссылается на Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, который подписан «принимая во внимание, что в соответствии с принципами, провозглашенными Уставом Организации Объединенных Наций, признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира, признавая, что эти права вытекают из присущего человеческой личности достоинства» [2]. Далее Д. Шультцинер отмечает: «В этих документах ООН человеческое достоинство рассматривается как высшая ценность, которая не только стоит отдельно от прав человека, но также замещает (*supercedes*) их. Права человека проистекают из человеческого достоинства, в то время как последнее охватывает сущностные характеристики человеческого существа» [3].

Следуя логике, которую эксплицирует Д. Шультцинер в основополагающих документах ООН, мы можем констатировать некоторую иерархию проблем, относящихся к нашей теме: права человека покоятся на понятии о достоинстве человека. Само же достоинство человека предполагает фундаментальную проработку антропологической проблематики.

В 2008 г. Архиерейский собор Русской Православной Церкви принял документ «Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека» (ДСПЧ) [4]. Текст имеет следующую структуру:

Преамбула

I. Достоинство человека как религиозно-нравственная категория.

II. Свобода выбора и свобода от зла.

III. Права человека в христианском миропонимании и в жизни общества.

IV. Достоинство и свобода в системе прав человека.

V. Принципы и направления правозащитной деятельности Русской Православной Церкви.

Этот документ имеет свою историю. Он является развитием идей, изложенных по данной теме в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» (Юбилейный Архиерейский собор. М., 2000). Став достоянием широкой общественности, он, в свою очередь, вызвал и продолжает вызывать как положительные, так и отрицательные отклики.

Для осознания антропологических предпосылок христианского понимания личности особое значение имеет полемический отзыв на ДСПЧ со стороны Сообщества протестантских церквей в Европе, озаглавленный «Права человека и нравственность» [5] (Отклик СПЦЕ). Как отмечает игумен Филарет (Булеков), «в настоящее время СПЦЕ объединяет 105 протестантских церквей Европы (включая 5 южноамериканских церквей, происходящих из Европы) – лютеранских, реформатских, объединенных, методистских, а также дорефор-

мационные общины гуситов и Чешских Братьев – на основе Лойенбергского соглашения 1973 года» [6]. Важность этого Отклика заключается, на наш взгляд, в том, что в нем отражен взгляд протестантских церквей, полемика которых с традиционным католицизмом оказалась основополагающей предпосылкой секулярного понимания права.

Помимо аналитического обзора Отклика СПЦЕ, составленного бывшим в 2009 г. представителем Русской Православной Церкви при Совете Европы в Страсбурге игуменом Филаретом (Булековым), в скором времени появилась обстоятельная совместная публикация профессоров Института межхристианских исследований Фрибургского университета (Швейцария) и Института Восточных Церквей в Регенсбурге Барбары Халленслебен, Николая Вирволя, Гвидо Фергауена [7], в которой критике подвергается уже точка зрения авторов протестантского Отклика. Стоит отметить, что авторы совместной публикации являются католиками по вероисповеданию.

В представленной этими текстами полемике вполне очевидными являются как различия, так и общее в подходе к пониманию достоинства и прав человека в разных христианских конфессиях.

Ключевыми антропологическими константами всех христиан является, во-первых, представление о том, что *человек создан по образу и подобию* Божию. В Книге Бытия повествуется о том, как после создания всего тварного мира Бог создает человека: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему по подобию Нашему» (Быт 1: 26).

Во-вторых, живя в раю, человек согрешил, был изгнан из рая, в результате чего способ его существования кардинально изменился. Апостол Павел пишет: «Посему, как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, [потому что] в нем все согрешили» (Рим 5: 12). И далее в том же послании он описывает этот греховный способ существования: «Ибо знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе; потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех. Итак я нахожу закон, что, когда хочу делать доброе, прилежит мне злое. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божиим; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих» (Рим 7: 18–23).

В-третьих, воплощение Бога, Его смерть и воскресение открывают человеку путь к восстановлению утраченной праведности, обретению богоподобного способа существования, к тому, что в святоотеческой письменности обозначается понятием «обожение». Как пишет апостол Петр о Христе: «Он грехи наши Сам вознес телом Своим на древо, дабы мы, избавившись от грехов, жили для правды» (1Пет 2: 24). Ему вторит апостол Павел: «Но ныне, когда вы освободились от греха и стали рабами Богу, плод ваш есть святость, а конец – жизнь вечная» (Рим 6: 22).

Вопрос о достоинстве и правах человека обращен в перспективе указанных антропологических констант к способу, методам жизни *для правды* (1Пет 2: 24). Это значит, что осмысление достоинства и прав человека должно исходить из представления о динамизме его природы, о том, что он есть существо становящееся. Именно эта идея заключается в определении человека не только как образа, но и как подобия Божия. Как говорится в ДСПЧ I.2: «Если к образу Божию в Православии возводится неотъемлемое, онтологическое достоинство каждой человеческой личности, ее высочайшая ценность, то подобающая достоинству жизнь соотносится с понятием подобия Божия, которое по Божественной благодати достигается через преодоление греха, стяжание нравственной чистоты и добродетелей» [4].

Теперь мы можем сформулировать проблему христианского понимания достоинства и прав человека более четко. Зависит ли достоинство человека от способа осуществления им своих богодарованных способностей или оно является его неотъемлемым свойством? Какие качества актуализируются в человеке и обществе, стремящихся к реализации прав человека? Какова антропологическая основа правового сознания? Является ли субъектом права человек, который своими действиями разрушает антропологическую основу собственной правомочности?

В дискуссии вокруг документа ДСПЧ четко обозначились две возможные позиции по указанным вопросам.

Первая позиция заявлена в самом ДСПЧ. В документе, в частности, говорится: «В восточной христианской традиции понятие «достоинство» имеет в первую очередь нравственный смысл, а представления о том, что достойно, а что недостойно, крепко связано с нравственными или безнравственными поступками человека и с внутренним состоянием его души». Таким образом, нравственность является, согласно ДСПЧ, основанием достоинства человеческой личности: «Между достоинством человека и нравственностью существует прямая связь. Более того, признание достоинства личности означает утверждение ее нравственной ответственности».

Означают ли эти утверждения то, что согласно документу РПЦ, человек, совершающий безнравственные поступки, утрачивает свое достоинство и основанные на нем права? Именно в этом, кстати, и упрекают документ авторы протестантского Отклика: «Так как Русская Православная Церковь развивает концепцию достоинства человека только в качестве нравственного критерия, она не может понимать достоинство как обоснование безусловной защиты от человеческих посягательств» [5].

Однако в обсуждаемом документе, очевидно, присутствует иная логика: «Нравственно недостойная жизнь онтологически не разрушает богоданного достоинства, но помрачает его настолько, что оно становится малоразличимым. Именно поэтому требуется большое напряжение воли, чтобы увидеть, а тем более признать природное достоинство тяжкого преступника или тирана». Права, призванные защищать неприкосновенное пространство челове-

ского достоинства, будучи применены на практике, являются отражением определенного отношения субъекта права к реальности межличностных отношений. Можно выделить по крайней мере два варианта таких отношений.

Первым вариантом правового отношения будет доверие. Доверие к человеку, отклонившемуся от некой общепринятой нормы межличностных отношений, заключается в том, что общество сохраняет за ним правомочность в качестве возможности вернуться к норме. Предпосылкой этого доверия является представление о нерушимости образа Божия в человеке. В юридической практике это доверие именуется вменяемостью [8].

Второй вариант отношения – это опасение в том, что отклонение от нормы может повлечь за собой необратимые последствия. И тогда помещение человека в правовое поле будет способом обезопасить от него окружающих людей. При этом речь будет идти не о том, что таким путем ограниченный человек лишается неотъемлемого достоинства, обусловленного тем, что он есть образ Божий. А о том, что ответственная за безопасность общества судебная инстанция признает в настоящих обстоятельствах невозможным или неэффективным допущение обвиняемому оставаться в неограниченных правах, с целью чего они и ограничиваются. В любом случае имеет место выбор, за которым стоит трезвая оценка собственной способности общества (индивида) компенсировать недостаток уровня порядочности правонарушителя собственными нравственными усилиями по поддержанию порядка.

Таким образом, правоприменение является действием нравственного характера как со стороны гражданина, так и со стороны института, уполномоченного регулировать гражданские отношения. Более того, можно сказать, что делая выбор строить межличностные отношения в правовом поле, человек совершает действие экзистенциального характера, конституирующее его в качестве личности.

Здесь мы видим ключевое различие в отношении к правам человека, которое существует не только между православными (и солидарными с ними католическими) авторами и протестантскими Церквями, но также между традиционным религиозным сознанием и современными правозащитными организациями. Оно заключается в том, что одна сторона признает достаточным условием правовых отношений природного достоинства человека, в то время как другая – считает это условие необходимым, но не недостаточным, требуя его дополнения нравственными параметрами, характеризующими способ реализации свобод, присущих человеку.

В ДСПЧ делается следующее заявление по поводу необходимости указанного дополнения: «Каждый человек от Бога наделен достоинством и свободой. Однако употребление свободы во зло неизбежно влечет за собою умаление собственного достоинства человека и унижение достоинства других людей. Общество должно создавать механизмы, восстанавливающие гармонию человеческого достоинства и свободы. В общественной жизни концепция прав человека и нравственность могут и должны служить данной цели. При этом

они связаны хотя бы уже тем обстоятельством, что нравственность, то есть представления о грехе и добродетели, всегда предшествует закону, который и возник из этих представлений. Вот почему эрозия нравственности всегда, в конце концов, ведет к разрушению законности».

Отклик протестантских Церквей, учитывая, казалось бы, те же евангельские предпосылки понимания концепции прав человека, приходит к другому пониманию соотношения нравственности и правосознания человека. В Отклике говорится следующее: «Освящение и нравственность человеческой жизни необходимо отличать от определения задач прав человека. К сожалению, в своем заявлении Русская Православная Церковь воздерживается от этого нравственно-правового объяснения прав человека. В результате нет ясного разграничения между правами человека, с одной стороны, и нравственными представлениями и религиозными убеждениями, с другой». Здесь предлагается различать сферы компетенции права и нравственности. Ссылаясь на ранее изданный документ, протестанты пишут в Отклике о концепции прав человека: «Эта концепция побуждает размышлять о них в универсальных терминах и искать возможности связать их с культурными традициями человечества. В рамках учения об охранительной функции «права» протестантское богословие связывает вопрос о правах человека с Божией волей сохранения, не отрицая их светский характер».

Как представляется, за различиями, вводимыми Откликом СПЦЕ, скрываются специфические акценты протестантской антропологии. Речь идет о знаменитых *Quinque sola* (*Пять «только»*): *Sola scriptura* («только Писанием»), *Sola fide* («только верой»), *Sola gratia* («только благодатью»), *Solus Christus* («только Христос»), *Soli Deo gloria* («только Богу слава»). Так в Отклике говорится: «Достоинство человека не определяется собственными достижениями личности, а исключительно Божией благодатью – предпосылка, находящаяся совершенно вне ее распоряжения». И далее: «основанное на праведности Божией достоинство человека не может быть в принципе поставлено под вопрос человеческой греховностью».

Важно отметить, что во многом эти *Sola* были сформулированы в контексте полемики с римской Церковью, которая систематически обвинялась реформатами в забвении идеалов Царства Божиего в угоду реалиям царства земного*.

Как следствие особого (*Sola*) внимания к «Небесному», «земное» оказалось секуляризированным, т. е. оторванным от соответствующей заботы Церкви. «Собственные достижения личности», либо «человеческая греховность» не поддаются оценке, оказываются незначимыми, поскольку никак не влияют на динамику оправдания Божией благодатью. А это приводит к тому, что досто-

* Можно в качестве примера вспомнить очень раннее противопоставление М. Лютером теологии креста и теологии славы в Гейдельбергских тезисах (1518); идущее вслед за средневековым номинализмом пренебрежение человеческими способностями в делах богопознания, приведшее, вслед за критикой католических регламентаций спасительных дел, к утверждению доктрины *Sola fide* и др.

инство личности оказывается такой же формальной характеристикой человека, как какие-нибудь геометрические характеристики точки или прямой.

Став из заданности данностью, достоинство человека перестает в принципе быть стимулом нравственного поведения человека, превращаясь в двусмысленную переменную, определенность которой придается прагматическими соображениями, независимыми от требования морали.

В тексте Б. Халленслебен, Н. Вирволя и Г. Фергаувена неоднозначность практики реализации прав человека описывается следующим образом: «Понятию о правах человека свойственна двусмысленность, которая неизбежно вызывает вопрос о критериях в случае конфликтной ситуации. Что важнее в случае с карикатурами на пророка Магомета, свобода на выражение своего мнения со стороны автора или же уважение религиозной свободы мусульман? Кто имеет решающий голос в случае с решением Европейского Суда по правам человека о недопустимости запрета на присутствие женщин на Горе Афон, право монашеской республики на самоопределение или же принцип равенства полов? Когда Папа Бенедикт XVI в Африке мирно выражает свое мнение о том, что презерватив не является решением проблемы СПИДа, а бельгийский парламент осуждает это высказывание в своей специальной резолюции, на чьей стороне права человека? Когда шведский лютеранский пастор в проповеди говорит о том, что гомосексуализм противоречит библейскому учению и за это подвергается аресту, соблюдаются ли его права человека? Кто защитит врачей и медсестер, отказывающихся участвовать в прерывании беременности, от дискриминации на службе? О безусловном извращении понятия прав человека идет речь в случае, когда депутат покидает ряды своей партии за то, что она выступает за блокирование интернет-сайтов с детской порнографией, видя в подобном запрете недопустимую цензуру свободы средств массовой информации» [7].

Авторы процитированной статьи дают четкую критику стремлению составителей Отклика СПЦЕ исключить на основании доктрины *Sola gratia* концепцию прав человека из нравственной перспективы. Они задаются справедливыми вопросами: «Если достоинство основывается на оправдании, которое принимается в вере и только благодатью (*Sola gratia*), то не являются ли все неверующие лишены человеческого достоинства и основывающихся на нем прав человека? Не является ли провозглашение достоинства человека на основании только благодати безусловным «оправданием» любого нравственного состояния, как отдельного человека, так и общества? Пребывает ли благодать Божия, которая несомненно не находится в распоряжении человека, по ту сторону видимого изменения отдельного человека и общества, так, что она превращается в неподлинное утверждение преобразования мира, на деле и далее остающегося во грехе? Какое представление о целеполагании и динамике действия несет в себе евангельское понимание прав и достоинства человека?» [7].

Исторический экскурс в развитие социального учения католической Церкви дан в одноименном труде Ю. Майка [9]. Систематическое изложение уче-

ния дано в «Компендиуме социального учения Церкви» [10]. Размышляя о системе демократии, авторы компендиума ссылаются на энциклику Папы Иоанна Павла II *Evangelium Vitae* (1995). В ней в частности говорится: «На самом деле демократию не надо переоценивать, превращая ее в замену нравственности или «панацею» против безнравственности. Она в основе своей представляет «порядок» и как таковая является средством, а не целью. «Нравственный» характер демократии не проявляется сам собою, а зависит от ее соответствия нравственным законам, которым она должна подчиняться, как и всякая человеческая деятельность: следовательно, он зависит от нравственности целей, к которым демократия стремится, и средств, которыми она пользуется» [11].

Можно говорить о сходном понимании соотношения нравственности и права, а точнее нравственности и демократии как механизма реализации прав человека в Православной и Католической Церквях. Это сходство можно выразить следующим образом: право обретает ценность в перспективе нравственных целей своего применения. Превращение права из средства в цель ведет к пагубным трансформациям общественного сознания, в числе которых утрата критического подхода к социальной реальности и создание благоприятной среды для манипуляции сознанием граждан.

Таким образом, экзистенциальный динамизм с четко заданным вектором своего развития человечество приобретает только при условии восприятия концепции прав человека в перспективе нравственного основания поступка.

Нельзя сказать, чтобы такое понимание было эксплицитно выражено в документах, отражающих основополагающие идеи концепции прав человека. Однако возможность подобной интерпретации не исключена.

Так, в преамбуле к Уставу ООН говорится, что народы объединенных наций преисполнены решимости «вновь утвердить *веру* в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций, и *создать условия*, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права, и *содействовать* социальному прогрессу и улучшению условий жизни при большей свободе» (курсив наш. – С. М.) [12]. Утверждаются не сами права, а вера в них. Создаются условия соблюдения справедливости, но не справедливость сама по себе. Декларируется решимость содействовать социальному прогрессу, но не прогрессивность ООН и – несколько произвольно экстраполируя на другую предметную область – прав человека как таковых.

В преамбуле ко Всеобщей декларации прав человека говорится о том, что она является задачей, а не данностью: «Генеральная Ассамблея провозглашает настоящую Всеобщую декларацию прав человека в качестве *задачи* (курсив наш. – С. М.), к выполнению которой должны стремиться все народы и государства» [13]. Реализация этой задачи осуществляется, согласно логике Декларации, в нравственной перспективе (ст. 29.2).

Полагаю, подобные фундаментальные суждения, высказанные в преамбулах основополагающих документов ООН, нельзя воспринимать как простые риторические фигуры. Они отражают некоторое антропологическое видение. Это видение не чуждо религиозного взгляда на способы регуляции общественной жизни перед лицом Божиим. Известно ведь, что существенную роль в подготовке проекта Всеобщей декларации прав человека сыграл выдающийся католический философ XX в. Жак Маритен. «Признавая существование вечного и неизменного закона, Маритен считал, что естественное право раскрывается людям постепенно, по мере развития культуры и приближения человека к Богу. Каждая эпоха, полагал он, имеет свой «исторически конкретный идеал». В связи с этим Маритен оценивал как бесплодные попытки составить полный каталог естественных прав индивида на все времена. «Декларация прав человека никогда не будет исчерпывающей и окончательной. Она всегда будет зависеть от уровня сознания и от уровня цивилизации в данный период истории», – писал Маритен [14, с. 551].

Уровень сознания и уровень цивилизации нашего времени существенно меняются по отношению ко времени подписания Декларации.

Дискуссия, развертывающаяся между христианскими конфессиями вокруг концепции прав человека, является частью фундаментальных изменений, происходящих в XX–XXI вв. в мышлении о человеке. Трансформации в антропологии влекут за собой переориентацию на новую методологию всего комплекса гуманитарного познания и, в частности, исследований в области политики.

Предсказания авторов теорий либеральной секуляризации о скором вытеснении религии из общественно значимых сфер фальсифицируются сегодня в глобальном масштабе. И. В. Кудряшова приводит данные относительно современной религиозности в планетарном масштабе: «Главным критиком рационально-секулярной парадигмы по-прежнему является сама жизнь. На 2012 г., согласно Глобальному индексу религиозности и атеизма, число верующих в мире по-прежнему высоко: 59% населения. На самом деле эта цифра еще больше, поскольку опросом не были охвачены многие азиатские и африканские страны. По БРИК* приводятся следующие данные: Бразилия – 85% (входит в десятку стран мира с самым религиозным населением), Индия – 81, Россия – 55, Китай – 14%» [15].

Авторы, которые во многом были флагманами европоцентристских теорий секуляризации, в начале XXI в. сами начинают развивать теории «постсекуляризации». Речь идет о Ю. Хабермасе, П. Бергере, Дж. Ролзе. Так, «американский социолог Питер Бергер, говоря об ошибках теории секуляризации (т. е. во многом собственных ошибках), отмечает, среди прочего, два важных момента: во-первых, модернизация, как и секуляризация, неравномерна и может порождать мощные движения контрсекуляризации; во-вторых, институты, идентифицируемые как религиозные, могут выполнять свои социальные

* Речь идет о Бразилии, России, Индии и Китае.

и политические роли, даже если очень немногие верят в религии, которые они представляют» [15].

На фоне самокритики теорий либеральной секуляризации возникают теории «множественной современности», в них анализируются различные варианты трансформаций традиционных обществ, которые не обязательно приводят их к модернизации европейского образца. Одним из наиболее важных авторов в этом направлении является Шмуэль Эйзенштадт [16]. Открывая серию статей в журнале «Государство, религия, церковь в России и за рубежом», посвященных теории «множественных современностей» Д. Узланер пишет: «В процессе модернизации элементы отнюдь не однородной и не лишенной противоречий «программы современности» – будь то новая антропология субъекта, капиталистическая экономика, национальное государство, демократия и права человека, научная рациональность, светскость и другие – накладываются на конкретные цивилизационные контексты, сформированные специфическими культурными, религиозными, историческими и прочими особенностями конкретного общества (основания этих цивилизационных контекстов, по мнению Эйзенштадта, закладываются в ранее описанное К. Ясперсом так называемое «осевое время», датируемое серединой I тыс. до н. э.). В результате этого наложения возникают специфические общественные формации, которые «имеют черты современности, но с сильным влиянием особых культурных предпосылок, традиций и исторического опыта» [17].

В качестве примера мотивации конституционного мышления, альтернативного секулярному, можно привести преамбулу к Конституции Ирландии от 29 декабря 1937 г.:

«Во имя Пресвятой Троицы, от которой исходят все власти и к которой как к нашей последней надежде должны быть направлены все действия человека и Государства,

Мы, народ Эйре, смиренно признавая все наши обязанности перед нашим Священным Господином Иисусом Христом, который поддерживал наших отцов в столетиях испытаний,

вспоминая с благодарностью и непрестанную борьбу за восстановление независимости нашего народа

и стремясь способствовать общему благу с должным уважением к Благоумию, Справедливости и Милосердию, с тем чтобы были обеспечены достоинства и свободы человека, достигнут подлинный социальный порядок, восстановлено единство нашей страны и достигнуто согласие с другими народами, таким образом одобряем, издаем и устанавливаем для себя эту Конституцию» [18].

В этом контексте обращение к восточно-христианскому наследию представляется более чем оправданным. Как считает Кр. Штекль, «сдвиг в западной социальной и политической мысли заслуживает внимания с православной точки зрения по двум причинам. Во-первых, в силу того, что речь идет о новой открытости к религиозному мышлению вообще, изменяется характер

западного академического дискурса, и идеологический секуляризм вместе с самодостаточным гуманизмом открывают путь постсекулярным подходам. Во-вторых, в рамках этого постсекулярного дискурсивного пространства православное богословие может предложить важные соображения, касающиеся религиозного опыта, практики и субъективности» [19].

Отметим состоявшуюся в этом году в Москве презентацию книги процитированного автора «Русская Православная Церковь и права человека» [20], где она рассматривает философские интерпретации современности на базе либерализма, постмодернизма и синергичной антропологии. Реконструируя проблематику постсекуляризма (Ю. Хабермас, Дж. Ролз), она привлекает С. С. Хоружего, Хр. Яннараса и других современных православных мыслителей для оформления концептуальной альтернативы современным антропологическим идеям западноевропейских коллег.

Сходные идеи развивает наш соотечественник, заместитель начальника кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь В. И. Павлов. Декларируя необходимость методологической ревизии теории права, он пишет: «Речь должна идти не о прежнем картезианско-кантианском «субъекте права», обладающем только атрибутированными ему юридическими качествами и свойствами, статусами и положениями, позволяющими ему вступать в правовые отношения, не о некоей искусственно отдифференцированной нормативной модели человека, зафиксированной в текстах правовых актов (что и составляло классическую модель «субъекта права»), но о действующем в правовом пространстве цельном человеке..., человеке как таковом, со своей личностной конституцией и идентичностью, целостным правовым взглядом и правовым поступком» [21].

Все это показывает, что христианское понимание достоинства человека и прав личности может быть важным источником как для становления отечественной правовой культуры, так и для широко теоретического осмысления концепции прав человека.

Попытки обретения новых горизонтов для антропологии с новой силой актуализируют наследие русской религиозной философии. Критика односторонних западноевропейских философских систем, а также позитивное изложение собственных философских построений, основанных на святоотеческом наследии Православной Церкви, обязывает нас эксплицировать их богатый интеллектуальный потенциал на языке современной проблематики. Это может стать необходимым элементом, позволяющим представителям отечественных светских и церковных кругов вместе отстаивать место Беларуси в сложном и многообразном современном мире.

Литература

1. Штекль, Кр. Подход Русской православной церкви к вопросу прав человека / Кр. Штекль // Государство, религия, церковь в России и за рубежом [Электронный ресурс]. – 2014. – № 3. – Режим доступа: http://religion.rane.ru/sites/default/files/GRC_3-2014_final%2B%2B.146-165.pdf. – Дата доступа: 03.03.2015.

2. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – 1966. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml. – Дата доступа: 03.03.2015.
3. Shultziner, D. Human Dignity – Function and Meanings, *Global Jurist Topics* 3(3) [Electronic resource] / D. Shultziner. – 2003. – Mode of access: <http://www.bepress.com/gj/topics/vol3/iss3/art3/fn.24>.
4. Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека // Русская Православная Церковь [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/428616.html>. – Дата доступа: 03.03.2015.
5. Права человека и нравственность // Сообщество протестантских церквей в Европе [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/476497.html>. – Дата доступа: 03.03.2015.
6. Булеков, Филарет, игумен. Межхристианская дискуссия по вопросу о правах человека [Электронный ресурс] / Булеков. – 2008. – Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/480131.html>. – Дата доступа: 03.03.2015.
7. Халленслебен, Б. О двусмысленности понятия о правах человека. Признаки непонимания в позиции «Сообщества евангелических церквей Европы» [Электронный ресурс] / Б. Халленслебен, Н. Вирволь, Г. Фергауен. – 2008. – Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/477777.html>. – Дата доступа: 03.03.2015.
8. Соловьев, Э. Момент дикости [Электронный ресурс] / Э. Соловьев // Индекс. – 2003. – № 18. – Режим доступа: <http://www.index.org.ru/journal/18/18-soloviev.html>. – Дата доступа: 03.03.2015.
9. Майка, Ю. Социальное учение Католической Церкви / Ю. Майка. – Рим; Люблин: Изд-во Святого Креста, 1994. – С. 480.
10. Компендиум социального учения Церкви. – М.: Изд-во Paoline, 2006.
11. Иоанн Павел II. Энц. *Evangelium vitae*, 70 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fjp2.com/john-paul-ii/online-library/encyclicals/126-evangelium-vitae#4_4. – Дата доступа: 03.03.2015.
12. Устав Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – 1945. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/charter/preamble.shtml>. – Дата доступа: 03.03.2015.
13. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]. – 1948. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml. – Дата доступа: 03.03.2015.
14. История политических и правовых учений: учеб. / под ред. О. Э. Лейста. – М.: Изд-во Зерцало, 2006. – С. 551. – (Сер. «Классический университетский учебник»).
15. Кудряшова, И. В. Цивилизационное измерение модернизации: Россия в контексте мирового опыта / И. В. Кудряшова // Перспективы. Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/rus/gos/civilizacionnoje_izmerenije_modernizacii_rossija_v_kontekste_mirovogo_opyta_2014-06-04.htm. – Дата доступа: 03.03.2015.
16. Эйзенштадт, Шм. Новые религиозные констелляции в структурах современной глобализации и цивилизационная трансформация [Электронный ресурс] / Шм. Эйзенштадт // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2012. – № 1 (30). – Режим доступа: <http://religion.gane.ru/?q=ru/node/38>. – Дата доступа: 03.03.2015.
17. Узланер, Д. От секулярной современности к «множественным»: социальная теория о соотношении религии и современности / Д. Узланер // Государство, религия, церковь в России и за рубежом [Электронный ресурс]. – 2012. – № 1 (30). – Режим доступа: http://religion.gane.ru/sites/default/files/From%2520Secular%2520Modernity%2520to%2520Multiple%2520Modernities_0.pdf. – Дата доступа: 03.03.2015.
18. Конституция Ирландии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/ireland/irelnd-r.htm. – Дата доступа: 03.03.2015.
19. Штекль, Кр. «Возвращение религии» в социальную науку и политическую философию / Кр. Штекль [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/1489841.html>. – Дата доступа: 03.03.2015.

20. Австрийская исследовательница представила в Москве книгу о том, как менялся взгляд РПЦ на права человека [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/3956715/index.html>. – Дата доступа: 03.03.2015.

21. Павлов, В. И. Необходимо ли взаимодействие богословского и юридического дискурсов, или О возможности синергично-антропологической концепции права [Электронный ресурс] / В. И. Павлов. – 2010. – Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/1313378.html>. – Дата доступа: 03.03.2015.

КОНЦЕПТ ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

*В. В. Позняков,
доктор философских наук, профессор*

Достоинство как морально-этическая категория

Понятие «достоинство» в его категориальном статусе должно выражать некие существенные отношения, связи, свойства, признаки предмета, явления, процесса. Следовательно, проблема заключается в том, чтобы не только выявить класс предметов и явлений, выражаемых данным понятием и обозначаемым соответствующим термином, но и определить содержание и, если можно сказать, интенсивность отношений и связей, признаков и свойств явления, еще нами не определенного. Отсюда можно предположить, что аналитик должен обратиться к реалиям, представляемым данной категорией, пусть пока еще в обобщенной форме. В этом состоит практическая задача: выделить класс реалий, выражаемых данной категорией, и проследить, остается ли относительно неизменным ее семантическое ядро, в котором имплицитно содержится сущность явлений, за ним стоящих. Если мы определим это сущностное ядро, то, опираясь на его значение и семантику, мы сможем установить, соответствует ли оно культурно-цивилизационным реалиям конкретного общества и насколько сами реалии «привязаны» к сущности, схваченной в богатстве категориальных отношений.

Первое, что констатирует взыскующий разум, – это отнесенность категории «достоинство» к области морально-этического сознания. Пребывая в этом пласте гуманитарного знания, данная категория выражает ценностное отношение, складывающееся между социальными субъектами и принадлежащее к трудно схватываемой идеальной реальности – ценностному содержанию культуры. Сущность достоинства, определяемого по признаку ценностного содержания, заключена в особом духовном содержании: признание ценностью личности индивида, которая, как отмечал И. Кант, в самой себе несет цель своего развития. Тогда возникает новый вопрос: о какой ценности идет речь? Оказывается, что ценность достоинства весьма специфична, т. е. данное качество выражает такое ценностное отношение, в котором постоянно, всякий раз утверждается, поддерживается и присутствует некий абстрактный инвариант

ценностного содержания достоинства: уважение к личности, ощущающей себя свободной, самоценной и внутренне благородной независимо от имущественного положения и социального статуса. Уважение к себе и признание этого качества за другими представляет основное ценностное содержание достоинства как категории морально-этического и нравственного сознания.

Уважение к личности в конкретном, реальном социокультурном процессе предстает как признание ее особой ценности – высокого предназначения, значимости и важности, отвечающих разумным ожиданиям окружающих ее людей. А что такое важность? То, что выражает меру необходимого для человека? Чем же определяется необходимое? В конечном счете фундаментальной необходимостью и постоянно воспроизводимой потребностью – сохранения рода и отдельной личности, точнее, индивида. Получается, что категория достоинства выработана и существует в культуре (т. е. как культурное явление) для того, чтобы утверждать постоянную и неиссякаемую потребность в сохранении человеческого рода в лице отдельного индивида, входящего в конкретную систему социального целого.

Сверхзадача данной категории реализуется в трех существенных направлениях: 1) разработка содержательного наполнения категории «достоинство», которая не может по-своему, т. е. в абстрактной форме не фиксировать реалии отношений социальных субъектов в весьма широком спектре; 2) реальное содержание и обеспечение достоинства как признание высокой ценности человека и демонстрация уважения к нему, поддерживаемые в идеале практически всеми общественными и государственными структурами: от межличностных отношений, внутри групповой общности до сложнейших государственных, общественных и других институций; 3) достоинство и его предпосылка – признание ценности человека и в идеале непререкаемое уважение к нему – свои истоки имеет в самоуважении, в индивидуально неповторимом признании себя как ценности. Как правило, такое отношение тесно сопряжено с ценностным, т. е. духовным переживанием своего бытия в мире, неизбежным обращением к экзистенциальным, смысложизненным, субъективным аспектам индивидуального бытия, возвышающим индивида как неповторимую духовную личность. Указанные отношения в их взаимосвязи образуют концептуальную схему исследования сущности достоинства и анализа ее проявлений.

В контексте темы анализа уважение к себе мы рассматриваем как предпосылку осознания обществом и его институтами ценности уважения человека, индивида, личности. Признавая некоторый максимализм этого положения, мы утверждаем, что самоуважение, переживание своей самоценности, как и свобода воли, представляют неотъемлемое свойство человека как в потенциальном, так и в актуальном приложении к конкретным ситуациям социокультурных отношений. Потенциально самоуважение в натуре социально пассивной существует в неразвитом виде преимущественно как возможность; оно дремлет, редко обнаруживая свою действительность и действенность в состоянии равнодушного отношения, но тотчас заявляет о себе в ситуациях

критических. Как заметил один чеховский персонаж: «...я живой человек, одушевленное имя существительное и мне деньги нужны».

Дремлющее и невыявленное самоуважение – это латентное состояние морального индивида, не обнаружившего пока в самом себе огромные духовно-нравственные возможности и креативные силы. Но самоуважение в возможности – предпосылка движения индивида по пути обнаружения и утверждения своей ценности; это пока еще не выявленный и не раскрытый в сознании и социальном действии мир. Он может стать в индивиде Атлантидой, обнаруженной в парадоксе самооткрытия. Такой индивид – «сырец», как будто существующий для того, чтобы быть обработанным «привычкой к труду благородному», прежде всего духовному. Отсутствие самоуважения и стремления обрекает его на сомнение в собственной свободе воли и самоценности, на принижение неотъемлемых нераскрытых, а стало быть и неразвитых еще дарований, принадлежащих ему по праву рождения и принадлежности к роду человеческому.

В развитом состоянии самоуважение кристаллизуется в осознании личностью собственного достоинства как высшей ценности, идентифицирующей ее как субъекта культуры, осознающего свое неотъемлемое право на признание, поддержание и защиту собственного достоинства. Такая личность инициирует свою ценность (не только свое достоинство) как принцип жизнеустройства общества в целом и его структур в отдельности. В плане индивидуального существования, в частности смысложизненной экзистенции, осознание собственного достоинства сообщает индивиду качество возвышенного благородства и независимости, которая, правда, в условиях поощряемого современной цивилизацией эгоцентризма может перерасти в свою противоположность – необузданный эгоизм.

Достоинство личности, индивида нуждается в поддержке, в усилиях, в том, чтобы быть востребованным. На уровне субъективном оно предполагает осознание личностью себя как ценности. Иными словами, чтобы достоинство стало неотъемлемым, органичным качеством конкретного индивида, принадлежащим ему независимо от того, как его воспринимают окружающие, он должен осознать ценность достоинства на индивидуальном уровне как принадлежащую именно ему. Вне такого субъективного рассуждения – это не более чем прекрасноречивая фраза. Следовательно, ощущение и признание собственного достоинства конкретным индивидом – верный и убедительный признак того, что нравственные ценности для него не пустой звук, а жизненно необходимые регулятивы повседневного бытия и поведения. Субъективное осознание ценности собственного достоинства свидетельствует о достаточной зрелости нравственного сознания индивида, способного к саморегуляции на основе признаваемых и разделяемых им ценностей, среди которых достоинство занимает далеко не последнее место, если не ведущее.

Общекультурные основания достоинства

Опыт философского осмысления проблемы достоинства исключительно богат, что само по себе, т. е. фактом теоретической и умозрительной проработки, свидетельствует о некоей непреходящей в своей актуальности тайне достойной жизни. По мере постижения сущность его постоянно раскрывается, словно для того чтобы обнаружить новые горизонты своих проявлений. Она – сущность – и является тем кодом, который в силу своей теоретической неопределенности и противоречивой реальности постоянно задает новые загадки как теоретикам, так и практикам. Оказалось, что теория все чаще концентрирует свое внимание на постоянно обогащающих концепт смыслах, а реальный опыт гарантированного (хотя бы частично) обеспечения достоинства еще не стал объектом пристального и беспристрастного изучения.

Второе замечание из области указанного противоречия связано с ограниченностью самой философии в построении концепта достоинства. Богатство смыслов в своих предельных издержках имеет расплывчатость, даже пренебрежение логико-организующим центром теоретических рефлексий – субстанциональным первоначалом достоинства как переживания самоценности личности, ценности культуры и неременного условия ее сохранения. В такой ситуации становится весьма проблематичным постепенное эволюционирование концепта «достоинство» в относительно строгую теорию, что не может не породить новые трудности в практико-содержательном наполнении категории. Разрешением этого противоречия могут стать постепенные «шаги на ощупь» в переводе отдельных смыслов достоинства человека на язык практического опыта, т. е. его пока еще относительного обеспечения. Как отмечает Ю. Хабермас, «достоинство человека образует портал, через который эгалитарно-универсалистское содержание морали импортируется в право»; это «моральный исток», из которого берут начало «социальные и культурные права» [1, с. 68, 69]. В таком контексте, будучи материализованными, декларированные аспекты достоинства могут иметь практический (например, практико-политический, культуротворческий) смысл. Вместе с тем невозможность ввести достоинство декларативным путем в качестве всеобщего признанного социального регулятива сообщает ему характер постоянной драмы, разыгрываемой в пространстве между идеалом и практической нормой, между стремлением к материализации и «абстрактным кодом» гуманизации общества.

Каким же образом ускорить этот процесс постепенного признания достоинства не только абстрактной ценностью, но и реалией культуры? Пока остаются актуальными две стратегии. Во-первых, философско-культурологическое рассмотрение достоинства человека должно быть представлено по всем содержательным направлениям его понимания как ценности культуры. Во-вторых, указанный вектор исследования неизбежно должен соотноситься с анализом достоинства как сегмента культуры в ее онтологическом – морфологическом, структурном, функциональном, институциональном, пространствен-

но-темпоральном, т. е. хронотопном – содержании. Выход осмысления на теоретический уровень предполагает и новый уровень философского понимания достоинства, теснейшим образом сопряженного с реальными социокультурными процессами. Такая стратегия в абстрактной форме раздвигает горизонты ее концептуального понимания, а в практическо-инструментальной – области и характер ее приложения.

Теория по определению выступает как стратегия и системный инструмент постижения объекта. Поэтому теоретическая разработка проблемы предполагает богатство категориального аппарата описания и анализа практического опыта. Ее предметное поле во многом и существенно определяется концептуально-содержательными и методологическими ресурсами конкретной теории, научными предпочтениями самого разработчика. Заметим при этом, что в сферу теоретического конструирования «по признаку» достоинства должен быть вовлечен опыт философских осмыслений в истории гуманитарной традиции. Здесь возникает проблема перевода абстрактных положений на языки конкретных теоретических реконструкций с выходом в практическую социокультурную, цивилизационную сферу. Приложение конкретной теоретической системы к проблеме обеспечения достоинства в данной социокультурной схеме обнаруживает теоретико-методологические – описательные, проективные, прогностические и другие свойства – теории достоинства. Таким образом, проблема концептуального содержания категории достоинства обращает нас к междисциплинарной тематике и необходимости использования опыта гуманитарного осмысления проблемы как материала для формирования теоретических конструкций (разработок, систем) объяснения, описания, моделирования, проектирования социокультурных конструкций обеспечения и поддержания реального достоинства личности как культурной ценности.

Два семантических плана мы выделяем в категории «достоинство». Во-первых, это морально-этическое содержание, которое, как заметили, выражает отношение уважения личности к самой себе и несущей в себе цель своего развития и возвышения. Рассматриваемое с позиций такого отношения, достоинство есть осознание индивидом своей ценности как самобытной, неповторимой и свободной индивидуальности. Поскольку ценностное сознание индивида характеризует его как личность и является результатом не только внешнего формирования, но и индивидуального выбора, то достоинство как осознание собственной ценности и самоуважения выражает свободу выбора личности, в частности, в форме выбора проекта собственного развития и его осуществления. Принадлежит к области ценностных отношений, достоинство не может не вмещать в себя многообразных модусов ценностного отношения, которое в практике его отправления получает выражение в ряде реалий, отраженных в таких понятиях, как идеалы, нормы, оценки, ценностные ориентации, ценностная позиция личности. Нетрудно видеть, что рассматриваемые в модусе отношения к себе, т. е. самоуважения, признания личностью своей самоценности, достоинство как ценностное образование, нельзя навязать си-

лой. Его признание всегда есть акт свободного выбора. Правда, степень и содержание осознания такой свободы различны у разных людей, подобно тому как различны прошлые и актуальные обстоятельства их формирования, становления, развития и духовно-нравственного преобразования. Таким образом, будучи теснейшим образом сопряжено с другими содержательными формами ценностного отношения, достоинство всегда в той или иной степени отмечено осознанием индивидом себя в особом качестве суверенного субъекта, осуществляющего свою свободу. Правда, в реальности осознание свободы выбора не всегда сопровождается ответственностью за принятые решения, что, на наш взгляд, свидетельствует о недостаточно высоком уровне достоинства в конкретном индивиде.

Во-вторых, категория достоинства содержит в себе отношение уважения личности. Отсюда мы выходим на новый ракурс рассмотрения достоинства – достоинство как уважение к личности, т. е. к Другому. В реальном социокультурном процессе данная категория выражает многообразие отношений других людей к личности, в которой достоинство признается как ее неотъемлемое качество – мера ее духовно-нравственного и социального развития. Если бы не было такого признания другими, то внутренне состояние свободы и ответственности утратило бы импульс постоянного поддержания и защиты.

Внешнее отношение, рассматриваемое пока теоретически, есть отношение абстрактного признания достоинства как высшей ценности. Схематически это выглядит следующим образом: осознавая свою самооценку как достойной личности, я предполагаю или жду от других людей и общественных институтов такого же отношения. Надежда на такое отношение, а тем более ее объективация, подкрепляют *меня* в убеждении, что не только я признаю свою ценность, но и окружающие люди и институты с различной степенью постоянства, интенсивности и содержания подтверждают *мое* достоинство в принципе так же, как это делаю я по отношению к ним.

В развиваемом контексте концепция достоинства представляет идеальную форму (модель, матрицу), которая обретает свое конкретное содержание по мере ее наполнения социально значимым содержанием. Такой анализ показывает, что категория достоинства в своем реальном наполнении и конкретном выражении постоянно пребывает в поле противоречия между теоретической концептуализацией и практической реализацией. Именно в границах внутренне противоречивого культурно-цивилизационного пространства формируются и вырастают своеобразные «социокультурные кристаллы» как собственной, индивидуальной для личности категориальной структуры достоинства в ее концептуальных и практических измерениях (которые, кстати, также представлены поначалу в теоретической форме), так и реальной общественной инфраструктуры обеспечения, сопровождения, поддержания достоинства человека как культурной ценности.

Являясь категорией общественного – прежде всего нравственного и морально-этического – сознания, достоинство должно выражать наиболее суще-

ственные отношения, связи между социальными объектами, предметами, явлениями, процессами. В качестве таких объектов в гносеологическом плане выступают люди и создаваемые ими структуры, выражающие и поддерживающие такие отношения. Поскольку нравственные отношения носят социально всеобщий характер, то они, будучи лишь в ограниченной мере институционально обеспеченными (например, юридически), не ограничиваются этими структурами. Следовательно, должна быть иная структура, которая по степени своей социальной всеобщности и проникновению своей семантики в институциональную сферу общества не уступает нравственным отношениям, более того, включает их в свои структуры. Такой всеобщей структурой является культура – каркас, заполнение которого в той или иной степени гарантирует защиту и обеспечение достоинства человека. Универсальность культуры нашла своеобразное подтверждение в концептуальном ее понимании как всеобщих, но внутри себя различных программ человеческой жизнедеятельности, отношений и поведения общественного человека.

«Прописанность» достоинства человека «по ведомству культуры» предполагает приложение к категориальному содержанию достоинства и его практическому обеспечению принципов культурологического анализа. Это представляется вполне логичным и методологически оправданным. Иными словами, аналитик, принимающий этот методологический посыл, должен посмотреть на достоинство как на культурное явление. Для этого необходимо наложить на реалии культурного и цивилизационного опыта понятийно-категориальную «методологическую сетку» программ (В. С. Степин), прямо или опосредованно фиксирующую не только теоретическое понимание достоинства как ценность культуры и личности, но и ее практическое наполнение и обеспечение. Заметим здесь, что по принципу «от обратного» практически любую относительно развитую культуру (т. е. ту, в которой человек осознает себя нравственным культуротворческим субъектом) мы можем исследовать через призму такой ценности, как достоинство личности. Что же мы видим в конкретной культуре, в которой проблема достоинства рассматривается сквозь призму ее всеобщих универсалий, но обязательно, повторим, с учетом реалий данной культуры?

Мы уже подчеркивали, что в культуре складываются ценностные отношения, т. е. такие отношения, которые значимы для ее носителей. Эти отношения устанавливаются и формируются различным образом в разных конкретных культурах. Они вырастают из обстоятельств генезиса общности как совокупного субъекта-носителя культуры и постепенно, по мере развития идеалов и норм нравственного сознания как фактора общественной жизни, обретают характер самостоятельных сущностей, весьма ощутимо влияющих на состояние и развитие общества. Об этом свидетельствуют культурно-исторические формы бытия и содержания ценностей, в частности такие, как идеалы, нормы, оценки, ценностные ориентации и позиции субъектов и другие образования. Ценность достоинства личности здесь не представляет исключения. Ее при-

знание, по-видимому, проистекает из постепенного понимания достоинства человека как потенциально универсальной ценности, осмысление которой выступает сильнейшим фактором общественной регуляции и развития. В плане социальной динамики раскрытие достоинства человека, утверждающего себя в культуротворчестве, выступает как необходимый движитель прогресса.

Однако такая роль достоинства как ценности нуждается в более предметном выражении. Ценность как духовное образование означает и предметно воплощает себя в семиотических структурах культуры. Признавая необходимость самостоятельного анализа этой темы, мы тем не менее обратим внимание на семиотически репрезентативные формы объективации ценностного содержания достоинства, для конкретной культуры описываемые в ряде понятий (например, «трон», «жезл», «статус» и др.). Действительно как, если не в знаковых формах, может обнаружить и проявить себя достоинство личности?

В культуре постоянно формируются знаковые формы представления достоинства. У. Эко вводит понятие семиотической коннотации, подчеркивая, что вещь может присоединять к себе смыслы и постепенно обращать себя в символ, который отвечает определенному контексту и субъектам культуры, полюбившим, принимающим и разделяющим этот символ (С. С. Аверинцев). Подобно вещи категория достоинства, по-разному манифестируя себя в различных культурно-цивилизационных пространствах, также накапливает смыслы, обретает идеальное символическое звучание и выражает себя в символических структурах – субъектных, институциональных, экономических, политических, юридических, художественных, деятельностных и др. Но не только. Основные семиотические структуры культуры – знаки, символы, тексты, контексты – обретают свою специфику и коннотируют новые смыслы как только начинают выражать ценность достоинства личности. В таких ситуациях семиотическая форма становится менее репрезентативной с точки зрения знака, но более репрезентативной как символ, подчеркивая статусную принадлежность субъекта к строго определенному сообществу («кругу избранных») и значительность содержания, т. е. исполняемых в нем ролей. Особенно это становится очевидным в условиях демонстрации и поддержания социального статуса субъекта. Как пишет У. Эко, «благодаря совокупности конвенций, которые он соозначает, вечерний костюм позволяет поддерживать определенные социальные связи, свидетельствуя, что тот, кто его надевает, подтверждает и сообщает свой социальный статус, что он согласен с определенными нормами и т. д.» [2, с. 274–275]. Всевозможные дресс-коды свидетельствуют об этом весьма красноречиво.

Репрезентативная функция знака вообще тяготеет к объективному представлению содержания в отличие от презентативной, которая концентрирует свою энергию на смыслах, передающих субъективные состояния (в частности, эмоциональные переживания) субъектов. Очевидно, что материал для формирования знаковой формы, подчеркивающей достоинство, переходящее в престиж, может формироваться или намеренно организовываться таким образом,

чтобы подчеркнуть значительность фигуры для происходящего в данной ситуации.

Сложнее обстоит дело с текстом, представляющим собой формально-логическую структуру, кодирующую ценностное содержание достоинства. Тексты, описывающие феномены достоинства, в качестве своего семантического центра (ядра) практически всегда содержат идею ценностного отношения, выраженного в представлении о достоинстве как высшей ценности. Для них характерна повышенная степень текстуальности, т. е. такого отношения текстообразующих элементов, в которых каждый является необходимым и звучит в ансамблевом единстве с другими.

Тексты появляются в определенных контекстах, более того, они втягивают в свое магнетическое поле другие тексты, ситуации предпонимания и демонстрации достоинства. Под контекстом мы понимаем отношение двух и более текстов, один из которых обуславливает понимание другого. Так, например, субтекст, символически обозначенный «Андрей Болконский», передает достоинство героя существенно глубже и богаче, будучи помещенным в контекст романа «Война и мир». Прочтение эпопеи Л. Н. Толстого как бы наполняет образ героя дополнительными смыслами, проистекающими из коллизий всего произведения. Семиотические структуры, следовательно, являют «читателю» культурных текстов ценность достоинства. Либо уничижают его. Л. Н. Толстой так описывает князя Ипполита: его «лицо было отуманено идиотизмом и неизменно выражало самоуверенную брезгливость, а тело было худощаво и слабо» [3, с. 169]. Отсюда достоинство как неотъемлемое качество личности может быть как возвышено, так и дискредитировано посредством семиотических структур. Вполне реальным может оказаться противоречие и даже разрыв между достоинством как осознанием личностью своей ценности и достоинством как способом или формой восприятия и оценивания индивида окружающими людьми.

Являясь в принципе неотчуждаемым качеством личности, достоинство существенно зависит от культурных форм его утверждения и поддержания. Здесь возможна ситуация субъективного отчуждения достоинства от человека, не осознающего своей ценности и уникальности. В этом случае достоинство существует как возможность, осуществление которой зависит как от духовного развития индивида, так и от общества, в котором сформировался или не сформировался запрос на личность, исполненную высокого достоинства. «Многие российские художники думают, – говорит М. Шемякин, – что если возьмут на вооружение моднейшие западные течения, которые больше напоминают извращения, то сразу достигнут мировых стандартов. На деле же получается убогое провинциальное подражание, жалкий писк, который пытаются выдать за глас современного искусства. Выстраивается линия на американизацию искусства. На Западе оно является чисто коммерческим делом» [4, с. 9].

Таким образом, достоинство несет в себе противоречие между возможностью и его действительностью, идеальным и реальным. Постоянно угнетает

мое и осознаваемое в таком качестве достоинство может быть пережито как драма или трагедия, что получило отражение в мировой культуре.

Вместе с тем в позитивном плане, т. е. если достоинство воспринимается как подлинная духовная ценность, оно несет в себе исключительно богатые возможности перехода общества на более высокий уровень культуры и цивилизованности. Индивидуальность, исполненная достоинства, своей оправданной значительности, как правило, стремится соответствовать достигнутому и превзойти этот уровень. Но сделать это вне творчества, постоянно подтверждающего ценность личностного достоинства, вряд ли возможно. Общество, которое способно через соответствующие механизмы создать возможности для достойного развития человека, обретает исключительно мощный импульс для своего развития. В таком контексте понятна боль Н. А. Бердяева, который сокрушался от сознания снижения уровня «аристократического качества культуры». «Делом творцов культуры должно быть не унижительное приспособление к массовому социальному движению, а облагораживание этого движения, внесение в него аристократического начала качества. Народ выражает свое призвание в мире своих великих творцов, а не в безликой коллективности» (цит. по: [5, с. 19]).

Достоинство, базисные права человека и ответственность

Заинтересован ли социум и его институты – прежде всего государство, общественные и частные и другие структуры – в том, чтобы в обществе было больше личностей, осознающих свою ценность и преисполненных осознания собственной уникальности?

Этот вопрос обращает нас к историчности нравственной регуляции. В общественном развитии должны произойти некие существенные перемены, которые приведут человека к пониманию того, что многое в его жизни зависит не только или не столько от слепого рока, анонимных общественных сил, сколько от него самого. Нравственно-этические регулятивы не даются просто так, они не случайны, не акт мистического прозрения; они вызревают из противоречий общественной жизни и их разрешения. Подчеркнем здесь роль философии и философов, которые берут на себя великую миссию поиска и обоснования творческого осознания новых ценностей. Порою такие прозрения и подвижничество заканчиваются трагическим исходом. Но они указали путь, осветили его своей дерзновенной, вплоть до вызова, мыслью, и миссия следующих поколений заключается в том, чтобы материализовать идеи, довести дело до конца.

В ситуации дистанцирования от реальных возможностей обеспечения права человека, равно как и достоинство, до тех пор являются отвлеченными формами социального бытия личности и гражданина, пока не наполнятся конкретным содержанием. Обретение последнего разворачивается в конкретном социокультурном пространстве и во времени, т. е. представляет собой процесс

смены состояний от формальной декларации до признания достоинства и прав человека как реального фактора регулирования общественных отношений. Именно на это обстоятельство обращает внимание французский философ П. Хасснер: «В действительности права человека являются ничем иным как абстрактным кодом, если они не применяются на практике в частном праве (*droit particulier*). Следовательно, именно качество правового государства должно учитываться в смысле юридических и судебных институций, с которыми гражданин сталкивается в своей каждодневной жизни. Но правовое государство не может сегодня существовать в политических режимах, которые не являются демократическими... Первые права, которые отстаивают после необходимых ограничений, – это права на свободное самовыражение, передвижение и право на манифестации, т. е. те, которые выходят на требования свободных и плюралистичных выборов. Эти три вида прав человека неразрывно связаны между собой, и любые неожиданности возможны, когда избегают одного из них независимо от двух остальных» [6, с. 15].

Отсюда принципиальное значение приобретает концептуальная разработка взаимосвязи категории достоинства и прав человека, гарантирующих такое состояние, в котором внутренний голос достоинства личности будет услышан и поддержан. В таком случае достоинство постепенно становится социально признанной объективной реальностью. В субъективной форме она бытийствует как осознаваемое индивидом качество личности, исполненной самоуважения. В объективной форме – как обязательство государства поддерживать правовые гарантии, обеспечивающие соблюдение прав человека. Данное положение является формальной декларацией, в которой форма существует как будто для того, чтобы быть содержательно наполненной и организованной. В конкретном культурно-цивилизационном пространстве оно обретает свое практическое выражение.

В каких формах осуществляется и в принципе постоянно декларируется и поддерживается это отношение: признание ценности и уважение достоинства личности? Поставленный вопрос в своем подтексте как бы утверждает аксиому: если индивид жизнедействует в организованном сообществе и его структурах, то, следовательно, осознавая свое достоинство и признавая его за другими, он надеется на такое же отношение к нему. Будучи вовлеченным в общественные структуры, которые, кстати говоря, не покидают его и в стенах домашнего обихода, он с надеждой взирает на них как на гарантов обеспечения его достоинства. Такое положение не опровергает понимания достоинства как неотъемлемого внутреннего качества духовно (нравственно, прежде всего) суверенной личности, несущей и сознающей в себе достоинство как неотчуждаемое от него высшее благо. Однако у индивида, погруженного в многообразие общественных отношений, постоянно возникает необходимость в определении таких структур, которые были бы минимально достаточны для понимания источника и гаранта внешнего обеспечения достоинства личности. Если такого осознания не происходит, то наш обыденный индивид объек-

тивно становится пленником отчужденного сознания. Следовательно, в ответе на вопрос мы должны искать методологические основания для того, чтобы указать на внешние формы поддержания достоинства личности. Будем при этом опираться на утверждения аксиоматического характера.

Категория ответственности полагает личность в диалогическую ситуацию: ответственность перед кем? Какова мера ответственности перед собой? Перед Другим? Возможен ли переход ответственности на уровень всечеловеческий? Какой в этом смысл? Если я признаю свое достоинство как свободный индивид, то как сопряжена с моим достоинством ответственность? Ведь признание собственного достоинства и достоинства другого свидетельствует о достаточно высоком уровне нравственно-этического сознания личности. Следовательно, она осознанно нуждается в том, чтобы ее достоинство было защищено. В свою очередь, ситуация защищенности предполагает обращение к реалиям ее обеспечения. «Опыт претерпевания попранного человеческого достоинства, – пишет Ю. Хабермас, – имеет функцию открытия – это касается, например, невыносимых социальных условий и маргинализации бедных социальных классов; неравенства женщин и мужчин при выборе места работы, дискриминации приезжих, а также языковых, религиозных и расовых меньшинств» [1, с. 68].

«Функция открытости» работает и по принципу «от обратного»: насколько профессиональное, публичное и бытовое поведение индивида отвечает его претензии на защиту и защищенность достоинства, наполнения его реальным содержанием? Если «происхождение прав человека» объясняют из «морального истока человеческого достоинства», то, следовательно, «расширение нормативного содержания уже признанных базисных прав» и «открытие и конструирование *новых* базисных прав» предполагает готовность их осуществлять [1, с. 68, 69]. Сам процесс осуществления является двуединым и потенциально внутренне противоречивым: гарант «достойного человеческого существования для всех» провозглашает «новые базисные права» человека и гарантии их защищенности, а моральный индивид также должен по-своему гарантировать свои обязательства по их соблюдению.

«Права человека – это притязание человека к обществу и другому и долженствование общества и другого человека, выраженные нормами моральных обычаев и нормами права, – подчеркивает Л. Ф. Евменов. – Уже это определение говорит о том, что права человека есть единство притязаний человека («Я имею право») и обязанностей общества («Общество должно человеку») своему творцу. Единство прав и обязанностей – в самих правах человека... Обязанности человека – это долженствование человека обществу и другому и притязания общества и другого к человеку, выраженные нормами моральных обычаев и нормами права» [7, с. 44].

Данное единство носит органичный характер при том понимании, что реализация человеком своих обязанностей существенно зависит от наличия прав у него. Но права человека позволяют ему существовать как носителю обязан-

ностей. Проблема теперь состоит в том, насколько общество и его институты способны обеспечить или поддержать это единство. Однако даже в той ситуации или при условии, что общество не гарантирует всех базисных прав, индивид как нравственный субъект должен осознавать себя носителем «обязанности» и «долженствования». Он заботится со своей стороны об осуществлении прав человека, несет эту благородную нравственную ношу не потому, что у него есть права перед обществом, а потому, что иначе он не может, его нравственное сознание не позволяет поступить ему иначе.

Вернемся к вопросу о необходимости осознания обществом и государством ценности достоинства личности, о признании такой ценности и права индивида добиваться уважения его достоинства и базисных прав другими. Должна же быть некая внутренняя необходимость, в конце концов прагматический, сугубо прозаический расчет, побуждающие не только личность, но и государственные, частные, общественные структуры обратиться к проблеме достоинства как созидательной ценности, из которой проистекают «базисные права человека, пронизывающие всю систему прав» [1, с. 69].

Мы исходим из того, что в индивидуально-личностном и общественно-государственном признании необходимости и ценности достоинства личности и базисных прав содержится глубинный импульс самосохранения и творческого развития общественного субъекта, включающего все его социальные разновидности и инфраструктуры жизнедеятельности. Ценность достоинства человека, необходимость наполнения ее реальным содержанием и гарантиями вызревает из витальной потребности в самосохранении общества, находящего свою опору в активной, знающей себе цену, самокритичной, свободной и ответственной индивидуальности. Подобно тому как конкретный тип культуры есть форма, в которой развивается историческая общность, и в этом она находит оправдание своего существования, ценность достоинства как истока прав человека отвечает необходимости в существовании общества и личности. Более того, обеспечение достоинства и прав человека выступает как фактор расширения границ демократической стабильности: «Для наднациональной демократии, все еще пребывающей в государствах-нациях, – говорит Ю. Хабермас, – есть потребности не в каком-либо европейском народе, а в просвещенных индивидах, осознающих, что они одновременно являются гражданами какого-либо государства и европейскими гражданами» [8, с. 88].

Следовательно, достоинство жизненно важно не только для отдельной личности, но в не меньшей мере и для динамически развивающегося общества? Да, ценность достоинства и вытекающих из него прав человека для любого субъекта общественного развития – это необходимость. Почему? Потому что достоинство – это ценность и личностное качество особого характера. Достоинство – не дар, а необходимое и напряженное усилие личности быть – активно, творчески, гуманно и ответственно бытийствовать в мире. Французский философ и социолог Э. Морен отмечает: «С расширением автономии и индивидуальной ответственности... безусловное требование не исходит

больше ни от Бога, ни от религии, ни от государства, ни от общества, а от самого индивида, в соответствии с категорическим императивом Канта. Этот императив стал «островным», самопроизводящим и самооправдываемым, и эта ситуация должна эволюционировать как осознание того факта, что род человеческий – не только индивид, общество или наш биологический вид, но триединство, которое образуют эти три понятия в их взаимозависимости. Следовательно, рассматриваемые в этой оптике ценности релятивны индивиду посредством его ответственности, достоинства, добродетели и чести, но также группе и роду, особенно в контексте глобализации» [9, с. 93].

Значит достоинство теснейшим образом сопряжено с творческой активностью субъекта? Да, вне творчества достоинство не только немислимо, но и в реальности может быть весьма ущербно, разрушительно, особенно в ситуациях статусных различий и вытекающих из них благ. Признавая ценность достоинства, общество и государство осознают его необходимость как универсального созидательного начала в человеке и, стало быть, в себе самих. Раскрепощенная творческая личность, преисполненная своего достоинства и нравственной ответственности, выступает как субъектный фактор действительно-позитивного развития всех общественных структур при условии ее востребованности. В идеале общество и его институты – прежде всего государство – должны быть существенно заинтересованы в творческом раскрепощении индивидуальности, осознающей свою уникальность и право на формирование, развитие, самораскрытие и востребованность индивидуальных и уникальных дарований, среди которых достоинство – нравственный кристалл, своим светом отражающий многообразные грани бытия человека.

Однако этот вывод не всегда оправдан. Субъекты признания и наполнения реальным содержанием ценности и достоинства личности хорошо понимают, что творческая индивидуальность, осознающая и постоянно подтверждающая свое достоинство, стремится найти оправдание его необходимости не только в «себе единственном», но и в общественных структурах – государственных, частных, смешанных, – в которые она объективно погружена. А там действуют потребности, интересы и цели субъектов, осознающих прежде всего ценность собственного достоинства, а также другие ценности, более прозаические и прагматические. В свое время это противоречие прозорливо уловил А. С. Пушкин. В статье «Джон Теннер» (1836) он писал: «С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую – подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к доволъству (comfort) ... такова картина Американских Штатов» (цит. по: [10, с. 1]).

Такие субъекты (заботящиеся лишь о материальном благополучии, о прибыли и т. д.) оказываются в ситуации весьма противоречивой: творческая, самостоятельная в своем достоинстве индивидуальность для него благо, «кураца, которая всегда будет нести золотые яйца», но вместе с тем такая личность, знающая себе цену, неудобна в управлении. Ведь не случайным является то

обстоятельство, что по умению руководителя создать условия, способствующие творческому раскрепощению и развитию подчиненных, судят о культуре управления о его личной культуре. Ограничение достоинства личности частным интересом социального субъекта, с которым она вступает в деловые, нередко также творческие отношения, плохо поддается логике «общественного договора». Далеко не каждый индивид способен на сохранение собственного достоинства. Нередко он отдает свое достоинство в жертву работодателю, «наступает на горло собственной песне», чтобы удовлетворить ближайший материальный интерес. Этот пример «от противного» в своем подтексте открывает колоссальный креативный ресурс достоинства при условии его «раскодирования», т. е. разумного его применения.

Достоинство и базисные права выступают как диалогические категории: чтобы осуществить взаимное признание самооценности и достоинства каждого социального типа (например, нанимателя и нанимаемого), необходимо признать неотъемлемое право на формальное и реальное достоинство за другим. Здесь возникает проблема востребованности творческой индивидуальности, осознающей себя таковой и пребывающей хотя бы в относительно (проза жизни не отпускает) возвышенном состоянии, переживающей свое достоинство, поддерживаемое Другим, идет ли речь о случайно встреченном индивиде или же о субъекте, с которым мы вступаем в деловые отношения. Проведенные во Франции исследования показывают, что в стране имеет место «дискриминация при найме на работу. 28% наемных говорят, что уже были жертвами дискриминации в частном секторе, 22% – в государственном. По признанию 32% лиц наемного труда в частном секторе и 38% в государственном на первом месте среди причин стоит возраст. Перед причинами дискриминации по политическим или «профсоюзным» убеждениям (соответственно 25 и 33%) стоят: этническое происхождение (35 и 26% соответственно в частном и государственном секторах), внешние физические данные (соответственно 30 и 30%), половые различия (22 и 28%), религиозные убеждения (14 и 19%), ограниченные возможности (14 и 17%), сексуальная ориентация (7 и 8%). 38% наемных работников частного сектора (против 31% в 2008 г.) заявляют о том, что были свидетелями дискриминации по какому-либо признаку. Таких также много в общественном секторе (37%). На первом месте стоит этническое происхождение (49% в частном секторе и 37% в государственном), далее внешние данные (33 и 36% соответственно), политические и «профсоюзные» убеждения (23 и 33%), половые признаки (21 и 26%), религиозные (14 и 15%), дискриминация по признаку ограниченных возможностей (15 и 14%), сексуальной ориентации (7 и 7%). Непосредственным субъектом дискриминации чаще всего называют начальника: 49% в частном секторе (против 37% в 2008 г.) и 46% в публичном секторе; по указанию свыше (44 и 45% соответственно), по оценкам клиентов, потребителей или поставщиков (10 и 23%). Помимо видимых различительных признаков некоторые страдают от того, что не могут посещать «хорошие школы», не могут пользоваться семейным окружением, которое бы

научило их «хорошим манерам» и позволило бы им интегрировать действующие социальные коды: устное общение, одежда, манеры, общая культура, формы досуга, соблюдение ограничений» [11, с. 287]. «Треть французов выбирают слово «стресс», чтобы выразить тем самым их трудности в профессиональной деятельности. Многие считают, что труд потерял свою ценность» [11, с. 275].

Мы только попутно зацепили тему востребованности творческого потенциала личности и ее самой, понимая, что проблема эта не только экзистенциальная, т. е. смысложизненная для индивида, но и фундаментальная для сохранения и динамичного, конкурентоспособного развития конкретной страны. Республика Беларусь не составляет здесь исключения.

Достоинство неразрывно связано с осознанием личностью своей значимости. О какой значимости идет речь в каждый момент ее осознания? Очевидно, что этот вопрос предполагает контекстуальное рассмотрение достоинства. В различных социальных контекстах содержание значимости будет разным. Если индивидуальный субъект осознает свою значимость во всей полноте и неотчуждаемости своего достоинства и прав на его обеспечение, то в конкретном контексте такой статус достоинства может быть подвержен сомнению и даже отрицанию в зависимости от того, разделяют ли это стремление окружающие и гарантирован ли он государством, в частности, правовыми институтами. Следовательно, в реальном процессе своего осуществления достоинство как ценность может оказаться в ситуациях весьма противоречивых. То, что осознается мною в самом себе как достойное уважения и представляет ценность для меня и других (моего окружения, например), в ином контексте может быть в лучшем случае не замеченным, в худшем – противостоять моему достоинству. Возникает опасность смешения социокультурных контекстов – ситуация, которая может быть урегулирована признанием принципа неотчуждаемой ценности достоинства и базисных прав человека, публичной и государственной гарантией их обеспечения, поддержания и защиты.

Право на защиту достоинства как норма отнюдь не случайна. Однако и эта норма может оказаться (и нередко оказывается) слабо защищенной в реальной социокультурной ситуации. Возникает новое противоречие между декларированием поддержания и защиты достоинства как неотчуждаемого права индивида, причем гарантированного законодательной нормой, и обеспечением достоинства защищающей его нормой в конкретных социокультурных обстоятельствах. Значит ли это, что норма, требующая правовой защиты достоинства личности, лишь декларируется, т. е. является лишь пустой формой? На первый взгляд, так и представляется, особенно когда субъекты, ее декларирующие, объективно или же намеренно слишком далеки от реальных условий достойной жизнедеятельности. Однако декларация не провозглашается на пустом месте. Она предполагает наличие хотя бы ограниченного социокультурного и весьма значительного теоретического опыта, традиций осмысления проблемы достоинства и его правовых гарантий. Следовательно, декларативный характер права на защиту личностью

своего достоинства и базисных прав – та форма, которая как будто и существует для того, чтобы по мере ее осмысления наполняться реальным содержанием. Таким образом, императив поддержания и защиты права на достоинство в абстрактной форме выступает фактором ее реального осуществления и материализации.

Литература

1. Хабермас, Ю. Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека / Ю. Хабермас // Вопросы философии. – 2012. – № 2. – С. 66–80.
2. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко; пер. с итал. В. Г. Резник, А. Г. Погоняйло. – СПб.: Симпозиум, 2004. – 544 с.
3. Толстой, Л. Н. Война и мир / Л. Н. Толстой // Собр. соч.: в 12 т. – М.: Правда, 1987. – Т. 3. – 543 с.
4. Михаил Шемякин: с Бандерой у меня связан детский ужас. Интервью Ю. Коваленко с М. Шемякиным // Культура. – 2014. – 7–13 марта.
5. Воля к власти и воля к культуре // Огонек. – 1990. – № 50.
6. La renaissance de l'espoir démocratiques. Entretien avec Pierre Hassner // Esprit. – 2011. – Mars-avril. – P. 11–17.
7. Евменов, Л. Ф. Право быть человеком: курс лекций / Л. Ф. Евменов. – Минск: Бип-С, 2003.
8. Habermas, J. Mais que veut dire «une Europe forte»? / J. Habermas // Esprit. – 2014. – Mai. – P. 79–88.
9. Morin, E. L'éthique de la complexité et le problème des valeurs au XX-e siècle / E. Morin // Où vont les valeurs? – Édition: UNESCO/ALBIN MICHEL, 2004. – P. 93–97.
10. Парфенов, А. Певец народной любви / А. Парфенов // Правда. – 2014. – 6–9 сент.
11. Mermet, G. Francoscopie 2010 / G. Mermet. – Paris: Larousse, 2009. – 542 p.

ДОСТОИНСТВО, ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ – СОЦИАЛЬНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ИМПЕРАТИВЫ: ОПЫТ СОВРЕМЕННОГО ФИЛОСОФСКОГО ПРОЧТЕНИЯ

Л. Ф. Евменов,

доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси

В преамбуле Всеобщей декларации прав человека утверждается вера в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности. Уже в ее первой статье делается оптимистическое заявление: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах» [7, с. 1].

Как ни странно, этот не оправданный реальной действительностью политический оптимизм порождает у некоторых исследователей обратную ему идею исторической асимметрии прав и достоинства человека. Но именно история их *про-явления*, их генезиса и развития как явлений дает основания для сомнений в асимметрии этих понятий.

Об этом говорит то, что «философское понятие человеческого достоинства, проступавшее уже в текстах античности и поднятое Кантом до понимания значимого по сей день» [10, с. 67], *немыслимо без реализации* фундаментальных прав человека, становящихся сегодня в правочеловеческих актах ООН, ЮНЕСКО, Международной организации труда основой «*всеобщего законодательства*» (Кант).

Штрихи антропологического генезиса

В философской энциклопедии 1962 г. сказано: «Чувство собственного достоинства зарождается уже в родовом обществе» [9, с. 59].

Именно тогда, в родовом обществе, многие десятки тысячелетий тому назад проточеловек начал изготавливать шлифованные кремневые орудия труда и охоты, орудия защиты от враждебных родов и племен, приручал огонь, создавал условия для выживания: добыча пищи, domestикация диких животных и растений, строительство примитивных укрытий и жилищ для бытия рода [2].

Для первобытного человеческого существа основой жизни был просыпающийся, формирующийся, развивающийся практический разум, решающий сложные задачи его творческой деятельности, для которой были характерны: изобретательность, креативность, огромное трудолюбие и трудоспособность.

На территории Беларуси это могло проявиться с появлением «человека разумного» типа кроманьонца (40–35 тыс. лет назад); со стоянкой первобытного человека, найденной возле д. Юровичи Калинковичского района, сохранившей остатки жилищ, следы разведения огня, орудий труда из кремня и кости (24 тыс. лет до н. э.). Следы domestикации диких животных и растений (обнаруживаются начиная с IV–III тыс. лет до н. э.). Изделия из меди и бронзы, кремневые топоры, бронзовые орудия земледелия, железные рыболовные крючки, плоскодонная глиняная посуда, наконечники стрел и копий и т. д. найдены в других местах нашей республики: на Полесье, у деревень Осовец Бешенковичского района, Катериничи Островецкого района, Асаревичи Брагинского района, Отвержичи Столинского района (III–II тыс. лет до н. э.), во многих иных местах каждого региона страны [1].

С трудовой деятельностью первобытных предков связано рождение первых социально-нравственных начал – явлений *самоуважения и уважения* сородичей, соплеменников; *притязание* на владение сотворенными «изобретениями»; явления *ответственности* за сохранение, умножение и совершенствование орудий и условий выживания, за передачу опыта и знаний поднимавшимся на ноги поколениям.

Сегодня мы можем говорить об осознании нашим первобытным предком самоуважения человека и уважения к человеку как о первоосновах явления и понятия *достоинства человека*. О притязаниях на владение как о первооснове явлений и понятий «право» и «права человека». О заботе «серийного» производства орудий и условий для выживания в борьбе с природой как об ответственности, являющейся первоосновой явлений и понятий долга, обязанности человека и человеческой личности.

Вполне правомерной может быть идея о том, что развитие этих основных качеств становления социального бытия шло следующими связками: *самоуважение – уважение – честь – достоинство; притязание на владение – владение (собственность) – право и права человека; ответственность – долг – обязанность*.

Бесспорен тот факт, что между явлениями этих групп мироощущений (ответственность, долг, обязанность, к примеру) лежат многие тысячелетия, но сами понятия и слова появляются исторически недавно и практически в одно время: между X и началом XIII в. н. э., в европейском ареале цивилизации, в так называемой Латинской культуре, которая в силу разностороннего развития народов оказывается впереди в негласном их соревновании.

Для подтверждения этой мысли обратимся к энциклопедическому словарю современной Франции «Petit Robert», в котором дается аналитико-синтетическое описание этих категорий и отмечается время их появления.

Первая связка: **уважение** (le respect – начало XIII ст.),

честь (le honneur – конец XII ст.),

достоинство (la dignité – конец XI ст.).

Вторая связка: **притязание** (la pretention, preter – начало XII ст.),

владение (собственность) (la possession, la propriété –

начало XII ст.),

право, права человека (le droit, les droits de L'home – XII –

начало XIII ст.).

Третья связка: **ответственность** (la responsabilité – начало XIII ст.),

долг (le devoir – конец XII ст.),

обязанность (L'obligation – начало XIII ст.) [11].

Учитывая, что «Petit Robert» говорит о появлении слова и понятия *письменность* (l'écriture – «воспроизведение слова и мысли в знаках») в латинских источниках, относя их к 1050 г., можно сделать вывод о том, что слова и понятия *уважение, честь, достоинство, притязания, владение, право, права человека, ответственность, долг, обязанность* созревали еще в дописьменном обиходе по крайней мере на многие столетия и тысячелетия раньше XI–XIII вв. н. э.

Все эти явления и понятия дают представление о вещах, которые соответствуют их пониманию Иммануилом Кантом, значимому по сей день. Они суть категорические императивы. Каждое из них является «фактом разума», «голосом разума» в сознании каждого не только человека, но всех «разумных существ». Они являются «нравственным законом» «чистого практического разума», законом, который представляет собой императив, категорическое повеление разума, принуждающее к поступкам. Он, этот моральный закон чистого практического разума, принуждает «поступать так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства» [6, с. 347].

Этот вывод блестяще по форме и глубоко по содержанию подтверждается самим Кантом.

Практический разум «предписывает сделать высшим *жизненным принципом* всякой моральности в человеке мысль о долге, усмиряющую всякое *высокомерие* и всякое пустое *самолюбие*» [6, с. 413].

«Долг! Ты возвышенное, великое слово, в тебе нет ничего приятного... ты требуешь подчинения... ты только устанавливаешь *закон*, который сам собой

проникает в душу... – где же твой, *достойный* тебя источник и где корни твоего благородного происхождения... и откуда возникают условия того *достоинства*, которое люди могут дать себе» (выделено нами. – Л. Е.) [6, с. 413]. На часть этого вопроса (об источниках и корнях) Кант дает ответ: *достоинство*, которое «люди могут дать себе», отражается категориями *обязанность* и *долг*. Однако на главную часть вопроса об *условиях* появления этого явления и понятия у Канта ответа не находим. А условия, порождающие категорические императивы, и в частности достоинство человеческой личности, – это ее *креативная творящая деятельность* (рис. 1).

Анализируя рис. 1, следует, очевидно, остановиться на некоторых возникающих вопросах. Первый – о степени категоричности велений разума в предложенных двух сферах императивов, называемых Кантом по-разному: категорические императивы (к ним мы относим ДОСТОИНСТВО – ПРАВА ЧЕЛОВЕКА – ОБЯЗАННОСТИ) и нравственные законы (к ним мы относим креативность, трудолюбие, правду, совесть, справедливость, толерантность, сострадание, дружбу, любовь и ряд других явлений и понятий).

Думается, что оба названия в обеих сферах демонстрирует одинаковую и обязательную категоричность. Хотя бы потому, что, по мнению И. Канта, категорические императивы, нравственные императивы, нравственные законы отражают одно и то же явление: ВЕЛЕНИЯ РАЗУМА, принуждающие человека к определенным поступкам, поведению. Императив – это «правило, которое характеризуется долженствованием, выражающим объективное принуждение к поступку...» [6, с. 332]. «Моральный закон... есть императив, который повелевает категорически... под названием обязанности, которая означает принуждение к поступкам, хотя принуждение одним лишь разумом и его объективным законом, и которая называется поэтому *долгом*» [6, с. 349]. Разница этих двух видов императивов лишь в том, по нашему мнению, что достоинство, права и обязанности человека следует отнести к главным, *основным категорическим императивам*, а все остальное, расположенное в центре рисунка, следовало бы отнести к сопутствующим, лежащим в основе возникновения главных, являясь социально-нравственной опорой их реализации. Здесь нельзя не вспомнить идею Юргена Хабермаса о моральной укорененности достоинства и прав человека [10, с. 68].

Второй вопрос – о природе конкретных явлений и понятий, составляющих содержание категорических императивов и нрав-

Рис. 1

ственных законов. Все названные выше категории вместе взятые и каждая в отдельности имеют, по нашему убеждению, социальную, нравственную и правовую (правочеловеческую) природу. Кант говорил о «максиме воли» и о необходимости превращения ее во «всеобщее законодательство» как об основном законе чистого практического разума. Не случайны в этом плане и мысли Ю. Хабермаса о том, что права человека «одновременно обращены и к праву, и к морали», что права человека «объемлют ту часть просвещенной морали, которая переведена на язык политической действительности», о том, что благодаря «внутренней связи между достоинством человека и правами человека было достигнуто такое взрывное по силе подсоединение морали к медиуму права, в котором издавна нуждалась конструкция более справедливого политического порядка» [10, с. 68–70].

Корни этой природы в них неразрывно переплетены. Они внутренне присутствуют в каждом явлении и понятии, означенном выше. Может быть только в разной степени. Если, к примеру, в императивах *достоинство, долг, совесть, дружба, любовь* в большей степени представлены морально-нравственные начала, то в категориях *трудолюбие, обязанность, ответственность, справедливость* сильнее выступают социальные и правовые начала. Хотя и они, в зависимости от конкретных условий, могут быть представлены как моральные, этические категории и нормы.

Они, повторим это, суть внутренне друг друга. Эта особенность отмеченных выше категорических императивов хорошо прослеживается в энциклопедическом словаре «Petit Robert». Определяя слова, наряду с основными значениями, словарь вводит в них ряд других слов, отражающих истоки и пути реализации основного слова, которое переводится, по существу, в широкую философскую категорию. Так трактовка достоинства связывается с уважением,

самоуважением, честью и совестью. Обязанности – с ответственностью, честью и совестью. Уважения – с самоуважением, честью и достоинством. Долга – с уважением, ответственностью, справедливостью и обязанностью [11].

Рассуждая об этом, нельзя не вспомнить основное положение философии конвергенции – схождение различий и противоположностей вплоть до их тождества. Все означенные явления и понятия сходятся, стремясь к тождеству, и по горизонтали, и по вертикали, и по диагонали отношений, все они становятся внутренними элементами друг друга и главной категории достоинства человека (рис. 2).

Рис. 2

Структура, качественные особенности

Вернемся к Международным пактам о правах человека 1966 г. В их преамбуле утверждается: «Признание *достоинства*, присущего *всем членам человеческой семьи и равных неотъемлемых прав*» является «*основой свободы и справедливости*» (выделено нами. – Л. Е.) [11, с. 15].

Обратим внимание на понятие «*все члены человеческой семьи*». Каких членов человеческой семьи объединяют категории *достоинства* и «*равных неотъемлемых прав*»? Отвечая на этот вопрос, мы должны выделить: конкретного человека, другого конкретного человека, коллективные групповые объединения людей (семья, род, племя, этнос, народ, нация, политические и профессиональные группы), «человека вообще», абстрактного человека, как коллективного субъекта креативной деятельности, творящего культуру и человеческую цивилизацию. Так, по нашему мнению, должна выглядеть структура категорических императивов, сотворенных сознанием человека, как проявлением разума в нем (рис. 3).

Каковы качественные особенности категорических императивов достоинства, прав и обязанностей, демонстрируемых на рис. 3? Во-первых, их объективная *всеобщность*: они как «факт разума» охватывают в социальном мире всех и каждого вне их желания или нежелания.

Во-вторых, наличие достоинства, прав и обязанностей человека отражается как «факт разума» в сознании и самосознании людей.

В-третьих, рис. 3 демонстрирует, что *конкретный человек* и *конкретный другой* являются основными, главными субъектами, ядром проблем и забот социального организма на Земле, потому что они или не обладают равными и неотъемлемыми правами, а значит и равным, и неотъемлемым достоинством, или обладают ими в неодинаковой (обедненной) степени с другими.

В-четвертых, рис. 3 свидетельствует, что эта ситуация является и онтологической основой противоречий, противоположностей в человеческом обществе, сталкивающих в борьбе за права и конкретных людей, и конкретные социальные группы, включая в первую очередь гражданина и государство, а также государства с другими государствами. Недаром Ю. Хабермас считает, что права человека, морально заряженные явлением поправленного достоинства, представляют собой «катализатор» и «взрывную силу» [10, с. 68].

Рис. 3

В-пятых, рис. 3 демонстрирует вместе с тем онтологическое единство и возможность реализации *схождения* различий, противоположностей Я – ДРУГОГО – СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ, единства, которое может доходить до тождества противоположностей, до снятия антагонизмов между ними. Вспомним идею Хабермаса о том, что достоинство, оплодотворенное правом, представляет собой уже не «взрывную силу», а связующее звено схождения морали и права [10, с. 69].

В-шестых, понятие *человек вообще, абстрактный человек* включает в себя явления всеобщности, уникальности моральных и социальных качеств достоинства, прав в человеческом обществе, где прописанное в конституциях и правочеловеческих актах ООН является одинаковым, желательным и обязательным для всех и каждого.

Кроме того, рис. 3 позволяет понять то, что внутренним двигателем данного единства является противоречие между абстрактным человеком как моделью творца, представителя человеческой цивилизации, полностью интегрирующим в себя понятие достоинства личности, и всяким конкретным человеком, входящим в историю и покидающим ее. Человеком, который в каждом новом поколении должен трудом и борьбой всякий раз заново добывать достоинство, впитывать культуру, интегрируя в себя их реальные объективные сущностные признаки, принадлежащие его ближайшему сообществу, его этническому роду и роду *Homo sapiens* в целом.

В первом случае (абстрактный человек) мы с полным правом на истинность вслед за основополагающими международными актами о правах человека говорим, например, о равенстве всех людей в их достоинстве как об объективной реальности. Абсолютно соглашаемся с Хабермасом, что в этом случае мы имеем дело с «*абсолютным значением*», с «*высшим рангом человеческого достоинства*», которое должно быть «на службе *интегративной концепции* (науки. – Л. Е.) прав человека, которая пока еще не построена», что достоинство человеческой личности – это сейсмограф, «который должен дать гражданам политическую общность», это «портал, через который эгалитарно-универсалистское содержание морали импортируется в право», «это понятийный шарнир, который сочленяет мораль равного уважения к каждому с позитивным правом и демократическими правами деклараций» [10, с. 69–70].

Во втором случае (конкретный человек, который в каждом новом поколении должен трудом и борьбой добывать достоинство) мы обязаны (вынуждены, если угодно) констатировать отсутствие реального равенства достоинства у каждого конкретного, объективно и материально существующего человека и заявлять *о правах* этого реального конкретного, объективно и материально существующего человека на *достоинство, уважение, гарантирование, обеспечение, охрану, защиту, реализацию* как об условиях превращения возможного достоинства в действительное, реально и объективно существующее.

Здесь мы уже ведем речь не столько о достоинстве человека как творца культуры и человеческой земной цивилизации, сколько о серии конкретных

прав, реализующих каждую клеточку его достоинства и как конкретного Ивана, Шварца, Дюпона, и как представителя и творца реального человеческого общества. В первом случае (*абстрактный человек*) мы еще имеем дело с абстрактным запросом тождества явлений достоинства человеческой личности и прав человека. Во втором (*конкретный человек*) – уже с реализующимся или стремящимся к реализации тождеством достоинства и прав человека.

Вот почему, по нашему мнению, следовало бы подправить мысль, неоднократно повторенную в разных международных правовых актах: «Права вытекают из присущего человеческой личности достоинства» [8, с. 5, 13]. Безусловно, права человека вытекают из *попранного достоинства личности*. «Апелляция к правам человека питается возмущением униженных и оскорбленных по поводу попрания их человеческого достоинства» [10, с. 67]. Но, думается, не менее безусловным является и то, что *реализованные права человека* оказывают решающее влияние на формирование самого феномена достоинства человека. В условиях уважения, гарантирования, защиты, обеспечения и, главное, реализации прав человека личность находится в состоянии прогрессирующего возвышения и совершенствования, углубления своего достоинства. В условиях же «пренебрежения и презрения к правам человека» [7, с. 1], в условиях их обеднения и умаления, их произвольного ограничения и отчуждения личность находится в состоянии прогрессирующего унижения, подавления и распада феномена своего достоинства.

Достоинство личности как источник прав человека и права человека как источник его достоинства – таков *regretum mobile* развития (возвышения или деградации) каждой конкретной личности как главной составляющей социального уровня бытия, являющего собой диалектический сплав обоюдоактивных материи и духа – мир мыслящей и творящей материи, мир человека.

Таким образом, достоинство человеческой личности как явление и понятие находится в постоянном развитии, совершенствуясь и углубляясь; это развитие «может вести к *РАСШИРЕНИЮ нормативного содержания уже признанных базисных прав, а также к открытию и конструированию НОВЫХ базисных прав*» (выделено нами. – Л. Е.) [10, с. 69]. Подтверждение тому – огромное количество научных публикаций в Германии, Великобритании, Франции, США, Беларуси, ставящих вопросы «расширения *нормативного содержания уже признанных базисных прав*», и «Хартия основанных прав человека» Европейского союза, предпринявшая попытку «открытия и конструирования новых базисных прав человека».

То, что *делает* человек (креативная деятельность), что он *может* (уровень креативности) в своей творящей деятельности – эти основания его социального бытия свидетельствуют в первую очередь о наличии в его сознании «факта разума», осознании качеств его существа *другим* и *группой*, его социальной принадлежности. Думается, это абсолютная истина. Она объективна и всеобща, вне зависимости от различных ситуаций. И она же ставит под вопрос выдвинутое Кантом положение об *априорности категорических императивов*

(в данном случае достоинства, прав человека, его обязанностей) и других императивов (ответственность, совесть, выбор, правда, толерантность и т. д.) как должностности к поведению. Великий Кант здесь не был прав. Об этом говорит и тот факт, что он, считая все эти категории априорными, относит их вместе с тем к *практическому разуму*. До опыта человека они не могут возникнуть. Вне его многотрудного опыта они не могут появиться. Без его опыта практики они не могут состояться как факт сознания человека, как проявления его «практического разума». Из этого вытекает, что главным в становлении и развитии достоинства человека как категорического императива является *разум и креативная, творящая деятельность*.

Изложенное позволяет сделать выводы:

достоинство личности имеет в качестве своего истока разум и креативную творящую деятельность человека, выраженную в создании культуры и человеческой цивилизации;

права и обязанности человека как понятия и явления вытекают из моральных оснований достоинства личности;

реализация прав и обязанностей человека расширяет, возвышает, углубляет уже добытое им достоинство.

Конвергенция явлений и понятий

И вновь начнем с повторения. В международных пактах, в их преамбулах утверждается: «Права вытекают из присущего человеческой личности достоинства» [8, с. 5, 13].

Профессор Ю. Хабермас в статье «Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека», повторяя пакты, пишет, что человеческое достоинство это «моральный «исток», который по содержанию питает все базисные права» [10, с. 68].

Но что такое достоинство человеческой личности?

В этой статье он говорит о нем только как об *идее*, точнее, как о моральной идее, как о *понятии*, которое является истоком другой идеи, другого понятия – идеи и понятия прав человека. Не случайно он постоянно повторяет, что «идея прав человека получает дополнительную моральную загрузку в виде *понятия* человеческого достоинства», о «моральной загрузке *идеи прав человека* через *понятия его достоинства*», что «тесная связь между этими концептами существует от начала» (выделено нами. – Л. Е.) [10, с. 67]. Но идея и понятие достоинства человеческой личности отражают нечто более сложное, более емкое, более важное, т. е. *явление* достоинства личности. Не случайно ведь, что, не вполне осознавая, но чувствуя, ощущая присутствие чего-то определяющего в онтологической иерархии становления достоинства личности, он задается вопросом: «Есть ли «человеческое достоинство» выражение для содержательного нормативного понятия... или это все лишь пустое, еще не заполненное обозначение» [10, с. 68].

Действительно, что представляет собой достоинство личности? Это только идея? Это только понятие? Только деятельность определенного качества или нечто тройственное, вместе взятое? Думается, что научное понятие и научное понимание явления достоинства человека должны строиться на принципе схождения, конвергенции, доходящих до тождества этих различных элементов.

На этой основе представляется, что явление достоинства человека можно именовать мироощущением, философской категорией, включающей в себя и идею, и понятие, и деятельность высокого социально-нравственного накала. Точнее говоря, достоинство человеческой личности есть ее мироощущение как творца «второй природы» (Ф. Энгельс), т. е. как творца культуры, как творца человеческой цивилизации, не имеющей эквивалента в окружающем мире. Именно в качестве творца человек выступает как такое нечто, которое причастно явлению разума и сознания, созданию наук и мировоззрений, формированию национальных языков, письменности и искусства, появлению плюрализма и свободы, возникновению социальной сферы и экономики, семьи, этносов и наций, государств, политики и права, морали и нравственности, идеи Бога и религий, других явлений. Именно как творец всего социально существующего он делает себя достойным уважения, творит свое достоинство и создает основания для притязаний на сотворенное и долженствования всему сотворенному: это притязания и долженствования, выраженные системой сотворенных им же фундаментальных прав и обязанностей. Именно в этом смысле «человеческое достоинство» следует считать не просто классифицирующим выражением, своего рода муляжом..., но моральным «источком», который по содержанию питает все базисные права» [10, с. 68].

Говоря о достоинстве личности, о правах и обязанностях человека как социально-нравственных категориях, мы должны подчеркнуть, что понятию и явлению *обязанности* человека в философской, этической и правовой литературе уделяется совсем немного внимания. Не вызывает оно достойного внимания у пишущей и анализирующей проблемы публики, что сказывается и на текстах международного права. К примеру, во Всеобщей декларации прав человека понятие «обязанность» встречается только два раза – в ст. 10 и 29.

Но права человека как явление не существуют без обязанностей, а обязанности без прав. Это значит, что как понятия, как категории мышления они должны идти в конвергенционной триаде: *права, обязанности = достоинство*. Их схождение вплоть до тождества – это закон диалектики социального бытия как единства его нравственных, социальных и правовых аспектов.

Обратимся к определениям.

Права человека – это притязания человека к самому себе, другому, обществу и государству и долженствование человека самому себе и другому, обществу и государству, выраженные нормами моральных обычаев и нормами права. Уже это определение говорит о том, что права человека есть единство притязаний человека к своему творению («Я имею право») и обязанностей, долга

своему творцу. «Я обязан, должен самому себе, другому, обществу и государству». Единство прав и обязанностей – в самих правах человека.

Обязанности человека – это долженствование человека самому себе, другому, обществу, государству и его притязания к обществу, государству и другому, выраженные нормами моральных обычаев и нормами права [5, с. 44].

И наконец определение достоинства человеческой личности: это ее мироощущение как творца человеческой цивилизации, выражающееся в притязаниях и долженствовании окружающей действительности, государству, обществу, себе самому и другому, обнаруживающееся в чувствах, идеях и понятиях, действиях и поступках.

Определения свидетельствуют о том, что *обязанности человека есть единство долга и притязаний человека перед самим собой, другим, обществом и государством*. Точнее говоря, речь здесь следует вести о *единстве* обязанностей и прав в самих обязанностях человека, об их единстве «*доходящем до тождества*» в итоговой категории достоинства человеческой личности.

Изложенное дает основание для утверждения, что в любых политико-экономических и социально-культурных системах *права человека просто не существуют без его обязанностей*. И наоборот. Более того, они суть внутреннее друг друга. *Обязанности есть внутренний источник реализации, движения и развития прав человека, а права человека – внутренний источник реализации обязанностей*. И оба эти явления порождают достоинство личности. Заметим при этом, что в качестве внутреннего ядра, реактора этой конвергенции выступают два явления и два понятия: *притязание* и *долженствование*: ЧЕЛОВЕКА И ЧЕЛОВЕКУ. Однако эта мысль требует уточнения: в правах человека превалируют притязания, в обязанностях превалирует долг, в достоинстве обе эти стороны равносильны и равнозначны.

Только *обязанности* в их диалектической связи и интеграции с правами превращают человека из пассивного и унижающего достоинство личности бенефициария (термин модный и широко используемый в современной международной идеологии прав человека) в активного субъекта реализации своих прав. А реализованные права человека совершенствуют, возвышают его обязанности, что ведет в итоге к возвышению социально-нравственной ценности конкретной личности: ее свобода и достоинство освящаются ярким факелом служения долгу и самопожертвования во имя дружбы и любви, во имя благополучия других людей, Родины и человечества. Только реализуя обязанности (перед самим собой, другим, социальной группой, государством, обществом, нацией, народом – перед человечеством), человек может реализовать свои права. Только реализуя свои фундаментальные права (на жизнь, свободу, самоопределение, развитие), человек может облагородить и возвысить свои обязанности – свою ценность, свое достоинство. Более того, создается впечатление, что только при исполнении ДОЛГА как категорического веления разума, долга, становящегося не только правовой, но и моральной обязанностью, возможна реализация достоинства человека и личности.

Здесь следует подчеркнуть важнейшую качественную особенность явления *обязанность*. В системе прав человека она выступает как *главный, объективный, универсальный ОГРАНИЧИТЕЛЬ* произвольных прав. Только права творца, поддерживающего, стимулирующего, развивающего, совершенствующего человеческую культуру и цивилизацию, могут считаться правами человека. Морально ущербные пожелания, устремления нездорового сознания, ведущие к антиподам достоинства, к оживотнению, бестиализации человека, не могут обретать статуса прав человека. Первой и главной преградой на их пути является феномен ОБЯЗАННОСТИ.

Основополагающие международные акты о правах человека не трактуют таким образом эти проблемы. Они к подобным трактовкам даже не приближаются. Более того, является очевидным, что эти две стратегические стороны *общественной* жизни человека в них фактически оторваны друг от друга. Ведь только через 50 лет после принятия Всеобщей декларации прав человека, где лишь дважды в ст. 10 и 29 идет речь об обязанностях человека, принимается специальная «Декларация о праве и обязанностях отдельных лиц, групп и органов поощрять и защищать общепринятые права человека и основные свободы» [3]. Но представляется абсолютной истиной идея о том, что только при безусловной реализации своих обязанностей человек способен реализовать свои права, свое достоинство; государство способно их гарантировать и защитить, а Организация Объединенных Наций создавать атмосферу их универсального признания и всеобщего уважения.

Разумеется, данные соображения претендуют на истинность лишь в условиях нормального, цивилизованного функционирования общества, т. е. в условиях гармонии, согласия, равенства и диалектического баланса, в процессе конвергенции прав, обязанностей и достоинства человека, другого, социальных групп, государства. Или устойчивого стремления к данному состоянию, т. е. в условиях плюралистической демократии или целенаправленного движения к ней.

В этом плане мы не можем обойти вниманием явления разрыва органического единства прав и обязанностей и растягивания его сторон по различным геополитическим образованиям. Суммируя высказывания ученых, дипломатов, политиков, можно сказать, что традиционная культура Запада базируется на идее субъективных прав человека, не-Запада – на обязанностях.

Естественно, что у тех, кто представляет опыт различных частей расслоенного и разъединенного человечества, системы и принципы взглядов могут быть различными. В данном случае одни акцентируют внимание на культуре прав человека, другие – на культуре обязанностей и долга, многочисленные третьи – на их различных, смешанных вариантах. Может быть, именно за последними – сама ищущая себя истина. Истина и будущее. Но нет пропасти, подчеркнем это еще раз, между культурой прав человека и культурой его обязанностей и долга. Реализация достоинства тесно связана с обеими культура-

ми. Это две грани одного бесценного самородка, имя которому – достоинство человеческой личности.

Именно поэтому, если Запад будет по-прежнему игнорировать в международных актах и идеологии культуру обязанностей и долга человека, он лишится ценнейшего исторического и героического опыта этой культуры и неизбежно обесценит сокровищницу достоинства человека. Если же не-Запад будет по-прежнему игнорировать культуру прав человека, он также лишится ценнейшего исторического опыта этой культуры и неизбежно обеднит сокровищницу свободы и достоинства человека.

Таким образом, *права, обязанности и достоинство* человека – это сфера специфических отношений человека и *другого*, человека и гражданина; человека, гражданина и социальной группы; человека, гражданина и государства; это постоянное движение, *стремящееся к балансу и равновесию, конвергенции данных различий и противоположений*.

Совершенно очевидно, что в достоинстве, правах и обязанностях человека, в других, сопутствующих им, социально-нравственных явлениях и понятиях (правда, ответственность, совесть, выбор, толерантность, любовь, сострадание и т. д.) мы наблюдаем конвергенцию *чистого и практического разума*, реализацию *нравственных* законов, выраженную категорическими императивами, т. е. *абсолютными велениями разума* к должностованию, которое побуждает к поведению высокого социального и нравственного напряжения (рис. 4).

Не случайно Кант связывает категорические императивы с такими качествами, как всеобщность, объективность, безусловность: *они одинаковы для всех, обязательны для каждого в любой ситуации*.

Обратная логика и онтологические основания достоинства человека

Если история как наука занимается нащупыванием конкретной логики прошлых эпох и тысячелетий путем «обратного отсчета», социология – логики современных событий, футурология, которой занимаются представители разных наук, пытается предсказать логику событий будущего, то философия в силу своей методологии и универсальности вторгается во все этапы человеческого развития.

В данном случае для философа предпочтительнее вместо «обратного отсчета» понятие «обратная логика»: логика основных путей исторического становления человека, его разума, сознания, его творческой человеческой мир деятельности, становления их тончайшей материи – явления *достоинства человека*.

Рис. 4

Онтологические основания достоинства человека

Разум	Информация (внешняя)	Чувства	Воля, свобода воли	Труд	Родолеменные образования	Материальные ценности	Собственность	Управление	Уважение ДРУГОГО ИНОГО – ЧЕМ Я	Идея Бога
Познание	Информация (внутренняя)	Красота как объективное явление	Волеизъявление, целеполагание	Дебестиялизация человека, очеловечивание его отношений	Семья, этнос	Очеловечивание, преобразование окружающего мира	Становление социальных и экономических отношений	Власть	Терпимость, сострадание, соучастие, уважение, дружба, любовь	Постижение идеи Бога
Истина	Слово, язык, письменность	Понятие и творение красоты	Выбор, самоопределение	Социализация	Народ	Удвоение материального мира	Благосостояние	Государство	Понятие и творение добра	Вера
Наука, мировоззрение	Национальные языки	Искусство	Социально-экономический плюрализм, свобода	Общество	Нация	Создание духовного мира человека века	Социальная сфера, экономика	Политика, право	Мораль: долг, совесть, достоинство, и др.	Религии

Следуя этой логике, мы должны вспомнить, что предыстория проточеловека завершается где-то на шлифованных каменных орудиях, приручении огня, domestikации диких растений и животных, а история человека начинается со *слова* его членораздельной речи, с появлением языков, письменности, с первых элементов самосознания *достоинства человека*, человеческой самости, отличающей его от животного существа.

Права Библия, утверждая, что историю человека начинает СЛОВО: «Вначале было СЛОВО, и слово было у Бога, и слово было Бог. Оно было вначале у Бога. Все через Него (слово. – Л. Е.) начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В нем была жизнь, и жизнь была свет человеков» (Иоанн, 1: 1–4). Добавим к этому и мироощущение человеческого отличия от всего окружающего мира, мироощущение его превосходства над ним, мироощущение собственного достоинства человека. При этом следует понимать, что становление истории и ее развитие до сегодняшнего дня заняло где-то около 50 тыс. лет [2].

Сегодня, следуя обратной логике, мы должны ответить на два вопроса: чем конкретно и принципиально отличается человеческое существо от других обитающих на Земле существ (от других возможных разумных существ)? Что такое сотворил человек, эквивалента чему нет ни на Земле, ни в ближайшем космосе?

Для понимания этого еще раз обратимся к таблице. Она включает в себя то, что представляют собой эти онтологические основания, что создано разумом и креативной творящей деятельностью человека, как субъекта этой креативности и творения, как субъекта цивилизации.

Стратегическая задача современного человечества – спасти и сохранить *уникальную земную цивилизацию*. Над нею и созданными ею *достоинством* и *достоинствами человека* как никогда ранее нависли серьезнейшие угрозы и вызовы, внутренние и внешние.

Внутренние: а) опасные традиционные массовые заболевания: туберкулез, малярия, чума, холера, СПИД, плюс новое – неумолимо смертоносная эбола; б) антиподы достоинства человека, ведущие к его *оживотнению*, *бестиализации*: педофилия, проявления рабства, торговля людьми, проституция, наркомания и др.; в) новейшие технологии, созданные разумом человека, их возможность в результате увлечения политиков идеями регионального и мирового господства уничтожить все живущее на Земле; г) геноцид, гражданские войны, международный терроризм, ведущие к явлениям массового самоубийства человечества.

Внешние – как бы мстящие нам *природа и космос* за неумеренную гордыню превосходства человека и сотворенного им над всем живым и существующим, которые все настойчивее и сильнее напоминают о хрупкости жизнеустройства и жизнедеятельности человека.

Литература

1. Археалогія Беларусі: энцыкл. – Мінск, 2009. – Т. 1, 2.
2. Даймонд, Дж. Ружья, микробы и сталь. Судьбы человеческих обществ / Дж. Даймонд. – М.: Corpus, 2012.
3. Декларация о праве и обязанностях отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основных свобод // Права человека: сб. междунар.-прав. док. – Минск: Белфранс, 1999.
4. Евменов, Л. Ф. Геостратегические вызовы и угрозы глобализирующегося мира: методологические ориентиры... / Л. Ф. Евменов // Международное право и международные отношения. – Минск, 2013.
5. Евменов, Л. Ф. Право быть человеком: курс лекций / Л. Ф. Евменов. – Минск: Бип-С, 2003.
6. Кант, И. Соч.: в 6 т. / И. Кант. – М., 1965. – Т. 4, ч. 1.
7. Международный билль о правах человека. Всеобщая декларация прав человека // Права человека: сб. междунар.-прав. док.
8. Международный билль о правах человека. Международные пакты о правах человека // Права человека: сб. междунар.-прав. док.
9. Философская энциклопедия: в 5 т. – М., 1962. – Т. 2.
10. Хабермас, Ю. Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека / Ю. Хабермас // Вопросы философии. – 2012. – № 2.
11. Le Petit, Robert (Robert Paul). Dictionnaire de la langue Française / Robert Le Petit. – Paris: Société du nouveau Littré, 1973.

НАУКИ В ДИСКУРСЕ ДОСТОИНСТВА И ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

ДОСТОИНСТВО, СВОБОДА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В ЭПОХУ НАУКИ И КРЕАТИВНОСТИ

*А. А. Лазаревич,
кандидат философских наук, доцент*

Интеллектуал, интеллигент, творчество

Постановка вопросов о достоинстве, долге и ответственности, правах и свободах, совести, справедливости, толерантности, о других социально-нравственных особенностях, императивах человека, равно как и поиск ответов на эти вопросы, продуктивны лишь в контексте осмысления феномена человеческого разума, сознания и самосознания человека. Исторически данный феномен определялся многими факторами, важнейшее значение среди которых имеет интеллектуальная культура. Ее основу составляют присущий человеку разум, культурные традиции и социальный опыт, образование и наука.

Ценности современной цивилизации все больше связываются с представлениями о новых уровнях ее интеллектуализации. Версии инновационных моделей социальной динамики основываются на приоритетности человеческого интеллекта, технологиях его формализации, объективирования и оперативного использования. Такой идеал развития, несомненно, должен приветствоваться, но при этом не следует забывать о поучительных уроках индустриальной эпохи, также преклонявшейся перед достижениями креативного разума, научно-технического прогресса, но интенсивно критикуемой сегодня по многим гуманистическим, экологическим и особенно по нравственно-этическим критериям.

Неслучайно постнеклассическая наука современности включила в свой методологический арсенал «нравственный императив», ценность человеческой жизни и человеческого достоинства, характеризующих само предназначение человека, его права и свободы, потребности и возможности, обязанности и ответственность.

Проблему ценности человеческого достоинства известный философ современности Юрген Хабермас охарактеризовал следующим образом: «Философское понятие человеческого достоинства, которое возникло еще в античности, а у Канта обрело свою принятую сегодня формулировку, только с конца Второй мировой войны вошло в тексты по международному праву и во вступившие с тех пор в силу национальные конституции» [12, с. 15].

Человеческое достоинство выступает важнейшим «моральным источником» (Ю. Хабермас), ценностным измерением любых социальных практик,

в том числе и в сфере научно-технической деятельности. Достижения науки и техники связаны с человеком и призваны служить людям, обществу, цивилизации. В основном так оно и есть. Когда-то средняя продолжительность человеческой жизни исчислялась сорока годами. Сегодня и сто лет не являются пределом. Благодаря научно-техническим достижениям решаются продовольственная, энергетическая, медицинская и ряд других глобальных проблем.

Тогда почему же груз социальных противоречий по-прежнему растет и почему человек в формате такого прогресса не становится, как иногда говорят, более счастливым? Речь, естественно, идет о некоем усредненном человеке и таком же понимании счастья. Сегодня найдется немало людей, считают себя абсолютно счастливым, но, возможно, больше будет все же тех, кто думает иначе. В любом случае предпочтительнее исходить из того, что феномен счастья, как и долга, достоинства, справедливости и т. п., не определяется только достижениями НТП. Это социально-нравственная, духовно-идеальная категория. Она зависит от национально-культурных традиций, религиозных взглядов, мировоззренческих позиций и убеждений, сложившегося социально-экономического порядка. Но в любом случае – это индивидуальная самореференция человека по поводу его присутствия и самореализации в этом мире.

Другое дело, что мир, в котором живет человек, не всегда пластичен, отзывчив, добр. Современное общество нередко называют техногенным. Степень техногенеза такова, что все более очевидным является противоречие между природно-биологической, научно-технической и духовно-нравственной программами развития человека, изначально предполагавшихся как единое целое. Сегодня человек отстает от технологизированного человечества, его сознание и биофизиологические характеристики не успевают за новыми спектрами технических возможностей цивилизации. А часто его самосознание вступает с ними в противоречия. Если обобщенно выразить основную проблему современности, то она будет заключаться в незамедлительном поиске баланса между возможностями научно-технического прогресса, потребностями людей, лежащими в основе их представления о счастье, и способностью природы все это обеспечить и выдержать. Это комплексная междисциплинарная проблема, в осмыслении и решении которой первостепенное значение принадлежит философии вообще, и практической, моральной философии в особенности.

Сегодня нравственная проблематика является одной из доминирующих в философии. Как известно, базовая структура философии, включавшая в себя физику, логику и этику, была обозначена в платоновской академии и окончательно закреплена стоиками. Аристотель вычленил этику в особую философскую науку, дал ей имя и первую систематизацию, сохранившую свое значение и сегодня. Философы от Декарта до немецкой классической философии и британского утилитаризма рассматривают этику как вершину философии. Согласно Декарту, именно этика должна венчать «древо науки»; «Этика» –

главное произведение Спинозы; и даже для Канта теоретический разум подчинен в конечном счете практическому, моральному.

Этическую традицию в философии можно продолжать другими примерами. Сегодня эта традиция не менее актуальна, чем прежде. Все это – лишь дополнительное свидетельство того, что груз нравственных проблем современного общества, к сожалению, не становится меньшим. Очевидна общая бездуховность индустриальной цивилизации, сформировавшей формат потребительского отношения к жизни, поставившей под сомнение саму эту жизнь как высшую, абсолютную ценность. Достаточно заметна девальвация таких понятий, как правда, совесть, долг, добро, ответственность, уважение, дружба, любовь, честь и др. Чтобы восполнить этот пробел техногенная цивилизация начинает воплощать нравственные идеалы в робототехнике, «добрых» автомобилях, «умных» домах и т. п., призванных, по задумке конструкторов, компенсировать недостаток улыбок на лицах людей, недостаток их внимания к себе и окружающему миру, недостаток дружбы, живого общения и т. п.

Это лишний раз подтверждает мысль о том, что стратегия интеллектуального прогресса не может быть полноценной вне ее связи с понятием интеллигентности, содержательными признаками которого выступают духовность, нравственность, культура, мировоззренческие принципы, образовательный кругозор, порядочность, национальное самосознание, честь, достоинство, ответственность и др.

Проблематичность современной созидательной реализации и интеллектуалов, и интеллигентов во многом обусловлена характером возникших между ними противоречий. Интеллектуализация социального пространства – явление универсальное, в то время как интеллигентность имеет конкретную духовную спецификацию и национально-культурную выразительность. В условиях глобализации мира интеллектуал находит больше возможностей для самореализации, интеллигент же чаще всего противится этим процессам. Наконец, результаты интеллектуального творчества имеют значительно большую возможность формализации и последующего «декодирования» в социально значимых контекстах человеческой культуры, чем это можно сделать в отношении, например, чувств, убеждений, самосознания, надежд, ответственности и других качеств интеллигента. Широкая формально-знаковая трансляция этих качеств в обществе фактически невозможна, из-за чего и теряется сила намерений научить интеллигентности и искусственно расширить сферу ее социальной активности.

Вместе с тем и интеллектуал, и интеллигент способны реализоваться только в акте неординарных изысканий и поступков, в широком смысле понимаемых как процесс творчества. Творчество выделило человека из мира Природы и, несомненно, служит одним из важнейших признаков *Homo sapiens*. Творчество – это процесс созидания, способствующий проявлению и расцвету человеческой индивидуальности, самосознанию и самоутверждению человека, напрямую связанным с формированием его достоинства, ответственности, прав, свобод и т. п.

Классическое понимание творчества исходило из того, что человек-творец создает нечто новое в действительном мире и открывает его сущностные черты, скрытые от непосредственного восприятия. В течение долгого времени к области творчества относили главным образом художественную практику. По мере осмысления опыта и результатов познавательной деятельности формировалось представление о научном творчестве. К середине XIX в. вместе с возникновением технических наук стал сознаться и новый вид творчества – техническое.

Творчество, творящая деятельность связаны и в конечном итоге влияют на характер человеческой деятельности, посредством которой создаются новые общественно-значимые материальные и духовные ценности и осуществляется процесс самореализации и самоутверждения человека. В этом смысле можно говорить об эффективности творчества, имея в виду его определенную социальную оценку и значимость. Подлинное творчество не может не быть эффективным. Вместе с тем акт творения, органично присущий творцу, и оценка результата творчества – вещи не тождественные.

Творческим процессам, независимо приводят ли они к индивидуально или социально значимым результатам, свойственны неалгоритмируемость, интуитивные скачки, элементы условности, случайности, озарения и другие явления. В отличие от шаблонных, рутинных, репродуктивных операций творческий поиск по многим параметрам неповторим, индивидуален, неопределенно мотивирован, личностно выражен. С. Н. Вавилов, к примеру, отмечал: «Наиболее совершенные произведения человеческого духа всегда несут на себе ясно отпечаток творца, а через него и своеобразные черты народа, страны и эпохи. Это хорошо известно в искусстве. Но такова же и наука, если только обращаться не прямо к ее формулам, к ее отвлеченным выводам, а к действительным научным творениям, книгам, мемуарам, дневникам, письмам, определившим продвижение науки» [2, с. 576].

Органическое включение личности исследователя в процесс научного творчества признается многими учеными, непосредственными создателями духовных ценностей. По мнению известного физика А. Б. Мигдала, задача науки состоит в нахождении объективных законов окружающего мира, и поэтому содержание окончательных результатов ее не зависит только от личных качеств ученого. Но как только мы переходим к анализу способов получения объективной истины средствами науки, сразу же наталкиваемся на индивидуальность исследователя. «Каждый ученый, – пишет А. Б. Мигдал, – имеет свой собственный стиль исследования, свой собственный подход к решению стоящих перед ним задач... Здесь индивидуальность ученого проявляется так же, как и индивидуальность архитектора, который осуществляет свое стремление к гармонии в рамках утилитарной задачи» [9, с. 249].

Сравнение различных видов творческой деятельности – художественной практики, естественно-научного и технического исследования, как творения самого мира человека – обнаруживает, что они могут быть упорядочены в не-

который ряд, основанием которого оказывается степень свободы конструирования «воображаемых объектов». Когда-то Н. Бор, сопоставляя особенности отражения действительности, присущие, с одной стороны, искусству, а с другой – практике естественно-научного исследования, отметил, что различные формы художественной деятельности характеризуются все более полным отказом от точности соответствия реальности, обязательной для научных сообщений и все большей свободой «игры фантазии» [1, с. 493].

Успех открытий в науке, как показывает ее история, также нередко связан с «игрой фантазий». При этом следует согласиться и с тем, что различные виды творческой деятельности вполне специфичны, детерминированы как индивидуальными качествами творца, так и рядом внешних обстоятельств, нередко носящих скрытый, сложным образом опосредованный характер, что создает впечатление полной произвольности автора, обусловленности его поисков исключительно субъективной фантазией, эмоциями и т. д. В данном случае уместно сослаться на понимание творчества А. Горальским как единства возможного и необходимого, что определенным образом гармонизирует объективные и субъективные предпосылки творческого процесса [5]. Возможность творчества – это особые условия, традиции, своеобразие личности. Необходимость же творчества проявляется в «глубинных» законах бытия. И эти законы человеку не подвластны, ибо в противном случае был бы велик соблазн «открытия» закономерностей творчества, его формализации и конструирования, что превратило бы акт творчества в его полную противоположность.

Творческая природа человека проявляется в различных измерениях – субъективном, intersubъективном, социально-объективном. В первом случае мы можем говорить об аутопойезисе сознания, т. е. о творчестве как предпосылке рационального мышления и рефлексии, о том, что обеспечивает формирование и развитие понятийно-символических конструкций, организующих сознательную жизнь человека. Во втором случае на первый план выходит нравственное творчество, обеспечивающее созидание этических и эстетических норм, гармонизирующих отношения между людьми. В третьем случае налицо социально-нормативное творчество, продуктом которого являются институты общественной жизни, политическая система и в целом ценностно-символический уровень культуры, включающий и право, и религию, и искусство. Именно это триединое творческое начало человеческого бытия, по нашему убеждению, является онтологическим основанием человеческого достоинства (см.: [7, с. 323]).

Кризис индустриализма и человекомерность постиндустриальной стратегии развития

С осторожностью относясь к возможности точного объяснения, детализации творческого процесса, согласимся с тем, что в глобальном плане именно коэволюция природы, человека и общества формирует те невидимые предпо-

сылки творчества, интегральные результаты которого и определяют культурно-цивилизационную матрицу определенной эпохи. Но парадокс заключается в том, что эта культурно-цивилизационная матрица не всегда оправдывает ожидания творящего человечества и не определяет приоритеты его развития.

Примером может служить исторически сложившаяся модель индустриального прогресса, критически воспринимаемая современным обществом. Речь идет о том, что обусловленный научно-техническим творчеством индустриальный формат социально-экономического развития в значительной мере себя скомпрометировал, привнеся в общественную эволюцию ряд издержек экологического, технологического, социально-культурного, духовно-нравственного, политического и экономического порядка. Сегодня нужна новая парадигма общественного прогресса, соразмерная императивам сохранения природы и создания нового качества жизни, достойной человека поистине разумного, образованного, высоконравственного и ответственного.

Ценности индустриализма заслуживают внимания в контексте решения первичных задач общественно-экономического развития, связанных с достижением преимущественно «материальных» идеалов человечества, относя сюда представления о хорошем жилье, пище, сравнительно обустроенном быте, достойной заработной плате и т. п. Но даже первичные для человека вещи индустриализм все же отодвигает на второй план. На первом месте для него – рост индустриального производства, промышленности, технико-экономические показатели в целом. На этот недостаток указывали все известные теоретики индустриального общества, например, А. де Сен-Симон, Э. Дюркгейм, М. Вебер и др. Они, в частности, говорили о том, что индустриальное общество «заботится лишь о производстве» (Сен-Симон), что в нем «экономическая система отделена от семейных уз, рабочее место – от домашнего очага» (Дюркгейм), «во всем обществе распространяются единая этика и стиль жизни: они становятся деперсонифицированными нормами» (Вебер). Все это так. В результате за промышленным ростом, экономическими показателями потерялся сам человек, став, действительно, совокупностью общественных (производственных) отношений.

Кроме этого, следует говорить и о других издержках индустриализма, например, экологического характера, что угрожает уже отторжением природой самого человека как вида. Существуют еще и так называемые проблемы технократизма, который по-прежнему безудержно делает ставку на индустриально-технические ценности, не замечая при этом, что понятие «ценность» имеет абсолютно гуманитарный смысл и вне человеческих добродетелей теряет всякое значение. Поэтому индустриальный формат жизни себя практически исчерпал, поставив человечество перед необходимостью поиска новых сценариев развития. Такие сценарии разрабатываются, конституируя в своей целостности идеологию современных постиндустриальных реформ общества.

Постиндустриальный тип развития буквально можно понимать как такой, который следует за индустриальным, т. е. приходит ему на смену. В социаль-

но-экономическом и духовно-культурном отношении речь идет о переходе к новым базовым принципам развития, которые строятся на приоритетах так называемого третичного сектора общественного производства – сферы услуг или социального сервиса, с изменением при этом структуры социальной стратификации. Речь идет о перераспределении областей занятости людей в сторону обслуживания самих себя: торговля, финансы, транспорт, здравоохранение, индустрия отдыха, наука, образование, управление. Ни индустриальное производство, ни сельское хозяйство при этом не исчезают, как иногда пытаются скептически представить постиндустриальную теорию ее оппоненты. Реальный сектор экономики существует, интенсивно развивается на высокой технологической базе, но приобретает подчиненное значение по отношению к смысложизненным основам человеческого бытия. В постиндустриальном обществе человек, его права и достоинства, духовно-культурный, образовательный и интеллектуальный потенциал должны находиться в центре внимания, а не промышленно-производственная инфраструктура и экономическая целесообразность как таковая.

Постиндустриальное общество в отличие от общества индустриального не должно рассматривать природу только как источник сырья для экстенсивного развития экономики. В этом смысле оно ориентировано не на объемы, а на качество продукции и ее разнообразие, *на человека*. Уровень квалификации, образованности, компетентности людей, занятых в производстве, становится условием его социальной эффективности, с одной стороны, и внутренним источником развития, с другой. Вовлеченные в производство люди утрачивают при этом сугубо материальную мотивацию своей деятельности, поскольку оказываются занятыми преимущественно там, где нужны интеллектуально-творческие и профессиональные качества.

Утрата материальной мотивации развития в условиях постиндустриального общества связывается также с предполагаемым достижением большинством населения (еще на индустриальной стадии) такого уровня благосостояния, когда «давление непосредственной (материальной) нужды сокращается». «Это положение, – пишет В. Л. Иноземцев, – принято большинством теоретиков постиндустриализма, так как именно после того, как человек достигает материального благосостояния, позволяющего ему не задумываться об удовлетворении привычных потребностей, он начинает искать самовыражения вне традиционных стереотипов поведения. Современные социологи очень осторожно подходят к исследованию данного феномена, отмечая не устранение материальной мотивации, а возникновение вполне определенного сдвига от максимизации материального потребления к обеспечению более высокого «качества жизни» [8, с. 39–40]. Речь идет о таких качествах, которые связаны с духовно-культурным измерением жизни, включающим понятие достоинства человека.

В культуре постиндустриального общества немаловажное значение приобретает проблема преодоления стандартов. Она проявляется, как в непосред-

ственно экономическом отношении, так и в плане стимулирования творческой активности людей, развертывания межкультурных контактов, различных, в первую очередь диалоговых (живых) форм общения и социальной коммуникации в целом. Ряд социологических исследований, призванных выявить «постматериалистический», в том числе духовно-коммуникативный, характер постиндустриальных трансформаций, показал, что уже к середине 70-х годов XX в. в качестве основных достоинств того или иного вида деятельности чувства удовлетворения от проделанной работы и контактов (коммуникации) с людьми были поставлены на первое место большинством японских и американских работников [13, р. 96]. Не случайно в связи с этим было обращено внимание на постиндустриальное общество как на такую социальную организацию, где большая часть человеческой активности направляется не на взаимодействие человека с преобразованной им природой, что характерно для индустриального типа развития, а на реализацию коммуникативной интенции, образно представленной Д. Беллом как «игра между людьми».

Говоря о постиндустриальных реформах общества, нельзя не сказать о новых инновационных механизмах этих реформ, которые появились в связи с активным развитием информационных технологий и интенсивной социализацией на этой основе информации и знаний. Отсюда, кстати сказать, и происходит новая идеологема постиндустриального вектора развития современной цивилизации – становление информационного общества или общества, основанного на информации и знаниях.

Активное развитие информационного сектора составляет основное содержание современных процессов информатизации, которые затрагивают экономику, образование, культуру, стратификацию общества, его безопасность, социально-психологические и коммуникационные основы. Информатизацию следует понимать как широкий социокультурный процесс, связанный с комплексом политико-организационных мероприятий государства и гражданского общества по созданию условий производства и функционирования интеллектуально-информационного ресурса и обеспечению заинтересованных субъектов достоверными и своевременными сведениями во всех видах человеческой деятельности на основе новейших информационно-коммуникационных технологий. Другими словами, информатизация общества направлена на создание оптимальных условий для удовлетворения информационных потребностей и реализации прав граждан, органов государственной власти, общественных организаций на основе формирования и использования информационных ресурсов.

Политика информатизации затрагивает различные сферы жизнедеятельности человека – его быт, культурно-образовательную среду, профессиональную активность, способность ставить цели и достигать их. С дальнейшим развитием компьютерных технологий и совершенствованием механизмов функционирования информации и социальной коммуникации оказалось возможным иначе оценить целостность и единство человеческой цивилизации,

принципы самоорганизации людей на основе широкого доступа к информационным ресурсам и гуманизации системы власти, деструктуризацию традиционных систем управления в зависимости от рассредоточения информационных ресурсов в локальных (горизонтальных) подсистемах общества, наконец, – организацию власти, которая ориентирована на профессиональные и интеллектуальные ценности, на права и достоинство человека, его креативность, возможности и ответственность. В связи с этим особо следует выделить коммуникационную природу информационного общества и соответствующую сущность информации, выступающую не противопоставлением и отрицанием ее экономико-производственной сущности в концепции постиндустриального общества, а дополнением. В информационном обществе не теряет своего значения важнейший тезис постиндустриальной доктрины о том, что информация и знания выступают не только главной ценностью, но и особым интеллектуальным товаром со всеми его социальными, в том числе производственно-экономическими, характеристиками. Последнее обстоятельство особенно ярко демонстрируют современные тенденции развития рынка информационных ресурсов и услуг, определяющего конкурентоспособность и капиталоемкость экономики наиболее развитых государств мира. Стратегия развития информационной цивилизации не может оставить без внимания и те представления постиндустриализма, которые касаются природы общества. Согласно взглядам Д. Белла, природу доиндустриального общества составляли взаимодействия с естественной природой, в индустриальном обществе на первое место выходят взаимодействия с преобразованной природой, наконец, в постиндустриальном обществе доминирующее положение занимает коммуникационная стратегия социального развития, ориентированная на возрастающее значения конструктивных и гуманных социальных отношений, в системе которых реализуются разносторонние человеческие качества и возможности, исключаящие нарушение прав человека, умаление собственного достоинства и достоинств других людей. А значит – всемерное повышение ответственности в деятельности человека и человечества.

Здесь следует подчеркнуть важнейшую особенность постиндустриального общества на стадии его информационного развития, которая напрямую связана с «коммуникационной идеологией» современного социального прогресса: если стратегическим внутренним принципом индустриального развития человечества явилась борьба противоположностей и различий, их антогонистические противоречия (классовая борьба, восстания, революции), фундаментальным принципом эволюции информационного общества вытупает синергия конструктивных возможностей его субъектов, реализуемая в формате нравственной коммуникации и общественной солидарности. В результате не реализация экономической прибыли, а человеческое достоинство, не производственные успехи, а «человеческое измерение» – главные и высшие цели современного мира.

Человечество вступило в информационный век, основной сутью которого становится мобильность и взаимодействие на основе новых технологий

и средств коммуникации. Мир становится теснейшим образом взаимосвязанным и взаимозависимым. Решение как внутригосударственных, так и международных проблем немислимо вне конструктивного общения, особенно, его морально-диалогических форм. Сущность конструктивной политики любого современного государства едва ли может быть перспективно выражена вне обращенности к философии ненасилия, ответственного поведения и согласия.

Настроенность на коммуникативный исход решения важнейших внутригосударственных и международных проблем выступает неотъемлемым элементом новой идеологической доктрины XXI в.

Идеология коммуникации в данной доктрине выступает как сотворчество, сопонимание, сотрудничество с акцентацией совместного переживания происходящих и предстоящих событий. Коммуникативно настроенный человек, общество, государство всегда будут требовать того же и от своих партнеров по взаимодействию. Коммуникативная идеология XXI в. – это идеология политической и социальной ответственности, строящейся на фундаментальном качестве людей – их достоинстве, потребности в понимании, уважительном сотрудничестве, совместном поиске решений.

Сегодня достаточно заметен переход от иерархической коммуникации, где роль получателя информации резко занижена к социально активной, когда потребитель информации сам выбирает ее источник, содержание, способы реализации в системе норм и возможностей социальной деятельности. Это тоже новый поворот в коммуникативной идеологии, позволяющей наладить связи между населением и властью, государством и обществом, фирмой и клиентом, заводом и потребителем.

Современные подходы к прогнозированию, так называемые форсайт-прогнозы (foresight – предвидение), тоже строятся на учете коммуникативных принципов. Первоначально они были ориентированы на сферу научно-технического планирования и заключались в радикальном изменении его цели. Если раньше данная цель связывалась с предсказанием на длительную перспективу развития той или иной области науки или технологии с учетом исходного уровня их состояния, то современная система прогнозирования (Форсайт) ориентирует на перспективные потребности, а не на имеющиеся возможности, и на прогноз развития возможностей для реализации перспективных потребностей. Сегодня форсайт-прогнозирование все чаще используется как системный инструмент формирования будущего, позволяющий учитывать возможные изменения во всех сферах общественной деятельности – науке и технологиях, экономике, социальных отношениях, культуре.

В 2003 г. в Будапеште состоялся «Foresight Summit», на котором была разработана концепция Форсайт как синтез пяти «Си»: Commitment, Communication, Concentration on the long term, Coordination, Consensus (договоренность, взаимодействие, ориентация на долгосрочные цели, координация, согласованность). Залогом успешной реализации форсайт-программы является слаженная работа бизнеса, научного сообщества, органов государственной власти

и гражданского общества, которые пытаются прийти к консенсусу на морально-коммуникативной основе. Важно подчеркнуть, что Форсайт – это коммуникативный процесс, позволяющий принимать согласованные и грамотные решения, ориентированные на перспективные потребности человека и общества.

Следует согласиться с тем, что «только с помощью эффективно проведенной коммуникации в современном обществе осуществляется все больше и больше событий» [10, с. 12]. Общество, государство, политика становятся зависимы от коммуникации. Акцентация же усилий по организации эффективного нравственно-коммуникационного пространства трансформируется сегодня в важнейший элемент государственной идеологии.

Вызовы и угрозы человеку в информационную эпоху

Человечество на протяжении всей своей истории подвергалось многим испытаниям: геноцид, военные преступления, этнические чистки, рабство, торговля людьми и др. На 67-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун заявил: «Мы вступили в эпоху мегакатастроф... человечество должно быть готово к новым вызовам» [7, с. 290–291].

Процессы становления информационного общества сопряжены с рядом новых вызовов, социальных проблем и рисков. Информационный социум отличается высокой мобильностью и быстротечностью событий, неожиданным возникновением совершенно новых, нередко хаотичных связей и отношений. Интенсивная динамика социальных изменений основывается в том числе и на разрыве закономерной взаимообусловленности событий, что характерно для ситуаций искусственного комбинирования нового вне его «произрастания» из прошлого и вне оценки возможностей разворачивания в будущем. В подобных случаях человек не способен в полной мере усвоить наследие прошлого и оценить происходящее. Он находится под ударом обрушивающихся на него явлений и новой информации, с трудом используя лишь маленькую ее часть, и в этом смысле проявляя индифферентные связи с окружающей его реальностью. Человек отстает от социально-технологического развития человечества, что в определенной мере напоминает известную проблему отчуждения человека, поставленную XIX в., и проблему утраты реальности, поставленную XX в. В этом смысле марксизм, экзистенциализм, постмодернизм в сущности решают одну и ту же задачу – растущую диспропорцию между человеком и человечеством, индивидом и видом, которая формируется в одном случае как «отчуждение», в другом – как «некоммуникабельность», в третьем – как «гибель реального».

Реальность не просто «гибнет», она исчезает вместе с человеческими традициями и опытом, достоинством, добром и красотой, заменяясь множеством мнимых, мистических, виртуальных и других произвольных и не верифицируемых моделей бытия, которые, в силу сказанного, не могут укладываться

в традиционные и закономерные системы отношений прошлого, настоящего и будущего. Все это осуществляется в условиях невиданного роста информации, интенсивно циркулирующей в обществе. Сегодня без преувеличения можно говорить об информационном взрыве в истории человечества, изменяющем среду его обитания, образ жизни, ценностные императивы. Быстро увеличивающийся объем информации и знаний нередко превращается в самостоятельный, автономный процесс, который приобретает характер социальной неуправляемости и все большего подчинения себе индивидуальных смыслов личностного знания и бытия. Это, в свою очередь, сопряжено с неустойчивостью и трансформацией мировоззренческих основ жизнедеятельности человека, критериев его свободного выбора и достойного существования.

Данное обстоятельство является одной из серьезных проблем информационного общества, характеризующегося интенсивными темпами роста информации, в создании и образно-знаковом объективировании (культурном кодировании) которой принимает участие несоизмеримо меньшее количество людей в сравнении с теми, на кого она ориентирована и кто не создает, а усваивает готовые смыслы. Данная тема имеет самый широкий контекст анализа: от моральной и профессиональной ответственности производителей информации до проблемы свободы, связанной с изменением возможностей выбора, во-первых, между использованием «закодированной» и «незакодированной» информации, во-вторых, между участием в создании ментальных образов и использованием уже готовых, в-третьих, между многочисленными смыслами, формируемыми теми или иными информационными источниками.

Между тем общая картина формирования глобального информационного пространства не является чем-то абсолютно неожиданным для современного общества. В целом – это объективное и эволюционное явление. Дух глобализации всегда был присущ социальной динамике и выражался в том, что нормы и стандарты развития человечества, в том числе и его информационные императивы всегда влияли на локальные социальные и личностные системы отношений и ценностей. Другое дело, что современные тенденции взаимосвязи общечеловеческого, национально-государственного и локально-личностного проявляются не через интегративные факторы взаимодействия, скажем, культур, а через механизмы доминирования некоторых из них по отношению к остальным. В основе этих механизмов лежат техники информационно-коммуникативного превосходства и воздействия технологически развитых государств мира на менее развитые в этом отношении страны и регионы. В связи с этим проблема культуры информационного общества все последовательнее трансформируется в проблему информационно-коммуникативной культуры как умение интегрировать и социализировать растущие потоки информации на основе эволюционно сформированных инвариантов национального культурного и образовательного опыта и соответствующей ментальности личностного сознания, сопряженной с понятиями интеллигентности, свободы, ответственности, достоинства и другими качествами человека.

По мысли итальянского культуролога У. Эко, новое состояние, в которое вступает человечество, требует нового типа знаний, обеспечивающих отбор необходимой информации. Он утверждает, что реальные проблемы, с которыми «мы» столкнулись в результате развития электронных медиа, – это проблемы одиночества многих людей, затерянных в Интернете, избыток информации и неспособность отбирать и уничтожать ненужное. Серьезная проблема возникает для нас в связи с тем, что в океане информации становится все труднее отличить надежный источник информации от всех остальных. Больше всего мы нуждаемся в новой форме критической компетенции, в искусстве отбора и усвоения информации. Если мы не примем во внимание эти тенденции, то в будущем, предполагает У. Эко, мы достигнем уровня, когда избыток информации и цензура будут тождественны. Таким образом, общество будет состоять лишь из двух категорий людей: тех, кто предпочитает получать готовые образы и определения мира, не будучи способным критически воспринимать получаемую ими информацию, и тех, кто способен компетентно отбирать и использовать полученную информацию [4].

Таким образом, технологии производства, использования и передачи информации становятся главным объектом внимания человека, общества и государства. Различия в возможностях владения подобными технологиями определяются сегодня понятием информационного, или цифрового, неравенства, которое понимается как новый вид социальной дифференциации. В глобальном контексте данная дифференциация способна вызвать неравенство между людьми, странами и регионами мира в сфере новейших технологических разработок, что, в свою очередь, приведет к дальнейшему углублению экономического, социального и нравственного неравенства, в результате – к росту нестабильности как в отдельных государствах, так и в мире в целом.

Для преодоления названных проблем необходимо создавать не только политические, правовые, социально-экономические, но и морально-нравственные предпосылки информатизации общества и развития его информационной культуры как в рамках национальных, так и международных проектов. Однако в настоящее время оставляет желать лучшего гуманитарная составляющая информационной политики большинства государств мира, слаба ее правовая и законодательная обеспеченность. Процессы информатизации в ряде современных индустриальных государств представляют собой скорее социокультурное явление, нежели закономерные социально-экономические преобразования, которые лежат в основе серьезных социальных трансформаций, обуславливающих переход к новому типу общества, организации науки и социализации ее результатов, гуманизации общества. Неравномерный экономический рост, значительное культурно-образовательное расслоение населения делают проблему информационного неравенства особенно острой.

Таким образом, современное человечество столкнулось с двумя однопорядковыми, но противоположными проблемами: проблемой недостатка информации в силу наличия такого явления, как информационное неравенство,

и проблемой избытка информации и неспособности ее конструктивной социализации. Если первая из этих задач технологически и политически решаема, то вторая вызывает серьезную озабоченность человечества. На фоне быстроменяющегося мира все меньше стран сохраняют интеллектуальный капитал, достаточный для комплексного и компетентного анализа и прогнозирования этих изменений. Основу этого капитала составляют социализированные в обществе информация и знания. Именно они выступают объектом стратегических интересов современной цивилизации, поскольку определяют ее возможности и перспективы развития.

Моральный разум, научные знания и человеческое достоинство

Постановка вопроса о том, что такое знание – это свидетельство мудрости и духовной культуры общества, зрелости и конструктивности его самосознания и связанного с ним чувства ответственности и достоинства человека. Поиск же ответа на этот вопрос постоянно стимулирует общественное сознание, органы власти, образовательные и воспитательные институты общества в плане выработки созидательной научной политики, стратегии социального развития, стандартов образования и самообразования, форм и способов организации жизни. Приобщение людей к созданным пластам знания – это важная, но недостаточная задача. Человечество способно достойно развиваться только в том случае, если оно задается вопросом относительно возможности расширения своего познавательного пространства, необходимым механизмом чего всегда выступала наука. Именно она создает новое знание, реагирует на его социальную востребованность, подсказывает способы и технологии практической реализации и *разумной* организации человеческой жизни. Как подчеркивал еще Гераклит, для человека жить достойно – означает жить в соответствии с разумом.

В таком своем качестве наука выступает и формой сознания и инструментом самосознания народа, важнейшим элементом и фактором его мировоззрения, культуры и созидательности. Трудно себе представить формат развития общества, его культурных и образовательных традиций вне должного отношения к науке, формированию ее престижа и авторитета. Данная проблема имеет достаточно сложный спектр значений, но абсолютно оправданной является позиция, ориентированная на поиск взаимопонимания науки и общества, науки и власти, что обеспечивается как внутренними интенциями самой науки, так и той внешней социально-экономической и культурной средой, в которой формируются отношение к науке и формы влияния на нее.

Сегодня наука выступает мощной производительной силой общества, основой творчества человека, выработки его мировоззренческих позиций и рациональных убеждений. При этом важно понимать, что рациональная прагматика науки ни в коей мере не умаляет (по крайней мере не должна умалять) значения и состоятельности духовного мира человека, спектра его интелли-

гентности и культурности, что нередко истолковывается в условиях современного техногенного общества как отсутствие у науки и научных практик «морального содержания» и соответствующих средств формирования гуманной стратегии развития как самого человека, так и общества в целом. Гуманитарные интенции науки связываются в первую очередь с интеллектуальным творчеством, мировоззренческими идеалами, обогащением людей знанием и культурой жизни. Нравственно-этические издержки, приписываемые науке, это не проблема науки как таковой, науки как явления культуры. Это вопрос, во-первых, установления и, соответственно, нарушения возможных запретов в тех или иных областях познания, во-вторых, это проблема практического использования достижений науки. «Любое общество, – писал Фуко, – имеет собственный порядок истины, свою «общезначимую» политику истины: то есть оно делает акцент на определенные виды дискурса, которые позволяют ему функционировать в качестве истинного дискурса; существуют механизмы и инстанции, которые делают разграничение истинных и ложных высказываний и определяют модус, в котором санкционируются одни или другие; существуют приоритетные техники и процедуры нахождения истины; существует определенный статус для тех истин, которые уже обретены, определения того, являются ли они истинными или нет» [11, с. 201–202].

Вместе с тем научная истина, если она действительно таковой является, – это социально и культурно значимый феномен. Акцентуация же идеи расхождения ценностей научной истины с возможными другими взглядами и подходами ошибочна и даже опасна, поскольку дестабилизирует нормативные основы социальных и личностных ориентаций и программ жизни. Наука – это продукт человеческой культуры, запрос людей на обеспечение разумной организации своей жизни. От любых других форм сознания науку отличает доказательность, объективная и логически обоснованная аргументация, выявление закономерных связей, непротиворечивость посылок и следствий и т. д. Рациональность человека не может не основываться на этих принципах, как бы она ни понималась. Естественно, возможности науки имеют пределы, и осознание этого также должно выступать признаком рационально-ответственного морального сознания. «Чем больше выдвигаемая цель совпадает с нормами мышления, задаваемыми существующим знанием, – отмечает С. С. Гусев, – тем более рациональной она воспринимается соответствующей культурой. В свою очередь, рациональность нового фрагмента знания, произведенного наукой, оценивается по степени его соотнесенности с имеющимися социальными целями. Таким образом, на выбор проблем и обусловленных ими целевых ориентаций, как общества в целом, так и отдельных научных коллективов в частности, реально влияют не только идеалы и нормы теоретического сознания, но и представления о полезности предполагаемых и искомым результатов, а это уже выходит за пределы компетенции собственно науки» [6, с. 15].

Как подчеркивалось выше, во многом уязвимая, с точки зрения гуманистических ценностей, индустриальная эпоха обязана прежде всего науке,

и поэтому вместе с критикой в адрес индустриализма в разряд отверженных нередко попадает и наука, и научная рациональность в целом. Эпоха становления индустриализма, действительно, дала мощный импульс науке и технико-технологическому прогрессу. Последний сформировал новый тип цивилизации, которую нередко называют техногенной, «поскольку в ее развитии решающую роль играет постоянный поиск и применение новых технологий, причем не только производственных технологий, обеспечивающих экономический рост, но и технологий социального управления и социальных коммуникаций» [3, с. 65]. Именно в условиях техногенного типа развития сформировались основные механизмы и принципы экспансии технологических новшеств, их влияние на социально-экономический и культурный динамизм. Собственно говоря, в этом и заключается самоценность и приоритет техногенной цивилизации. На этой основе формируются мировоззренческие, культурные и социальные программы жизни, способ производства, сложная система отношений людей, типов их поведения и деятельности. Формируется особый идеал социального успеха, основанный на экономическом прагматизме, научно-технической мощи, задачах преобразования природы, подчинении биосферных закономерностей техносферным. Естественно, выбирая такую стратегию развития, человечество совершенствует позиции, которые веками строились на классических представлениях о добре и зле, достоинстве и свободе личности, ценности и приоритетности человеческой жизни.

Поэтому важнейшие особенности соотношения объективных и субъективных основ модернизации техногенного общества во многом должны определяться ценностями прав и свобод человека, понятием суверенной личности. «В традиционалистских обществах, – отмечает В. С. Степин, – человек уже с рождения был закреплен за определенным местом в кастово-сословной системе, ему предстояло усвоить определенный тип профессиональных и иных навыков, чтобы продолжить передачу эстафеты традиций. В современной же техногенной цивилизации (позволю себе назвать ее техногенной цивилизацией постиндустриального типа. – *А. Л.*) человек становится личностью именно благодаря тому, что он не привязан жестко к некоторой одной корпоративной структуре, не сращен с ней, а может гибко строить свои отношения с другими людьми, включаясь в разные социальные общности и в разные традиции» [3, с. 66].

Становление современного информационного общества связано с трансформацией ряда ценностей индустриальной цивилизации. Достижения науки и технологии, научная рациональность не рассматриваются уже в качестве самодостаточных сущностей, автономно определяющих стратегию социального развития. Они все больше и больше включаются в целостную систему социально-культурной и природной эволюции. При этом масштабность влияния науки и технологии на современное общество не уменьшается, а скорее увеличивается, но уже в единстве рационально-знаниевых, социально-культурных, нравственных и экологических принципов. Не случайно в поле зрения

общественного мнения попадают вопросы этики науки, персональной ответственности ученого за эффективность новых знаний и их безопасное функционирование в обществе. Современная научная деятельность перестает быть автономным процессом производства знаний, рациональность которых задана исключительно их внутренней организацией, а начинает выступать в такой форме человеческой активности, в пределах которой оценивается рациональность не только действий, но и целей. Иначе говоря, возрастает ответственность креативной личности за предлагаемые обществу ноу-хау. И этот процесс сопряжен с общей линией актуализации самосознания человека как человека не только разумного, достойного высокого уважения, но и ответственного за свои действия и будущее цивилизации.

В связи с этим особое значение приобретают познавательные принципы так называемой постнеклассической науки. Если для классической науки характерна была ориентация на автономную истину, эксплицируемую в системе субъект-объектных отношений, для неклассической науки важно было отказаться от прямолинейного онтологизма, независимости объекта от средств познания и абсолютной истины, то для постнеклассической науки наиболее ценным достижением выступает предпринятая в ней попытка соединения объективного мира и мира субъективного. Последний включает в себя не просто субъекта-исследователя, субъекта-наблюдателя, а социально-культурного субъекта с миром его предпочтений, ценностей, смыслов, моральных норм, прав, свобод, гражданской ответственности. Познавательная истина в данном случае обусловлена достаточно обширной сетью социально-коммуникативных практик, опосредованных всей системой культуры и перспективными стратегиями развития человечества. Истина перестает быть результатом и смыслом только научной деятельности и соответствующего обоснования. Ее содержание и ценность становятся зависимы от более широкой системы социальных связей и отношений, правовых и моральных норм, культурных традиций, влияющих на конфигурацию самих объектов научного творчества и способы их постижения.

В постиндустриальной модели прогресса наука все чаще имеет дело со сложными, «человекомерными» системами. Наряду с типами таких систем, как биосфера, биогеоценозы, различные промышленные и социальные объекты, отличительной особенностью современности является формирование абсолютно новых типов человекомерных систем, например таких, как системы «человек–компьютер», «компьютерные сети», «телекоммуникационные сети», «социороботосфера», «генно-инженерные объекты» и т. п. «В стратегиях деятельности со сложными, человекомерными системами возникает новый тип интеграции истины и нравственности, целерационального и ценностно-рационального действия. Научное познание и технологическая деятельность с такими системами предполагают учет целого спектра возможных траекторий развития системы в точках бифуркации. Реальное воздействие на нее с целью познания или технологического изменения всегда сталкивается с проблемой выбора определенного сценария развития из множества возмож-

ных сценариев. И ориентирами в этом выборе служат не только знания, но и нравственные принципы, налагающие запреты на опасные для человека способы экспериментирования с системой и ее преобразования» [3, с. 69].

Такой ход событий не может не обнадеживать. И, несмотря на то, что сценарии развития современного общества могут быть самыми разнообразными, их успех в любом случае определяется человеком и зависит от его подлинных качеств – чести, достоинства, ответственности – нравственности в целом.

Моральные ценности носят абсолютный, универсальный, общечеловеческий смысл. Они не должны трансформироваться в угоду экономической, политической, идеологической, научно-технической и любой другой целесообразности. Они суть «категорического императива» (Кант). В конце концов страдает мораль как таковая, а не соответствующие ей идеология и политика, которые приводят к трансформации нравственных ценностей.

Сегодня все более востребованной является социально ориентированная государственная политика. Применительно к Беларуси она проявляется в сбалансированности интересов различных групп и слоев населения, в реализации ряда воспитательных и образовательных программ, направленных на совершенствование духовно-нравственных отношений. Вместе с тем наша страна не может находиться в стороне от общемировых процессов. Многие нравственные проблемы свойственны и белорусскому обществу. Это особенно заметно в молодежной среде, которая подвержена воздействию современной массовой культуры, предпочитает способы абстрактного, нередко вульгарного самовыражения, страдает дефицитом ответственности, уважительного отношения к родителям, учителям, старшему поколению, родной истории, природе и т. п. Ряд нравственных издержек свойственен другим социальным группам, стратам, сферам деятельности.

Поэтому внимание к духовно-нравственным основам развития нашего общества, несомненно, должно быть повышено. Нужно сформировать целостную концепцию социально-нравственного развития, адекватную современному этапу национально-государственного и цивилизационного развития Беларуси. В этой концепции может быть прописан ряд аспектов, но два из них необходимо акцентировать особым образом.

Во-первых, каждый, кто связывает свою судьбу с Беларусью, должен проникнуться четким осознанием того, что он гражданин самостоятельной, независимой страны, ответственный за ее прошлое, настоящее и будущее, что это его страна и его история. Отсюда будут вытекать основные предпосылки достоинства человека, его креативности, патриотизма и ответственности.

Во-вторых, нужно учесть новую (постиндустриальную) специфику социально-экономической стратегии развития Беларуси, опирающейся на конвергенцию понятий и явлений общественной и частной жизни, инициативы и предпринимательства, конструктивной конкуренции, профессионального и карьерного роста, обуславливающих актуальность соответствующих принципов в системе социального развития. Общий нравственный смысл этих принципов должен носить незыблемый, императивный характер.

Литература

1. Бор, Н. Избр. науч. тр.: в 2 т. / Н. Бор. – М., 1971. – Т. 2.
2. Вавилов, С. И. Собр. соч.: в 4 т. / С. И. Вавилов. – М., 1956. – Т. 3.
3. Важно, чтоб работа не прекращалась... Интервью с академиком РАН В. С. Степиным // Вопросы философии. – 2004. – № 9.
4. Вопросы гуманитарных наук. – 2004. – № 5.
5. Горальский, А. Теория творчества / А. Горальский. – СПб.: Невский простор, 2004. – 204 с.
6. Гусев, С. С. Координата рационального / С. С. Гусев // Перспективы метафизики. – СПб., 2001.
7. Евменов, Л. Ф. Глобализация: конвергенция – достоинство и права человека: сб. науч. ст. / Л. Ф. Евменов. – Минск: Право и экономика, 2015.
8. Иноземцев, В. Л. Теория постиндустриального общества как методологическая парадигма российского обществоведения / В. Л. Иноземцев // Вопросы философии. – 1997. – № 10.
9. Мигдал, А. Б. Заметки о психологии научного творчества / А. Б. Мигдал // Будущее науки. – М., 1977. – Вып. 10.
10. Почепцов, Г. Г. Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2001. – 651 с.
11. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. – М., 1999.
12. Хабермас, Ю. Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека / Ю. Хабермас // Эссе и конституции Европы. – М.: Весь мир, 2013.
13. Inglehart, R. Culture Shift in Advanced Industrial Society / R. Inglehart. – Princeton, N. J., 1990.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ И ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИОЭМПИРИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Е. М. Бабосов,

доктор философских наук, профессор, академик НАН Беларуси

На протяжении двух последних десятилетий в философской, социологической, политической литературе активно обсуждаются проблемы достоинства личности и прав человека. В процессе этих дискуссий нередко высказываются различные, не всегда совпадающие друг с другом толкования этих социальных феноменов. Поэтому актуализируется концептуализация употребляемых в таких дискуссиях исходных понятий.

Концептуализация представляет собой теоретико-методологическую процедуру, обеспечивающую системную организацию и философское осмысление многообразного эмпирического материала о сущности и разнообразных проявлениях, а также о структурной архитектонике исследуемых социальных явлений и процессов. Она включает в себя в качестве неотъемлемого компонента выявление ведущего системообразующего конструктивного принципа, реализующего исходный замысел теоретической знаниевой практики в конкретной сфере развертывания дисциплинарных и междисциплинарных научных исследований.

Применительно к проблеме человеческого достоинства и прав человека таким исходным концептом выступает философское понимание и истолкование сущности и смысла жизни человека как многомерного и целенаправленно действующего социального существа.

Для решения столь грандиозной по своим масштабам и значимости задачи социальная философия должна руководствоваться несколькими принципами. Наиболее важными являются:

принцип *целостности*, позволяющий рассматривать и интерпретировать человека во всем богатстве его взаимосвязанных сущностных определений;

принцип *эмерджентности*, требующий исследовать человека как такую целостность, которую нельзя вывести из свойств отдельных частей и которая является продуктом взаимодействий, а не суммой взаимодействий различных частей;

принцип *открытости*, характеризующий человека как открытую саморазвивающуюся систему, непрестанно взаимодействующую с окружающей природной и социальной средой;

принцип *концептуализации*, позволяющий рассматривать объект конкретной исследовательской задачи с помощью специально подобранных абстракций;

принцип *концептуальной развертки*, предполагающий отображение изучаемого объекта в различных мыслительных плоскостях и нахождение для него множества интервалов абстракции;

принцип *концептуальной сборки*, дающий возможность представить и выразить исследуемый объект – человека – в многомерном когнитивном пространстве путем установления логических связей и взаимопереходов между различными определениями, образующими единую сложно иерархизированную конфигурацию;

принцип *многомерности*, раскрывающий способность человека видеть дополняющие друг друга тенденции в казалось бы прямо противоположных явлениях и процессах и создавать единое целое из расходящихся траекторий развития;

принцип *целеустремленности*, дающий возможность исследовать человека как самонастраивающуюся и целенаправленную действующую систему, способную производить не только неизменный результат различными способами в неизменной среде, но и разные, в том числе ранее казавшиеся невозможными новые результаты, причем как в неизменной, так и в изменяющейся окружающей среде.

Диалектически взаимосвязанное системное применение этих методологических принципов позволяет социальной философии свести противоречивое множество определений в целостное единство, в истинный синтез, представляющий не агрегат разнокачественных аналитических определений, а новое гармоничное образование, выражавшее многомерную сущность человека в его всеобъемлющей социальности. Только такой синтез позволяет понять, почему человеческую созидательную деятельность необходимо разворачивать

по нелинейному, поливероятностному тренду все возрастающей и усложняющейся социальной общности, где пространство и время налагают пределы на результаты и одновременно открывают новые, все более обширные горизонты созидательного творчества в познавательной и практической деятельности человека и человечества, в которой в XXI в. возрастающую значимость приобретает обеспечение государством и гражданским обществом достоинства личности и прав человека.

Достоинство как интегральное, высоко ценимое личностью и ее социальным окружением положительное качество включает в себя множество дифференцирующих граней. Эта множественность рельефно воплощается в большом и многокрасочном русском языке. Чтобы убедиться в этом, достаточно назвать несколько разграниченных аспектов, производных от первоосновы «достоин». К их числу относятся: достоблаженный (т. е. достойно блаженный), достоверный (вполне верный, несомненный, истинный), достодивный (достойный удивления), достодолжный (следующий определенному человеку по его заслугам), достижение (высокий результат научной, хозяйственной, спортивной и т. п. деятельности), достижимость (способность достичь высокого результата, поставленной цели), достойный (заслуживающий уважения, высоких похвал и наград), достопамятный (замечательный, достойный сохранения в памяти), достопочтенный (уважаемый, высокопочтенный), достопримечательный (заслуживающий особого внимания), достояние (принадлежность по праву какой-нибудь собственности материальных и духовных успехов, полученных достижений), завоевание достоинства (общественное признание, присвоение премии, почетных званий и др.), утрата достоинства (потеря доверия, лишение премии, почетного звания, занимаемой должности и т. п.).

Из многообразной совокупности представленных аналитических определений можно концептуально сформулировать несколько интегративных. Наиболее широкоупотребляемые и значимые из них: 1) достоинство как целостная система положительных качеств личности; 2) достоинство как осознание личностью своей нравственно-духовной ценности и ее уважение как самой этой личностью, так и окружающими ее людьми; 3) достоинство как самоопределение и самоуважение больших социальных общностей: достоинство народа, достоинство нации – и больших профессиональных групп: достоинство учителя, профессора, достоинство офицера, инженера и т. п.; 4) достоинство как стоимость, ценность (денежных знаков, ценных бумаг).

Системообразующим ядром охарактеризованных проявлений достоинства (пожалуй, кроме последнего – ценных бумаг, облигаций, банкнот и др.) является *достоинство личности*. Если принять во внимание разнообразие реальных проявлений этой положительной качественной характеристики индивида, то становится понятным, что достоинство личности выступает не только как социальная, но и как нравственная категория, которая, с одной стороны, органично сопрягается со свободой и правами человека, а с другой – с его социальной ответственностью [2].

Исходным пунктом философского и конституционно-правового истолкования сущности и роли достоинства личности в его органической сопряженности с правами человека является сформулированное во Всеобщей декларации прав человека, принятой Организацией Объединенных Наций 10 декабря 1948 г., в ее ст. 1 установление, согласно которому «Все люди рождаются свободными в своем достоинстве и правах». Из данного определения вытекает, что, во-первых, достоинство человека должно быть неприкосновенным, во-вторых, оно неразрывно связано с его свободой, в-третьих, оно воплощается в конкретных нравственных, интеллектуальных, гражданских качествах, соответствующих общепринятым в данном обществе моральным нормам и правовым предписаниям. Именно равнодостоинство всех людей и каждого конкретного человека является тем духовно-нравственным истоком, который своим вековозвышающим содержанием питает все базисные права людей.

Оно вместе с тем имплицитно содержит в себе неукоснительное требование всеми мерами, в том числе и законодательными, активно противодействовать любой попытке унижать, а тем более осуществлять попрание достоинства человека. В этом требовании ощутимо звучит эхо кантовского категорического императива, требующего: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого как к цели, и никогда не относился бы к нему только как средству» [4, с. 270]. Этот императив по-прежнему звучит, «каким надо быть, чтобы быть человеком».

Итак, достоинство личности – это категория многоплановая, включающая в себя, во-первых, недопустимость свершения человеком поступков, осуждаемых моралью и правовыми предписаниями; во-вторых, достаточно высокий уровень образованности человека и его интеллектуального развития; в-третьих, противодействие унижению человеческого достоинства; в-четвертых, формирование у человека доброжелательного отношения к окружающим и образа жизни, признаваемых в обществе достойными и образцовыми; в-пятых, каждый человек при нанесении ему морального ущерба, оскорбления, принижения достоинства, незаконного ограничения свободы и т. п. имеет право осуществлять противодействие всему этому различными средствами защиты, начиная от физического противодействия и заканчивая гражданско-правовыми и уголовно-правовыми средствами. Вследствие этого в демократическом обществе достоинство личности охраняется государством и организациями гражданского общества.

Претворение в социальную реальность достоинства личности и его эффективной охраняемости и защиты осуществляется в органическом взаимодействии с обеспечением прав человека. В своем содержательном наполнении права человека представляют собой систему принципов, норм и правил отношений между взаимодействующими людьми, а также отношения человека к государству и отношения государства к каждому человеку и к его достоинству. Все права человека кристаллизуются вокруг неприкосновенности личности и ее несесенного достоинства. Это гуманистическое утверждение

нашло законодательно-правовое оформление и закрепление в ст. 21 Конституции нашей страны, где подчеркивается, что «обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь является высшей целью государства». Каждый гражданин нашей страны имеет право на достойный уровень жизни, включая достаточное питание, одежду, жилье и постоянное улучшение необходимых для этого условий. При этом государство гарантирует права и свободы граждан Беларуси, закрепленные в Конституции, законах и предусмотренные международными обязательствами государства [5].

В советское время права и свободы отдельного человека занимали второстепенное место, приоритет принадлежал интересам общества или коллектива, а еще раньше – интересам трудящихся классов. В настоящее время, в соответствии с Конституцией Республики Беларусь, высшей целью государства провозглашается осуществление такой деятельности, которая направлена прежде всего на реальное обеспечение прав и свобод граждан.

Принципиальное значение имеет тот факт, что Конституция не только провозглашает права и свободы личности, но и гарантирует их реализуемость. Важность этого положения заключается в том, что именно исходя из того, насколько гарантированы права и свободы, можно судить о том, реальны или декларативны те или иные статьи Конституции.

Первостепенное значение имеют экономические гарантии прав и свобод граждан. Среди этих гарантий главное значение имеет закрепленное в ст. 13 Конституции предоставление всем гражданам равных прав для осуществления хозяйственной и иной деятельности, равной защиты и равных условий для развития всех форм собственности, регулирование экономической деятельности в интересах человека и общества. В этом же направлении сформирована и ст. 44 Конституции, провозглашающая неприкосновенность собственности.

Основой социальных гарантий прав и свобод личности являются нормы Конституции, направленные на обеспечение равенства всех граждан страны перед законом и предоставление каждому гражданину равных возможностей в защите прав и законных интересов (ст. 22). Равенство перед законом осуществляется как равноправие граждан независимо от пола, расы, национальности, происхождения, социального и имущественного положения, образования, языка, места жительства, отношения к религии и других обстоятельств. Вместе с тем равноправие не исключает фактического неравенства граждан (богатые и бедные, здоровые и больные и т. п.) и вследствие этого проявления государством особой заботы о лицах, которые в силу определенных обстоятельств (инвалиды, пожилые люди, многодетные семьи и др.) не в состоянии конкурировать наравне с другими лицами в обеспечении себя и семьи материальными благами.

Политические гарантии, закрепленные в Конституции, ориентированы на обеспечение политического плюрализма, всемерное развитие демократии, возможность активного участия граждан в решении государственных дел, право равного доступа к любым должностям в государственных органах, пра-

во на информацию о деятельности государства, право на обращение в международные организации (ст. 3–5).

Духовные гарантии (ст. 2, 16, 53 и др.) создают благоприятные возможности и условия для развития человеческой личности на основе взаимного уважения, реализации принципов нравственности и социальной поддержки. В Конституции Республики Беларусь (ст. 24) провозглашается, что право на жизнь является главным, основным правом каждого человека. Поэтому государство защищает жизнь человека от любых противоправных посягательств. Причем право на жизнь, в соответствии с идеологической доктриной белорусского государства, трактуется в широком диапазоне. Он включает право на здоровую, благоприятную для жизни человека окружающую среду, предполагает обязанность государства не допускать экологических и технологических катастроф и принимать меры по устранению или смягчению их негативных последствий.

Переход Республики Беларусь в состояние устойчивого инновационного развития резко актуализирует обеспечение экологических гарантий прав и свобод человека [1, 3]. Данная ситуация обостряется тем, что, во-первых, готовящийся ввод в действие Белорусской атомной электростанции увеличивает потребность значительных масс населения в обеспечении экологической безопасности, во-вторых, значительная часть населения республики до сих пор испытывает на себе отдаленные негативные последствия Чернобыльской катастрофы (достаточно сказать, что в наиболее пострадавших от этой катастрофы Гомельской и Могилевской областях количество людей со значительными отклонениями в психическом и социальном развитии в 1,2–1,3 раза превышает соответствующий общереспубликанский показатель). Поэтому важное значение для нашей страны имеет обеспечение реального осуществления таких прав, как право на благоприятную окружающую среду, право на охрану здоровья, право на свободу перемещения и выбор места жительства.

Конституция Республики Беларусь гарантирует гражданам страны не просто право на жизнь, но право на жизнь, достойную человека, обладающего высоким физическим, социальным и духовным развитием, многообразными потребностями и интересами. Поэтому в ней закреплен широкий спектр социокультурных гарантий прав человека: право на образование, на свободу художественного и технического творчества, на свободу мнений и убеждений, на сохранение национальной идентичности и пользование родным языком.

Многокомпонентная архитектура прав и свобод гражданина Беларуси изображена на рис. 1.

В любом обществе не существует прав без обязанностей гражданина. Конституция Республики Беларусь закрепляет своими установлениями не так уж много обязанностей. В ней основной акцент делается на обеспечение прав и свобод граждан. Однако обойтись без основных обязанностей и их законодательно-правового оформления в современном обществе невозможно, поскольку только реализация обязанностей обеспечивает нормальное функционирование

Рис. 1. Основные права граждан Республики Беларусь

самого государства. В Конституции обобщены и закреплены те наиболее концентрированно выраженные требования, в исполнении которых наиболее рельефно проявляется ответственность личности перед обществом, гражданина – перед государством. Наиболее существенные обязанности граждан, сформулированные в Конституции Республики Беларусь, отражены на рис. 2.

В Конституции Республики Беларусь четко сформулирована сущность обязанностей государства перед своими гражданами, поскольку белорусское государство ответственно перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности, а каждый гражданин ответственен перед государством за неукоснительное исполнение возложенных на него обязанностей. Подчеркивается, что государство обязано принимать все доступные ему меры для создания внутреннего и международного порядка, необходимого для полного осуществления прав и свобод граждан страны. В силу этого государственные органы, должностные лица, которым доверено исполнение государственных функций, обязаны в пределах своей компетенции принимать необходимые меры для осуществления и защиты прав и свобод личности.

Права и свободы человека выступают важнейшим критерием человекомерности государства в осуществлении его внутренней и международной политики. В современном белорусском обществе отчетливо проявляется тенденция к соблюдению и все более разнообразному конкретному наполнению прав человека в рамках правового и социального государства, четко ориентированного на развитие и защиту человеческого достоинства как высшей и не-

Рис. 2. Основные обязанности граждан Республики Беларусь

пререкаемой ценности. А это ставит на повестку дня задачу формирования и развития во всех социальных группах и общностях культуры прав человека в ее взаимосвязи с культурой человеческого достоинства.

Важным фактором развития, утверждения человеческого достоинства и его возрастающей значимости в жизнедеятельности белорусского общества является очень серьезное отношение широких масс нашего народа к данной проблематике. Общереспубликанское социологическое исследование, проведенное Институтом социологии НАН Беларуси в сентябре–октябре 2013 г., показало, что среди личностных качеств, помогающих людям находить правильные решения в повседневной жизни, человеческое достоинство считают наиболее важным более трети опрошенных – 35,4%, отдавая этому социальному феномену в иерархии ценностей четвертое место, вслед за верностью (54,3%), ответственностью (46,6%), трудолюбием (40,1%). Причем чем выше уровень образования у респондентов, тем большее значение они придают человеческому достоинству: если в среде лиц с неполным средним образованием считают важнейшим личностным качеством человека его достоинство 24,4%, со средним образованием – 36,3%, то с высшим – почти половина опрошенных (48,8%).

Социологические исследования убеждают в том, что в оценке значимости достоинства в жизнедеятельности человека и общества проявляется существенная дифференциация позиции в зависимости от социального статуса респондентов. Считают достоинство важнейшим личностным качеством человека 28,2% руководителей высшего звена (работники управленческих структур, директора предприятий, фирм и учреждений), 42,2% специалистов непромышленной сферы, 39,2% военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, 36,7% учащихся и студентов, 44,1% предпринимателей, фермеров и самозанятых.

Столь же высокими маркерами обозначаются в общественном мнении жителей Беларуси права человека. Отвечая на вопрос: какие ценности для Вас являются главными в жизни, – опрашиваемые социологами граждане страны поставили на первое место жизнь и здоровье (83,0%), на второе – материальное благополучие (52,5%), на третье – веру в Бога (29,0%) и на четвертое – права человека (21,4%).

Среди политических прав считают наиболее значимыми (в порядке убывания): свободу слова, мнений и убеждений (61,2%), право обжалования незаконных действий властей (50,4%), право избирать государственные органы (44,8%), право на обращение в органы власти и управления (38,8%).

Важнейшим свидетельством значения, придаваемого гражданами Беларуси правам человека, является тот факт, что более половины опрашиваемых – 51,5% – на первое место среди основных признаков развивающегося в нашей стране гражданского общества выдвигают свободу личности и обеспечение прав человека. На второе место респонденты поставили активное участие граждан в работе органов государственной власти и управления (42,4%), на

третье – личную безопасность и неприкосновенность частной жизни (38,7%). На четвертое – свободу политических взглядов и убеждений, отсутствие господства одной идеологии (25,8%) [6].

Все более утверждающаяся в современном белорусском обществе уверенность в возрастающей значимости достоинства личности и обеспечения прав и свобод человека детерминирует высокий уровень оптимистических стремлений наших сограждан. Среди них почти половина – 49,9% – смотрят в будущее с надеждой на улучшение жизни. Более других такая устремленность характерна для тех людей, которые, как правило, уже обрели определенный профессиональный и социальный статус и отчетливо ощущают свою гражданскую самостоятельность. Именно эти убеждения характерны для большинства респондентов в возрастной когорте 30–49 лет.

Приведенные данные эмпирических социологических исследований убеждают в том, что утверждение достоинства личности в обществе с непреложной необходимостью требует предоставления государством и общественными организациями каждому человеку определенного набора (желательно достаточного) прав и свобод. Само же достоинство выступает качественной характеристикой личности с точки зрения ее внутренней ценности и соответствия собственному предназначению как активного субъекта общественно-исторического развития общества. Он формируется в процессе обучения, воспитания и социализации личности, осознания человеком значимости такого поведения, которое отвечает не только его собственным потребностям и интересам, но и интересам других людей, а в более обобщенной форме и интересам развития общества. Такой субъект по достоинству оценивается его социальным окружением и вызывает одобрение и уважение как отдельных людей, так и общества в целом. Само же человеческое достоинство получает благоприятное социальное пространство для своего утверждения и практической реализации в том обществе, где создаются условия для обеспечения прав и свобод личности в органической взаимосвязи с ее нравственной, социальной и гражданской ответственностью.

Литература

1. Бабосов, Е. М. Конституционно-правовые основы идеологии белорусского государства / Е. М. Бабосов // Идеология белорусского государства: теоретические и практические аспекты / Е. М. Бабосов. – Минск, 2008.
2. Бабосов, Е. М. Человек – сущностное ядро и субъект развития социальных систем / Е. М. Бабосов // Человек в социальных системах / Е. М. Бабосов. – Минск, 2013.
3. Всеобщая декларация прав человека. – М., 1990.
4. Кант, И. Основы метафизики нравственности / И. Кант // Собр. соч.: в 6 т. / И. Кант. – М., 1966. – Т. 4, ч. 1.
5. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с дополнениями и изменениями). Принята на республиканском референдуме 24 ноября 1996 года. – Минск, 2003.
6. Ксенофонтов, В. В. Социология права / В. В. Ксенофонтов. – М., 1998.

ДОСТОИНСТВО ЛИЧНОСТИ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК ПРОБЛЕМА БИОЭТИКИ

*Н. А. Лазаревич,
кандидат философских наук, доцент*

Понятие «достоинство личности» является одной из ключевых тем философского и правового анализа. Исторически сложилось несколько смысловых интерпретаций данного понятия. Среди них:

гуманитарно-антропологический подход, указывающий на достоинство как на уровень нравственности человека, его свободы и независимости, включая меру его личностной ответственности, развитости волевого компонента, а также способности к самоопределению и самореализации. С этой точки зрения можно рассматривать достоинство в рамках категории «достоинство человека»;

социально-цивилизационный подход, который делает акцент на социальных аспектах человеческого бытия и связывает достоинство человека с его имущественным положением, происхождением, местом в социальной иерархии. Через данную категорию выражается отношение к человеку со стороны общества. Достоинство личности определяют при этом преимущественно внешние социальные характеристики и оценки;

нравственно-антропотехнологический подход, связанный с современными технологиями конструирования человека и возникающими в связи с этим социально-этическими проблемами, касающимися, в том числе прав и достоинства личности.

Достоинство личности тесно связано с законами организации социального мира и понимается как неотъемлемое, неотчуждаемое право каждого человека. «Никто не может быть лишен человеческого достоинства», – так Всеобщая декларация прав человека закрепляет достоинство личности в правовых нормах, уточняя далее, что «признание человеческого достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира» [1, с. 82].

В развитых конституционных нормах достоинство личности охраняется положениями ряда отраслей права, вплоть до уголовного. Современные правовые нормы определяют достоинство как основную платформу конституционных прав человека. Ст. 1 Европейской хартии основных прав человека 2000 г. провозглашает: «Человеческое достоинство неприкосновенно. Оно должно уважаться и защищаться» [2]. Ст. 25 Конституции Республики Беларусь гласит: «Государство обеспечивает свободу, неприкосновенность и достоинство личности» [3, с. 4].

В качестве правового явления и юридической категории понятие достоинства личности определяется как *совокупность регулируемых правом и моралью общечеловеческих и личностных свойств индивида*. Кроме того, достоинство

является этической категорией, поэтому существенную роль в определении правовых свойств достоинства личности играет связанная с правом мораль. Правовая экспликация понятия достоинства личности представляет собой определенный механизм, тесно связанный с морально-этическим содержанием категории «достоинство».

Потребность в современном этическом измерении достоинства личности связана с многообразием социокультурных практик в сфере биотехнологии, биомедицины и других областях, касающихся человека, его природы. Появление подобных практик обусловлено целым рядом открытий в области биологии в конце XX – начале XXI в. В первую очередь следует назвать объяснение структуры молекулы ДНК Л. Уотсоном и Ф. Криком в 1953 г., которое впоследствии позволило установить природу гена и расшифровать механизмы рекомбинации ДНК. Благодаря этому открытию биология подошла к такому этапу своего развития, когда организмы стали рассматриваться как системы, которые могут быть технологически изменены в заданном (желательном) направлении. Отсюда появился соблазн вмешательства в человеческую природу и трансформации социальности. Известно, что единицы наследственности – гены – определяют природные свойства организмов и несут информацию о их характеристиках в определенном образом закодированном виде. Для того чтобы придать организму новое наследственное свойство, необходимо ввести в него соответствующий ген (группу генов) и добиться его функционирования в соответствующих клетках.

Уровень достигнутых знаний в понимании сущности наследственности и разработанность методов исследований сделали возможным переход к направленному конструированию молекул наследственности, отдельных клеток и целых организмов. Благодаря этому возникло новое направление в биологии – генная инженерия, которая выделилась из массива биологического знания и активно включилась в процесс научно-технической революции. За сравнительно короткий срок своего существования генетическая инженерия позволила успешно манипулировать отдельными генами с целью конструирования организмов с заданными наследственными признаками и свойствами. Изменение генетической программы развития организмов выступает в качестве предпочтительной стратегии современной биотехнологии. При этом акценты часто смещаются на изучение кодирования, передачи и декодирования генетической информации. Такой взгляд на природу живых существ резко отличается как от обыденного, который на первый план выдвигает многообразие проявлений, внутреннюю целесообразность, эстетические качества, так и от свойственного натуралистам подхода, изучающего образ жизни и внешние условия существования организмов. В основе биологии современного технологического типа лежат представления об информации, универсальном коде, внутренней программе управления биологическими процессами на уровне клетки.

Метаморфозы современного биотехнологического творчества заключаются в том, что те естественные «усовершенствования», которые вырабатыва-

лись у живых организмов в ходе длительной биологической эволюции, сейчас становятся объектом оперативного инженерного конструирования биотехнологов. Это непростая мировоззренческая проблема, которая по-новому ставит вопросы понимания живых объектов природы, ценности жизни, достоинства, права на жизнь и т. п.

В социальном плане новые технологии имеют свою привлекательность, связанную, к примеру, с возможностями создания новых сортов растений, пород животных, штаммов микроорганизмов, обладающих полезными признаками, которые невозможно отобрать с помощью традиционной селекции. Именно таким путем произошло усовершенствование свойств различных сортов растений, повышена их урожайность, устойчивость к различного рода заболеваниям, вредителям, инсектицидам и т. п. Это важное достижение научного прогресса, способствующее повышению качества жизни человека и реализации различных его возможностей.

Большое значение имеет также получение с помощью микроорганизмов, сконструированных методом встраивания чужеродных генов, тех или иных медицинских препаратов. На основе подобных технологий в Беларуси налажено производство лекарственных препаратов антимикробного, противовирусного действия, аминокислот, витаминов, ферментов, гормонов, нуклеиновых компонентов, вакцин и др. (всего более 300 наименований). Реализован ряд крупных государственных программ: «Инфекции и медицинские биотехнологии», «Промышленная биотехнология» и ряд других. Следует отметить, что биотехнология и экология здесь взаимодействуют как через решение вопросов качества продукции, так и через технологию ее создания. Важной областью является биотехнологическая переработка промышленных, сельскохозяйственных и бытовых отходов в кормовые продукты, энергетическое сырье, удобрения.

Все вышеперечисленные примеры использования биотехнологических достижений в жизни людей в таких социально значимых областях, как медицина, энергетика, экология, получение продуктов питания, позволяют определить особенность новейшей биотехнологии, во-первых, как технологии практического создания тех или иных объектов, во-вторых, как социально значимой технологии, направленной на поиск выхода из глобальных кризисов – экологического, энергетического, продовольственного и др. В этом смысле биотехнологический прогресс следует рассматривать в числе важнейших факторов обеспечения естественных и социальных свобод человека, его права на достойную и качественную жизнь.

При этом важно помнить о том, что достижения в области биотехнологии не всегда несут только положительные эффекты. Научно-технический прогресс в современном мире во все большей степени находит выражение в создании и применении технологий, воздействующих непосредственно на биологические и социально-психологические характеристики человека. В связи с этим одно из фундаментальных противоречий, с которыми столкнулось со-

временное общество, – это противоречие между высокоспециализированным уровнем технико-технологических достижений и недостаточно апробированными практиками их социального использования. Обозначенная проблема тесно связана с понятием достоинства личности и теми аспектами природного и социального бытия, которые необходимо учитывать при попытках его трансформации.

К примеру, благодаря новым технологиям становится возможным изменять физические параметры человека, значительно увеличивать продолжительность жизни, отодвигать биологическое старение и т. п. Центральную часть программы «геномика» (от лат. *genomics*) занимают фундаментальные исследования, объединенные в рамках Международного проекта «Геном человека», который завершился в 2003 г. описанием последовательности нуклеотидов в ДНК человека и подготовкой полной карты человеческих генов с их точной локализацией в хромосомах.

Уже первые успехи в реализации геномного проекта привели к заявкам на патентование генов человека. Речь идет о ситуациях, в которых по тем или иным причинам возникает необходимость либо выявить определенный ген (например, диагностировать патологический), либо методами генной инженерии воздействовать на него с целью достижения новых биологических качеств человека. В связи с этим обозначился рост частных фирм, которые, вкладывая значительные ресурсы в развитие геномных исследований, получают грандиозные прибыли. А это уже новая проблема социальной дифференциации, требующая этико-правового регулирования.

Следует подчеркнуть, что проект «Геном человека» является первым научным проектом, в котором разработка научной проблемы осуществляется одновременно с изучением моральных и правовых аспектов ее реализации. Речь идет не только о собственно научной стороне дела, но и о разработке особых, морально обоснованных и социально безопасных норм проведения геномных научных экспериментов и биомедицинских процедур реализации полученных знаний. Эти нормы структурируют поле геномики на всех социальных уровнях: от норм международного права (например, конвенция Совета Европы «Биомедицина и права человека» [4]), системы национального законодательства, особых правил деятельности международных и национальных организаций, проводящих геномные разработки, до правил и распоряжений, регламентирующих структуру взаимодействия генетиков и пациентов в конкретных диагностических и терапевтических процедурах, в конкретных больницах или научных центрах [5, 6].

Если вопрос о патентовании генов обосновывает возможность видения определенного фрагмента человеческой природы в качестве своеобразного «изделия», то разработка соответствующих морально-правовых аспектов как бы встраивает это «изделие» в определенную социальную конструкцию [7, с. 24] по принципам биоэтики. Идея соединения биологического и этического была высказана американским ученым В. Р. Поттером в предложенном им в 1969 г.

термине «биоэтика» [8, с. 39]. В. Р. Поттер включил в данное понятие два наиболее важных и необходимых, с его точки зрения, элемента – «биологическое знание и общечеловеческие ценности». Если традиционная медицинская этика оперирует отношениями между личностями, то биоэтика определяет отношение новых медицинских технологий к системе человеческих ценностей. В системе новых технологий биомедицина не ограничивается теоретико-познавательными задачами, а делается одним из средств управления жизненными процессами человека, становится способной «не только лечить, но и управлять жизнью» [9, с. 21]. Претензия на управление жизнью – это моральная проблема, имеющая прямое отношение к правам и достоинству человека. Несоблюдение данной связи ведет к нивелированию человеческой жизни и установлению социально опасных норм общественного развития.

Содержание биоэтики с течением времени стало включать в себя ряд новых положений – исследование антропологических, социальных и юридических проблем, вызванных развитием новейших биомедицинских технологий (генетических, репродуктивных, трансплантологических и др.). Это связано как с процессами, происходящими в сфере биомедицинских технологий, так и с общими радикальными переменами в духовной жизни общества, с демократическими процессами, в центре которых стоит идея прав, возможностей и ответственности человека. Подобные изменения касаются образа жизни людей и их представлений. События, происходящие в жизни современного человека, нередко воспринимаются и истолковываются совершенно иначе, чем в совсем недалеком прошлом. Возможность «корректировки» естественного хода эволюции обуславливает новое отношение человека к технологически конструируемому бытию. Социальные биотехнологические практики эвтанази, клонирования, искусственного поддержания жизни, искусственного зарождения новой жизни, исследования эмбриональных стволовых клеток человека формируют новый уровень рассмотрения таких основополагающих вопросов, как человеческая жизнь, человеческая индивидуальность, уважение к жизни и личности, достоинство человека. Это вопросы биоэтики, которая выступает при этом важнейшим элементом современного социально-гуманитарного знания и является одним из условий регулирования происходящих в обществе процессов, затрагиваются с понятия социальной справедливости, ущемления прав и свобод человека, равенства, реализации равных возможностей и т. п.

Проблемы традиционной медицинской этики: милосердие, благотворительность, нанесение вреда пациенту, нравственная ответственность медиков и др., – в нынешней социально-культурной ситуации получают новое толкование и звучание. В центре морального сознания оказываются идея автономии человека, его право (закрепленное международным и национальным законодательством) самостоятельно принимать наиболее важные решения, касающиеся его жизни. Основным моральным принципом биоэтики становится принцип уважения прав человека, который включает в себя принцип

уважения автономии пациента, его достоинства и биосоциальной целостности. В связи с этим ставится под сомнение патерналистская модель взаимоотношений врача и пациента, когда благо пациента односторонне определяется неоспоримым авторитетом врача; актуализируется вопрос об участии другой стороны – больного – в принятии врачебного решения. Прежняя патерналистская модель дополняется новыми формами взаимоотношения врача и пациента – информационной, совещательной, интерпретационной. При этом не столько ставится под сомнение безусловная компетентность врача в определении блага пациента, сколько выдвигается требование совмещения авторитета врача с принципом автономии пациента.

Наряду с имеющимися в биоэтике четырем базовыми принципами: «делай благо», «не навреди», «уважения автономии личности», «принцип справедливости», – появляется новый, который касается уважения автономии пациента [10, с. 16]. Принцип уважения автономии пациента – это право каждой личности на самоопределение и действие без внешнего контроля, препятствующего реализации разумного выбора. Он предполагает моральную ответственность за самостоятельное решение вопросов своей жизни. Принцип уважения автономии, имплицитный достоинством, конкретизируется в правилах биоэтики. Он является ключевым в этике и предполагает, что действие можно считать автономным, если оно совершается по собственному желанию и сценарию, т. е. самостоятельно, осознанно, а не под чужим давлением.

Сегодня активно обсуждается тема достоинства (святости) жизни в связи с исследованиями эмбриональных стволовых клеток человека. Принцип автономии имеет свой медицинский эквивалент – принцип информированного согласия. Биоэтика предполагает преодоление принудительного ограничения свободы действий пациента и его прав путем усиления принципа уважения автономии с включением в него принципа информированного согласия. Таким образом, биоэтика, усиливая принцип уважения автономии и преодолевая ограниченность патернализма, стремится направить усилия в сторону диалога, способствующего поиску необходимого согласия.

Особое место в биоэтическом дискурсе занимает тема «достоинства личности» в связи с практиками эвтанази. Учитывая важность и неизбежность права человека на жизнь, одной и наиболее сложных проблем биоэтики в аспекте ограничения такого права является отмеченная практика. Эвтаназия (eu – хороший, thanatos – смерть) – сознательная деятельность по прекращению страданий пациента, обусловленных неизлечимой болезнью. Речь идет о том, что не всегда срабатывают нормы, например, традиционной медицинской этики, в которой преобладают патерналистские установки по обеспечению блага пациента, где высшим благом представлялось сохранение его жизни. Благо и сохранение жизни – не различались. Сегодня нередкими оказываются ситуации, когда эти два императива вступают если не в противоречие, то по крайней мере в конфликт между собой. Например, многие специалисты

(а зачастую и сами граждане) неоднозначно оценивают ситуацию, при которой продление жизни у безнадежного больного, испытывающего жесточайшие страдания или находящегося в вегетативном состоянии, является благом для него. Совмещение прав врача и правового сознания пациента порождает не только конфликт «прав», но и новые способы их разрешения. Право человека на достойную смерть в случае тяжелой болезни вступает в конфликт с правом врача следовать служебному долгу и принципу «не навреди».

Биоэтический дискурс и расширяющаяся практика эвтаназии проблематизируют и тему смерти и, как ни странно, ее достоинства. В эпоху биотехнологий личность требует «права» на достойную смерть. Причем достойная смерть с точки зрения автономного субъекта – это смерть безболезненная или «комфортная». По мнению П. Д. Тищенко, достойная смерть – это такая смерть, которая имеет своим «автором» не природную стихию патологических процессов (сил гетерономии), но самостоятельную автономную «самость». Смерть должна быть добровольно избрана и реализована (самостоятельно или с помощью другого) человеком как цель рационального действия. В этом ее человеческая «достоинность» [11, с. 138].

В условиях наличия хронической патологии, когда оказывается невозможным нормализовать состояние организма, основной задачей становится обеспечение достойного для человека процесса умирания. Ситуация такого «достойного» умирания в медицинских практиках должна связываться еще и с паллиативным подходом. Его суть состоит в том, чтобы делать возможным для умирающего человека жизнь до смерти с личностным достоинством на основе целостного акта физического, социального, психологического и духовного ухода, когда умирание воспринимается как неизбежный естественный процесс.

Принцип уважения свободы личности дополняется принципом уважения к целостности индивида. Целостность человека как уникальной, неповторимой личности является конституирующей основой достоинства. Анализ соотношения социального и биологического в исследовании целостности человека предполагает рассматривать социальное как *отраженное в биологии* человека и аккумулированное в его генетической программе (первичная социализация), и социальное, выступающее как условие *реализации* наследственности человека (вторичная социализация). Становление социальности человека и, соответственно, формирование его достоинства невозможно без первичной и вторичной социализации. Обуславливающая достоинство человека социальность возникает на основе взаимодействия его социализированного генетического субстрата и социальной среды. В этом состоят объективно существующие предпосылки формирования интегральных качеств человека.

Биологизаторский подход к человеку характеризуется превознесением первичной социализации, предписыванием биологическому субстрату таких социально-этических свойств, которые могут реально возникнуть только в ходе вторичной (онтогенетической) социализации. В этом коренятся технокра-

тические практики манипулирования «хорошими» и «плохими» генами в поисках искусственно создаваемого сверхчеловека. Отсюда проистекает и недооценка социальной природы и духовно-нравственной сущности человека. Социальная сущность человека и его биологическая наследственность должны рассматриваться как интегральная характеристика личности, основа ее достоинства, совершенствования и самореализации. Наследственность является по существу наследованием биосоциального в человеке, т. е. биологических основ и предпосылок социального: предпосылок к труду, речи, мышлению, творчеству и т. п.

В связи с этим нередко поднимаются вопросы о генетической обусловленности поведения человека, его социальной роли, стимулирующие желание выявить и повлиять на те гены, которые за это отвечают. Проблема состоит в том, что не до конца ясно, имеют ли на сегодняшний день эти попытки прочную научную основу под собой и можно ли говорить о генах, например, достоинства, интеллигентности, нравственности, законопослушности и т. п. Несмотря на грандиозные достижения, современная наука еще далека от полного понимания сложных генетических структур, определяющих поведение человека. Поэтому она не должна пренебрегать всем комплексом социальных, культурных, экологических и естественно-исторических обстоятельств. В геной терапии сложно провести грань между необходимой с медицинской точки зрения коррекцией генетических дефектов и внесением в геном изменений, которые кажутся желательными родителям или обществу. Генная инженерия в принципе позволяет удовлетворить разнообразные желания человека, однако с этической точки зрения она ставит перед людьми совершенно новые проблемы. Биотехнологии становятся одним из средств управления жизненными процессами человека и люди во все большей мере становятся потребителями знаний, технологий и продуктов, создаваемых в биомедицине. Вместе с этим возникает реальная опасность разрушения естественной биогенетической основы, которая является объективной (природной) предпосылкой индивидуального бытия человека и формирования его как личности.

Чрезвычайно актуальной становится еще одна проблема. Прогресс биомедицины начинает выступать одной из причин углубления социальной несправедливости – расслоения мира на бедные и богатые страны в связи с неравным доступом к медицинским технологиям, лекарственным препаратам, геной терапии и т. п. Как отмечает академик Ю. М. Лопухин, «социальную опасность несет в себе сложившийся «элитарный» или дискриминационный характер медицинской помощи» [12, с. 123].

Практика генетической диагностики вынуждает пользоваться критериями евгеники, а осуществление генетических консультаций выливается в своеобразную генетическую политику. Полученные при анализе генома данные могут помочь предотвратить не появившуюся еще болезнь, подобрать подходящую профессию и т. д. Но такая «методология» может послужить и причиной дискриминации при приеме на работу, в школу, при страховании, карьере-

ном росте и пр. Данные генетического анализа не только способны создавать представление о неполноценности гражданина, но и, будучи включенными в информационные банки служб здравоохранения, социального обеспечения, могут использоваться против личности, ее достоинства, социально-правового статуса и т. д. Совершенно недопустимо априорно рассматривать наследственные особенности человека как социально-приоритетную ценность. И наоборот, социальные возможности человека нельзя редуцировать до их биологической оценки, а тем более ограничивать этими оценками, способными повлиять на вопросы личной свободы выбора, права и достоинства человека, его возможности распоряжаться собственной судьбой.

Нельзя забывать о том, что существует разрыв между вероятностным стилем мышления в генетике и тем стилем, который характерен для публичной апробации генетических знаний. С какими бы достижениями генетики мы не сталкивались, практически везде еще приходится иметь дело с не до конца обоснованными и верифицированными результатами. Принятие в подобных случаях морально обоснованных решений требует умения взвешивать вероятность оценки, учитывать не только прямые, но и отдаленные последствия того или иного выбора в процессе генетического консультирования. Этической нормой при этом следует считать так называемое недирективное консультирование, когда специалист не навязывает своего мнения, а предоставляет в доступной форме информацию о риске развития того или иного генетического расстройства. Моральность ситуации заключается в том, что человек сам должен принять ответственное решение. И здесь вполне уместен вопрос: способен ли он самостоятельно это сделать, не перекладываем ли мы на его плечи издержки научного прогресса и профессиональных компетенций специалистов?

К примеру, известная проблема клонирования сопряжена с постановкой фундаментального вопроса о ценности и самоценности человеческой жизни. Слово «клон» стало одним из наиболее упоминаемых терминов XX ст., открывающих путь к осознанию возможности существования себе подобных существ – так называемых двойников. Еще на заре XX в. благодаря успехам эмбриологии многим казалось, что до лабораторного производства детей – рукой подать. Но апробация этих технологий на животных показала, что клонирование пока сопровождается очень большим процентом неудач, и всякие попытки перенесения этих методик на человека в настоящее время этически недопустимы.

С самого начала появления генетических двойников – животных (наиболее известна овца Долли) в большинстве стран приняты законы, запрещающие проводить исследования, связанные с клонированием человека. Однако сами ученые не так однозначно оценивают существующую задачу и проблему. Не исключено, что частные клиники могут проводить исследования в этом направлении, преследуя собственные цели, среди которых могут быть такие, как получение доноров тканей, людей с заданными свойствами и др. Эффектив-

ный запрет в этой области вряд ли возможен, так как контроль над такими исследованиями весьма сложен. К примеру, трансгуманисты считают, что с помощью таких технологий можно улучшать наследственные свойства человека. Противники же клонирования апеллируют к ценности и самоценности естественной жизни. Человеческая жизнь потеряет объективную ценность, если идея клонирования победит, так как субъективными окажутся критерии оценки, чья жизнь является священной, а чья нет [13]. В сложившихся условиях под угрозой оказывается принцип уважения естественной целостности человека и, как следствие, его достоинство и неотъемлемые права.

В понятие «достоинство личности» включается обладание не только правовой свободой, но и набором социальных благ, необходимых для достойной жизни. XXVIII Международная конференция Красного Креста и Красного Полумесяца (2003), посвященная теме защиты человеческого достоинства, в принятой резолюции актуализирует необходимость всемерного содействия уважению к человеческому достоинству и правам человека. Отмечается тесная взаимосвязь понятия «достоинство» и понятия «качество жизни», которое в эпоху постиндустриального развития стало общепринятой целью и необходимым параметром социального прогресса. Обеспечение достоинства личности рассматривается в рамках более широкого явления – регламентирующего влияния права и морали на создание условий формирования достойного качества жизни, включая вопросы сохранения здоровой окружающей среды. Обращается внимание как на выяснение качественной специфики наследственности человека, так и на поиск практических способов ее защиты от негативного воздействия неудовлетворительных параметров окружающей социоприродной среды. При таком подходе происходит объединение медицинской и экологической этики, подчеркивается взаимосвязь данных областей гуманитарного знания. Устойчивое развитие общества (*sustainable society*) включает обязательным компонентом развитие здоровой экосистемы (*healthy ecosystem*) и достижение достойного человека качества жизни. Для этого люди должны изменить свой образ деятельности в системе «общество–природа», уделять больше внимания качеству своего здоровья, воспитанию и образованию. Индивидуальное здоровье – один из приоритетов биоэтики. Здоровье индивидуума должно рассматриваться не как отсутствие болезней, а как комплексное позитивное состояние его бытия, зависящее от многих факторов. Повышение индивидуального качества жизни людей, способствует достойной жизни и их эффективному участию в решении ряда социальных задач.

Идеи достоинства и прав человека в разрезе биоэтических проблем приобретают в настоящее время особую актуальность. Право на достоинство раскрывается здесь в том числе и через набор и механизм реализации тех прав и свобод, которые в обществе (его определенными институтами) гарантируются каждому человеку. В этом плане значительная работа возлагается на Национальный координационный центр биобезопасности. В рамках его деятельности актуализируются нравственные и правовые проблемы биобезопасно-

сти, обоснование ее механизмов как системы мер «по обеспечению безопасного создания, использования и трансграничного перемещения живых измененных организмов, являющихся результатом биотехнологии» [14, с. 32]. Среди потенциальных рисков для здоровья человека, связанных с использованием генно-инженерных биотехнологий, рассматриваются, например, изменение активности отдельных генов живых организмов под влиянием чужеродной ДНК, в результате которого может произойти ухудшение потребительских свойств продуктов питания, получаемых из этих организмов. В продуктах питания, полученных из генно-инженерных организмов, может быть повышенный по сравнению с реципиентными организмами уровень токсичных, аллергенных веществ, который превышает установленные пределы безопасности и в конечном итоге влияет на достойное человека качество жизни.

К настоящему времени разработана достаточно эффективная система оценки безопасности генетически модифицированных организмов (ГМО) для здоровья человека и окружающей среды. Она содержит целый ряд подходов и методов, применяемых, начиная с этапа планирования предполагаемой генетической модификации и заканчивая получением свидетельства о государственной регистрации трансгенного сорта, дающего право использовать ГМО в хозяйственной деятельности. В большинстве развитых стран мира принято и эффективно функционирует специальное законодательство, касающееся биобезопасности, а также созданы соответствующие компетентные органы, которые претворяют его в жизнь [15, с. 156]. Большинство из предложений по совершенствованию системы биобезопасности было разработано и закреплено в Законе Республики Беларусь [5], в котором раскрыто содержание основополагающих понятий в области генно-инженерной деятельности, имеющих важное значение для правильного формирования и развития нормативно-правовой базы в этой области общественных отношений.

В свете вышеизложенного биоэтика приобрела сегодня такое значение, которое делает ее привлекательной областью философского исследования, связанного как с традицией решения фундаментальных нравственных проблем жизни и смерти, так и с анализом конкретных «биотехнологических возможностей» современной культуры. Именно в силу этого биоэтика предстает как междисциплинарное знание, ориентирующееся на решение неординарных нравственных проблем достоинства человека и человечества в свете стратегических задач и возможностей их технологического совершенствования. В числе ее приоритетов анализ многих моральных проблем, которые не укладываются в традиционные представления о жизни и смерти, о добре и зле, о долге и справедливости, о праве и свободе человека.

Особенности современного философского исследования человека с позиций биоэтики определяются выявлением соотношения духовного и телесного, биологического и технического, нормативно-правового и сообразно-личностного в техногенной культуре. Важнейшая задача биоэтики – способствовать выявлению различных позиций по сложнейшим моральным проблемам, кото-

рые порождает прогресс биомедицинской науки и практики, содействовать конструктивной оценке тех задумок и программ цивилизации, которые претендуют на радикальное изменение природы человека, человеческой телесности и даже духовности. Биоэтика призвана способствовать поиску морально обоснованных и социально приемлемых решений тех вопросов, которые встают практически ежедневно в связи с прогрессом биотехнологий.

В данном контексте развития событий закономерно усиливается внимание к проблемам достоинства человека, его прав и свобод по причине активного вторжения в нашу жизнь практик продления долголетия, изменения пола, эвтаназии, клонирования, искусственного прерывания беременности, рекомбинации эмбриональных стволовых клеток и т. п. Это сопряжено с возникновением новых мировоззренческих проблем, требующих и нового осмысления места и роли человека в современном мире.

Литература

1. Всеобщая декларация прав человека // Права человека: сб. междунар. док. – Варшава, 2002. – 458 с.
2. Хартия Европейского союза по правам человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1342692htm. – Дата доступа: 12.09.2014.
3. Конституция Республики Беларусь. – Минск, 2004.
4. Совет Европы, Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (Овьедо, 4 апреля 1997 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bioethics.imbp.ru/Principles/Convention.html>. – Дата доступа: 18.09.2014.
5. О безопасности генно-инженерной деятельности: Закон Респ. Беларусь, 9 янв. 2006 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 9. – 2/119.
6. Об утверждении Инструкции о порядке применения вспомогательных репродуктивных технологий [Электронный ресурс]: постановление М-ва здравоохранения Респ. Беларусь, 02.06.2006, № 41. – Режим доступа: <http://www.pravovy.info/docum09/part13/akt13829.htm>. – Дата доступа: 15.11.2014.
7. Тищенко, П. Д. Биовласть в эпоху биотехнологий / П. Д. Тищенко. – М., 2001. – 160 с.
8. Поттер, В. Р. Биоэтика: Мост в будущее / В. Р. Поттер. – К., 2002. – 312 с.
9. Юдин, Б. Г. Чтоб сказку сделать былью? (Конструирование человека) / Б. Г. Юдин // Биоэтика и гуманитарная экспертиза: проблемы геномики, психологии и виртуалистики. – М., 2008.
10. Подолько, О. Е. Достоинство: личностное измерение и риск ответственности: автореф. канд. филос. наук / О. Е. Подолько. – Тверь, 1911.
11. Тищенко, П. Д. Эвтаназия: Российская ситуация в свете американского и голландского опыта / П. Д. Тищенко // Медицинское право и этика. – 2000. – № 2.
12. Лопухин, Ю. М. Эфферентные методы в медицине (теоретические и клинические аспекты экстракорпоральных методов лечения) / Ю. М. Лопухин. – М., 1989. – 352 с.
13. Летов, О. В. Биоэтика и современная медицина / О. В. Летов. – М.: РАН, ИНИОН, Центр гуманитар. науч.-информ. исслед., 2009. – 254 с.
14. Международная конференция о сохранении биологического разнообразия (Рио-де-Жанейро, 05.06.1992 г.) // Экоинформ. – 1995. – № 8. – С. 32.
15. Биотехнология. Биобезопасность. Биоэтика / под ред. А. П. Ермишина. – Минск, 2005. – С. 156.

НАУЧНЫЙ ПРОГРЕСС В ЭТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ: CASUS GENOME HUMANI*

В. К. Савченко,

доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси

Возникновение новой науки – геномики – и расшифровка генома человека стимулировали научное сообщество совместно с ЮНЕСКО разработать и принять серию деклараций, регулирующих этические, социальные и юридические проблемы, связанные с проведением исследований в этой области и практическим использованием их результатов в клинической медицине [1, 2].

Расшифровка генома человека

Геном человека содержит 23 пары хромосом, в которых упакована геномная ДНК общей длиной около 3,2 млрд пар оснований А-Т, Г-Ц. В 1989 г. в Швейцарии создается Организация генома человека (HUGO, Human Genome Organisation) для координации международных усилий по расшифровке генетического кода геномной ДНК человека. Организация открыла свое бюро в ЮНЕСКО. С этого момента международный проект начал успешно осуществляться.

В международный консорциум вошли 16 крупных центров секвенирования ДНК генома человека, включая 8 центров в США, 3 в Германии, 2 в Японии, по одному в Великобритании, Франции и Китае. Учитывая подготовку к осуществлению Проекта «Геном человека» можно выделить два 5-летних периода в его реализации (1993–1998 и 1998–2003). На протяжении первого периода были созданы уточненные генетические и физические карты генома человека, разработаны улучшенные технологии секвенирования ДНК, просеквенированы геномы бактерии кишечной палочки и дрожжей, начато секвенирование геномов нематоды, дрозофилы и мыши (модельных генетических объектов). На втором междисциплинарном этапе реализации Проекта генома человека были поставлены следующие 8 задач: 1) секвенирование всей геномной ДНК человека; 2) проведение существенной инновации и удешевление технологии секвенирования (автоматизация процесса); 3) изучение пределов вариации генома человека (при этом было установлено отсутствие существенных расовых генетических различий и существование непрерывного потока генетической изменчивости внутри нашего вида как основы его эволюции во времени и пространстве); 4) разработка технологии изучения функциональной роли отдельных генов в целостном геноме как системе (задел для фундаментальной биологии человека и медицины); 5) разработка технологии сравнительной геномики для изучения совместной эволюции видов; 6) изучение социоэтических и юридических аспектов применения новейших геномных тех-

* Случай генома человека (лат.).

нологий; 7) создание общедоступной базы данных о геноме человека, разработка компьютерных программ для воссоединения фрагментов геномной ДНК, аннотации генома и решения проблем системной биологии; 8) разработка системы мотивации и подготовки кадров для работы в области геномики [5, 6].

Проект генома человека рождался в трудных дебатах, соревновании и борьбе идей, конкуренции амбиций, трудных переговорах и компромиссах, взаимодействии научного сообщества и политического истеблишмента. В 2001 г. были опубликованы последовательности нуклеотидов геномной ДНК человека [3]. Этот первый вариант расшифровки генома называли рабочим, поскольку он содержал пропуски и требовал дальнейших уточнений и шлифовки. Окончательный вариант последовательности нуклеотидов в геноме человека международный консорциум представил в 2004 г. [4]. Проект был успешно завершен, в его осуществлении принимал участие коллектив, включавший более тысячи исследователей из 6 стран. Но Организация генома человека продолжает существовать, ее задача – расширять и углублять полученные знания и использовать их для инновационных проектов в различных областях медицины и биотехнологии производства лекарств нового поколения. Были получены наиболее полные знания о геноме человека на уровне молекулы ДНК. Было открыто около 10 тыс. генов с неизвестной функцией из их общего числа более 20 тыс. Оценены различия между индивидами на уровне отдельных нуклеотидов как кодирующих, так и не кодирующих участков ДНК. Это самый элементарный уровень генетического полиморфизма (разнообразия) человека, который ранее было невозможно оценить традиционными методами гибридологического анализа.

Всеобщая декларация ЮНЕСКО о геноме человека и правах человека (1997)

Еще в начале процесса секвенирования генома стали появляться наряду с государственными крупные частные центры, финансируемые фармацевтической индустрией. Фармацевты рассчитывали использовать результаты секвенирования для создания диагностических и терапевтических средств для рынка. Это вызвало резко отрицательную реакцию научного сообщества, поскольку геном человека является общим достоянием человечества и не может быть приватизирован. Эта позиция научного сообщества была поддержана Генеральной конференцией ЮНЕСКО, принявшей 11 ноября 1997 г. Всеобщую декларацию о геноме человека и правах человека. Декларация включает преамбулу и 25 статей, сгруппированных в следующих 6 разделах: человеческое достоинство и геном человека; права заинтересованных личностей; исследования генома человека; условия для осуществления научной деятельности; солидарность и международное сотрудничество; содействие провозглашенным принципам [10].

В первом разделе утверждается, что геном человека представляет собой общее достояние человечества, лежит в основе природной общности всех

представителей человеческого рода, признания их разнообразия и неотъемлемого достоинства. Вне зависимости от генетических характеристик каждый человек имеет право на уважение его достоинства и его прав. Такое достоинство непреложно означает, что личность человека не может сводиться к его генетическим характеристикам и требует уважения его уникальности и неповторимости. Геном человека в силу своей природы эволюционирует и подвержен мутациям. Он содержит потенциальные возможности, которые выражаются различным образом в зависимости от природной и социальной среды человека, включая состояние здоровья личности, условий жизни, питания и образования. Геном человека в его естественном состоянии не должен служить источником извлечения дохода.

Во втором разделе обсуждаются права лиц, вовлеченных в исследования, лечение или диагностику генома. Указывается на то, что такие действия могут быть осуществлены лишь после тщательной предварительной оценки их потенциальных опасностей и преимуществ и после ясного и свободно выраженного согласия заинтересованного лица. Если оно не в состоянии сделать это, то разрешение должно быть получено в соответствии с законом исходя из высших интересов этого лица. Предпринимаемые действия должны гарантировать улучшение здоровья человека, а в иных случаях исследования должны проводиться с максимальной осторожностью и соблюдая все меры защиты с минимальным риском для здоровья. Такие исследования могут быть оправданы лишь в том случае, если они будут полезны для людей такой же возрастной группы или имеющих такое же наследственное заболевание, и должны проводиться с соблюдением принципа «не навредить», требований закона и совместимости этих исследований с защитой прав личности. Должно соблюдаться право каждого человека решать быть или не быть информированным о результатах генетического анализа и его возможных последствиях. Документальные результаты анализа представляются на предварительную оценку в соответствии с национальным законодательством или международно признанными правилами. При этом никто не может подвергаться дискриминации на основе генетических характеристик, цели или результаты которой представляют собой посягательство на права и достоинство человека и его основные свободы. Конфиденциальность полученной генетической информации должна строго охраняться в соответствии с законом. Каждый человек имеет право на компенсацию ущерба здоровью в результате воздействия на его геном.

В разделе осуществления научной деятельности подчеркивается, что ответственность, являющаяся неотъемлемой частью деятельности научных работников, включая требовательность к доказательствам, осторожность при формулировании выводов, интеллектуальная честность и непредвзятость как при проведении исследований, так и при представлении и практическом использовании полученных результатов, должны строго соблюдаться при работе с геномом человека. Особое внимание следует уделять этическим и со-

циальным последствиям таких исследований. Лица, принимающие политические решения в этой области, также несут особую ответственность за свои действия. Государствам рекомендуется принимать меры для интеллектуальной и материальной поддержки исследований генома человека и обеспечения их свободного проведения, обращая особое внимание на этические, социальные, правовые и экономические последствия таких исследований. Государствам следует принимать меры с целью гарантировать при этом соблюдение прав человека, основных свобод, уважение человеческого достоинства и охрану здоровья людей. Результаты этих исследований следует использовать лишь в мирных целях. Государства должны содействовать созданию на различных уровнях независимых междисциплинарных и плюралистических комитетов для оценки этических, правовых и социальных проблем, связанных с проведением исследований и практическим использованием их результатов.

В разделе Декларации «Солидарность и международное сотрудничество» отмечается, что государствам следует развивать и практиковать солидарность с отдельными людьми, семьями и группами населения, уязвимыми в отношении генетических болезней или страдающими от них. Государства должны содействовать проведению научных исследований по предотвращению, выявлению и лечению наследственных болезней или болезней, вызванных воздействием генетических факторов. В особенности это касается редких и эндемических заболеваний, от которых страдает значительная часть населения планеты. Государствам следует способствовать распространению научных знаний о геноме человека и генетическом разнообразии человеческого рода в международном масштабе, укреплять международное сотрудничество в проведении научных исследований и культурном обмене, способствовать трансферу знаний между развитыми и развивающимися странами. В рамках международного сотрудничества с развивающимися странами следует осуществлять оценку опасностей и преимуществ, связанных с проведением исследований генома человека, и стремиться к предотвращению возможных злоупотреблений в этой области. Следует поощрять свободный обмен научными знаниями и информацией в области генетики и биомедицины, а международные организации должны поддерживать инициативы, предпринимаемые государствами в таких целях.

В разделе, посвященном содействию изложенным в Декларации принципам, отмечается, что государствам следует принимать соответствующие меры для распространения этих принципов в системе образования и при проведении научных исследований путем подготовки кадров в междисциплинарных областях, содействия образованию в области биоэтики на всех уровнях и в особенности для тех лиц, которые отвечают за разработку политики в области науки.

Государства должны принимать меры для обновления форм научных исследований, подготовки кадров для их проведения, распространения инфор-

мации, содействующей осознанию обществом и всеми его членами ответственности перед лицом вновь возникающих проблем, связанных с необходимостью защитить достоинство человека в связи с проведением научных исследований и использованием их результатов в биомедицинской практике. Следует содействовать открытому обсуждению в международном масштабе таких проблем, обеспечивая свободное выражение различных мнений философского, социокультурного и религиозного характера.

Последний раздел Декларации посвящен ее осуществлению. Подчеркивается, что государствам следует активно содействовать провозглашенным принципам и способствовать их осуществлению посредством образования, подготовки и распространения информации по соблюдению этих принципов с целью их претворения в жизнь и действенного применения. Международному комитету ЮНЕСКО по биоэтике следует способствовать распространению принципов, изложенных в Декларации, и изучению вопросов, возникающих в процессе претворения ее в жизнь, связанных с развитием геномных технологий. Комитету следует готовить рекомендации для Генеральной конференции и информировать о претворении в жизнь положений Декларации, в особенности о практике, которая может оказаться несовместимой с человеческим достоинством в случае воздействия на зародышевый путь человека.

Время, прошедшее после принятия Декларации, показало, что этот документ сыграл свою важную роль в регулировании научных исследований генома человека, в создании банка данных и обеспечении свободного доступа к нему, запрете репродуктивного клонирования человека, соблюдении этических норм и прав человека при диагностике и лечении наследственных заболеваний.

Декларация об ответственности нынешнего поколения перед будущими поколениями (1997)

Декларация провозглашает принцип нашей ответственности за полное гарантирование нужд и интересов как нынешнего, так и будущего поколений и предупреждает, что в настоящее время само существование человечества и среды его обитания находится под угрозой [7]. Эта декларация охватывает ряд важных проблем, которые встали перед человечеством, включая охрану окружающей среды, генома человека, биоразнообразия, культурного наследия, мира, устойчивого развития и образования населения. Подтверждается право нынешнего и будущего поколения на свободный выбор политических, экономических, социальных систем с учетом прав и фундаментальных свобод человека, а также на сохранение их культурного и религиозного разнообразия, уважения достоинства личности. Нынешнее поколение должно передать следующему нашу Землю в здоровом состоянии и не допустить, чтобы научно-технический прогресс нанес вред биосфере. Нужно сохранить качество и целостность глобальной экосистемы, избежать ее необратимого загрязне-

ния, рационально использовать естественные ресурсы, проводить предварительную экологическую экспертизу больших инженерных проектов. Геном человека должен быть сохранен и огражден от необоснованного вмешательства, а все наличное биоразнообразие видов и экосистем надежно защищено. Нынешнее поколение должно заботиться о сохранении культурного разнообразия и культурного наследия и не должно причинять ему вреда; научиться жить в мире и безопасности, уважать международное право, права человека и основные свободы личности и не оставлять будущему поколению опасных последствий вооруженных конфликтов, не допускать агрессии и не использовать оружие вопреки гуманитарным принципам; обеспечить условия для равноправного и устойчивого развития будущего поколения на основе справедливого и разумного использования естественных ресурсов для искоренения бедности. Образование является важным инструментом для развития человеческой личности и общества в целом. Нынешние поколения должны воздерживаться от действий или мер, которые могут привести к любым формам дискриминации будущих поколений. Декларация призывает государства-члены, организации системы ООН, другие межправительственные и неправительственные организации оказывать всяческое содействие достижению целей.

Международная декларация о генетических данных человека (2003)

Декларация нацелена на обеспечение уважения человеческого достоинства и защиту прав человека и основных свобод при сборе, обработке, использовании и хранении генетических данных человека, его протеомных данных и биологических препаратов и образцов, на основе которых они получены. В документе отражено его соответствие требованиям равенства, справедливости и солидарности и должный учет принципов свободы мысли и свободы выражения мнения, включая свободу научных исследований [8]. В нем содержатся принципы, которыми государствам следует руководствоваться при разработке своего законодательства и политики в данной сфере, а также практики с целью соответствующей ориентации заинтересованных учреждений и отдельных лиц. Все действия, связанные с получением и использованием генетических и протеомных данных человека, должны соответствовать международным правовым нормам, за исключением случаев установления отцовства или материнства, а также судебного преследования уголовных преступлений, регламентируемых национальным законодательством, соответствующим международному гуманитарному праву.

Каждое лицо имеет уникальный генотип, определяющий его идентичность, которая также формируется под воздействием образования, экологии, социальных, духовных, культурных и личностных связей с другими людьми и предполагает элемент свободы. Генетические данные личности имеют особый статус, поскольку они могут указывать на его генетическую предрасположенность, оказывать воздействие на семью, включая потомков, и даже всю

этническую группу; содержать информацию, значение которой было неизвестно в момент взятия биологических образцов; иметь культурное значение для отдельных лиц или групп лиц. Поэтому следует уделять надлежащее внимание конфиденциальному характеру генетических данных человека и устанавливать соответствующий уровень их защиты. Генетические и протеомные данные человека могут собираться с целью диагностики и оказания медицинской помощи, проведения медицинских, эпидемиологических и других научных исследований, в особенности популяционных, а также в антропологических и археологических, судебно-медицинских и других целях, не противоречащих Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека, а также международному гуманитарному праву. Настоятельно необходимо, чтобы генетические и протеомные данные собирались и сохранялись на основе прозрачных и этически приемлемых процедур. Следует практиковать общественное обсуждение проблем организации генетических банков данных, обеспечивать свободное выражение различных мнений и учитывать международный опыт при принятии решений, консультироваться с национальными комитетами по этике по всем вопросам сбора, обработки и хранения генетических и протеомных данных населения. Необходимо, чтобы лицо, от которого предполагается взять биологические образцы, получило полную и достоверную информацию о целях сбора и хранения генетических и протеомных данных, и чтобы оно выразило свое свободно выявленное согласие на эту процедуру. При необходимости ему следует сообщить о возможных рисках и последствиях, а также о том, что его отказ не повлечет за собой наказаний или неблагоприятных последствий, стремиться к тому, чтобы генетические и протеомные данные не использовались для дискриминации и стигматизации лица, семьи или группы лиц, а также всей популяции.

В разделе «Сбор данных» указывается, каким образом следует получать предварительное, свободное, осознанное и ясно выраженное согласие лица на участие в сборе биологических образцов, генетических и протеомных данных с помощью инвазивных и неинвазивных процедур, их обработку и хранение в государственных учреждениях или частных структурах. Если то или иное лицо не способно дать осознанное согласие, то разрешение на тестирование следует получать у его юридического представителя, который должен исходить из наилучших интересов этого лица. Генетическое обследование и тестирование таких лиц этически приемлемо лишь в случае, если это соответствует их наилучшим интересам и важно для здоровья. Любое лицо может отозвать свое согласие, если только полученные данные не являются необратимо отделенными от этого лица. Отзыв согласия не должен влечь за собой санкции или неблагоприятные последствия для этого лица. В тех случаях, когда сбор генетических и протеомных данных осуществляется для проведения научных исследований, лицу следует сообщить о его праве решать, быть или не быть информированным о результатах. Это положение не распространяется на данные необратимо отделенных от идентификации лиц, или данные,

которые не ведут к получению сведений личного характера. Необходимо, чтобы при генетическом тестировании, имеющем важное значение для здоровья, лицо могло воспользоваться генетическими консультациями, которые должны носить рекомендательный характер, учитывать культурные особенности и отвечать его наилучшим интересам. Сбор генетических и протеомных данных человека в судебно-медицинских целях должен проводиться только в соответствии с национальным законодательством, не противоречащим международному гуманитарному праву.

Никому не может быть отказано в доступе к собственным генетическим и протеомным данным, если они не отделены необратимо от данного лица, или если подобный доступ ограничен соображениями охраны здоровья населения, общественного порядка или национальной безопасности. Государствам следует делать все для защиты права отдельных лиц на частную жизнь и конфиденциальность генетических данных. Эти данные не должны быть раскрыты для третьих сторон, в частности для работодателей, учебных заведений, страховых компаний и членов семьи, за исключением случаев, связанных с важными общественными интересами, в строгом соответствии с национальным и международным гуманитарным правом, или в случае получения свободного и осознанного согласия соответствующего лица. Генетические и протеомные данные и биологические образцы человека, собранные для научных целей, не должны быть связаны с идентифицируемым лицом, и должны быть приняты меры предосторожности для обеспечения их безопасности. Такие данные могут оставаться неотделенными от лица, которое может быть идентифицировано, если это необходимо для исследования, при условии, что право на частную жизнь и конфиденциальность защищено национальным законодательством.

Лица и структуры, отвечающие за обработку генетических данных, должны обеспечивать достоверность, надежность, качество и безопасность этих данных, проявлять требовательность, осторожность, добросовестность и порядочность при обработке и интерпретации таких данных, принимая их этическую, юридическую и социальную значимость. Не допускается использование генетических и протеомных данных, а также биологических образцов на иные цели, кроме случаев, когда на это получено согласие соответствующего лица или предлагаемое использование отвечает важным общественным интересам и не противоречит международному гуманитарному праву. В тех случаях, когда согласие лица не может быть получено или данные необратимо отделены от лица, иное использование данных регулируется национальным правом. Биологические образцы, собранные в иных целях, могут быть использованы для получения генетических и протеомных данных после получения согласия соответствующего лица. Если такие данные имеют важное значение для науки или охраны здоровья населения, то они могут быть использованы после проведения консультаций.

Государствам следует регулировать трансграничное перемещение данных и образцов в соответствии с их внутренним правом и международными согла-

шениями. При этом принимающая сторона должна разработать меры по защите этих данных и образцов, предусмотренных настоящей декларацией. Государствам следует прилагать усилия для расширения международного научного и культурного сотрудничества распространения научных знаний и генетических данных. Исследователи должны налаживать отношения сотрудничества с коллегами из других стран на основе соблюдения научных и этических требований, а также положений Декларации, содействовать обмену, распространению и публикации генетических данных и знаний о человеке. В соответствии с национальным правом и международными соглашениями, блага от использования генетических и протеомных данных и образцов, собранных в научных или медицинских целях, следует использовать совместно с обществом и международным сообществом путем поддержки систем здравоохранения и научных исследований, обеспечения диагностическими и лекарственными средствами, а также новыми методами лечения.

Хранение генетических данных осуществляется на изложенных выше принципах прав человека. Генетические и протеомные данные, а также биологические образцы, взятые у подозреваемого в ходе уголовного расследования, должны уничтожаться, как только в них отпадает необходимость. Такие данные следует представлять в судебно-медицинских целях лишь на тот период, на который они необходимы. Перекрестное сопоставление генетических данных и образцов человека, хранящихся для целей диагностики и оказания медицинской помощи, а также проведения научных исследований, не может проводиться без получения соответствующего согласия, если иное, при наличии веских оснований, не предусмотрено национальным правом, не противоречащим международному гуманитарному праву.

Государствам следует принять меры законодательного, административного и иного характера для реализации принципов декларации в соответствии с международным гуманитарным правом. Такие меры должны подкрепляться действиями в сфере образования, подготовки кадров и общественной информации. Государствам следует развивать международное сотрудничество для укрепления научного потенциала для генерирования знаний, касающихся генетических данных человека, развивать все формы образования и подготовки кадров в области этических норм, а также поощрять программы распространения информации и научных знаний в этой области. На ЮНЕСКО возлагается задача стимулировать развитие наук о жизни и содействовать практическому применению их достижений в виде новых биотехнологий на основе строгого уважения человеческого достоинства и соблюдения прав человека и основных свобод.

Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека (2005)

Декларация затрагивает этические проблемы биомедицины и биотехнологий применительно к человеку. Она обращена к государствам, а также отдельным лицам и представителям гражданского общества и устанавливает прин-

ципы и процедуры, которые могут быть использованы при разработке законодательных норм и политики государств в области биоэтики; устанавливает ориентиры для действий участников гражданского общества; признает свободу научных исследований и важное значение научных достижений для прогресса и обращает внимание на то, чтобы при этом не нарушались этические принципы и уважалось достоинство и права человека [10]. Принципы Декларации содействуют междисциплинарному и плюралистическому диалогу по проблемам биоэтики в рамках всего общества, поощряют свободный доступ к научным знаниям и обмен ими с целью защиты интересов нынешнего и будущих поколений, обращают внимание на необходимость сохранения биоразнообразия в интересах всего человечества. При этом интересы и благосостояние личности должны главенствовать над интересами науки и общества. В процессе использования новых биотехнологий следует добиваться максимальных благ для пациентов, исследователей и других причастных лиц и сводить к минимуму возможный вред. Любое медицинское вмешательство и научное исследование должно осуществляться только на основе предварительного и свободного согласия лица. Это согласие может быть отозвано в любое время без негативных последствий для этого лица. При осуществлении коллективного исследования рекомендуется заключать дополнительное соглашение с юридическими последствиями, при этом информированное согласие лица не должно подменяться коллективным или согласием руководителя общины или коллектива. Разрешение на исследование или медицинское вмешательство для лиц, не обладающих правоспособностью, следует получать исходя из полного учета интересов этого лица и при максимальном его участии. Исследования следует проводить с целью получения максимальной пользы для здоровья лица; в исключительных случаях исследования, не приносящие пользы здоровью, могут проводиться при максимальных ограничениях и подвергая лицо минимальному риску, но только в том случае, если они могут принести пользу здоровью других лиц той же категории и при соблюдении прав личности, подвергающейся исследованию. Необходимо учитывать уязвимость человека и неприкосновенность его личности, уважать его отказ участвовать в исследованиях, а также неприкосновенность частной жизни, конфиденциальность личной информации; обеспечивать соблюдение принципа равенства всех людей, касающегося их достоинства и прав; не допускать дискриминации и стигматизации на каких бы то ни было основаниях; уважать культурное разнообразие и плюрализм; не использовать их в качестве предлога для ущемления достоинства и прав личности. Должны приветствоваться солидарность между людьми и сотрудничество. Декларация поощряет социальную ответственность правительств и совместное использование благ научного прогресса всеми слоями общества, призывает уделять должное внимание воздействию биотехнологий на будущие поколения, в том числе и на их генетические характеристики, заботиться о защите окружающей среды, биосферы и ее биоразнообразия, надлежащего доступа к биологическим и генетическим ресурсам.

При применении принципов, изложенных в декларации, следует поощрять профессионализм, честность, добросовестность и открытость при рассмотрении и принятии решений по биоэтическим проблемам, рекомендуется использовать при этом новейшие научные знания, проводить общественные обсуждения на плюралистической основе, создавать независимые, междисциплинарные и плюралистические комитеты по этике с целью оценки этических, правовых, научных и социальных проблем, касающихся научных проектов, объектом которых является человек. Необходимы консультации по этическим проблемам, оценке научных достижений и выработке рекомендаций, следует содействовать обсуждению, просвещению и информированию общественности по вопросам биоэтики, содействовать правильной оценке и надлежащему регулированию рисков, касающихся биомедицины и биотехнологий. Государствам необходимо принимать надлежащие меры для борьбы с биотерроризмом, незаконным оборотом органов, тканей, образцов, генетических ресурсов и материалов. Государствам следует также принимать надлежащие меры законодательного, административного и иного характера для реализации принципов этой декларации в соответствии с международными нормами в области прав человека. Следует также содействовать образованию, профессиональной подготовке, распространению информации в области биоэтики, поощрять участие в международных, региональных и национальных неправительственных организациях, расширять обмен научной информацией и знаниями на международном уровне. Эта декларация не может быть истолкована любым государством, организацией или группой лиц как основание для действий, ущемляющих достоинство и права личности, а также основные свободы.

Таким образом, рождение новой науки геномики и расшифровка с помощью новейших биотехнологий генома человека стимулировало разработку и принятие ряда Всеобщих деклараций ЮНЕСКО, провозглашающих этические нормы, касающиеся генома человека как общего достояния всего человечества, на основе уважения достоинства человека и неукоснительного соблюдения прав личности. Эти документы освещают пути для практического использования впечатляющих достижений наук о жизни на благо всего человечества и знаменуют собой дальнейшее развитие идеи прав и основных свобод человека в рамках четвертого поколения прав, имеющих глобальный характер и направленных на выживание человечества.

Литература

1. Савченко, В. К. Расшифровка генома человека и эволюционные перспективы вида *Homo sapiens* / В. К. Савченко // II Актуальные вопросы антропологии. – Минск: Беларус. навука, 2012. – Вып. 15. – С. 7–33.
2. Савченко, В. К. Проект «Геном человека» и права личности / В. К. Савченко // Вес. НАН Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2013. – № 3. – С. 4–16.
3. IHGSC (International Human Genome Sequencing Consortium). Initial sequencing and analysis of the human // *Nature*. – 2001. – Vol. 409, № 6822. – P. 860–921.
4. IHGSC (International Human Genome Sequencing Consortium). Finishing the euchromatic sequence of the human genome // *Nature*. – 2004. – Vol. 431, № 7011. – P. 931–945.

5. New goals for the U. S. Human Genome Project: 1998–2003 / F. S. Collins [et al.] // Science. – 1998. – Vol. 282. – 23 Oct. – P. 682–689.
6. Roberts, D. F. The Human Genome Initiative and IUBS / D. F. Roberts // Biology International. – 1990. – № 21. – P. 3–11.
7. UNESCO. Declaration on the Responsibilities of the Present Generation Towards the Future Generation. – 1997.
8. UNESCO. International Declaration on Human Genetic Data. – 2003.
9. UNESCO. Universal Declaration on Bioethics and Human Rights. – 2005.
10. UNESCO. Universal Declaration on the Human Genome and Human Rights. – 1997.

ДОСТОИНСТВО ЛИЧНОСТИ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В СВЕТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ СИНЕРГЕТИКИ

*В. Н. Сидорцов,
доктор исторических наук, профессор*

Достоинство и права личности – проблема исторического познания

Проблема соотношения понятий и явлений достоинства личности и прав человека приобретает особую актуальность в современных условиях, связанных с возрастанием роли личности в событиях и процессах социальной реальности, развитием личностномерного научного познания [2].

История последних десятилетий, в особенности в период после Второй мировой войны, когда социальный климат во многих странах претерпел заметные изменения, поставил перед социально-гуманитарными дисциплинами целый ряд вопросов, непосредственно связанных с потребностью существенного обновления теоретико-методологической базы научного познания социальной реальности, углубления и практической реализации императива человеческого достоинства. Актуальность этих вопросов особенно возрастает в условиях социально-политических кризисов в различных регионах мира. События в «горячих точках», где достоинство личности оскверняется, а права человека порой отождествляются с вседозволенностью, требуют поднять проблему достоинства и прав человека на философский уровень осмысления.

В общенаучном плане понятие права человека имеет своим истоком явление достоинства. Не случайно в одной из недавних публикаций, посвященных философско-правовому анализу взаимосвязи этих понятий, убедительно показано, что «достоинство личности – это ее мироощущение как творца человеческой цивилизации, выражающееся в притязаниях и долженствовании человека окружающей действительности, государству и обществу, себе самому и другому, обнаруживающееся в его чувствах, идеях и понятиях, действиях и поступках» [5, с. 253–254] и что «права человека – это притязания человека к самому себе, другому, обществу и государству и долженствование человека самому себе и другому, обществу и государству, выраженные нормами моральных обычаев и нормами права». Использованный автором цитируемой статьи термин «мироощущение творца цивилизации», его дефиниция, – по

существо, историчны. Достоинство личности, дающее зеленый свет всевозможным проявлениям ее активности и реализации ее прав, не может быть понято и тем более описано без глубокого проникновения в сущность этих феноменов и отображения их исторической изменчивости. Именно поэтому, на наш взгляд, следует говорить о различных уровнях, или стадиях их проявления:

1) стадия моральной реальности (до принятия писаных национальных и государственных актов);

2) стадия юридической реальности (в конституциях и законодательно зафиксированных актах прав человека и гражданина);

3) стадия социальной реальности (реализуется во взаимодействии с обществом и государством).

Приблизиться к системному пониманию генезиса и взаимодействия этих уровней позволяет теоретический аппарат, формирующийся на рубеже естественно-научного и гуманитарного познания и, в частности, в такой дисциплине, как синергетика. Как отмечает Л. И. Бородкин, неустойчивый характер социально-политических процессов в России и мировой системе в целом, непредсказуемость радикальных перемен, захватывающих страны и крупные регионы мира, возрастающая степень альтернативности их развития побуждают историков, политологов, социологов, демографов, экономистов, добавим философов, обратиться к междисциплинарному подходу [3]. Он стал формироваться в 1970-х гг. и был назван синергетикой – учением о нелинейной динамике и самоорганизации открытых неравновесных систем, включая химические, биологические, экологические, социальные. На наш взгляд, именно синергетика в качестве парадигмы трансдисциплинарного познания позволяет решать ряд методологических проблем, вставших перед современной наукой.

В рамках этой парадигмы исследователь осуществляет, во-первых, поиск *сущности* явлений, их «функционального места» в системной организации социокультурного пространства, характеризуемой через метаметодологические категории сложности, би- и полифуркации, флуктуаций, неустойчивости. Об этом наглядно свидетельствуют идеи и разработки в области синергетической философии, связанные с именами Г. Хакена, И. Пригожина, С. П. Курдюмова, Е. Н. Князевой. Так, к примеру, путем обращения к понятию *аттрактора* (от лат. *attrahere* – притягивать) можно говорить о наличии в системе точек притяжения, действия которых приводят к углублению и совершенствованию человеческого достоинства и обеспечивают социально-креативную деятельность человека. Механизмом позитивных, конвергентных выходов являются бифуркации и полифуркации (раздвоение, растроение и т. д.), ведущие к новым состояниям, в том числе и более совершенным, углубленным качествам явления (явлений) достоинства личности. В конечном итоге происходит переход от ущемления прав человека к состоянию высокого достоинства как воспринимаемого [1, с. 12–13, 19–22, 231–233]. Не случайно понятие *чувственности*, характеризующее уровень организации восприятия, является одним из главных в синергетической философии.

Теория хаоса и ее роль в дискурсе достоинства и прав человека

Объединяющим началом в изучении процессов возрастания роли личности, ее достоинства и прав в гуманитарной науке (в частности, в историческом знании), с одной стороны, и в рамках синергетики как междисциплинарной парадигмы научного познания, с другой, мыслится теория хаоса и математический аппарат, описывающий поведение нелинейных динамических систем, подверженных влиянию динамического, детерминированного хаоса. Поведение подобной системы кажется случайным, даже если модель, описывающая ее, является детерминированной. Примерами подобных систем являются атмосфера, турбулентные потоки, некоторые виды аритмии сердца, биологические популяции, общество как система коммуникаций и его подсистемы (экономическая, политическая, культурная) и др. Их изучение наряду с аналитическим исследованием наличных рекуррентных (возвращающихся) последовательностей обычно сопровождается математическим моделированием – распределением частот выпадения положительных результатов или правильно принятых решений.

Становление теории хаоса относят к середине XX в., когда для некоторых ученых стало очевидно, что преобладающая в то время линейная парадигма просто не может объяснить некоторые наблюдаемые явления подобно логистическому (математико-логическому) отображению. Основоположниками теории хаоса как таковой считаются французский физик и философ А. Пуанкаре, доказавший теорему о возвращении, советские математики А. Н. Колмогоров и В. И. Арнольд и немецкий математик Ю. К. Мозер, построившие теорию хаоса, называемую КАМ (Колмогоров – Арнольд – Мозер).

Помимо этого, одним из пионеров создания теории хаоса следует считать американского естествоиспытателя Э. Лоренца, интерес которого к хаосу проявился, когда он в 1961 г. работал над прогнозированием погоды. Ученый обнаружил, что малейшие изменения в первоначальных условиях вызвали большие изменения в итоговых данных. Несколько лет спустя появилась работа Б. Мандельброта под названием «Фрактальная геометрия природы», внесшая вклад в теорию хаоса. Некоторые биологические системы, в частности система кровообращения и бронхиальная система, сразу же оказались подходящими под описание фрактальной модели. В 1986 г. Нью-Йоркская академия наук вместе с национальным Институтом мозга и Центром военно-морских исследований провели первую научную конференцию по вопросам проявления хаоса в биологии и медицине. Б. Уберман продемонстрировал математическую модель глаза и нарушений его подвижности. В печати появилась статья, в которой впервые описывалась *система самодостаточности*, являющаяся одним из механизмов окружающей природы. Она стала весьма востребованной в объяснении многих естественных, а затем и социальных явлений, включая землетрясения, солнечные всплески, формирование ландшафта, лесные пожары, оползни, эпидемии, биологическую эволюцию, колебания в экономических системах.

Теория хаоса прогрессировала как межпредметная дисциплина, важнейшим содержанием и своего рода девизом которой был «анализ нелинейных систем». Опираясь на концепцию американского философа и историка науки Т. Куна, видевшего научную революцию в смене парадигм сдвига, т. е. исходных установок, способов постановки проблем, методов исследования, господствовавших в науке, многие «ученые-хаотики» утверждали, что эта новая теория и есть пример сдвига. В дальнейшем рост производительности электронных вычислительных машин, применяемых в статистической обработке научных данных, расширил возможности применения теории хаоса. В настоящее время она востребована в большом количестве научных направлений.

Хотя общепринятого универсального математического определения «хаоса» нет, обычно используемая дефиниция говорит, что динамическая система, которая классифицируется в качестве хаотической, должна обладать некоторыми свойствами, среди которых мы выделяем *чувствительность* к начальным условиям, в которой как раз и проявляется симбиоз достоинства личности и права человека.

Позволим себе проиллюстрировать эту идею простым бытовым наблюдением, примером из жизни. Осознание обозначенного симбиоза пришло к автору летом на даче. Кот на соседском дачном участке, заросшем после кончины хозяев, оказался беспризорным и пытался пропитаться охотой на птичку, свившую гнездо в траве. Однажды, услышав непривычный шум, я обратил внимание на пернатое создание, которое летало вокруг меня и словно бы взывало о помощи. Назавтра я вновь увидел птицу – уже с раненой лапкой – и попытался угостить водой и зерном, но тщетно. Она изнемогала, и я готов был наказать кота. Очень скоро увидел этого «негодяя» и, хотя прочел в его глазах просьбу о пище, прогнал от себя. Мои чувства были на стороне птички-жертвы, а не кота-агрессора. Пример указал мне на то, что негативы социального бытия, отраженные в праве, неизменно сопровождаются позитивным содержанием социальной деятельности человека. Именно последние являются истоком достоинства личности; постепенно накапливаясь, они возвышают его и вместе с тем всю культуру.

Отталкиваясь от этого наблюдения, выходя на простор отечественной истории, обратимся к известному белорусскому писателю В. В. Быкову. В своих воспоминаниях он писал: «У Венгры... лейтэнант, паранены ў нагу, сунуўся ў скляпок на двары сялянскага падворку. Якраз зьмяркалася, і ў той скляпок сунуўся і яшчэ нехта, таксама паранены. Тады скончылася бамбёжка і наогул скончыўся бой. І во яны сядзяць удвух, але ў цемры ня бачаць адзін аднаго і ня ведаюць, хто побач – свой ці чужы? Таму маўчаць. А галоўнае – ня ведаюць, хто заняў сяло – нашы ці немцы... І толькі як пачало сьвітаць, лейтэнант убачыў, што перад ім немец, гаўптман мэдыцынскай службы. І ніхто зь іх за пісталет не схапіўся, бо зноў жа – невядома, хто наверху. Першы не стрываў немец, таксама паранены, неяк выбраўся, а лейтэнант сам выбрацца ня можа. Сядзіць і чакае, калі прыйдуць немцы і возьмуць яго ў палон. Або прыстрэляць

у яме. Немцы і прыйшлі. Але на ломанай рускай мове растлумачылі, што страляць не будуць, будуць рабіць арцліхер беістанд (медыцынскую дапамогу). І выцягнулі лейтэнанта, занеслі яго ў мэдпункт, дзе той жа ягоны начлежнік перавязаў яму нагу і папытаўся, што ён хоча: да сваіх ці ў палон? Канешне, лейтэнант захацеў да сваіх. Тады яго ўначы два немцы паклалі ў палатку і падцягнулі да нашых акупаў на краі сяла...»

Напрашивается суждение, что поступок немцев в данном случае не находит другого объяснения как проявление достоинства их личности. Но что произошло потом?

«Ну, адвезлі ў санбат., – продолжал В. Быков, – але ж дужа яму цікава з сваіх прыгодаў. І ноччу ціхенька ён расказаў... А яшчэ празь дзень прыйшоў незнаёмы афіцэр і сказаў, каб гэтага лейтэнанта тэрмінова падрыхтавалі да эвакуацыі. Аднаго. Болей яго ніхто ў палку ня бачыў. І чутак нават ніякіх не дайшло» [3, с. 132–133].

Разрыв права и достоинства личности был доведен до предела в трагедии жителей белорусской деревни Хатынь. Всех ее жителей (многодетные семьи, подростки, старики) каратели 22 марта 1943 г. согнали в колхозный сарай, заперли ворота, обложили сарай соломой, облили бензином, а затем подожгли. Под напором человеческих тел ворота рухнули. В горящей одежде, охваченные ужасом, задыхаясь, люди бросились бежать, но были расстреляны карателями из пулемета. В огне заживо сгорели 149 человек [6]. Об этом зверстве напоминает открытый в 1969 г. мемориальный комплекс «Хатынь».

В ходе рассмотрения теории хаоса применительно к правам человека, а затем и к достоинству личности возникает ощущение, что эти явления не представляют собой чего-то однозначного, однотипного: права человека вообще и права конкретного человека, права человека и права гражданина – это притязание не только к Другому, но и к себе самому. Понятия достоинства и прав человека невозможны без взаимного притязания *притязания и долженствования*, которые являются их *сущностью*. Невозможны не только для определений конкретного ученого, но и для научных определений как таковых.

Здесь следует констатировать, что «ахиллесовой пятой» современного социально-гуманитарного познания в целом, и в особенности в сфере еще не сложившейся науки прав человека, стал терминологический хаос. В истории, которую мы доводим до наших дней, он нашел отражение в присловьи: «Правда у каждого своя». Это подтверждается хотя бы следующими примерами, связанными с употреблением понятия «права человека»:

1) «Права человека – это определенные нормативно структурированные свойства и особенности бытия личности, которые выражают ее свободу и являются неотъемлемыми и необходимыми способами и условиями ее жизни, взаимоотношений с обществом, государством, другими индивидами» [8, с. 3];

2) права человека – это «комплекс благ, обуславливающих обязательность их закрепления и охраны со стороны государства, которые определяют

формулирование субъективных прав, имеющих свое нормативное закрепление» [6, с. 30];

3) права человека – это «совокупность предназначенных природой индивиду условий, принципов и норм, правил и способов деятельности, обеспечивающих ему возможность достойной жизни в обществе» [9, с. 28] и т. д.

В хаосе дефиниций теряется моральная укорененность достоинства, такие ее «великие, – по определению И. Канта, – нравственные силы, которые являются источником жизни и развития, как *«любовь и уважение»* [4, с. 276–277]. Углубляясь в суть этих идейных ценностей, современные авторы выделяют целый корпус элементов (качеств), в том числе: *правда, выбор, справедливость, сострадание, милосердие, терпимость, стыд, смущение, радость, честь, ответственность, совесть и др.* [5, с. 251–270]. В этот перечень можно добавить: *порядочность, детская увлеченность, научная рефлексия.* По убеждению современного белорусского философа Л. Ф. Евменова, вышеназванные элементы – не просто идеи, а объективная реальность, зафиксированная в международных правовых актах. Достоинство личности – не только идея или понятие, но и «действительность высокого морального накала».

К сожалению, эти «великие нравственные силы», эта «моральная укорененность», особенно в последнее время, наталкиваются на свои антиподы. Предостережением по этому поводу звучали высказывания А. П. Чехова о том, что в *любви* «нужно исходить от высшего, от более важного, чем природный грех или добродетель в их ходячем смысле». Или рассуждения писателя о предоставлении свободы, которую «тратили бы на то, чтобы только обличать друг друга... в шпионстве или пристрастии к рублю и запугивать общество уверениями, что у нас нет ни людей, ни науки, ни литературы» [7].

Что же касается *уважения*, то немало таких людей, которые вкладывают в это понятие выгоду исключительно для самих себя. Они склонны уважать того, кто идет, мягко говоря, навстречу им, пренебрегая любыми моральными устоями. Развязанная в современном мире информационная война часто возводит ложь в принцип международного права. Производится массовое уничтожение ни в чем не повинных людей: детей, женщин, стариков, – наряду с фальсификацией причин их гибели. Нравственно неприемлемые явления (алкоголизм, наркомания и др.) доводят до «оживотнения» (И. Кант), бесчеловечности человеческой личности. Уместным свидетельством этого является сегодня массовое катастрофическое бегство людей из Ближнего Востока и Северной Африки в Европу. В борьбе с ними необходимо пристальное внимание обращать на функции исторической науки и прежде всего на роль исторической памяти, которая характеризуется такими чертами, как коллективность, избирательность и фрагментарность, организованность и удостоверенность, социальная ориентированность, толерантность и справедливость.

Историческая синергетика – перспективное направление исследований проблем достоинства и прав человека

Социальный анализ прошлого и настоящего дает возможность исследователям максимально приблизиться к истине. Историческая синергетика указывает верный путь к ней. Ее можно определить как образец (модель) открытой, нелинейной, самовоспроизводящей системы знания со своим теоретико-методологическим аппаратом (поиск сущности явлений хаоса, флуктуации, точки бифуркации, аттрактора и др.), служащим в качестве средства изучения и оценки социальных явлений. Точки бифуркации и полифуркации в этой системе являются ключевыми. В одной из них и происходит обновление системы.

Характеризуя сложившуюся ныне ситуацию соотношения достоинства личности и прав человека, приходишь к выводу, что потенциальная возможность их разнонаправленного движения, означает их «умаление» и затем на этой основе «обогащение». Мы должны быть едины в том, что права человека выступают и как моральная реальность (коренятся в достоинстве личности), и как юридическая реальность (в международных актах, в конституциях и законодательствах), и как социальная реальность. В схеме синергетического цикла место этого «обеднения» – в волне зарождения нового порядка, когда наблюдается созидательная роль случайности и сказывается автономный моральный статус личности. Формирование точек бифуркации неизбежно приводит к обновлению социума и утверждению обогащающихся прав человека как социальной реальности, коренящейся в достоинстве нравственно возвышенной личности.

Синергетика особенно привлекает своим обращением к личности, причем обычной, как таковой, независимо от занимаемого ею положения в обществе и государстве. Если известный марксист Г. В. Плеханов рассуждал о роли личности в истории, имея в виду выдающуюся личность и вместе с тем детерминированную объективными условиями, представители синергетической парадигмы наделяют такой ролью *любую личность* – в масштабе той или иной области занятий, страны и мира. Совсем неслучайно, что произведения, главным героем которых является *обыкновенный человек*, человек, лишенный обстоятельствами жизни основных прав, человек, достоинство которого оскорблено и унижено, получают всеобщее мировое признание. Оно выразилось, в частности, в присуждении Нобелевской премии по литературе Светлане Алексиевич, которая является автором именно таких книг, «ибо она утверждает главное, без чего не может жить человек и само человечество: непобедимость добра и достоинства, любви и сострадания».

В центре концептуальных установок исторической и в целом социальной синергетики стоит личность, обладающая творческим потенциалом, с которой непосредственно связано обновление общественных и государственных структур, актуализация их деятельность, консолидация социума и гармонизация его отношений с окружающей средой. Идея и явление достоинства и прав

человека фактически нацелены на возвышение личности, придают историческому пути человечества, включая и современность, вполне закономерный характер.

Освоение синергетической парадигмы вызывает потребность привести примеры применения ее эффектов на более широком исследовательском поле, в частности для решения конкретных задач белорусской исторической науки и формирующейся науки прав человека.

Литература

1. Белорусские деревни, уничтоженные в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://db.narb.by>. – Дата доступа: 21.10.2014.
2. Белякович, И. Н. Теоретико-методологические проблемы прав и свобод человека / И. Н. Белякович // Право и демократия: сб. науч. тр. – Минск: БГУ, 2001. – Вып. 11.
3. Бородкин, Л. И. «Порядок из хаоса»: концепции синергетики в методологии исторических исследований / Л. И. Бородкин // Новая и новейшая история. – 2003. – № 2. – С. 98–118.
4. Быкаў, В. Доўгая дарога дадому. Кніга ўспамінаў / В. Быкаў. – Мінск: Кніга, 2003. – 544 с.
5. Евменов, Л. Ф. Глобализация: конвергенция – достоинство и права человека: сб. науч. ст. / Л. Ф. Евменов. – Минск: Право и экономика, 2015. – 328 с.
6. Кант, И. Основы метафизики нравственности / И. Кант // Соч.: в 6 т. – М.: Мысль, 1965. – Т. 4, ч. 1. – С. 231–310.
7. Лукашева, Е. А. Предмет и задачи теории прав человека / Е. А. Лукашева // Права человека: учебн. / отв. ред. Е. А. Лукашева. – М.: Норма: Инфра-М, 2001.
8. Романовский, Г. Б. Права человека в советской юридической науке 70–90-ых годов прошлого столетия / Г. Б. Романовский // Юридическое образование. – 2005. – № 2.
9. Сидорцов, В. Н. Беларусь в XX веке: нетрадиционное представление истории / В. Н. Сидорцов, И. А. Кандыба, М. М. Равченко. – М.: МАКС Пресс, 2010. – 272 с.

СТАТУТЫ ВКЛ, МАГДЭБУРГСКАЕ ПРАВА Ў БЕЛАРУСІ – ГОДНАСЦЬ І ПРАВЫ АСОБЫ

*А. Б. Доўнар,
кандыдат гістарычных навук*

Праблема годнасці і правоў асобы з'яўляецца важнай для існавання чалавека. *Годнасць* – паняцце, якое адлюстроўвае ўяўленне аб каштоўнасці чалавека як асобы. Права чалавека лічацца неад'емнай часткай асноўных правоў і свабод, якімі валодае кожны чалавек. Паняцце «права чалавека» ўключае ў сябе грамадзянскія і палітычныя права (права на жыццё і свабоду, роўнасць перад законам), эканамічныя, сацыяльныя, культурныя права (права на самарэалізацыю, права на ежу, на працу, на адукацыю і інш.).

На разуменне і рэалізацыю пытання годнасці і правоў чалавека ўплывалі асаблівасці гістарычнай эпохі, у якой жыў чалавек. На працягу XVI–XVIII стст. тэрыторыя Беларусі ўваходзіла ў Вялікае Княства Літоўскае (ВКЛ) і з'яўлялася яе паўнаважнай часткай.

Трэба адзначыць, што ў XVI–XVIII стст., г. зн. у пачатку Новага часу на тэрыторыі Беларусі праблемы годнасці і правоў чалавека ў сучасным яе разуменні не існавала, таму што на парадку дня не стаяла такога пытання. Грамадства Беларусі XVI–XVIII стст. жыло ў іншых сацыяльных, прававых рэаліях чым мы – грамадзяне Беларусі XXI ст.

Праблема годнасці і правоў чалавека стала актуальнай толькі ў канцы XVIII ст. з часоў распаўсюджвання ідэй Вялікай Французскай рэвалюцыі і Грамадзянскай вайны ў ЗША [2, с. 65]. Яна з’яўлялася актуальнай на працягу ўсяго XIX ст. і, у прынцыпе, рэалізавалася ў жыццё ў XX ст.

У XVI–XVIII стст. у Беларусі панавалі феадальныя адносіны, пры якіх не так важны быў чалавек як асоба, індывід у сучасным разуменні гэтага слова, колькі тое, прадстаўніком якой сацыяльнай групы ці саслоўя ён з’яўляўся. Ідэя чалавечай годнасці і яго правоў у тыя часы *насіла саслоўны характар*. Кожнае саслоўе мела акрэсленае кола правоў і абавязкаў. Структура грамадства складалася са шляхты, духавенства, мяшчанства і сялянства. Абавязкам шляхты было кіраванне краінай і яе абарона як у ваенным, так і іншых планах; духавенства адказвала за духоўнае развіццё грамадства. Мяшчанства займалася гандлем і рамяством, сялянства – сельскай гаспадаркай [1].

Саслоўная прывілегія набываліся па нараджэнні ад бацькоў дадзенага саслоўя-стану і акрэслівалі праваздольнасць чалавека ў сферы як публічнага, так і прыватнага права, як і кола яго правоў і абавязкаў. Прынцып саслоўнага падзелу грамадства азначаў у агульным няроўнасць права, няроўнасць сацыяльных груп. Саслоўная прыналежнасць была вытворнай ад разнастайнасці сацыяльна-грамадскіх роляў, якія выконвалі людзі, ад іх магчымасцей і паслуг для грамадства. Саслоўны падзел азначаў існаванне зацверджаных правам сталых грамадскіх роляў для людзей.

Няроўнасць права для прадстаўнікоў розных саслоўяў яскрава бачна пры ўстанаўленні санкцый за ўчыненне злачынстваў супраць жыцця, здароўя і гонару людзей. Напрыклад, забойства шляхціца чалавекам «простага стану» каралася смерцю і выплатай галаўшчыны (грашовага штрафу за забойства чалавека з вінаватага на карысць родзічаў забітага), а забойства простага чалавека шляхціцам – толькі галаўшчынай (у такім выпадку смяротная кара для шляхціца прадугледжвалася, калі яго злавілі адразу («па гарачым следзе») і пры гэтым для забойства не было аб’ектыўных прычын) [7, раздз. XII, арт. 1]. У сваю чаргу, памеры галаўшчыны залежалі ад сацыяльнага статусу забітага. За шляхціца галаўшчына спаганялася ў памеры 100 коп грошаў (капа – 60 грошаў), за панцырнага слугу – 60 коп грошаў, за войта, бурмістра, лаўніка, пісара магдэбургскіх гарадоў – 50 коп грошаў, за сельскага войта – 40 коп грошаў, за войта, лаўніка немагдэбургскіх гарадоў, рамесніка, мешчаніна магдэбургскіх гарадоў – 30 коп грошаў, за селяніна – 25 коп грошаў, за мешчаніна немагдэбургскіх гарадоў – 24 капы грошаў [7, раздз. XI, арт. 27; раздз. XII, арт. 3–6]. За забойства жанчыны заўжды спаганяўся двойны памер галаўшчыны.

Нягледзячы на тое, што ў кожнага саслоўя меўся свой комплекс правоў, які адпавядаў, па меркаванні сучаснікаў, яго месцу ў грамадстве, у кожнага чала-

века было пачуццё сваёй годнасці. Яно адпавядала сацыяльнаму статусу кожнага саслоўя, ці яго груп: у сялян было сваё пачуццё годнасці, у мяшчан сваё. Найбольш яскрава пачуццё чалавечай годнасці, блізкай да сучаснага разумення, існавала ў прадстаўнікоў шляхты. Гэта тлумачылася тым, што шляхта як саслоўе складалася з асабіста свабодных асоб, якія мелі найбольш шырокі комплекс правоў у феадальным грамадстве, пачынаючы ад асабістых, маёмасных, заканчываючы палітычнымі, і ў іх было пашырана пачуццё шляхецкага гонару.

Пры гэтым трэба ўлічваць, што галоўным для чалавека XVI–XVIII стст. было не быць роўным наогул, а быць роўным у сваёй сацыяльнай супольнасці, у межах свайго саслоўя, сваёй сацыяльнай групы. Саслоўныя абмежаванні не расцэнваліся як парушэнні правоў чалавека, як нераўнапраўнае становішча, а лічылася справядлівым і апраўданым з пункту погляду функцыянальнага падзелу грамадства на саслоўі. Існуючы парадак, правы, свабоды саслоўяў лічыліся дадзенымі чалавеку Богам.

Неабходна адзначыць, што мы гаворым пра мясцовае насельніцтва хрысціянскага веравызнання, на якое распаўсюджвалася хрысціянскае права. На асобым становішчы былі іншаверцы: прадстаўнікі мусульманства і іўдзеіства – татары і яўрэі. Яны мелі этнакультурную аўтаномію. У стасунках з хрысціянамі яны карысталіся агульнадзяржаўнымі законамі, а ва ўнутрыабшчынных справах – сваімі рэлігійна-нацыянальнымі нормамі, што дазваляла гэтым нацыянальным меншасцям у дзяржаве захоўваць уласную культуру, мову, звычкі, рэлігію.

На працягу XVI–XVIII стст. у Беларусі адбылася эвалюцыя ў разуменні і практычнай рэалізацыі пытанняў годнасці і правоў чалавека, асабліва гэта датычыцца XVI ст. Напрыклад, у XV ст., нават першай палове XVI ст. звычай з’яваў на тэрыторыі Беларусі было рабства. Яно не было вызначальным для развіцця грамадства ні ў сацыяльным, ні ў эканамічным плане. Рабства існавала двух відаў: спадчыннае («чэлядзь нявольная») і часовае («закупы»). На працягу XVI ст. грамадства і дзяржава прайшлі шлях ад функцыянавання інстытута рабства да яго фактычнай ліквідацыі на заканадаўчым узроўні. Так, Статут ВКЛ 1529 г. называў чатыры крыніцы папаўнення складу чэлядзі нявольнай: спадчыннае знаходжанне ў рабстве/нараджэнне ад нявольнікаў; палон; дабравольны пераход у стан рабства злачынцаў, якія былі прыгавораны да смерці; уступленне ў шлюб з нявольнікам [5, раздз. 11, арт. 12 (13)].

Статут 1566 г. выключыў з пераліку крыніц папаўнення складу чэлядзі нявольнай пераход у рабства злачынцаў, прыгавораных да смерці. А Статут 1588 г. пакінуў толькі адну прычыну гэтага – палон [7, раздз. 12, арт. 21].

Статуты ВКЛ 1529, 1566, 1588 гг. сведчаць аб імкненні заканадаўцы забяспечыць права чалавека на асабістую свабоду, прычым гэта тычылася не столькі шляхты, колькі людзей «простага стану». Так, ні за якое злачынства нельга было аддаваць у вечную няволю свабоднага чалавека [5, раздз. 11, арт. 6 (7); 6, раздз. 12, арт. 7]. Нават дабраахвотны пераход вольнага чалавека ў няволю

ў галодны год лічыўся неправамоцным, нават калі гэты пераход быў аформлены пісьмова [6, раздз. 12, арт. 11].

На працягу XVI ст. зніклі і закупы як прадстаўнікі часовага рабства. Але ў Статутах захавалася норма пагаднення грашовай пазыкі даўжніком асабістай працай у крэдытора. Так, згодна з Статутамі ВКЛ 1529, 1566, 1588 гг. пры адсутнасці дамовы даўжнік павінен быў адпрацоўваць доўг на наступных стаўках адпаведна: 15, 50 і 100 грошаў у год – мужчыны, 10, 30 і 60 грошаў – жанчыны [5, раздз. 8, арт. 21, раздз. 11, арт. 5 (6) – 7 (8); 6, раздз. 11, арт. 8, раздз. 12, арт. 5, 7; 7, раздз. 9, арт. 27, раздз. 12, арт. 9, 11]. Механізм ліквідацыі грашовай пазыкі застаўся тым жа: адпрацоўка асабістай працай у крэдытора. Але змянілася сутнасць, успрыняцце гэтай з’явы: ад часовага рабства да простага адпрацоўкі пазыкі.

У грамадстве Беларусі XVI ст. фарміраваўся погляд ненармальнасці, ненатуральнасці рабства. Яскравым прыкладам гэтага з’яўляецца пазіцыя сялян Мазырскай воласці ў першай палове XVI ст. Так, па старадаўнім звычаі Мазырская воласць аддавала ў Мазырскі замак стацыю для ўтрымання адміністрацыі і для суправаджэння гаспадарскіх паслоў і ганцоў. У другой чвэрці XVI ст. стацыя збіралася грашыма ў памеры 30 грошаў з службы (служба – адзінка абкладання павіннасцямі). У выпадку, калі хто-небудзь не змог бы выплаціць стацыю, то дзяцей такога чалавека аддавалі ў часовае рабства ці такога даўжніка выганялі з воласці. Жыхары Мазырскай воласці не пагадзіліся з такой нормай і папрасілі ў вялікага князя літоўскага Жыгімонта Аўгуста дазволу выплачваць вышэйадзначаную стацыю за бедных аднавяскоўцаў заможным сялянам, г. зн. сяляне лічылі больш важным захаванне свабоды іх суабшчыннікамі, чым асабістыя эканамічныя страты.

Змены ў грамадска-палітычнай, прававой думцы грамадства ў XVI ст. у Вялікім Княстве Літоўскім, у тым ліку і Беларусі, адбываліся пад уплывам Рэфармацыі. Рэфармацыя ў Беларусі паўплывала на палітычную, прававую свядомасць чалавека і ўсяго грамадства. Ідэя маральна-рэлігійнай аўтаноміі асобы, якая панавала раней, паступова трансфармавалася ў ідэю неад’емных, натуральных, неадчужальных правоў чалавека: права на жыццё, добрабыт, уласнасць. У цэнтры ўвагі грамадства ў гэты час знаходзіліся праблемы свабоды, дасканалага дзяржаўнага кіравання, справядлівага грамадскага ладу, права і судаводства.

Дадзеныя ідэі былі замацаваны ў Статутах ВКЛ 1529, 1566 і 1588 гг. Так, Статутамі гарантавалася шляхце, мяшчанам, усім «людзям паспалітым» захаванне пры «свабодах і вольнасцях хрысціянскіх». Канстатавалася, што вялікі князь, як кіраўнік дзяржавы, абяцае ўсім яе жыхарам па прыкладзе іншых хрысціянскіх дзяржаў захоўваць іх пры свабодах і вольнасцях, не забіраць у іх зямель, пасад, правоў, прывілеяў і інш. [6, раздз. 3, арт. 2, 4]. У Статутах замацоўваўся прынцып прэзумпцыі невінаватасці – ніякі чалавек не павінен быў быць пакараны без віны, а вінаваты без доказаў віны. Зразумела, што прадеклараваныя агульныя прынцыпы датычыліся ў першую чаргу шляхты.

У пытанні захавання годнасці і правоў чалавека немалаважным з'яўляецца магчымасць чалавека іх адстойвання і абароны. У сувязі з гэтым у заканадаўстве ВКЛ прысутнічаў цэлы шэраг артыкулаў, якія былі накіраваны менавіта на абарону правоў і свабод кожнага чалавека як прадстаўніка свайго саслоўя адпаведна. Акрамя прызнання прэзумпцыі невінаватасці прадугледжвалася абарона ад злоўжыванняў з боку прадстаўнікоў органаў улады. Так, калі прадстаўнікі суда: ваяводы, старосты, суддзі, падсудкі, пісары земскіх, гродскіх і іншых судаў падчас судовага пасяджэння «кого словы неучъстивыми соромотиль, тогды тотъ такий врядникъ за доводом явным слушнымъ маеть на замьку [турме] шесть недель седети», а калі б суддзя падчас суда каго пабіў, параніў – такі б ураднік павінен быў бы быць пакараны на смерць; а калі б каго забіў на судзе без віны – то «траціў горла і чэсць» і з сваіх маёнткаў павінен быў выплаціць дваіны памер галаўшчыны [7, раздз. 4, арт. 63]. У сваю чаргу, суддзі падчас судовага пасяджэння мелі аналагічную абарону ад замахаў на іх гонар і жыццё [7, раздз. 4, арт. 7].

Як ужо адзначалася, па саслоўным падзеле грамадства за кіраванне краінай адказвала шляхта. У сувязі з гэтым існаваў нават адпаведны тэрмін – «палітычны народ-шляхта». Шляхта была асабіста свабоднай і мела шэраг правоў і вольнасцяў, якія гарантавалі ёй яе выключны грамадска-палітычны і сацыяльна-эканамічны статус у грамадстве і дзяржаве. Да такіх правоў і свабод адносіліся: выключнае права займаць дзяржаўныя пасады; права на выбар манарха; удзел у кіраванні краінай праз шляхецае кіраванне (сойм, соймак); гарантыя свабоды і асабістай недатыкальнасці; забарона канфіскацыі маёмасці без суда; выключнае права валодаць і распараджацца землямі і інш.

У параўнанні з гэтымі правамі і вольнасцямі значна больш сціпла выглядалі абавязкі шляхты – вернасць манарху і краіне, абарона краіны праз удзел у паспалітым рушанні. Неабходна адзначыць, што, нягледзячы на прывілеяванае становішча ў дзяржаве, грамадстве, прадстаўнікі шляхты лічыліся падданымі манарха, а манарх са свайго боку выконваў свае абавязкі кіраўніка дзяржавы «з павіннасці сваёй».

У сацыяльным плане шляхта не была аднароднай. Адны прадстаўнікі шляхецакага саслоўя валодалі вялікімі зямельнымі ўладаннямі і з'яўляліся магнатамі: Радзівілы, Сапегі, Вішнявецкія, Пацы, Агінскія і інш. Значным быў слой сярэдняй і дробнай шляхты, прадстаўнікі якога валодалі сярэднімі і невялікімі маёнткамі: Валовічы, Валадковічы, Гарабурды, Гарнастаі, Ельскія, Касцюшкі, Корсакі, Пратасевічы, Яленскія, Шэметы і інш. Была і так называемая засценкавая шляхта, якая валодала невялікімі ўчасткамі зямлі («засценкамі»), часам нават без падданных і сама апрацоўвала свае землі. Разам з тым сярод шляхты пановаў прынцып роўнасці, які азначаў, што нават самы бедны шляхціц меў такія ж правы, як і магнаты. Як рэалізацыя дадзенага прынцыпу існавала забарона пашырэння сярод шляхецакага саслоўя розных ганаровых тытулаў. Дазвалялася карыстацца тытуламі «князь», «граф» тым магнацкім родам, які атрымаў іх да Люблінскай уніі 1569 г. (напрыклад, князі Алель-

кавічы, Сангушкі, Астрожскія, Радзівілы, графы Сапегі, Хадкевічы, Тышкевічы і інш.).

Права і вольнасці шляхты былі абаронены законам, які гарантаваў шляхце іх непарушнасць з боку дзяржавы і манарха. Як і тое, што шляхта дабілася нераспаўсюджвання яе правоў і вольнасцяў на мяшчан і сялян – людзей «простага стану». Так, артыкул 18 з трэцяга раздзелу Статута ВКЛ 1588 г. не дазваляў прызначаць на дзяржаўныя пасады любога ўзроўню мяшчан і сялян («простых людей не повышати над шляхту ани на достоинсти их прекладати и врядов наших простого народу людем давати не маем, але шляхте»). Як і манарх абяцаў шляхце: «...постерегаючи всякого уближенья стану шляхетского от людей простых» не даваць простым людзям шляхецкіх маёнткаў і не распаўсюджаць на іх шляхецкія вольнасці [7, раздз. 3, арт. 26]. Выключэннем з дадзенага правіла было толькі наданне шляхецтва простаму чалавеку за надзвычайныя заслугі перад манархам і дзяржавай, у першую чаргу за ваенныя паслугі.

Неабходна адзначыць, што права і вольнасці кожнага саслоўя не даваліся проста так. Кожны прадстаўнік любога саслоўя не проста карыстаўся імі, але ён павінен быў выконваць акрэсленае для свайго саслоўя кола абавязкаў, які і павінен быў даказаць сваё права на карыстанне правамі і свабодамі свайго саслоўя.

Калі гаварыць пра мяшчанства, то мэтазгодна адзначыць, што асобнае месца ў гісторыі Беларусі займае функцыянаванне ў гарадах самакіравання паводле норм магдэбургскага права*. У Беларусі магдэбургскае права мелі больш за 50 гарадоў: Брэст (1390 г.), Гродна (1496 г.), Полацк (1498 г.), Мінск (1499 г.), Камянец (1503 г.), Навагрудак (1511 г.), Мазыр, Магілёў (1577 г.), Пінск (1581 г.), Віцебск (1597 г.), Мсціслаў, Бешанковічы (1634 г.), Жыровічы (1652 г.), Стары Мядзел (1762 г.), Шклоў (1762 г.) і інш.

З наданнем магдэбургскага права гарадское паселішча вылучалася з ранейшай адміністрацыйна-тэрытарыяльнай сістэмы і ўтварала асобную самастойную адміністрацыйна-тэрытарыяльную адзінку са сваім аўтаномным кіраван-

* Магдэбургскае права называлася «майдэборгскім», «нямецкім», «інфлянцкім», «тэўтонскім».

Магдэбургскае права як гарадское права, якім кіраваліся гарады Беларусі, вызначала арганізацыю і прынцыпы дзейнасці гарадскога самакіравання. Магдэбургскае права паходзіла ад збору правоў г. Магдэбурга XIII ст. Яно дзейнічала ў гарадах Усх. Германіі, Цэнтр. і Усх. Еўропы. На тэрыторыі Беларусі (Вялікага Княства Літоўскага) магдэбургскае права стала распаўсюджацца пад уплывам Польшчы. Тым не менш гэта быў самастойны працэс, і ў ВКЛ магдэбургскім праве адрознівалася ад такога ж у Магдэбургу і Польшчы. На арганізацыю гарадскога самакіравання па магдэбургскім праве ўплывалі канкрэтныя ўмовы, што існавалі ў цэлым у ВКЛ, і ў кожным з гарадоў у прыватнасці. Пры развіцці сеткі гарадоў з магдэбургскім самакіраваннем існавалі гарады-ўзоры як прыклады па арганізацыі сістэмы ўлады і прававодства. Для ВКЛ у канцы XIV–XVI ст. такімі гарадамі з'яўляліся Кракаў і Вільня, а з другой паловы XVI ст. – толькі Вільня. У якасці рэгіянальных цэнтраў выступалі Брэст, Гродна, Орша і інш.

нем. Горад з магдэбургскім правам меў усе неабходныя атрыбуты: грамадзянства, інстытуты ўлады і суда, герб, падаткавую сістэму і г. д.

Адным з прывабных прынцыпаў магдэбургскага самакіравання ў ВКЛ было тое, што ўлада ў горадзе належала самім мяшчанам, якія былі па сваіх правах роўнымі сярод роўных: яны на агульных сходах вырашалі найбольш важныя пытанні жыцця горада, выбіралі і кантралявалі органы гарадскога кіравання і суда (пры гэтым трэба ўлічваць, што вярхоўная ўлада над горадам заўсёды заставалася ў яго ўласніка і яго прадстаўнікоў). З увядзеннем магдэбургскага права ўся ўлада ў горадзе пераходзіла да органаў гарадскога самакіравання. З таго часу горадам кіравалі *войт, бурмістры, радцы, лаўнікі*. Цэнтрам гарадскога жыцця была ратуша. У аснове сістэмы гарадскога самакіравання на магдэбургскім праве стаяла гарадская абшчына, якая з'яўлялася калектыўным суб'ектам права.

На чале сістэмы магдэбургскага самакіравання стаяў *войт*, а ў час яго адсутнасці ў горадзе яго намеснік – ландвойт. Непасрэднае кіраванне гарадскімі справамі знаходзілася ў руках бурмістраў, радцаў і лаўнікаў, якія складалі магістрат. У Вільні, Брэсце, Гродне, Навагрудку, Полацку і іншых гарадах існавалі праваслаўная (затым уніяцкая) і каталіцкая паловы магістратаў. Бурмістры і радцы стваралі раду горада, а лаўнікі – гарадскую лаву.

Дзейнасць магістратаў ахоплівала фактычна ўсе бакі жыцця. Гарадскія ўлады па магдэбургскім праве ў ВКЛ выконвалі адначасова прадстаўнічую, распарадчую, судовую, адміністрацыйную, фіскальную, натарыяльную і іншыя функцыі. У кампетэнцыю гарадской адміністрацыі (магістрату) уваходзіла кіраванне і кантроль над усімі бакамі жыцця горада: добраўпарадкаваннем горада, збору дзяржаўных падаткаў, спагнання гарадскіх павіннасцей, расходаваннем гарадскога бюджэту, сацыяльнай падтрымкай бедных і т. д.

З'яўляючыся органам гарадскога самакіравання, магістрат меў неабходныя атрыбуты ўлады, такія як гарадскі герб, гарадская пячатка і інш.

Як прадстаўнічы орган магістраты прадстаўлялі гарадскія абшчыны перад дзяржаўнымі органамі. Перад манархам, у выпадку неабходнасці, гарадскую абшчыну прадстаўлялі асобы, якіх выбіралі спецыяльна на агульным сходзе. Прычым у ліку гэтых асоб часцей сустракаюцца асобы з магістрата: бурмістры, радцы, лаўнікі, а то і войт, але сярод кола гэтых прадстаўнікоў маглі быць і простыя мяшчане.

У абавязак магістратаў уваходзіла абарона гарадскіх вольнасцяў і правоў мяшчан ад злоўжыванняў службовых і прыватных асоб. Адною з асноўных функцый гарадскіх улад было ажыццяўленне судовай дзейнасці для захавання «святой справядлівасці». Таму магістрат павінен быў разглядаць усе спрэчныя справы гараджан: судзіць мяшчан, якія здзейснілі злачынствы, акрамя гэтага маглі судзіць і іншых асоб, якія здзейснілі крымінальнае злачынства на гарадской тэрыторыі і якія былі затрыманы па гарачых слядах.

У сваёй дзейнасці магістрацкія суды кіраваліся нормаў «*Speculum Saxonicum*» і «*Jus municipale magdeburgensae*», якія ў абходзе называліся «Саксона»

і «Вейхбільд». На польскую мову яны былі перакладзены і надрукаваны Б. Граіцкім і П. Шчэрбічам у XVI ст. Адзін экзэмпляр выдання 1581 г. П. Шчэрбіча, які належаў пінскаму магістрату, знаходзіцца ў Музеі Беларускага Палесся ў Пінску [3].

У большасці гарадах існавалі сумесныя гарадскія суды, а ў Брэсце, Пінску, Гродне, Лідзе існаваў падзел на войтаўска-лаўніцкія і бурмістра-радзецкія суды. Па сутнасці гэта былі дзве палаты (крымінальная і грамадзянская) аднаго гарадскога суда.

Як ужо адзначалася, мяшчане ў магдэбургскіх гарадах Беларусі ў сваім паўсядзённым жыцці сыходзілі з прынцыпу раўнапраўя ў сваім асяроддзі. Разам з тым на практыцы гэты прынцып выконваўся не заўсёды. Так, напрыклад, нягледзячы на агульнае права мяшчан займаць пасады ў гарадскіх органах кіравання, рэальную магчымасць заняць пасаду гарадскога бурмістра, радцы, лаўніка мелі ў асноўным прадстаўнікі багатых мяшчанскіх родаў, якія склаліся ў кожным горадзе: у Мінску – Шышкаў, Маслёнкаў і інш.; у Дзвіне – Бухалаў, Сушчэвічаў, Драгавінаў, Кашыцаў, Клыпаў, Шыбайлаў; у Пінску – Фёдаровічаў, Малаховічаў, Арлянскіх, Гапановічаў, Рыбчынскіх, Часнакоў; у Полацку – Александровічаў, Варонічаў, Драгавінаў, Касабуцкіх, Міхновічаў, Сцебутаў і г. д. З улікам таго, што такіх радоў у кожным горадзе, мястэчку было некалькі, то сярод іх заўжды існавала канкурэнцыя ў пытанні займання пасады ў гарадскіх органах кіравання. Гэта, як і тое, што бурмістры, радцы, лаўнікі выбіраліся штогод, стварала для мяшчан як магчымасць выбару на вышэйадзначаныя пасады «свайго» кандыдата, так і пэўныя гарантыі слухнага і справядлівага выканання імі сваіх абавязкаў.

Пры парушэнні сваіх правоў мяшчане мелі магчымасць адстойваць іх у сваіх гарадскіх судах. Разам з тым сустракаліся выпадкі злоўжыванняў сваім службовым становішчам прадстаўнікамі гарадскіх органаў кіравання: войтамі, бурмістрамі і г. д. У такіх выпадках для выканання прынцыпу «справядлівасці святой» існаваў асобны механізм: гэта апеляцыі і скаргі на гарадскія органы кіравання да манарха, у цэнтральныя органы кіравання дзяржавы – у асэсарскі суд ВКЛ (для дзяржаўных), уладальніка (для прыватных гарадоў).

Так, 24 ліпеня 1779 г. у нясвіжскім гарадскім судзе (Нясвіж атрымаў магдэбургскае права ў 1586 г.), які засядаў у складзе бурмістраў Казіміра Лютніцкага, Караля Клаўзоўскага, Пятра Мірэцкага, радцаў Захарыяша Рэутавіча, Міхала Стаяновіча, Мікалая Дзямідовіча і пісара Міхала Якімовіча, разглядалася скарга нясвіжскага краўца Пятра Малевіча. Справа была ў тым, што ў чацвер у дзень торгу П. Малевіч пайшоў на гарадскі рынак і хацеў купіць вепра. Абышоўшы торг некалькі разоў з мэтай знайсці найбольш танны тавар, урэшце вырашыў купіць вепра ў аднаго гандлюючага, да якога падыходзіў неаднойчы (першы раз яму прапаноўвалі вепра за 3 злотыя, другі – за 4, трэці – за 4,5). І калі П. Малевіч ужо вырашыў купляць вепра за 4,5 злотых, да гандляра і П. Малевіча падыходзіў нясвіжскі швец Стэфан Валянцінавіч і павысіў цану, выказаўшы жаданне купіць таго вепра за 5 злотых. П. Малевіч вельмі

хацеў купіць менавіта гэтага вепра, таму, каб таго не перакупілі, пакінуў гандляру залог у 5 злотых, а сам адразу ж звярнуўся да суда «войта нясвіжскай магдэбургіі» Дамініка Пашкоўскага. Пры разглядзе звароту войт выслухаў меркаванні і довады толькі С. Валянцінавіча, нягледзячы на тое, што скардзіўся П. Малевіч, і прызнаў правым С. Валянцінавіча. П. Малевіч прама на судзе пры ўсіх прысутных заявіў, што войт «несправядліва судзіць». За што войт яго адразу асабіста збіў, прыгаварыў да пакарання розгамі і турэмнага заключэнне за непавагу да суда.

Вызваліўшыся з турэмнага зняволення, П. Малевіч падаў скаргу тагачаснаму ўладальніку Нясвіжа князю Каралю Станіславу Радзівілу. Неабходна адзначыць, што Малевіч падаў менавіта скаргу, а не апеляцыю на рашэнне войтаўскага суда. К. С. Радзівіл накіраваў разгляд справы ў суд нясвіжскага магістрата, які разгледзеў справу і прыняў наступнае рашэнне. Па-першае, так як войт дзейнічаў не па праве, а менавіта: праводзіў пасяджэнне без перапынкаў; судзіў не «звычаем тарговым» і не «правам парадкавым магдэбургскім», а толькі па сваёй волі; не выслухаў контрдовады двух бакоў, а толькі аднаго боку, прычым толькі боку, на які скардзіліся; прыняў вуснае рашэнне, а не «дэкрэт», – суд магістрата скасаваў рашэнне войта па справе П. Малевіча і загадаў С. Валянцінавічу аддаць П. Малевічу таго вепра і заплаціць таму ж Малевічу штраф у памеры 10 злотых, каб больш «спрэчак на торгу не было і не развівалася дарагавізна». Па-другое, улічыўшы, што войт згодна з войтаўскай прысягай і нормай магдэбургскага права павінен быць богабаязлівым і павінен судзіць па справядлівасці, а «не з гневу і нізкай волі» сваёй, а Д. Пашкоўскі пры разглядзе справы гэтых прынцыпаў не прытрымліваўся, а збіў і прыгаварыў да пакарання Малевіча бязвінна, як і ўлічыўшы, што на Д. Пашкоўскага за час яго войтаўства накіравалася шмат аналагічных скаргаў, нясвіжскі магістрат пазбавіў Д. Пашкоўскага пасады войта г. Нясвіжа і прыгаварыў да штрафу ў 25 злотых на карысць П. Малевіча. Аналагічны штраф былі войт павінен быў выплаціць і іншым пакрыўджаным яго несправядлівай судовай дзейнасцю [4].

Абарона права на жыццё існавала і для простых людзей, якія не ўваходзілі ў гарадскую абычynu. Так, 31 студзеня 1755 г. суд магістрата ўжо згаданага Нясвіжа ў складзе гарадскіх ураднікаў: бурмістра Марціна Маслоўскага, радцы Стэфана Дамброўскага і пісара Сымона Лазы разглядалі справу аб крадзяжы грошаў і рэчаў Анастасіяй Гаварковай у нясвіжскага мяшчаніна Казіміра Аляшкевіча. У ходзе судовага разбіральніцтва было высветлена, што Анастасія Гаваркова была родам з в. Дзярэўня, мела законнага мужа Андрэя Гаварка, з якім пражыла ў шлюбе каля шасці гадоў, і дачку. Але недзе ў 1752 г. яе муж Андрэй пайшоў з вёскі «вандраваць». Застаўшыся без сродкаў існавання, Анастасія перабралася ў Нясвіж, дзе жыла за кошт жабрацтва, крадзяжоў і выпадковых заробкаў. Пражываючы ў горадзе, Анастасія нарадзіла яшчэ адну дачку ад нясвіжскага «жаўнера» Златкоўскага, з якім «яна сустракалася раз дзесяць». Затым Златкоўскі ўцёк са службы і з горада. Дарэчы, на суд

Анастасія Гаваркова з'явілася са сваёй другой дачкой, якой было каля дзесяці тыдняў. Па сутнасці справы было высветлена, што Анастасія Гаваркова прыйшла ў двор Казіміра Аляшкевіча, каб папрасіць у гаспадара сродкаў на пражыванне, але дома нікога не аказалася. Дом быў зачынены на замок. Улічваючы адсутнасць гаспадароў, Анастасія выняла аконную шыбу, пранікла ў дом, знайшла ў кубку грошы, якія і забрала, прыхапіўшы невялікі кавалак тканіны, і выйшла з крадзеным з двара Казіміра Аляшкевіча. Хутка К. Аляшкевіч вярнуўся дамой, выявіў крадзеж і пачаў шукаць злодзея... У выніку Анастасія Гаваркова была затрымана і дастаўлена ў суд.

Суд магістрата Нясвіжа, разбіраючы матэрыялы гэтай справы («яўны і свежазроблены крадзеж»), палічыў Анастасію Гаваркову «да зладзейства схільнай» і, улічыўшы, што абвінавачаная здрадзіла мужу (а такім катэгорыям грамадзян было нельга жыць у горадзе), прысудзіў Анастасію да пакарання 50 ударамі розга і да выгнання з горада.

Прысуд быў прыведзены ў выкананне і жанчыну, якая яшчэ не ачуныла пасля пакарання, выгналі з дзецьмі з горада. Анастасія, аслабеўшая, адчуваючы сябе дрэнна, адышла недалёка ад Нясвіжа і прыпынілася ля дарогі. Была зіма і мароз, а жанчына і дзеці не мелі добрай зімовай вопраткі – дзеці загінулі (замёрзлі), а Анастасію, ледзве жывую прывезлі ў Нясвіж праязджаючыя людзі.

Аб гібелі двух дзяцей Анастасіі даведалася адміністрацыя Нясвіжскай ардынацыі. У сувязі з гэтым інстыгатар Нясвіжскай ардынацыі Стэфан Цвірко, які назіраў за захаваннем законнасці* і сачыў за інтарэсамі ўладальніка ардынацыі ў дадзеным уладанні, падаў іск на нясвіжскі магістрат у ардынацкі суд аб няслушным прысудзе.

Нясвіжскі ардынацкі суд засядаў па дадзенай справе 22 лютага 1755 г. Старшынстваваў на яго пасяджэнні ўласнік ардынацыі князь Міхал Казімір Радзівіл. У якасці абвінаваўцы выступаў вышэйадзначаны С. Цвірко, а ў якасці абвінавачаных – нясвіжскі магістрат у поўным складзе (войт Ежы Пашкоўскі, прэзідэнт (старшынствуючы на пасяджэннях магістрата, у дадзеным выпадку бурмістр) Антоні Пашкоўскі, бурмістр Марцін Маслоўскі, радца Стэфан Дамброўскі, лаўнікі Антоні Барановіч і Антоні Сулнотэр, пісар Сымон Лаза). У ходзе разбіральніцтва суд прызнаў правым абвінаваўцу, а магістрацкі суд Нясвіжа вінаватым у вынясенні няслушнага прысуду. Прычынай дадзенага рашэння было тое, што:

суд нясвіжскага магістрата па справе Анастасіі Гаварковай засядаў не ў поўным складзе (па нормах магдэбургскага права суд павінен быў складацца як мінімум з трох суддзяў, а на пасяджэнні суда магістрата ў дадзеным выпадку прысутнічала толькі два суддзі: бурмістр і радца. Гарадскі пісар, які прысутнічаў на судзе, не з'яўляўся суддзёй і не меў права рашаючага голасу);

* Акрамя вышэйадзначанай пасады адміністрацыі прыватнага ўладання ў адміністрацыйна-тэрытарыяльных адзінках ВКЛ (паветах) існавалі асобныя пасады – дзорцы паветаў, у абавязкі якіх уваходзіла назіранне за непарушэннем правоў усіх катэгорый насельніцтва павета і за захаваннем законнасці ў яго межах.

суд нясвіжскага магістрата па дадзеным пытанні засядаў не ў ратушы, як патрабавала права, а ў прыватным доме;

суд магістрата вынес неадэкватны суровы прысуд, бо было ўкрадзена не болей за 10 тынфаў і невялікі кавалак тканіны;

выняшы прысуд аб выгнанні, суд не забяспечыў прыгавораную і яе дзяцей цёплай вопраткай ці «якім-нубудзь прытулкам», прычынай чаго стала смерць дзяцей.

У сувязі з гэтым нясвіжскі ардынацкі суд скасаваў прыгавор суда нясвіжскага магістрата ад 31 студзеня 1755 г. адносна Анастасіі Гаварковай і прысудзіў трох асоб нясвіжскага магістрата бурмістра Марціна Маслоўскага, радцу Стэфана Дамброўскага і пісара Сымона Лазу, якія ажыццяўлялі суд 31 студзеня 1755 г. да:

турэмнага зняволення «ў вежы цывільнай у нясвіжскай ратушы за кратамі» на працягу 12 тыдняў, пачынаючы ад 2 мая 1775 г.;

выплаты штрафу на карысць ратушы ў памеры 12 рублёў;

выплаты галаўшчыны за загінуўшых дзяцей у памеры 200 злотых.

Радца Стэфан Дамброўскі і пісар Сымон Лаза пазбаўляліся сваіх пасадаў і ім забаранялася займаць у будучым кіруючыя пасады ў гарадскіх органах кіравання; Марцін Маслоўскі застаўся бурмістрам, бо быў супраць суда і такога суролага прысуду Анастасіі Гаварковай. Акрамя гэтага, нясвіжскім войту, прэзідэнту і іншым членам магістрата прадпісвалася пільна сачыць за працаўсудоў магістрата, каб не паўтарыліся вышэйадзначаныя і не было іншых злоўжыванняў [8].

У цэлым неабходна канстатаваць, што мяшчане не лічылі сябе прыгнечанымі. Наадварот, шляхта лічыла мяшчанства канкурэнтамі па меншай меры ў эканамічных пытаннях і ўводзіла прававыя абмежаванні дзейнасці мяшчан. Разам з тым на працягу другой паловы XVIII ст. узнік погляд аб неабходнасці пэўнага далучэння мяшчанства да кіравання краіны і ў сувязі з гэтым у 1791 г. па законе «Аб вольных гарадах» мяшчане атрымалі права, пакуль даволі абмежаванае, на ўдзел у дзяржаўных органах кіравання. Акрамя гэтага з'явіліся заканадаўча зацверджаныя шляхі атрымання шляхецкага звання.

Самым бяспраўным у сучасным разуменні ў феадальным грамадстве ў Беларусі XVI–XVIII стст. было саслоўе сялян. Асноўная частка сялянства была прыгоннай. Хоць трэба прызнаць, што ў Беларусі прыгоннае сялянства ніколі не складала 100% сялянскага саслоўя. На працягу вывучаемага перыяду існавалі асобныя катэгорыі сялянства, якія захавалі асабістую свабоду. Гэта баяры панцырныя і путныя Полаччыны, панцырныя баяры Віцебшчыны, выбранцы Случчыны, ды і сярод іншых катэгорый сялянства: цяглых, чыншавікоў, сялян-рамеснікаў, сялян-прамыславікоў і іншых заўжды існавала праслойка асабіста свабодных сялян. Розніца паміж прыгоннымі і асабіста свабоднымі заключалася ў наяўнасці ці адсутнасці права пераходу ад аднаго пана да другога. Асабіста свабодныя такое права мелі, прыгонныя – не. Праваздольнасць жа сялян была аднолькавай. Сяляне падпадалі пад уладу суда свайго

пана: у дзяржаўных уладаннях – дзяржаўнай адміністрацыі маёнтка, у прыватных маёнтках – панскай адміністрацыі.

Другая палова XVIII – пачатак XIX ст. – перыяд, звязаны ў гісторыі Беларусі з распаўсюджаннем ідэалогіі Асветніцтва, для якой была, між іншым, характэрна прапаганда свабоды асобы, абароны правоў чалавека. Важнай была і ідэя забеспячэння хаця б мінімальна палітычных гарантый і сацыяльных і гаспадарчых правоў усіх людзей, у тым ліку і сялян.

Найбольш вядомымі буйнымі землеўладальнікамі Вялікага Княства Літоўскага на тэрыторыі Беларусі, якія кіраваліся ў сваёй палітычнай і гаспадарчай дзейнасці ідэалогіяй Асветніцтва і прытрымліваліся ідэй французскіх фізіякратаў, былі Іаахім Храптовіч і Ігнат Масальскі. Яны лічылі паншчыну прыніжэннем чалавечай асобы і пераводзілі сялян сваіх уладанняў з «службы цяглай» на грашовую рэнту, умацоўвалі абшчынныя традыцыі ў сваіх маёнтках – уводзілі агульную адказнасць грамады за тых, хто па нейкіх прычынах не змог заплаціць чынш, падтрымлівалі звычаі сялянскай узаемадапамогі пры пажарах і ў іншых крытычных выпадках, ініцыравалі стварэнне ў вёсках страхавых збожжавых складоў (магазінаў) і інш. Па ініцыятыве прыхільнікаў ідэй фізіякратаў адкрываліся школы для сялянскіх дзяцей, яны займаліся гаспадарчай адукацыяй і выхаваннем сялянства (прапагандавалі здаровы лад жыцця, тлумачылі шкоду, якую прыносіла празмернае ўжыванне гарэлкі і інш.). Больш за тое, імкнучыся арганізаваць «справядлівае жыццё» для сялян так, як яно ім бачылася, фізіякраты стваралі ў сваіх маёнтках спецыяльную сістэму кантролю жыцця сялянства, ніжнім звяном якой звычайна былі кантралёры-дзясятнікі, а завяршалася яна «сельскімі судамі», дзейнасць якіх была рэгламентавана землеўласнікам.

Гэта яскрава ілюструе інструкцыю Францішка Сапегі ад 14 красавіка 1795 г. па ўвядзенні сельскіх судаў у сваіх уладаннях – Дзярэчыне, Зэльве, Ружанах, Высокім і інш. [9]. Ідэя ўстанавлення сельскіх судаў узнікла ў сувязі з тым, што складальнік інструкцыі рэальна ацэньваў існуючую сітуацыю ў сялянскім асяроддзі і адзначыў гэта ў тэксце: колькі б адміністрацыя не клапацілася аб паляпшэнні становішча сялян, яны не любяць панскі двор, нянавіць да якога «ўсмоктваюць яшчэ з мацярынскім малаком». Прычынамі гэтага была як малая інфармаванасць сялян аб клопатах панскай адміністрацыі пра іх лёс, так і тое, што часта з сялянамі абыходзіліся не як з людзьмі, «а горш, чым з хатняй жывёлай (быдлам)». Таму аўтар дакумента лічыў, што сяляне маюць падставы адмоўна адносіцца да дваровай адміністрацыі і, каб не дазваляць аканомам несправядліва судзіць і караць сялян, ён уводзіў сельскія суды.

У сувязі з гэтым і ўлічваючы:

што «сялянін цела і душой роўны кожнаму чалавеку, якога Бог узнагародзіў розумам і даў яму магчымасць усведамляць, што ёсць добрае, і што ёсць дрэннае»;

што «не бывае чалавека без віны, а таму і начальства ўстаноўлена ад Бога, каб кожная, нават найменшая, правіннасць была без развагі і шкадавання пакарана»;

што, можна зрабіць селяніна законапаслухмяным рознымі сродкамі, «найперш асветай людзей», а не толькі «неміласэрным біццём».

Ф. Сапега, «клапоцячыся пра здароўе і дабрабыт сялян» як «пан і дабрадзеі для сваіх падданных», уводзіў гэтыя сельскія суды, якія павінны складацца з сялян і разглядаць сялянскія справы.

Узначальваць такі суд павінен быў вясковы войт, які выбіраўся сялянамі і зацвярджаўся панскай адміністрацыяй («такім чынам ён стане першым гаспадаром і першым суддзёй той грамады, у якой з'яўляецца войтам»). У дапамогу войту ў кожнай вёсцы планавалася выбіраць па два гаспадары «богабаяных і вартых даверу, якія б разам з войтам судзілі розныя справы, што ўзніклі б у іх вёсках». Суд надзяляўся паўнамоцтвамі разглядаць практычна ўсе справы, якія маглі ўзнікнуць у вёсцы: ад крадзяжоў і скалечання чалавека да забойства і бунтаў. Разам з тым рашэнні такіх сельскіх судоў павінны былі зацвярджацца адміністрацыяй уладання. Апеляцыі на рашэнні сельскіх судоў падаваліся ў панскі двор, дзе разглядаліся пратэсты па нязначных справах.

Складальнік інструкцыі па ўвядзенні сельскіх судоў падкрэсліваў, што злачынствы і правапарушэнні бываюць розныя, таму і пакаранні павінны адрознівацца і быць адпаведнымі здзейсненым учынкам. Пры гэтым адзначалася, што трэба імкнуцца не ўжываць «біццё», што ўжо ўвайшло ў звычай, а прымяняць дадзены від пакарання толькі ў надзвычайных выпадках. Аўтар інструкцыі заклікаў выкарыстоўваць пакаранні, якія прысаромліваюць чалавека і пераконваюць яго ў шкоднасці парушэнняў, спрыяюць паляпшэнню жыцця («звычай») і «робяць селяніна дабрадзеіным».

Да такіх пакаранняў, з пункту погляду складальніка інструкцыі, адносіліся: ляжанне ў царкве ці касцёле, у адпаведнасці з веравызнаннем падданага, крыжам падчас набажэнства;

выплата ў вясковую касу штрафу;

пазбаўленне магчымасці ўдзелу ў мерапрыемствах сялянскай абшчыны: выключэнне «з кампаніі, калі ўся грамада весяліцца»;

адпрацоўка паншчыны крыўдзіцелем за пакрыўджанага і інш.

Разам з тым неабходна сказаць, што вышэйадзначаныя тэндэнцыі ў плане паляпшэння становішча сялянства з'яўляліся прыватнымі выпадкамі і насілі прагрэсіўны характар на фоне дамініруючых, што склаліся традыцыйна, феадальных парадкаў.

Такім чынам, можна канстатаваць, што на працягу XVI–XVIII стст. ідэя чалавечай годнасці і яго правоў насіла саслоўны характар. Шляхта была носбітам «залатых шляхецкіх вольнасцяў» і ў поўным аб'ёме карысталася ўсімі правамі чалавека ў сучасным разуменні. У той час як мяшчане, маючы, у асноўным асабістую свабоду і пэўныя грамадскія, сацыяльныя, эканамічныя і іншыя правы, не мелі права доступу да кіравання краінай. А сялянства, у большасці сваёй, было залежным, прыгонным і значна абмежаваным у сваіх правах. У гэты час змены ў грамадска-палітычнай думцы накіраваныя на чалавека і яго правоў адбываліся пад уплывам агульнаеўрапейскіх тэндэнцый:

у XVI ст. пад уплывам ідэй рэфармацыі, ідэй натуральных правоў; у другой палове XVIII ст. пад уплывам ідэалогіі Асветніцтва, ідэй французскіх фізіякратаў: прапаганда свабоды асобы, абароны правоў чалавека.

У канцы XVIII ст. эвалюцыйны ход развіцця ВКЛ быў спынены падзеламі Рэчы Паспалітай. ВКЛ як дзяржава, якая існавала з 1569 г. у складзе Рэчы Паспалітай, знікла, як і знікла самастойнасць-аўтаномнасць грамадскага, сацыяльнага і іншага жыцця. Беларусь стала часткай Расійскай імперыі і на яе тэрыторыі стаў паступова ўводзіцца прававы лад дадзенай дзяржавы – з іншымі праблемамі, з іншымі пастаноўкамі тых жа праблем.

Літаратура

1. Голубеў, В. Эвалюцыя саслоўнай структуры грамадства / В. Голубеў // Гісторыя Беларусі: у 6 т. – Мінск, 2008. – Т. 2: Беларусь у перыяд Вялікага Княства Літоўскага. – С. 368–380.
2. Евменов, Л. Достоинство и права человека – это не утопия / Л. Евменов // Наука и инновация. – 2013. – № 2 (120). – С. 62–69.
3. Музей Беларускага Палесся, пом. 4546.
4. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Ф. 1819 (Нясвіжскі магістрат). – Воп. 1. – Спр. 9. Дэкрэтавая кніга 1776–1784 гг. – Арк. 34–36.
5. Статут Великого княжества Литовского 1529 года. – Минск, 1960.
6. Статут Великого княжества Литовского 1566 года // Временник имп. Моск. о-ва истории и древностей российских. – М., 1855. – Кн. 23. – С. 1–242.
7. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Тэкст. Даведнік. Каментарыі / рэдкал.: З. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелСЭ, 1989. – 573 с.
8. Archiwum Głównie Akt Dawnych (Галоўны архіў старажытных актаў) – Archiwum Radziwiłłów (Архіў Радзівілаў). – Dział XV. – Тека 6. – Plik 27. Працэс аб засуджэнні Анастасіі Гаварковай, якую выгналі з горада і ў якой замёрзлі двое дзяцей. – L. 11–17, 19–25.
9. Vilniaus Universiteto Bibliotekos. Rankraščių Skyrius. – Бібліятэка Вільнюскага ўніверсітэта, адзел рукапісаў. Калекцыя інвентароў маёнткаў. – Ф. 4. – Bib. 12069 (A 257). Адміністрацыйна-гаспадарчая дакументацыя Сапегаў (Дзярэчын, Ружаны, г. Высокае), 1795–1796 гг. – S. 93v. – 96v.

ГОДНАСЦЬ ЯК АСНОВА НАЦЫЯНАЛЬНАГА БЫЦЦЯ І САЦЫЯЛЬНАЙ КРЭАТЫЎНАСЦІ

*І. В. Саверчанка,
доктар філалагічных навук, прафесар*

Годнасць – важнейшая катэгорыя сацыяльнай філасофіі і этыкі. Яна мае ўніверсальны характар, ахоплівае шматлікія сферы дзейнасці асобы і жыцця грамадства. Выключную ролю ўніверсальных катэгорый у гісторыі філасофскай думкі і развіцці грамадстваў адным з першых вызначыў Гегель. У заключэнні да «Гісторыі філасофіі» ён пісаў: «Вынікам гісторыі філасофіі з’яўляецца думка, якая ахоплівае ўніверсум, ператварае яго ў інтэлектуальны свет. У катэгорыях (*im Begreifen*) духоўны і прыродны ўніверсумы ўзаемапранікаюць, існуюць як адзіны згарманізаваны ўніверсум. Такім чынам, філасофія ёсць

сапраўдная традыцыя – прымірэннае духу, які спазнаў сябе ў сваёй свабодзе і ў багаці сваёй існасці» [4, с. 513].

Выдатны нямецкі філосаф Імануіл Кант у кнізе «Асновы метафізікі добрачыннасці» (1785) абвясціў маральную філасофію цалкам самастойнай навукай, выключна неабходнай для грамадства [5, ч. 1, с. 219–310]. У працы «Аб адпрыроднай злаблівасці ў чалавечай прыродзе» (1792) І. Кант даводзіў, што мараль дазваляе выразна адрозніваць дабро ад зла, што з’яўляецца падмуркам годных учынкаў і паводзін людзей [5, ч. 2].

З абвясчэннем незалежнасці і ўтварэннем суверэннай і дэмакратычнай Рэспублікі Беларусь у 1991 г. ідэя годнага жыцця грамадзян краіны надзвычай актуалізавалася. У наш час годнае жыццё ўсё больш і больш асацыіруецца з высокім узроўнем дабрабыту людзей, абаронай палітычных свабод і грамадзянскіх правоў асобы.

У іерархіі сацыяльных стандартаў, ядром якіх выступаюць уяўленні грамадзян пра годнае жыццё, галоўнае месца займаюць: права чалавека на працу і вартае ўзнагароджанне вынікаў яго дзейнасці, магчымасць мець належнае харчаванне і жыллё, прыстойнае пенсійнае забеспячэнне ў сталым веку. Вельмі істотны доступ да высокакаснага медыцынскага абслугоўвання незалежна ад месца і рэгіёна пражывання. Для кожнага чалавека надзвычай важна мець магчымасці для паўнавартаснай рэалізацыі яго талентаў і здольнасцей, каб яго канкурэнтныя перавагі забяспечвалі дабрабыт і гарантавалі высокую якасць жыцця.

На сучасным этапе развіцця цывілізацыі грамадзяне імкнуцца жыць і працаваць у тых краінах, дзе пануюць закон і забяспечваецца належны парадак. Надзвычай важнае значэнне мае справядлівая судовая ўлада і эфектыўная праваабарончая сістэма, якія дапамагаюць чалавеку ў складаных сітуацыях, абараняюць яго годнасць і маёмасныя правы. Дзяржаўныя інстытуты і ўлада наогул усведамляюцца людзьмі як галоўныя інструменты, якія мусяць гарантаваць асабістую бяспеку, спрыяць паляпшэнню ўмоў жыцця, абараняць справядлівасць і праўду.

Для годнага жыцця чалавека вельмі важна стабільнасць і грамадскі спакой у краіне. Паразуменне паміж уладай і грамадствам, сацыяльны мір, дыялог канфесій і міжэтнічная згода – галоўныя перадумовы паспяховага развіцця краіны і грамадства, найбольш спрыяльнае асяроддзе для тэхналагічнага прагрэсу, эканамічнага ўздыму і росквіту дзяржавы.

Ва ўсведамленні сучаснага чалавека годнае жыццё немагчыма без навукі, ведаў і адукацыі. Развіццё ў Беларусі тэхнічных і прыродазнаўчых навук у рэчышчы міжнароднай кааперацыі з высокаразвітымі краінамі спрыяе тэхналагічнаму абнаўленню вытворчасці, павелічэнню долі тэхналагічнага ўкладу ў агульнай структуры індустрыі, сельскагаспадарчай вытворчасці, сувязі, транспарту, камунікацый і сэрвісу. Без навукі і сучасных ведаў немагчыма паляпшэнне асяроддзя для жыцця, вырашэнне экалагічных праблем, наступстваў радыёактыўнага забруджвання. Навука спрыяе падрыхтоўцы

беларускага грамадства да пераадолення новых выклікаў, найперш, пошуку і выкарыстання новых крыніц энергіі.

Асаблівую ролю ў канструктыўным развіцці краіны і паспяховым існаванні грамадства адыгрываюць сацыяльныя і гуманітарныя веды. Яны выконваюць шэраг важных сацыяльных функцый: з'яўляюцца бар'ерам на шляху заняпаду і дэградацыі грамадства, служаць фактарам устойлівага, эвалюцыйнага развіцця краіны, стрымліваюць міжэтнічныя і міжканфесійныя канфлікты, змякчаюць сацыяльныя супярэчнасці [10, с. 10–22]. Наогул інтэлектуалізацыя і творчая кампанента – аснова постіндустрыяльнага грамадства, дамінантай якога з'яўляецца нарошчванне чалавечага капіталу, істотнае павелічэнне ўкладанняў у гуманітарныя веды і нацыянальную культуру.

У сучасным свеце годнае жыццё асобы і грамадства немагчыма без далучэння да лепшых здабыткаў нацыянальнай і сусветнай духоўнай культуры – мастацкай літаратуры, тэатра, музыкі, кінамастацтва, народных традыцый [10, с. 23–27]. Турызм і адпачынак – вельмі важныя складнікі здаровага ладу жыцця і баўлення часу для сучаснага чалавека.

Годнае жыццё прадугледжвае забеспячэнне з боку дзяржавы права грамадзян на атрыманне аб'ектыўнай, праўдзівай, усебаковай і поўнай інфармацыі пра жыццё краіны. Бесперашкоднае функцыянаванне сродкаў масавай інфармацыі – электронных і друкаваных, дзейнасць якіх ажыццяўляецца на аснове заканадаўства і адпавядае еўрапейскім і міжнародным стандартам – крытэрыі свабоднага і дэмакратычнага грамадства.

Беларусы выпрацоўвалі ўласнае разуменне годнага жыцця і годных паводзінаў на працягу ўсёй шматвяковай гісторыі, што знайшло адлюстраванне ў нацыянальным фальклору, помніках прыгожага пісьменства, а таксама творах духоўнай культуры, літаратуры і філасофіі.

У *дахрысціянскія* часы паняцце годнага жыцця ўключала суладдзе з прыродай і культ фізічнай сілы. Невыпадкова ў беларускім фальклору абагаўлялася праца на зямлі, апявалася шчодрасць прыроды, культываваліся цнатлівыя адносіны паміж мужчынай і жанчынай [2].

Для перыяду *Сярэднявечча* характэрна надзвычай катэгарычнае і максімалісцкае разуменне годнасці. Інтэлектуалы старажытнага часу распрацавалі комплекс строгіх этычных норм і сацыяльных паводзін, якія, паводле іх меркавання, выступалі ядром годнага жыцця асобы і грамадства.

Так, беларускі пісьменнік-інтэлектуал Кірыла Тураўскі (1110–1182) прапаведваў хрысціянскую міласэрнасць і стрыманасць, паслухмянасць і цярдлівасць. На старонках сваіх твораў пісьменнік заклікаў да духоўнага ўзвышэння, гармоніі з прыродай і космасам, грамадскага сумоўя і сацыяльнага паразумення. Ён справядліва меркаваў, што чалавек павінен імкнуцца да добрай славы, сэнсоўнага зямнога жыцця і несмяротнасці, пазбягаць грахоўных учынкаў і непрыстойных паводзінаў – п'янства, пераядання, пралюбадзейства, гняўлівасці, зайздрасці, паклёпніцтва, ліхварства [1, с. 112–173].

У «Слове на Пяцідзсятніцу» К. Тураўскі заклікаў да сціпласці, стрыманасці, міласэрнасці, шанавання ўсіх людзей, трымання пастоў. Асабліва важна, на яго думку, быць спагадлівым і чулым, ніколі не адмаўляць у міласціне жабракам і абяздоленым.

Беларускі асветнік у «Слове аб прамудрасці» падрэзана пералічыў злыя ўчынкі, звыш трыццаці якіх належыць пазбягаць людзям, каб дасягнуць годнага і дасканаллага жыцця. У прыватнасці, сярод грахоў ён называе: паклёп, абразы, асуджэнне, гняўлівасць, сваркі, бойкі, зайздрасць, варажнечу, злыя задумы, запоі, крадзёж, рабаванне, разбой, душагубства, чарадзеіствы, пралюбадзеіствы. К. Тураўскі заклікаў адмовіцца ад язычніцкіх вераванняў, якія, на яго думку, створаны зайздрослівым Д'яблам.

Цалкам этычнай праблематыцы, выхаванню добрых нормаў і годнаму жыццю людзей прысвечаны твор К. Тураўскага «Парада». У ім асветнік даказваў неабходнасць рэгулярнага чытання духоўных кніг і заклікаў не апускацца да зайздрасці, узаемных нагавораў і п'янства.

Пра неабходнасць развіцця з паганскім ладам жыцця К. Тураўскі піша ў «Слове на узнясенне Госпада». Тут жа ён абгрунтоўвае неабходнасць клопату пра сірот і ўбогіх. Галоўнае ў дачыненнях паміж людзьмі, зазначаў асветнік, – добрыя намеры і ўзаемная павага.

К. Тураўскі першым у беларускай філасофскай і навукова-філалагічнай традыцыі найбольш поўна сфармуляваў галоўную значнасць для годнага жыцця чалавека кніжных ведаў, гуманітарнай навукі і пазнання. У «Прыпавесці пра чалавечую душу і цела, або Пра Сляпога і Бязногага» ён выказаў фундаментальную ідэю інтэлектуальнага прагрэсу, якая прадвызначыла развіццё беларускага грамадства ў напрамку ўзмацнення навук, духоўнасці, літаратуры. Пісьменнік заклікаў чытаць кнігі, якія дазваляюць адчыніць браму вечнага жыцця, знайсці невымоўныя даброты будучага веку.

Паводле слушнай канцэпцыі К. Тураўскага, інтэлектуальная і духоўная праца – шлях да маральнага ўдасканалення асобы. Менавіта веды найбольш стрымліваюць чалавека ад злых учынкаў, адводзяць ад граху. Навука – невычэрпная крыніца жыццёвай энергіі і фізічнага здароўя чалавека. Шлях да сапраўднай славы таксама палягае праз навуку. Яна стварае багацці і дабрабыт, дапамагае пераадольваць жыццёвыя перашкоды. У адпаведнасці з азначэннем К. Тураўскага, навука – вонкава нябачная, але яна – вечная і бясконцая, цвёрдая і трывалая.

На думку К. Тураўскага, адукаваныя людзі абавязаны навучаць іншых, перадаваць набытыя веды, шчодро дзяліцца плёнам уласнага розуму, ні ў якім разе не трапляць у пастку ганарлівасці, інакш Госпад Бог пазбавіць іх таленту і інтэлектуальных здольнасцей. Выключнае месца мысліцель адводзіў святарам і духоўным настаўнікам, якія абавязкова мусілі няспынна набываць і пашыраць кніжныя веды, бо нават уладары, паводле яго слоў, старанна і настойліва імкнуцца да ведаў.

Сярод інтэлектуальна-эстэтычных прыярытэтаў К. Тураўскі вылучаў чатыры найбольш істотныя элементы: набыццё «дару слова», уменне «даступна пісаць», пазбаўленне «замутнёнасці розуму» і пераадоленне «грубасці мовы». У «Прыпавесці пра чалавечую душу і цела, або Пра Сляпога і Бязногага» пісьменнік, звяртаючыся да слухачоў, наступным чынам пісаў пра ўласныя разумовыя здольнасці і творчыя прынцыпы: «Слухайце ўважліва! Мы ладам гутарку павядзем, а вы ўважліва сачыце. Хоць і замутнёны розум мой і грубая мая мова, але, пакладаючыся на вашы малітвы, прашу дару слова! Напэўна, я не варты разважаць аб тых глыбокіх рэчах, але дзеля карысці слухачоў – напішу. Калі нехта мае злыя намеры, дык ён не шукае добра, а толькі займаецца тым, каб нечым зняважыць мяне і пап'якнуць» [1, с. 134].

Папулярнасьці этычнай дактрыны К. Тураўскага ў найбольшай ступені служыла вобразная сістэма яго твораў. На старонках празаічных і вершаваных твораў майстар слова стварыў яркія і запамінальныя вобразы гістарычных персанажаў і святых. Пісьменнік аддаваў перавагу ацэначнаму прынцыпу вобразатворчасці, пералічваючы заслугі і вартасці сваіх герояў, характарызуючы іх дзейнасць і ўчынкi.

У «Жыцці Еўфрасінні Полацкай» створаны станоўчы мастацкі вобраз як прыклад годнага жыцця для кожнага чалавека. Так, галоўная гераіня твора – Прадслава (Еўфрасіння) – узорная хрысціянка. Ад нараджэння яна надзелена моцнай воляй. Мае выключныя схільнасці да навукі, аб чым красамоўна сведчыць адзін з яе маналагаў, дзе гераіня кажа: «Узяла адно што кнігі з усёй маёмасці. Кнігамі суцяшаецца мая душа і сэрца весяліцца». Еўфрасіння здольная самастойна, насуперак жаданням іншых, вырашыць свой лёс. Яе выбар свядомы і канчатковы. Еўфрасіння мае Божы дар пераканання іншых, здольнасць давесці сваю правату, схіліць на свой бок. Асабістымі ўчынкамі яна ва ўсім імкнецца быць падобнай на Сына Богага Ісуса Хрыста. Думкі Еўфрасінні – светлыя, пачуцці – стрыманыя, розум – разважлівы. Яе сэрца перапоўнена любоўю да людзей і да Бога. Еўфрасіння прагне прымірэння ўсіх станаў – князёў з баярамі, баяраў са шляхтай, заможных з простымі людзьмі. Урэшце, нават смерць гераіні – прыклад хрысціянскага стаўлення да драматычнай таямніцы. У яе сэрцы пануе не адчай, не страх, а спакой і суцішанасць ад чакання вечнага знаходжання душы ў Нябесным Царстве [1, с. 69–88].

Значны ўклад у распрацоўку канцэпцыі годнага жыцця ўнёс Клім Смаляціч. У «Пасланні да прасвітара Фамы» пісьменнік-інтэлектуал найперш акрэсліў місію духоўных асоб і інтэлектуалаў. Паводле яго слушнага меркавання, іх прызначэнне палягае ў пошуку ісціны. Менавіта ісціна, а не прага славы, улады ці папулярнасці, даводзіў Клім Смаляціч, з'яўлялася пуцяводнай зоркай для яго самога. Вельмі каштоўнымі, на думку беларускага інтэлектуала, з'яўляліся веды антычных мысліцеляў – Гамера, Арыстоцеля, Платона. Таму іх варта грунтоўна за-свойваць побач з Бібліяй і творамі айцоў царквы [1, с. 181–189].

У другой частцы «Паслання...» К. Смаляціч гаварыў аб неабходнасці для паўнавартаснага жыцця грамадства засваення досведу і адкрыццяў, зробле-

ных людзьмі на працягу тысячагоддзяў. Паводле яго меркавання, сістэма рацыянальных ведаў, пазнанне прыроды, уласцівасцей розных рэчаў і цудадзейных з’яў – выяўленне Божай волі. Паводле гнэсеалагічнай канцэпцыі Кліма Смаляціча, прырода і жывёльны свет могуць шмат чаму навучыць людзей. На яго думку, спасціжэнне ўласцівасцей прыроды ўзбагачае чалавека, адкрывае перад ім новыя магчымасці.

У «Павучанні аб любові» К. Смаляціч абгрунтаваў думку аб тым, што фундаментальным канцэптам хрысціянскай этыкі з’яўляецца асноватворны канцэпт «любові». Паводле яго меркавання, паняцце «любові» ўключае шмат значэнняў – шанаванне Бога, павагу да вернікаў, сардэчнасць у дачыненні да дзяцей, каханне да жанчыны.

Старажытныя летапісцы і пісьменнікі-прапаведнікі заклікалі князёў і валадароў да згоды і ўзаемаразумення, што з’яўлялася асновай годнага жыцця людзей. Асабліва паказальна ў гэтым сэнсе «Слова пра князёў». На старонках твора намаляваны вобраз ідэальнага ноўгарад-северскага князя – Давыда Святаславіча, які ўмеў ладзіць з суседнімі князямі, жыць з імі ў міры і сяброўстве. На думку аўтара «Слова...», ён павінен быў служыць добрым прыкладам для ўсіх усходнеславянскіх князёў [1, с. 108–111].

У эпоху Рэнэсансу і Барока зарадзілася гуманістычнае разуменне годнага жыцця і годных паводзін. Вышэйшай праявай годнасці Ф. Скарына лічыў служэнне свайму народу і краіне. Айчына, родны Полацк, беларускі народ – крыніца натхнення, галоўная тэма і асноўныя вобразы яго твораў [12]. Патрыятычная тэматыка наогул займала ключавое месца ў творах Ф. Скарыны. Яго заклік да сучаснікаў шанаваць Бацькаўшчыну і мову вельмі сугучны духу ўсяго еўрапейскага Рэнэсансу. Як духоўны заповіт нашчадкам гучаць і сёння надзённыя словы асветніка з «Прадмовы да кнігі «Юдзіф», пра святое пачуццё Радзімы, уласцівае ўсім жывым тварэнням: «Понеже от приречения звери, ходящие в пустыни, знают ямы своя; птици, летающие по въздуху, ведают гнезда своя; рыбы, плывающие по морю и в реках, чувють виры своя; пчелы и тым подобная – боронять ульев своих, – тако ж и люди, и где зродилися и ускармлиены суть по Бозе, к тому месту великую ласку имають» [13].

Самаадданае, ахвярнае служэнне сваёй краіне, роднай Айчыне – найважнейшы абавязак усіх сумленных грамадзян. Ухваліўшы подзвіг Юдзіф, якая рызыкавала ўласным жыццём дзеля свайго народа, Ф. Скарына заклікаў суайчыннікаў часцей прыгадваць яе гераічны чын, чытаць твор як найлепшы ўзор для пераймання.

Адна з галоўных ідэй і вызначальных чыннікаў годнага жыцця, паводле Ф. Скарыны, – веліч матчынай мовы. У прадмовах і сказаннях да біблейскіх кніг асветнік пры кожным зручным выпадку падкрэсліваў, што Святое Пісьмо ён пашырае на той мове, з якой яго «літасцівы Бог на свет пусціў». Філалагічная канцэпцыя Ф. Скарыны пацвярджае рэнэсансавы лад яго мыслення. Існанне шматлікіх моў пісьменнік лічыў не Божым пакараннем, а найважнейшым набыткам цывілізацыі. Патрыятычныя ідэі асветніка, сфармуляваныя ім да-

кладна і аргументавана, сталі найважнейшым элементам усёй яго светапогляднай сістэмы. Яны гальванізавалі працэсы нацыянальнай кансалідацыі, стваралі трывалы падмурак для станаўлення гуманістычнага грамадства. Пры гэтым асветнік лічыў, што падмуркам годнага жыцця асобы з'яўляюцца мірныя дачыненні беларусаў з суседзямі. Не выпадкова ён заставаўся паслядоўным прыхільнікам узаемаразумення паміж усімі народамі.

Як пачынальнік рэнесанснай думкі ў Беларусі Ф. Скарына адстойваў неабходнасць для годнага жыцця кожнага чалавека і ўсяго грамадства шырокай адукацыі, мудрасці і ведаў. Ён сфармуляваў вельмі важныя гнэсалагічныя ідэі, што істотна ўзбагацілі тэорыю пазнання. Найвышэйшай мудрасцю і вяршыняй ведаў ён лічыў самапазнанне, спасціжэнне загадкавай прыроды людзей, выяўленне місіі чалавека на зямлі, асэнсаванне таямніцы смерці. У «Прадмове да кнігі «Іоў» Ф. Скарына адзначаў: «Менавіта таму, я, Францішак, Скарынін сын з Полацка, у лекарскіх навуках доктар, ведаючы аб тым, што ў кнізе «Іоў» ёсць найвышэйшая мудрасць разважання пра смерць і спасціжэння самога сябе, загадаў друкаваць яе рускаю моваю дзеля славы Госпада і навучання людзей» [12, с. 37–38].

Ф. Скарына падкрэсліваў, што без ведаў, мудрасці, розуму, навукі і адукацыі намагчымы прагрэс грамадства, удасканаленне чалавека, дасягненне грамадскай гармоніі, міру і шчасця. У «Прадмове да кнігі «Ісус Сірахаў» ён, падкрэсліваючы прызначэнне перакладзенага твора, піша: «Таму і я, дзеля пахвалы Бога, дзеля агульнага добра, пашырэння мудрасці, ведаў, абазнанасці, розуму і навукі прыклаў намаганні перакласці гэтую кнігу на беларускую мову. Бо яна напісана была дзеля нашага навучання» [12, с. 45]. Да авалодання навукамі і «кніжнай мудрасцю» Ф. Скарына неаднаразова заклікаў чытачоў. У «Прадмове да кнігі «Суддзі Ізраіля» Ф. Скарына акрэсліў місію адукаваных людзей – пастыраў і дактароў, якія мусяць нязменна навучаць людзей супрацьстаяць спакусам Д'ябла.

У пашырэнні асветы, ведаў, адукацыі Ф. Скарына бачыў шлях духоўнага ўдасканалення кожнай асобы, аснову імклівага развіцця нацыі і ўсяго грамадства: «Без мудрасці і без добрых парадкаў, – падкрэсліваў гуманіст, – нельга людзям паспалітым жыць на зямлі!» Вельмі высока ацэньваў Ф. Скарына «Прытчы» цара Саламона, паўтараючы за іх стваральнікам словы, што высока ўзнісілі чалавечую мудрасць. Захопленая і ўзнёсла Ф. Скарына пісаў пра значнасць для людзей кнігі Філона-філосафа, з характэрнай назвай «Прамудрасць Божая», якая ўваходзіла ў склад «Бібліі». У «Прадмове да кнігі «Прамудрасць Божая» асветнік акцэнтаваў увагу на тым, што менавіта веды, пазнанне, мудрасць з'яўляюцца найважнейшымі каштоўнасцямі, галоўнымі чыннікамі пазітыўнага развіцця грамадства.

Ф. Скарына сфармуляваў рэвалюцыйную для свайго часу сацыяльную і этычную дактрыну, накіраваную на забеспячэнне годнага жыцця людзей. Сістэма каштоўнасцей беларускага асветніка ахоплівала найважнейшыя сферы жыцця грамадства і дзейнасці канкрэтнай асобы: сямейныя дачыненні –

паміж мужам і жонкай, бацькамі і дзецьмі, комплекс узаемаадносін паміж гаспадарамі і падданымі, урадоўцамі і шэраговымі грамадзянамі.

Этычная канцэпцыя Ф. Скарыны таксама ўключае такія важныя палажэнні, як узаемапавага і шанаванне правоў чалавека, навучанне добрым нормам, павага да народных традыцый, імкненне да святасці і чысціні ва ўсіх учынках. Ён разважае пра таямніцу шлюбу і прыроду клятвы, заклікае да гуманнага стаўлення да навакольнага свету. Як паслядоўны гуманіст Ф. Скарына аддаваў перавагу не дзяржаве і ўладным інстытутам, а чалавеку, з яго багатым духоўным светам, інтэлектам, пачуццямі і памкненнямі. У аснове светапогляду беларускага філосафа ляжыць ідэя прыярытэту асобы над дзяржавай.

Духоўна-інтэлектуальныя пошукі і жыццёвы досвед вялікага палачаніна прывялі яго да пераканання, што найвышэйшай каштоўнасцю на зямлі з'яўляецца чалавек і яго годнае жыццё. Ідэал Ф. Скарыны – гарманічная, дзейная, свабодная асоба, якой уласціва імкненне да самаўдасканалення, развіцця розуму, асоба, якая прагне ўсталявання справядлівага свету – «научившись мудрости, добре жить на свете». Місія чалавека на зямлі палягае на тым, каб скарыстаць дадзены прыродай талент для памнажэння агульнага дабра. У «Прадмове да «Першага паслання Паўла да карынянаў» Ф. Скарына ўслед за вялікім хрысціянскім настаўнікам паўтарае: «Як усе ўласціваці цела ў сукупнасці дапамагаюць чалавеку, так і кожны чалавек павінен дадзены яму талент скарыстоўваць дзеля памнажэння агульнага дабра. Каб шанавалі ўсіх і любілі, бо гэта найвялікшы Божы дарунак, без якога нічога не здзейсніцца» [12, с. 81].

Беларускі гуманіст, адзначаючы разнастайнасць захапленняў і зацікаўленняў людзей, прызнаваў за асобай права на ўласны жыццёвы выбар, аб чым красамоўна сведчаць яго сентэнцыі: «Як вядома, усе людзі на свеце скіроўваюць свой розум і сэрца на пэўныя рэчы. Адны – на царствы і панаванне. Другія – на багацці і скарбы. Трэція – на мудрасць і навуку. Чацвёртыя – на цялесную моц і прыгажосць. Пятыя – на набыццё маёмасці і шматлікіх статкаў. Шостыя – на шчодрыя яствы і неўтаймаваныя пралюбадзействы. Іншыя – на дзяцей, на сяброўства, на службу, на вайсковыя поспехі і многія іншыя рэчы. Такім чынам, кожны чалавек мае штосьці такое, што больш за ўсё астатняе яму даспадобы» [12, с. 47]. Сцвярджаючы думку пра першаступенную значнасць на зямлі грамадзянскіх свабод асобы, Ф. Скарына адзначаў, што самае галоўнае для ўсіх людзей – «навучыўшыся мудрасці, добра жыць на свеце!»

Антрапалогія Ф. Скарыны ўключала фундаментальную праблему «граху» і «пакаяння». Паводле канцэпцыі асветніка, грахі аслабляюць чалавека, умацняюць яго ворагаў. Пакаянне – надзейны шлях да духоўнага і фізічнага ўдасканалення. У «Прадмове да кнігі «Судзіяў Ізраілевых» Ф. Скарына акурат зазначаў: «Егда грешимо пред лицом Божиим – укрепляются врази наши душевныи, яко суть диаволы, и телесныи, яко суть – поганы. И внегода каемся грехов своих, то посылает нам Господь Бог пастырей и докторов, они же научают нас противитися бесовским покусам. Теже князей и воевод добрых, иже боронят нас от рук поганских» [14, арк. Задв.].

Ф. Скарына адным з першых на ўсходнеславянскіх землях на поўны голас загаварыў пра тое, што годнае жыццё чалавека мае непасрэдную сувязь з усведамленнем самакаштоўнасці кожнага з народаў. Таму ён заклікаў захоўваць тое лепшае, што створана ўсімі пакаленнямі людзей. Асветнік марыў пра такі парадак у свеце, дзе будуць панаваць – мір, справядлівасць, узаемапавага, роўныя магчымасці для ўсіх людзей. Паводле яго слоў, ідэальным з’яўляецца тое грамадства, дзе існуе «роўная свабода всем, общее именованіе всех».

Ф. Скарына паслядоўна абараняў думку аб тым, што годнае жыццё можа быць дасягнута толькі ва ўмовах *прававой дзяржавы*, місія якой палягала ў тым, каб гарантаваць годнае жыццё кожнаму чалавеку і ўсяму грамадству. Вялікі гуманіст у прадмовах, пасляслоўях і сказаннях настойліва праводзіў думку пра неабходнасць рэгулявання законамі ўсіх сфер грамадскага жыцця: «Чалавечая натура рэгулюецца двума чыннікамі: Госпадам Богам, гэта значыць законамі прыроды і пісанымі законамі» [12, с. 56]. Сутнасць «прыроджанага закону», на яго думку, заключаецца ў тым, каб не чыніць людзям таго, чаго сам не жадаеш мець ад іх.

Паводле слушнага меркавання Ф. Скарыны, асаблівая роля ў грамадстве належала агульнаму, міжнароднаму, дзяржаўнаму, рыцарскаму, купецкаму, сямейнаму і крымінальнаму праву. Беларускі асветнік упершыню поўна і аб’ёмна акрэсліў фундаментальнае прызначэнне, місію заканадаўства. На яго думку: «Створаны правы або законы дзеля дзвюх мэтай. Каб злыя людзі, баючыся пакарання, стрымлівалі безадказнасць сваю і не мелі моцы шкодзіць іншым» [12, с. 58–59]. Кожны закон, сцвярджаў асветнік, мусіць адпавядаць традыцыям народа, быць справядлівым, грунтоўным, даступным, накіраваным на агульную карысць.

Ф. Скарына слушна лічыў, што годнае жыццё асобы шмат у чым залежыць ад развітасці судовай сістэмы ў краіне, якая мусіць забяспечваць парадак і справядлівасць у грамадстве і ў дачыненнях паміж людзьмі. На яго думку, менавіта справядлівыя суды павінны стаць галоўнымі інстытутамі ўлады ў дзяржаве, знаходзіцца вышэй за манархаў і духоўных іерархаў. Такое разуменне асветнік выказаў у «Прадмове да кнігі «Судзі Ізраіля», дзе паведамляў пра логіку і паслядоўнасць Божлага ўпарадкавання Ізраіля. Бог там спачатку прызначыў акурат суддзяў, а затым – цароў і, урэшце, жрацоў.

Істотнае месца ў інтэлектуальным дыскурсе Ф. Скарыны цалкам слушна належала катэгорыі «згоды» паміж людзьмі і саслоўямі, што з’яўлялася трывалым фундаментам годнага жыцця. Асветнік нязменна выступаў як паслядоўны прыхільнік грамадскага і сацыяльнага паразумення. Паводле яго слушнага разумення, згода – прыносіць дабро і парадак, а нязгода («распря») – асноўная прычына разбурэнняў і бязладдзя, якія могуць прывесці да знікнення самых магутных дзяржаў. Канцэптуальныя падыходы да гэтай фундаментальнай сацыяльнай праблемы пісьменнік сфармуляваў у каментарыях да «Першага паслання Паўла да карынянаў», дзе ён літаральна пісаў: «Найперш Павел піша аб згодзе, з якой усё добрае прыходзіць усяка-

му гораду і кожнай супольнасці. Бо нязгода нават самыя магутныя царствы разбурае» [12, с. 80].

Паводле Ф. Скарыны годнае жыццё людзей немагчымае без *свабоды сумлення* і паразумення паміж канфесіямі. Асветнік прапанаваў умераны шлях урэгулявання міжканфесійных і міжцаркоўных спрэчак. Аналіз зместу яго прадмоў, пасляслоўяў і надпісаў да раздзелаў, а таксама асаблівасці яго перакладаў біблейскіх твораў паказваюць на тое, што славыты гуманіст быў актыўным прыхільнікам і прапагандыстам ідэі царкоўнай і канфесійнай уніі ў межах хрысціянства. Беларускі асветнік лічыў цалкам пераадольнымі адрозненні паміж Каталіцкім Касцёлам і Праваслаўнай Царквой. Шматлікія выказванні Ф. Скарыны красамоўна сведчаць пра яго захопленасць якраз ідэяй задзіночання Хрыстовай Царквы ці, прынамсі, глыбокага міжканфесійнага паразумення і дыялогу.

Істотны ўклад у развіццё тэорыі годнага жыцця зрабіў Сымон Будны – яркі пісьменнік-публіцыст і філосаф, аўтар некалькі бліскучых філасофска-публіцыстычных трактатаў. Галоўнае месца на старонках твораў С. Буднага займала этычная праблематыка, сістэма каштоўнасцей і духоўных арыенціраў чалавека, якая якраз была шчыльна знітаная з паняццем годнасці. Зыходны момант этыкі пісьменніка-інтэлектуала – адрозненне найвышэйшых маральных законаў, дадзеных Богам у 10 заповедзях Майсея, а затым паўтораных Ісусам Хрыстом, ад законаў, устаноўленых самімі людзьмі. Божыя законы, сцвярджаў гуманіст, у параўнанні з чалавечымі, найбольш дасканалыя, бо прадугледжваюць пакаранне не толькі за злачынныя справы, але і за благія намеры. У «Катэхізісе» 1562 г. ён падрабязна вытлумачыў сэнс кожнай заповедзі і паказаў, што тых, хто не выконвае іх, чакае жорсткае пакаранне. Як сапраўдны гуманіст С. Будны крытыкаваў пралюбадзействы, блюзнерскія ўчынкі, заклікаў да пашаны бацькоў і старэйшых.

У сваіх публіцыстычных творах С. Будны даводзіў, што годнае жыццё можа быць дасягнута толькі шляхам вырашэння ключавых палітыка-прававых праблем: аптымальнай арганізацыі жыцця грамадства, функцыянавання дзяржавы і ўрадавых структур, узаемадачынненняў розных станаў, адносін да прыватнай уласнасці. С. Будны ў першую чаргу выступаў супраць несправядлівых войнаў. «Не кажнай войны, – пісаў ён, – хрысціянин служити может. Бо часом война бывает не праведная. Яко коли тыран или мучитель какой гордый не переставаючи на своем паньстве, чужие города, княства или земли силою забирает, таковое войны служити христианину не годится. Бо таковая война ест разбой. Опять, справедливая война ест – коли не для гордости, не для лакомства, але для обороны пределов своих король или князь оружие противу врагом своим беретъ» [3, арк. 80–80адв.].

Імкнучыся абараніць права на годнае жыццё, С. Будны распрацаваў базавыя прынцыпы тэорыі сацыяльнай справядлівасці і грамадскай гармоніі, выказаў шэраг арыгінальных ідэй і прапаноў, накіраваных на ўрэгуляванне ўзаемадачынненняў паміж беднымі і багатымі. Інтэлектуал найперш адкінуў

вучэнне камуністаў XVI ст. – Якуба з Калінаўкі, Пётры Гоняда, Марціна Чаховіца і іншых, якія заклікалі да ліквідацыі прыватнай уласнасці і патрабавалі ўсеагульнай роўнасці. Пазнаёміўшыся з асноўнымі тэзісамі іхняга вучэння, беларускі асветнік заявіў пра яго гістарычную неперспектыўнасць і прапанаваў уласную мадэль развіцця грамадства, а таксама аптымальны механізм яго рэгулявання, які прадугледжваў мірнае суіснаванне розных станаў. У «Катэхізісе» і «Апісанні сінода ў Іўі 1568 года» С. Будны паказваў непазбежнасць сацыяльнай іерархіі ў грамадстве, сцвярджаючы, што ані Ісус Хрыстос, ані апосталы ніколі не патрабавалі знішчэння багатых і прыватнай уласнасці. Кожны чалавек, падкрэсліваў ён, можа мець маёмасць любых памераў, абы яна набывалася сумленным шляхам.

С. Будны ўзняўся над традыцыйнымі ўяўленнямі пра цымус улады, зрабіўшы прыкметны адкрыццё ў тэорыі дзяржавы. Асветнік пераканаўча давёў, што ў тых выпадках, калі ад улады зыходзіць зло, то вінавата не ўлада наогул, а канкрэтныя людзі, што карыстаюцца ёю не дзеля грамадскай карысці, а з мэтай задавальнення ўласных амбіцый. Улада і ўрадавыя пасады ні пры чым, сцвярджаў С. Будны, калі канкрэтныя ўрадоўцы ператвараюцца ў жорсткіх тыранаў. Галоўная мэта, прызначэнне ўсякай улады і найвышэйшае апраўданне яе існавання, на думку С. Буднага, – дасягненне спакою ў гаспадарстве, захаванне правоў усіх грамадзян, абарона інтарэсаў кожнай асобы і ўсяго грамадства [3, арк. 57–57адв.].

Аднак С. Будны бачыў недахопы і заганы тагачаснай дзяржавы, якія замінаюць годнаму жыццю людзей. Пры гэтым філосаф не кідаўся ў другую крайнасць і не патрабаваў на ўзор іншых яе ліквідацыі, а прапаноўваў эвалюцыйны шлях пераўтварэнняў грамадства і ўдасканалення дзяржавы, перадусім, шляхам укаранення ў жыццё шэрагу гуманістычных прынцыпаў, на якіх, згодна з яго тэорыяй, павінны будавацца ўзаемаадносіны паміж носьбітамі ўлады – урадоўцамі і ўсімі шэраговымі грамадзянамі – падданымі Вялікага Княства Літоўскага.

С. Будны распрацаваў аптымальную мадэль узаемных абавязкаў і правоў паміж урадоўцамі і шэраговымі грамадзянамі, што з'яўлялася асновай годнага жыцця. Усе прадстаўнікі ўлады – вялікія князі, ваяводы, кашталяны, старасты, гетманы, канцлеры, падканцлеры, падскарбіі, суддзі жаўнеры у адпаведнасці з вучэннем С. Буднага, з'яўляліся слугамі Божымі, ягонымі памазанцамі (абраннікамі) і пастаўленымі ім пастарамі. З другога боку, шэраговыя грамадзяне, шляхта юрыдычна, паводле права, з'яўляюцца падданымі найвышэйшага гаспадара – вялікага князя. Яны мусяць безагаворачна падпарадкоўвацца яму і прызначаным ім урадоўцам, выконваць без прэрэчанняў усе загады і распараджэнні.

Строгае выкананне шэраговымі грамадзянамі сваіх абавязкаў і высокая адказнасць урадоўцаў, адчуванне імі важкасці сваёй місіі акурат і давалі, на думку беларускага асветніка, гарантыі спакою ў дзяржаве, стваралі найбольш спрыяльныя варункі для развіцця грамадства і годнага жыцця людзей.

Асабліва палымяна С. Будны выступаў у абарону свабоды думкі і слова – асноўных складнікаў годнага жыцця асобы і грамадства. Філасоф абураўся жорсткасцю і бесцырымоннасцю цензуры, што мела месца ў Каталіцкім Касцёле і паступова ўводзілася ў Пратэстанцкім зборы. Усялякае прыцясненне духу, прыніжэнне і падаўленне асобы гуманіст прыраўноўваў да найвялікшага зла. Праціўнік усялякіх крайнасцей, залішняй ідэйнай нецярыпнасці і радыкалізму, С. Будны раіў кіравацца ў жыцці найчасцей прынцыпам «залатой сярэдзіны», шукаць грамадскай згоды, яднацца дзеля пераадолення цяжкасцей, заўжды адчуваючы пры гэтым прыгажосць быцця і гармонію Сусвету.

На ідэю годнага жыцця ў творах С. Буднага працавала канцэпцыя антрапацэнтрызму – уяўленняў аб чалавеку як галоўнай каштоўнасці на зямлі. С. Будны палымяна заклікаў, каб кожны чалавек, жывучы з Божым страхам у душы, заўжды памятаў пра надыход суднага дня, усе свае ўчынкі ўзгадняў з Хрыстовымі заповедзямі, ні пры якіх акалічнасцях не апускаў рукі, не губляў надзеі на выратаванне, не бавіў час у адчай і распачы, а вызнаваў сапраўдную веру, чынніў добрыя справы, што і з’яўляецца галоўнай умовай набыцця Нябеснага Царства і вечнага жыцця.

Адметнае разуменне годнага жыцця асобы і грамадства выказаў Леў Сапега – надзвычай таленавіты беларускі публіцыст і дзяржаўны дзеяч. Яго пісьмовая спадчына ўключае вялікі корпус філасофска-публіцыстычных і празаічных твораў. Годнае жыццё Л. Сапега звязваў з ідэяй дзяржаўнага патрыятызму, паказваючы асабісты прыклад магнатам і шляхце. Так, у сакавіку 1585 г., калі польскія магнаты пачалі беспадстаўна атрымліваць каралеўскія прывілеі на землі Вялікага Княства Літоўскага, вернутыя беларускім рыцарствам пад час баталій з Маскоўскім княствам, Л. Сапега рэзка асудзіў эканамічна-маёмасныя прэтэнзіі палякаў. Ён даказваў абсалютнае права беларускага гаспадарства на набытыя тэрыторыі [17, с. 178–179]. Пазіцыя Л. Сапегі была бескампраміснай і выразна патрыятычнай. У лісце да К. Радзівіла ад 31 студзеня 1588 г. Л. Сапега абураўся паводзінамі палякаў і іх прэтэнзіямі на Інфлянцкія землі [11, с. 189].

Ідэя годнага жыцця ў Л. Сапегі асацыяравалася з пабудовай прававой дзяржавы, сутнасць якой у тым, каб у краіне панавалі закон, парадак і справядлівасць, а не сваволя манархаў. Звяртаючыся да жыхароў ВКЛ, ён палымяна пераконваў суайчыннікаў засвойваць права, жыць паводле законаў, бараніць праўду і даваць адпор крыўдзіцелям.

Л. Сапега справядліва даводзіў, што для годнага жыцця выключна набыта сацыяльнае сумоўе. Менавіта таму ён заклікаў апанентаў вырашаць канфлікты не зброяй, а праз дыялог і ўзаемныя саступкі. Вельмі красамоўным у гэтым плане з’яўляецца ліст Л. Сапегі да князя К. Астрожскага ад 10 верасня 1595 г., у якім якраз утрымлівалася парада князю ўстрымацца ад публічных пагроз у адрас царкоўных іерархаў. Л. Сапега настойліва рэкамендаваў свавольнаму князю выяўляць стрыманасць пры падрыхтоўцы міжцаркоўнага пагаднення, загадваў спыніць пераслед уладзімірскага епіскапа І. Пацея.

Канцлер прасіў, раіў, папярэджаў і тлумачыў: «Кароль – вярхоўны гаспадар і абаронца ўсіх духоўных асоб – як Рымскай, гэтак і Грэчаскай веры – не дапусціць, каб хто-небудзь чыніў зло. Ягомасць кароль хоча і будзе бараніць усіх ад любога гвалту, крыўды і ўціскаў» [11, с. 113–115].

Важнай перадумовай годнага жыцця, на думку Л. Сапегі, з’яўляліся міжканфесійны мір і рэлігійная талеранцыя. Як паслядоўны гуманіст ён неаднаразова засцерагаў рэлігійных дзеячаў ад крайніх учынкаў, спроб прымусам вырашаць міжцаркоўныя супярэчнасці. Так, ён асудзіў раскольніцкую дзейнасць праваслаўных епіскапаў Г. Балабана і З. Капысцінскага, іх непадпарадкаванне мітрапаліту і манарху.

Ідэя годнага жыцця знайшла ўвасабленне ў творчай спадчыне Іпація Пацея – выдатнага публіцыста і пісьменніка-палеміста. На думку філосафа, аптымальнае вырашэнне ўзаемадчынненняў паміж свецкай і духоўнай уладамі дазволіць людзям дасягнуць годнага жыцця. Пісьменнік адкрыта і ў рэзкай форме выказваўся супраць намераў свецкіх паноў і магнатаў непадзельна кіраваць святарамі. Дыктат над духоўнымі асобамі недапушчальны, меркаваў інтэлектуал, бо гэта знявага Царквы, ігнараванне Божай навукі, здзек з заветаў Хрыста, што з’яўляецца падмуркам і пачаткам поўнага заняпаду Хрысціянства [18, с. 183–184]. Сутнасць дактрыны І. Пацея палягала ў тым, каб духоўныя справы цалкам залежалі ад волі святароў, вырашаліся выключна духоўнымі асобамі, а свецкія людзі ішлі за імі без ваганняў, «бо лепш ведае пастыр, што авечкам карысней».

У крызісны для Беларусі час І. Пацей, імкнучыся абараніць прынцып годнага жыцця для ўсіх жыхароў краіны, агучыў ідэю роўнасці грамадзянскіх і палітычных правоў для людзей свецкага і духоўнага станаў. Так, ён запатрабаваў, каб святарам усходняга абраду быў нарэшце адкрыты прававы шлях у Раду – найвышэйшы орган выканаўчай улады Вялікага Княства Літоўскага [18, с. 187]. Пазіцыя І. Пацея найбольш адпавядала гістарычным рэаліям, бо магнаты ў сваіх паводзінах і ўчынках кіраваліся перадусім матэрыяльнымі інтарэсамі, прагай паляпшэння ўласнага дабрабыту – прыбытковымі пасадамі, урадлівымі землямі, шчодрымі лясамі і пушчамі, раскошнымі маёнткамі. Канфесійныя пачуцці, інтарэсы Царквы знаходзіліся ў іх на дзясятым месцы, ці, прынамсі, зусім не дамінавалі ў іх дзейнасці.

І. Пацей выступіў у абарону грамадскага дыялогу і паразумення станаў, выдатна ўсведамляючы, што гэта адзіны шлях да годнага жыцця людзей. Інтэлектуал не прымаў і рэзка асуджаў анархію, хаос. Ён востра раскрытыкаваў віленскіх рамеснікаў, якія, апанаваныя прагай барацьбы, перасталі займацца сваёй непасрэднай справай, «адклалі на бок дратву, ножніцы і шыла» ды пачалі на свой розум, замест тэолагаў, тлумачыць Біблію. Сацыяльныя супярэчнасці, канфесійныя непаразуменні і міждзяржаўныя канфлікты, паводле непакіснага пераканання гуманіста, лепш за ўсё пераадольваць мірным шляхам – праз перамовы і ўзаемныя саступкі. Спрадвечную дылему, што лепей – справядлівая вайна або кепскі мір, ён без ваганняў развязаў на карысць міру.

Вайна, паводле слоў асветніка, «выварочвае грунт» пад нагамі народа і дзяржавы [9, с. 1055]. Аднак І. Пацей зусім не быў пацыфістам. У сваіх сцвярджэннях ён кіраваўся логікай здоровага сэнсу, які падказваў яму аптымальную мадэль суіснавання станаў.

Праблему годнага жыцця асобы і грамадства вельмі глыбока распрацоўваў Сімяон Полацкі. У вершаваных і праязных творах С. Полацкі сфармуляваў уласную этычную дактрыну, якая ўключала сістэму базавых канцэптаў, што вынесены ў загалюкі многіх вершаў: «Годнасць», «Сяброўства», «Стрыманасць», «Праца», «Славалюбства», «Паклёп», «П'янства», «Хабарніцтва», «Згода» [15, с. 582–592]. Паэт выкрываў амаральныя паводзіны і ўчынкі. У вершы «Двурушнасць» ён асудзіў крывадушнасць і няшчырасць, якія разбураюць асобу.

Пісьменнік-інтэлектуал і філосаф наогул шмат разважаў пра годнае жыццё чалавека і грамадства. Яго антрапалагічная канцэпцыя найбольш поўна выкладзена ў казаннях: «Слова пры пахаванні саноўнага чалавека», «Слова пры пахаванні сумленнага чалавека», «Слова пры пахаванні ваяра», «Слова пры пахаванні дабрачыннага чалавека», «Слова пры пахаванні сумленнай жанчыны», «Слова ў дзень найпадобнага Аляксея». У «Слове ў дзень новага лета» пісьменнік падкрэсліваў асаблівую місію чалавека на зямлі, яго выключнае месца сярод іншых жывых істот: «Дзеля каго сонца дзень стварае? Дзеля чалавека! Дзеля каго існуюць усе скарбы зямныя – золата і серабро, каштоўныя камяні ў зямных нетрах і жэмчуг у марскіх глыбінях? Дзеля чалавека!» С. Полацкі таксама адзначаў натуральнае імкненне чалавека да ўзвышанага і прыгожага.

Веды і адукацыя, на думку С. Полацкага, – аснова годнага жыцця. Невыпадкова на старонках сваіх паэтычных твораў ён апявае кніжныя веды, стварае культ філасофіі, мудрасці, навукі і пазнання, аб чым выразна сведчаць яго вершы з красамоўнымі назвамі: «Філасофія», «Розум», «Слова», «Маўленне», «Акадэмія», «Час». У філасофскім вершы «Думка» С. Полацкі паказвае стваральную ролю канструктыўных ідэй, раскрывае іх асноватворную функцыю ў грамадскай практыцы. Паводле яго канцэпцыі, менавіта філасофія і навукі дазваляюць дасягнуць дасканалых жыцця, робяць людзей мудрымі, разважлівымі, таленавітымі творцамі, роўнымі да анёлаў. Філасофія і кніжныя веды маюць велізарную практычную карысць, яны дазваляюць чалавеку ўпэўнена пачувацца ў грамадстве, годна трымацца перад абліччам цароў і князёў. Філасофія і веды ўзбагачаюць духоўны свет асобы, робяць чалавека моцным, здатным пераадольваць цяжкасці, развязаць складаныя праблемы. Філасофія спрыяе маральнаму здараўленню грамадства, выкараняе загану і зло. У аснове інтэлектуальнай дзейнасці чалавека, паводле слухнага меркавання асветніка, старанная праца над словам. У вершы «Слова» ён заклікае ўсіх паважліва і з выключнай пашанай ставіцца да сваіх слоў і выказванняў, зважаючы на іх духоўную моц.

Годнае жыццё людзей, лічыў С. Полацкі, шмат у чым залежыць ад дзейнасці ўлад і ўрадоўцаў. На старонках сваіх твораў С. Полацкі неаднаразова

ўздымаў і адметна вырашаў праблему дасканалай улады. У вершы «Адрозненне» паэт, спасылаючыся на Арыстоцеля, піша, што сапраўдны цар той, хто дбае аб грамадзянах, думае пра іх патрэбы. Тыран – рабе і крыўдзіць падданных. С. Полацкі адстойваў канцэпцыю асвечанай манархіі. У вершы «Улада» ён сцвярджаў, што ўсялякая ўлада ад Бога. Менавіта Госпад пасылае людзям добрых ці злых уладароў. Грамадзяне павінны шанаваць уладу, дапамагаць манархам рэалізоўваць іх стваральныя задумы. У п’есе «Пра Наўхаданосарацара» праз мастацкія сродкі драматургіі сцвярджаецца неабходнасць справядлівага і мудрага манарха.

У перыяд Асветніцтва ідэя годнага жыцця атрымала новае разуменне. Нацыянальныя мысліцелі пачалі звязваць з катэгорыяй годнага жыцця глыбокі ўзровень сацыяльнага сумоўя, дыялог розных класаў і супольнасцей, культ ведаў, шырокую адукацыю сялян і простых людзей, рацыянальны лад жыцця. Найбольш выразна асветніцкія падыходы да годнага жыцця выявіліся ў творчасці прафесара Забельскай семінарыі Каэтана Марашэўскага. Асноўная тэма яго школьнай драмы – «Камедыя» (1787) – лёс беларускага сялянства, духоўны свет, памкненні і заветныя мары простых людзей. У «Камедыі» ўпершыню ў беларускай літаратуры праз мастацкія сродкі акрэсліваліся ідэалы беларускага сялянства, як найбольш значнай часткі народа. Паводле аўтарскай канцэпцыі, для беларускага селяніна на той час істотнымі былі тры мэты: першая – дабрабыт, сімвалам якога ў творы з’яўляецца «скарб»; другая – адпачынак, вяселле, уцеха, якія ўвасоблены ў вобразе «дуды»; трэцяя – вечнае жыццё, Рай, падазеныя ў вобразе «Неба».

Вельмі арыгінальна ў «Камедыі» развязаецца найскладанейшая праблема адаптавання Хрысціянскай веры да менталітэту беларусаў. У творы выразна праводзіцца думка аб чужароднасці Хрысціянства народнаму духу, штучнасці і неадпаведнасці асноўных складовых хрысціянскага вучэння спрадвечным ідэалам беларуса, яго сістэме каштоўнасцей і светапогляду. У п’есе ўздымаецца вострая для ўсіх часоў праблема міжнацыянальных дачыненняў. Як тыповую аўтар падае сітуацыю, калі беларус хоча, каб за яго грахі і няўдачы расплочваўся і нёс усю адказнасць Яўрэй, віна якога толькі ў тым, што ён не хрысціянін.

Сацыяльныя канфлікты ў п’есе прыглушаныя. Аўтар відавочна не меў выразнай сацыяльнай заангажаванасці, пра што сведчыць выказаная вуснамі Д’ябла думка аб узаемаадказнасці ўсіх станаў. Праблема адказнасці за ўласныя ўчынкi развязаецца ў творы ў наступным ключы: той нясе найбольшую адказнасць за праграшэнні, каму дадзены большыя веды.

У творы гучыць матыў перавагі духоўнага над цялесным, праводзіцца думка аб найвялікшай каштоўнасці для чалавека душэўнай раўнавагі і спакою. «Гэта праўда, – кажа Селянін у заключным маналогу, – што душа найдаражэйшая за ўсё, бо калі яе раз пацярэеш, болі яе не зышчыш». Галоўны дыдактычны акорд п’есы – не варта селяніну шукаць лёгкіх шляхоў да шчасця,

крыніца яго дабрабыту, радасцей і суцяшэння – у самаадданай працы, шчыраванні на палетках.

У беларускай *інтэлектуальнай культуры XIX ст.* пад уздзеяннем тыктанічных сацыяльных зрухаў, адбылася карэкціроўка філасофскай і этычнай парадыгмы, што істотна паўплывала на дактрыну годнага жыцця асобы і грамадства. Письменнікі-інтэлектуалы ўсё больш пачалі звязваць дасягненне годнага жыцця асобнага грамадзяніна з нацыятворчымі працэсамі. Менавіта таму з дапамогай мастацкага слова і прыгожага пісьменства яны імкнуліся абудзіць нацыянальную свядомасць, адрадіць нацыянальнае жыццё. Важнейшай праявай духоўнага жыцця яны лічылі зварот да народных вытокаў – фальклора, народных паданняў, легендаў і казак, да міфаў і містычных з’яў.

Вельмі шмат для фарміравання народнага разумення годнага жыцця зрабілі письменнікі-рамантыкі – Ян Чачот, Ян Баршчэўскі, Арцём Вярыга-Дарэўскі, Вінцэнт Дунін-Марцінкевіч. Творы Кастуся Каліноўскага, Францішка Багушэвіча, Янкі Лучыны, Фелікса Тапчэўскага, Адама Гурыновіча і Альгерда Абуховіча прасякнуты крытыкай існуючага грамадскага ладу, напоўнены заклікамі да сацыяльных і палітычных змен. Майстры слова рэалістычнага напрамку акрэслілі прынцыпы новай этыкі і эстэтыкі, сфармулявалі асноўныя пастулаты нацыянальнага адраджэння.

Размова пра годнае жыццё ў творах пісьменнікаў XIX ст. адбывалася пераважна ў рэчышчы абмеркавання сацыяльных праблем і пошуку шляхоў пераадолення класавага антаганізму. Народнае разуменне годнага жыцця сцвярджалася ў шматлікіх ананімных вершах, стылізаваных пад народныя песні, а таксама ў парадыйных і гумарыстычных творах, вершаваных паэмах і гутарках. Майстры мастацкага слова слухна лічылі шанаванне роднай мовы асновай годнага жыцця грамадства. Яны абвясцілі беларускую народную мову невычэрпным скарбам, важнейшым багаццем краіны. Письменнікі выкарыстоўвалі яе ў мастацкай практыцы, шырока ўжываючы ва ўласных творах трапныя народныя і выразы і выслоўі, яркія параўнанні і азначэнні.

Новае разуменне годнасці ўзнікла ў *пачатку XX ст.*, калі пачаўся новы этап нацыянальнага адраджэння. Грамадска-палітычныя пераўтварэнні, асабліва канстытуцыйная рэформа 1905 г., сталі істотнымі перадумовамі фарміравання нацыянальнай эліты, якая пачала ствараць нацыянальную філасофію, выкрышталізоўваць ідэю самастойнай беларускай дзяржавы. Найбольш значны ўклад у фарміраванне нацыянальнай этыкі і філасофіі ў эпоху мадэрнізму ўнеслі: Карусь Каганец, Ядвігін Ш., Цётка (Алаіза Пашкевіч), Янка Купала, Якуб Колас, Максім Багдановіч, Максім Гарэцкі, Вацлаў Ластоўскі, Змітрок Бядуля, Цішка Гартны, Уладзіслаў Галубок, Алесь Гарун.

Так, Цётка настойвала на тым, што паэты і творцы у першую чаргу павінны абараняць годнасць беларуса, не забывацца пра народнае гора, скіроўваць вершаванае слова на гуртаванне людзей, несці радасць і суцяшэнне, узносіць малітвы да нябёс, супыняць гнеў перуноў, дасылаць скаргі пра людскія пакуты ва ўсе куткі сусвету. Паводле яе слушнага меркавання,

менавіта літаратура і мастацтва ў найбольшай ступені спрыялі ўсталяванню годнага жыцця, бо яны – з’ядноўвалі нацыю, уздымалі яе дух, далучалі да высокіх ідэалаў, абуджалі шматмільённы народ ад векавога сну і імкліва вялі яго ўперад [16]. У вершы «Вам, суседзі» (1905) паэтка звярталася да «беларусаў-галубочкаў» далучацца да яе песні, каб усе ў свеце пачулі супольны голас Беларусі. Цётка заклікала беларусаў смела шукаць новай долі і крочыць да годнага і светлага жыцця.

Уласнае разуменне годнасці прапанаваў Якуб Колас. Ён звязваў годнае жыццё чалавека з вырашэннем надзённых грамадскіх праблем, захаваннем гістарычнай перспектывы беларускай нацыі, будучыні роднага краю, паляпшэннем становішча працоўнага чалавека. Невыпадкова, адна з галоўных творчых задач паэта – паказваць жахлівыя ўмовы існавання звычайнага беларуса, гаротны стан яго жыцця, беднасць, прыгнечанасць, адвечны клопат пра хлеб надзённы. У вершах «Мужычае жыццё», «Наша доля», «Вёска», «Доля батрачкі» створаны каларытныя малюнкi незлічоных пакут прыгнечанага народа, паказаны беды і слёзы пакрыўджаных людзей, з якіх высмоктваюцца апошнія сокі. Спачувальны голас паэта гучыць у абарону абяздоленых і беспраўных людзей, кінутых у астрогі, дзе няшчасныя зняволеныя (верш «У астрозе») пакутуюць ад невыноснай адзіноты, тугі і здзекаў [6].

Паэт рэзка выступіў супраць сацыяльнай няроўнасці, несправядлівага размеркавання ўласнасці, класавага падаўлення працоўнага людю, здзеку над чалавечай асобай. Асабліва выразна антаганізм паміж багатымі і беднымі асуджаецца ў вершы «Ворагам». У ім паэт выкрывае няшчаднае рабаванне працоўных людзей, папярэджвае пра хуткі час расплаты над бязлітаснымі «багацеямі і панствам». У вершы «Покліч» Я. Колас адкрыта заклікае да супраціву, барацьбы за сацыяльныя, нацыянальныя і палітычныя правы, «змаганне за шчасце, за лепшую долю».

Добра дасведчаны ў гістарычнай сітуацыі і жыццёвых рэаліях, паэт разам з тым аптымістычна глядзеў на перспектывы беларускай нацыі, верыў у абуджэнне глыбінных стваральных сіл народа і годнае жыццё людзей. Верш «Беларусам» – красамоўнае пацвярджэнне Коласавай перакананасці ў адраджэнне Беларусі, уздым краіны, шчаслівую будучыню людзей.

Ідэю годнага жыцця беларусаў развіваў у сваёй творчасці Янка Купала, аб чым яскрава сведчаць тры яго першыя зборнікі вершаў – «Жалейка» (1908), «Гусяля» (1910) і «Шляхам жыцця» (1913). У вершы з красамоўнай назвай «Чаго б я хацеў» (1905) паэт выразна сфармуляваў сацыяльнае прызначэнне сваёй паэзіі – служыць беларускаму народу, абуджаць яго творчы патэнцыял, клікаць да пошуку лепшай долі і годнага жыцця [7, с. 32]. Я. Купала выразна акрэсліў эстэтычныя дамінанты творчасці і абгрунтаваў выбар тэм для сваіх вершаваных твораў – адлюстраванне людскога гора, пакут абяздоленых сірат, няшчаснай долі працоўнага чалавека. У вершы «Не клянiце мяне...» (1906) ён адмаўляецца служыць чыстаму мастацтву і тлумачыць прычыны ўласнага творчага выбару [7, с. 33].

У вершы «Вы кажаце» (1906) Я. Купала яшчэ больш канкрэтна аксэсліў уласны ідэйна-эстэтычны выбар і місію сваёй паэзіі – пець аб «долі народа», каб «вораг-мучыцель» задрыжаў ад праўды слоў, а ў душы прыгнечанага народа нараджаліся светлыя мары аб волі, расло ўсведамленне чалавечай і нацыянальнай годнасці.

Паэтычны геній Я. Купалы і яго высокая інтэлектуальнасць выявіліся літаральна напачатку творчага шляху. Ужо ў раннім вершы «Мая доля» (1904) паэт узяў фундаментальную тэму накіраваннага. Лірычны герой адчувае няўтульнасць і цяжар зямнога жыцця, яго нізкае сацыяльнае паходжанне прадвызначала цяжкі лёс, нясцерпныя пакуты, незлічоныя жыццёвыя выпрабаванні. Герой знаходзіцца ў поўным адчаі, гатовы скончыць жыццё самагубствам, каб не трымаць бясконцых прыніжэнняў і здзекаў.

У вершы «Мужык» (1905) Я. Купала паэтычнымі сродкамі сфармуляваў ключавую ідэю ўласнай сацыяльнай філасофіі – неабходнасць шанавання правоў простага чалавека-працаўніка, абарону яго годнасці. Лірычны герой наракае на сваю няшчасную долю, скардзіцца на гаротны стан, непісьменнасць, штодзённую непасільную працу, пакуты ад хвароб, нястачу і паўгалоднае існаванне. Мастак выступае ў абарону годнасці чалавека, незалежна ад яго сацыяльнага статусу: «Ніколі, браткі, не забуду, // Што чалавек я, хоць мужык» [7, с. 29]. На думку паэта-гуманіста, кожны чалавек варты шчаслівага і годнага жыцця.

Знявага і здзекі над чалавекам – недапушчальныя, лічыць паэт. У вершаваным «Водкліку з 29 кастрычніка 1905 г. у Мінску» Я. Купала абараняе змаганне працоўных за сацыяльныя, эканамічныя і палітычныя правы. Паэт паказвае крыважэрнасць царскага самаўладдзя, прагу хцівага чыноўніцтва татальна кантраляваць грамадства, трымаць народ у жабрацкім стане, ва ўсім абмяжоўваць асобу. Я. Купала смела крытыкаваў грамадскія заганы. У вершы «І як тут не смяяцца» (1906) ён выкрывае прагных капіталістаў, несумленых лекараў, ілжывых ксяндзоў і папоў, недалёкіх эканомікаў-круццелёў, ганарлівых шляхцюкоў.

Выйсце з крызіснага стану, пазбаўленне ад сацыяльнага і нацыянальнага прыгнёту, шлях да годнага жыцця Я. Купала бачыў у рэвалюцыі, паўстанні шырокіх народных мас. У вершы «Што ты спіш?» (1906) паэт паказаў бязлітаснае рабаванне працоўных людзей царскімі чыноўнікамі і царквой, заклікаў да адкрытага змагання з бяспраўем:

Дык прасніся ўжо
Беларускі мужык!
Глянь! Усе устаюць,
Як свет божы вялік!

[7, с. 37]

Зусім адкрыты пратэст Я. Купалы супраць царскага самаўладдзя прагучаў у вершы «Там» (1906). Паэт абгрунтоўвае пільную неабходнасць рэвалюцыйнага выступу, каб вызваліць родны край з няволі, адстаяць будучыню беларускага народа і годнасць чалавека:

Паўстаньце, покуль цар звыродны
Крыві ўсяей не выссаў з вас!
Паўстаньце! Край ваш стогне родны,
Заве збаўляць, як зваў не раз.

[7, с. 39]

Я. Купала цвёрда верыў у светлую будучыню роднага краю, адраджэнне нацыі, заможнае жыццё чалавека працы. Аптымізмам напоўнены верш «Зашумеў лес разгуканы» (1906). Паэт выказвае надзею і ўпэўненасць у хуткіх пераменах да лепшага. Перашкоды і бар'еры на шляху выпявання нацыянальнай свядомасці беларусаў выклікалі распач і адчай у сэрцы паэта. Болей і гнева перапоўнены радкі яго верша «Гэй, капайце, далакопы...» (1910), у якім Я. Купала ганьбуе здраднікаў беларушчыны.

Ідэю адраджэння Беларусі, надзею на годнае вяртанне беларусаў у сям'ю народаў свету Я. Купала выказаў у геніяльным вершы «А хто там ідзе...»:

А хто там ідзе, а хто там ідзе
У агромністай такой грамадзе?
– Беларусы.

А што яны нясуць на худых плячах,
На руках ў крыві, на нагах у лапцях?
– Сваю крыўду.

А куды ж нясуць гэту крыўду ўсю,
А куды ж нясуць напаказ сваю?
– На свет цэлы.

А хто гэта іх, на адзін мільён,
Крыўду несць наўчыў, разбудзіў іх сон?
– Бяда, гора.

А чаго ж, чаго захацелась ім,
Пагарджаным век, ім, сляпым, глухім?
– Людзьмі звацца.

[8, т. 1, с. 196]

Такім чынам, годнасць – базавая катэгорыя нацыянальнай культуры беларусаў, крыніца пазітыўнай і стваральнай энергіі, істотны элемент пераадолення сацыяльных канфліктаў і супярэчнасцей, асноватворны фактар развіцця краіны і грамадскага прагрэсу.

Літаратура

1. Беларуская літаратура X–XV стст. / уклад., прадм., камент., пер. на бел. мову і адапт. І. В. Саверчанкі. – Мінск: Беларус. навука, 2010. – 410 с.
2. Беларускі фальклор: хрэстаматыя / склад. К. П. Кабашнікаў [і інш.]. – Мінск: Вышэйш. шк., 1996. – 856 с.
3. Будны, С. Катихісіс, то ест Наука стародавняя хрысціянская от Светого Писма для простых людей языка руского въ пытаниях и отказех събрана / С. Будны. – Нясвіж, 1562.
4. Гегель. Соч.: в 14 т. / Гегель. – М.; Л.: Соцэргиз, 1935. – Т. 11.
5. Кант, И. Соч.: в 6 т. / И. Кант. – М.: Мысль, 1965. – Т. 4, ч. 1, 2.
6. Колас, Я. Зб. тв.: у 12 т. / Я. Колас. – Мінск, 1961–1964.

7. Купала, Я. Выбранныя творы / Я. Купала. – Мінск: Беларус. кнігазбор, 2002. – 640 с.
8. Купала, Я. Поўн. зб. тв.: у 9 т. / Я. Купала. – Мінск: Маст. літ., 1995–2003.
9. Пацей, І. Отпис на Лист някого Клирика Острозьского безыменного, который писал до владыки володымерского и берестейского [каля 1598] / І. Пацей // Памятники полемической литературы в Западной Руси. – СПб., 1903. – Кн. 3, т. 19. – Стб. 1041–1122. – (Рус. ист. б-ка).
10. Саверчанка, І. Чалавечае вымярэнне: інтэлектуальная і духоўная сферы =Menschliche Dimension: intellektuelle und geistige Bereiche / І. В. Саверчанка. – Minsk: Friedrich Ebert Stiftung, 2004. – 56 с.
11. Archiwum domu Sapiechów. – Lwów, 1892. – Т. 1.
12. Скарына, Ф. Выбранныя творы / Ф. Скарына; уклад., прадм., пер. на бел. мову І. В. Саверчанкі. – Мінск: Беларус. навука, 2008. – 110 с.
13. Скарына, Ф. Предсловіе доктора Франьциска Скорины с Полоцька в книгу «Иудиф-вдовици» / Ф. Скарына // Книги Иудиф-вдовици починаються. – Прага, 1519. – Арк. 2адв.
14. Скарына, Ф. Предсловіе доктора Франьциска Скорины с Полоцька в книги «Судей Израилевых» / Ф. Скарына // Книга судей, еже от евреи называются «Шофтим». – Прага, 1919.
15. Старажытная беларуская літаратура (XII–XVII стст.) / уклад., прадм., камент. І. В. Саверчанкі. – Мінск, 2010.
16. Цётка. Выбранныя творы / Цётка; уклад., прадм. В. Коўтун. – Мінск: Беларус. кнігазбор, 2001. – 336 с.
17. Archiwum domu Radziwiłłów. – Kraków, 1885. – Т. 8. – S. 178–179.
18. Посей, Н. ANTIRYSIS, abo Apologia przeciwko Krzysztofowi Philaletowi, który niedawno wydał książki imieniem starożytnej Rusi Religiej Greckiej przeciw książkom o Synodzie Brzeskim napisanym w roku Pańskim 1597 (Wilnia, 1600) / Н. Посей // Памятники полемической литературы в Западной Руси. – Стб. 477–982.

НАЦЫЯНАЛЬНАЯ МОВА І ГОДНАСЦЬ АСОБЫ І НАЦЫІ Ў КАНТЭКСЦЕ БЛІЗКАРОДНАСНАГА ДВУХМОЎЯ (беларускія рэаліі)

*А. А. Лукашанец
доктар філалагічных навук, прафесар,
член-карэспандэнт НАН Беларусі*

Нацыянальная мова – гэта не толькі сродак камунікацыі, але таксама важнейшая частка нацыянальнай культуры, сродак яе стварэння і прэзентацыі, сімвал нацыянальна-этнічнай прыналежнасці і самаідэнтыфікацыі асобы і інш. Безумоўна, важнейшай функцыяй любой натуральнай мовы з’яўляецца камунікатыўная, якая забяспечвае жыццядзейнасць і ўзаемадзеянне сацыуму. Аднак ва ўмовах двухмоўя і шматмоўя функцыі і роля нацыянальнай мовы істотна ўскладняюцца, змяняецца таксама размеркаванне гэтых функцый. У шматмоўных калектывах у залежнасці ад розных сацыяпалітычных абставін часта нацыянальная мова набывае надзвычай важную сацыяльную функцыю годнасці асобы і годнасці нацыі.

Невыпадкова фарміраванне большасці сучасных еўрапейскіх нацый, у тым ліку і славянскіх, адбывалася паралельна з фарміраваннем нацыянальных моў і ўзмацненнем іх ролі ў жыцці грамадства, пашырэннем літаратурна-пісьмовай традыцыі, а таксама ўвядзеннем нацыянальных моў у якасці сродку зносін у важнейшыя сферы афіцыйнага ўжытку.

Так, нацыянальнае адраджэнне славянскіх народаў у XVII–XIX стст. праходзіла перш за ўсё пад знакам адраджэння (і нават стварэння!) нацыянальных моў і фарміравання іх літаратурных норм, што адбывалася паралельна з нацыянальна-вызваленчым рухам славянскіх народаў, якія знаходзіліся ў складзе буйнейшых тагачасных імперый, і барацьбой за сваю незалежнасць. У якасці прыкладу можна прывесці Чэхію, Балгарыю, Беларусь, Украіну, дзе імклівы рост нацыянальнай свядомасці быў у многім абумоўлены інтэнсіўным фарміраваннем новых літаратурна-пісьмовых моў гэтых славянскіх народаў, паколькі страта гэтымі народамі сваёй дзяржаўнасці ў папярэдні перыяд прывяла да заняпаду калісці багатай пісьмовай традыцыі. Напрыклад, сучасная чэшская мова сфарміравалася на аснове старачэшскай мовы толькі ў XVIII ст., украінская – у XIX, новая літаратурна-пісьмовая беларуская мова – у канцы XIX – пачатку XX ст. Нацыянальна-вызваленчая барацьба паўднёvasлавянскіх народаў супраць асманскага іга стварыла ўмовы для фарміравання новых літаратурна-пісьмовых моў балгар і сербаў.

Прыкладам барацьбы заходнееўрапейскага народа за сваю нацыянальную мову і вырашальнай ролі хаця і мінарытарнай нацыянальнай мовы ў падтрыманні і захаванні нацыянальнай ідэнтычнасці ў шматмоўнай сітуацыі пры знешнім моўным і палітычным ціску можа служыць Вялікае Герцагства Люксембург падчас Другой сусветнай вайны [9]. Вялікае Герцагства Люксембург было ўтворана па рашэнні Венскага кангрэса 1814–1815 гг. Яно знаходзілася ў складзе Германскага саюза і ў асабістай уніі з Нідэрландскім каралеўствам. На працягу пэўнага перыяду ў выніку розных тэрытарыяльных змен адбылося выроўніванне этнічнага складу насельніцтва, роднай мовай якога з’яўляецца люксембургская (летцэбургская) мова, што гістарычна ўзыходзіць да дыялекту мозельскай групы нямецкай мовы. На тэрыторыі сучаснага Люксембурга зараз функцыянуюць яшчэ дзве мовы (французская і нямецкая), якія з’яўляюцца дзяржаўнымі. Парадаксальна, але родная мова асноўнага насельніцтва краіны – люксембургская – так і не змагла заняць раўнапраўнага становішча з французскай і нямецкай мовамі.

Тэндэнцыі да прызнання люксембургскага дыялекту нацыянальнай мовай дзяржавы Люксембург найбольш выразна выявілася к сярэдзіне XIX ст. Аднак толькі ў 1912 г. люксембургская мова была ўключана ў якасці вучэбнага прадмета ў праграму пачатковай школы, а таксама было прынята рашэнне аб распрацоўцы люксембургскай арфаграфіі. Усё гэта добра адлюстроўвае ступень росту нацыянальнай самасвядомасці люксембуржцаў.

У 1941 г., калі нацысты праводзілі перапіс насельніцтва, у графе «родная мова» люксембуржцы аднадушна ўказалі люксембургскую мову, прадэманстраваўшы тым самым ролю нацыянальнай мовы як фактару нацыянальнага адзінства перад пагрозай прымусовага анямечвання.

Сёння моўная сітуацыя ў Люксембургу характарызуецца адваротнымі суадносінамі грамадскай значнасці суіснуючых моў і іх рэальнай распаўсюджанасцю ў розных сферах грамадскага жыцця. У адпаведнасці з распадаржэннем

Міністэрства народнай асветы Люксембурга люксембуржская мова разглядаецца як літаратурная дзяржаўная мова краіны. Яна выкарыстоўваецца ў прамовах, прывітаннях, выступленнях у палаце дэпутатаў, у муніцыпальных саветах, у радыё- і тэлеперадачах, на сцэне, у пропаведзях. У гэтых сферах яна канкуруе з французскай і нямецкай мовамі. Акрамя таго, люксембуржская мова пераважае ў розных сферах паўсядзённых зносін. Аднак яна практычна не выкарыстоўваецца ў пісьмовым маўленні і застаецца фактычна сродкам вусных зносін нацыі.

Такім чынам, люксембуржская мова – родная мова асноўнага насельніцтва краіны, хаця і не стала поўнафункцыянальнай мовай і не здолела замяніць у радзе важнейшых сфер зносін французскую і нямецкую мовы, застаецца важнейшым фактарам нацыянальнай кансалідацыі і нацыянальнага адзінства.

XX стагоддзе паказвае і іншыя прыклады высокай нацыяаб'яднальнай ролі моў у розных моўных сітуацыях на розных кантынентах. Так, мова гуарані – мова карэннага насельніцтва Парагвая (Лацінская Амерыка) – з'яўляецца такой жа прэстыжнай, як і афіцыйная іспанская мова. Сёння ў Парагваі мова гуарані з'яўляецца нацыянальнай мовай краіны, якая выкарыстоўваецца ў розных сферах грамадскага жыцця, праўда, пераважна ў вуснай форме.

У наш час з'яўленне на палітычнай карце Еўропы новых дзяржаўных утварэнняў службыць магутным стымулам для развіцця новых нацыянальных моў і станаўлення іх літаратурных норм [1]. Прыкладам могуць службыць новыя славянскія краіны на тэрыторыі былой Югаславіі. Так, у 1991 г. адбылося канчатковае размежаванне сербска-харвацкай мовы на сербскую, якая стала дзяржаўнай мовай Саюзнай дзяржавы Сербіі і Чарнагорыі, і харвацкую – дзяржаўную мову Рэспублікі Харватыя. Стварэнне на тэрыторыі былой Югаславіі яшчэ адной суверэннай дзяржавы Босніі і Герцагавіны стала ўмовай для адгалінавання ад сербскай мовы такой новай мовы, як баснійская (басняцкая). Нарэшце, ужо ў XXI ст. падзел Саюзнай дзяржавы Сербіі і Чарнагорыі на дзве суверэнныя краіны паклаў пачатак фарміраванню яшчэ адной паўднёvasлавянскай мовы – чарнагорскай.

Наяўнасць у сучаснай Іспаніі побач з дзяржаўнай іспанскай (кастальяна) асобных рэгіянальных галісійскай, каталонскай і баскскай моў не толькі з'яўляецца важнейшым фактарам этнічнай кансалідацыі іх носьбітаў, але і службыць стымулам для руху адпаведных правінцый у бок дзяржаўнай незалежнасці.

Такім чынам, вопыт моўнага жыцця Еўропы і ў цэлым свету на працягу XX–XXI стст. паказвае, што ні адна нацыя, якая атрымала сваю дзяржаўнасць, не страціла сваёй нацыянальнай мовы. Наадварот, наяўнасць сваёй нацыянальнай мовы стымулюе рух да нацыянальнай незалежнасці, а набыццё гэтай незалежнасці, як правіла, вядзе да павышэння ролі нацыянальнай мовы ў грамадстве, да развіцця яе літаратурных норм і абагачэння слоўнікавага складу і нават да фарміравання новай нацыянальнай мовы.

Беларуская мова ў жыцці беларускага народа

Беларуская мова – адна з славянскіх моў усходнеславянскай падгрупы, нацыянальная мова беларускага народа, дзяржаўная мова Рэспублікі Беларусь і мова тытульнай нацыі – таксама развіваецца ў рэчышчы названых вышэй тэндэнцый.

На працягу ўсяго свайго існавання беларуская мова адыгрывала выключную ролю ў станаўленні нацыянальнай свядомасці беларускага народа і беларускай дзяржаўнасці. Вядома, што ў Вялікім Княстве Літоўскім беларуская мова таго часу (старабеларуская) выконвала ўсе функцыі дзяржаўнай мовы, выкарыстоўвалася ва ўсіх сферах жыцця тагачаснага грамадства (ад побытавай да дзяржаўнага справаводства). Менавіта ў гэты перыяд былі створаны шматлікія духоўныя каштоўнасці, якія маюць беларускамоўнае ўвасабленне і складаюць значную частку сусветнай культуры. Для пацвярджэння гэтага дастаткова прывесці толькі такія прыклады: менавіта на старабеларускай мове была створана фактычна першая еўрапейская канстытуцыя – Статут Вялікага Княства Літоўскага [4], а Літоўская метрыка – звод дзелавых дакументаў Вялікага Княства Літоўскага, напісаных таксама на старабеларускай мове, – складае больш за 600 тамоў [3]. У гэты перыяд актыўна развіваліся разнастайныя жанры мастацкага пісьменства, рэлігійная літаратура. У навуковых цэнтрах Еўропы і ўсяго свету захоўваюцца шматлікія помнікі старабеларускага пісьменства, дзякуючы якім пра Беларусь і беларускі народ ведаюць іншыя народы Еўропы і свету.

Беларуская народна-гутарковая мова дазволіла беларусам захаваць і развіць сваю нацыянальную адметнасць і ў тыя неспрыяльныя часы, калі пісьмовая разнавіднасць беларускай мовы аказалася пад забаронай і на некалькі стагоддзяў былі прыпынены традыцыі беларускага пісьменства. Менавіта ў гэты перыяд вельмі актыўна развіваліся фальклорныя жанры беларускай духоўнай культуры, якія таксама маюць беларускамоўнае ўвасабленне. Агульнапрызнана, што беларускія народныя казкі займаюць адметнае месца ў славянскім фальклоры па багацці сюжэтаў і разнастайнасці жанраў. Інтэнсіўнае развіццё вуснай беларускай мовы ў XVIII–XIX стст. абумовіла той факт, што якраз народна-гутарковая мова стала базай новай літаратурнай мовы, нормы якой асабліва інтэнсіўна складваліся ў канцы XIX – пачатку XX ст.

Выключна важнай была роля беларускай мовы ў станаўленні беларускай дзяржаўнасці ў пачатку XX ст. Сапраўды, нацыянальнае адраджэнне беларусаў у XIX ст. пачалося менавіта з адраджэння мовы, са стварэння новай літаратурна-пісьмовай мовы. Дзякуючы літаратурнай творчасці многіх выдатных дзеячаў беларускай культуры, сярод якіх выключнае месца займаюць постаці Максіма Багдановіча, Янкі Купалы і Якуба Коласа, беларускае пісьмовае слова шырока распаўсюдзілася па ўсёй тэрыторыі Паўночна-Заходняга краю Расійскай імперыі, а сама беларуская мова набыла ўсе прыкметы літаратурнай

мовы. Гэта было выключна важна. Таму што ў дадзеным выпадку спрацавала формула: *ёсць самастойная літаратурная мова – ёсць народ з уласнай адметнай культурай і мовай, які мае права на сваю дзяржаўнасць*. Несумненна, гэтая акалічнасць, магчыма, у першую чаргу стала асноўным аргументам на карысць стварэння БССР у 1918 г.

На працягу XX ст. сістэма беларускай мовы развівалася ў складаных умовах блізкароднаснага двухмоўя, што істотна ўплывала на фарміраванне яе слоўнікавага складу, станаўленне і ўдасканаленне літаратурных норм, абумовіла праблемы яе выкарыстання як рэальнага сродку зносін у беларускім грамадстве. Аднак нягледзячы на ўсе складанасці свайго гістарычнага развіцця беларуская мова ў пачатку XXI ст. займае належнае месца сярод славянскіх народаў і на лінгвістычнай карце Еўропы, з'яўляецца высокаразвітой літаратурнай мовай з багатым слоўніковым складам і распрацаванай сістэмай норм, якая можа паспяхова абслугоўваць усе камунікатыўныя патрэбы сучаснага грамадства. Яна па-ранейшаму застаецца важнейшым элементам беларускай культуры, сімвалам нацыянальнай свядомасці, фактарам нацыянальнай адметнасці і ідэнтыфікацыі.

У сучаснай сітуацыі дзяржаўнага беларуска-рускага двухмоўя беларуская мова як адзін з кампанентаў моўнай сітуацыі з'яўляецца:

- а) сродкам зносін (выконвае камунікатыўную функцыю);
- б) сродкам і часткай беларускай духоўнай культуры, яе асноўным нацыянальным кампанентам;
- в) сродкам і сімвалам нацыянальнай ідэнтыфікацыі і фактарам нацыянальнай самасвядомасці беларусаў.

Разам з тым ва ўмовах дзяржаўнага блізкароднаснага двухмоўя, калі выкарыстанне беларускай мовы ў большасці камунікатыўных сфер як рэальнага сродку зносін зведзена да мінімуму, вельмі істотна павышаецца яе роля як фактару годнасці асобы і годнасці нацыі.

Беларуская мова як фактар годнасці нацыі і асобы

Функцыя беларускай мовы ў сучасным беларускім грамадстве як фактару годнасці асобы і нацыі набывае выключна важнае значэнне, паколькі звязана з цэлым шэрагам аспектаў сацыяпсіхалагічнага характару, якія забяспечваюць камфортнае існаванне асобы ў двухмоўным асяроддзі і фарміруюць пачуццё нацыянальнага гонару за сваю мову, за сваю культуру, за сваю гісторыю, за месца дзяржавы ў сусветным супольніцтве.

Актуальнасць фарміравання станоўчага іміджу беларускай мовы ў грамадстве і забеспячэння яе паўнацэннага функцыянавання ў важнейшых сферах сучаснай камунікацыі як дзяржаўнай мовы набывае асабліваю вастрыню, паколькі датычыцца як індывідуальнай, так і калектыўнай псіхалогіі.

Сёння ў нашым грамадстве недастатковая запатрабаванасць беларускай мовы як сродку камунікацыі прыводзіць да недаацэнкі яе ролі як фактару

годнасці і самадастатковасці асобы і сучаснага беларускага грамадства ў цэлым, а таксама індывідуальнага і калектыўнага псіхалагічнага камфорту.

Сапраўды, калі сёння роля беларускай мовы як рэальнага сродку камунікацыі фактычна зведзена да мінімуму, большасць грамадзян нашай краіны з лёгкасцю карыстаюцца ў зносінах рускай мовай і не адчуваюць пільнай патрэбы ведаць беларускую мову і карыстацца ёю. Але ў той жа час у сітуацыі дзяржаўнага беларуска-рускага двухмоўя няведанне беларускай мовы рэальна стварае пэўны псіхалагічны дыскамфорт для аднамоўных рускамоўных асоб. Гэта звязана ў першую чаргу з тым, што ў сітуацыі двухмоўя яны рэгулярна трапляюць у беларускамоўнае асяроддзе, калі пажадана размаўляць па-беларуску, сутыкаюцца з інфармацыяй на беларускай мове і г. д. Немагчымасць жа паводзіць сябе ў адпаведнасці з маўленчай сітуацыяй, безумоўна, стварае пэўны псіхалагічны дыскамфорт, хаця і не прыводзіць да канфліктаў у плане ўзаемапаразумення. Гэты моўны дыскамфорт знаходзіць сваё выражэнне ў двух аспектах:

памяркоўна-лаяльным («Прабачце, але, можна, я буду гаварыць па-руску»); агрэсіўна-негатыўным («Беларуская мова нікому не патрэбна!», «Беларускай мовы не існуе наогул!» і г. д.). У дадзеным выпадку падсвядома спрацоўвае стэрэатып: Раз я не ведаю беларускай мовы і не карыстаюся ёю, дык і іншыя не павінны яе ведаць і размаўляць па-беларуску.

Аднак праблема калектыўнай годнасці і самадастатковасці нацыі ў нацыянальна-моўным ракурсе мае і больш сур'ёзныя пагрозы.

Перспектыва поўнага выцяснення беларускай мовы з грамадскага ўжытку непазбежна прывядзе да фарміравання пачуцця асабістай і калектыўнай віны перад сваімі продкамі і нашчадкамі за страту сваіх нацыянальных сімвалаў і каштоўнасцей, а таксама да комплексу нацыянальнай непаўнавартаснасці (унутранай і знешняй) ва ўласных вачах і з боку прадстаўнікоў іншых нацый.

Таму сёння перад усімі намі стаіць вельмі адказная задача: сфарміраваць у грамадстве пазітыўныя адносіны да беларускай мовы, усвядоміць яе ролю як фактару годнасці чалавека ў двухмоўным соцыуме і стварыць умовы, каб кожны грамадзянін краіны ў дастатковай ступені валодаў абедзвюма дзяржаўнымі мовамі, а таксама захаваць сваю нацыянальную беларускую мову, літаратуру і культуру, павысіць іх ролю ў духоўным жыцці сучаснага беларускага грамадства, беларускамоўную кампетэнцыю нашага грамадства і пашырыць выкарыстанне беларускай мовы ва ўсіх сферах афіцыйнага ўжытку. Калі мы гэтага не зробім, то нам не даруюць будучыя пакаленні беларусаў.

У гэтых адносінах выключнае значэнне мае не толькі развіццё сістэмы самой мовы і яе рэальная запатрабаванасць як сродку зносін, але і стварэнне высокамастацкіх твораў на беларускай мове. Роля мастацкага беларускага слова на сучасным этапе з'яўляецца выключна важнай. Бо менавіта аўтарытэт нацыянальнай літаратуры, якая адпавядае сусветным тэндэнцыям літаратурнага працэсу і не толькі даносіць да сучаснага чытача гістарычна значныя для беларускага народа падзеі, але і адлюстроўвае актуальныя для жыцця сучас-

нага беларускага грамадства з'явы рэчаіснасці і мае перспектыўную накіраванасць, фарміруе і адпаведныя адносіны да сродкаў мастацкага выражэння – нацыянальнай беларускай мовы.

У сучасным беларускім грамадстве названая праблема набывае асаблівую актуальнасць, што абумоўлена месцам беларускай мовы ў сучаснай камунікатыўнай прасторы беларускага соцыуму.

Як уяўляецца, роля нацыянальнай беларускай мовы як фактару годнасці асобы і годнасці нацыі ў сучасных сацыялінгвістычных умовах павінна разглядацца ў двух аспектах: унутраным і знешнім.

Унутраны аспект «моўнай» праблемы годнасці нацыі і асобы звязаны з: а) адносінамі асобы і нацыі да ўласнай нацыянальнай мовы; б) ацэнкай самой мовы і яе становішча ў грамадстве; в) ацэнкай моўнай кампетэнцыі асобы і нацыі; г) стаўленнем саміх носьбітаў беларускай мовы да сваёй мовы як сродку зносін; е) наяўнасцю ўнутранай матывацыі да выкарыстання беларускай мовы як рэальнага сродку камунікацыі; ж) пачуццём гонару за сваю нацыянальную мову.

Знешні аспект праблемы звязаны з адносінамі «звонку» (з боку носьбітаў іншых моў, у першую чаргу рускай) да нацыянальнай беларускай мовы як рэальнага сродку камунікацыі ў сучасным грамадстве; ацэнкай яе магчымасцей максімальна поўна забяспечваць патрэбы камунікацыі сучаснага інфармацыйнага грамадства і здольнасці выступаць «маркерам» нацыянальнай адметнасці асобы, нацыі і дзяржавы; ацэнкай носьбітаў мовы па іх адносінах да ўласнай нацыянальнай мовы і моўнай кампетэнцыі, функцыянальнай запатрабаванасці мовы.

Такім чынам, роля беларускай мовы як фактару годнасці асобы і нацыі паводле паняцця «нацыянальная мова» ў XXI ст. звязана з забеспячэннем лінгвістычных (наяўнасць тэарэтычна-факталагічнай базы і адпаведнай моўнай кампетэнцыі); прававых (забеспячэнне адпаведнага заканадаўчага статусу мовы і прававога ўрэгулявання моўных праблем жыцця грамадства); ідэалагічных (фарміраванне асноўных напрамкаў дзяржаўнай моўнай палітыкі) і сацыяльна-псіхалагічных фактараў (наяўнасць грамадскай волі да падтрымання і ўмацавання сваіх нацыянальных прыярытэтаў, у першую чаргу мовы).

Такое становішча абумоўлена спецыфікай сучаснай моўнай сітуацыі і рэальным становішчам беларускай мовы ў камунікатыўнай прасторы беларусаў. Дзяржаўнае беларуска-рускае двухмоўе ў адпаведнасці з існуючым моўным заканадаўствам [5, 6] прадугледжвае парытэтнае (раўнапраўнае) выкарыстанне абедвух дзяржаўных моў ва ўсіх важнейшых сферах афіцыйнага ўжытку. Аднак асаблівасці сучаснай моўнай сітуацыі ў Беларусі сведчаць аб наяўнасці істотнага дысбалансу паміж афіцыйным статусам беларускай мовы і яе рэальнай запатрабаванасцю і выкарыстаннем фактычна ва ўсіх сферах жыцця сучаснага беларускага грамадства. Таму актуальнай задачай дзяржаўнай важнасці з'яўляецца пашырэнне беларускай дзяржаўнай мовы як рэальнага сродку зносін у тыя сферы афіцыйнага ўжытку, у якіх яна павінна выкарыстоўвацца як

дзяржаўная мова краіны і мова тытульнай нацыі. Гэта гуманітарная праблема набывае асаблівую значнасць у XXI ст., калі вельмі востра ў міжнароднай супольнасці стаяць пытанні захавання нацыянальнай і культурнай ідэнтычнасці, таму што менавіта нацыянальная мова застаецца найбольш важным і істотным сродкам і фактарам нацыянальнай свядомасці і нацыянальнай адметнасці. Таму паўнацэннае функцыянаванне нацыянальнай мовы народа, асабліва ў сітуацыі двухмоўя і шматмоўя, у якасці рэальнага сродку камунікацыі істотна павышае яе ідэнтыфікацыйныя магчымасці.

У сітуацыі дзяржаўнага, тым больш блізкароднаснага, двухмоўя, роля нацыянальнай мовы (у нашым выпадку беларускай) як фактару нацыянальнай годнасці асобы і нацыі можа быць забяспечана шэрагам умоў лінгвістычнага, сацыяльнага, прававога і сацыяпсіхалагічнага характару [7]. Гэта актуальна як для беларускай мовы, так і для любой іншай нацыянальнай мовы.

Лінгвістычныя ўмовы прадугледжваюць абавязковую наяўнасць тэарэтыка-факталагічнай базы і дастатковай моўнай кампетэнцыі асобы і ўсяго грамадства ў цэлым. Першачарговымі ў гэтых адносінах трэба лічыць, безумоўна, наступныя:

а) адпаведны ўзровень развіцця сістэмы мовы (наяўнасць літаратурнага стандарту, багатага слоўнікавага складу, распрацаванай навуковай тэрміналогіі, устойлівай пісьмовай традыцыі і стабільнай арфаграфіі, развітой сістэмы словаўтварэння для папаўнення намінацыйных рэсурсаў мовы і г. д.);

б) дастатковае тэарэтычнае забеспячэнне (неабходны ўзровень айчыннага мовазнаўства, усебаковае даследаванне і комплекснае манаграфічнае апісанне ўсіх узроўняў моўнай сістэмы, наяўнасць акадэмічных граматык, нарматыўных тлумачальных і іншых слоўнікаў літаратурнай мовы і г. д.);

в) наяўнасць факталагічнай базы (комплекс практычных даведнікаў і дапаможнікаў для забеспячэння патрэб навучальнага працэсу і моўнай практыкі: падручнікі і дапаможнікі для ўсіх узроўняў адукацыі, слоўнікі, у тым ліку двухмоўныя, і даведнікі розных тыпаў).

Усё гэта неабходна для ўсведамлення значнасці і дастатковасці сістэмы нацыянальнай беларускай мовы для забеспячэння камунікатыўных патрэб сучаснага грамадства, а таксама рэальнай магчымасці карыстацца беларускай мовай у сваёй прафесійнай і паўсядзённай дзейнасці.

Сацыяльныя ўмовы прадугледжваюць:

а) наяўнасць дастаткова шырокай сацыяльнай базы для паўнацэннага функцыянавання беларускай мовы;

б) забеспячэнне неабходнай лінгвістычнай кампетэнцыі ўсіх слаёў беларускага грамадства (фактычна ўсе павінны ў дастатковай ступені валодаць навыкамі выкарыстання беларускай мовы).

Менавіта гэтыя аспекты забяспечваюць магчымасць і рэальнае права (!) грамадзяніна карыстацца беларускай мовай у сваёй дзейнасці і бесперашкодна атрымліваць любую неабходную інфармацыю на беларускай мове.

Прававыя ўмовы (абумоўленыя сітуацыяй двухмоўя) уключаюць:

а) наяўнасць нарматыўнай заканадаўчай базы ў сферы моўнага жыцця і яе строгае выкананне;

б) прававую кампетэнцыю грамадзян і выкананне моўных абавязкаў службовымі асобамі;

в) адпаведнасць нацыянальнага моўнага заканадаўства еўрапейскім стандартам у моўнай сферы.

Выкананне гэтых умоў рэгулюе моўныя паводзіны грамадзян і службовых асоб у моўнай сферы.

Сацыялпсіхалагічныя фактары заключаюцца ў наступным:

а) усведамленні важнасці і прыярытэтныхасці нацыянальнай мовы як часткі нацыянальнай духоўнай культуры і гістарычнай спадчыны;

б) фарміраванні нацыянальнага моўнага этнацэнтрызму і пазбаўленні ад комплексу блізкароднаснага адштурхоўвання;

в) адносінах да нацыянальнай мовы як да важнейшага атрыбута дзяржаўнасці і незалежнасці краіны;

г) выкананні нацыянальнай (беларускай) мовай функцыі аб'яднання грамадства, а не яго канфрантацыі і г. д.;

д) пазбаўленні палітычных ярлыкоў па моўных густах і схільнасцях двухмоўных грамадзян краіны.

Гэты найбольш складаны комплекс умоў, звязаны з моўнымі густамі і стэрэатыпамі моўных паводзін, неабходны для фарміравання ў асобы і соцыуму мажарытарных адносін да нацыянальнай беларускай мовы.

Наяўнасць (ажыццяўленне) усяго комплексу названых вышэй умоў, на нашу думку, можа забяспечыць выкананне беларускай мовай функцыі годнасці асобы і годнасці нацыі. Пры гэтым найбольш істотныя праблемы ўзнікаюць у адносінах рэальнага выканання моўнага заканадаўства (магчымасць карыстацца беларускай мовай ва ўсіх сферах дзейнасці і атрымліваць усю неабходную інфармацыю на беларускай мове), наяўнасці моўнай кампетэнцыі і фарміраванні беларускамоўнай інфармацыйнай прасторы (напрыклад, наяўнасць беларускамоўнай інфармацыі на харчовых і побытавых таварах, лекавых прэпаратах, у сферы паслуг і інш.), а таксама ў плане фарміравання грамадскага ўсведамлення каштоўнасці нацыянальнай беларускай мовы, адносін да яе як да важнейшага атрыбута беларускай дзяржаўнасці, прэстыжнасці рэальна двухмоўнай асобы, што істотна пашырае яе інфармацыйнае і культурнае поле і забяспечвае найбольш камфортныя ўмовы для паўнацэннай прафесійнай дзейнасці ў сучасным шматкультурным і шматмоўным свеце.

Выкананне названых умоў лінгвістычнага, сацыяльнага, прававога і сацыялпсіхалагічнага характару ў цэлым не толькі забяспечыць псіхалагічны камфорт асобы ў двухмоўным соцыуме, але і дазволіць беларускай мове заняць у сучасным беларускім грамадстве тое месца, якое яна павінна займаць як дзяржаўная мова краіны і мова тытульнай нацыі.

Разам з тым менавіта праблемы безумоўнага выканання моўнага заканадаўства, адсутнасць неабходнай асабістай і калектыўнай моўнай (беларускамоўнай!) кампетэнцыі, наяўнасць сацыяпсіхалагічных фактараў абумоўліваюць існаванне праблем (своеасаблівых парадоксаў) сучаснага развіцця і функцыянавання беларускай мовы ў пачатку XXI ст., якія павінны ўлічвацца пры вызначэнні прыярытэтаў моўнай палітыкі і напрамкаў практычнай дзейнасці ў справе пашырэння беларускай мовы ў тыя сферы камунікацыі, у якіх яна павінна выкарыстоўвацца як дзяржаўная мова краіны, што вельмі важна для фарміравання «моўнага» пачуцця годнасці асобы і нацыі [8]. Найбольш відавочнымі і важнымі праблемамі ў гэтых адносінах, на наш погляд, з'яўляюцца наступныя.

1. Відавочны дысбаланс паміж развіццём сістэмы беларускай літаратурнай мовы ў XX ст. і яе рэальным функцыянаваннем у грамадстве.

Сутнасць названага парадоксу заключаецца ў тым, што на працягу ўсяго XX ст. паспяховае развіццё сістэмы беларускай мовы і стабілізацыя яе літаратурных норм суправаджалася інтэнсіўным змяншэннем колькасці яе актыўных карыстальнікаў. Фактычна, чым больш дасканалай станавілася беларуская мова, чым больш дакладнымі і стабільнымі станавіліся яе літаратурныя нормы, чым больш развіваўся яе слоўнікавы склад і навуковая тэрміналогія, тым менш яна станавілася неабходнай як рэальны сродак камунікацыі.

2. Выключна важная роля беларускай мовы ў фарміраванні нацыянальнай свядомасці беларусаў, кансалідацыі беларускай нацыі і афармленні беларускай дзяржаўнасці ў пачатку XX ст. і немагчымасць ператварыцца ў адзіны (ці пераважны) сродак зносін у афіцыйных сферах камунікацыі на працягу ўсяго стагоддзя.

На працягу ўсяго XX ст. беларуская мова фарміравалася і развівалася выключна ва ўмовах блізкароднаснага двухмоўя і ніколі не была адзіным сродкам камунікацыі беларусаў.

Тым не менш, нягледзячы на розныя ўплывы і тэндэнцыі, яна здолела сфарміраваць і захаваць сваю нацыянальную адметнасць, умацаваць статус асобнай славянскай мовы.

3. Адначасовая актуалізацыя дзвюх асноўных дыяметральна процілеглых тэндэнцый развіцця сістэмы сучаснай беларускай мовы: тэндэнцыі да інтэрнацыяналізацыі і тэндэнцыі да нацыяналізацыі.

Гэтыя дзве тэндэнцыі ў цэлым характарызуюць развіццё лексіконаў усіх славянскіх моў у канцы XX – пачатку XXI ст., аднак становішча беларускай мовы ў сучасным двухмоўным беларускім соцыуме прадвызначае асаблівасці дзеяння гэтых тэндэнцый і іх вынікаў.

Так, тэндэнцыя да інтэрнацыяналізацыі вядзе да інтэнсіўнага (часта неабгрутаванага рэальнымі намінатыўнымі патрэбамі) папаўнення нацыянальнага лексікону іншамоўнымі запазычаннямі, пераважна англа-амерыканізмамі, і стварае ілюзію русіфікацыі беларускай мовы. Тэндэнцыя да нацыяналізацыі, наадварот, звязана з узмацненнем нацыянальнай адметнасці мовы,

з'яўляецца своеасаблівай рэакцыяй на папярэдні перыяд развіцця слоўнікавага складу беларускай мовы і мае выразны дэрусіфікатарскі характар. Аднак парадоксам «беларускай» тэндэнцыі да нацыяналізацыі з'яўляецца тое, што яна, як і тэндэнцыя да інтэрнацыяналізацыі, рэальна прыводзіць да павелічэння колькасці іншамоўнай лексікі ў нацыянальным беларускім лексіконе. Менавіта ў рэчышчы тэндэнцыі да нацыяналізацыі ў сучасным беларускім маўленні актуалізуюцца шматлікія іншамоўныя лексічныя адзінкі, пераважнага польскага паходжання, якія, аднак, адпавядаюць пурыстычнай тэндэнцыі адштурхоўвання ад рускай мовы. Паланізмы тыпу *ўлётка*, *ворак*, *вакацыі*, *амбасада*, *ровар*, *імпрэза*, *імбрык* і іншыя істотна перавышаюць уласныя наватворы, якія з'яўляюцца ў сучасным беларускім маўленні пад уплывам тэндэнцыі да нацыяналізацыі: *далькажык*, *гутарык*, *пляцак*, *заплечнік* і г. д.

4. Абмежаванае выкарыстанне беларускай мовы ў традыцыйных афіцыйных сферах ужытку (справаводства, адукацыя, навука і г. д.) і яе інтэнсіўнае пашырэнне ў новыя камунікатыўныя сферы (інтэрнэт-камунікацыя, канфесійная сфера).

Рэальным фактам сучаснага моўнага жыцця беларускага грамадства з'яўляецца інтэнсіўнае пранікненне беларускай мовы ў віртуальную інтэрнэт-прасторы і фарміраванне дастаткова істотнага беларускамоўнага інтэрнэт-рэсурсу, а таксама яе пашэрэнне ў канфесійную сферу. Усё гэта садзейнічае павышэнню грамадскага прэстыжу беларускай мовы і фарміраванню новых функцыянальных стыляў.

5. Наяўнасць моўнага заканадаўства і практычнае яго ігнараванне.

Такое становішча ў значнай ступені абумоўлівае дысбаланс паміж статусам беларускай мовы і яе рэальнай запатрабаванасцю як сродку зносін практычна ва ўсіх сферах афіцыйных стасункаў. Таму важнейшай задачай у сферы рэгулявання моўных адносін беларускага грамадства трэба прызнаць неабходнасць строгага выканання існуючага моўнага заканадаўства, у першую чаргу з боку дзяржаўных структур. Палажэнне, што кожны дзяржаўны служачы павінен абавязкова валодаць абедзвюма дзяржаўнымі мовамі, захоўвае сваю актуальнасць і сёння, таму што толькі такім чынам можа быць забяспечана канстытуцыйнае права кожнага грамадзяніна карыстацца любой дзяржаўнай мовай у сваёй дзейнасці.

6. Змена сацыяльнай базы беларускай мовы.

У канцы XX – пачатку XXI ст. фактычна змянілася сацыяльнае асяроддзе, якое падтрымлівае традыцыі выкарыстання беларускай мовы. Пры гэтым зрух адбыўся ў бок звужэння сацыяльнай базы і павышэння сацыяльнага статусу прыхільнікаў і актыўных карыстальнікаў беларускай мовы: ад прадстаўнікоў пераважна вясковага соцыуму (звычайна старэйшага ўзросту з невысокім узроўнем адукацыі) да гарадской высокаадукаванай крэатыўнай інтэлектуальнай эліты з актыўнай грамадскай і жыццёвай пазіцыяй (хаця гэта эліта на сённяшні дзень і не вельмі шматлікая ў сваёй масе). Такое становішча

аб'ектыўна вядзе да павышэння прэстыжнасці беларускай мовы, забяспечвае яе элітарнасць, але ўтрымлівае небяспеку ператварэння беларускай мовы ў своеасаблівы культурны дыялект.

7. Напрамак фарміравання беларускамоўнай кампетэнцыі грамадства (ад літаратурнага стандарту да гутарковага маўлення і іншых некадыфікаваных падсістэм).

Сёння склалася дастаткова ўнікальная сітуацыя, калі беларускамоўная кампетэнцыя фарміруецца пераважна ў працэсе школьнага навучання і арыентуецца на літаратурны стандарт, а ўжо пасля ведаў літаратурнага стандарту могуць рэалізавацца ў тых ці іншых разнавіднасцях нязмушанага маўлення з рознай ступенню адхіленняў ад літаратурных норм. Іншымі словамі, гутарковае маўленне і гарадское прастамоўе (калі дапусціць, што такое існуе!) грунтуецца на літаратурнай мове, а не наадварот, літаратурная мова абіраецца на гутарковае маўленне. У гэтых адносінах пачатак XXI ст. істотна адрозніваецца ад XIX – пачатку XX ст., калі літаратурныя нормы складваліся на народна-гутарковай аснове.

Як уяўляецца, сёння вельмі важна зламаць гэты стэрэатып моўных паводзін і сфарміраваць у беларускамоўным грамадстве талерантныя адносіны да некадыфікаванага беларускага маўлення, таму што толькі ў такім выпадку магчыма пашырыць беларускамоўную прастору і стварыць больш шырокую базу для літаратурнай мовы.

8. Недастатковая моўная кампетэнцыя і завышаныя крытэрыі да культуры ўласнага беларускага маўлення.

Гэты парадокс грунтуецца на папярэднім. З аднаго боку, носьбіты беларускай мовы ў сваім маўленні арыентуюцца на літаратурную норму і адступленні ад яе ўспрымаюцца як з'ява адмоўная і ў прынцыпе недапушчальная. З другога боку, адсутнасць (недахоп) маўленчай практыкі абцяжарвае ўзорнае літаратурнае маўленне. Адсюль распаўсюджаны стэрэатып моўных ацэнак і моўных паводзін: лепш я зусім не буду гаварыць па-беларуску, чым гаварыць з памылкамі.

Акрамя таго, існуюць істотныя праблемы, якія датычацца цэлых сацыяльных і прафесійных груп беларускага грамадства ў плане валодання навыкамі выкарыстання беларускай мовы. Пры беспраблемным пасіўным успрымання інфармацыі на беларускай мове дастаткова праблематычным з'яўляецца сёння яе актыўнае выкарыстанне пры прадукаванні вусных і пісьмовых выказванняў.

9. Наяўнасць дзвюх разнавіднасцей літаратурна-пісьмовай беларускай мовы і двухузроўневая дыферэнцыяцыя грамадства па моўных схільнасцях і густах.

Такое становішча пачало складвацца ў 30-я гады XX ст. пасля рэформы беларускага правапісу, якая фактычна прывяла да расколу беларускамоўнага асяроддзя і найбольш выразна праявілася ў канцы XX – пачатку XXI ст., калі абодва варыянты беларускай літаратурна-пісьмовай мовы непасрэдна сутыкнуліся ў адзінай беларускамоўнай прасторы. Гэта прывяло да ўнікальнай і парадаксальнай сітуацыі дыферэнцыяцыі і навешвання ярлыкоў паводле моўных паводзін і моўных густаў.

Першы ўзровень дыферэнцыяцыі звязаны з сітуацыяй беларуска-рускага двухмоўя. Праціпастаўленне «беларуская мова – руская мова» набывае характар проціпастаўлення «вясковы жыхар – гарадскі жыхар»; «нацыяналіст – інтэрнацыяналіст»; «гуманітарый – тэхнакрат» і г. д. Ці наадварот, «патрыёт (нацыянальна свядомы грамадзянін)» – «касмапаліт»; «інтэлектуал (гарадская эліта)» – «маргінал (недастаткова адукаванае асяроддзе)» і г. д.

Другі ўзровень моўнай дыферэнцыяцыі абумоўлены ўнутрымоўнай дыгласіяй. Праціпастаўленне «наркамаўка» – «тарашкевіца» часта ўспрымаецца як проціпастаўленне «русіфікатар» – «патрыёт», «законапаслухмяны грамадзянін» – «апазіцыянер» і г. д.

У сённяшняй моўнай сітуацыі неабходна пазбавіцца ад канфрантацыі ў грамадстве на моўнай глебе. Беларуская мова павінна стаць фактарам кансалідацыі грамадства, таму павінна вітацца любое беларускае маўленне.

10. Пасіўная моўная свядомасць і нежаданне мяняць стэрэатыпы моўных паводзін.

Гэты парадокс вельмі ярка ілюструе распаўсюджаны ў 90-я гады ХХ ст. стэрэатып моўнага мыслення: я вельмі люблю беларускую мову і хачу, каб яна больш шырока выкарыстоўвалася, але мне самому ўжо позна і цяжка перайсці на яе выкарыстанне – няхай гэта робяць іншыя.

Такія адносіны да беларускай мовы ў значнай ступені, як уяўляецца, абумоўлены блізкароднасным характарам беларуска-рускага двухмоўя, якое не выклікае праблем паразумення. Акрамя таго, у грамадстве да сённяшняга дня прысутнічае ілюзія, што ўсе моўныя праблемы можна вырашыць толькі за кошт адміністрацыйнага рэсурсу.

11. Паралельнае суіснаванне ўнутранага дэструктыўнага патрыятызму і знешняга моўнага нігілізму.

Дэструктыўны моўны патрыятызм знаходзіць сваё праяўленне ў наступным. Ёсць пэўная частка беларускага грамадства, якая пазіцыяніруе сябе як нацыянальна арыентаваная. Яна адчувае асаблівае задавальненне, абураючыся тым, што нічога не робіцца дзеля паляпшэння стану беларускай мовы ў грамадстве, і адначасова нічога не робіць і не жадае рабіць сама. У той жа час менавіта такія «патрыёты» з маніякальнай настойлівасцю ахайваюць тых, хто хоць нешта робіць на карысць беларускай мовы і культуры.

Знешні моўны нігілізм у адносінах да беларускай мовы таксама мае спецыфічны характар і абумоўлены асаблівасцямі не столькі моўнага, колькі грамадска-палітычнага існавання беларускага грамадства на працягу двух апошніх стагоддзяў. Толькі ад рускіх і часткі рускамоўных прадстаўнікоў беларускага грамадства нават сёння можна пачуць меркаванне, што не існуе асобнай беларускай мовы, што гэта толькі дыялект рускай мовы. Адначасова толькі рускія і рускамоўныя грамадзяне Беларусі часта сцвярджаюць, што не разумеюць беларускай мовы.

12. Парадокс заканадаўчага статусу мовы.

Ва ўмовах двухмоўя і шматмоўя з высокім заканадаўчым статусам мовы звязаны два аспекты праблемы.

З аднаго боку, дзяржаўны статус беларускай мовы істотна зніжае стымул змагацца за яе функцыянальнае раўнапраўе з другой мовай, якая мае такі ж заканадаўчы статус.

З другога боку, сёння беларуская мова па многіх пазіцыях у грамадстве набліжаецца да рэгіянальных моў ці моў нацыянальных меншасцей, аднак, паколькі з'яўляецца дзяржаўнай мовай краіны, не можа атрымаць тых мер падтрымкі, якія прадугледжаны, напрыклад, Еўрапейскай хартыяй рэгіянальных моў ці моў нацыянальных меншасцей [2].

Агульным парадоксам існавання беларускай мовы ў пачатку XXI ст. і важнейшай праблемай яе рэальнага пашырэння ў большасць афіцыйных сфер ужытку з'яўляецца тое, што пры фактычна поўным задавальненні ўмоў уласна лінгвістычнага плана існуюць істотныя праблемы дакладнага выканання моўнага заканадаўства ў сферы забеспячэння моўных правоў грамадзян, недастатковай з'яўляецца яе сацыяльная база і моўная кампетэнцыя грамадства, а таксама практычна адсутнічае грамадская воля для пераадолення перашкод сацыяпсіхалагічнага кшталту.

Такім чынам, сучасныя рэаліі моўнага жыцця ў Беларусі, агульныя прыныцыпы рэгулявання моўных адносін у адпаведнасці з агульнаеўрапейскімі гуманітарнымі каштоўнасцямі даюць падставы сцвярджаць, што толькі безумоўнае выкананне існуючага заканадаўства, фарміраванне дастатковай моўнай (двухмоўнай!) кампетэнцыі соцыуму, рэальнае забеспячэнне права кожнага грамадзяніна карыстацца ў сваёй дзейнасці любой дзяржаўнай мовай і атрымліваць усю неабходную інфармацыю на любой дзяржаўнай мове можа забяспечыць міжнародны прэстыж Рэспублікі Беларусь як самастойнай краіны ў свеце, бесканфліктнае існаванне беларускага грамадства ў XXI ст., а таксама псіхалагічны камфорт асобы і пачуццё нацыянальнай годнасці беларускага народа.

Літаратура

1. XV Міжнародны з'езд славістаў. – Мінск: Права і эканоміка, 2013. – С. 7.
2. Еўрапейская хартыя рэгіянальных моў ці моў нацыянальных меншасцей. – Страсбург, 1992.
3. Жураўскі, А. І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы / А. І. Жураўскі, М. Р. Прыгодзіч // Беларуская мова: энцыкл. – Мінск: БелЭн, 1994. – С. 148.
4. Жураўскі, А. І. Статуты Вялікага Княства Літоўскага / А. І. Жураўскі // Беларуская мова: энцыкл. – С. 534–536.
5. Аб мовах у Рэспубліцы Беларусь: Закон Рэсп. Беларусь. – Мінск, 1998.
6. Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь. – Мінск, 1996.
7. Лукашанец, А. А. Беларуская мова ва ўмовах блізкароднаснага білінгвізму: парадоксы развіцця сістэмы, функцыянавання і моўнай свядомасці / А. А. Лукашанец // Беларуска-рускі-польскае супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія: зб. навук. арт. / Віцеб. дзярж. ун-т; пад навук. рэд. Г. М. Мезенка. – Віцебск, 2013. – С. 43–48.
8. Лукашанец, А. А. Беларуская мова ў сучасным грамадстве. Праблемы беларускамоўнай кампетэнцыі і беларускамоўнай адукацыі / А. А. Лукашанец // Роднае слова. – 2016. – № 2. – С. 24–26.
9. Лукашанец, А. А. Общество – язык – политика / А. А. Лукашанец, А. Е. Михневич, В. К. Щербин. – Минск, 1988. – 223 с.

ФАРМІРАВАННЕ ІДЭАЛАЎ ГОДНАСЦІ І СВАБОДЫ АСОБЫ Ў БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРНАЙ ТРАДЫЦЫІ

В. А. Максімовіч,

доктар філалагічных навук, дацэнт

Беларуская літаратурная класіка складае самастойны адрэзак гісторыі беларускай літаратуры, які мае сваю ўнутраную цэласнасць і завершанасць. У складзе новай узнікаючай беларускай культуры з прычыны неразвітасці іншых формаў грамадскай свядомасці (палітычных, ідэалагічных, філасофскіх, гістарычных) літаратура першапачаткова выконвала асабліва значную культураўтваральную функцыю. Славеснасць стала той галіной, у якой выпрацоўваліся першаасновы новай культурнай свядомасці, пачатковыя формы культуралагічнай рэфлексіі аб уласным – нацыянальным – свеце, ідэі культурнай і ідэалагічнай аўтаноміі. Ужо ў літаратуры другой паловы XIX ст. усё больш заўважнымі станавіліся праявы магістральнага шляху, які заклаў цвёрды падмурак нацыянальнай традыцыі: імкненне ўсвядоміць сябе як асобны самастойны свет, жаданне не толькі асвойвацца ў чужых культурных кантэктах, але і выпрацаваць свае адносіны да іх, іншымі словамі – самавызначыцца, раскрыць сваю «самасць», знайсці асновы сваёй творчай самастойнасці.

Мастацкія набыткі літаратуры адзначанага перыяду – сведчанне яе далейшага сталення, відавочнага якаснага росту, што напрамую было звязана з працэсамі пераструктуравання мастацкага мыслення, з непасрэдным падключэннем яе ў «сілавое поле» іншых транснацыянальных літаратур і культур. Я. Купала, Я. Колас, М. Багдановіч, Цётка, М. Гарэцкі, З. Бядуля, Ядвігін Ш. – гэтыя імёны мацуюць працэс высяплення літаратурнай самасвядомасці, якая праяўляла сябе не толькі ў творчасці мастацкай, але і ў шэрагу літаратурна-крытычных, эсэістычных, публіцыстычных прац па гісторыі беларускай літаратуры, беларускага тэатра, беларускай культуры ў цэлым. Для беларускіх літаратараў надзвычай актуальнымі і злабадзённымі заставаліся пытанні нацыянальнага самавызначэння, ідэі абуджэння высокіх патрыятычных пачуццяў, цесна спалучаных з ідэяй адраджэння дзяржаўнай незалежнасці. З гэтай прычыны іх творы, пры ўсёй стракатасці значэнняў і сэнсаў, нязменна акрэслены высокім грамадзянскім пафасам, прапаведдзю гуманістычных ідэй духоўнай каштоўнасці чалавека. Рашаючым фактарам, які вызначаў ідэйна-светапоглядныя дамінанты беларускіх пісьменнікаў, што згрупаваліся вакол газеты «Наша Ніва», была сітуацыя нацыянальнага і сацыяльнага прыгнёту, адсутнасць умоў плённага развіцця ўсіх сфер грамадска-палітычнага і культурнага жыцця. Пераадольваючы зжыўшыя стэрэатыпы і штампы, дзеячы нацыянальнага адраджэння імкнуліся рашуча і сурова ацаніць рэаліі сацыяльна-грамадскага жыцця, беручы пад увагу багаты і шмат у чым супярэчлівы спектр яго праяў, наважваючыся стварыць новы вобраз Беларусі і беларуса.

Літаратура эпохі нацыянальнага адраджэння станавілася самаадкрыццём, самапазнаннем самога народа на новым вітку яго гісторыі. Асобая яе заслуга ў тым, што праблема чалавечага быцця з плана знешняга была пераведзена

ў план унутранага сузірання, а сам чалавек успрымаўся не ў якасці аб'екта, а ў якасці суб'екта сусветнага быцця, носьбіта самацэннай духоўнасці, адметнага тыпу духоўнасці. Выхаваць у сваіх чытачоў павагу да правоў і годнасці чалавека, адстаяць права на ўласнае культурна-гістарычнае развіццё, абудзіць пачуццё нацыянальнай самасвядомасці і натуральную прагу самавызначэння, самаідэнтыфікацыі ў свеце – такія грандыёзныя задачы стаялі перад літаратурай, што сведчыла пра адкрыта дэмакратычны, у поўнай ступені адраджэнскі яе характар. Аб'ектыўна яна вяртала беларускаму народу нацыянальную самасвядомасць, дапамагала яму ўсвядоміць сваё месца ў сусветнай супольнасці, ажыццявіць сваё права на самарэалізацыю, на апраўданне свайго зямнога прызначэння. Палымянае мастацкае слова служыла задачы абудзіць у чалавеку ідэй свабоды, духоўнай паўнаты, прагу творчасці, што адкрывала магчымасць стаць раўнапраўным і годным прадстаўніком сусветнай супольнасці народаў. Нацыянальнае адраджэнне і звязвалася перадусім з узвелічэннем чалавека як асобы, з увагай да яго, з далучэннем яго да гуманістычных і эстэтычных традыцый, да агульначалавечых духоўных каштоўнасцей.

Асаблівую сваю нацыястваральную ролю класічная літаратурная спадчына адыгрывае і зараз у працэсе дзяржаўна-культурнага будаўніцтва, сцвярджэння нацыянальнай самабытнасці, годнасці, угрунтавання ідэй роўнасці, свабоды і братэрства. Тытанічная падзвіжніцка-пабуджальная дзейнасць Я. Купалы і Я. Коласа на самым пачатку творчага шляху паспрыяла таму, што беларусы сцвердзілі сябе як нацыю, заклалі трывалы падмурак для пабудовы сваёй самастойнай незалежнай дзяржавы, якая і сёння шукае і знаходзіць аптымальныя шляхі для далейшага свайго ўгрунтавання ў свеце.

Гісторыяй заклікання здзейсніць асновасутнасную адраджэнскую місію, маючы крэўную сувязь са сваім народам, будучы выразнікамі яго мар, надзей і спадзяванняў, беларускія песняры не маглі не дбаць і пра яго нацыянальнае і грамадзянскае сталенне, пра раскрыццё ўсёй глыбіні духоўнага свету свайго сучасніка ў яго складанасці і драматызме. Літаратура пачатку XX ст., імклівы ўзлёт якой у вялікай ступені абумоўлены грамадзянскай і творча-спадзвіжніцкай чыннасцю Купалы і Коласа, становілася трыбунай для пашырэння і ўмацавання нацыянальнай свядомасці беларускага народа, своеасаблівай квінтэсэнцыяй духоўнасці, пасіянарнасці, чалавечай і нацыянальнай годнасці, тым сэнсава- і ідэязначным згусткам, які з цягам часу набыў асобую якасць *нацыянальнага канона*, эталона нацыянальнага стылю, адмысловую эстэтычную і ідэалагічную канстантнасць.

Новыя гістарычныя рэаліі, больш-менш спрыяльныя для развіцця літаратуры ўмовы, абумоўленыя надзвычай інтэнсіўным сацыякультурным працэсам, дазвалялі культываваць пачуццё нацыянальнай гордасці, нацыянальнага самапазнання і самапавагі, скіроўвалі да генерацыі новых ідэй, новага светапогляду. Істотны ўплыў на актывізацыю ўсіх сфер жыцця аказала і рэвалюцыя 1905–1907 гг., якая – аб'ектыўна – паўплывала і на светапоглядна-эстэтычную эвалюцыю ранніх Купалу і Коласа. У артыкуле «Беларускае адраджэн-

не» М. Багдановіч пісаў: «1905 год з’яўляецца вехай, якая пазначае пункт пералому ў гісторыі беларускага адраджэння. Падзеі, звязаныя з гэтым годам, стварылі ў народных масах імкненне разабрацца ў навакольным жыцці і выклікалі ліхаманкавы попыт на ідэалагічныя каштоўнасці» [3, т. 2, с. 274]. Пад апошнімі, як вынікае з прыведзенага кантэксту, М. Багдановіч меў на ўвазе не аднамомантную палітычную акцыю, не ўстаноўку на татальнае разбурэнне і руйнаванне, а канструктыўны («ідэалагічны») дыялог з жыццём («разобратся в окружающей жизни») пад знакам духоўна-адраджэнскім, нацыянальна-адраджэнскім. «Узаемадапаўняльны дыялог двух волатаў аб набалелых пытаннях народа і нацыі» не мог скіроўваць і папраўдзе не быў скіраваны ў вузкае пракрустава ложа рэвалюцыйнага максімалізму. «У хуткім часе пасля драматычнага завяршэння падзей 1905–1907 гг., – адзначае В. Жураўлёў, – мастацкае слова Купалы і Коласа робіць даволі круты паварот і адчувальную, вельмі сур’ёзную пераарыентацыю з рэвалюцыйна-сілавой тэндэнцыі на пошук *кампрамісных, чалавекалюбных* (вылучана намі. – В. М.) формаў дыялога з жыццём...» [8, с. 127]. Беларускія песняры як вялікія гуманісты выдатна ўсведамлялі, і іх творчасць таму яскравае пацвярджэнне, што ўтрапёная рэвалюцыйнасць не павінна фарміраваць канон інтэлігенцкай свядомасці і вызначаць топіку інтэлігенцкага мыслення [4].

На парадку дня востра стаяла пытанне актывізацыі «культурнай дзейнасці», якая захоплівала ў свае абсягі сферу прапагандысцка-асветніцкую, выхаваўчую, адукацыйную.

Купалаўская і коласаўская творчасць знаходзілася ў фокусе «стратэгіі абуджэння». Прыярытэтнае месца ў ёй займалі традыцыйныя каштоўнасці, спадчына мінулага, што спакваля, натуральна ўступалі ў дыялог з найноўшымі дасягненнямі сусветнай сацыяльна-філасофскай думкі, з працэсамі агульначалавечай цывілізацыі. Творчасць класікаў давала прыклад арганічнага спалучэння наватарства і павагі да мінулага. Пры гэтым яны добра ўсведамлялі, што ў культурнай традыцыі захоўваюцца вытокі інтэнсіўнага калектыўнага светаадчування, кансалідуючай свядомасці народа. «Беларуская літаратура, – падкрэслівае А. С. Яскевіч, – у выніку новага культурнага ўздыму, з аднаго боку, карпатліва адрадзіўшы традыцыю сваіх папярэднікаў, а з другога, як бы нанова, паводле Багдановіча, прайшоўшы скарочаны курс творчага станаўлення, уступіла ў тую тыпалагічна абавязковую для духоўнага жыцця кожнай нацыі стадыю мастацкай прафесіяналізацыі, калі ў ёй на самай шырокай аснове нацыянальнага духоўнага быцця пачынае складвацца класічны нацыянальны стыль, што з’явіцца потым асноўным напрамкам, увогуле цэнтральным рэчышчам для ўсяго наступнага развіцця» [20, с. 150]. Аўтар слушна адзначае, што ў гэты перыяд адбываецца фарміраванне літаратуры як самастойнай нацыянальнай мастацкай сістэмы, падваліны якой закладваліся Купалам і Коласам, актывізуецца працэс выпрацоўкі нацыянальна арыентаваных літаратурных родаў, відаў, жанраў, пашырэнне ідэй, тэм, вобразаў, станаўленне літаратурнай мовы, узбагачэнне яе стылёва-вобразнай палітры. Да класічнага

нацыянальнага стылю, паводле меркавання расійскіх даследчыкаў, адносіцца «стыль, што адкрывае сабой асобны перыяд літаратурнага развіцця новага часу, уносіць у літаратуру новыя пачаткі, упершыню абапіраецца на паўнату нацыянальнага жыцця, перадавай культуры, мовы, мыслення, эмацыянальнага ладу, ахоплівае і развівае разнастайныя сферы гэтага жыцця і культуры. Такі стыль робіцца свайго роду класічным узорам, які менш за ўсё з'яўляецца якімсьці стандартам ці шаблонам. Наадварот, гэты жывы творчы ідэал, што арыентуе і накіроўвае мастацкі пошук, выклікае імкненне ў чымсьці наблізіцца да яго як да пэўнай вяршыні, тварыць у яго духу» [18, с. 30].

Адной з найгалоўнейшых задач, якая аб'ектыўна вынікала з формулы паняцця «нацыянальны класічны стыль», станавілася выяўленне сутнаскага зместу эпохі, шмат'емістай сістэмы жыццевымярэнняў, спрыянне крышталізацыі, фарміраванню самасвядомасці асобнага індывідуума і народа ў цэлым. Красамоўнай праявай «стратэгіі абуджэння», удасканалення сродкаў эстэтычнага і псіхалагічнага ўздзеяння на рэцыпіента выступае прыём як бы празмернага тыражавання – на першы погляд аднастайных – тэм, вобразаў, матываў у творчасці Купалы і Коласа, настойлівапаўтаральны зварот класікаў да ўсяго комплексу грамадзянскіх пачуццяў, маральных і этычных каштоўнасцей. Гэта выяўлялася ў шырокай і багатай вобразнай палітры твораў. Здавалася б, на самым прадвесні ХХ ст., калі Беларусь спакваля пачала заяўляць пра сябе словамі яе песняроў, Я. Купала ў вершы «Маладая Беларусь» («Гэй ты, гэі, Беларусь, маладая старонка...» (1909)) прароча апавяшчаў пра спраўджаную волю і славу Беларусі, якая паўстала «не з вясёласці яснай, не з ясных палацаў, / А з канаючай крыўды ў пахіленай хатцы, / Вызываная праўдай, таптанай, жывой...» [9, т. 2, с. 47]. Нястрымнае і непераможнае жаданне ашчаслівіць людзей, напоўніць іх сэрцы «гартам, надзеяй», паказаць «ім жыцця іх праўдзіву зару», дапамагчы ім выйсці з хітрасплеценага лабірынта беспрасвецця, векавечнага заняпаду, занядбанна свайх правоў і свабод, збудзіцца ад летаргічнага сну, бяспамяцтва і безнадзейнасці было галоўным унутраным стымулюючым фактарам жыццятворчасці паэта. Апантанасць ідэяй беларускага нацыянальнага адраджэння станавілася ўсеабдымнай і ўсеахопнай. І Купала, і Колас з самага пачатку працы на ніве беларушчыны добра ўсведамлялі, што толькі высока працулае, шчырае і сумленнае, жывое слова здолее абудзіць у народзе «спячы дух», зрабіць спробу – хай пакуль і не такую смелую і рашучую – штосьці змяніць-перайначыць у сваім лёсе, у самім спосабе-алгарытме думання, самаадчування, самавыяўлення, нарэшце, у самім ладзе жыцця.

З глыбокім усведамленнем эстэтычных задач, якія стаялі перад літаратурай, шырока і ўсеабдымна раскрываў разнастайныя праявы нацыянальнай рэчаіснасці Я. Колас. Галоўнай мастацкай вартасцю паэзіі Коласа з'яўляецца яе існае народнасць, дэмакратызм. Ступень і характар паэтызацыі родных краявідаў, пейзажных замалёўкі, прыродаапісальная лірыка паэта ў цэлым – з разраду з'яў неардынарных, якія істотна ўплывалі на станаўленне асноў нацыянальнай літаратуры, на ўмацаванне нацыянальнай традыцыі, ідэалагічна-

эстэтычнай нарматыўнасці. Нароўні з Купалам Колас актыўна ўдзельнічаў у працэсе канструавання знешняй карціны нацыянальнага свету і нацыянальнага тыпу беларуса, дасягаючы высокага сплаву ўніверсальнага і нацыянальнага пачатку. Валодаючы надзвычайнай цэласнасцю светаадчування, Колас у многіх вершах па-мастацку выяўленча-пластычна паказвае стыхійна-жыццёвыя асновы рэчаіснасці з тонкай нюансіроўкай псіхічнага стану свайго лірычнага героя.

Духоўныя высілкі Купалы і Коласа і былі скіраваны менавіта на вырашэнне тых неадкладных задач, якія мелі першаступенную значнасць у плане нацыянальнай самаідэнтыфікацыі, нацыянальнага самапазнання, самасцвярджэння, абароны агульначалавечых і нацыянальных правоў. Палымяным мастацкім словам яны адстойвалі права чалавека на годнае жыццё, імкнуліся далучыць яго да набыткаў культуры і цывілізацыі, праводзілі ідэю свабоды асобы, якая імкнецца здзейсніць сваё высокае чалавечае прызвание і рэалізаваць натуральнае права на чалавечую роўнасць, годнасць, самарэалізацыю. Разам з тым яны рашуча выступаюць супраць любых форм уціску і прыгнёту, якія правакуюць стан адчужанасці, занядбанасці, аддаляюць ад здаровых форм людскога сужыцця.

Прыярытэтнай задачай было стварыць літаратуру не проста ў выглядзе корпуса розных тэкстаў, а надаць ёй адмысловы статус, ператварыць яе ў нацыянальны культурна-падзвіжніцкі і духоўна-адраджэнскі цэнтр, які б узяў на сябе функцыю кансалідуюча-аб'яднальную, генератыўна-стратэгічную, дзе б царасалосіца волевыяўленняў, перакананняў, ідэй, уключаючы мараль, права, веру, этычныя ўстанаўленні, натуральным і мэтакіраваным чынам прадудыравалася б у стройнае нацыязаангажаванае адзінства. Патрэбна было скіраваць энэргію і эмоцыі людзей у кірунку свярджэння нацыянальнай свядомасці, самой ідэі нацыі як стваральнай сілы, разумеючы, што без гэтага немагчыма духоўная інтэграцыя беларусаў. Вось чаму «ва ўмовах нацыянальнага адраджэння станаўленне беларускага «краснага пісьменства было справай не толькі ўнутрылітаратурнай, але і агульнаграмадскай, – слушна заўважае Т. Чабан, – высокая ідэйная і мастацкая годнасць літаратуры была сведчаннем жыццяздольнасці мовы, нацыянальнай культуры, духоўнага жыцця нацыі. З другога боку, пры амаль поўнай адсутнасці іншых формаў культурнага жыцця літаратура набывала ўніверсальны характар, выяўляла і сканцэнтравала ўсе шматстайныя праявы нацыянальнай духоўнасці» [12, с. 6].

У суровых віхурах часу Купала і Колас шукалі шляхоў паяднальнасці, духоўнага кантакту з народамі дзеля ўсталявання – як канчатковай мэты – нацыянальнай дзяржаўнай супольнасці. Першаступеннай станавілася задача мастацкім словам узварухнуць, абудзіць гістарычна прыспаную свядомасць народа з тым, каб наладзіць з ім духоўную дыялагічную сувязь, заклікаць да суразмоўя, да супольнага супрацьстаяння жыццёвым злыбедам, да пошукаў светланосных шляхоў у будучыню. Выпрацоўка стрыжнявога нацыянальнага ідэалу стала зладзённым патрабаваннем часу і аб'ектыўнай гістарычнай за-

канамернасцю. Толькі супольнымі намаганнямі пры ўмове кансалідацыі ўсяго грамадства можна было дасягнуць мэты.

А тады, на самым прадвесні нацыянальнага адраджэння, патрэбна было дарэшты разбіць разбуральны міф пра спаконвечную абяздоленасць, забітасць і непаўнавартаснасць беларусаў, пераадолець стэрэатыпную слязлівасць, якая набывала якасць і гучанне пэўнага канона на старонках адраджэнскіх выданняў. Гісторыя заклікала на авансцэну беларускі месіянізм, наўпрост звязаны з ідэяй абуджэння пачуцця нацыянальнай гордасці і нацыянальнай свядомасці, але «без найменшых знакаў нацыянальнага шавінізму і нянавісці да чужых нацый» [11, с. 78]. Менавіта ў гэты час у літаратурна-крытычных артыкулах, якія друкаваліся перадусім на старонках «Нашай Нівы», была насамрэч сфармулявана канцэпцыя «літаратурнага нацыяналізму» – сінтэтычнага развіцця і самасцвярджэння беларускай літаратуры і культуры.

Беларускія вешчуны праўды і волі аднымі з першых адчулі небяспеку міжвольнага стварэння адмоўнага іміджу нацыі. Асаблівае ўнутранае прычанне і нязгоду выклікала здзіўляючае падабенства ў адлюстраванні гаротнага сялянскага жыцця, у аснове якіх – сумны і няўцешны відарыс суцэльнай галечы, побытавай неўладкаванасці, адвечнай скаргі-плачу, акурат цывілізацыйнай прорвы. Кожны з літаратараў, як можна меркаваць па тэматычнай і зместавай канве твораў, усведамляў неабходнасць фарміраваць рэпрэзентатывна-кананічны ідэал нацыі, спалучаны з верай у праўду, у заўтрашні дзень, у высокія ідэалы жыцця. І гэта было надзвычай зладзённай задачай часу. У адным са сваіх артыкулаў М. Багдановіч горача даводзіў, што «не жаласць, не грашовая міласць памогуць змучанаму і хвораму сэрцу беларуса: увага, давер, пашана да яго грамадзянскіх правоў, чалавечнасць – гэта лепшае лякарства ад многіх хвароб. Ведайце толькі: не жаласці, а праўды хоча ад вас наш народ!» [3, т. 3, с. 237].

Пачынаць трэба было з самога чалавека, са звароту да яго самых найінтымнейшых, самых тонкіх струн душы, пачуццяў, адчуванняў, тых думак, якія вярэдзілі ўсю яго істоту, але не знаходзілі выйсця з фатальнай безвыходнасці, тупіковасці. Толькі ўзнавіўшы мастацкімі сродкамі адэкватную, рэальную карціну-стэнаграму споведзі «мяцежнага духу», можна было спадзявацца на адпаведную рэакцыю-суперажыванне, жывы рэзананс, які б працінаў наскрозь, вярэдзіў, нараджаў бунтоўную хвалю ўнутранага супраціву, нязгоды, спачування, – у залежнасці ад ідэйна-тэматычнага напаўнення канкрэтнага твора, ідэалагічных і эстэтычных устаноў і вырашаемых аўтарам мэт. У сувязі з гэтым варта звярнуць увагу на купалаўскі верш «А хто там ідзе?», які стаў своеасаблівым гімнам беларускага народа. У ім паэт «у духу біблейскага старога тастаменту» выявіў высакародна-трагічнае, месіянскае шэсце нескаронага народа, які нясе сваю крыўду на паказ усяму свету з адзінай марай і адзіным жаданнем «людзьмі звацца» [6].

Зразумела, спасцігнуць душу народа можна было толькі скіраваўшы сваю ўвагу на выяўленне і асэнсаванне глыбінных, узаемазвязаных і ўзаемазалеж-

ных, падчас даволі няпростых, супярэчлівых грамадскіх працэсаў і аспектаў, міжасобных стасункаў. Важна было ў сферу мастацкага даследавання прыцягнуць увесь комплекс сацыякультурнай, духоўнай чыннасці ў шматстайных і ўніверсальных яе праявах. Тагачасныя творы на старонках «Нашай Нівы» і іншых беларускіх выданняў пераканаўча сведчаць пра тое, што іх аўтары, паказваючы этапы духоўнага выспявання і духоўнай абуджанасці чалавека, не маглі абысці ўвагай тыя не вельмі прыязныя моманты, якія тычыліся «высвятлення *першаасноў духоўнасці* – таго стрыжнявога матыву, што вызначае чалавечае ў чалавеку» [8, с. 77]. І гэта ніяк нельга расцэньваць як парушэнне праўды жыцця і мастацкай выразнасці. Наадварот, у спробе дакапацца да першапрычын «крыўд і бед» бачыцца імкненне бескампрамісна, але пры гэтым чуйна і сумленна падысці да асвятлення тых негатыўных праяў, якія выступаюць перашкодай на шляху да духоўнага абнаўлення. У любым выпадку, падчас жорсткія словы-звароты як крайні аргумент ідэалагічнага пераканання не мелі нічога агульнага з пагардлівым і абыякавым позіркам звысоку і былі пазбаўлены адцення снабізму, фанабэрыі. За імі – суровая праўда жыцця і неадступная вера ў жыватворныя крыніцы народнага духу, у мудрасць народа, у гістарычнай апраўданасці яго адвечнага пакутлівага пошуку годнасці, ісціны, добра, справядлівасці. «У народ і край свой толькі веру / І веру ў самога сябе» [9, т. 3, с. 311] – гэтыя купалаўскія словы як нельга лепш высвечваюць яго паэтычнае і грамадзянскае крэда, унутрана-стрыжнявую ўпэўненасць у неўміручасць і невынішчальнасць духу народа.

Купала як прарок нацыі добра ўсведамляў, што літаратура павінна служыць духоўнаму абуджэнню і нацыянальнай кансалідацыі, і таму ўсе свае намаганні прыкладаў дзеля канцэптualaнага асэнсавання нацыянальна-адраджэнскай ідэі.

Грандыёзная задача, якая стаяла перад Я. Купалам, няўхільна скіроўвала яго на стварэнне канцэпцыі новага чалавека ў сувязі з праблемай нацыянальнага адраджэння. Галоўны клопат генія быў накіраваны на тое, каб раскрыць сілу, арыгінальнасць і непаўторнасць існа нацыянальнага духу, давесці тое, што чалавек каштоўны не сваёй бязлікай касмапалітычнасцю, а перш за ўсё як прадстаўнік свайго нацыянальнага этнаполіса. Таму «стварэнне» новага чалавека, па глыбокім перакананні Я. Купалы, немажліва без усведамлення апошнім сваёй ідэнтычнасці, самабытнасці і самакаштоўнасці. Перадумовай гэтай задачы, якая ніяк не магла быць вырашана ў маналітнай (монавалентнай) форме, у аднапланавай сістэме мастацкіх вобразаў і карцін, становілася задзейнічанне ўсяго спектра нацыянальнага жыцця, складанага і неадназначнага.

Канцэпцыя асобы ў Купалы набывае цэнтрабежную скіраванасць. Вобраз самога паэта адрозны ад рамантычнага. У рамантызме, як вядома, паэт па большай меры прадстаўнік нейкага касмапалітычнага соцыуму, а не сваёй нацыянальнасці, свайго народа. Ён шукае аднасць з паднебным, ідэальным, адрываючыся ад зямной рэальнасці. Купала уяўляе сябе не інакш, як паэтам сейбітаў і аратых – людзей, якія здабываюць свой хлеб «з мазаля». Нездарма

ў паэтычным лексіконе паэта столькі «працаёмкіх» азначэнняў сялянскай работы, паэтычных сведчанняў цеснай далучанасці да зямных клопатаў: *мазаліста жменя, бацькоўскія гоні, загон зямелькі чорнай, поле роднае* і г. д. Зрэшты, ідэйна-мастацкай пазіцыі Купалы заўсёды быў чужы эгацэнтрызм, звернутасць на сябе. Ідэал для паэта спалучаны з народным субстратам. Як і для яго папярэднікаў (найперш Ф. Багушэвіча), носьбітам і выразнікам новых ідэалаў для Купалы станавіўся чалавек з народа – вядомы прыём, да якога літаратура звяртаецца ў перыяд умацавання нацыянальнага адзінства – вобраз селяніна, які спалучаў у сабе «ідэалогію» нацыі ў перыяд палітычнага і нацыянальнага гнёту. Селянін станавіўся паэтычным сімвалам нацыі і адначасна ізгоем, для якога родная зямля заставалася «забраным краем». Міфалагема «забранага краю» сэнсава ідэнтыфікуецца ў Я. Купалы з міфалагемай «забранага раю», факт адкрыцця якога мяжуе з фактам захаплення ім, пра што сведчыць, упоруч з іншым, сялянская «атрыбутыка» і народна-песенная сімволіка яго твораў.

Усю ідэйна-вобразную тканіну паэзіі Купалы пранізвае адна магістральная ідэя – канцэпцыя самабытнай чалавечай сутнасці беларуса, якая дае яму права на сваё месца ў сусветнай людскай супольнасці: «І беларус можа змясціцца, / Ў сям’і нязлічанай славян». Гэта ідэя заключана ў шматлікіх вершах песняра. Так, у вершы «Аўтарцы «Скрыпкі беларускай» яна асноўная, у чым пераконвае наступная кульмінацыйная страфа: «Беларуса й яго жонку / Называеш ты людзьмі, / Беларусь, яго старонку, / Славіш песнямі сваймі» [9, т. 1, с. 126].

Ідэя адраджэння ў Купалы звязана не з адзінкавымі і выключнымі фактамі, яна далёка не архіперсаналізаваная, а выключна калектыўна адрасная. «*Нас восем мільёнаў!*» – з гонарам заяўляе паэт у вершы «Беларускай выдавецкай суполцы «Загляне сонца і ў наша аконца», усведамляючы і сябе часцінкай гэтай вялікай людскай супольнасці. Гэта – важны складнік ідэйна-мастацкай сістэмы Купалы, што сведчыць, у сваю чаргу, і пра адыход паэта ад класічных канонаў рамантызму. Гэтым беларускі рамантызм (у асобе Купалы найперш) адрозніваецца ад рамантызму еўрапейскага і збліжаецца з рамантызмам лацінаамерыканскім. Адметнай жа асаблівасцю лацінаамерыканскага рамантызму з’яўляецца тое, што «месца асобы займае нацыя. Непаўторнай чалавечай індывідуальнасці, якую адстойваюць еўрапейскія рамантыкі, адпавядае нацыянальная індывідуальнасць... лірычнае пачуццё нацыянальнага, так характэрнае для рамантычнай паэзіі Лацінскай Амерыкі» [19, с. 21–22].

Я. Купала, застаючыся рамантыкам па духу, наследуе яго асноватворныя прынцыпы, але ідзе далей у спасціжэнні нацыянальнага духу. Пачуццё нацыянальнага не толькі становіцца стрыжнем усёй яго творчасці, але да таго ж і развіваецца ў новую канцэпцыю. Романтычнае разуменне нацыянальнага Купала трансфарміруе ў паняцце народнага і робіць выразнікам гэтага паняцця ў сваёй творчасці не рамантычна індывідуалізаваную асобу, а менавіта постаць селяніна, мужыка – асобу не ўніверсальскай абагульненую, а сацыяльна канкрэтызаваную. А гэта ўжо характэрная рыса адраджэнскай літаратуры.

Роздум паэта над сваім лёсам і лёсам народа быў сапраўды тытанічным, усёахопным. Ён паядноўваў ці даваў надзею на паяднанне з вялікасным духам Сусвету праз моманты велізарных душэўных і духоўных зрухаў-азарэнняў, якія высвечвалі і дашчэнтну агалялі няцярпна-балючае знітаванне нерваў паэта, штохвілінна штурхаючы яго ці то ў пеклавае сутарэнне, ці то падымаючы да невымерных вышынь недасягальна-зваблівай гармоніі. Гэта яшчэ больш пераконвае ў тым, што набліжэнне Купалы да ўсяго комплексу чалавечых эмоцый і перажыванняў, імкненне зазірнуць у таямніцу часу, зразумець дынаміку гістарычнага працэсу сведчыла не толькі аб паглыбленні народнасці. Усё гэта мела большую – быццёвую, анталагічную – абумоўленасць, звязаную сапраўды з генетычнай памяццю чалавецтва. Таму дастаткова заканамерным і апраўданым уяўляецца зварот Купалы да мінулых часоў, дзе можна было адшукаць першаасновы дзяржаўна-прававога ўладкавання, прыклады паважлівага стаўлення да нацыянальных святынь, да грамадзянскага ўсталявання. «У свядомасці паэта, – слухна адзначае У. Гніламёдаў, – трывала захоўвалася пачуццё сувязі і дачынення да лёсу прайшоўшых пакаленняў, да іх гістарычнага вопыту, да той гуманістычнай маральна-этычнай традыцыі духоўнага разняволення, якая сфарміравалася ў грамадска-прававой практыцы Вялікага княства Літоўскага» [6, с. 83]. Вядомы беларускі вучоны, спецыяліст у галіне абароны годнасці і правоў чалавека Л. Ф. Яўменаў, адзначаючы вялікую ролю Статута, які меў афіцыйную назву «Статут права Вялікага княства Літоўскага» і з'яўляўся па сутнасці канстытуцыяй дзяржавы, слухна адзначае, што ў згаданым дакуменце размова ішла «не толькі аб паняцці права, не толькі аб правах народаў княства, не толькі аб правах усяго яго саслоўя і, зразумела, іх прадстаўнікоў, не толькі аб правах бедных і багатых, але аб правах як агульным, абстрагаваным ад канкрэтных сацыяльных вызначэнняў, з'яў» [7, с. 107]. Іншымі словамі, падкрэслівае даследчык, размова ішла аб правах любога і кожнага прадстаўніка соцыуму. У звароце Льва Сапегі да ўсяго саслоўя Вялікага Княства Літоўскага адзначаецца: «Тогда тот мундштук или удило на сдерживание каждого наглеца был изобретен, чтобы боясь права от всякого насилия и произвола сдерживался, а над более слабым и худшим не издевался и угнетать его не мог, ибо для того права установлены, чтобы богатому и сильному не все можно было делать» [17, с. 350].

Зварот да мінулага, у якім бачыўся ўзор для пераймання, быў звязаны з тытанічнымі намаганнямі паэта-месіі – стварыць надзейны грунт, падмурак, тую духоўную аснову, на якой бы надзейна трымалася свядомая беларускасць. Вось чаму такімі ідэязначнымі, канцэптазначнымі ў моўнай палітры Купалы нашаніўскай пары паўстаюць словы і выразы «грамадзянская згода», «супольнасць», «згода», «брацтва», паэтычныя імператывы («Любімосць, мае суседзі!»). У вершы «Навагоднія жаданні» (1908) Я. Купала прама ўказвае на тую канкрэтную прычыну-перашкоду, якія цягам стагоддзяў не давалі спраўдзіцца адвечнай заповітнай мары людзей:

Сваркі, звадкі не раз былі згубай для нас,
Разлучалі са шчасцем, з свабодай...
Хай жа з Новым Гадком новы бліжыцца час,
Брацтва, роўнасць, супольнасць і згода!

[9, т. 2, с. 46]

У вершы «Маладая Беларусь» («Гэй ты, гэі, Беларусь, маладая старонка», 1909), Купала таксама дае аптымістычную карціну будучага нацыянальнага ўладкавання, сцвярджаючы яго асновасутнасныя складнікі і перадумовы:

Грамадзянская згода, супольнасць загосце,
Аж усцешацца прадзедаў цені і косці,
Слоў унука не зглушыць ніякі прымус,
Што ён роднай зямлі верны сын, беларус.

[9, т. 2, с. 48]

Літаратура і мастацтва на працягу доўгіх вякоў імкнуліся знайсці тую дзейсную інтэлектуальную і духоўную сілу, якая б паказала шлях да ўнутранага прасвятлення, прывяла да паслаблення канфліктнасці і канфрантацыі ва ўсялякіх іх праявах і дазволіла прыйсці да згоды і ўзаемаразумення. Пры выбары шляхоў вырашэння складаных жыццёвых задач мастацкае слова заклікана дапамагчы захаванню стрыжнёвую ўнутраную канстантнасць, устойлівасць і ўпэўненасць у паспяховым пераадоленні магчымых цяжкасцей і перашкод. У дадзеным выпадку менавіта крытычны падыход, «крытычны розум», па словах В. Жураўлёва, «могуць быць для чалавека вельмі дзейсным і сур'ёзным сродкам і гарантам самаабароны ад розных выпадковасцей і найперш – ад моцнага, негатыўнага ўплыву на яго замаскіраванай, закамфліраванай і загрыміраванай у формы дабрыні і праўды падманлівай ілюзорнай ідэі, што тоіць у сабе для слаба падрыхтаванай свядомасці і залішне даверлівай, наіўнай душы вялікую небяспеку лёгка прымаць «на веру... шаблон пустых слоў, пустых выразы, чужыя формы думак і чужы змест іх» [8, с. 18–19].

Паводле В. Жураўлёва, курс на абнаўленне і абуджэнне духоўных і творчых сіл чалавека і нацыі быў унутранай неабходнасцю і адной з рэальных перадумоў паспяховага і паўнацэннага выканання літаратурай сваёй грамадскай функцыі яшчэ ў пачатку XX ст. Гэтая лінія паслядоўна праводзілася «Нашай Нівай». «Зыходзячы з ідэі фармавання грамадскай супольнасці, – адзначае М. Рагойша, – «Наша Ніва» заклікала чытачоў змагацца з пасіўнасцю і інертнасцю, безыніцыятыўнасцю, выступала супраць сацыяльнай раз'яднанасці нацыі, індывідуалістычнай асабістай замкнёнасці, заклікала да салідарнасці, узаемнай падтрымкі беларусаў адзін аднаго» [16, с. 24].

Красамоўным фактам, які засведчыў аб'ектыўнае імкненне і здольнасць тагачаснай літаратуры выйсці на новыя мастацкія рубяжы, з'яўляецца дыскусія 1913 г. на старонках «Нашай Нівы» і, у прыватнасці, артыкул «Па сваім шляху» Юрыя Верашчакі (В. Ластоўскага), аднаго са стваральнікаў дактрыны нацыянальнай літаратуры. Аўтар выказаўся за неабходнасць фарміравання новага тыпу мастака, які б увасабляў і адлюстроўваў духоўную сутнасць народа

і змог стварыць свае, нацыянальныя, формы творчасці, выпрацаваць уласныя крытэрыі мастацкага ўспрыняцця і ацэнкі жыцця, набыць свой арыгінальны голас. У прыватнасці, Ю. Верашчака сцвярджаў: «На нашых «навінах» павінна быць багатая ўрода, мы павінны знайсці сябе і даць свету новыя думы, ска- заць новае слова.

А калі мы скажам новае слова, калі мы тым, што па горах ходзяць і не бачаць сонца, пакажам яго, тады мы раз назаўсёды заваюем права называцца культурным народам, тады на край свету пралунае слова беларускага імені і да нас прыйдуць людзі шукаць новых пуцяводных зор, новых праўд» [15]. Аўтар горача адстойвае думку, што ў літаратуры павінен з'явіцца новы герой – «тып чалавека будучага». Палемічна адмаўляючы «благі ўплыў бульварнай і неўрастэнічнай суседскай літаратуры», Ю. Верашчака настойліва даводзіць, што «нашы пісьменнікі павінны вырабляць талент свой не на дэкадэншчыне, а на ўсясветнай класічнай літаратуры, павінны не толькі раскрываць раны свайго грамадзянства і паказваць яго калецтвы, але і шукаць чалавека будучыні, чалавека сільнага, здоровага, чалавека – цара прыроды.

Мы павінны шукаць і знайсці новы шлях і паказаць яго тым, што дагэтуль, па горах ходзячы, не бачуць сонца» [10, с. 285].

Як бачым, пафас гэтага надзвычай актуальнага і сёння артыкула мае жыццесцвярдзальны, аптымістычна-вітальны характар, з вялікай доляй рацыянальнага, што, зноў жа, абумоўлена канкрэтнай гісторыка-культурнай сітуацыяй. Эпоха нацыянальнага адраджэння аб'ектыўна ўспрымалася і трактавалася ў шырокім агульнакультурным кантэксце, і перад літаратурай стаяла задача выбудаваць прывабную мадэль новай, адметнай культурна-духоўнай традыцыі, нацыянальнай самасці, якая б мела бяспрэчнае права на жыццё. Важна было «мадэрнізаваць», актуалізаваць філасофскія, гісторыка-культурныя і эстэтычныя комплексы, надаць ім пазітыўнае гучанне з тым, каб яны набылі статус своеасаблівай нацыянальнай дактрыны, пэўнага грамадскага кодэкса, які б стымуляваў і падтрымліваў жыццёвы і гістарычны аптымізм народа. У гэтым кантэксце словы «новыя думы», «новыя словы», «новая праўда» набывалі адценне правідэнцыялізму і месіянізму. Літаратурнай творчасці адводзіўся асобы – прарочы – статус і значэнне, а мастаку, адпаведна, роля і амплуа мудрага ўладара народных дум, прарока, песняра-правідцы, які бярэ на сябе адказнасць за лёс народа. Гаворка, па сутнасці, ішла пра новы тып пісьменніка, які можа ўказаць шлях да «новага жыцця», «новага слова», што ў кантэксце адраджэнскай ідэалагемы мела аграмадны жыццёбудаўнічы сэнс.

У рэчышчы распачатай Ю. Верашчакам гаворкі красамоўным падаецца і заклік М. Гарэцкага падняць прэстыж нацыянальнага тэатра, рупіцца пра змястоўнасць драматургічных твораў, што мела для нацыянальнага адраджэння першаступенную ролю. «Пакажыце беларусу са сцэны, хто ён, чым ён быў, што ён цяпер, чым бы ён мог быць, гукніце яго са сцэны да новага жыцця – і божа мілы! – гэты гаротнік беларус, пераканаўшыся, ужо знойдзе здольнасці парваць ланцугі рабства, патрапіць крыкнуць: «Жыве Беларусь!» – так дужа, што аж векавыя мury няволі, як тыя сцены ерыхонскія, пасыплюцца ў прах.

А ў такім разе доўг нашых пісьменнікаў, каторы яны павінны сплываць, гэта – у драматычных творах паказаць беларусу, у якой пушчы ён блудзіць і дзе ляжыць яму дарога на поле, шырока-далёкае, роднае поле вольнага жыцця» [5, с. 172].

Агульнай платформай, на якой адбываўся філасофска-светапоглядны пошук нацыянальнай ідэнтычнасці, становіўся ўвесь духоўны комплекс чалавека, яго быццёвы статус, ментальныя асновы, прынцыпы светаўспрымання і г. д. У любым выпадку, шлях да агульналюдскай культуры ляжаў перадусім праз спасціжэнне адмыслова *нацыянальнай індывідуальнасці*, выяўленай у мастацтве і праз культурнае будаўніцтва. Іншымі словамі, прыярытэт нацыянальнага, інтэнсіўны пошук уласнай сутнасці становіўся запарукай уваходжання ў сусветную супольнасць. Маючы на ўвазе вострую неабходнасць нацыянальнага пазіцыяніравання, Л. Гмырак, у прыватнасці, пісаў: «Тым болей энергічнай павінны мы працаваць, каб дагнаць другіх, каб папоўніць усе недахваты многавяковага застою, каб як найхутчэй увайсці ў агульналюдскую сям'ю. Увайсці ж мы туды зможам толькі як беларусы, толькі цвёрда стоячы на грунце нацыянальнай асобнасці» [14].

Патрэба знаходжання маркераў «нацыянальнай асобнасці», раскрыццё характару, псіхалогіі асобы было абумоўлена ў вялікай ступені і тым, што, па перакананні таго ж Ю. Верашчакі, «гэты асобны характар і псіхалогія вытвараюць нацыянальную ідэалогію. Ідэалогія бывае заўсёды нацыянальная, бо яна, як смак у ягадах вінаграду, творыцца з варункаў клімату і псіхалогіі людзей. Ідэалогія, – падсумоўвае сваю думку аўтар, – гэта сума ідэалаў, якія нацыя ці асобны чалавек мае ў сваёй галаве, носіць у сваім сэрцы» [13]. Як бы ў працяг гэтай тэзы М. Гарэцкі даводзіў: «І трэба яшчэ паказаць беларусу са сцэны, што ён – *чалавек*, і што ён павінен мець свой чалавечы гонар, і павінен дзетаць сваіх гадаваць з сумленнем...

І трэба паказаць беларусу са сцэны, што ён мае слаўнае прошлае, што яго дзядоўшчына нараўні з крапчэйшымі старонкамі пад сонцам была і што карані нашы родныя беларускія не згнілі, трывалы і цягучы, маюць жывы сок і жывую сілу і ўжо добрыя адросткі к небу гоняць, а з часам над імі крэпкія, высокія, прыгожыя дрэвы закрасуюцца...» [5, с. 173].

Па сутнасці, выступленні ўдзельнікаў нашаніўскай дыскусіі (Ю. Верашчакі (В. Ласта) («Сплачвайце доўг», «Па сваім шляху» і інш.), Аднаго з парнаснікаў ((мяркуемы псеўданім Купалы) «Чаму плача песня наша»), Л. Гмырака («Яшчэ аб сплыванні доўгу», «Мова ці гутарка» і інш.), Я. Лёсіка («Ці маем мы права выракацца роднай мовы?», «Ці сапраўды мы ніколі не будзем мець свайго Міцкевіча, Пушкіна, Сянкевіча, Талстога?» і інш.) набылі ўсе адзнакі літаратурных маніфестаў аб шляхах стварэння новага нацыянальнага мастацтва, выпрацоўкі новай філасофска-мастацкай канцэпцыі, якая мела на ўвазе арганічнае спалучэнне нацыянальнага і ўніверсальнага, сваёй і іншанацыянальнай культурнай традыцыі.

Беларускія пачынальнікі-адрэджэнцы бачылі тую небяспеку, якая таілася ў фаталістычным нацыянальным гіперкрытыцызме, у ганебным стэрэатыпе

суцэльнай абяздоленасці і непаўнаwartаснасці беларусаў, што аб'ектыўна пазбаўляла якіх бы там ні было перспектывы развіцця нацыі. Песімістычны, слязліва-сентыментальны вобраз беларуса, падача яго як ахвяры гістарычнага працэсу ніколькі не спрыяла яго прэзентатыўнаму іміджу. Больш за тое, гэта быў бесперспектыўны, тупіковы шлях, які не адпавядаў зместу і логіцы развіцця нацыянальнай культурнай традыцыі, маючай багатыя гісторыка-культурныя традыцыі і скрытыя патэнцыі развіцця.

Менавіта ўжо ў пачатку свайго шляху Я. Купала, узяўшы курс на культурна-духоўную кансалідацыю нацыі, на ўмацаванне ідэі аб самастойным гістарычным шляху, на адраджэнне рамантычнага пафасу пошукаў нацыянальных каранёў, мастацка-прапагандысцкімі сродкамі імкнуўся прывіць пачуццё асобаснай і нацыянальнай годнасці, самаўсведамлення і самасцвярджэння. «Творчасць Купалы сведчыла, – зазначае У. Гніламедаў, – што на змену пакутніку і плакальшчыку ў беларускую літаратуру прыходзіць новы, адраджэнскі тып чалавека, які пачынае разумець сваю wartасць і маральную сілу. Гэты чалавек становіцца пратаганістам купалаўскай творчасці, вызначае яе ідэйны змест і мастацка-эстэтычныя рысы» [6, с. 20].

У многіх вершах паэта, уключаючы і ранні перыяд творчасці, гучыць пратэст супраць жыццёвай руціны, бязмэтавага гібнення, інертнасці, бяздзеінасці, сцвярджаецца неабходнасць абрання больш актыўнай пазіцыі, гатоўнасць адстойваць свае чалавечыя правы. Вось чаму форма непасрэднага публіцыстычнага звароту, закліку становілася найбольш аптымальным шляхам грунтоўнага дыялогу з народамі:

Пакіньма напуста на лёс свой наракаць,
Скрозь слёзы скаргі сеяць па зямлі, –
Нам трэба жыць і долю папраўляць,
Каб нас патомкі з часам не клялі.

Блудныя сцэжкі цёмнага жыцця
Навукі сонцам мусім рассвятліць,
Каб мы і наша ў прышласці дзіця,
Не блудзячы, маглі свой век дажыць.

Штандар свабоды хай вядзе усіх
У свет на бітву з цемрай і са злом,
А гікі грозьб мучыцеляў глухіх
Глушыма вольнай песні перуном.

Навукай, воляй зможам стогн бяды,
Засеем долю на роднай зямлі,
І заживём шчасліва мы тады,
Як прадзедаў век нашы не жылі.

[9, т. 1, с. 94]

Як бачым, у прыведзеным вершы Купалы, напісаным у рэчышчы агульнай тэндэнцыі да абнаўлення грамадства, відавочна заўважаецца апалогія навукі, асветы як дзейснага сродку барацьбы «з цемрай і са злом», што натуральна стасоўвалася з ідэалагемай нацыянальнага адраджэння. У Купалы моцным

было жаданне аб'яднаць людзей, абудзіць у іх прагу дзеяння-спамыслення, акрыліць надзеяй і верай у лепшую долю:

Пойдзем, ўзяўшы за сцяг свой і роўнасць, і згоду,
Жыцця лепшага покуль не знойдзем,
Пойдзем, пойдзем сабе здабываці свабоду,
Як адзін, як адзін дружна пойдзем!

[9, т. 1, с. 96]

У рэчышчы адраджэнскай тэматыкі, у якой яскрава выяўлена аптымістычная мадэль быцця, ідэя пераўтварэння рэчаіснасці, напісаны і верш «Сваякам па гутарцы». Паэт скарыстаў у ім – у межах рамантычнай парадыгмы нацыянальнага міфа – сродкі відавочна дэкларацыйна-публіцыстычныя, рытарычныя з мэтай узмацніць патрыятычны матыў, пафас веры ў жыццесцвярджальныя пачаткі:

Шлю вам песняй, братнім словам
Здароўканне, людзі:
Не гасіце веры, што вам
Жыцця лепей будзе.

Вы не зломкі, вы не зноскі, –
Вы народ магучы:
Ваша панства – вашы вёскі,
Пан ваш – труд жывучы.

.....
Дык хай жа вас не асіле
Зверства непагоды,
Распусціце сваё крылле,
Як і ўсе народы.

Рухне крыўда, праўда ўстане,
Ворагаў адстраша,
Будзе долі панаванне
На зямлі на нашай.

[9, т. 3, с. 93–94]

Сутнасна важна было згуртавацца дзеля «вялікаснай і справядлівай, гістарычна выпакутаванай ідэі нацыянальнай незалежнасці Беларусі». «Каб сцвердзіць, узвялічыць і абгрунтаваць гэтую ідэю, – заўважае І. Багдановіч, – Купала паэтызаваў гістарычнае мінулае, у якім бачыў духоўную апору на новым этапе барацьбы. Для гэтага патрэбна была яго гераізацыя і ідэалізацыя» [2, с. 13]. І гэта тычыцца, зрэшты, не толькі мастацкай рэфлексіі мінулага. Прыхільнік і прадаўжальнік міцкевічаўскага рамантычнага ідэалу свабоды, рамантычнага пафасу ўвогуле, Купала не паказваў свайго героя выключна як істоту сацыяльна і грамадска ангажаваную, а імкнуўся раскрыць багаты ўнутраны свет сучасніка ў яго бясконцай складанасці. Мужык як прадстаўнік народа выступае ў яго носыбітам, з аднаго боку, інертнасці, непераборлівасці, пакорлівасці лёсу, а з другога – духоўнасці, прыгажосці, свабоды, абуджэння духу. Купала існа адчуваў сябе «пакліканым на новае фармуляванне нацыянальнай ідэі,..

рашуча адмятаў вобраз бяздольніка-недарэкі і замацоўваў у свядомасці з’яўленне новага годнага, «думнага» сына вялікай краіны. Адпаведна канцэпцыя гістарычнага ўпадку замянялася канцэпцыяй новай, маладой Беларусі, якая творыць сваю адроджаную ўсябытнасць» [1, с. 32]. Гэта азначала, што паэт тым самым публічна абвешчаў духоўную суверэннасць мужыка як нацыянальнага тыпу, далучаў звычайнага прадстаўніка народа да сучаснай яму цывілізацыі, да культуры, да вышэйшых ідэальных, гуманістычных каштоўнасцей. Менавіта гэты вобраз як бы імпліцытна ўказваў на складанае перапляценне ў ім усеагульнага, нацыянальна-гістарычнага і індывідуальнага пачаткаў, на яго гістарычную запатрабаванасць падчас лёсавызначальных грамадскіх падзей.

Маштабнасць задачы нацыянальнага адраджэння акурат уплывала на выбар шляхоў яе ажыццяўлення праз мастацкае слова. У многім менавіта гэты фактар абумоўліваў і творчую манеру мастака, арсенал выяўленчых сродкаў. І з той жа прычыны творы Купалы маюць моцны суб’ектыўны пачатак, вызначаюцца спавядальнай шчырасцю выказвання заповітных думак, выпакутавана-ўзвышаным поглядам на жыццё. «Лірызацыя беларускай паэзіі, пераход ад «жалейкавай усеагульнасці» да «лірыкі персанальна-псіхічнага» (Р. Бярозкін) акрамя чыста літаратурных, эстэтычных задач неслі ў сабе і мэту сацыяльную, гуманістычную: «Я – мужык», «Я – чалавек», «Я – асоба» – гэты тэзіс не толькі сцвярджаўся ў паэтычных лозунгах і дэкларацыях, але і канкрэтна ўвасабляўся ў раскрыцці багатага, шматграннага, духоўнага ўнутранага свету селяніна» [12, с. 35]. Доказам таму можа служыць і добравядомы ранні верш Купалы «Мужык», пазначаны сцвярджалым пафасам, герой якога пры незайздросным сацыяльным статусе не траціць пачуцця самапавагі, чалавечай годнасці, і поўны рашучасці здабыць права быць паўнапраўным суб’ектам чалавечай супольнасці: «Ніколі, браткі, не забуду, / Што чалавек я, хоць мужык» [9, т. 1, с. 52].

Літаратура брала на сябе задачу мастацкага ўвасаблення паўнаважнага, сапраўднага героя як існага прадстаўніка нацыі, больш за тое, прадстаўніка ўсяго чалавецтва. Красамоўным сведчаннем таму могуць служыць і згаданыя вышэй, і іншыя творы паэта. Так, у вершы «Песня і сіла» Купала нібыта выяўляе свой ідэал гармоніі, які магчымы праз пераадоленне тых перашкод, якія не даюць разгарнуцца ва ўсю моц унутраным сілам чалавека:

Дайце разгону, прастору
Дрэмлечым песням і сілам, –
Дрогне запор наймацнейшы,
Мы ўскалыхнём і магілай.

Продка адвечную думу
Праўнук санлівы пачуе;
Што ўзяць курган нам маніўся,
На кургане адбудуем.

Шлях залаты працярэбім,
Зорна ўзнясёмся ў вышчы
Вышай няпраўды, няславы,
Вышай пакутных балотаў.

Моц сваю свету пакажам...
Здзіўляцца старцы і дзеці:
Што знача песня і сіла!
Што знача вельмі хацеці!

[9, т. 2, с. 153–154]

Увогуле ж, купалаўская «песня і сіла» вельмі ўжо нагадвае багданові-чаўскую «красу і сілу». Гэтыя словы ўспрымаюцца не проста як паэтычная формула, знак найвышэйшай дасканаласці, гармоніі, але, што не менш важна, як бы міжволі высвечваюць момант узвышэння чалавечага духу, калі чалавек можа паўстаць ва ўсёй сваёй духоўнай велічы. Самі назвы можна кваліфікаваць як аснову і шлях духоўнага і фізічнага станаўлення і ўзвышэння чалавека прыгожага, здаровага, натуральнага.

Галоўную задачу паэта Купала бачыць у тым, каб быць выразнікам духоўных пошукаў нацыі, абуджаць свядомасць людзей, скіроўваць іх на шлях згоды, гармоніі, праўды. Беларускі пясняр ўсведамляў вялікую сацыяльную функцыю і актыўнае, дзейснае значэнне паэзіі ў жыцці грамадства, асобую ролю мастака, творцы ў сацыякультурным будаўніцтве. Творы сапраўднага паэта – і гэта было ўласным крэда самога Купала – павінны быць нечым большым, чым толькі фактам літаратуры. І гэта ён даказваў сваёй творчасцю, сваім жыццём. Усё, што выходзіла з-пад пяра Прарока нацыі, мела праграмную, ідэалагічную скіраванасць. У адным з такіх праграмных, ідэалагічна заангажаваных вершаў «Песняру-беларусу» (1909) акрэсліваецца сапраўды тытанічная задача, якую павінен здзейсніць «зямлі забытай пясняр» у імя вышэйшай існасці жыцця:

Шчаслівы ты ці нешчаслівы,
Будзі сыноў сваёй зямлі,
Над беларускай соннай нівай
Нязгаслы светач распалі!

Глядзі – ўскалышыцца, прачнецца
Мільённы прыспаны народ...

[9, т. 2, с. 65]

Ідэал паэта паўставаў у вобразе духоўнага валадара, цара, творцы-дэміурга («Пясняр – слуга слугі усякай, / Пясняр і цар усіх царэй»), які ўзвялічваецца сілай унутранай работы, шляхам самаспаўнення, глыбіннага адчування сэнсаснаснасці свайго лёсу, учынку, дзеяння. Вобраз паэта ў Купала заўсёды спалучаны з ідэяй ахвярадайнасці, высокага служэння роднай зямлі, свайму народу, Бацькаўшчыне.

У вырашэнні задач адбудовы нацыянальнага жыцця вялікая роля адводзілася Я. Купалам вобразу-ідэалагеме «прарока», «песняра», «Уладара». У вер-

шы «Паўстань...» (1919), паводле І. Багдановіч, «вобраз новага мудрага ўладара... выпісаны Купалам эмацыянальна і «геральдычна», што нагадвае стыль манументальнага гістарызму. Постаць уладара ўмяшчала ў сабе ампула «прарока», «песняра» і «ваякі», які паўстане кроў з крыві, косць з косці гэтага народа і выведзе яго «адбудаваць свой збураны пасады» [2, с. 15].

Паўстань з народу нашага, прарок,
Праяваў бураломных варажбіт,
І мудрым словам скінь з народу ўрок,
Якім быў век праз ворагаў спавіт!

Збяры ў адну ўсю Беларусь сям'ю,
Вазьмі з яе прысягу і зарок,
Што не прадасць сябе, сваю зямлю...
Зняць пугу Бацькаўшчыны ўстань, прарок!

.....
Паўстань з народу нашага, Ўладар,
Адбудаваць свой збураны пасады,
Бо твой народ забыў, хто гаспадар
І хто яго абдзёр з каронных шат.

На Ўладара жджэ Беларусь даўно,
І жджэ цябе ўладарства Божы дар,
Вялікае, магутнае яно...
Пад беларускі сцяг прыйдзі, Ўладар!

[9, т. 4, с. 65–66]

Купала і Колас цесна спрычыніліся да праблем нацыянальнай самаідэнтыфікацыі, да пошукаў тых дэтэрмінантаў, якія абумоўлівалі ступень і характар праяўлення нацыянальнага фактару, уплывалі на працэс эстэтычнага самаўсведамлення і самацвярджэння маладой беларускай літаратуры, на дасягненне ёю ўласнай самадастатковасці, самавартаснасці. Лёсавызначальныя праблемы і задачы, наўпрост звязаныя з самаідэнтыфікацыяй і самавызначэннем нацыі, нязменна і пастаянна знаходзіліся ў эпіцэнтры мастакоўскага і чыста чалавечага клопату, вярэдзілі неспакойныя і неспатольныя сэрцы паэтаў, набывалі небывалую грамадска-палітычную важкасць і вастрывню, мелі папраўдзе ўсюдыісны, трансцэндэнтны характар. Нацыязначнае ў творчасці Купалы і Коласа натуральна і заканамерна перагуквалася з агульначалавечым, усялюдскім – адстойваннем права на годнае, вартае чалавека жыццё, свабоду волевыяўлення, на права карыстацца ўсімі заваёвамі культуры.

Ужо напачатку нацыянальнага адраджэння нашы будзіцелі-пасіянары ўзялі на сябе адказную місію быць праваднікамі нацыянальнай ідэі, нястомна і апантана сілай палымянага мастацкага слова абуджалі ў людзях пачуццё адзінакрэўнасці, духоўнай, чалавечай і нацыянальнай салідарнасці, узаемадапамогі і ўзаемападтрымкі, заклікалі паважліва і беражліва адносіцца да нацыянальных і гістарычных святынь. Высока ацэньваючы падзвіжніцкую ролю нашых пачынальнікаў, якія закладвалі падмурак новай беларускай літаратуры і намацвалі перспектыву яе далейшага развіцця, В. Жураўлёў піша:

«Абапіраючыся на традыцыі, яны (пачынальнікі. – В. М.) добра адчулі, што пры самых шырокіх і разнастайных сувязях і ўзаемадачыненьнях з жыццём мастацкае і літаратурнае слова можа паўнапраўна жыць і развівацца, арыентуючыся не на паказ і ўхвалу барацьбы, калатнечы і людской размежаванасці, а на ўмацаванне духоўнай еднасці і братэрскай суладнасці» [8, с. 53].

Класікі нашай літаратуры жылі і тварылі з надзеяй у будучае, у шчасную долю народа, кіруючыся агульнанародным, агульнадзяржаўным інтарэсам, абіраючы пазіцыю дабратворнага і пазітыўнага дыялогу з жыццём. Валодаючы магутным духоўна-інтэлектуальным патэнцыялам, яны былі закліканы гісторыяй стаць бясспрэчнымі ідэолагамі нацыі, выразнікамі яе глыбінных асноў, высокіх духоўных памкненняў, пасіянарных нацыязначных ідэй і задач па пераўтварэнні і абнаўленні жыцця і прыклалі тытанічныя намаганні, каб Беларусь здабыла нарэшце «свой пачэсны пасаг між народамі», заняла сваё годнае месца ў свеце.

Літаратура

1. Багдановіч, І. Метафара маладосці як ідэйна-эстэтычны прынцып мадэрнізму і яго актуалізацыя ў творчасці Янкі Купалы 1910-х гадоў / І. Багдановіч // Нараджэнне класіка: VII Міжнар. Купалаўскія чытанні, Мінск, 17–18 чэрв. 2004 г. – Мінск, 2005.
2. Багдановіч, І. Патрыятычны «неарамантызм» Янкі Купалы ў святле міцкевічаўскай традыцыі і еўрапейскага мадэрнізму / І. Багдановіч // Янка Купала і Адам Міцкевіч: IV Міжнар. Купалаўскія чытанні, Мінск, 9 верас. 1998. – Мінск, 2000.
3. Багдановіч, М. Поўн. зб. тв.: у 3 т. / М. Багдановіч. – 2-е выд. – Мінск: Беларус. навука, 2001. – 600 с.
4. Беларуская думка. – 2004. – № 2.
5. Гарэцкі, М. Творы: Дзве душы: аповесць. Апавяданні. Жартаўлівы Пісарэвіч: п'еса. Літаратурная крытыка і публіцыстыка. Лісты / М. Гарэцкі. – Мінск: Маст. літ., 1990.
6. Гніламёдаў, У. В. Янка Купала: Жыццё і творчасць / У. В. Гніламёдаў. – Мінск: Беларус. навука, 2002. – 238 с.
7. Евменов, Л. Ф. Глобализация: конвергенция – достоинство и права человека: сб. науч. ст. / Л. Ф. Евменов. – Минск: Право и экономика, 2015. – 328 с.
8. Жураўлёў, В. П. Актуальнасць традыцый: Якуб Колас у пісьменніцкім асяродку / В. П. Жураўлёў. – Мінск, 2002. – 184 с.
9. Купала, Я. Поўн. зб. тв.: у 9 т., 10 кн. / Я. Купала. – Мінск: Маст. літ., 1995–2003.
10. Ластоўскі, В. Выбр. тв. / В. Ластоўскі. – Мінск, 1997. – 500 с.
11. Маладая Беларусь. Сер. 1. – Пг., 1912. – Сш. 1.
12. Нарысы па гісторыі беларуска-рускіх літаратурных сувязей: у 4 кн. – Мінск, 1994. – Кн. 2: Пачатак XX ст. 1900–1917.
13. Наша Ніва. – 1913. – № 34. – 5 верас.
14. Наша Ніва. – 1913. – № 41. – 10 кастр.
15. Наша Ніва. – 1914. – № 9. – 27 лют.
16. Рагойша, М. Да пытання пра гуманістычны пафас, структуру і жанравы дыяпазон «Нашай Нівы» / М. Рагойша // Нараджэнне класіка: IV Міжнар. Купалаўскія чытанні.
17. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Даведнік. Каментарыі. – Мінск, 1989.
18. Теория литературных стилей. Типология стилевого развития нового времени. – М.: Наука, 1976. – 352 с.
19. Формирование национальных литератур Латинской Америки. – М.: Наука, 1970. – 264 с.
20. Яскевіч, А. С. Наватарскія тэндэнцыі ў беларускай літаратуры пачатку XX ст. / А. С. Яскевіч // Нараджэнне новага мастацтва / Л. Я. Гаранін, А. С. Яскевіч, А. П. Матрунёнак. – Мінск: Навука і тэхніка, 1980. – 258 с.

**SALUS HUMANITATIS SUPREMA LEX*:
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО О ДОСТОИНСТВЕ
И ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА**

**ВСЕОБЩАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА –
ЛОГИКА СВОБОДЫ И ДОСТОИНСТВА**

Т. Л. Евменова,

доцент Белорусского института правоведения

Неудачи в реализации надежд, выраженных
Всеобщей декларацией и различными,
ставшими ее продолжением, инструментами,
привели к переоценке фундаментальных ценностей,
на которых зиждется наше общее обязательство
перед правами человека и человеческим достоинством.

*Европейский круглый стол.
Хельсинки, 1993*

10 декабря 1948 г. в Париже, во дворце Шайо, прекрасном памятнике истории и культуры Франции, на основе проекта французского ученого Ренэ Касэна при восьми воздержавшихся делегациях (СССР, Украина, Беларусь, Чехословакия, Польша, Югославия, Саудовская Аравия, Южно-Африканский Союз) третья сессия Генеральной Ассамблеи ООН приняла Всеобщую декларацию прав человека. Эта историческая Декларация систематизировала и сформировала основы прав человека, наработанные в процессе предшествующего развития человеческого общества.

Конечно, с высоты сегодняшних правовых знаний, особенно в области прав человека, с высоты приобретенного международного опыта правозащитной деятельности можно говорить о том, что Всеобщая декларация – это не более, чем декларация о благих намерениях, ибо она не имеет никакой юридической силы, что она исходит из морального идеализма XVIII в., из понятия АБСТРАКТНОГО ЧЕЛОВЕКА ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА, из понятия ЧЕЛОВЕКА ВООБЩЕ, как представителя рода Homo Sapiens, что в ней теряется конкретный человек, человек определенной социальной ситуации и неоправданно смешиваются понятия прав человека и прав гражданина, неудовлетворительно отражены экономические, социальные и культурные права, что для нее вместе с тем характерна предельная индивидуализация прав человека и т. д.

* Благо человечества – высший закон (лат.).

Тем не менее нельзя не согласиться с известным исследователем данной общечеловеческой проблемы, венгерским ученым Имре Сабо. «Несмотря на всю критику, на все оценочные суждения, – пишет он в книге «Международные измерения прав человека», – можно утверждать, что Декларация имеет успех, который редко встречается в истории международного права» [7, р. 25]. Это суждение ученого бесспорно. Действительно, Всеобщая декларация прав человека дала мощный импульс дальнейшего развития международному правочеловеческому мышлению и правозащитной деятельности. Именно на ее философском и политико-правовом базисе возникли такие важнейшие акты международного права, как Конвенция о защите прав человека и основных свобод Совета Европы, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Международный пакт о гражданских и политических правах, Факультативные протоколы к этому пакту, Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Международная конвенция о пресечении преступлений апартеида и наказании за него, Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, Конвенция о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Декларация о праве на развитие, Конвенция о правах ребенка и другие, являющиеся сгустком человеческой совести и благородства, определяющие сегодня правозащитную деятельность Сообщества объединенных наций. На этой основе появились такие региональные акты, как Американская конвенция 1969 г., Африканская хартия прав человека и народов 1981 г., Арабская хартия прав человека 1994 г.

На политико-правовом фундаменте Всеобщей декларации зиждется работа Совета, Комитета, Центра ООН в Женеве, Страсбургского центра Совета Европы, международных и региональных судов и трибуналов по защите прав человека, ряда подкомиссий по правам человека, работа Третьего Комитета Генеральной Ассамблеи, Экономического и Социального Совета ООН, Департамента социальных, гуманитарных наук и культуры ЮНЕСКО и ЮНЕСКО в целом, Международной организации труда, Международного хельсинского движения.

На благодатной почве Всеобщей декларации выросли десятки организаций системы ООН, международные региональные образования типа Совета Европы, Организации американских государств и ОБСЕ, другие региональные и межрегиональные международные организации, национальные комитеты, сотни национальных неправительственных организаций, проведены многие десятки международных форумов, в том числе Всемирная тегеранская конференция 1968 г. и Венская всемирная конференция по правам человека 1993 г.

Без этого поистине вселенского правочеловеческого акта, без других, разработанных на его основе документов общепланетарного гуманизма, без целой системы международных, региональных, межрегиональных, национальных организаций, ставящих своей задачей поощрение и защиту прав челове-

ка, немыслимы сегодня цивилизованные международные отношения, демократическое развитие народов и государств, немыслима успешная борьба человека и человечества против различных форм коллективной и индивидуальной деспотии и насилия, реальное существование самой человеческой или, как говорят немцы, *das Ewigmenschliche** из всех известных на этой планете ценностей *достоинства человеческой личности*.

Сколь ни множились бы международные и национальные акты и организации, стоящие на страже правочеловеческой безопасности на Земле, Всеобщая декларация прав человека останется первоисточком всех актов международного права, утверждая величие человеческого *разума* и поистине реализующегося *гуманизма*, являясь первоосновой международной идеологии прав человека, более того – *первоосновой* неотвратимо, неизбежно формирующегося *общечеловеческого мировоззрения*. Ибо, как сказал в докладе Всемирной конференции (Вена, 1993 г.) ее тогдашний Генеральный секретарь Бутрос Бутрос-Гали, «...права человека являются общим языком человечества. Принимая этот язык, все народы получают возможность понимать друг друга и стать авторами своей собственной истории» [4, с. 58].

В качестве первоосновы формирующегося общечеловеческого мировоззрения, общечеловеческого языка Всеобщая декларация прав человека дала мощный импульс дальнейшему углублению содержания, совершенствованию структуры, увеличению объема правочеловеческого мышления и деятельности. В результате правозащитными органами международного Сообщества наций достигнут значительный прогресс в разработке гражданских прав человека, прав женщин, инвалидов, ребенка, беженцев, лиц, лишенных гражданства, душевнобольных, заключенных, рабочих-мигрантов и их семей, коренных народов, религиозных и национальных меньшинств, прав на развитие. Большое внимание уделяется разработке проблем защиты человека от явлений геноцида, рабства, пыток, всех форм дискриминации и других негативных явлений, грубо растаптывающих *достоинство личности*. В связи с правами народов на самоопределение в концептуальный аппарат так называемого *третьего поколения* прав человека введены право на здоровую окружающую среду, право на мир, право на доброкачественные продукты питания, право владеть общим наследием человечества и прежде всего, как уже говорилось выше, *право на развитие*.

Свидетельством качественных подвижек в дальнейшем совершенствовании международной идеологии прав человека являются материалы Межрегиональной встречи по правам человека в Страсбурге (1993), в том числе блестящие доклады Генерального секретаря Совета Европы госпожи Катрин Лялюмьер и Президента Ирландии госпожи Мэри Робинсон, избранной Верховным Комиссаром ООН по правам человека, документы подготовительных региональных конференций стран Азии, Африки, Латинской Америки и Карибского бассейна; материалы и выступления на последней по времени Всемирной

* Вечно человеческой (нем.).

конференции по правам человека в Вене (1993), в которых новые подходы подчеркнуты и акцентированы. В том числе и выступление тогдашнего Генерального секретаря ООН господина Бутроса Бутроса-Гали.

Здесь идеологи ООН серьезно продвинулись в разработке проблем принципов и императивов прав человека, неделимости и неотчуждаемости понятий и явлений *развитие, права человека, демократия, проблем реализации* (mise en oeuvre) прав человека как главного звена живой спирали их развития, политизации прав человека как источника явления «двойных стандартов», этой раковой опухоли, разлагающей все усилия, направленные на защиту человека, его прав и свобод.

Большое внимание уделяется Организацией Сообщества наций разработке вопроса о месте и роли в защите прав человека международных и национальных неправительственных организаций, о механизме их практической деятельности.

Богатейший материал для активизации размышлений о реальном положении дел в реализации прав человека, народов и человечества на дальнейшее прогрессивное развитие представляют ежегодные (с 1990 г.) высокопрофессиональные доклады о развитии человека Программы развития Организации Объединенных Наций.

Велик вклад в развитие международной идеологии прав человека, ее концептуального аппарата, в совершенствовании механизмов защиты и реализации прав человека и народов ежегодных сессий Комиссии по правам человека, Экономического и социального совета, Третьего комитета Генеральной Ассамблеи ООН.

Но Организация Объединенных Наций не ограничивается только разработкой идеологии прав человека, международного права в области прав человека и соответствующих концептуальных проблем. В последние два десятилетия она пробует свои силы в сугубо практической деятельности. В связи с резолюцией 43/131 Генеральной Ассамблеи 1988 г. это оказание гуманитарной помощи жертвам стихийных бедствий и аналогичных чрезвычайных ситуаций. Это, начиная с 1989 г., миротворческие акции по восстановлению демократии и защите прав человека: Намибия, Ангола, Мозамбик, Сальвадор, Камбоджа. Это оказание помощи государствам в проведении демократических выборов, чем уже воспользовались многие десятки государств, особенно Азии и Африки, и создание в 1991 г. в связи с этим специальной группы в Политическом департаменте. Это, наконец, многочисленные акции превентивной дипломатии, такие как специально созданные ООН институты, призванные обеспечивать осуществление «ответственности за защиту»: Интегрированная миссия Организации Объединенных Наций в Тиморе-Лешти, Миссия Организации Объединенных Наций в Либерии, Комиссия по миростроительству, Консультативная группа высокого уровня, Управление по координации гуманитарных вопросов, Объединенная канцелярия специальных советников по предотвращению геноцида, Консультативная группа высокого уровня Ге-

нерального секретаря по финансированию противодействия изменению климата, Межправительственная группа по изменению климата, Группа высокого уровня по глобальной устойчивости, Глобальная инициатива по искоренению полиомиелита, Целевая группа по осуществлению контртеррористических мероприятий, Структура Организации Объединенных Наций по вопросам гендерного равенства, по обеспечению глобального прогресса в равенстве полов и расширению прав и возможностей женщин, Отделение Организации Объединенных Наций при Африканском Союзе, Региональное отделение Организации Объединенных Наций для Центральной Африки, Комитет по насильственным исчезновениям и ряд других. Решая конкретные вопросы вызовов и угроз, эти институты делают акцент в своей деятельности на защите прав и достоинства народов, ставших на путь реализации своего самоопределения, на защите достоинства личности, ее права на жизнь.

В последнее десятилетие ООН предлагает вместо концепции «гуманитарной интервенции» концепцию «ответственности за защиту», которой авторы рассчитывают на более конкретное решение проблемы «вмешательства во внутренние дела государств», заменяя многие его компоненты понятием «ответственности за защиту», представляющим якобы явление «невмешательства», «ненасильственного вмешательства» как составные элементы превентивной дипломатии. «В исключительных случаях» международному сообществу предоставляется право прибегать к коллективным мерам в соответствии с «нормами и процедурами, закрепленными в уставе ООН», т. е., говоря точнее, к той же коллективной «гуманитарной интервенции».

Однако по истечении почти семидесяти лет со дня провозглашения Всеобщей декларации прав человека, несмотря на достойные уважения многочисленные мероприятия и усилия Организации Объединенных Наций, *жизнь, развитие, свобода, неприкосновенность и достоинство* как фундаментальные ценности человеческой цивилизации и столь же фундаментальные права человека и народов по-прежнему под угрозой. Реальной, серьезной угрозой. Действительно, ни дня не проходит, чтобы мир не столкнулся с явлениями военного насилия, голода, страха, произвольного задержания, ареста, содержания в заключении, моральных и физических пыток, возрождения рабства, геноцида, агрессивного национализма, ксенофобии, этнических чисток, дискриминации и нетерпимости по признаку расы и пола, религии и веры, социальной и национальной принадлежности, политических и иных убеждений. Ни дня не проходит, чтобы людей не преследовали за их инакомыслие, за их попытки реализации своего выбора и самоопределения, своего права на мирный социальный протест. Ни дня не проходит, чтобы мы не стали свидетелями актов терроризма. В том числе и государственного терроризма, грубо отчуждающего права человека, гражданина и народов, их достоинство [6].

По-прежнему «пренебрежение и презрение к правам человека» и в международном, и в национальном масштабах ведут «к варварским актам», по-прежнему

«возмущая совесть человечества». По-прежнему человек и гражданин в слишком большом количестве стран и регионов грезит, как о несбыточной мечте, о «мире, в котором люди будут иметь свободу слова и убеждений и будут свободны от страха и нужды» [5, с. 5]. Будут свободны от «цивилизованного» варварства и дикого насилия.

Поскольку гарантированные и особенно реализующиеся и реализованные права человека являются антагонистом *всякой гипертрофированной власти*, и особенно *гипертрофированной государственной власти*, то главным субъектом грубых и массовых нарушений прав человека может выступать не только так называемый *другой* или *другие*, но и *государство* или *государства*, рвущиеся к абсолютной власти над обществом и человеком [1, с. 15].

«...Давайте не будем обманывать себя! – говорил на Венской всемирной конференции по правам человека Генеральный секретарь ООН того времени Бутрос Бутрос-Гали, – ...некоторые государства пытаются – часто самыми различными средствами – приспособить права человека для своих собственных целей, даже сделав их инструментом национальной политики ...некоторые государства постоянно пытаются выхлостить или вообще ликвидировать права человека» [4, с. 59]. Ужасным свидетельством чего является катастрофическое массовое бегство миллионов гонимых насилием и нищетой из стран Ближнего Востока и Северной Африки в Европу.

Наблюдая эти негативные явления, часто задаешься вопросом: а может, не прав был великий Кант, утверждая, что *свобода* есть «единственное первоначальное право, присущее каждому человеку в силу его принадлежности к человеческому роду»? [3, с. 147]. Может, прав был великий Гете, утверждавший в одной из своих поэм, «*der Mensch ist nicht geboren frei zu sein*» – *человек не рожден быть свободным*? На этот сакраментальный вопрос человечество до сих пор вразумительного ответа не дает.

Но где же и в чем заключается та таинственная и могущественная причина, которая в течение 70 лет сводит на нет все более массивные усилия ООН по международной защите достоинств, прав и свобод человека? Ответ на этот вопрос принципиально не может быть однозначным. Сам по себе он требует серьезного исследования многих специалистов. Вместе с тем, по нашему мнению, один из элементов возможного ответа на него заключается в том, что международные акты по правам человека, сложившаяся международная идеология прав человека в целом серьезно и постоянно отстают от реальных острых проблем современного им исторического процесса, от современного им уровня развития наук о человеке, обществе, человечестве. Не будучи адекватно отраженными и осознанными, эти проблемы не рожают необходимых актов и статей международного законодательства, необходимых адекватных действий Организации и государств-членов, многочисленных общественных правозащитных ассоциаций.

Неоспоримо то, например, что многие фундаментальные проблемы международной идеологии, а соответственно, и практики правозащитной деятельности остаются и донныне на уровне Всеобщей декларации прав человека

1948 г., хотя с той поры миновало почти семь десятков лет. Много изменилось. Много сегодня видится яснее, если не иначе. Рухнул Советский Союз, похоронив под своими обломками первый в истории практический эксперимент построения социалистического общества. Первую «социалистическую империю», так и оставшуюся «тюрьмой народов» для многих географически автономных стран. Мир стал однополярным. США, Евросоюз – военно-политический блок НАТО стремятся быть единственными правителями и стражами земной цивилизации. Новой империей, теперь уже империей западной демократии. Но сегодня по-прежнему и, кажется, еще с большей силой планету сотрясают новые взрывы насилия, крови и страданий, страха и нищеты, бесправия и несвободы, не унижающих, а растаптывающих *достоинство человеческой личности* (Сирия, Украина). Общепланетарная социальная и экономическая, политическая и правочеловеческая, нравственная и эстетическая *разбалансированность* – наиболее характерная качественная особенность нашего времени.

Все это предполагает рассмотрение «новых проблем в области прав человека, ибо за истекшие пятьдесят лет многое изменилось» [5, р. 42]. Все это требует переоценки ценностей.

В некоторых случаях в документах ООН налицо отступление и от уровня Всеобщей декларации, и от уровня Международных пактов о правах человека, принятых Генеральной Ассамблеей ООН несколько десятилетий назад. Одной из таких проблем, где ООН, по нашему мнению, отступила по сравнению с данными актами, является, к примеру, право народов на самоопределение.

Сегодня, чтобы осуществить эти права, народам, претендующим на самоопределение, необходимо преодолеть как минимум три кольца ограничений:

1) необходимо доказать, что они находятся «под колониальным или другими формами чужеземного господства или иностранной оккупации»;

2) действия, направленные на «осуществление своего неотъемлемого права на самоопределение» должны быть законными, т. е. соответствующими Уставу ООН и национально-государственному законодательству страны проживания;

3) эти действия не должны нарушать или подрывать «полностью или частично, *территориальную целостность* или *политическое единство суверенных и независимых государств...*» (выделено нами. – Т. Е.) [5, с. 204]. Эти ограничения делают реализацию права народов на национально-государственное самоопределение фактически невозможным.

А что же делать тем народам, тем нациям и этносам, которые по формальным признакам не могут доказать, что находятся под колониальным гнетом, чужеземным господством, иностранной оккупацией? При каких условиях может быть реализовано право на самоопределение Чечне или Абхазии, баскам, каталонцам, шотландцам? Веками гонимому и многострадальному народу курдов, народу без *права на родину*, без *права на собственное государство*, на *собственное национальное достоинство*? Многим другим народам и этносам,

находящимся в разных точках земного шара под пятой более развитых и сильных наций и государств? Ведь в качестве *естественного и морального права* они имеют право на это право. Такие вопросы Организация Объединенных Наций оставляет сегодня открытыми.

Нерешенных или по сегодняшним научным меркам решенных неудовлетворительно проблем в концептуальном аппарате прав человека, разработанном ООН, действительно много. Среди них и проблема принципов прав человека, по которой идеологи и теоретики ООН до сих пор так и не договорились, озвучивая различные подходы и трактовки. К примеру, *принцип универсальности и различия*. Стремясь к глобализации сегодняшних западных моделей *великой латинской культуры*, ее экономических, политических, правочеловеческих составляющих, многие идеологи ООН до сих пор произвольно вырывают из *универсальности достоинства и прав человека* ее внутреннее жизненное ядро, ее живое сердце – *различия*. Различия исторических форм восприятия и понимания этого явления, различия исторических форм его поощрения, гарантирования, обеспечения, реализации и т. д. в недрах самобытных, отличных от *латинской*, культур и традиций. Тем самым неизбежно в большинстве случаев может быть, не желая этого субъективно, они инициируют разрушение материальных и духовных основ самобытных культур, идут к превращению богатейшей и многоцветной *универсальности прав человека* в худосочную серую *единообразность*. Не о такой ли *глобализации*, когда семерка ведущих богатейших стран мира пытается диктовать свою волю и модель социально-экономического бытия и развития всему миру, а пятерка супердержав определяет условия безопасности планеты, со скорбью и какой-то безысходностью говорил, открывая 53-ю сессию Генеральной Ассамблеи ООН, ее Генеральный секретарь Кофи Аннан: «Миллионы и миллионы граждан убеждаются на своем опыте, что глобализация – это не подарок судьбы, а сила разрушения, подрывающая их материальное благополучие или их привычный образ жизни» [2].

Среди неудовлетворительно разрешенных имеют место и проблемы диалектики индивидуальных и коллективных прав, и права человека на жизнь, на развитие и культуру. В основных международных актах по правам человека право на жизнь связывается лишь с конкретным человеческим индивидом и только в основном в связи с проблемой смертной казни, право на развитие, как право по определению, – только с личностью человека и народами слаборазвитых стран. О правах на жизнь и дальнейшее прогрессивное развитие всех народов, наций, этносов, человечества в целом – ни единого слова. И это в то время, когда человечество уже зависло над пропастью небытия. Культура – главное детище *homo sapiens* и его цивилизации – вообще является падчерицей правочеловеческих актов международного права. При наличии понятия культурных прав в них, как ни странно, отсутствует само понятие прав человека на культуру. Кроме того, продолжается практика, когда культурные права ставятся в конец очереди в списке категорий прав человека [8, р. 24]. А ведь именно культура, созданная человеком, является синонимом его цивилизации, является онтологическим основанием человеческого достоинства.

В ряду неудовлетворительно разработанных проблемы обязанностей в системе прав, взаимосвязи достоинства, прав и обязанностей: прав и обязанностей человека и гражданина, прав и обязанностей государства и других коллективных субъектов истории; проблемы содержания прав государства на ограничения прав личности, на отступления от своих обязательств перед обществом и гражданином и особенно проблема прав человека и гражданина на ограничение гипертрофированных прав индивида и государства, на мирные (и не мирные) акции социального протеста в связи с этим.

По сравнению с наработками человеческой мысли конца XX ст. сегодня представляются недостаточно акцентированными в актах и правочеловеческой идеологии ООН проблемы живого диалектического пути движения и развития прав человека от деклараций и морального поощрения до их реализации в объективной действительности; проблемы достоинства личности, содержания и структуры прав человека на достоинство личности, механизма их уважения, соблюдения, защиты и реализации. Отсутствие в концептуальном аппарате международных актов о правах человека понятий и категорий *права человека на достоинство личности, права человека на уважение своего достоинства* вообще удивляет.

ООН до сих пор не разобралась и не дает в своих официальных документах ни четкой оценки, ни вразумительных трактовок явления «двойных стандартов» в области прав человека. А главное Организация Сообщества наций не формулирует никаких правовых гарантий и механизмов защиты от этого, разрушительного для него явления.

Убедительным свидетельством недостаточности международной идеологии прав человека являются трудности тупикового характера, которые испытал Подготовительный комитет Венской всемирной конференции при подготовке проекта Заключительного документа. Свидетельством этого является и сам Заключительный документ, получивший весьма своеобразное название «Венская Декларация и Программа действий». Хотя напоминает он, скорее, конгломерат плохо стыкованных позиций и положений, нежели классический жанр декларации или стройную программу деятельности.

Вместе с тем деятельность Организации Объединенных Наций в области прав человека заслуживает однозначную и непоколебимую оценку: это беспрецедентная и уникальная в истории работа по защите *достоинства и свободы* человеческой личности, *достоинства и свободы* народов и наций, этносов и рас, по поиску возможностей реализации права на дальнейшее прогрессивное развитие народов и наций – человечества в целом.

Литература

1. Алексеев, С. С. Концептуальное сведение / С. С. Алексеев // Права человека: энцикл. слов. – М.: Норма, 2009.
2. Известия. – 1998. – 22 сент.
3. Кант, И. Соч.: в 6 т. / И. Кант. – М., 1999. – Т. 4.

4. Право быть человеком. Всемирная конференция по правам человека (Вена, 1993). – Минск, 1996.
5. Право быть человеком. Международные акты по правам человека. – Минск, 1996.
6. Badinter Robert // France. – 1998. – № 34. – Dec.
7. Les dimensions internationales des droits de l'homme. – Paris: UNESCO, 1978.
8. Rapport de la Table ronde européenne. – Helsinki, 1993. – 30 avr. – 2 mai.

ТРАКТОВКА ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ПАКТАХ О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА 1966 г. И ФАКУЛЬТАТИВНЫХ ПРОТОКОЛАХ К НИМ

*Е. А. Дейкало,
кандидат юридических наук, доцент*

Концепция прав человека уникальна, так как имеет различные преломления – правовое, философское, историческое. Основная причина ее уникальности в том, что она соединяет в себе две совершенно разные по своей природе категории: «права» как юридическую категорию, т. е. что-то, что формально определено, и «человека» – социальное существо, которое, безусловно, являясь субъектом права и носителем прав и обязанностей, имеет свое духовное проявление, свой внутренний мир, которые невозможно уложить в рамки формализации. От того, что права человека четко регламентированы, государством (на национальном уровне) и международным сообществом (на международном уровне) обеспечены механизмы их реализации, человек не перестает быть носителем определенной культуры, моральных ценностей, взглядов и убеждений, которые неизбежно влияют на реализацию его прав.

Известно, что наряду с правом существуют и другие регуляторы общественных отношений – мораль, религия. И, безусловно, не все моральные или религиозные нормы укладываются в правовую плоскость. Однако проблемы соотношения норм права, морали, религии не представляют, с нашей точки зрения, такого научного интереса, как проблема закрепления на нормативном уровне некоторых категорий, связанных с внутренним миром человека, с его духовным началом. К таким категориям, в частности, относится *достоинство личности*.

В связи с попыткой нормативного закрепления данной категории на международно-правовом уровне, практикой реализации соответствующих положений, возникает ряд проблем как теоретического, так и практического характера: проблема терминологии, в том числе соотношения категорий «достоинство личности» и «права человека», проблема трактовки достоинства личности в международно-правовых документах, проблемы, связанные с практикой применения соответствующих положений международными судами и конвенционными органами по правам человека.

Несмотря на то, что термин «достоинство личности» практически всегда употребляется в неразрывной связке с термином «права человека», в осново-

полагающих универсальных [7, 8, 15, 16, 21, 22] и региональных [1, 2, 10, 11] документах по правам человека этот термин встречается весьма редко.

Следует выделить три основные проблемы, которые можно констатировать, проанализировав основополагающие универсальные и региональные документы в области прав человека. Во-первых, во всех этих документах «достоинство личности» закреплено неодинаково в чисто количественном выражении*, во-вторых, данный термин употребляется в разном контексте (в привязке к различным конкретным правам), а, в-третьих, ни в одном из этих документов (даже в документах в сфере биоэтики** [22]) не дается определение этого термина.

В Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. (МПГПП) данная категория употребляется всего четыре раза [15]. В преамбуле говорится о признании достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, а также признается, что права, закрепленные в МПГПП, вытекают из присущего человеческой личности достоинства. Далее, ст. 7 употребляет категорию достоинства в контексте запрещения пыток, жестоких или унижающих достоинство человека наказаний. В ст. 10 этот термин употребляется в контексте права лиц, лишенных свободы, на уважение достоинства, присущего человеческой личности.

Факультативный протокол к МПГПП 1966 г. [21], наделяющий Комитет по правам человека компетенцией по рассмотрению и индивидуальных жалоб, не содержит ссылок на термин «достоинство личности». Второй Факультативный протокол к МПГПП 1986 г., направленный на отмену смертной казни, говорит о достоинстве личности только один раз, декларируя в преамбуле, что отмена смертной казни способствует укреплению человеческого достоинства.

Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. (МПЭСКП) [16] упоминает достоинство три раза: в преамбуле (повторяя формулировки МПГПП) и в ст. 13, касающейся права на образование, говоря о том, что данное право призвано, в том числе обеспечивать создание достоинства человеческой личности. Факультативный протокол к МПЭСКП 2008 г. [22], касающийся компетенции Комитета по экономическим, социальным и культурным правам, содержит две ссылки на достоинство личности в преамбуле (повторяя формулировки МПЭСКП и Всеобщей декларации о правах человека 1948 г.).

Таким образом, можно заключить, что в рассматриваемых документах (МПГПП и МПЭСКП и протоколах к ним) закрепляется, что:

- 1) *достоинство* личности присуще всем членам человеческой семьи;
- 2) права человека, закрепленные в этих документах, вытекают из присущего человеческой личности *достоинства*;
- 3) унижением достоинства личности считается:
применение унижающих достоинство обращения и наказаний;

* Например, в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. термин «достоинство» употребляется один раз, а в Каирской декларации о правах человека в исламе 1990 г. – шесть раз.

** См., например, Всеобщую декларацию о геноме человека и правах человека 2005 г.

ненадлежащее обращение с лицами, лишенными свободы;
нарушение права на образование (в части направленности и целей образования).

Бесспорными и не требующими дискуссии тут выглядят первые два тезиса: действительно, достоинство присуще всем людям и все их права вытекают из этого достоинства. Эти положения преамбулы, которые, конечно, пронизывают весь дух документов и представляют собой их основополагающие начала, с трудом могут быть названы конкретными нормами, нарушение которых можно оспаривать в конкретных ситуациях.

Что касается конкретных статей Пактов, которые содержат рассматриваемую нами категорию, то тут возникает несколько вопросов: во-первых, означает ли тот факт, что достоинство личности упоминается лишь в трех статьях, то, что при нарушении иных прав, закрепленных в этих документах, достоинство личности не может быть нарушено? Или может быть нарушено, но не может быть защищено посредством обращения в соответствующий конвенционный орган?

Во-вторых, что понимается под термином «достоинство» по смыслу данных статей? Например, под унижающим достоинство обращением? Применение физического насилия? Из смысла ст. 7 МПГПП следует, что речь идет о применении физического насилия, но ведь человеческое достоинство может быть унижено и без всякого физического насилия и пыток. Кроме этого, ст. 7 закрепляет несколько составов для квалификации «пытки», «жестокое, бесчеловечные наказания или обращение» и, наконец, «унижающее достоинство человека обращение или наказание». Ст. 10 также содержит две категории – «гуманное обращение» и «уважение достоинства». В связи с этим возникает вопрос о соотношении этих положений: если негуманное обращение можно отождествить с неуважением достоинства, то покрывают ли ст. 7, 10, например, случаи, когда человек подвергнулся унижающему достоинство обращению, которое не было бесчеловечным или негуманным?

Или же в каком случае мы можем говорить о нарушении нашего права на образование в части направленности такого образования? В каких именно случаях можно сказать, что образование, обеспечиваемое в государстве, не направлено на создание достоинства человеческой личности, как определено в ст. 13 МПЭСКП?

Если рассмотреть практику Комитета по правам человека*, то можно выделить несколько основных примеров того, какие именно деяния признавались нарушением или унижением достоинства личности по смыслу МПГПП.

Так, деяниями, нарушающими положения МПГПП, содержащие ссылки на достоинство, Комитетом признавались, например: отсутствие у человека,

* В данной работе рассмотрены только соображения Комитета по правам человека (созданного на основе МПГПП), так как Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, получивший компетенцию рассматривать индивидуальные жалобы только с 2008 г., не принял еще соображения ни по одному сообщению. По состоянию на январь 2015 г. на рассмотрении Комитета находится всего три сообщения, одно из которых (№ 3/2014) касается нарушения ст. 13 МПЭСКП (см. официальный сайт Верховного комиссара по правам человека ООН: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CESCR/Pages/PendingCases.aspx>).

находящегося в местах лишения свободы, предметов личной гигиены (ст. 7) [3], принуждение задержанного к распитию спиртных напитков и обливание горячим чаем (ст. 7, 10) [14], вынесение приговора о смертной казни (вместо приговора о пожизненном заключении) в отношении несовершеннолетнего (ст. 7) [28], требование со стороны властей признать пропавшими без вести родственников, в отношении исчезновения которых не закончено расследование (ст. 7) [34], не принятие мер по розыску пропавшего без вести лица после вынесения решения суда и не контактирование властей с родственниками пропавшего на протяжении трех лет после вынесения решения (ст. 7) [30], недостаточное количество свиданий с семьей, телефонных звонков для человека, находящегося в заключении (ст. 7) [27], отсутствие у человека, находящегося в заключении, «связи с внешним миром» (ст. 7, 10) [33].

Что касается нарушения МПЭСКП, в частности ст. 13 именно относительно того, в каком случае образование может не обеспечивать развитие достоинства личности, безотносительно решений Комитета, таковым может считаться высокий процент неграмотности среди населения [26], т. е. ситуация, когда государство не способно создать в стране такую систему образования, которая бы способствовала искоренению неграмотности как у детей, так и у взрослых.

Из приведенных примеров видно, что, во-первых, все случаи нарушения ст. 7 и 10 МПГПП связаны с физическим насилием, а во-вторых, Комитет, отмечая нарушения по этим статьям, практически всегда ссылается на эти статьи в целом, не констатируя нарушение именно человеческого достоинства. Вместе с тем в некоторых случаях Комитет четко разделяет квалификацию деяний, относящихся к противоправным смыслу Пакта. Например, в делах «Щедко и Бондаренко против Беларуси» [25] и «Стаселович и Ляшкевич против Беларуси» [19] нарушением ст. 7 МПГПП было признано то, что родственникам осужденных к смертной казни, не сообщали дату проведения казни, место захоронения и отказались выдавать тела казненных. В соображениях Комитета по обоим делам было четко указано, что данные деяния властей «представляют собой *бесчеловечное обращение* с авторами» [25, с. 71; 19, с. 80].

Комитет пояснил, что «обстановка полной секретности в отношении даты казни и места захоронения равноценны запугиванию или наказанию семей, потому что их оставляют в состоянии неопределенности и психических страданий», что и является, по мнению Комитета, именно бесчеловечным обращением [25, с. 71; 19, с. 80]. Являются ли такие деяния унижающим достоинство обращением? Безусловно. Однако вопрос в том, любое ли унижающее достоинство обращение является бесчеловечным обращением по смыслу данной статьи?

Поставленные вопросы имеют огромную важность. В случае, если человек не удовлетворен защитой своих прав в своем государстве, исчерпав все внутригосударственные средства защиты, он обращается к международным инстанциям и это его конституционное право. Система международной защи-

ты прав человека, на наш взгляд, должна способствовать справедливому разрешению ситуации в случае, если в рамках внутригосударственного права для этого нет надлежащих правовых средств. В случае с защитой достоинства личности в данном контексте наблюдаются определенные проблемы, которые уже упоминались нами выше, и самая главная из которых состоит в том, что понятие достоинства личности не определено ни в одном международно-правовом акте, а если и упоминается, то всегда идет в привязке к иным правам. В случае, если человек хочет защитить на международно-правовом уровне именно свое достоинство, если он считает, что, помимо прочего, деяниями государства было нарушено, унижено его человеческое достоинство, и сатисфакцией для него будет признание именно этого факта, он сможет сделать это при обращении в Комитеты по правам человека лишь в предложенных ему рамках – в рамках двух статей МПГПП и одной статьи МПЭСКП.

Для прояснения всех поставленных вопросов следует обратиться к терминологии, категориальному анализу. Что есть «достоинство личности», каково соотношение понятий «достоинство личности» и «права человека».

Прежде всего следует помнить, что весь спектр применения категории достоинство выражается посредством двух терминов – существительного «достоинство» и прилагательного «достойный».

Достоинство, согласно толковому словарю русского языка С. И. Ожегова, – это «совокупность высоких моральных качеств, а также уважение этих качеств в самом себе» [17, с. 177]. Если определить достоинство как философско-этическую категорию – это «категория этики, отражающая моральное отношение человека к самому себе и общества к индивиду» [23, с. 135]. Российская педагогическая энциклопедия добавляет к последнему определению еще и то, что достоинство – «это характеристика человека с точки зрения его соответствия своему предназначению. В моральном смысле достоинство выражает совокупность присущих человеку качеств, благодаря которым он может быть способным к свободному и творческому созиданию» [9].

Таким образом, можно выделить две основные составляющие достоинства: отношение человека к самому себе и отношение общества к человеку. При этом необходимо констатировать, что первое – чисто субъективная категория. Как справедливо отмечает американский юрист Р. Гленси, «суть достоинства лежит в автономии личности и самооценки, что, в свою очередь, составляет право каждого человека на личное самоопределение» [31, с. 67].

Для каждого человека достоинством, а, следовательно, и его унижением, будет то, что он лично для себя таковым считает. И это обусловлено многими факторами – воспитанием, уровнем интеллектуального, духовного, эмоционального развития, культурой, религиозными убеждениями и т. д. Что касается второго элемента – отношения общества к человеку, то, опять же, оценка и уважение человеческого достоинства обществом зависит от каждого общества, и обусловлено уровнем его культурного, политического и даже экономического развития. То, что будет считаться унижением человеческого достоин-

ства в арабском мире, не будет считаться таковым в славянском или западноевропейском. В этом контексте могут быть противоречия даже в рамках одного общества. Ярким примером этого является запрещение аборт в ортодоксальных католических странах. Вместе с тем запрещение абортов является унижением достоинства женщины, которую принуждают против ее воли выполнять детородную функцию, которой она наделена природой (в отличие от мужчины), но не обязана и, самое главное, может быть совершенно не желает выполнять, так как это, например, не «соответствует ее пониманию своего предназначения». Еще одним ярким примером субъективного понимания достоинства является отношение к суррогатному материнству. Во многих странах (в том числе и в Республике Беларусь) оно легализовано. С нашей точки зрения, это унижает достоинство женщины, потому что в случае суррогатного материнства женщину используют исключительно как инкубатор для вынашивания ребенка. Естественно, это происходит на добровольной основе (тут нет элемента насилия, принуждения, как в случае с запрещением абортов), но сам факт того, что на законодательном уровне закреплена возможность использования человеческого тела как инкубатора для вынашивания потомства, на наш взгляд, ставит много вопросов, в том числе связанных именно с достоинством личности.

Что касается юридического, правового понимания категории достоинства (которое неизбежно «завязано» на ее философско-этическом определении), то можно рассматривать три основные возможности такого понимания:

1) как отдельного субъективного права, существующего наряду с другими правами человека;

2) как базовой ценности, которая лежит в основе концепции прав человека, формируя ее дух, являясь ее стержнем;

3) как категории, существующей в двух указанных ипостасях.

Существенное различие между первыми двумя подходами заключается в том, что в первом случае, если признавать существование права на достоинство – значит признавать возможность нарушения только этого отдельного права, без привязки и не в совокупности с другими правами. Во втором случае, напротив, при нарушении каждого права нарушается человеческое достоинство.

Первый вариант понимания достоинства представляется нам, возможно, необходимым, однако, труднореализуемым, если вообще не утопичным. Если существует отдельное субъективное право на достоинство, значит, во-первых, возникает вопрос о том, каково правовое основание для его защиты. Защищать отдельное право на достоинство возможно только на основании той правовой нормы, в которой это право закреплено как самостоятельное, без привязки к другим правам. А во-вторых, возникает проблема определения этой категории (право на что именно?) и толкования ее компетентным судом.

Если это и реализуемо, то исключительно на национально-правовом уровне. Это связано с тем, что, как уже упоминалось выше, понимание достоин-

ства обусловлено национальным, культурным, религиозным контекстом. Хотя даже на национальном уровне, кроме Конституции, трудно найти правовой акт, закрепляющий это право как самостоятельное.

Применительно к законодательству Республики Беларусь, в Конституции Республики Беларусь, «право на достоинство» безотносительно других прав можно вывести из ряда норм: ст. 25 – «Государство обеспечивает свободу, неприкосновенность и *достоинство личности...*», ст. 53 – «Каждый обязан уважать *достоинство*, права, свободы, законные интересы других лиц», ст. 60 – «С целью защиты прав, свобод, чести и *достоинства* граждане в соответствии с законом вправе взыскать в судебном порядке как имущественный вред, так и материальное возмещение морального вреда» [13]. Таким образом, Конституция защищает достоинство личности само по себе. Однако если мы обратимся к некоторому отраслевому законодательству, то мы увидим, что, например, в Кодексе об административных правонарушениях Республики Беларусь (КоАП) [12], а также в Уголовном кодексе Республики Беларусь (УК) [20] есть лишь одно положение, которое ближе всего к защите достоинства человека как такового, не сопряженного с другими правами – это ст. 9.3 КоАП и 189 УК касающиеся оскорбления личности. Оскорблением по смыслу данных статей является «умышленное *унижение чести и достоинства личности*, выраженное в неприличной форме». Однако из толкования данной статьи следует, что умышленное унижение чести и достоинства может быть осуществлено еще и в приличной форме, и, в таком случае, оно не является оскорблением личности по смыслу указанных норм, и, как следствие, не защищается законом. В КоАП есть еще одна статья, защищающая достоинство личности, однако с весьма узкой сферой применения – ст. 17.3, закрепляющая противоправность появления в общественном месте в пьяном виде, *оскорбляющем человеческое достоинство*.

Таким образом, на внутригосударственном уровне право на достоинство, закрепленное в Конституции, защитить как самостоятельное, отдельное право в судебном порядке не представляется возможным, потому что нигде, кроме Конституции, оно не закреплено как таковое, безотносительно иных прав. Безусловно, можно обратиться в суд и на основании конституционной нормы, но в таком случае встает вопрос толкования судом понятия достоинства и расширения рамок понимания этого термина в обычной практике. Вряд ли судом будет признано унижением достоинства что-то «традиционно» не сопряженное с применением физического насилия, негуманного обращения, оскорбления по смыслу КоАП и УК. Тем более, что в ст. 60 Конституции говорится о том, что граждане могут защитить свое достоинство в судебном порядке «в соответствии с законом», т. е. в установленных законом случаях.

Весьма показательна и интересна для исследования в этом контексте судебная практика (как национальных, так и международных судов), которая, казалось бы, могла помочь заполнить существующие пробелы. Однако анализ такой практики, проведенный профессором Оксфордского университета

К. Маккруденем показал, что трактовка достоинства личности национальными судами разных стран и международными судами только усложняет и запутывает понимание этой категории. У судов, пишет Маккруден, есть абсолютная дискреция в манипулировании терминами в этом контексте [32, р. 655]. В этом отношении показательной и точной представляется метафора Р. Гленси, который определяет достоинство как «тарелку, в которую можно положить любые правовые ингредиенты» [31, р. 72].

Говоря о международно-правовом уровне, а именно рассматриваемых нами Пактах 1966 г. и протоколах к ним, можно отметить еще более далекое от существования самостоятельного права на достоинство состояние нормативного массива. Как уже отмечалось выше, как в МПГПП, так и в МПЭСКП достоинство личности понимается исключительно в привязке к каким-либо иным правам (право на жизнь, защита от пыток и жестокого обращения, право на образование). Ситуации нарушения достоинства, признаваемые Комитетом, практически всегда сопряжены с физическим насилием.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что по сравнению с Пактами 1966 г., в некоторых региональных документах по правам человека, ситуация несколько иная. Так, в ст. II Американской конвенции по правам человека «Право на личную жизнь» в п. 1 закреплено, что каждый человек имеет право на уважение его чести и достоинства. Далее, в п. 2 говорится, что никто не может подвергаться произвольному или оскорбительному вмешательству в его личную жизнь [1]. Показательно, что по смыслу данной статьи унижением достоинства считается не только «оскорбительное», но и «произвольное» вмешательство, что расширяет спектр ситуаций, в которых можно просить защиты достоинства, не сведя все лишь к применению насилия или оскорблению по смыслу нормы, установленной в законе.

Тот факт, что достоинство личности неизбежно рассматривается в привязке с другими правами подтверждается и П. Сане – заместителем генерального директора ЮНЕСКО по социальным и гуманитарным наукам – «Оно (право на достоинство. – Е. Д.) охватывает право на образование, на приемлемое жилье, на гигиену» [18]. Белорусский юрист, профессор Г. А. Василевич отмечает, что достоинство личности охватывает, наряду с правом на жизнь, все явления (права и свободы), характеризующие такое качество жизни, которое не только субъективно (в силу личных ощущений, т. е. личностная самооценка), но и объективно подтверждают и обеспечивают статус человека как полноправного субъекта человеческой деятельности [4, с. 3].

Достойный уровень жизни – одно из выражений и проявлений реализации достоинства и, с нашей точки зрения, категория более осязаемая, чем достоинство. Вместе с тем она все равно обусловлена уровнем развития конкретного общества, его культурными и религиозными традициями.

Следует отметить, что в МПЭСКП отсутствует упоминание словосочетания «достойный уровень жизни». Вместо этого в ст. 11 употребляется формулировка «достаточный уровень жизни», который означает «достаточное питание, одежду и жилище, и непрерывное улучшение условий жизни». Термин

«достаточный», на наш взгляд, имеет еще более субъективную окраску, чем термин «достойный». Самый главный вопрос, который можно задать в данном контексте – достаточный для чего? Питание достаточное для чего? Чтобы не голодать? Или чтобы вести здоровый образ жизни, круглый год употребляя свежие продукты, содержащие весь комплекс витаминов? Можно с уверенностью сказать, что достаточное питание для людей, живущих, например, в деревне в Того и достаточное питание для людей, живущих в Цюрихе – это совершенно разные и, может быть, даже несопоставимые вещи.

Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова определяет слово «достойный» как заслуживающий чего-нибудь [17, с. 177]. Но разве могут люди, которым достоинство присуще в силу того, что они люди, заслуживать разного «достойного уровня жизни»?

Интересно также заметить, что Всеобщая декларация прав человека содержит ссылку на достойный уровень жизни, не раскрывая его сути, однако закрепляя, что право на него имеют только работающие люди. Таким образом, получается, что согласно основным универсальным международно-правовым документам, право на достойный уровень жизни имеет каждый работающий человек (язык Всеобщей декларации прав человека), а те, кто не работает – имеет право на обеспечение достаточного уровня жизни (язык МПЭСКП). При этом абсолютно неясно как соотносятся между собой эти категории и что под ними понимается. При этом, например, в Конституции Республики Беларусь эти понятия отождествляются: в ст. 21 закреплено право каждого на *достойный* уровень жизни, включая *достаточное* питание, одежду, жилье и постоянное улучшение необходимых для этого условий. Вместе с тем опять же неясно, на каком основании защищать это право в судебном порядке.

В связи с этим можно привести слова П. Сане, который в контексте обсуждения достойного уровня жизни говорил в первую очередь о проблеме искоренения нищеты, «в условиях которой живут миллиарды людей» [18]. Однако тут возникает иной вопрос – разве все, кто живет не в нищете в понимании ООН – имеют достойный уровень жизни? Признанный ООН порог бедности – доход в 1,25 и меньше долл. США на человека в день [24]. Неужели тот, у кого доход составляет 100 долл. США в месяц (что составляет 3,3 долл. США в день) может себе обеспечить достойный уровень жизни и удовлетворить свои базовые потребности? Более того, согласно ст. 11 МПЭСКП участвующие в Пакте государства признают право каждого на «непрерывное улучшение условий жизни». Можно ли считать нарушением этого положения ситуацию, когда человек не в состоянии, например, в силу своих доходов и «неподъемных» кредитов, обеспечить себе отдельное жилье? На наш взгляд, ситуация, когда взрослый самостоятельный человек не может обеспечить себя отдельным жильем, и вынужден жить с кем-то (именно вынужден, а не живет по своему желанию), потому что ежемесячные выплаты по кредиту (в случае его получения) составляют 80–90% его ежемесячного дохода – унижает его человеческое достоинство.

Социокультурный контекст права на достойный уровень жизни подтверждается также и положениями отдельных региональных документов. Так, например, в Каирской декларации о правах человека в исламе 1990 г., в ст. 17 право на достойную жизнь трактуется как возможность удовлетворить *все* свои потребности, включая продовольствие, одежду, жилье, образование, медицинское обслуживание. Кроме того, самое главное, в преамбуле к документу провозглашается право на *достойную жизнь* в соответствии с *исламским шариатом*. Это лишний раз доказывает невозможность универсализации концепции достоинства.

Второй вариант понимания достоинства – как базовой ценности, на которой базируются все права человека, вся концепция прав человека, представляется более оправданным, чем первый. Преамбулы МПГПП и МПЭСКП провозглашают, что достоинство присуще всем членам человеческой семьи и что все права человека вытекают из присущего человеческой личности достоинства. Исходя из правил толкования международных договоров (ст. 31. п. 1 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.), договор толкуется, в том числе в соответствии с его объектом и целями [5]. Исходя из этого, можно отметить, что при наличии таких положений в преамбуле обоих пактов, нарушение любого права, закрепленного в них, сопряжено с унижением достоинства личности.

Говоря о достоинстве личности как о базовой ценности концепции прав человека, возникает вопрос о соотношении категорий «достоинство личности» и «права человека». Американский юрист Дж. Донелли отмечает, что достоинство и права человека – это не тождественные понятия, права человека – один из механизмов реализации достоинства личности [29, р. 11], и что концепция прав человека представляет собой определенную стратегию по реализации определенных элементов социальной справедливости, базирующееся, в свою очередь, на человеческом достоинстве [29, р. 8].

Вместе с тем, исходя из социокультурной обусловленности, возникает вопрос о том, может ли быть создана единая, общая, базовая ценность для того, чтобы служить фундаментом концепции прав человека? Может, но только лишь в общем очертании. В том виде, в котором она закреплена в преамбулах к Пактам. Все, что может быть общего, универсального, «для всех» относительно достоинства личности – только то, что всем людям присуще достоинство, и что все права человека базируются на обладании им достоинством. Попытки более глубокой универсализации концепции достоинства как базовой ценности – не оправданный путь, не имеющий под собой никакой практической реализации и вступающей в противоречие с принципом «личного самоопределения».

Что же касается *третьего варианта* – смешанного понимания категории достоинства – и как самостоятельного права, и как базовой ценности, можно привести в пример решение Конституционного Суда ЮАР, в котором он четко устанавливает, что достоинство может быть интерпретировано на разных

уровнях, и что, во-первых, это конституционная ценность, которая позволяет интерпретировать, толковать все остальные права, а во-вторых, это самостоятельное право, которое должно защищаться законом [32, р. 681].

Вместе с тем, на наш взгляд, такой подход также не приемлем, потому что существование самостоятельного права на достоинство невозможно.

Подводя итог сказанному, можно заключить, что глубокая социокультурная обусловленность, а также исключительно субъективная природа категории «достоинство личности» не позволяет сформулировать и юридически закрепить определение данной категории даже на национальном уровне, не говоря уже о международно-правовых документах *универсального* характера, таких как МПГПП и МПЭСКП. Помимо этого, в силу тех же причин, невозможно универсализировать и наполнить четким юридическим содержанием понятие «достойный уровень жизни» или «достаточный уровень жизни» как это сформулировано в МПЭСКП.

Как следствие, невозможно существование самостоятельного права на достоинство и его правовая защита как на национальном, так и на международно-правовом уровне в рамках Комитетов по правам человека, созданных на основе МПГПП и МПЭСКП. Защита достоинства личности возможна лишь в привязке к иным правам, являясь своего рода относительным «мерилом» их соблюдения. Вместе с тем можно говорить лишь о том, что достоинство является базовой ценностью, на которой базируется и из которой вытекает вся концепция прав человека, однако лишь в пределах двух постулатов:

достоинство присуще всем людям;

права человека вытекают из присущего человеческой личности достоинства.

Все остальное остается для трактовки национальными и международными судами, конвенционными органами, в том числе Комитетами по правам человека. И тут опять же возникает вопрос – а справедливо ли это? Если отсутствует четко определенное и закрепленное на нормативном уровне определение понятия «достоинство личности», которое само по себе является субъективной категорией, основанной на самоощущении личности, на каком основании тот или иной судебный или конвенционный орган будут выносить решение относительно того, унижают ли те или иные действия достоинство конкретного человека или нет?

Данный вопрос является началом совсем иной дискуссии, так же связанной с возможностью, необходимостью и неизбежностью использования в правовых документах, закрепляющих права человека, категорий связанных не с правами, а с самим человеком.

Литература

1. Американская конвенция о правах человека 1969 г. [Электронный ресурс]: [принята в г. Сан-Хосе 22.11.1969 г.]. – Режим доступа: <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/instree/Rzoas3con.html>. – Дата доступа: 04.11.2015.

2. Африканская хартия прав человека и народов 1981 г. [Электронный ресурс]: [принята в г. Найроби 26.06.1981 г.]. – Режим доступа: http://www.concourt.am/hr/rus/inter/6_4.htm. – Дата доступа: 04.11.2015.
3. Бандажевский против Беларуси (сообщение № 110/2002): соображения Комитета по правам человека ООН от 28.03.2006 г. // Индивид v. государство: обращения в договорные органы ООН применительно к Республике Беларусь: в 2 т. / науч. ред. С. А. Голубок. – Вильнюс, 2013. – С. 119–135. – Т. 2: сб. авторских материалов и решений Комитета по правам человека в отношении Беларуси по состоянию на 26 сентября 2013 г.
4. Василевич, Г. А. Конституционное право человека на достоинство [Электронный ресурс] / Г. А. Василевич. – Режим доступа: www.law.bsu.by/pub/26/29_Vasilevich.doc. – Дата доступа: 04.11.2015.
5. Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. [Электронный ресурс]: [принята в г. Вене 23.05.1969 г.]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml. – Дата доступа: 04.11.2015.
6. Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека 2005 г. [Электронный ресурс]: [принята в г. Нью-Йорке 11.11.1997 г.]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome.shtml. – Дата доступа: 04.11.2015.
7. Всеобщая декларация прав человека 1948 г. [Электронный ресурс]: [принята в г. Нью-Йорке 10.12.1948 г.]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml. – Дата доступа: 04.11.2015.
8. Второй факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленный на отмену смертной казни 1986 г. [Электронный ресурс]: [принят в г. Нью-Йорке 15.12.1989 г.]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/deathpro.shtml. – Дата доступа: 04.11.2015.
9. Достоинство [Электронный ресурс] / Р. Г. Апресян, А. Н. Корабельникова // Рос. пед. энцикл. – Режим доступа: <http://pedagogicheskaya.academic.ru/1088/ДОСТОИНСТВО>. – Дата доступа: 04.11.2015.
10. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. [Электронный ресурс]: [принята в г. Сан-Хосе 22.10.1969 г.]. – Режим доступа: http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf. – Дата доступа: 04.11.2015.
11. Каирская декларация о правах человека в исламе 1999 г. [Электронный ресурс]: [принята в г. Сан-Хосе 22.11.1969 г.]. – Режим доступа: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/16/declaracia-02.htm. – Дата доступа: 04.11.2015.
12. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: [принят Палатой представителей 17 декабря 2002 г.: Одобрен Советом Республики 2 апреля 2003 г.]. – Режим доступа: http://etalonline.by/?type=text®num=Нк0300194#load_text_none_1_. – Дата доступа: 04.11.2015.
13. Конституция Республики Беларусь 1994 г. [Электронный ресурс]: [с изменениями и дополнениями на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.]. – Режим доступа: <http://pravo.by/main.aspx?guid=6351>. – Дата доступа: 04.11.2015.
14. Кореба и Кореба против Беларуси (сообщение № 1390/2005): соображения Комитета по правам человека ООН от 25.10.2010 г. // Индивид v. государство: обращения в договорные органы ООН применительно к Республике Беларусь: в 2 т. – Т. 2. – С. 312–323.
15. Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. [Электронный ресурс]: [принят в г. Нью-Йорке 16.12.1966 г.]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml. – Дата доступа: 04.11.2015.
16. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. [Электронный ресурс]: [принят в г. Нью-Йорке 16.12.1966 г.]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml. – Дата доступа: 04.11.2015.
17. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: «А Темп», 2004. – 944 с.

18. Сане, П. Права человека и достоинство личности [Электронный ресурс] / П. Сане. – Режим доступа: http://www.kontinent.org/article_rus_491e235151cd0.html. – Дата доступа: 04.11.2015.
19. Стаселович и Ляшкевич против Беларуси (сообщение № 887/1999): соображения Комитета по правам человека ООН от 03.04.2003 г. // Индивид v. государство: обращения в договорные органы ООН применительно к Республике Беларусь: в 2 т. – Т. 2. – С. 73–81.
20. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: [принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.; Одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г.]. – Режим доступа: http://etalonline.by/?type=text®num=НК9900275#load_text_none_5_2. – Дата доступа: 04.11.2015.
21. Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 г. [Электронный ресурс]: [принят в г. Нью-Йорке 16.12.1966 г.]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactprotol.shtml. – Дата доступа: 04.11.2015.
22. Факультативный протокол к Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах 2008 г. [Электронный ресурс]: [принят в г. Нью-Йорке 10.12.2008 г.]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/optprotocol_icescr.shtml. – Дата доступа: 04.11.2015.
23. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – М.: Политиздат, 1986. – 590 с.
24. Цели в области развития после 2015 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/millenniumgoals/poverty.shtml>. – Дата доступа: 04.11.2015.
25. Щедко и Бондаренко против Беларуси (сообщение № 886/1999): соображения Комитета по правам человека ООН от 03.04.2003 г. // Индивид v. государство: обращения в договорные органы ООН применительно к Республике Беларусь: в 2 т. – Т. 2. – С. 136–142.
26. Adult literacy is a human right [Electronic resource] // Right to education project. – Mode of access: <http://r2e.gn.apc.org/sites/r2e.gn.apc.org/files/Adult%20literacy%20flyer.pdf>. – Date of access: 04.11.2015.
27. Ali Djahangir oglu Quliyev v. Azerbaijan (Communication № 1972/2010) [Electronic resource]: Views of the Human Rights Committee of 16.10.2014. – Mode of access: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CCPR/Pages/Jurisprudence.aspx>. – Date of access: 04.11.2015.
28. Bronson Blessington and Matthew Elliot v. Australia (Communication № 1968/2010) [Electronic resource]: Views of the Human Rights Committee of 22.10.2014. – Mode of access: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CCPR/Pages/Jurisprudence.aspx>. – Date of access: 04.11.2015.
29. Donally, J. Research project on human dignity: human dignity and human rights / J. Donally. Geneva Academy of International Humanitarian Law and Human Rights. – 2009. – 90 p.
30. Emina Kožljak and Sinan Kožljak v. Bosnia and Herzegovina (Communication № 1970/2010) [Electronic resource]: Views of the Human Rights Committee of 28.10.2014. – Mode of access: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CCPR/Pages/Jurisprudence.aspx>. – Date of access: 04.11.2015.
31. Glensy, R. D. The right to dignity / R. D. Glensy // Columbia human rights law review. – 2011. – Vol. 70. – P. 66–142.
32. McCrudden, Ch. Human dignity and judicial interpretation of human rights / Ch. McCrudden // The European journal of international law. – 2008. – Vol. 19, № 4. – P. 655–724.
33. Ram Kumar Bhandari v. Nepal (Communication № 2031/2011) [Electronic resource]: Views of the Human Rights Committee of 29.10.2014. – Mode of access: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CCPR/Pages/Jurisprudence.aspx>. – Date of access: 04.11.2015.
34. Tija Hero, Ermina Hero, Armin Hero v. Bosnia and Herzegovina (Communication № 1966/2010) [Electronic resource]: Views of the Human Rights Committee of 28.10.2014. – Mode of access: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CCPR/Pages/Jurisprudence.aspx>. – Date of access: 04.11.2015.

**СОВРЕМЕННАЯ ЕВРОПА:
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА, ДОСТОИНСТВО ЛИЧНОСТИ,
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**

*В. А. Божанов,
доктор исторических наук, профессор*

От прав каждого человека к их коллективной защите

Через пять лет после принятия Организацией Объединенных Наций Всеобщей декларации прав человека (ВДПЧ) [1] 3 сентября 1953 г. вступила в силу Конвенция о защите прав человека и основных свобод [2], принятая Советом Европы, подписанная в Риме 4 ноября 1950 г. Для двенадцати правительств, подписавших Конвенцию, она стала первым шагом к коллективному обеспечению правовыми санкциями определенных прав, провозглашенных во Всеобщей декларации прав человека. И действительно, Европейская конвенция по правам человека (ЕКПЧ) была первым международным договором, который трансформировал провозглашенные во Всеобщей декларации принципы и обязательства, имеющие юридическую силу [3].

Специфическая роль ЕКПЧ определяется не только широким спектром прав, пользующихся ее защитой, но и, главное, тем наднациональным механизмом контроля, который она учредила для расследования случаев нарушения прав человека, возмещения причиненного ущерба и обеспечения соблюдения налагаемых Конвенцией обязательств. Как считает один из бывших руководителей Совета Европы П. Лепрехт, с момента вступления в силу Конвенция 1953 г., несмотря на ряд своих слабостей, развилась и превратилась в едва ли не самый сильный и эффективный договор, действующий в области прав человека.

Система ЕКПЧ позволила урегулировать множество не только индивидуальных, но и общих ситуаций, добиться исправления законов и процедур, противоречащих требованиям Конвенции. По определению Европейской комиссии и Европейского Суда по правам человека, ЕКПЧ превратилась в конституционный инструмент европейского общественного порядка. И хотя главная ответственность за применение ЕКПЧ лежит на национальных судебных органах власти, Комиссия и Суд превратились в признанных «хранителей и распорядителей договора». Между страсбургскими учреждениями и национальными судебными органами поддерживается плодотворный диалог.

Там, где нарушения прав человека носят систематический и массовый характер, система, основанная на Конвенции, оказывается относительно бес сильной. Вопреки неделимости прав человека и их всеобщности на деле экономические, социальные и культурные права не пользуются на европейском уровне столь же сильной защитой, как права политические и гражданские. Попытка компенсировать этот пробел принятием Хартии Европейского союза об основных правах не принесла ожидаемого результата. Хартия стала, по

словам П. Лепрехта, «бедным родственником» Конвенции, а развитие социальной демократии в Европе значительно отстает от «политической демократии» [3].

Был радикально пересмотрен контрольный механизм ЕКПЧ из-за постоянно растущего числа дел и быстрого расширения самого Совета после 1990 г. Вместо 10–12 первоначальных стран-членов нынче надзорный механизм ЕКПЧ должен обслуживать сорок государств с общим населением более 800 млн человек. На повестку дня становится вопрос о радикальной реформе этого механизма, чтобы он справлялся с возложенными на него функциями. Особенно это касается необходимости упрощения слишком длительных и сложных процедур разбирательства и не вполне независимого положения контрольного механизма.

Страны – члены Совета Европы посчитали необходимым общецивилизационную Декларацию прав человека связать с ценностями, сложившимися на европейском пространстве. К Конвенции присоединились почти все государства, принадлежащие к европейской цивилизации и расположенные на Евразийском континенте, от Атлантического до Тихого океана.

Если Всеобщая декларация прав человека основывается на вере народов Организации Объединенных Наций «в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности и в равноправие мужчин и женщин», то Конвенция утверждает в преамбуле «глубокую приверженность основным свободам» как основы справедливости и всеобщего мира, которые, в свою очередь, по их мнению, наилучшим образом обеспечиваются, с одной стороны, подлинно демократическим режимом, с другой – «всеобщим пониманием и соблюдением прав человека, которым они привержены». Несомненно, авторы имели в виду, что именно в Европе возникли и были публично провозглашены идеи свободы, равенства и братства, в Европе появились первые в мире демократические парламентские и партийные системы, Европа поставила на повестку дня идеи правового государства, разделения властей и механизма сдержек и противовесов, европейские мыслители назвали пределы господства государства над человеком, выделив перечень неприкосновенных прав человека. Поэтому авторы Конвенции используют фразеологию более понятную и близкую европейцу.

Другой важнейшей задачей, которую закрепили в Конвенции, стало на вышеотмеченной основе «сделать первые шаги на пути обеспечения коллективного осуществления некоторых из прав, изложенных во Всеобщей декларации». То есть в Европе стремление к утверждению прав человека должно было стать единым. Однако в отличие от Всеобщей декларации авторы острожно высказались за реализацию лишь некоторых прав.

Авторы Конвенции ушли от телеграфного стиля лапидарного изложения прав человека в Декларации. Это вполне логично, так как Конвенция выступает как инструмент Совета Европы по реализации универсального инструмента ООН – Всеобщей декларации прав человека. Так, право на жизнь, провоз-

глашенное в Конвенции, в отличие от ВДПЧ (ст. 3. Каждый человек имеет право на жизнь...) не носило категорического императива, а определялось как право, которое «охраняется законом», мало того, позволяет на основании закона лишить человека жизни в случаях защиты от насилия, при задержании и при подавлении бунта или мятежа, опять-таки в соответствии с законом. Это был явный шаг назад со стороны Совета Европы, ситуация была исправлена в 1983 г. принятием Протокола 6 к Конвенции относительно отмены смертной казни [4]. Ст. 1 Протокола № 6 гласит: «Смертная казнь отменяется. Никто не может быть приговорен к смертной казни или казнен».

Личная неприкосновенность также носит в Конвенции в отличие от Декларации прав относительный характер, зависящий от ряда обстоятельств (законное содержание под стражей лица, осужденного компетентным судом; законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом и т. д.). Конечно, это необходимая мера, без которой правоохранительные органы не способны осуществлять свою деятельность. В то же время на практике очень трудно зафиксировать в этом случае превышение полномочий.

Полицейский кодекс, например Франции, гласит, что персонал полиции эффективно приводит в действие силу, когда невозможно разрешить ситуацию иными способами. Однако, как считают французские исследователи, здесь и возникает проблема: оценить такие ситуации очень трудно. В сообщениях полицейских подобной статистики нет. Сами полицейские не испытывают больших сомнений в правильности применения силы. Однако факты настораживают: случаи нарушения прав человека как последствий употребления силы полицейскими нередки и чрезмерны [5]. Частично проблема правомерности действий полицейских во Франции решается наличием специального вневедомственного органа наблюдения за полицией, куда может пожаловаться каждый, кто считает действия полиции против него неправомерными.

В отличие от Всеобщей декларации, в которой дважды в тексте утверждается право на свободу (ст. 3. Каждый имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность; ст. 13.1. Каждый человек имеет право свободно передвигаться и выбирать себе место жительства в пределах каждого государства...), авторы Конвенции Совета Европы говорят о свободе в 5 позициях (ст. 5.1. Каждый имеет право на свободу...; ст. 9.1. Каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии...; ст. 10. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение...; ст. 11. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими...; ст. 13 оговаривает права на эффективную правовую защиту прав и свобод в государственном органе и их обеспечение «без какой бы то ни было дискриминации»).

Вместе с тем Конвенция содержит некоторые ограничения права на свободу. Например, ст. 15 посвящена отступлениям от соблюдения обязательств в чрезвычайных ситуациях. Есть ограничения на политическую деятельность

иностранцев. Ст. 5 содержит достаточно широкий перечень обстоятельств, когда право на свободу носит ограничительный характер. В основном это касается нарушителей законности и административных норм общественной жизни.

Конечно, можно принять позицию авторов Конвенции с той точки зрения, что без этих ограничений свободы правоохранительные и судебные органы, как мы отмечали выше, не смогут реально вести свою работу, своевременно пресекать нарушения и преступления. Однако каким бы практичным не казался такой подход, он явно или произвольно предоставляет возможность значительного превышения полномочий со стороны правоохранительных и судебных органов. Практика повсеместно подтверждает данный факт. Наиболее вопиющие ситуации происходят в закрытых помещениях этих органов, особенно в тюрьмах. Весь мир облетели телевизионные кадры об изощренных издевательствах над заключенными в американской тюрьме на Гуантанамо (Куба). Выяснилось, что подобные тюрьмы есть и в некоторых странах Европы.

Права человека по сути своей являются неотъемлемыми от самого человека, и только он может произвольно распорядиться ими, если своими действиями не угрожает другим. В этом отношении ВДПЧ утверждает более справедливый порядок: «При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе». Сведение этих глубоких декларативных позиций к конкретике их выражения (30 статей ВДПЧ сжаты в 18 статей Конвенции) явно снизило уровень защищенности прав человека.

Несомненно, выдающейся новацией Конвенции является учреждение в ноябре 1998 г. на постоянной основе Европейского Суда по правам человека Совета Европы. Коллективная система гарантий прав человека и основных свобод направлена на судебную защиту и существенное ограничение власти европейских государств по отношению к отдельным лицам, находящимся под их юрисдикцией. Судьи сменяемы через каждые 6 лет путем переизбрания. Суд принимает жалобы от физических лиц, неправительственных организаций или группы частных лиц, ставших жертвами нарушения их прав, закрепленных в Конвенции. При этом истец должен сначала исчерпать все внутренние средства правовой защиты в течение шести месяцев с даты вынесения национальным органом окончательного решения по делу. Предусмотрены и другие случаи для отклонения жалобы Судом.

Надзор за исполнением решений Суда осуществляет Комитет министров Совета Европы. Решения Суда распространяются только на страны – члены ЕС, которые к тому же ратифицировали Конвенцию.

В дальнейшем Совет Европы неоднократно специальными Протоколами вынужден был уточнять статьи Конвенции. Так, Протоколом 4 от 16 сентября

1963 г. (вступил в силу 2 мая 1968 г.) уточнялась неправомерность лишения свободы за невыполнение какого-либо договорного обязательства, т. е. за долги. Запрещались высылка и лишение права на въезд в страну его граждан, а также коллективная высылка иностранцев и т. д.

По существу, как мы отмечали выше, возвратом к исчерпывающей однозначности формулировки ВДПЧ явился Протокол 6 к Конвенции от 28 апреля 1983 г. (вступил в силу 1 марта 1985 г.) об отмене смертной казни. При этом ст. 15 Конвенции, позволявшая отступать от соблюдения обязательств по Конвенции в чрезвычайных ситуациях, отменялась. Это было (хотя и с большим опозданием), реакцией на Международный пакт о гражданских и политических правах [6], принятый ООН 16 декабря 1966 г. (вступил в силу 23 марта 1976 г.), ст. 6 которого гласила: «Право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека. Это право охраняется законом. Никто не может быть произвольно лишен жизни». Однако Пакт допускал смертные приговоры, относя их только к самым тяжким преступлениям в соответствии с законом, не подвергая смертной казни несовершеннолетних и беременных женщин. А ст. 4 подчеркивала, что эти статьи не могут быть отменены во время чрезвычайного положения, даже если жизнь нации находится под угрозой. Второй Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах [7] (принят ООН 15 декабря 1989 г., вступил в силу 11 июля 1991 г.) был специально посвящен проблеме смертной казни и гласил уже более категорично: «Ст. 1.1. Ни одно лицо, находящееся под юрисдикцией государства-участника настоящего Протокола, не подвергается смертной казни. 2. Каждое государство-участник принимает все необходимые меры для отмены смертной казни в рамках своей юрисдикции». Однако вновь допускалось право государств при ратификации или присоединении зафиксировать оговорки, связанные с военным временем. Таким образом, Совет Европы более решительно, чем ООН, подошел к отмене смертной казни.

Протокол 7 к Конвенции (принят Советом Европы 22 ноября 1984 г., вступил в силу 1 ноября 1988 г.) установил право осужденного за уголовные преступления на пересмотр судебного решения вышестоящей судебной инстанцией, на требование компенсации в случае судебной ошибки, право не быть судимым дважды за одно и то же преступление. В целом же за период с 1952 по 2004 г. Совет Европы принял 14 протоколов к Конвенции. Их целесообразность очевидна. В то же время наличие все нарастающего количества Протоколов, корректирующих Конвенцию, создает трудности в использовании самой Конвенции, ведь уточнять можно до бесконечности, и на каком-то этапе уточнения по существу становятся более значимыми, чем сама Конвенция. Конвенция теряет смысл.

Вместе с тем Протоколы содержат бюрократические ограничения по рассмотрению дел в Суде Совета Европы. Так, Протокол от 13 мая 2004 г. установил право отклонения жалобы по причине, «явно необоснованной, или злоупотребления правом подачи индивидуальной жалобы» или если заявитель

«не понес значительный вред» от ущемления своих прав. Суд оказался под большим наплывом жалоб, и Совет Европы не нашел ничего иного, как ввести совершенно надуманные ограничения, позволяющие судебным чиновникам произвольно разгружать Суд от работы.

Если бы это право распространялось и на гражданские суды, правовая защита человека подверглась бы опасности значительного ослабления. В отношении Европейского Суда под вопросом может оказаться сам принцип надгосударственности защиты прав человека. К сожалению, в жизни людей такое отношение судебных органов не редкость. Ужасна не загрузка судей, какой бы она ни была, а беззащитность человека перед грубыми нарушениями его прав и свобод. Европа пережила натовские бомбардировки Югославии, этнические чистки, надуманные санкции против стран и личностей и пр. И Совет Европы, и его Конвенция с Протоколами, и Суд оказались бессильны против них. Нередко, особенно в последние годы, Совет Европы исходит не из необходимости непосредственно защитить личность, а из конъюнктурных политических соображений, о чем совершенно откровенно заявляют ряд лидеров Запада.

На наш взгляд, наиболее успешно продвинулась Европа в области защиты прав инвалидов, пожилых людей, этнических и языковых меньшинств, в регулировании проблем гражданства, прав беженцев, здоровья и этики биологических исследований, образования и культуры.

После принятия культурной Конвенции Совет Европы разработал ряд мер по сближению образовательных программ и процедур, придя в конечном счете к формированию единого образовательного пространства в Европе, согласно Болонской декларации. Это огромное достижение, позволяющее придать правам человека на образование общеевропейский масштаб и возможности.

Необходимо заметить, что в преамбуле своего Устава, принятого 5 мая 1949 г. [8], Совет Европы провозгласил «свою приверженность духовным и моральным ценностям, которые являются общим достоянием их народов и подлинным источником принципов свободы личности, политических свобод и верховенства права, лежащих в основе любой истинной демократии». Ст. 8 Устава вводит жесткие санкции к государствам за невыполнение принятых на себя обязательств: «Право на представительство любого члена Совета Европы, грубо нарушающего положения ст. 3, может быть приостановлено, и Комитет министров может предложить ему выйти из состава Совета на условиях, предусмотренных в ст. 7. Если такой член Совета Европы не выполняет это предложение, то Комитет министров может принять решение о том, что член, о котором идет речь, перестает состоять в Совете с даты, которую определяет сам Комитет».

В то же время Конвенция отстранилась от понятия «достоинство личности», которое во Всеобщей декларации прав человека наряду с правами человека определено как «основа свободы, справедливости и всеобщего мира». Лишь в одной, третьей, статье Конвенции оно упоминается в связи с недопустимостью пыток, бесчеловечного или унижающего отношения к личности.

Достоинство – базовая, фундаментальная основа всех иных качеств личности, в том числе и прав человека. Бесправный человек может хранить достоинство, отсутствие же достоинства «бестиализирует» человека, в том числе и его права. Лишь через почти полсотни лет Совет Европы принимает текст пересмотренной «Социальной Хартии» (1996 г.) и «Конвенцию о правах человека в биомедицине» (1997 г.), используя понятие «достоинство человеческой личности». Эта ситуация вызывает вопросы, на которые идеологи и теоретики Совета Европы до сих пор не ответили.

7 декабря 2000 г. Европейский парламент, Совет Европейского союза и Европейская комиссия приняли Хартию Европейского союза об основных правах [9]. Если учесть, что в составе Совета Европы и Евросоюза состоят одни и те же страны, возникает вопрос о необходимости принятия параллельно Европейской Конвенции указанной Хартии. Если исходить из смысла терминов, то «конвенция» – это схождение, сближение, а «хартия» – документ с требованиями слоев и классов [10]. Таким образом, документ, названный Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, есть выражение позиций, по которым в европейском сообществе достигнуто сближение, сходность мнений. В свою очередь, Хартия Европейского союза об основных правах определяет перечень требований Союза к странам-участницам, т. е. задумана как инструмент более жесткого контроля за соблюдением основных прав со стороны институтов Союза и государств-участников.

В Хартии произошла важная корректировка в понятии принципа верховенства государства. В области прав человека он не должен действовать так, чтобы соответствующие международные органы не имели возможности проверить выполнение государствами, ратифицировавшими Хартию, своих обязательств. Европейским союзом впервые на нашем континенте была поставлена цель – создать тесный союз между государствами-участниками посредством утверждения принципов демократии и уважения прав человека, которое составляет их общее наследие [11, с. 31–32].

Сами авторы Хартии видят свою цель в том, чтобы «в свете эволюции общества, социального прогресса, научного и технологического развития... усилить защиту основных прав» на основе «их более ясного выражения». В центр внимания Хартия ставит всеобщие и нераздельные ценности – человеческое достоинство, свободу, равенство и солидарность, принцип демократии и принцип правового государства. Человеческая личность поставлена в центр деятельности Евросоюза посредством введения гражданства Союза и создания «пространства свободы, безопасности и сотрудничества». Евросоюз признает Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, а также юриспруденцию Европейского Суда по правам человека.

Таким образом, авторы Хартии не претендуют на какие-то новации в сфере защиты прав человека, а лишь собираются увязать деятельность своей экономической организации с уже разработанными документами и механизмами по правам человека. В документе сформулированы 54 статьи, многие из кото-

рых развернуты по параграфам. Следуя преамбуле Всеобщей декларации прав человека, Хартия заимствует из нее формулировку того, что «признание достоинства, присущего членам человеческой семьи, и их равных и неотъемлемых прав является основой свободы, справедливости и всеобщего мира». Хартия выносит право на достоинство на первый план, утверждая неприкосновенность человеческого достоинства, которое подлежит уважению и защите как важнейший императив правового порядка [10, с. 21], изначального утверждения ценности личности в ее фундаментальной основе. Именно в достоинстве проявляется сознание личностью своих человеческих прав, своей моральной ценности и уважение их в себе [12, с. 437]. Оно не может быть ущемлено даже в случаях ограничения каких-либо прав. На категории достоинства неоднократно в книге «Теория справедливости» останавливается известный американский философ Джон Роулз. По его мнению, чувство собственного достоинства является наиболее важным первичным благом, которое дает человеку ощущение своей значимости, уверенность в собственных способностях. Без него жизнь человека не кажется достойным деянием, пуста [13, с. 385]. Можно предположить определенное влияние теории Роулза на умонастроение авторов Хартии.

Хартия квалифицирует права человека в VII главах-направлениях: Достоинство, Свободы, Равенство, Солидарность, Гражданство, Правосудие, Общие положения. Видимо, авторы подразумевают, что через эти основания наиболее концентрированно выражаются права человека, и это позволяет повысить эффективность их реализации и противодействие их нарушениям. Они явно перекликаются по смыслу с идеями Великой французской революции – Свобода, Равенство и Братство. В Хартии категория «достоинство» положена в основу прав человека, является их отправным началом. В первой главе достоинство рассматривается как человеческое достоинство, как право на жизнь, на целостность личности, на запрещение пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, запрещение рабства и принудительного труда. Соответствующим образом построены и другие главы. Важно обратить внимание на то, что в отличие от Конвенции Хартия в своем основном тексте не только повторяет четко выраженное в ВДПЧ право каждого человека на жизнь, но и отвергает смертную казнь как вид наказания или осуждения.

Хартия оперирует понятием «гражданин Союза» и берет под контроль соответствующие права. Среди них право политических партий на уровне Союза выражать политическую волю граждан Союза (гл. II, ст. 12, п. 2), право граждан Союза искать работу, трудиться, учреждать предприятия и предоставлять услуги во всех государствах-членах (гл. II, ст. 15, п. 2), хотя аналогичное право распространяется и на граждан третьих стран, Союз обеспечивает высокий уровень защиты потребителей (гл. IV, ст. 38), право каждого члена Союза голосовать и баллотироваться на выборах в Европарламент (гл. V, ст. 40), право каждого гражданина Союза на свободное передвижение и проживание

на территории государств-членов (гл. V, ст. 44, п. 1), получать защиту со стороны дипломатических и консульских учреждений любого государства-члена (гл. V, ст. 45).

Ключевой идеей Хартии является проблема формирования нового правового порядка. Издавна сложилось так, что основные права гражданина почти систематически подчинялись интересам государства. Хартия же основывается на том, что человек является одновременно и высшей ценностью и носителем ценностей. Поэтому право должно конкретно и надлежащим образом в своих нормах воплощать эти ценности и принципы. Это возможно при наличии наднационального контроля над деятельностью государств в сфере уважения прав человека, признанных в отношении всех юридически подконтрольных государству граждан.

Формируется новая мораль Европы, все государства которой принимают единые ценности и принципы демократии, прав человека и основных свобод независимо ни от каких возникающих обстоятельств и условий. Отсюда проистекает международная ответственность государств, которые допускают такие нарушения.

Три последние статьи Хартии посвящены вопросу о пределах гарантированных прав. Хартия допускает такие ограничения по закону, но с уважением сущности прав и свобод и отсутствием препятствий для предоставления права со стороны Союза более широкой защиты. Ни одно из положений Хартии не может использоваться против прав иных людей или трактоваться в пользу каких-то отдельных групп или индивидов.

Хартия является, таким образом, новым документом в области прав человека, позволяющим существенно продвинуться к более конкретному механизму гарантии и защиты прав человека. Пожалуй, самое сильное качество данного документа – это то, что права человека гарантируются на огромном европейском пространстве, обозначенном границами государств – членов ЕС.

Сделав в преамбуле заметный шаг в сторону предиката человеческого достоинства по отношению к правам человека, Хартия в своих статьях свела его к четырем утилитарным позициям прав человека (право на жизнь, право на целостность личности, недопустимость пыток, бесчеловечного или унижающего отношения и запрещение рабства и принудительного труда). В результате человеческое достоинство как принципиальная основа выражения прав человека превратилось лишь в один из его факторов.

Вместе с тем социальные и культурные права в Европе испытывают при реализации серьезные препятствия. Мешает многое, в том числе бытующий взгляд, что решение экономических проблем автоматически позволит продвинуть социальные и культурные права. А сами по себе социальные и культурные права тормозят экономическое развитие, являются иждивенческими. Однако жизнь свидетельствует, что именно социальные права в конечном счете определяют устойчивое, более-менее благоприятное положение человека в обществе. Именно эти права становятся «проклятыми» в слаборазвитых

странах, заставляя людей бежать от нищеты и голода куда глаза глядят. Даже в процветающих странах Европы есть люди «социального дна».

В ближайшей перспективе для Совета Европы все более насущной становится задача его отношений с Европейским союзом. Суть проблемы в том, что обе структуры объективно перехватывают друг у друга поле деятельности, связанное с правами человека. При этом каждая действует по своему документу. Некоторые видят решение проблемы в присоединении Евросоюза к Конвенции и Европейской социальной хартии [3].

Европейская общественность и ее организации проделали огромную работу по конкретизации прав человека, консолидации их фундаментальных основ, формированию защитных механизмов прав человека от посягательств на них на общеевропейском пространстве. Отныне права человека базируются на солидарной ответственности за их реальное осуществление и действенную защиту. В то же время новые вызовы мировой в целом и европейской жизни в частности требуют не только организационных мер, но и своевременного реагирования на них по существу. Насколько Европа успевает за динамикой событий?

«Человеческое измерение» как конвергированный фактор выражения и защиты прав и достоинства личности

Нередко в документах Совета Европы, Евросоюза и ОБСЕ во имя «европейских ценностей» вопиющие нарушения прав человека не замечаются в одних странах и определенные достижения в данной области в других странах превозносятся как доблесть. Страны – участницы этих организаций считают своим правом вводить коллективные санкции против «провинившихся», на их взгляд, государств и их граждан, даже способствовать ухудшению их экономического и финансового положения, изоляции от участия в работе некоторых европейских структур.

Такой выборочный подход, да и сама суть подобных дискриминационных действий противоречат справедливости, ибо нарушается ими же провозглашенный принцип равной ценности прав всех людей без исключения. Справедливость не допускает, «чтобы потеря свободы одним была оправдана большими благами других» [13, с. 19]. Основные свободы – естественная, органическая часть людей, они «не являются предметом политического торга или калькуляцией социальных интересов» [13, с. 38]. Нынешняя спираль бесконечного принятия санкций в связи с событиями в Украине по отношению к России, а по другим обстоятельствам и по отношению к Беларуси, является наглядным примером отхода европейских правозащитных организаций от человеческого измерения. Антигуманно наказывать государства снижением уровня жизни их граждан, чтобы добиться таким образом «исправления их поведения». Мировая практика (в отношении Кубы, Северной Кореи, Ирана, Югославии, Венесуэлы и т. д.) свидетельствует, что эта политика даже на протяже-

нии десятилетий не приносила видимого результата. Непродуманные действия США и стран Европейского Сообщества в отношении ряда арабских государств и ислама как религии порождают в ответ джихад и шахидов. Экстремизм становится мерой и контрмерой улаживания человеческих отношений.

Анализируя либерализм, на котором зиждутся документы европейских организаций, А. Райн отмечает, что либеральное общество может претендовать лишь «на частичный успех в соответствии с собственными стандартами» [14, р. 42]. Грубое, путем экономического давления подравнивание всех стран под либеральную «универсальность» вызывает, как писал немецкий философ Теодор Адорно (1903–1969), скептицизм и множество вопросов. Он обращает внимание не на абстрактное равенство в соответствии с равенством как идеей. Подобное равенство Адорно резко характеризует в качестве тоталитарного усилия «сделать людей эквивалентными», что происходит через психологические махинации производства культуры или в «условиях дегуманизированных концентрационных лагерей, в которых люди находятся в предельно минимизированных обстоятельствах убогого тела и знаком их отличий являются исключительно номера, которыми они обозначены» [15, р. 42].

Философ уверен, что плюрализм требует права выражать своим суждением сопротивление идее огульного равенства. Люди, разделенные условиями жизни, «могут преследовать свое собственное видение пользы» [15, р. 43]. В качестве альтернативы Адорно высказывает мнение, что в эмансипированном обществе не может быть единого состояния. «Вместо этого надо указать на плохое равенство сегодня, и задумать лучшее состояние, в котором люди могли без страха быть отличными друг от друга» [цит. по: 5]. Обсуждению подлежит то, как это разнообразие должно быть организовано.

Действительно, Европа и ее правозащитные организации оказались застигнутыми врасплох резким возрастанием исламского фактора в ряде стран Европы, что выливается в острые инциденты, например «charly» и «атака на Париж» или террористические акты, которые стали постоянным фактором жизни евразийского пространства, а также отъездом граждан Европы для принятия ислама и участия в армии так называемого Исламского государства и т. д. Помимо открытия новых возможностей развития цивилизации глобализация обострила не решенные ранее социальные противоречия, предъявила миру новые вызовы и угрозы. Нарастание бедности, экстремизма, экологического кризиса ставит под угрозу само существование людей как высшего вида. Философы видят в этом признаки насилия человека над природой, когда инстинкт побеждает разум, а материя тщетно пытается поглотить дух.

Поэтому перспективы развития мировой цивилизации видятся в духовно-нравственной эволюции и изменении внутреннего мира человека [16]. Только обращение человечества к духовному строительству, поворот от грубого прагматизма к одухотворению может стать движущей силой и главным направлением человеческого прогресса. Сегодня заметным стало насильственное

насаждение «универсальной» американской культуры, что ведет к подрыву национальной идентичности других народов, навязыванию им однополюсной модели мирового развития. НАТО стал важнейшим инструментом осуществления контроля Вашингтона за ситуацией в Европе. Нравственный опыт важен потому, что без него любое знание может принести беду. На всем протяжении югославского конфликта американская стратегия поведения преследовала определенную цель – окончательно сместить шкалу ценностей мирового сообщества от дипломатического решения конфликтов в сторону возможности бесконтрольного применения силы со своей стороны. Такая же линия поведения со стороны США проявляется и в украинском конфликте, где США больше заинтересованы в его военном развитии, чем Европа.

Вызывает недоумение одергивание некоторыми странами со стороны западного альянса тех лидеров стран, которые проявляют по ряду вопросов их внешней политики суждения и поступки, отличные от «солидарного» мнения стран – членов Совета Европы или Европейского союза. Европейская солидарность может оказаться ничуть не лучше коммунистического диктата, но уже под флагом либеральной демократии и прав человека. Эта зашоренность не позволила ни одной из европейских организаций сыграть реальную миротворческую миссию в европейских конфликтах. Похоже, что непонимание и озлобленность в отношении европейских ценностей со стороны активной части арабского населения лишь возрастают.

В середине XX в. в ситуации необходимости трансформации социальных систем с учетом человеческого фактора возникло правозащитное направление «человеческое измерение». Прежде человеческое измерение замещалось государственным господством над человеком. По оценкам немецких социальных философов Юргена Хабермаса и Ханны Арендт, современный индивид все больше превращался в заложника анонимных, обезличенных социальных сил. Услуги и влияние власти государственных структур и недостаточное развитие гражданского общества, организаций самоуправления, отсутствие автономных «оазисов самодостаточности» вызвали эффект тотальной зависимости человека от всемогущих монополий, репрессивных аппаратов, политических партий и т. п.

Поэтому понятие «человеческое измерение» оказалось духовно-идеологическим вызовом системе «бесчеловечного» индустриального или государственного измерения. «Человеческое измерение» означает необходимость возвращения индивиду статуса высшей ценности, реабилитации прав человека, прежде всего его субъективного права на свободу как личную автономную собственность. Субъектом этого измерения является не «массовый», «коллективный» человек, а личность, которая олицетворяет определенную социальную общность, ее «человеческое измерение», достоинство личности.

Исходя из итогового акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), которое состоялось в Хельсинки (1975) [17], международные отношения стали включать в себя «человеческое измерение», т. е. приносить

пользу на уровне конкретного человека и отношений между людьми, при этом обязательства по данному вопросу не считались больше исключительной компетенцией государств-участников. Человеческое измерение, изначально задуманное как общие политические рамки отношений между государством и личностью, в дальнейшем включило в себя определенные обязательства и механизмы контроля над их выполнением. Сейчас установлен двухгодичный цикл проведения совещаний СБСЕ по рассмотрению выполнения вопросов, связанных с человеческим измерением и достоинством личности.

Под человеческим измерением понимаются демократия, верховенство закона, права человека, а также безопасность и экономика, по которым ведется работа СБСЕ. Универсум становится соизмеримым человеку, и одновременно человек и человеческое – соизмеримыми универсальному эволюционному процессу. Мир предстает в человеческом измерении [18].

Причем ввиду того что порядок принятия решений в СБСЕ консенсусный (т. е. необходимо, чтобы за решение проголосовали все государства), следует полагать, что все страны – члены СБСЕ согласны с положениями всех документов СБСЕ, в том числе тех, которые устанавливают стандарты человеческого измерения. Следовательно, все государства – члены СБСЕ несут политические обязательства в отношении согласованных документов в области человеческого измерения. Членство в СБСЕ и принятие данных документов со всей очевидностью это предполагают [19].

Наиболее конкретное и широкое обсуждение человеческого измерения состоялось на Совещании в Копенгагене в 1990 г. [20]. Им установлено, что «полное уважение прав и основных свобод и развитие общества, основанных на плюралистической демократии и верховенстве закона», – одна из главных целей правления и что признание этих прав является основой прогресса, прочного мира, безопасности, справедливости и сотрудничества в Европе. Документ упоминает множество прав человека и основных свобод, которые никогда прежде не рассматривались формально в контексте СБСЕ (право на мирные собрания и демонстрации, право на мирное использование своей собственности, права ребенка), а также включает положения, касающиеся национальных меньшинств, обязательств по выборам.

Авторы делают акцент на поддержку и развитие правового государства как гаранта достижения и поддержания демократического порядка и справедливости. Они настроены решительно обеспечить наиболее полное выражение высшей ценности человеческой личности. Элементами достоинства человеческой личности являются соблюдение законности и конституции со стороны правительства, администрации и судебных органов, независимость судей, адвокатов, публичная доступность законов, подконтрольность вооруженных сил и полиции гражданской власти, свободные выборы и т. д. Страны-участницы уверены, что для жизнедеятельной демократии необходимы демократические ценности и практики, разветвленная система демократических институтов.

В документе Московского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ (1991) [21] со всей определенностью заявлено, что обязательства, принятые СБСЕ в области человеческого измерения, являются вопросами, представляющими непосредственный и законный интерес для всех государств-участников, и не относятся к числу исключительно внутренних дел соответствующих государств. Московский документ также усилил человеческое измерение, введя несколько новых обязательств (поддержка демократически избранного правительства в случае его свержения или попытки свержения, защита прав человека в условиях чрезвычайного положения).

Данное обязательство было подтверждено на встрече на высшем уровне в Хельсинки (1992) [22] и на уровне министров в Копенгагене (1997). Таким образом, к началу 1990-х годов СБСЕ располагало весьма обширным каталогом обязательств в области человеческого измерения и хорошо разработанным набором механизмов поощрения и рассмотрению их соблюдения. Однако события, связанные с развалом бывшей Югославии и Советского Союза, вынудили пересмотреть роль СБСЕ в области человеческого измерения [23].

Одним из аспектов этого процесса было создание нескольких новаций, предназначенных для содействия соблюдению и мониторингу обязательств в области человеческого измерения: Бюро по свободным выборам (впоследствии Бюро по демократическим институтам и правам человека), Верховный комиссар по делам национальных меньшинств, Представитель СБСЕ по вопросам свободы средств массовой информации.

Государства-участники также решили расширить прежние обязательства в области человеческого измерения, обратившись к новым проблемам. Среди таких проблем – агрессивный национализм, расизм, шовинизм, ксенофобия и антисемитизм, тяжелое положение европейских рома и синти (цыган), миграция (особенно в странах СНГ), роль средств массовой информации в демократическом обществе и проблемы пола.

При этом важно заметить, что СБСЕ не имеет механизмов рассмотрения индивидуальных жалоб на нарушение каких-либо прав и основных свобод и их защиты международными правовыми средствами.

Вместе с тем для СБСЕ мир предстает в противоречивых оценках. Если в Парижской Хартии для новой Европы, принятой СБСЕ в ноябре 1990 г., констатировалось, что «эра конфронтации и раскола Европы закончилась», и выражался оптимизм в соблюдении и развитии человеческого измерения СБСЕ, то уже буквально через два года в Хельсинском документе «Вызов времени перемен» отмечаются «нестабильность и неуверенность» в связи с экономическим спадом, социальной напряженностью, агрессивным национализмом, нетерпимостью, ксенофобией и этническими конфликтами. В результате грубо нарушаются обязательства СБСЕ в области прав человека и основных свобод. Столь быстрая перемена обстановки в Европе свидетельствует о неспособности существенно влиять на них структур СБСЕ и низком качестве прогнозирования событий.

В 1994 г. на Будапештской встрече СБСЕ была переименована в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Сегодня целый ряд учреждений внутри новой структуры ОБСЕ занимается дальнейшим развитием принципов концепции «человеческого измерения», разработкой структур управления и контроля. Сюда относятся центральные политические руководящие и исполнительные комитеты ОБСЕ, еженедельно заседающий в Вене Постоянный Совет, представляющий собой постоянный форум. Каждый год проходят встречи министров иностранных дел. Регулярно – встречи в верхах, семинары. Нормы ОБСЕ по «человеческому измерению» раз в год подвергаются экспертизе на «встрече по выполнению обязательств».

Структурные подразделения ОБСЕ, в частности Бюро по вопросам демократических институтов и правам человека в Варшаве, Верховный комиссар по национальным меньшинствам в Гааге и Уполномоченный ОБСЕ по средствам массовой информации призваны оказывать поддержку государствам-участникам по развитию норм ОБСЕ. В Центральной и Восточной Европе, Юго-Восточной Европе, на Кавказе и в Центральной Азии появилось 18 миссий ОБСЕ, которые являются важным инструментом для предотвращения конфликтов, преодоления кризисов, оказания поддержки государствам-участникам при условии выполнения их обязательств.

События начала XXI в. свидетельствуют, что религиозные и этнические очаги напряженности, международный терроризм, экстремизм с применением насилия и бесконтрольное распространение легкого оружия дестабилизируют процессы демократизации. Торговля людьми, организованная преступность, контрабанда наркотиков побуждают международное сообщество к решительным действиям. Поэтому ОБСЕ подвергают критике за бездействие и недостаточную эффективность. Однако с уверенностью можно сказать, что без ОБСЕ возникла бы ощутимая брешь в системе европейской безопасности [24].

В ходе развития украинского конфликта европейские правозащитные органы пытались своим вмешательством добиться примирения сторон. Парламентская ассамблея Совета Европы приняла резолюцию «Гуманитарная ситуация украинских беженцев и перемещенных лиц», опубликованную 28 января 2015 г., в которой обвинила Российскую Федерацию в эскалации конфликта на Донбассе. Ассамблея выразила глубокую обеспокоенность по поводу длительного нарушения режима прекращения огня, заключенного в Минске 5 сентября 2014 г. [25].

Ассамблея призвала стороны конфликта в полной мере уважать и выполнять положение о прекращении огня, предусмотренное минскими соглашениями от 5 и 19 сентября 2015 г., и воздержаться от применения силы и насилия, особенно в отношении гражданских лиц и гражданских структур. Ассамблея призвала Украину осуществлять основные государственные услуги в контролируемых сепаратистами районах, расследовать и при необходимости привлекать к ответственности за все случаи нарушения прав человека и международного гуманитарного права.

Ассамблея призвала российские власти воздерживаться от дестабилизации Украины, а также финансирования, военной поддержки незаконных вооруженных формирований и использовать свое влияние, чтобы они в полной мере уважали и выполняли положения минских соглашений. В целом по событиям в Украине Совет Европы принял более 20 решений, однако реальная их польза остается неопределенной.

Мы неоднократно обращаемся к примеру Югославии, так как на ее опыте Совет Европы наиболее наглядно продемонстрировал свою неспособность разрешить острую ситуацию общеевропейского масштаба. Конфликт в Югославии, возникший в начале 1990-х годов, носил этнополитический характер, отягощенный конфессиональными различиями. Этнонациональные конфликты затронули Чехию, Словакию, Венгрию, Румынию, страны Балтии, Югославию и бывший СССР. Западная Европа попыталась выработать эффективные механизмы урегулирования национальных конфликтов. Однако конфликты вскоре приняли общеевропейский характер. Попытки Совета Европы сохранить национальные государства не увенчались успехом. Неэффективной оказалась система санкций: прекращение финансовой помощи, эмбарго на поставки вооружений, угроза военного вмешательства, переговоры в рамках конференции по Югославии, попытки применения дипломатической изоляции и тотального нефтяного эмбарго.

Одна из неудач миротворческой миссии состоит в том, что принцип самоопределения был применен избирательно. По сути, сам Совет Европы спровоцировал усиление дестабилизации в Югославии.

Европейские правозащитные организации накопили ценный опыт разрешения проблем, связанных с утверждением и защитой прав человека и основных свобод. Однако события в современном мире приобрели невиданный до сих пор динамизм, развиваются взрывоопасно, неожиданно и с очень сложными последствиями для населения. Особенно это чувствительно в Европе с ее пестрым национально-этническим и религиозным составом жителей, глубокой конфронтацией в истории далекой и близкой (раскол христианства, попытки Реформации, создание и развал империй, противопоставление Востока и Запада, крупные революции, имевшие последствия для всей Европы, в Голландии, Франции, России, две мировые войны, практически непрерывный процесс коренного изменения политической карты Европы и т. д.). К этому присоединился фактор этнонациональный, особенно арабский, внесший в Европу нарастание экстремизма, терроризма даже в тех европейских странах, где до сих пор жители понятия об этом не имели.

В сложившейся ситуации для защиты прав человека необходимы новые концептуальные подходы, переход на новое мышление, позволяющее все это охватить и предложить способы и методы разрешения нарастающих проблем в интересах, подчеркиваем, всех сторон. Односторонний, стандартизированный подход, тем более диктат, насаждение единых ценностей, право одних сторон предъявлять претензии к другим свидетельствуют, что европейский

мир с большим трудом организует жизнь в условиях реального и всестороннего плюрализма, сохранения каждым народом, этносом своей идентичности, культуры, своего понимания пользы и порядка. Без принятия этой площадки кризис в Европе может приобрести необратимый характер, о чем уже с позапрошлого века неоднократно предупреждают известные философы. Позитивным шагом в данном направлении может быть разработка нового Европейского кодекса достоинства, прав и обязанностей личности, философским основанием которого были бы конвергенция прав человека, достоинства личности, человеческого измерения.

Нарастающие в последние годы акты террора в мире, особенно в Европе и на Ближнем Востоке, с многочисленными жертвами стали превращаться в одну из угроз мировой цивилизации в XXI в. «Атака против Америки» в 2001 г. постепенно дополняется такой же усиливающейся террористической «атакой против Европы». Классическая универсальная, как казалось, концепция прав человека демонстрирует свою беспомощность перед новыми вызовами современности.

На повестке дня диверсификация традиционной либеральной концепции прав человека, формирование ее новой принципиальной основы, которая бы соответствовала традициям, морали, мировоззренческим ценностям всего многообразного населения планеты в самых отдаленных ее уголках. Защитить права отдельных личностей, особенно в зонах военных конфликтов, практически невозможно. Стоит, видимо, вернуться к гарантии прав человека на основе концепции защиты корпоративных прав населения, т. е. коллективных прав групп – этнических, социально-государственных, региональных, религиозных и т. д. Неустойчивость сосуществования на Земле ведет к полной беззащитности, паническому состоянию людей, неэффективности работы служб безопасности и электронных устройств. Достоинство и права человека в последнее время подверглись беспрецедентной и широкомасштабной атаке.

Литература

1. Всеобщая декларация прав человека // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения: в 4 т. – Минск: Амалфея, 2009. – Т. 1. – С. 78–81.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения. – С. 108–119.
3. Лепрехт, П. Европейская защита прав человека: совместимо ли ее укрепление с расширением Совета Европы? [Электронный ресурс] / П. Лепрехт. – Режим доступа: www.hrights.ru. – Дата доступа: 3.02.2015.
4. Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения. – С. 122–123.
5. Favre, P. Quand la polic fabrique l'ordre sociale / P. Favre // *Revue francaise de science politique*. – 2009. – Vol. 59, № 6. – P. 1234.
6. Международный пакт о гражданских и политических правах // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения. – С. 82–94.
7. Второй Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленный на отмену смертной казни // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения. – С. 97–98.

8. Устав Совета Европы // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения. – С. 61–69.
9. Хартия Европейского союза об основных правах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eulaw.ru/treaties/charter>. – Дата доступа: 17.12.2014.
10. Словарь иностранных слов. – 12-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1985. – 608 с.
11. Де Сильвия, М. Европейская конвенция по правам человека / М. де Сильвия. – СПб.: Юрид. Пресс, 2004. – 267 с.
12. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1981. – Т. 1. – 698 с.
13. Роулз, Дж. Теория справедливости / Дж. Роулз; пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Изд-во «Издательство ЛКИ», 2010. – 536 с.
14. Alan, Ryan. The Making of Modern Liberalism / Ryan Alan. – Princeton Univ. Press, 2012. – 670 p.
15. Feola, M. Difference without fear: Adorno contra liberalism / M. Feola // European J. of Political Theory. – 2014. – Vol. 13, № 1. – P. 41–57.
16. Овчинников, К. А. Человеческое измерение глобализирующегося мира: нравственный аспект: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 [Электронный ресурс] / К. А. Овчинников. – М., 2007. – Режим доступа: www.mosgu.ru. – Дата доступа: 6.02.2015.
17. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения. – С. 26–61.
18. Седов, И. Н. Человеческое измерение универсальной эволюции: дис. ... канд. филос. наук [Электронный ресурс] / И. Н. Седов. – М., 2004. – Режим доступа: www.nauka-shop.com. – Дата доступа: 6.02.2015.
19. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.spring96.org/ru/neus/45935. – Дата доступа: 6.02.2015.
20. Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения. – С. 61–69.
21. Документ Московского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения. – С. 194–204.
22. Хельсинкский документ 1992 года «Вызов времени перемен» // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения. – С. 205–215.
23. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.isfic.info. – Дата доступа: 6.02.2015.
24. Штудманн, Ж. Директор бюро по вопросам демократических институтов и прав человека (БДИПЧ) ОБСЕ. «Человеческое измерение» – краеугольный камень всесторонней концепции безопасности [Электронный ресурс] / Ж. Штудманн. – Режим доступа: www.nasledie.ru. – Дата доступа: 6.02.2015.
25. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.euroa.com. – Дата доступа: 5.02.2015.

ПРАВО НА КУЛЬТУРУ КАК ВАЖНЕЙШИЙ КОМПОНЕНТ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

М. И. Веренич,

научный сотрудник,

Е. Ф. Ивашкевич,

кандидат педагогических наук, доцент

Уважение к культурному и языковому наследию своей страны, подробное законодательное урегулирование вопросов в области языка несомненно является гарантом сохранения самобытности нации, ее достоинства, а также гармоничного развития языка и культуры населяющих страну этносов, языкового

и культурного разнообразия, становления подлинно демократического государства и развития гражданского общества. Неслучайно вопросы гарантий права на пользование родным языком неоднократно становились объектом регулирования в международных правовых актах, а именно во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах, Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным и этническим, религиозным и языковым меньшинствам, Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств и многих других [1].

В большинстве европейских стран конституциями декларируется один государственный язык (в Дании, Франции, Австрии, Нидерландах и др.), тем более что в некоторых из них население имеет ярко выраженный мононациональный характер (в Греции греки составляют 95% населения, в Португалии португальцы – 99, в Италии итальянцы – 98%). При этом в подавляющем большинстве конституций при формулировании принципа правового равенства граждан наряду с другими критериями отмечается недопустимость дискриминации по языковому признаку, стремление поощрять развитие государственного языка и языка национальных меньшинств: «Происхождение, пол, раса, язык, место рождения, религиозная принадлежность... ни для кого не может служить основанием для получения привилегий, извлечения выгоды, нанесения ущерба, лишения какого-либо права или освобождения от какой-либо обязанности»; «Основными задачами государства являются... обеспечение обучения и постоянного повышения ценности, защита португальского языка и содействие его международному распространению» (ст. 13, 95 Конституции Португалии); «Будет поощряться право этнических, языковых и религиозных меньшинств сохранять собственную культурную и общественную жизнь» (ст. 2 Формы правления Швеции); «Все лица, находящиеся на территории греческого государства, пользуются полной защитой своей жизни, чести и свободы, независимо от национальной, расовой или языковой принадлежности, религиозных и политических убеждений» (п. 2 ст. 5 Конституции Греции, аналогичное положение содержится в п. 3 ст. 3 Основного закона ФРГ) [2]; «В Республике Польша официальным языком является польский язык. Настоящим предписанием не нарушаются права национальных меньшинств», «Республика Польша обеспечивает польским гражданам, принадлежащим к национальным и этническим меньшинствам, свободу сохранения и развития собственного языка, сохранения обычаев и традиций, а также развития собственной культуры» (ст. 27, 35 Конституции Польши) [3]; «Граждане, для которых болгарский язык не является родным, имеют право наряду с обязательным изучением болгарского языка изучать и использовать свой родной язык» (ст. 36 Конституции Болгарии); «Граждане, принадлежащие к национальным общинам, имеют право на развитие своего языка, культуры и обычаев» (ст. 37 Конституции Литвы) [4].

На конституционном уровне помимо государственной поддержки права на общение, получение и распространение информации на национальном языке

ке широко закрепляются права на осуществление образования на национальном языке, обращения на нем в государственные органы и органы местного самоуправления, на предоставление услуг переводчика в судебных органах, осуществление топографических обозначений на национальном языке и многие другие. Примерами могут быть следующие конституционные статьи: «Республика Сербия должна содействовать пониманию, признанию и уважению разнообразия, обусловленного особой национальной, культурной, языковой и религиозной идентичностью ее граждан, с помощью мер, применяемых в образовании, культуре и публичной информации», «Лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, должны принимать участие в принятии решений или принимать решения отдельно по определенным вопросам относительно их культуры, образования, информации и официального использования языков и алфавита через их коллективные права в соответствии с законом. Лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, могут избирать свои национальные советы для реализации права самоуправления в сфере культуры, образования, информации и официального использования языков и алфавита в соответствии с законом» (ст. 48, 75 Конституции Республики Сербия); «В единицах местного самоуправления, в которых большинство составляют представители национальных меньшинств, помимо македонского языка и кириллического алфавита используется язык и алфавит этих национальностей в соответствии с установленной законом процедурой», «Представители национальностей имеют право преподавать на своем языке в начальной и средней школе в соответствии с установленной законом процедурой. В школах, в которых обучение осуществляется на языке национальностей, изучается и македонский язык» (ст. 7, 48 Конституции Македонии); «Задержанный или арестованный должен быть немедленно уведомлен на языке, который он понимает, о причинах задержания или ареста и в кратчайший срок – о содержании обвинения», «Граждане, принадлежащие к национальным меньшинствам, а также лица, которые не понимают румынского языка или не говорят на нем, имеют право знакомиться со всеми актами и материалами дела, выступать в инстанции и представлять заключения через переводчика; в уголовных процессах это право обеспечивается бесплатно» (ст. 23, 127 Конституции Румынии); «Гражданам, принадлежащим к национальным меньшинствам или этническим группам, при условиях, установленных законом, кроме права на овладение государственным языком, гарантируется: а) право пользоваться своим языком в официальных отношениях; б) право участвовать в решении вопросов, касающихся национальных меньшинств и этнических групп» (ст. 34 Конституции Словакии); «Гражданам, образующим национальные или этнические меньшинства, гарантируется всестороннее развитие, в частности право совместно с другими представителями меньшинства развивать собственную культуру, распространять и получать информацию на родном языке и объединяться в национальные объединения» (ст. 25 Хартии основных прав и свобод Чехии), а также ст. 64 Конституции Словении, ст. 15 Конституции

Хорватии, ст. 53 Конституции Украины, ст. 45 Конституции Азербайджана, ст. 50 Конституции Эстонии и др. [4].

Вместе с тем в Европе достаточно распространена конституционная практика закрепления в качестве государственных нескольких языков, что связано, как правило, с историческими условиями становления и развития государственности данных стран. Очень подробно урегулирован вопрос о языках в Конституции Бельгии. С точки зрения государственно-территориального устройства, Бельгия являлась до недавнего времени унитарным децентрализованным государством с тремя уровнями управления – государственным, провинциальным и коммунальным. Конституционная реформа еще в 1921 г. юридически закрепляла путем изменения избирательного права усиление роли фламандского населения в политической жизни страны, что, однако, не ликвидировало его приниженого положения в области языка и культуры. Слова бельгийского социалиста Жюля Дестре, обращенные к королю Альберту I в 1912 г., о том, что в Бельгии есть валлонцы и фламандцы, но нет бельгийцев, не утратили своей актуальности и сейчас, если вспомнить скандал, раздутый в результате изучения общественного мнения СМИ в 2006 г. о возможности выхода из страны и обретения независимости северным Фламандским сообществом.

Юридической основой решения межнациональных проблем стали конституционные реформы 1970, 1980, 1993 гг., ознаменовавшие переход Бельгии от унитарного государственного устройства к федеративному. В настоящее время, согласно части I «О бельгийской федерации, ее составных частях и территории», Бельгия разделена на три сообщества: Французское, Фламандское и Германоязычное (ст. 2); три региона: Валлонский, Фламандский, Брюссельский (ст. 3); четыре лингвистических региона: французского языка, голландского языка, двуязычный столичный регион «Брюссель – столица» и немецкоязычный (ст. 4), границы которых могут быть изменены только квалифицированным большинством в 2/3 поданных голосов членов каждой лингвистической группы в палатах Парламента при наличии кворума в каждой из этих групп. Конституция провозглашает свободу употребления принятых в Бельгии французского, нидерландского и немецкого языков, не устанавливая ни один из них государственным. Регулирование этого вопроса допускается только в сфере государственного управления и отправления правосудия и лишь на основании закона (ст. 30). В части III «О властях» при формировании Правительства и верхней палаты Парламента – Сената – учитывается принцип представительства на лингвистической основе (ст. 99, 67) [2, с. 109–126].

Пример конституционного урегулирования двух языков в качестве государственных предоставляет нам Ирландия, для которой характерно подчеркнутое внимание к проблемам языка. Так, ст. 8 Конституции Ирландии объявляет первым официальным языком ирландский (п. 1), а вторым – английский язык (п. 2) [2, с. 326]. Вместе с тем де-факто основным языком общения остается английский, который часто называют ирландским английским, по-

сколькo он, подобно американскому, несколько отличается от классического английского языка. Это связано прежде всего с многолетним господством англичан в Ирландии. Достаточно вспомнить, что долгое время на ее территории действовал английский уголовный закон (1695 г.), запрещавший использование ирландского языка и разрушавший ирландские культурные традиции. Однако к 1991 г. уже более 1,1 млн жителей (32,5% населения от 3 лет и старше) вернулись к разговорному ирландскому языку, хотя степень владения им весьма различна. Преподавание этого языка теперь обязательно в начальных и средних школах; на ирландском языке издаются литературные произведения, периодические печатные издания, ведутся радио- и телепередачи. Интересно заметить, что в официальном английском тексте Конституции Ирландии наименования некоторых государственных органов употребляются не в переводе на английский, а непосредственно на ирландском языке. Так, Палата представителей названа Dail Eireann, а сенат – Seanad Eireann.

В Конституции Люксембурга не установлены официальные государственные языки, хотя основными языками общения являются французский, немецкий и люксембургский диалект (франсик мозелан), статус которых урегулирован соответствующим законом. В Конституции лишь фиксируется положение о том, что порядок употребления языков в административном и судебном производствах определяет закон. Тем не менее еще в 1906 г. высшая судебная инстанция Люксембурга подчеркнула, что в случае разночтений французского и немецкого переводов законодательных положений судьи должны руководствоваться французским текстом, поскольку французский язык является единственным языком законодателя [4].

Исторические обстоятельства (до 1809 г. Финляндия была владением Швеции) повлияли и на признание в качестве государственных языков в Финляндии финского и шведского (§ 14 Формы правления). Причем финский язык стал государственным впервые в 1863 г. при российском императоре Александре II, что привело к подъему и развитию финской культуры. Однако в конце XIX в. финляндская автономия была значительно ограничена, и только после Октябрьской революции 1917 г. Сейм 6 декабря 1917 г. провозгласил независимость своей страны, признанной в 1918 г. Советской Россией. Конституционно декларируется «право граждан Финляндии использовать в судах и в обращениях к органам власти в касающемся их деле родной язык – финский или шведский, а также право на получение касающихся их документов на данном языке с тем, чтобы права как финского, так и шведского населения защищались в одинаковой мере» (II абзац § 14 Формы правления) [2, с. 614].

В настоящее время двуязычие особенно актуально для шведскоязычного населения Аландских островов, наделенных правами автономии. Закреплено двуязычие и в двух самоуправляющихся территориях Дании: в Гренландии официальными языками являются эскимосский (инуитский) и датский, на Фарерских островах – фарерский и датский. Конституция Испании, являясь выразителем интересов многонационального государства, в своей преамбуле

провозглашает «стремление нации обеспечить всем испанцам и народам... развитие их культуры и традиций, языков и институтов». Официальным государственным языком признается кастильский (более 72% этнических испанцев). Однако принципиальное значение имеет конституционное признание официального статуса и остальных языков Испании в соответствующих автономных сообществах согласно их статутам (п. 1–2 ст. 3 Конституции). Богатство лингвистических особенностей исторических районов страны конституционно определено как часть культурного наследия и пользуется особым уважением и защитой (п. 3 ст. 3). Редким в мировой практике случаем является признание в Швейцарии государственными сразу 3 языков – немецкого (его считают родным 65% населения), французского (20%), итальянского (10%). Также официальным (но не государственным) признается ретороманский язык, иногда используемый в италоязычных кантонах [2, с. 372].

В швейцарской федеральной Конституции отсутствуют упоминания о национальных, языковых группах или меньшинствах. Союзное государство предоставляет 26 кантонам право самостоятельно проводить культурную, в том числе и языковую, политику. Каждый кантон выбирает себе один или несколько из четырех языков, которые становятся для него государственными кантональными языками. Администрация, полиция, суды, государственные школы используют этот язык, к федеральным же властям каждый швейцарец может обращаться на одном из четырех языков [5, с. 182–183].

Вместе с тем в некоторых странах не принято использовать языки меньшинств для ведения официальных дел, преподавания общеобразовательных предметов в школах. Например, в Великобритании считается, что ученик получит больше пользы, если преподавание будет вестись на английском языке. Дети национальных меньшинств могут изучать родные языки лишь во внешкольное время в классах, организованных и оплачиваемых общиной. Примером радикального отношения к данной проблеме является Конституция Турции 1982 г., в которой, согласно ст. 42, «никакой язык, кроме турецкого, не должен преподаваться в качестве родного языка турецким гражданам в любых образовательных учебных заведениях».

Накоплен значительный опыт правового урегулирования в области языковой политики в Российской Федерации. Так, распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 сентября 2005 г. № 1355-р утверждена Концепция федеральной целевой программы «Русский язык (2006–2010 годы)», в которой в п. 1 обосновывается соответствие решаемой проблемы применения государственного языка и языков народов Российской Федерации и целей Программы приоритетным задачам социально-экономического развития Российской Федерации. В данном разделе констатируется, что в бывших республиках СССР из 140 млн человек русским языком владеет 10 млн. Согласно экспертным оценкам, через 10 лет число носителей русского языка уменьшится более чем в 2 раза. Например, в Литве среди лиц среднего и старшего возраста русским владеют 80%, в то время как среди тех, кто моложе 15 лет, – только 13%. Это

связано с тем, что к 2004 г. русский язык остался государственным лишь в Республике Беларусь. Достаточно сильны его позиции в Республике Казахстан и Кыргызской Республике, где русскому языку придан статус языка официального общения. Языком национального меньшинства русский является в Республике Армения, Грузии и Украине, в странах Балтии это иностранный язык (в Латвии с 1999 г., в Литве и Эстонии – с 1995 г.) [6]. Реализована Концепция федеральной целевой программы «Русский язык» на 2011–2015 гг. Основаниями для разработки программы являлись Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации», Закон Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» и другие документы.

В самой Российской Федерации наблюдается снижение уровня владения русским языком как государственным, сужение сферы его функционирования как средства межнационального общения, искажение норм русского литературного языка в речи политических деятелей, государственных служащих и работников СМИ.

Представляет значительный историко-правовой интерес исследование белорусского конституционного опыта оформления статуса языков. Так, в Конституции Белорусской социалистической советской республики 1927 г. в ст. 21 за всеми гражданами «признавалось право свободного пользования родным языком на съездах, в суде, управлении и общественной жизни, а в государственных и общественных учреждениях и организациях устанавливалось полное равноправие белорусского, еврейского, русского и польского языков», причем опубликование важнейших законодательных актов также производилось на 4 языках (ст. 23) [7]. После длительного перерыва двуязычия как основы государственной политики в области языка 14 мая 1995 г. по инициативе Президента Республики Беларусь был проведен республиканской референдум, в котором приняли участие 64,8% электората. За одобрение вопроса «Согласны ли вы с приданием русскому языку равного статуса с белорусским?» проголосовало 83,3% принявших участие в голосовании.

В настоящее время в Республике Беларусь в соответствии с Конституцией государственными языками являются белорусский и русский. Наряду с провозглашением нескольких государственных языков Республика Беларусь проявляет государственную заботу о свободном развитии и употреблении всех национальных языков, которыми пользуется население республики. Закон Республики Беларусь «О языках в Республике Беларусь» от 26 января 1990 г. (с изменениями и дополнениями от 10.05.2007 г.) устанавливает в ст. 3 «право граждан пользоваться их национальным языком, обращаться в госорганы, органы местного управления и самоуправления, на предприятия, в учреждения, организации и общественные объединения на белорусском, русском или другом приемлемом для сторон языке». В Законе подробно регламентируется язык съездов и других форумов, документов по выборам депутатов, сферы обслуживания, судопроизводства, международных договоров, образования, науки и культуры и других сфер; в ст. 34 подчеркивается как принцип государ-

ственной политики содействие национально-культурному развитию этнических белорусов, проживающих за пределами Республики Беларусь [8].

Ряд стран Центральной и Восточной Европы особое внимание уделяет государственной поддержке своих соотечественников за границей, закрепляя данное положение на конституционном уровне. Примером данного конституционного подхода являются такие страны, как Республика Сербия: «Члены национальных меньшинств имеют право на свободные отношения и сотрудничество со своими соотечественниками за пределами Республики Сербия» (ст. 80); Венгрия: «Руководствуясь идеалом объединенной венгерской нации, Венгрия должна нести ответственность за судьбу венгров, проживающих вне ее границ, должна способствовать их выживанию и развитию, и должна продолжать поддерживать их усилия, направленные на сохранение их венгерской культуры, а также будет способствовать их сотрудничеству друг с другом и с Венгрией» (ст. D); Румыния: «Государство поддерживает упрочение связей с румынами, проживающими за пределами страны, и содействует сохранению, развитию и проявлению ими своей этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности при уважении законодательства государства, гражданами которого они являются» (ст. 7 «Румыны, проживающие за рубежом»); Албания: «1. Республика Албания защищает национальные права албанского народа, проживающего за ее пределами. 2. Республика Албания защищает права албанских граждан, временно или постоянно проживающих за ее пределами. 3. Республика Албания оказывает помощь албанским гражданам, которые живут и работают за ее пределами, в целях сохранения и развития их связей с национальным культурным наследием» (ст. 8); Словения: «Государство заботится об автохтонных словенских национальных меньшинствах в соседних государствах, о словенских переселенцах и эмигрантах, содействует их связям с родиной. Государство заботится о сохранении природных богатств и культурного наследия, а также создает условия для гармоничного развития цивилизации и культуры Словении» (ст. 5); Украина: «Украина проявляет заботу об удовлетворении национально-культурных и языковых потребностей украинцев, проживающих за пределами государства» (ст. 12) [4].

Вместе с тем в Венгрии ряд конкретных шагов в данном направлении лидера ФИДЕС, премьер-министра В. Орбана в 1998 г. привел к неоднозначной реакции со стороны венгерской общественности и соседних стран. По его инициативе подавляющим большинством голосов парламент принял закон, представляющий значительные социальные льготы и привилегии проживающим в соседних странах соотечественникам. Новый статус предоставлял им право на работу в Венгрии в течение 3 месяцев в году, обеспечивал равные с гражданами страны возможности в области культуры и образования, бесплатные медицинские услуги, льготные транспортные тарифы и бесплатный проезд для стариков и детей, достаточные вузовские и послевузовские стипендии. Закон вступил в силу с января 2002 г. Это вызвало ряд протестов в Чехии, Словакии, Сербии, Хорватии, Словении. В Румынии дело дошло до

официального протеста и жалобы Правительства Румынии в соответствующие структуры Совета Европы и Европейского союза, в которой новый венгерский закон характеризовался как «анахроничный, дискриминационный и неевропейский», полностью противоречащий Договору от 1996 г. и имеющий «оттенок экстерриториальности». Однако в СМИ было отмечено, что Румыния во многом проводит аналогичную политику в отношении молдаван, предоставляя им двойное гражданство и различные социальные и политические льготы. Одновременно В. Орбан заявил о необходимости отменить послевоенные декреты Президента Чехословакии Э. Бенеша, в результате которых в Западную Германию из стран Восточной Европы было выселено значительное количество этнических немцев. Но после проигрыша на парламентских выборах 2002 г. и перехода В. Орбана и его партии в оппозицию наметился отход от политики по «возрождению духа Великой Венгрии» и восстановлены политкорректные отношения с соседними странами.

Успехи и просчеты правового опыта зарубежных стран учитываются при проведении национальной политики в Республике Беларусь, которая реализуется посредством осуществления прав и свобод, закрепленных в целом комплексе нормативно-правовых актов. Кроме международных соглашений и положений Конституции Республики Беларусь в стране действует 20 законодательных актов, прямо или косвенно регулирующих данную сферу жизни общества. Ст. 14–15, 22–23, 36, 50 Конституции Республики Беларусь предусмотрено, что государство регулирует отношения между социальными, национальными и другими общностями на основе принципов равенства перед законом, уважения их прав и интересов; государство ответственно за сохранение историко-культурного и духовного наследия, свободное развитие культур всех национальных общностей, проживающих в Республике Беларусь; все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов; никто не может пользоваться преимуществами и привилегиями, противоречащими закону; каждый имеет право на свободу объединений; каждый имеет право сохранять свою национальную принадлежность, равно как никто не может быть принужден к определению и указанию национальной принадлежности; оскорбление национального достоинства преследуется согласно закону, каждый имеет право пользоваться родным языком, выбирать язык общения; государство гарантирует в соответствии с законом свободу выбора языка воспитания и обучения [9].

В соответствии с Законами Республики Беларусь «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь», «О языках в Республике Беларусь», «О культуре в Республике Беларусь», «Об общественных объединениях», «Об образовании» национальным меньшинствам и их представителям гарантируются право на создание своих национальных культурных обществ (объединений), право быть избранными в органы государственной власти, занимать любые должности в органах государственной власти и управления Республики Беларусь; право исповедания любой религии, совершения национальных и риту-

альных обрядов на родном языке; изучения и пользования родным языком; право на печать и распространение информации на родном языке; на получение помощи со стороны государства в деле развития национальной культуры и образования, на сохранение своих национальных традиций, развитие профессионального и самодеятельного искусства; на установление культурных связей с соотечественниками за пределами Республики Беларусь [8, 10, 11].

Несмотря на успехи, достигнутые Беларусью в правовом обеспечении реализации прав человека в области национальной культуры и языка, нельзя не высказать следующие идеи.

Признание равенства культур всех народов мира, равенства достоинства человеческой личности – именно в этом *универсализм* прав человека и основание *всеобщечеловеческого* мировоззрения. Сущностью этих универсальности и мировоззрения является сегодня явление, выражаемое понятием *права человека на культуру*. Но удивительно, в международных актах по правам человека понятия *права на культуру* мы не находим. Есть право на участие в акциях культуры, право на доступ к культуре. Но нет – *права на культуру*.

Европейский круглый стол, проведенный в 1993 г. ЮНЕСКО, акцентирует на этом внимание, ставя задачу усовершенствовать международные правовые акты в области культуры.

Понятия «право (или права) человека на культуру», «право (или права) народа на культуру» – это активные понятия активных субъектов права и социальной истории. Именно в этом – первая и главная особенность данной категории мышления и деятельности. Особенность, которая базируется на том, что «право на культуру» предполагает возможность для каждого располагать необходимыми средствами развития своей личности (или своего народа. – *М. В., Е. И.*) благодаря прямому участию в созидании человеческих ценностей, становясь таким образом хозяином своего положения в локальном или всемирном масштабе. Ее концептуальная стратегическая важность и активность особенно хорошо просматривается в условиях, когда возникает необходимость борьбы народов, наций, этнических и национальных меньшинств за право на свою национально-этническую культуру, на свой национальный язык. И это не только язык семейного и внутриэтнического общения, но и язык образования, науки, искусства, художественной культуры, информации, веры, воспитания. Особенно когда возникает необходимость гарантирования и реализации права на свой национальный язык как язык национально-государственного самоопределения, суверенитета, национальной государственности и национального достоинства в целом. В этом случае личности и народы ведут борьбу не столько за право на участие в своей национальной культурной жизни, за право своего доступа и доступа своих детей к ценностям национальной культуры – науке, искусству, религии и т. д., сколько за право на свою национальную культуру, свой язык, за право их существования, совершенствования и развития, основываясь на императивах универсальности, неделимости, неотчуждаемости, равенства всех фундаментальных прав человека и культур.

Именно тогда, когда личность и народ, их аутентичная культура насильственно ассимилируются культурой политически и экономически доминирующей нации и это общее право человека и народа насильственно отчуждается, остается лишь право на участие и доступ. Не такая ли ситуация была и остается дополнительным импульсом в балканском катаклизме в центре Европы, не она ли присутствовала и присутствует в «параде суверенитетов», развалившем самую могучую державу XX в., а также в карабахском, чеченском, абхазском конфликтах? Не эта ли ситуация стала одной из причин не разрешенной до сих пор украинской трагедии? Не это ли явление есть дополнительный запал международного и внутринационального терроризма?! Наконец, не подобная ли ситуация лежит в основе возникновения на постсоветском пространстве уникального явления, до сих пор не ставшего предметом изучения и озабоченности ни международного, ни европейского сообщества наций? Явления, когда от тотального отчуждения следует спасать не права различного рода меньшинств, а право на культуру национального большинства, которое в собственной стране становится на грань выживания.

Литература

1. Права человека: сб. междунар.-правовых док. / сост. В. В. Щербов. – Минск: Белфранс, 1999. – 1146 с.
2. Конституции государств Европейского союза / под общ. ред. и со вст. ст. Л. А. Окунькова. – М.: Изд. гр. «НОРМА-ИНФРА•М», 1999. – 816 с.
3. Конституции зарубежных стран: сб. – М.: Юрлитинформ, 2000. – 366 с.
4. Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru>. – Дата доступа: 15.03.2015.
5. Альтерматт. Этнонационализм в Европе. – М.: Юристъ, 2000.
6. Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Русский язык (2006–2010 годы)»: расп. Правительства Рос. Федерации, 5 сент. 2005 г., № 1355-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2005. – № 37. – Ст. 3758.
7. Хрестоматия по истории БССР (1917–1971 гг.). – Минск: Нар. асвета, 1972.
8. О языках в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 26 янв. 1990 г., № 3094-XI (в ред. Закона Респ. Беларусь, 03.01.2013 г., № 15-з) // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
9. Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 26.11.1996 г. и 17.10.2004 г. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2010. – 39 с.
10. О национальных меньшинствах в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 11 нояб. 1992 г., № 1926-XII (в ред. Закона Респ. Беларусь, 05.07.2007 г., № 212-з) // КонсультантПлюс. Беларусь.
11. О культуре в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 4 июня 1991 г., № 832-XII (в ред. Закона Респ. Беларусь, 23.04.2014 г., № 132-з) // КонсультантПлюс. Беларусь.

ЗАЩИТА ДОСТОИНСТВА ЖЕНЩИН И ДЕТЕЙ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ, МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Л. И. Смагина,

кандидат педагогических наук, доцент

Применительно к идее соблюдения прав и уважения человеческого достоинства личности в современные научный и юридический языки прочно вошло понятие о наиболее уязвимых слоях населения, входящих в зону социального риска и поэтому требующих повышенной защиты. К таким группам в первую очередь относятся женщины и дети.

При анализе последовательности утверждения идеи уважения достоинства женщин и детей наиболее обоснованным представляется выделение в этом процессе трех этапов: когда «права человека выступают как моральная реальность (моральные обычаи); как юридическая реальность (гарантированные государством в законодательстве права человека) и как реализующаяся возможность, то есть как социальная реальность. Основные элементы этих этапов: декларирование прав (этап моральной реальности), кодификация государством прав (этап юридической реальности), реализация кодифицированных прав (этап социальной реальности)» [4, с. 68].

Международные документы о защите человеческого достоинства женщин

1. На этапе *моральной реальности* необходимость и значимость уважения человеческого достоинства женщин четко обозначены в Декларации о защите женщин и детей в чрезвычайных обстоятельствах и в период вооруженных конфликтов (1974). В этом документе Генассамблея выражает «глубокую озабоченность по поводу страданий женщин и детей», сожалеет, что «основные свободы и достоинство человеческой личности по-прежнему подвергаются серьезным нарушениям», и сознает «ответственность за судьбу подрастающего поколения и... матерей, которые играют важную роль в обществе и особенно в воспитании детей» [11, с. 33]. Впрочем, мысль о роли женщин в построении будущего всего мира звучала еще при создании первых документов, в которых закладывались международные стандарты в сфере прав человека. Этот процесс связывают с Лигой Наций, созданной после Первой мировой войны и являющейся предшественницей ООН. Именно тогда, пережив потрясение от осознания возможных чудовищных последствий бойни в планетарных масштабах, Британский Союз спасения детей и его шведский аналог «Радда Барнен» совместно с Лигой женщин предлагают принимать меры для защиты прав граждан Земли.

Среди значимых международных актов можно выделить Всемирную декларацию об обеспечении выживания, защиты и развития детей (1990), в Плане действий по осуществлению которой отдельным пунктом значится «Роль

женщин, здоровье матери и планирование семьи». В этом разделе Плана говорится, что «женщины... играют ключевую роль в обеспечении благосостояния детей. Улучшение положения женщин... представляет собой значительный вклад в социально-экономическое развитие страны».

К сожалению, речь о человеческом достоинстве женщин идет не всегда, основной акцент делается на необходимости достижения равноправия женщин и мужчин, нарушение которого объясняется устойчивыми традициями. Как подчеркнуто в Декларации об искоренении насилия в отношении женщин (1993), именно проявление «исторически сложившегося неравного соотношения сил между мужчинами и женщинами... привело к... дискриминации... женщин» [2]. Выражением доминирования становится и применение мужчинами различных видов насилия, в том числе сексуального, которое «препятствует всестороннему улучшению положения женщин и... является одним из основополагающих социальных механизмов, при помощи которого женщины вынуждают занимать подчиненное положение». Поэтому в документе подчеркивается настоятельная «необходимость универсального применения в отношении женщин прав и принципов, касающихся равенства, безопасности, свободы, неприкосновенности и достоинства» и выражается *обеспокоенность* тем, что «насилие в отношении женщин является одним из препятствий на пути достижения равенства, развития и мира» [2].

Та же мысль доминирует в Копенгагенской декларации о социальном развитии, принятой по итогам Всемирной встречи на высшем уровне в интересах социального развития (1995). В этом документе сказано: «Впервые в истории по приглашению ООН мы собрались как главы государств и правительств для того, чтобы признать значение социального развития и благосостояния людей и выдвинуть эти цели на первый план как в нынешнем столетии, так и в XXI веке... Мы признаем, что обеспечить устойчивый характер социального и экономического развития невозможно без всестороннего участия женщин и что равенство и равноправие... являются приоритетной задачей международного сообщества и... должны быть поставлены в центр экономического и социального развития».

Сложность решения этой приоритетной задачи, равно как и преодоления насилия в отношении женщин, непреходящая актуальность вопроса обусловили принятие еще нескольких актов. В их число входят Рекомендации Комитета министров Совета Европы относительно применения комплексного подхода к проблеме равенства между мужчинами и женщинами (1998), сбалансированного представительства женщин и мужчин в процессе принятия политических и общественных решений (2003), защиты женщин от насилия (2002) и др. В названных Рекомендациях государствам-участникам предлагается принять широкий спектр мер, направленный на улучшение положения женщин.

2. Этап *юридической реальности* связан со вступлением в силу международных актов, присоединение к которым накладывает на государства-участ-

ники определенные обязательства. Если декларации, как следует из их названия, а также рекомендации содержат призывы и пожелания, то в конвенциях формулируются конкретные требования и перечисляются меры, необходимые для того, чтобы установленные нормы и стандарты были реализованы. Неудивительно, что первыми значимыми международными актами стали Конвенция Международной организации труда (МОТ) относительно равного вознаграждения мужчин и женщин за труд равной ценности (1951) и Конвенция ООН о политических правах женщин (1952).

Однако самым всеобъемлющим документом считается Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979). В преамбуле этого акта не только прослеживается, но и подчеркивается связь со Всеобщей декларацией прав человека, которая «провозглашает, что все люди рождаются... равными в своем достоинстве» [11, с. 1]. Подчеркивается также, что «дискриминация женщин нарушает принцип... уважения человеческого достоинства... препятствует участию женщины... в политической, социальной, экономической и культурной жизни своей страны, мешает росту благосостояния общества», а «значение вклада женщин в благосостояние семьи и в развитие общества до сих пор не получило полного признания». Правда, конкретно о защите достоинства женщин в содержании статей уже не говорится, но с точки зрения соблюдения прав предусматриваются практически все аспекты, в том числе и равный доступ к образованию, медицинскому обслуживанию, возможность участия в политической жизни страны и пр. Подчеркиваются «особые проблемы, с которыми сталкиваются женщины, проживающие в сельской местности», которым надлежит создавать условия для реализации их способностей.

Кроме того, государство-участника обязывают принимать все надлежащие меры – законодательные, административные и пр. – для ликвидации дискриминации женщин во всех сферах общественной и семейной жизни. Но главное – государства-участники обязаны представлять созданному при ООН Комитету по правам женщин периодические доклады. В этих отчетах предписывается давать характеристику сложившейся в стране социально-экономической ситуации, демографическим процессам и институциональным механизмам, созданным для улучшения положения женщин, перечислять законодательные, административные и иные меры, отражать прогресс и сохраняющиеся препятствия.

3. Отраженные в докладах результаты приложенных усилий рисуют картину достижения этапа *социальной реальности*. Для нас наиболее логичным будет проанализировать уровень этого этапа применительно к Республике Беларусь, которая является типичной европейской страной. В национальных докладах [14] отмечено, что равное участие мужчин и женщин во всех сферах – один из основных принципов развития современного общества, поэтому равноправие женщин и мужчин закреплено в Конституции Республики Беларусь, Кодексе о браке и семье, новом Уголовном кодексе (2002) и других актах. Более

того, подчеркнуто, что в стране начался процесс совершенствования законодательной базы в соответствии с международно-правовыми нормами и с учетом гендерного аспекта.

Приняты и другие серьезные меры: действует Республиканская программа «Женщины Беларуси», создан Центр гендерной информации и политики при Министерстве социальной защиты (1995), разработан Национальный план действий по улучшению положения женщин на 1996–2000 гг. С 2000 г. Национальный совет по гендерной политике действует уже при Совете Министров. Необходимость органа с таким высоким статусом объяснялась потребностью в межведомственной координации и анализе гендерных проблем на государственном уровне. К настоящему времени реализован второй Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства на 2001–2005 гг. и третий – на 2008–2010 гг. Мероприятия этих документов нацелены на уменьшение разрыва между юридическим и фактическим положением представителей обоого пола посредством гендерной экспертизы нормативных актов, повышения юридической грамотности женщин, анализа их положения с учетом международных стандартов. При разработке Планов учитывались рекомендации Комитета ООН, сделанные по итогам рассмотрения национальных докладов.

Бесспорно, именно паритетное участие женщин и мужчин в принятии решений является критерием реального равенства. Однако, несмотря на высокий образовательный статус, исторически длительное законодательное оформление политических прав, вовлечение в экономику и освоение новых профессий, поведенческий стереотип женщин меняется медленно. Они не связывают карьеру с личными усилиями, не имеют опыта конкурентной борьбы, поэтому в настоящее время недостаточно представлены в органах власти. Впрочем, ситуация улучшается: практически треть депутатов в Палате Представителей Национального собрания составляют женщины, в местных Советах депутатов около половины мест занимают представительницы слабого пола, растет их численность в министерствах, широко представлены они и в органах судебной власти. По данным Межпарламентского союза при ООН, опубликованным в брошюре «Женщины в парламенте в 2007 году: обзор года», Беларусь находится на 22-м месте по показателю процентного соотношения женщин в парламенте, опережая государства СНГ, Австралию, Великобританию, Италию, США, Францию, Японию.

Повышает социальный статус женщин активизация общественных объединений, которых в Беларуси насчитывается около 40. В диапазон их деятельности входит участие в разработке проектов нормативных актов, помощь женщинам в трудоустройстве, работа по повышению их правовой грамотности, сотрудничество с государственными структурами и зарубежными коллегами. Реализован ряд инициатив, из которых значимым признан проект «Расширение возможностей влияния женщин на принятие решений в Республике Беларусь» (2002–2005 гг.), осуществленный Министерством труда и социальной защиты совместно с ПРООН.

В отчетах подчеркивается, что женщины в большей степени ощутили последствия переходного периода, в том числе оказались во главе неполных и материально неблагополучных семей. И хотя паритет в заработной плате также законодательно закреплен, но при более высоком уровне образования женщины реализуют его в менее оплачиваемых профессиях и отраслях производства. В среднем заработная плата женщин за 2007 год составляла 78% от заработной платы мужчин (в 2002 г. – 90%). Актуальной остается и женская безработица, которая связана не только с заботой о семье, но и с несоответствием спроса и предложения в профессиональном и гендерном измерении. Благодаря принимаемым мерам численность безработных женщин постепенно сокращается. В настоящее время делается упор на поиск новых подходов к развитию предпринимательства, где участие женщин остается относительно низким, включая создание для женщин благоприятной среды, обучение самозанятости, формирование соответствующих информационных, организационных и финансовых структур [13].

Относительно проблемы насилия в докладах уточняется, что обычаи, основанные на идее превосходства одного из полов, больше распространены в мусульманских странах и для Беларуси в целом не характерны. Однако семейное насилие в стране существует и характеризуется высокой латентностью, поскольку жертвы домашней жестокости редко дают показания против родственников. Подписав итоговые документы Пекинской конференции (1995), Беларусь взяла на себя определенные обязательства, поэтому в настоящее время создана сеть учреждений, оказывающих помощь жертвам насилия, организована подготовка персонала и пр. Большое внимание уделяется предупреждению насилия, что в соответствии с Законом «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» (2008) должно осуществляться постоянно. Собираются данные о преступлениях на бытовой почве, хотя обобщенная статистика по насилию в семье еще не ведется, поэтому планируется совершенствование необходимых показателей, внедрение их в государственную отчетность, издаются статистические сборники «Женщины и мужчины Республики Беларусь».

К неблагоприятным социальным явлениям относятся также изменение моральных устоев, распространение у молодежи добрых сексуальных связей, появление проституции, порнографии и торговли людьми. Значимость и сложность этой проблемы обусловили принятие программы «Комплексных мер противодействия торговле людьми и распространению проституции на 2002–2007 годы». Для повышения осведомленности населения Беларусь наряду с другими странами участвует в проекте ООН «Информационно-просветительская кампания «Жизнь без насилия», результатом которого стал выпуск брошюры «Проблемы торговли людьми: вымысел или реальность?».

Активизировались в стране гендерные исследования, начала формироваться система гендерного образования. В Концепции непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь (2006) и Программе

непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь на 2006–2010 годы подчеркнута необходимость формирования культуры семейных отношений на основе нового подхода к отношениям между полами. Пересмотрены учебные программы и школьные учебники, внедрены внеклассные мероприятия «Основы гендерной культуры», в нескольких высших учебных заведениях введены соответствующие учебные курсы. Ведется работа по подготовке учебников и учебных пособий нового поколения с учетом проведенного гендерного анализа уже изданных. Кстати, в Рекомендациях Комитета министров Совета Европы о защите женщин от насилия государствам-участникам предлагается следить за тем, чтобы в ходе воспитания мальчиков и девочек избегались стереотипные представления о традиционных ролях женщин и мужчин. Вспомним Михаила Булгакова, который устами своего героя справедливо утверждал, что разруха начинается в головах людей. Аналогичное начало имеет и прогресс.

Особое место в докладах отведено роли женщины в семье, через которую осознаются и реализуются гендерные роли. Государственной политикой Беларуси предусмотрена забота о семье, охрана материнства, отцовства и детства, что означает не подмену этого социального института, а укрепление его потенциала. Поэтому высказанная в замечаниях обеспокоенность Комитета, что законодательством страны женщина-мать слишком оберегается, из-за чего создаются препятствия для ее функционирования на рынке труда, признана необоснованной. Поясняется, что, во-первых, дети не могут рассматриваться как проблема и препятствие для профессиональной деятельности, наоборот, чаще женщины отказываются от рождения детей ради карьеры. Во-вторых, по белорусскому законодательству любой член семьи может уйти в отпуск по уходу за ребенком. То же самое касается возрождения символов материнства (День матери, Медаль материнства и др.), которые, по мнению членов Комитета, способствуют сохранению за женщинами традиционных ролей. С учетом негативной демографической ситуации более актуальна задача преодоления тенденций, приводящих к уменьшению роли деторождения в приоритетах женщины.

В целом государственная политика страны нацелена на полную реализацию личностного потенциала женщин с помощью институционального механизма, в который входят:

Национальный совет по гендерной политике при Совете Министров;

Постоянная комиссия Совета Республики Национального собрания по демографической безопасности и социальному развитию;

Постоянная комиссия Палаты представителей Национального собрания по охране здоровья, физической культуре, делам семьи и молодежи;

Управление социально-культурной сферы Аппарата Совета Министров;

Министерство труда и социальной защиты (отдел народонаселения, гендерной и семейной политики).

На региональном уровне задействованы местные органы по труду и социальной защите.

Таким образом, в Беларуси отмечается значительный прогресс в сфере улучшения положения женщин. Социально-экономические преобразования способствовали становлению рыночной модели экономики, развитию негосударственного сектора, самореализации женщин, обеспечив многообразие форм их участия во всех сферах общественной жизни. Приведение национального законодательства в соответствие с международными стандартами дополнялось повышением правовой грамотности женщин. Однако в стране еще ощущается недостаток квалифицированных специалистов, статистической информации по многим вопросам, глубоких научных исследований, медленно формируется национальный механизм по реализации гендерной политики на местном уровне. Поэтому Республика Беларусь продолжает совершенствовать законодательство и принимает иные меры, направленные на улучшение положения женщин.

Международные акты и национальное законодательство о защите прав и человеческого достоинства детей

Ситуация с защитой прав и достоинства детей отличается от таковой у женщин – можно выделить по крайней мере три отличия. Во-первых, сама идея уважения достоинства маленьких граждан и даже наличия у них прав долгое время не находила понимания. В результате этап юридической реальности для закрепления защиты прав и человеческого достоинства детей начался десятилетием позже, чем это произошло в отношении женщин. Правда, иногда зарождение идеи защиты нуждающихся усматривают в древней цивилизации шумеров, в своде законов царя Вавилонии Хаммурапи (1792–50 гг. до н. э.). В этом замечательном историческом памятнике говорится: «Я устанавливаю эти законы, чтобы не дать сильным покорить слабых» [6, с. 13]. А поскольку упоминались сироты, то, следовательно, впервые слово в защиту обделенных детей прозвучало несколько тысяч лет назад, однако это было лишь эпизодом. Во-вторых, в силу большей уязвимости детей у них обнаруживается и больше болевых точек. Пожалуй, это объясняет третье отличие, которое заключается в значительном количестве документов, закрепляющих международные стандарты и нормы в сфере прав детей.

1. Начало этапа *моральной реальности* в защите прав несовершеннолетних тоже связано с Лигой Наций, в кулуарах которой зародился процесс вычленения прав ребенка в особую сферу деятельности. В результате Лига Наций, Британский Союз спасения детей, «Радда Барнен» и Лига женщин в 1923 г. предложили Декларацию прав ребенка, в которой сформулировали пять условий обеспечения благосостояния детей, включая воспитание у них понимания значимости вклада для будущего. Декларация получила название Женевской, будучи подписана в г. Женева на 5-й Ассамблее Лиги Наций (1924). В настоящее время она воспринимается скорее как исторический факт, однако с ней связаны два важных момента, оказавших влияние на развитие идеи защиты прав детей.

Во-первых, именно в Женевской декларации впервые сформулирована мысль о необходимости особой заботы о детях, и это было повторено во многих актах, правда, во Всеобщей декларации прав человека записано, что только «младенчество дает право на особое попечение и помощь» [11, с. 2]. Во-вторых, в Германии был принят первый в истории человечества Закон о детях, который действовал несколько лет и стал попыткой перейти к этапу юридической реальности. Специалисты утверждают, что этот закон оказал заметное влияние на условия жизни немецких детей в 1920–1930-е годы. С приходом фашистской диктатуры он не был отменен, а просто игнорировался.

Реальные усилия по защите детства связаны с ООН, под эгидой которой была принята Декларация прав ребенка (1959). В ней повторялось, что «ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе» [11, с. 135], и провозглашались 10 принципов или основных прав детей, включая право на равенство, защиту от жестокости, эксплуатации и дискриминации. Принятие Декларации многими было воспринято как шаг, снимающий необходимость в иных мерах, помимо воплощения прав детей в практику государств. Между тем Декларация могла стать конвенцией, положив начало этапу юридической реальности, как предлагала делегация Польши, воодушевленная идеями своего выдающегося соотечественника, человека-легенды, врача, педагога, психолога и писателя Януша Корчака. Во время Второй мировой войны он добровольно последовал за своими воспитанниками из «Дома детства», узниками Варшавского гетто, в крематорий концлагеря Трешлинка.

Труды Я. Корчака способствовали распространению бережного отношения к детям, уважения их достоинства. Я. Корчак критиковал Женевскую Декларацию за увещательный тон и настаивал на придании ей статуса конвенции. Он также предложил свою классификацию прав ребенка, включив в нее неожиданные позиции: право детей на равенство со взрослыми в обсуждении общих проблем; на участие в рассуждениях о ребенке и приговорах ему; на защиту от произвола взрослых; на протест и жалобу; на уважение труда познания ребенка, его неудач и слез, усилий и доверчивости. Он утверждал, что ребенок имеет право быть тем, кто он есть; поступать в соответствии со своими интересами; право на самовыражение и самостоятельное приобретение опыта, на свою культуру, на использование своих достоинств и сокрытие недостатков, на тайну и ошибку, на ответственность за себя и на риск. Наконец, право на собственную жизнь и на смерть.

Последняя позиция у некоторых ученых вызывает не просто удивление, а неприятие и различные трактовки. Так, доктор педагогических наук Р. Валева считает, что «Корчак нигде не дает обоснование этого права. Однако, отталкиваясь от его педагогической концепции, можно... дать следующее объяснение. Во-первых, формулировка этого права может носить провокационный, утрированный характер... Во-вторых, Корчак был сторонником евгеники и мог считать, что ребенок, родившийся неполноценным, имеет право на

смерть, если жизнь не может дать ему полноценного развития» [1, с. 3]. На самом деле Я. Корчак объясняет свою позицию так: «Из страха, как бы смерть не отняла у нас ребенка, мы отнимаем ребенка у жизни: не желая, чтобы он умер, не даем ему жить». Великий гуманист утверждал: «...современное воспитание направлено на то, чтобы ребенок был удобен... шаг за шагом стремится подавить все, что является волей и свободой ребенка, стойкостью его духа... Вежлив, послушен... а и мысли нет о том, что будет... жизненно немощен» [8, с. 53].

В 1978 г. политики Польши вновь предложили создать конвенцию на основе Декларации 1959 г. В ответ прозвучали следующие возражения: а) проблемы детей отражены в ряде норм по правам человека и выделение прав ребенка может только повредить: специальное отношение способно вызвать дискриминацию; б) у детей есть защитники в лице родителей, и государству нет необходимости дублировать их функции. Дискуссии с приведением «за» и «против» длились около года, пока сторонники создания конвенции не победили. Наиболее убедительными доводами оказались следующие: во-первых, на заседаниях Генассамблеи прозвучали доклады о высоком уровне детской смертности, недоступности детского здравоохранения, ограничениях в получении образования и пр. Были обнародованы шокирующие примеры использования детей в качестве проституток, на вредных производствах, данные о детях-беженцах, заключенных, жертвах войн и пр.

Во-вторых, было признано, что интересы детей не всегда совпадают с родительскими, более того, иногда детей калечат, насилюют и даже убивают родители и близкие родственники. По мнению врачей, спасающих маленьких пациентов, взрослые, не способные совладать со своими трудностями, набрасываются на тех, кто находится от них в зависимости. Это характерно для многих стран, включая США, Германию, Японию и др. Наконец, дети часто становятся жертвами политического лицемерия: в ходе предвыборных кампаний безотказным доводом звучит борьба за интересы детей, но затем обещания забываются. По мнению Инглантайн Джебб, деятельницы Британского Союза спасения детей, именно дети «платят самую высокую цену за нашу близорукую экономическую политику, наши ошибки, наши войны» [12, с. 24].

Результатом дискуссии стал вывод, что существующие правовые нормы не удовлетворяют специфических потребностей детей. Поэтому в Международной конвенции о правах ребенка (1979) была утверждена рабочая группа открытого состава для создания проекта Конвенции о правах ребенка. Путь ее подготовки был сложен и длителен, а принятие стало, по словам известного детского правозащитника Найджела Кентвелла (Британия), «кульминацией почти 70-летней борьбы за то, чтобы международное сообщество признало особые права и уязвимость детей» [7, с. 121].

Конвенция о правах ребенка (1989) вызвала невиданно единодушное одобрение стран с различным строем и национальными традициями и, возможно, станет первым международным договором, к которому присоединятся все

государства – участники ООН. По утверждению экспертов, за всю историю ни один договор в области прав человека не получал столь быстрого широкого признания. К настоящему времени только две страны не ратифицировали Конвенцию.

2. Конвенция положила начало этапу *юридической реальности* в сфере защиты прав и человеческого достоинства несовершеннолетних. На фоне господствующего патерналистского отношения к подрастающему поколению она выглядит если не революционным, то новаторским актом, и выносит на уровень международного обсуждения проблему нового отношения к детству. В преамбуле Конвенции заявлено, что «ребенок должен быть... воспитан... в духе мира, достоинства, терпимости, свободы, равенства...» [11, с. 137]. Далее в статьях подчеркивается, что государства-участники:

«признают, что неполноценный в умственном или физическом отношении ребенок должен вести... жизнь в условиях, которые обеспечивают его достоинство» (ст. 23);

«принимают все необходимые меры для обеспечения того, чтобы школьная дисциплина поддерживалась с помощью методов, отражающих уважение человеческого достоинства ребенка» (ст. 28);

«обеспечивают, чтобы ни один ребенок не был подвергнут пыткам или другим... унижающим достоинство видам обращения; каждый лишенный свободы ребенок пользовался... уважением неотъемлемого достоинства его личности» (ст. 37);

«принимают все необходимые меры для... реинтеграции ребенка, являющегося жертвой... унижающих достоинство видов обращения» (ст. 39);

«признают право каждого ребенка, который... нарушил уголовное законодательство... на такое обращение, которое способствует развитию чувства достоинства» (ст. 40).

Таким образом, в Конвенции выделены следующие группы детей, уязвимых с точки зрения унижения их человеческого достоинства: 1) «неполноценные» дети, в отношении которых сейчас принята более гуманная формулировка – дети с особенностями умственного или физического развития; 2) жертвы насилия; 3) правонарушители. Причем в отношении последней категории особо обращается внимание на обстановку и стиль взаимоотношений в образовательных или иных воспитательных учреждениях. Так, в Правилах ООН, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы (1990), подчеркивается:

«исправительные учреждения должны обеспечивать, чтобы у каждого несовершеннолетнего была своя одежда... ни в коем случае не унижающая и не оскорбляющая его достоинство;

все... виды медицинского обслуживания предоставляются... через соответствующие учреждения... с тем чтобы не допустить их (т. е. правонарушителей) унижения и способствовать развитию у них чувства самоуважения;

персонал исправительных учреждений должен уважать и охранять человеческое достоинство... несовершеннолетних... ни один сотрудник... не

может применять... пытки или... унижающее достоинство обращение» [9; 11, с. 203].

Требование гуманного отношения к детям-правонарушителям звучит в материалах ООН постоянно. Так, в Руководящих указаниях Генерального секретаря ООН (2008) «Подход ООН к правосудию в отношении детей» среди основных принципов звучит необходимость «обращения с каждым ребенком с достоинством и сочувствием». Раскрывается этот принцип следующим образом: «С каждым ребенком необходимо обращаться... таким образом, чтобы к его или ее личному достоинству... были проявлены уважение и защита» [11, с. 251].

Повышенным вниманием пользуются и другие категории обделенных детей. Так, в Рекомендациях Комитета министров Совета Европы государствам-членам о правах детей, постоянно проживающих в специализированных учреждениях (2005), подчеркнута необходимость заботы о том, «чтобы все дети, живущие не в родной семье, особенно... проживающие в специализированных учреждениях, росли в атмосфере достоинства...». Властям государств-членов предлагается учитывать особые права детей, включая «право на уважение человеческого достоинства и физической неприкосновенности...; на пребывание в условиях человеческого, не унижающего достоинство обращения и ненасильственного воспитания». Аналогично формулируются требования в Директиве ООН «По надлежащему применению и условиям альтернативного ухода за детьми» (2007), где говорится, что «с детьми всегда должны обращаться с уважением и достоинством... Пытки, жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение, в том числе телесные наказания... должны быть строго запрещены».

Самой сложной, по мнению международного сообщества, является проблема насилия над детьми, поэтому в 2002 г. Генассамблея ООН поручила независимому эксперту Паулу Сержиу Пиньейру провести детальное исследование. В 2006 г. был опубликован доклад [15], в котором дана общая картина положения в сфере насилия над несовершеннолетними и сформулированы рекомендации по его предупреждению и преодолению. Проблема насилия обозначалась как глобальная и требующая безотлагательного решения в силу ее живучести из-за социальной приемлемости: и дети, и взрослые часто считают установление дисциплины с помощью унижающих достоинство наказаний обычным явлением. Противопоставить этому следует формирование глубоких уз между родителями и детьми, эффективную школьную политику, а также установление позитивных взаимоотношений в специальных воспитательных и образовательных учреждениях. Подчеркивалось также, что искоренить насилие особенно сложно в семье, которую многие считают неприкосновенной. Однако права ребенка на достоинство и физическую неприкосновенность не прекращают свое действие на пороге родного дома, равно как и не отменяется обязанность государства по защите своих маленьких граждан.

Новыми приметам времени в докладе названы, во-первых, неожиданный и резкий взлет показателей насилия (количества и жертв, и преступников), особенно среди 15-летних мальчиков, причем этот всплеск отмечается даже в ранее спокойных районах. Во-вторых, негативная роль произведений искусства и средств массовой информации (включая Интернет и видеоигры), которые не только представляют насилие как обычное явление, но и прославляют его. Средства массовой информации к тому же нарушают неприкосновенность частной жизни детей – жертв насилия, руководствуясь поиском сенсаций.

Из позитивных моментов отмечено, что некоторые государства внесли изменения в свое законодательство, хотя предпринятые реформы зачастую грешат недостатками. Так, они бывают направлены на решение узких, хотя и важных, вопросов, например упор делается на наказания, а не на всеобъемлющий подход к преодолению насилия. При этом в центре внимания оказывается половое или физическое насилие, а психологическое остается вне поля зрения, как и вопросы восстановления, реинтеграции и возмещения ущерба. Но главная сложность возникает при осуществлении этих законов.

Мешает решению проблемы насилия отсутствие полной информации о сущности рассматриваемого явления, недостаточное знание или понимание причин, лежащих в его основе, нехватка статистических данных. В результате борьба с насилием над детьми носит характер реагирования, и основное внимание уделяется симптомам и последствиям, а не истокам и побудительным мотивам. В качестве рекомендаций звучат предложения:

наложить законодательный запрет на применение всех форм жестокого и унижающего достоинство обращения с детьми, включая все виды телесного наказания;

разработать программы обучения родителей с уделением особого внимания ненасильственным формам дисциплины;

поощрять школы к принятию кодексов поведения для всех преподавателей и школьников, которыми бы осуждались все формы насилия;

вести программы обучения по правам ребенка для сотрудников полиции.

Как правило, когда речь заходит о защите прав детей, в планах и рекомендациях преобладают вопросы обучения, поскольку именно учебная деятельность наряду с игровой является ведущей для ребенка. Идеи о том, как стимулировать формирование осознанного стремления соблюдать права человека, уважать достоинство каждого, изложены во Всемирной программе образования в области прав человека [11, с. 1111]. Эта Программа тесно связана с Международным десятилетием культуры мира и ненасилия в интересах детей планеты (2001–2010 гг.) и с Десятилетием образования в интересах устойчивого развития ООН (2005–2014 гг.), следовательно, охватывает значительный период времени.

В плане действий первого этапа Всемирной программы образования (2005–2007 гг.) говорится, что оно направлено на полное развитие личности и чувства человеческого достоинства. Обязательными компонентами являются:

а) учебная атмосфера, обеспечивающая развитие чувства достоинства; б) стиль преподавания, основанный на уважении достоинства каждого ребенка; в) предоставление учащимся равных возможностей. Отдельно подчеркнута, что необходимое условие – признание статуса педагогов, поддержание их чувства собственного достоинства, поскольку и сами учителя обладают правами.

В ближайшей перспективе международное сообщество надеется построить «Мир, пригодный для жизни детей» [10] – так назван итоговый доклад 27-й специальной сессии Генассамблеи ООН (2002). В этом докладе от имени делегатов стран – участниц ООН заявлено: «Мы преисполнены решимости уважать достоинство и обеспечивать благополучие всех детей. *Не забыть ни одного ребенка*», поскольку «каждая девочка и каждый мальчик рождаются свободными и равными в своем достоинстве и своих правах». Относительно дальнейших шагов, направленных на достижение к 2015 г. целей, установленных на Саммите тысячелетия, планируется в течение 2000–2010 гг. предпринять активные действия в приоритетных областях, в том числе «защищать детей от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения; «укреплять способность... сотрудников правоохранительных органов бороться с торговлей детьми и обеспечивать... их подготовку в вопросах уважения достоинства, прав человека» [10].

Таким образом, в международных актах особое значение придается стилю взаимодействия с детьми. Этому посвящены и Замечания общего порядка (2009) к Конвенции о правах ребенка, где разъяснялось, что практика последних лет образовала понятие «участие». Оно широко используется для характеристики различных процессов, включая налаживание взаимоуважительного диалога между детьми и взрослыми. Уточнялось, что в 2006 г. Комитет провел День всеобщего обсуждения права ребенка быть услышанным с целью выявить пробелы и недоработки, положительный опыт и актуальные вопросы. По итогам дискуссии изданы рекомендации (2008), в которых подчеркивается необходимость уважения мнения ребенка, причем не только в школе и семье, признания невербальных форм общения, с помощью которых свои предпочтения демонстрируют малыши. Особое внимание обращено на детей, попавших в чрезвычайную ситуацию, в том числе жертв насилия. Им следует предоставить право участвовать в анализе и поиске выхода из сложившегося положения, что поможет детям вернуться к нормальной жизни, укрепит у них чувство собственного достоинства. Большое значение в Замечаниях придается развитию и реализации детской инициативы, созданию молодежных объединений.

3. Присоединение к Конвенции означает, что государство должно перейти к этапу *социальной реальности*. В Беларуси это произошло раньше, чем в других странах постсоветского пространства. Наша страна не только первой ратифицировала Конвенцию, но и приняла Закон «О правах ребенка» (1993), закрепив статус детей как самостоятельных субъектов права. Правда, в первой редакции Закона право на участие – одна из ведущих идей Конвенции –

ограничивалось возрастом ребенка, когда речь шла о предоставляемой информации, и содержанием деятельности детских организаций, которым запрещалось выдвигать политические цели. Поэтому Комитет по правам ребенка после защиты первого национального доклада (1994) рекомендовал устранить несоответствия, создать специальный орган по защите прав детей и наметить план мероприятий. В результате в новую редакцию Закона «О правах ребенка» (2000) внесены следующие изменения и дополнения:

несовершеннолетним начиная с 14 лет предоставлена возможность самостоятельно обращаться за юридической помощью для отстаивания своих прав и свобод;

удалены возрастные ограничения и запрет на деятельность детских организаций, преследующих политические цели;

конкретизированы и расширены границы свободы детей, включая право на защиту от незаконного вмешательства в личную жизнь и посягательства на тайну корреспонденции.

Из других принятых мер важными являются:

1) введение Национального плана действий по защите прав детей на 1995–2000 гг., в котором предусматривалось широкое ознакомление населения с сутью человеческих прав детей, что наряду с правом на участие международных эксперты считают наиболее значимым новшеством Конвенции. В дальнейшем был принят Национальный план действий по улучшению положения детей и охране их прав на 2004–2010 гг.;

2) создание Национальной комиссии по защите прав ребенка (1996), в функции которой включены: а) координация государственной политики в отношении детей; б) контроль за соблюдением прав и интересов несовершеннолетних; в) разработка программ поддержки детей, особенно оказавшихся в экстремальных ситуациях; г) мониторинг реализации Конвенции и утверждение национальных докладов по положению детей; д) проверка деятельности министерств, ведомств, органов власти, общественных объединений. В 2006 г. состав и полномочия Комиссии были расширены, во всех регионах страны открыты общественные приемные, куда несовершеннолетние и иные граждане могут обратиться с жалобами о нарушениях прав ребенка;

3) реализация Президентской Программы «Дети Беларуси», которая вначале была рассчитана на 2000–2005 гг., но затем ее действие было продолжено как одной из самых успешных социальных программ.

В результате приложенных усилий в стране развивается детское форумное движение, способствующее достижению нового уровня в сотрудничестве взрослых и детей, госорганов и общественных объединений. Предшественниками форумов являются съезды Детского парламента, прошедшие в 1993–1995 гг. В 1998–1999 гг. в рамках проекта «Глобальное движение в интересах детей» созваны Форумы детей и молодежи Беларуси, а в 2000 г. состоялся Национальный форум «Дети Беларуси на пороге третьего тысячелетия», в 2006 г. – V Национальный детский форум «Дети Беларуси: действия во имя будущего».

Значимым шагом является открытие Национальным центром правовой информации Республики Беларусь Детского правового сайта (2008). Миссия этого инновационного проекта заключается в повышении качества правового образования и воспитания детей и молодежи посредством использования современных информационных технологий. Этот сайт ежемесячно посещают более 10 тыс. человек из 100 стран мира [3].

Наконец, как подчеркивается в докладах, система образования Беларуси характеризуется позитивными динамичными изменениями, направленными на создание условий для реализации права каждого ребенка на достойное образование, личностное развитие и успешную социализацию. Принимаются меры и для совершенствования детско-родительских отношений благодаря деятельности социально-педагогических центров, в которых оказываются консультативные и иные услуги нуждающимся в помощи семьям. В целом Беларусь стремится выполнять свои международные обязательства по реализации положений Конвенции и продолжает деятельность в этом направлении с учетом целей тысячелетия, а также национальных планов и программ.

В 2008 г. Комитет по правам ребенка анализировал третий и четвертый национальные отчеты [14], в результате чего признал принятые меры результативными, но и сделал замечания, в том числе настоятельно рекомендовал ввести пост уполномоченного по правам ребенка. Впервые должность детского омбудсмана была учреждена в Норвегии (1981), где Молфред Флеккёй работала в течение восьми лет, после чего 83% населения страны назвали такое ведомство необходимым. Среди достижений норвежского омбудсмана – принятие более льготных правил для находящихся в больнице детей, повышение возраста несовершеннолетних преступников, содержащихся в заключении вместе со взрослыми, законодательное запрещение вслед за Швецией физических наказаний и др. [5].

В настоящее время детские омбудсмены действуют в 20 странах мира: в Европе, Латинской Америке, Австралии, Новой Зеландии и Канаде. Усилиями уполномоченного в Швеции впервые в мире наложен запрет на применение в семье телесных наказаний; в Новой Зеландии усовершенствована политика в отношении детей-сирот; в Коста-Рике приняты законы, защищающие детей от эксплуатации при создании рекламы и ограждающие от демонстрирующихся по телевидению сцен насилия. В России громко заявил о себе уполномоченный Волгоградской области, где знакомство с правами ребенка начинается в младших классах школы. А в Кемеровской области издана красочная книга для первоклассников и их родителей под выразительным названием «Права ребенка и обязанности государства». Вступительное слово начинается обращением: «Дорогой первоклассник!.. Я очень хочу, чтобы ты хорошо усвоил свои права и грамотно ими пользовался. Надеюсь на тебя...» – и заканчивается подписью: «С уважением – твой старший товарищ, губернатор Кемеровской области Аман Гумирович Тулеев» [16]. Пожалуй, такое доверительное обращение укрепит чувство собственного достоинства не только у семилетнего ребенка.

Иницируя распространение уполномоченных по правам ребенка, специалисты, в том числе известный правозащитник, советник Европейской сети омбудсменов Питер Ньюэлл (Великобритания), ссылаются на данные многочисленных исследований, свидетельствующих о росте молодежной апатии и нигилизма в различных странах мира. Первичным источником подростковой преступности, приобщения к наркотикам и прочего они считают игнорирование интересов детей. Эту позицию разделяет и доктор педагогических наук Ю. П. Азаров, который видит истоки правонарушений и суицида в детском и молодежном беспорядке, приводящем к заниженным самооценкам и протесту против безысходности.

* * *

Таким образом, можно констатировать, что международное сообщество осознает проблемы, возникающие в процессе защиты прав и уважения человеческого достоинства женщин и детей. Об этом свидетельствуют принятые акты и усилия, прилагаемые государствами для реализации мер, заложенных в данных документах. Однако существует временной разрыв между принятием мер и результатами, что характерно для всех стран и вызвано инерционным характером социальных процессов. Теоретически почти все аспекты, касающиеся защиты прав и уважения достоинства уязвимых слоев населения, законодательно закреплены, но страдает их практическое воплощение.

Так, гендерная дискриминация при трудоустройстве и увольнении, обеспечение права женщин на справедливую оплату труда, создание экономических и социальных гарантий для сочетания профессиональных и семейных обязанностей остаются актуальными. Существует неготовность к восприятию новой концепции равных возможностей, недостаточная развитость гражданского общества, стойкость стереотипов в отношении социальных ролей мужчин и женщин. До сих пор отсутствие гендерного равенства многими воспринимается исключительно как проблема женщин, а не в контексте социально-экономического развития общества. В отношении детей наблюдается неприятие их как партнеров, а также установка родителей на применение физических наказаний.

Возможно, следует усилить контроль за выполнением выдвинутых требований. Результаты прилагаемых государствами усилий фиксируются в национальных докладах, которые со временем становятся все объемнее и остаются неизвестными широкому слою населения. Полагаем, что имеет смысл делать резюме по аналогии с докладами «Положение детей в мире», причем в этих сокращенных отчетах акцентировать внимание на замечаниях Комитетов и обязать знакомить с данными материалами всех заинтересованных лиц, а также широкую общественность. Это станет шагом к более полному осознанию проблемы, а следовательно, и к ее разрешению.

Литература

1. Валеева, Р. Януш Корчак о правах ребенка / Р. Валеева // Защити меня. – 2001. – № 1.
2. Декларация об искоренении насилия в отношении женщин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/violence.shtml. – Дата доступа: 12.09.2015.
3. Детский правовой сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.pravo.by. – Дата доступа: 12.09.2015.
4. Евменов, Л. Ф. Достоинство и права человека – это не утопия? / Л. Ф. Евменов // Наука и инновации. – 2013. – № 2. – С. 62–69.
5. Институт уполномоченных по правам ребенка. Дайджест основных сведений по важнейшим проблемам в области прав ребенка. – ЮНИСЕФ, 1997.
6. Калугин, В. Ю. Международное гуманитарное право / В. Ю. Калугин, Л. В. Павлова, И. В. Фисенко / под общ. ред. В. Ю. Калугина. – Минск: Тесей, 1999. – 308 с.
7. Кентвелл, Н. Права детей / Н. Кентвелл, Ш. Хардер // Главное – дети!: сб. материалов. – Женева: ЮНИСЕФ, 1996.
8. Корчак, Я. Как любить ребенка: книга о воспитании / Я. Корчак. – М.: Политиздат, 1990.
9. Национальные учреждения по правам человека. – ООН, Нью-Йорк и Женева, 1995. – С. 31.
10. Мир, пригодный для жизни детей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/worldchild.shtml. – Дата доступа: 12.09.2015.
11. Права человека: сб. междунар.-правовых док. / сост. В. В. Щербов. – Минск: Белфранс, 1999. – 1146 с.
12. Сингер, С. Защита детей в вооруженных конфликтах / С. Сингер // Дети и война: сб. ст. – М.: Междунар. ком. Красного Креста, 1995. – С. 21–63.
13. Седьмой периодический доклад Республики Беларусь об осуществлении положений Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://un.by/f/file/1-svodni-otchet-rb.pdf>. – Дата доступа: 10.05.2015.
14. Третий и четвертый периодический доклад Республики Беларусь об осуществлении Конвенции о правах ребенка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ipkmoq.by/docs/red/obed3_4pdf. – Дата доступа: 10.05.2015.
15. Пиньейру, С. П. Доклад независимого эксперта для проведения исследования Организации Объединенных Наций по вопросу о насилии в отношении детей [Электронный ресурс] / С. П. Пиньейру. – Режим доступа: http://86sch3-nyagan.edusite.ru/DswMedia/un_report.pdf. – Дата доступа: 12.07.2015.
16. Права ребенка и обязанности государства. – Кемерово, 2001.
17. Hammarberg, Th. The UN Convention on the Rights of the Child – And How to Make it Work / Th. Hammarberg // Human Rights Quarterly. 12. – 1990. – № 1.

ПРОБЛЕМЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ДИСКУРСЕ ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ

Н. Е. Сокол,

доцент Белорусского института правоведа

Центральным звеном, или ядром, всех правочеловеческих отношений являются отношения Я и Другого (человека). Именно поэтому в человеческом обществе права человека не могут быть абсолютными, за исключением, пожалуй, таких фундаментальных, или элементарных, прав, как право рожденного иметь имя, быть зарегистрированным, получить гражданство. Определе-

ния «фундаментальные» или «элементарные» зависят от вкуса исследователя. В данном случае по содержанию они идентичны.

Права человека, права Я обязательно входят в соприкосновение с правами каждого Другого человека, соглашаясь с ними либо входя в противоречие в зависимости от содержания социального поведения субъектов данных отношений, т. е. Я и Другого, другого человека, другого гражданина.

Согласование прав Я и Другого имеет отношение, как правило, к государственному закреплению, к государственным гарантиям и защите этих прав. Оно, государство, является важнейшим институтом сферы прав человека. Его роль – это роль главного арбитра в решении проблем прав человека и прав Другого, прав гражданина и другого гражданина. Выражается данное согласование в законах, кодексах, в главном законе каждого государства – Конституции.

Так, в разд. 2 «Личность, общество, государство» Конституции Республики Беларусь, посвященном проблемам прав человека, государство гарантирует каждому человеку, каждому гражданину, каждому Я и каждому Другому «право на достойный уровень жизни» (ст. 21), равенство «перед законом» (ст. 22), «право определять свое отношение к религии» (ст. 31), «свободу мнений, убеждений и их свободное выражение» (ст. 33), «право собственности» (ст. 44) и иные права [6, с. 8–13]. Эти согласованные и гарантированные государством права человека с полным основанием могут быть отнесены к правомерным правам человека. Правомерным – значит, дозволенным и гарантированным, поощряемым и защищенным государственным законодательством и международными законами. В качестве примера можно назвать ратифицированные международные пакты и конвенции. Они должны быть именно ратифицированными, поскольку только после принятия законодательным собранием государства положения международных актов становятся внутринациональными нормами социального поведения граждан. В частности, Первый Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах был принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г., вступил в силу 23 марта 1976 г. А Республика Беларусь только после ратификации данного Протокола в 1992 г. взяла на себя обязанность обеспечить право каждого гражданина обращаться в Комитет ООН по правам человека в связи с нарушением его прав собственным государством, его достоинства как личности [9, с. 27–30].

Правомерные ограничения прав человека – обязанности и достоинство личности

Согласно преамбулам Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах и Международного пакта о гражданских и политических правах, «признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы,

справедливости и всеобщего мира», а также «права вытекают из присущего человеческой личности достоинства». Таким образом, мы можем сделать вывод, что произвольное ограничение права человека и гражданина является умалением его достоинства, нарушением правочеловеческих отношений Я и Другого.

Исходя из того что права человека в обществе не могут быть абсолютными, что правомерные, т. е. дозволенные государством, права непременно связаны с правомерными, т. е. дозволенными государством, ограничениями, представляется обоснованным перейти непосредственно к поставленной проблеме ограничения прав, начиная с явления и понятия «правомерные ограничения».

Правомерными ограничениями прав человека, не позволяющими правам человека стать абсолютными и, соответственно, ограничивающими произвол его социального поведения, являются права Другого, другого человека, другого гражданина, выступающие в качестве обязанностей их соблюдения [11, с. 11; 6, с. 13]. Обязанности можно отнести к первым, объективно существующим правомерным социально-правовым ограничениям, не позволяющим правам человека стать основой произвола в его поведении. Не случайна истина, выраженная афоризмами, пришедшими в мир еще задолго до христианской эпохи: «Мои права заканчиваются там, где начинаются свободы другого». Вполне правомерно дополнение к этому афоризму: «Мои права заканчиваются там, где начинаются мои обязанности». Именно поэтому права Другого и, соответственно, обязанности Я можно отнести к первому элементу правомерных ограничений прав человека, тем более, если они закреплены законами, конституциями государств и международными актами.

Продолжая рассмотрение структуры правомерных ограничений прав человека, необходимо вести речь об обязанностях человека и Другого, понимая, что права человека не существуют без его обязанностей. Действительно, для реализации какого-либо права (чтобы оно было не просто формально записанным в Конституции и других юридических актах) человек и гражданин должны выполнять ряд социальных действий, являющихся совершенно необходимыми для реализации данного конкретного права. Они должны реализовывать свои обязанности перед самими собой, перед социальной группой, к которой относятся, перед другими социальными группами, перед обществом и государством, только в этом случае возможна реализация их достоинства, из которых, согласно международным пактам, вытекают фундаментальные права человека [10, с. 5, 13].

В ст. 44 Конституции Республики Беларусь закреплено: «Государство гарантирует каждому право собственности и содействует ее приобретению» [6, с. 13]. Право собственности – коренное право в цивилизованном обществе. Однако его реализация, т. е. превращение из формально конституционной оформленной записи в социальную для человека и гражданина реальность, связана с выполнением целого ряда обязанностей, четко и строго оговоренных

в Основном законе: «Осуществление права собственности не должно противоречить общественной пользе и безопасности, наносить вред окружающей среде, историко-культурным ценностям, ущемлять права и защищаемые законом интересы других лиц» [6, с. 13], т. е. субъекту отношений необходимо соблюдать все пять обязанностей, чтобы осуществить и реализовать установленное за ним Конституцией данное право собственности. Все это закрепляет достоинство личности: «Государство обеспечивает свободу, неприкосновенность и достоинство личности» (ст. 25).

При реализации права собственности в качестве конституционных обязанностей человека и гражданина в Республике Беларусь выступают ее общественная польза, безопасность, сохранение окружающей среды и историко-культурных ценностей и самая, пожалуй, главная обязанность собственника – «не ущемлять права и защищаемые законом интересы других лиц». Иными словами, обязанности выступают в качестве внутреннего социального объективного ограничителя на пути превращения прав человека в абсолют его социального поведения и, соответственно, в произвол, что является внутренней защитой элемента достоинства личности.

Главная обязанность каждого человека и каждого гражданина при реализации своих прав – его законопослушание. Только законопослушный человек и гражданин имеет реальную возможность реализовать права на собственность, жилище, высшее образование и все другие общепризнанные права человека. Неслучайно в Конституции Республики Беларусь в первой из семи статей, посвященных обязанностям человека (ст. 52–59), установлено: «Каждый, кто находится на территории Республики Беларусь, обязан соблюдать ее Конституцию, законы...» [6, с. 15].

Из указанного следует, что главным элементом структуры правомерных ограничений прав являются обязанности человека как нечто внутреннее для реализации его прав.

Наконец, следует указать на правомерные ограничения прав человека как таковые, т. е. ограничения, дозволенные и гарантированные законами государства и международными законодательными актами, ратифицированными государствами. Основная особенность этих видов ограничений прав человека состоит в том, что они «предусмотрены законом». Законность – основной критерий всех цивилизованных систем ограничений прав человека, который сближает самые различные, отличающиеся друг от друга по историческим, экономическим, социальным, политическим и правовым устоям государственные системы (США, Китая, России, Беларуси, Швеции, Конго, Англии и др.). Выражается эта особенность во всех государствах мира почти одинаковым образом. В частности, в ст. 23 Конституции Республики Беларусь установлено: «Ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц». Кроме законности как основного критерия в качестве критерия

риев правомерных ограничений отмечаются следующие признаки: ограничения служат национальной безопасности, они должны обеспечивать общественный порядок, нравственность и здоровье населения и, что особенно важно, «права, свободы, законные интересы других лиц» [6, с. 9].

Произвольные ограничения прав человека – обязанности и достоинство личности

Однако в связи с законностью, главным критерием правовых ограничений как таковых, перед обществом возникает вечная, не разрешимая пока цивилизованным миром проблема. Как правило, установленные законом ограничения прав человека в развитых демократических государствах ведут к развитию и укреплению демократической системы прав человека, а законодательно дозволенные ограничения в тоталитарных и околототалитарных государственных устройствах – к умалению, обеднению прав человека и даже уничтожению ряда фундаментальных прав и свобод человека и гражданина, например их права на неприкосновенность достоинства личности. Это право является главным критерием любого решения государства, любого принятого им закона, признаком нравственности, свободы и соблюдения законности. Возникают вопросы: как отнестись к критерию законности – как главному критерию и одновременно принципу ограничений прав человека? Является ли этот критерий абсолютным, ведь закон, охраняя «национальную безопасность» тоталитарных государств, стоит на страже антигуманизма и антидемократии и при любых обстоятельствах ставит в первую очередь под удар права человека на достоинство личности? [10, с. 279].

Рассмотрим произвольные ограничения прав человека и Другого. Это, как правило, права, не дозволенные законом, права, находящиеся за пределами закона. Они связаны, во-первых, с абсолютизацией прав какого-либо отдельного лица или группы лиц и, во-вторых, с полным ограничением, доходящим до лишения, уничтожения прав и свобод других лиц или других групп лиц, что является искусством повышения уровня достоинства одних лиц и понижения его у других. Данные явления в истории связаны в основном с различного рода политическими диктатурами, например с культом личности И. Сталина, характеризуются насилием над личностью, признанием прав только за одним классом и его представителями, массовым политическим террором и геноцидом инокомыслящих, лишением прав на свободу целых социальных классов, слоев и народов. Речь в данных условиях идет не столько об ограничении фундаментальных прав на жизнь, свободу, личную неприкосновенность, сколько об их целенаправленном уничтожении. В настоящее время к этой группе ограничений прав человека можно отнести акты криминала, связанные с убийством, насильственными исчезновениями, этническими чистками, пытками, ренессансом рабства и геноцида, другими грубыми и массовыми нарушениями прав человека.

Всеобщая декларация прав человека – проблемы ограничения прав человека – обязанности и достоинство

Явление произвольных прав человека связано, как правило, со вседозволенностью Я и Другого, социальной группы, к которой она принадлежит, и, как ни странно это может прозвучать, государства (в лице его отдельных чиновников, органов и в целом государственной машины) [7, с. 9]. Неслучайно в ст. 5 Международного пакта о гражданских и политических правах в качестве первого субъекта возможного уничтожения прав и свобод человека указывается государство: «Ничто не может толковаться как означающее, что какое-либо государство, какая-либо группа или какое-либо лицо имеют право заниматься какой бы то ни было деятельностью или совершать какие бы то ни было действия, направленные на уничтожение любых прав или свобод, призванных в настоящем Пакте, или на ограничение их в большей мере, чем предусматривается в настоящем Пакте....» [8, с. 15]. Подчеркнем, что в данном случае речь идет о превращении реализации прав человека или группы лиц в абсолютный произвол отдельных лиц, групп лиц или даже государства.

Говорить о том, что во Всеобщей декларации прав человека поднимается проблема ограничения прав человека, пожалуй, нет оснований. Такую задачу основатели и создатели этого общечеловеческого документа не ставили. Однако они неизбежно вышли на постановку данной проблемы в преамбуле, в ряде статей основного текста и непосредственно в ст. 29 и 30 [1, с. 5].

В первой части преамбулы утверждается мысль о том, что основой свободы, справедливости и всеобщего мира является признание достоинства личности и равных прав человека [1, с. 1]. Всеобщая декларация ставит вопрос о том, что нарушило и что может нарушать, что лишило и что может лишать человека его прав, т. е. какие явления лежат в основе произвольных ограничений прав человека на его достоинство и права.

Таковыми негативами являются «пренебрежение и презрение к правам человека», которые привели к «варварским актам, возмущающим совесть человека» [1, с. 1]. Безусловно, создатели рассматриваемого документа имели в виду, во-первых, гитлеровскую нацистскую идеологию и практику абсолютной диктатуры нацизма, отвергавшие так называемые субъективные права человека и, как результат, тот массовый расистский и политический геноцид, который был развязан гитлеризмом против народов Советского Союза, Западной и Центральной Европы.

По последним российским официальным данным, в результате развязанного нацистами геноцида на оккупированных территориях были убиты 13,6 млн советских граждан. А из 9200 населенных пунктов, разрушенных и сожженных гитлеровцами в Беларуси во время Великой Отечественной войны, свыше 5295 нацисты и их пособники уничтожили вместе со всем или частью населения в период карательных операций. Итогом нацистской политики геноцида в Беларуси стали 2 230 000 человек, уничтоженных за 3 года оккупации. Погиб каждый третий житель Беларуси.

Во-вторых, создатели Всеобщей декларации прав человека утверждают идею о том, что последним средством «против тирании и насилия» в обществе, в котором мертв закон, является восстание [1, с. 1]. Восстание как явление безусловно связано с массовыми произвольными ограничениями прав человека, с их умалением и обеднением и даже уничтожением. При этом следует отметить, что ограничениям, в том числе и произвольным, подвергаются права человека как в стане тех, против кого направлено восстание, так и в стане самих восставших. Октябрьская революция в России, в ходе которой была предпринята попытка установить в стране диктатуру пролетариата, – убедительное доказательство этого печального факта, особенно относительно прав человека на достоинство личности.

Что же касается самих ограничений, то в тридцати статьях Всеобщей декларации прав человека они упоминаются только в одном случае, когда речь идет о правомерных ограничениях, т. е. ограничениях, установленных законом. Так, в п. 2 ст. 29 предусмотрено: «При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, которые установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других...» [1, с. 5]. Может показаться, что создатели данного документа проигнорировали проблему ограничения прав человека, в частности проблему правомерных их ограничений, но это только видимость.

Когда в статьях Всеобщей декларации прав человека пишется: «каждый человек имеет право», «никто не может быть подвергнут», то данные формулировки не напрямую ставят вопрос о правах Я и Другого, о правах человека и другого человека, т. е. об отношениях, в которых взаимные права этих субъектов правоотношений являются ограничителями, балансирующими, уравновешивающими правовые отношения и социальную активность в обществе. При этом следует подчеркнуть, что указанные взаимные права, декларированные и общепризнанные в международном праве, гарантированные национальными конституциями, выступают как объективные факторы социально-правовых отношений, являясь их правомерными ограничителями, обеспечивая реализацию их достоинства.

Вышеизложенное позволяет сформулировать некоторые выводы.

1. Права человека и права другой личности, их обязанности и достоинство следует отнести к объективным социально-правовым ограничениям.

2. Указанные взаимные права, приобретая статус правомерности как таковой, являются правомерными ограничениями независимо от того, узаконены они государством или нет.

3. Права человека и права Другого в сфере прав человека являются центральным звеном, ядром всех правочеловеческих отношений, поэтому «защита личности от личности является не менее важной гарантией осуществления его прав, свобод и достоинства, чем ее защита от произвола государства» [4, с. 140].

4. Проблема правомерных ограничений как таковых, то есть введенных в практику социально-правовых отношений законом государства, – это компетенция национального законодательства.

5. Заключение в преамбуле Всеобщей декларации прав человека о том, что в ней рассматриваются положения «в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и государства» [1, с. 1], по существу, представляет собой заявление о намерении международного сообщества наций осуществить равновесие и баланс интересов и устремлений, правовых отношений и достоинства человека и Другого, человека и социальной группы, человека и общества, человека и государства.

Лишь дважды, в ст. 10 и в п. 1 ст. 29, во Всеобщей декларации прав человека упоминается понятие «обязанность». При этом данное понятие в указанной норме приводится в сочетании с идеей об ограничении прав человека, ограничениях, «установленных законом» [1, с. 5; 5, с. 29]. Это свидетельствует о том, что идею обязанностей создатели Всеобщей декларации тесно увязывали с идеей правомерных ограничений прав человека, ограничений этих прав в целом и ограничений их достоинства.

Действительно, большинство статей Всеобщей декларации прав человека, утверждая определенные права, предполагает обязанности человека и Другого, социальных групп, общества, государства выполнять, осуществлять, реализовывать эти права. Это подтверждается формулировкой ст. 1 («все люди... должны поступать в отношении друг друга в духе братства»), ст. 2 («каждый человек должен обладать всеми правами и свободами, провозглашенными настоящей Декларацией...»), ст. 4 («никто не должен содержаться в рабстве»), ст. 5 («никто не должен подвергаться пыткам...»), ст. 9 («никто не может быть подвергнут произвольному аресту...»), ст. 12 («никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь»), ст. 15 («никто не может быть произвольно лишен своего гражданства...») и т. д. [1, с. 1–3].

Это значит, что все люди обязаны поступать в отношении друг друга в духе братства, что каждый человек обязан обладать всеми правами и свободами, провозглашенными Всеобщей декларацией, что каждый человек обязан противодействовать рабству, практике пыток, произвольному аресту, вмешательству в личную жизнь, произвольному лишению гражданства и т. д., только в этом случае можно говорить о реализации достоинства человека.

Действительно, императивы о том, что человек «должен», «не должен», «никто не может» представляют собой синонимичный ряд слов-понятий, обозначающих обязанность [5, с. 17–30]. Однако главное заключается в том, что права человека – это одновременно и его обязанности, его долженствование перед самим собой, перед другим человеком, перед обществом и государством, обязательное выполнение которых – ключ к реализации Достоинства.

Таким образом, Всеобщая декларация прав человека подводит исследователя к выводу о том, что права и обязанности Другого, особенно те, которые

определены законами государства, являются объективными социально-правовыми элементами структуры правомерных ограничений прав человека и Другого (человека).

Права человека и обязанности – ключ к реализации его достоинства

Если подходить к проблеме формально, то и о произвольных ограничениях прав человека в указанной Декларации ничего не говорится. Вместе с тем исследователь подводит к проблеме ограничения, причем произвольного, прав человека ряд конкретных статей – ст. 2–6, 9, 11–14. Ограничение произвольных прав – главное условие реализации достоинства личности.

В ст. 2, например, предусмотрено, что произвольно может быть ограничен целый ряд прав человека на основе «различий как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений». Ст. 26 Международного пакта о гражданских и политических правах гласит: «Все люди равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту закона. В этом отношении всякого рода дискриминация должна быть запрещена законом, и закон должен гарантировать всем лицам равную и эффективную защиту против дискриминации по какому бы то ни было признаку, как-то: расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства» [8].

Нравственные антиподы и достоинство человеческой личности

На данный момент в обществе существует очень серьезная проблема, которая касается умаления достоинства каждого нормального с психологической, нравственной и культурной точкой зрения человека. Общество сталкивается с новым опасным видом идеологии, основывающейся не на политических, религиозных, национальных или экономических платформах, а на пропаганде нетрадиционной сексуальности.

Сегодня мировыми образчиками цивилизованности и демократичности считаются страны Западной Европы и США, но их политические системы и демократия несут на себе печать антирелигиозности, антитрадиционности, антидуховности. В современном мире все более актуализируется задача обеспечения социальной стабильности и сохранения положительных черт социального бытия. Существенным препятствием для ее решения является феномен отклоняющегося, или девиантного, поведения. По словам Я. Гилинского, девиантное поведение «всегда связано с каким-либо несоответствием человеческих поступков, действий, видов деятельности распространенным в обществе или его группах ценностям, правилам (нормам) и стереотипам поведения, ожиданиям, установкам. Это может быть не только нарушение формальных (правовых) или неформальных (мораль, обычаи, традиции, мода) норм, но и девиантный образ жизни, девиантный стиль поведения, не соответствующий принятым нормам в данном обществе, среде, группе» [2, с. 22].

Вызывает серьезную озабоченность, что некоторые представители международных институтов и общественных организаций занимают одностороннюю позицию, основанную на положительной оценке гомосексуализма и абсолютизации прав и интересов гомосексуалистов. Это является самым что ни на есть произвольным ограничением прав человека и Другого, ущемлением его достоинства. Данное утверждение можно отнести и к признанию нормой однополых союзов, права сексуальных меньшинств регистрировать свои «браки», усыновлять и воспитывать детей.

Усыновление детей носит грубейший характер нарушения его фундаментальных прав: права на семью, права на мать и отца, права ребенка на свою половую идентичность и половую самоидентификацию, права на половую неприкосновенность, права ребенка на собственные убеждения и нравственно-этические установки, права на полноценное развитие и охрану его психического и нравственного здоровья, *прав молодых людей на достоинство личности* и т. д.

Но следует понимать, истинные права человека – это не то, что пожелает извращенное сознание отдельных людей, а все то, что способствует высокой духовности каждой человеческой личности.

Поэтому перед каждым государством, имеющим вековые традиционные ценности, стоит задача издать такие законы, которые смогли бы защитить детей от пропаганды гомосексуализма и педофилии, т. е. от неестественного образа жизни и поведения. Ибо при наличии человеческих аномалий уничтожается право личности на человеческую жизнь, реализации человека как элемента и творца цивилизации, носителя высокоморальных идей, высокой духовности. У любого нормального человека вне зависимости от его национальности, социального происхождения, вероисповедания и политических взглядов такой закон вызовет естественное одобрение.

Ограничение этих явлений и есть расширение и укрепление достоинства каждого человека, защита его истинных человеческих прав.

Таким образом, из ст. 4 Всеобщей декларации прав человека недвусмысленно вытекает вывод о том, что в обществе имеют место явления рабства, подневольного состояния, работоторговля, резко и серьезно произвольным образом ограничивающие фундаментальные права человека.

Норма ст. 5 дает основания полагать, что в пенитенциарной системе люди до сих пор «подвергаются пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению и наказанию».

В ст. 9 говорится о грубейших нарушениях и произвольных ограничениях основных прав человека при аресте, задержании.

Положения ст. 12 показывают нам, что права человека произвольно ограничиваются в случае «вмешательства в его личную и семейную жизнь» и «произвольного посягательства на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию».

В ст. 13 указывается на произвольное ограничение прав человека при вмешательстве в выбор им местожительства в пределах государства и на огра-

ничение его права «покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну».

Норма ст. 19 подтверждает, что в обществе продолжают иметь место грубые нарушения и ограничения прав человека на свободу убеждений и на их свободное выражение [1, с. 1–3].

Безусловно, все эти идеи, заложенные во Всеобщей декларации прав человека, подводят к умозаключению о существовании проблемы произвольных ограничений прав человека. На этом основании в ст. 29 делается вывод о необходимости законодательного закрепления в современном цивилизованном обществе правомерных ограничений: «При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе» [1]. Исходя из этого в каждом цивилизованном государстве должны существовать законные ограничения, которые будут регулировать всю систему прав человека, с указанием критериев этих правомерных ограничений: в целях защиты прав и свобод других граждан, обеспечения порядка, соблюдения морали и поднятия благосостояния общества в целом.

Также нужно вспомнить еще раз Международный пакт о гражданских и политических правах, а именно ст. 5, где говорится о недопущении ограничений и умалений каких бы то ни было основных прав человека.

И, наконец, в ст. 30 Всеобщей декларации прав человека указывается на полное уничтожение прав и свобод человека как крайнюю степень их ограничения: при предоставлении «какому-либо государству, группе лиц или отдельным лицам права заниматься какой-либо деятельностью или совершать действия, направленные на уничтожение прав и свобод, изложенных в настоящей Декларации» [1, с. 5]. Таким образом, в ст. 30 категорически запрещаются всякая деятельность либо всякие действия, целью которых является уничтожение прав и свобод человека, а значит, достоинства личности, указанных в данном основополагающем документе.

Из вышеизложенного вытекает, что Всеобщая декларация и международные пакты закладывают основание, правовой фундамент трактовки проблемы ограничения прав человека – важнейшей проблемы всей системы современного права, правочеловеческих отношений и правозащитной деятельности, проблемы достоинства человеческой личности. Данные документы являются основанием для трактовки достоинства личности как основного критерия законности.

Литература

1. Всеобщая декларация прав человека // Права человека: сб. междунар.-правовых док. / сост. В. В. Щербов. – Минск: Белфранс, 1999.
2. Гилинский, Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» / Я. Гилинский. – СПб., 2004.
3. Гражданские права человека: современные проблемы теории и практики. – М., 2006.

4. Даес Эрика-Ирена, А. Свобода личности в праве / А. Даес Эрика-Ирена. – ООН, Нью-Йорк, 1993.
5. Декларация о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы. Представительство ООН в Республике Беларусь, 2000.
6. Конституция Республики Беларусь. – Минск, 2004.
7. Маклаклин, Беверли. Конституционные права / Беверли Маклаклин // Право быть человеком. – Минск, 2000.
8. Международный пакт о гражданских и политических правах // Права человека: сб. междунар.-правовых док.
9. Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах // Права человека: сб. междунар.-правовых док.
10. Чинкин, К. М. Переоценка традиционных подходов / К. М. Чинкин // Право быть человеком.
11. Les dimensions internationales des droits de l'homme. – UNESCO, 1978.

ФОРМИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ

*А. В. Щукин,
кандидат юридических наук*

Принцип уважения прав человека и достоинства личности, ставший основополагающим с принятием Устава ООН, последовательно развивался на основе значительного числа принятых международно-правовых документов. Тем не менее в международной практике зачастую отсутствует устоявшаяся терминология, точные определения, что само по себе затрудняет осуществление прав человека, в том числе при установлении фактов нарушений, реализации международной ответственности и в конечном счете может вести к политическим манипуляциям с использованием пресловутых «двойных стандартов» и девальвации самой идеи прав человека.

В работе Л. В. Уляшиной обстоятельно рассматривается категория «международных стандартов по правам человека» (МСПЧ), как наиболее широко распространенная в современной международной практике. Рассматривая основные научные наработки в этой области, автор определяет МСПЧ как «правовое понятие, которое охватывает совокупность основополагающих прав человека, закрепленных в нормативных актах, принятых на международном уровне субъектами международного права. Независимо от правовой природы и юридической силы МСПЧ легитимны и обладают универсальностью при осуществлении функции по защите фундаментальных прав и свобод человека» [9, с. 153]. При этом, основываясь преимущественно на различиях в способах внешнего выражения, автор относит к МСПЧ несколько категорий: «В широком смысле МСПЧ объединяют в себе все основные и вспомогательные источники международного права, а также документы хоть и не обладающие

обязательным характером (нормы «мягкого» права), но содержащие в себе положения, раскрывающие содержание отдельных положений международных норм и обладающие легитимностью как в процессе создания стандартов, так и в процессе их применения для реализации международных обязательств в национальных правовых системах» [9, с. 153].

Взаимосвязь норм права и нравственности представляется несомненной, особенно по вопросам защиты прав людей. Однако смешение этих понятий по меньшей мере некорректно и может служить подмене существующих норм международного права в угоду интересам и пожеланиям отдельных стран. Использование инструментария «мягкой силы», которая ассоциируется с нормами «мягкого права» в области прав человека зачастую связано с пропагандой преимуществ отдельной идеологии, определенных духовных ценностей, достижений в области экономики, новых технологий.

Отмечая единство права и морали в международных отношениях по поводу общности в регулировании определенных отношений, регулятивного назначения и нормативно-ценностной природы, П. А. Цыганков разделяет их по ряду признаков: нормы права фиксированы в нормативно-правовых актах и тесно связаны с государственными институтами и межправительственными организациями; право имеет ограниченное применение в отношении определенных субъектов, тогда как моральные нормы носят всеохватывающий характер и более гибкие; международная мораль и право различаются с точки зрения форм, методов, средств и возможностей воздействия [13, с. 372–375].

Параметры, направления и перспективы взаимосвязи культуры, нравственности, права, социальных институтов являются объектом оживленных дискуссий в философско-антропологических исследованиях. Наиболее остро они звучат в период бурных процессов трансформации миропорядка после окончания холодной войны. В настоящее время выделяются два идейных направления, оказавших влияние на теорию и практику осуществления МСПЧ.

Первое из них обосновал американский ученый Ф. Фукуяма в начале 1990-х годов, автор книги «Конец истории и последний человек» [10]. Ссылаясь на крах коммунистической идеологии и глубокий кризис идей авторитаризма, он предсказывал торжество в мире либеральной демократии западного образца, а также конец века идеологических противостояний, глобальных революций и войн. Нередко отмечается, что концепция Ф. Фукуямы оказала большое влияние на формирование внешнеполитического курса Президента США Джорджа Буша-мл.: «Конец истории» фактически стал «каноническим текстом» «молодых» неоконсерваторов, так как был созвучен основной цели их внешней политики – активному продвижению демократии западного стиля и свободного рынка по всему миру» [6].

Второе направление, обоснованное профессором Гарварда С. Хантингтоном, основывалось на противоположных идеях политического реализма. Но в отличие от предшественников он отдает предпочтение не государственным

образованиям как основным акторам мирового порядка, а цивилизациям, в основе формирования которых лежали существенные различия в культурных традициях (выделяются западная, тайско-конфуцианская, исламская, индуистская, славяно-православная, латиноамериканская, африканская). На смену классическим конфликтам эпохи холодной войны приходит конфликт между цивилизациями. «Запад, – отмечает С. Хантингтон, – с его давними миссионерскими традициями, и главным образом Америка, полагает, что не-западные народы должны перенять западные ценности демократии, свободного рынка, контролируемого правительства, прав человека, индивидуализма, господства права и затем должны воплотить все эти ценности в своих институтах. Меньшинства из других цивилизаций с радостью принимают и поддерживают эти ценности, но в не-западных культурах преобладает другое отношение этим ценностям: от широко распространенного скептицизма до жесткого противодействия. То, что для Запада универсализм, для остальных – империализм» [12, с. 118].

Как следствие этого на пути формирования гармоничного миропорядка, основанного на осуществлении МСПЧ, возникают серьезные препятствия. «Лицемерие, двойные стандарты, излюбленный оборот «да, но...» – отмечает далее С. Хантингтон, – вот цена претензий на универсализм. Да, мы поддерживаем демократию, но только если она не приводит к власти исламский фундаментализм; да, принцип нераспространения должен касаться Ирана и Ирака, но не Израиля; да, свободная торговля – это эликсир экономического роста, но только не в сельском хозяйстве; да, права человека – это проблема в Китае, но не в Саудовской Аравии... Двойные стандарты на практике – это неизбежная цена универсальных стандартных принципов» [12, с. 119].

Принцип равноправия и самоопределения народов стал основным принципом общего международного права. Однако его толкование и осуществление наглядно демонстрирует возможность самых различных вариантов, которые рассматриваются как двойные стандарты, хотя бы в свете последних событий. Для иллюстрации можно сослаться на не лишённые иронии слова нынешнего лидера Ирана Али Хаменеи по поводу воздушных бомбардировок Йемена с целью восстановления законности и власти демократически избранного президента: «О «восстановлении законности» говорить не будем. Seriously это никто не воспринимает, поскольку *монархии, восстанавливающие авиационными демократические институты* (здесь и далее курсив наш. – А. Ш.) – это даже не смешно. А кроме того, следовать подобной логике для Запада и его союзников крайне опасно: ведь тогда Россия за-ради Януковича могла бы с полным основанием бомбить Киев, Тегеран – позиции мятежников в Сирии, ну и так далее» [1].

Как мы видим, отличия в нравственных ценностях различных народов, наций играют существенную роль при формировании норм международного права и МСПЧ в частности, а также в их реализации. При этом отождествлять нормы права и нравственность не следует. Это своего рода упрощение и игно-

рирование особенностей сложного механизма их взаимодействия. Но можно ли говорить, что построение гармоничного миропорядка, основанного на признании МСПЧ, неосуществимо. Для ответа следует обратить внимание на механизм взаимодействия права и нравственности.

Видный германский ученый Ю. Хабермас усматривает тенденцию формального признания такого взаимодействия через понятие человеческого достоинства, которое активно стало использоваться не только в международно-правовых актах (например, Всеобщая декларация прав человека одна из первых содержала это понятие), но и в международно-правовой практике. В свою очередь, это способствовало более широкому воплощению идеи прав человека в международное право. «Идея человеческого достоинства, – отмечает Ю. Хабермас, – это понятийный шарнир, который сочленяет мораль равного уважения к каждому с позитивным правом и демократическими правовыми декларациями, – сочленяет так, что из их обоюдной игры при благоприятных исторических обстоятельствах может возникнуть политический порядок, основывающийся на правах человека».

Однако сам Ю. Хабермас далек от поклонения международно-правовой категории прав человека, называя ее «реалистической утопией» и отмечая, что гуманитарно-правовая политика Объединенных Наций отмечена противоречием между расширением риторики прав человека, с одной стороны, и их злоупотреблением в качестве вспомогательного легитимационного орудия властной политики – с другой. Вместе с тем ссылаясь на примеры осуществления политики применения «двойных стандартов», которые нередко приводили к серьезным гуманитарным катастрофам, он отмечает, что эти просчеты не дают основания считать нормы международного права по правам человека лишены морального наполнения и стремления воплотить идею прав человека в международной практике [11].

По поводу суждений Ю. Хабермаса высказывает возражения белорусский ученый Л. Ф. Евменов, отмечая, что одной констатации моральной укорененности достоинства и прав человека мало без философского анализа и синтеза проблем, связанных с переходом от моральных прав, моральной реальности к правам человека как юридической реальности. Сам Л. Ф. Евменов рассматривает развитие прав человека как процесс, начиная от декларирования прав (этап моральной реальности) к кодификации государством этих прав (этап юридической реальности) и последующей реализации кодифицированных прав человека и гражданина (этап социальной реальности). Причем последний этап рассматривается как наиболее актуальный для современной науки и практики [3, с. 62–69]. Представляет также интерес предложение Л. Ф. Евменова кодифицировать понятия права человека на достоинство личности, права человека на уважение достоинства личности, чтобы эти понятия стали нормативными категориями национальных и международных систем правосудия [4, с. 188].

Императивные международные стандарты по правам человека. По поводу условий и тенденций формирования международных стандартов

по правам человека в современный период следует отметить, что широкое моральное признание со стороны мирового сообщества, ведущее к их нормативно-правовому закреплению, в первую очередь относится к тем из них, которые имеют наибольшую значимость для мирового сообщества. В мировой практике наметилась устойчивая тенденция дифференциации понятия МСПЧ, связанная с выделением отдельной группы стандартов. Речь идет о тех из них, которые направлены на борьбу с наиболее грубыми и массовыми нарушениями прав человека. Для их характеристики используется различная терминология. Например, согласно п. 1 ст. 7 Римского статута Международного уголовного суда 1998 г., преступление против человечности означает любое из перечисленных деяний, когда они совершаются в рамках *широкомасштабного* или *систематического* нападения. И наоборот, согласно п. 1 ст. 17 Статута, Суд определяет, что дело не может быть принято к производству в тех случаях, когда дело не является *достаточно серьезным*, чтобы оправдывать дальнейшие действия со стороны Суда.

Приведенная терминология является достаточно условной. В международной практике определение категории важнейших МСПЧ, а также грубых и массовых нарушений прав человека чаще всего строится на методе их перечисления в международно-правовых актах. Например, в преамбуле Декларации о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 9.12.1998 г., отмечалась важная роль международного сотрудничества и ценная работа отдельных лиц, групп и ассоциаций «по содействию эффективному устранению всех нарушений прав человека и основных свобод народов и отдельных лиц, в том числе массовых, грубых и систематических нарушений, таких как нарушения, которые являются результатом апартеида, всех форм расовой дискриминации, колониализма, иностранного господства или оккупации, агрессии или угроз национальному суверенитету, национальному единству или территориальной целостности, а также результатом отказа признать право народов на самоопределение и право каждого народа на осуществление полного суверенитета над своими богатствами и природными ресурсами». Наряду с этим важнейшим признаком МСПЧ, связанных с грубыми и массовыми нарушениями прав человека, стала выработка особого механизма их реализации и осуществления международной ответственности в случае нарушения, о чем будет сказано ниже.

Авторы исследования по вопросам правосудия в переходный период, проводимого Управлением Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека, обоснованно отмечают, что в международно-правовых актах не содержится определение «грубых нарушений международных норм в области прав человека». Но хотя и не имеющие формального определения в международном праве «грубые нарушения» означают виды нарушений, которые, в случае их систематического совершения, затрагивают в качествен-

ном и количественном смысле большинство основополагающих прав человека, в особенности права на жизнь и права на физическую и моральную неприкосновенность человека. Общепринято считать, что к этой категории относятся геноцид, рабство и работорговля, убийства, недобровольные исчезновения, пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания, длительное произвольное задержание под стражей, депортация или принудительное перемещение населения, а также систематическая расовая дискриминация.

Умышленное систематическое лишение жизненно важных продуктов питания, основных компонентов первичного медицинского обслуживания или же крова и жилья также могут приравниваться к грубым нарушениям прав человека, сообщают далее авторы исследования. В международном гуманитарном праве «серьезные нарушения» (serious violations) следует отличать от «грубых нарушений международного гуманитарного права» (grave breaches). Последние касаются нарушений, отмеченных особой жестокостью, определение которым дано в международном гуманитарном праве, но только применительно к международным вооруженным конфликтам. Он означает грубые нарушения, являющиеся преступлениями согласно международному праву в том случае, если они совершаются в условиях международного или немеждународного вооруженного конфликта [5, с. 2].

Однако отмеченное выше положение о том, что определение важнейших МСПЧ, грубых и массовых нарушений прав человека отсутствует не означает, что эта категория не выделяется отдельно в современных международно-правовых актах. Решающую роль в процессе ее становления имело принятие Международного билля по правам человека и прежде всего Международного пакта о гражданских и политических правах, принятого 16.12.1966 г. В п. 1 ст. 4 Пакта предусмотрено, что «во время чрезвычайного положения в государстве, при котором жизнь нации находится под угрозой и о наличии которого официально объявляется... государства могут принимать меры в отступление от своих обязательств». Но это положение, согласно п. 2 ст. 4 Пакта, не может служить основанием для каких-либо отступлений от ст. 6 (право на жизнь), 7 (запрет пыток, жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания), п. 1, 2 ст. 8 (запрет рабства и подневольного состояния), ст. 11 (лишение свободы при невозможности выполнить договорное обязательство), 15 и 16 (правовые гарантии), 18 (свобода мысли, совести и религии).

Приведенные положения Пакта свидетельствуют о том, что ряд МСПЧ приобрели характер норм высшей юридической силы. В международном праве их именуют императивными нормами *jus cogens*. Определение понятия императивных норм впервые излагалось в ст. 53 универсальной Венской конвенции о праве международных договоров от 23.05.1969 г.: «Договор является ничтожным, если в момент заключения он противоречит императивной норме общего международного права. Поскольку это касается настоящей Конвенции, императивная норма общего международного права является нормой,

которая признается и принимается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть отменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер».

Таким образом, международные стандарты, направленные на борьбу с массовыми и грубыми нарушениями прав человека, имеют приоритет по отношению к другим нормам. Любое противоречащее им соглашение является юридически ничтожным. Примечательно, что во Всеобщей декларации прав человека от 10.12.1948 г. и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах от 16.12.1966 г. подобные запреты носят не безусловный, а рекомендательный характер.

По поводу признания императивного характера отдельных МСПЧ могут высказываться возражения. Например, Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9.12.1948 г. предусматривает для государств возможность ее денонсации, что выглядит совершенно архаично. Государство в современных условиях формально-юридически не может отказаться от международных обязательств, ставших общепризнанной мировой практикой, и легализовать геноцид. Пункты о денонсации в международно-правовых соглашениях по правам человека скорее свидетельствуют о том, что МСПЧ не являются исключительно императивными. На это указывают положения Женевских конвенций по международному гуманитарному праву в период вооруженных конфликтов. Так, согласно п. 4 ст. 63 Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 12.08.1949 г., денонсация «никак не будет влиять на обязательства, которые стороны, находящиеся в конфликте, будут обязаны продолжать выполнять в силу принципов международного права, поскольку они вытекают из обычаев, установившихся среди цивилизованных народов, из законов человечности и велений общественной совести».

В таком случае можно говорить об изменении формы внешнего выражения, что само по себе не должно оказывать влияния на императивный характер отдельных МСПЧ. В связи с этим сложно согласиться с утверждением о том, что «имеющиеся в ряде универсальных международных договоров (Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Женевские конвенции о защите жертв вооруженных конфликтов 1949 г.) запретительные нормы, по уровню долженствования схожие с императивными нормами, но не идентичны им, так как адресованы только государствам-участникам таких договоров, а не всему мировому сообществу в целом» [6, с. 93].

Определенного перечня норм по правам человека, обладающих императивным характером, не существует. Объясняется это тем, что преимущественно они выражены в форме международно-правовых обычаев. Вместе с тем они отражены в значительном числе международно-правовых актов.

Прежде всего к ним относят основополагающие принципы международного права, в том числе, принцип всеобщего уважения прав человека и основ-

ных свобод, провозглашенный Уставом ООН. Важнейшее значение имеет Международный билль о правах человека, детально определивший содержание МСПЧ. Состав международных преступлений, за которые могут нести ответственность индивиды, определяется уставными документами органов международной уголовной юстиции. В уставах Нюрнбергского (ст. 6) и Токийского (ст. 5) международных военных трибуналов предусматривалась ответственность за преступления против мира, военные преступления, преступления против человечности. Имеющие важнейшее значение для всего человечества эти положения конкретизировались и развивались в других международно-правовых актах. Можно утверждать, что наиболее полное выражение содержания именно императивных МСПЧ в настоящее время осуществлено с принятием Римского статута Международного уголовного суда 1998 г. Согласно п. 1 ст. 5 Статута «юрисдикция Суда ограничивается самыми серьезными преступлениями, вызывающими озабоченность всего международного сообщества. В соответствии с настоящим Статутом Суд обладает юрисдикцией в отношении следующих преступлений: а) преступление геноцида; б) преступления против человечности; в) военные преступления; г) преступление агрессии».

В ст. 6, 7 и 8 Статута детально раскрывается существо наиболее грубых и массовых нарушений МСПЧ. Согласно п. 2 ст. 9 Статута, дополнительные элементы преступлений могут быть предложены:

- а) любым государством-участником;
- б) судьями, принимающими решение абсолютным большинством;
- в) Прокурором».

Такие поправки принимаются большинством в две трети голосов членов Ассамблеи государств-участников.

Международная ответственность за наиболее грубые и массовые нарушения прав человека. Переходя от содержательной части международных стандартов, направленных на борьбу с массовыми и грубыми нарушениями прав человека к процессу их осуществления, чаще всего именуемый в мировой практике и научной литературе *имплементацией*, отметим, что он предполагает реализацию комплекса мер на международном и государственном уровне с участием различных субъектов: государств, международных институтов, различных негосударственных организаций, действующих в области прав человека, а также отдельных индивидов. Проблема совершенствования механизмов реального осуществления прав человека в последний период все чаще рассматривается как одна из ключевых. В научной литературе нередко отмечается необходимость рассмотрения прав человека и гражданина не просто с точки зрения предоставления возможности, а превращения их в действительность, социальную реальность [2, с. 261]. Среди международных актов, например в п. 91 Венской декларации и программы действий от 25 июня 1993 г., высказывалась обеспокоенность по вопросу о безнаказанности лиц, виновных в нарушениях прав человека.

На международном уровне применяется довольно широкий инструментальный осуществлению МСПЧ. Однако механизмы обеспечения обязательств в области прав человека императивного характера отличает то, что данные обязательства являются универсальными, так называемыми *erga omnes* по латинской терминологии. Они принимаются в отношении всего мирового сообщества, а не отдельных стран, как это имеет место в случае ординарных международных обязательств. Вследствие этого при нарушении обязательства в области прав человека универсального характера потерпевшим выступает не одно государство, а мировое сообщество в целом и каждое государство приобретает не только право, но и обязанность реагировать на их совершение.

Отличает механизм обеспечения обязательств в области прав человека императивного характера и то, что участники международного общения не могут отказываться от их выполнения, ссылаясь на обстоятельства, которые могут иметь место в обычной ситуации. В частности, существенное нарушение положений международного договора в области прав человека не освобождает потерпевшую сторону от обязанности соблюдать его. В п. 5 ст. 60 Венской конвенции о праве международных договоров от 23.05.1969 г. оговаривается, что существенное нарушение договора как основание для его прекращения или приостановления не применяется «к положениям, касающимся защиты человеческой личности, которые содержатся в договорах, носящих гуманитарный характер, и особенно к положениям, исключающим любую форму репрессалий по отношению к лицам, пользующимся защитой по таким договорам». На основании этого авторы учебника под редакцией В. Ю. Калугина «Международное гуманитарное право» делают правильный вывод, что отличительной чертой обязательств, вытекающих из императивных норм *jus cogens*, является то, что они обладают «параллельной» сферой действия, потерпевшее государство не может отказаться от их соблюдения, даже если другая сторона их нарушает [5, с. 30].

Очевидно, с императивным характером отдельных норм по правам человека связано и положение международного права о неприменении сроков давности в отношении лиц, виновных в грубых и массовых нарушениях прав человека. «В отношении преступлений, подпадающих под юрисдикцию Суда, не устанавливается никакого срока давности» – указано в ст. 29 Статута Международного уголовного суда.

При разработке Комиссией международного права ООН Проекта статей о международной ответственности государств грубые и систематические нарушения прав человека рассматривались как преступления, влекущие особый режим ответственности государств. Подчеркивая своеобразие такой ответственности и стремясь избежать аналогий с уголовным правом, Комиссия в итоге отказалась от использования термина «международные преступления», заменив его на «серьезные нарушения обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права». Однако по поводу последствий совершения серьезного нарушения Комиссия международного права

ООН не смогла занять четкой позиции, оговорив лишь в ст. 41 Проекта обязанность всех государств сотрудничать с целью прекращения серьезного правонарушения, непризнания правомерным положения, сложившегося в результате его совершения и неоказания помощи или содействия в сохранении такого положения.

В выделении особой категории наиболее опасных правонарушений в области прав человека существует объективная необходимость. Опасность, которую они несут для всего человечества, накладывает отпечаток, как на объем ответственности, так и способы ее осуществления. Сопряженные с нарушением императивных норм они ни в коем случае не могут вести к прекращению нарушенного обязательства, что может иметь место по желанию потерпевшей стороны при обычных правонарушениях. Кроме этого, все государства приобретают право и даже обязанность реагировать на их совершение, а индивиды и группы лиц наделены дополнительными возможностями обращаться в международные инстанции.

В данной ситуации существенно возрастает роль специализированных международных механизмов, обеспечивающих реализацию прав человека, и в особенности в связи с грубыми и массовыми нарушениями, деятельность которых позволяет принимать более организованные и эффективные меры. Международные региональные механизмы часто оказываются наиболее эффективными ввиду того, что ими учитываются отдельные региональные особенности, что подтверждается опытом Европейского Суда по правам человека, выносящим юридически обязательные решения о несоблюдении прав человека и контролирующим их исполнение. Однако главным выразителем интересов мирового сообщества в деле признания и соблюдения прав человека являются универсальные механизмы, входящие в систему ООН. В той или иной степени правами человека занимаются все главные органы ООН, включая Генеральную Ассамблею, Экономический и социальный совет. Но полномочиями в предотвращении грубых и массовых нарушений прав человека прежде всего выделяются некоторые из них. Совет Безопасности ООН несет главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности. С этой целью он наделен широкими полномочиями по принятию мер принуждения экономического, политического, а в отдельных случаях военного характера. На практике его деятельность, в частности, выражалась в учреждении в 1994 г. Международных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде для привлечения к ответственности лиц, виновных в грубых и массовых нарушениях прав человека.

Под эгидой Совета по правам человека (ранее при Комиссии ООН по правам человека) действует процедура рассмотрения частных жалоб, которая имеет ряд особенностей. Она является универсальной и не зависит от согласия государств, ею может воспользоваться любое частное лицо, группа или организация, ставшие жертвами или обладающие достоверной информацией. Эта процедура учреждена специально для рассмотрения систематических

и грубых нарушений. При этом рассмотрение жалобы может занять длительное время и заявитель может не получать ответа ввиду конфиденциального характера самого механизма. Однако данный механизм служит выявлению грубых и массовых нарушений. Тем самым мандат Совета отличается от комитетов независимых экспертов, которые наблюдают за выполнением ряда важнейших договоров по правам человека (Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.; Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г.; Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г.; Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г.; Конвенция о правах ребенка 1989 г.; Конвенция о защите прав трудящихся-мигрантов и членов их семей 1991 г.; Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.). Договорами предусмотрена возможность подачи жалобы частным лицом, если они считают, что их право, закрепленное в договоре, было нарушено. Однако данная возможность доступна только если государство, в котором совершается нарушение ратифицировало договор, защищающий соответствующее право, и признало компетенцию Комитета в вопросе о получении индивидуальных жалоб.

Кроме этого, Советом по правам человека осуществляются специальные процедуры по наблюдению, консультированию и открытой отчетности о ситуации с правами человека в конкретных странах или территориях (мандаты по странам) или по определенным темам нарушений прав человека во всем мире (тематические мандаты). Эти процедуры также являются универсальными, поскольку не зависят от согласия государств, где проводится исследование и ими может воспользоваться любое лицо для направления сообщений о нарушениях прав человека.

Международный уголовный суд в Гааге осуществляет свою юрисдикцию в отношении государств, ратифицировавших его Статут. Однако на основании ч. б) ст. 13 Статута Международного уголовного суда к его юрисдикции относятся ситуации, при которых, как представляется, были совершены одно или несколько преступлений, сообщаемых Прокурору Советом Безопасности, действующим на основании гл. VII Устава Организации Объединенных Наций. Это также свидетельствует о становлении универсальных процедур в отношении грубых и массовых нарушений прав человека.

Наряду с универсальными механизмами осуществления МСПЧ в области предупреждения грубых и массовых нарушений сохраняются традиционные механизмы самопомощи, которые также именуется односторонними мерами принуждения, контрмерами, санкциями, которыми пользовались отдельные государства с давних времен и по настоящее время для осуществления так называемых гуманитарных интервенций. В современный период практика их применения вызывает все более негативное восприятие в мировом сообществе. Высказывается озабоченность в связи с воздействием применения односторонних принудительных мер на осуществление прав затронутого населе-

ния в государствах, против которых направлены такие меры, а также прав третьих сторон – государств и организаций, которые также могут затрагиваться. С учетом этого Совет по правам человека на основе принятой им резолюции 19/32 просил Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека подготовить соответствующий доклад.

Результаты работы оказались неоднозначными. В частности, отмечалось, что односторонние принудительные меры представляют собой нарушения Устава Организации Объединенных Наций, многосторонней торговой системы, нарушения прав человека, в том числе гражданских, политических, экономических, социальных и культурных, а также права на развитие. В том случае, когда такие меры направлены против нарушений прав человека, они могут быть обречены на провал, если они сами отрицают осуществление таких прав человека, как право на питание, здравоохранение и образование. Однако высказывалась альтернативная точка зрения о необходимости совершенствования режима применения таких мер и осуществления независимого контроля.

Важно и то, что сравнивая односторонние меры с реакцией организованного мирового сообщества авторы доклада отмечали преимущества последней: «В Уставе Организации Объединенных Наций, в том числе в главе VII, предлагается основа для применения подобных мер в рамках системы, основанной на правилах... меры, принимаемые за пределами данной системы и влияющие на осуществление прав человека, должны оцениваться с точки зрения их легитимности и эффективности... государства или группа государств, прибегающие к подобным мерам, ответственны за их воздействие на реализацию прав человека так же, как и государства, чья внутренняя политика оспаривается на этом основании» [7, с. 12].

Не меньше нареканий на международном уровне вызывают принудительные меры в ответ на нарушения прав человека, предпринимаемые группами стран в рамках региональных организаций. Особенно это касается ситуаций, когда данные меры выходят за пределы государств-участников и направлены против третьих стран (так называемых экстерриториальных мер). Сюда относятся санкции, предпринимаемые Европейским союзом, но прежде всего НАТО, которые подменяют и тем самым подрывают эффективность системы ООН.

Так, основанием для начала бомбардировок СРЮ в 1999 г. без санкции Совета Безопасности ООН стало совершение актов геноцида в отношении албанского народа провинции Косово. В ответ руководство СРЮ также обвинила страны НАТО в геноциде. В заявлении, поданном 29.04.1999 г. в Секретариат Международного Суда ООН, отмечалось, что, приняв участие в военных действиях посредством нанесения огромного ущерба окружающей среде и использования обедненного урана, указанные страны действовали против Союзной Республики Югославия в нарушение своих обязательств «не создавать преднамеренно для какой-либо национальной группы такие жизненные условия, которые рассчитаны на ее полное или частичное физическое уничтожение»

[6, с. 62]. Как признал впоследствии спецпредставитель ООН по правам человека в бывшей Югославии Иржи Динстбир, главными жертвами бомбардировок стали мирные жители, балканская операция НАТО привела к большему числу жертв среди мирного населения, чем сам косовский конфликт, ради разрешения которого она якобы была предпринята [1].

Организованная реакция мирового сообщества на массовые и грубые нарушения прав человека со стороны уполномоченных органов ООН является предпочтительной по сравнению с действиями отдельных стран. Однако данные механизмы остаются во многом несовершенными и реакция отдельных стран зачастую остается последним средством. Но это не означает, что такие меры могут применяться неограниченно. Международное право ограничивает в выборе односторонних принудительных мер и условий их применения. Рассмотрение этих вопросов предполагает проведение отдельной работы.

Говоря об особенностях мер предупреждения и ответственности, принимаемых в ответ на грубые и массовые нарушения прав человека, следует отметить, что они существуют не только для того, чтобы положить им конец, но и для того, чтобы обеспечить возмещение причиненного вреда, выполняя при этом ряд функций, связанных с возможным временным ограничением суверенитета. Такие меры, как введение временного внешнего контроля над всей или частью территории, ограничивают суверенитет ответственного государства и могут быть оправданы только совершением наиболее опасных правонарушений. Подобный характер может приобретать система гарантий, ограничивающая, например, в случае с преступлениями против человечности численность войск, виды и размер вооружений, призванная не допустить возобновления преступного поведения в будущем.

Возмещение вреда для государств принимает не только более значительные количественные характеристики, но также зачастую связано с ограничением суверенитета правонарушителя, который должен выполнять волю потерпевших сторон, определяющих размер причиненного вреда. Например, ответственность Ирака за вторжение в Кувейт в 1990 г. была определена Советом Безопасности ООН, который в резолюции 687 (1991) указал, что «Ирак без ущерба для задолженностей и обязательств, возникших на период до 2 августа 1990 г., которые будут истребованы через обычные механизмы, несет ответственность по международному праву за любой прямой убыток, вред, включая вред окружающей среде и истощение природных ресурсов, а также ущерб иностранным правительствам, гражданам и корпорациям, причиненный в результате незаконного вторжения и оккупации Кувейта» [8, с. 23].

Вместе с тем обрекать государство на подобные меры всегда означало подвергать репрессии все население страны без учета вины отдельных лиц. Указывая на то, что юридические лица не обладают собственной волей, позволяющей устанавливать вину и индивидуализировать уголовное наказание, профессор А. Н. Трайнин отмечал, что «украсть, оскорбить, убить на войне, как и объявлять войну, может лишь человек, независимо от того, принадлежит ли

право объявления войны одному лицу – главе государства – или целому законодательному корпусу: юридические лица не стреляют» [8, с. 103]. Международный военный трибунал в Нюрнберге над главными нацистскими военными преступниками, установивший принцип индивидуальной уголовной ответственности отметил по этому поводу следующее: «Преступления против международного права, – значит в его приговоре, – совершаются людьми, а не абстрактными категориями, и только путем наказания отдельных лиц, совершающих такие преступления, могут быть соблюдены установления международного права».

Ответственность индивида в связи с совершением международных преступлений. Ответственность индивида в связи с совершением международных преступлений, сопряженных с грубыми и массовыми нарушениями прав человека, неоднократно реализовывалась на практике, начиная с Нюрнбергского и Токийского военных трибуналов над главными военными преступниками. Однако такой подход не должен преуменьшать значения национальных средств борьбы с международными преступлениями. Международно-правовыми актами, на основе которых учреждались органы международной уголовной юстиции, предусматривается недопустимость преследования физических лиц за международное преступление, если в их отношении осуществляется уголовное преследование или они были судимы за аналогичные деяния национальными судами государств. Исключения составляют случаи, когда судебное разбирательство проводилось с целью ограждения соответствующих лиц от международной уголовной ответственности или при наличии иных причин, препятствующих свершению над ними правосудия. Таким образом, цель деятельности международных судебных органов состоит не в подмене национальных судебных учреждений, а их дополнении. Это положение отражено в Статуте Международного уголовного суда, согласно ст. 1 которого Суд дополняет национальные системы уголовного правосудия.

Вместе с тем юрисдикция международных органов может иметь приоритет. Например, согласно ст. 8 Устава Международного трибунала по Руанде, Трибунал «имеет приоритет по отношению к юрисдикции национальных судов всех государств. На любом этапе судебного разбирательства Международный трибунал по Руанде может официально просить национальные суды передать ему производство по делу». В таком случае при определении меры наказания Международный уголовный трибунал по Руанде должен был принимать «во внимание степень отбытия любого наказания, определенного национальным судом для этого же лица за совершение того же деяния» (п. 3 ст. 9 Устава).

Основанием юрисдикции международных органов, осуществляющих преследование за совершение международных преступлений, может быть соглашение с государством, на территории которого подобные деяния имели место, либо гражданином которого является лицо, обвиняемое в совершении преступления. В силу п. 1 ст. 12 Статута Международного уголовного суда юрисдикцию

Суда признают все государства, ставшие участниками Статута. Однако в прошлом практическая реализация ответственности за международные преступления происходила в основном в отсутствие такого признания. Таким образом были учреждены Нюрнбергский и Токийский международные военные трибуналы. На основании решения Совета Безопасности ООН был учрежден трибунал по бывшей Югославии. Аналогичная возможность, как отмечалось выше, предусмотрена в ст. 13 Статута Международного уголовного суда, при обращении в Суд Совета Безопасности, действующего на основании гл. VII Устава ООН.

На основе вышеизложенного можно утверждать, что в современном международном праве сформировалась отдельная категория императивных международных стандартов по правам человека, которые существуют как общепризнанные, общеобязательные и обладают особенностями, связанными с механизмом реализации и осуществлением международной ответственности за грубые и систематические нарушения прав человека. Прежде всего в эту категорию следует отнести массовые, грубые и систематические нарушения, которые являются результатом апартеида, всех форм расовой дискриминации, колониализма, иностранного господства или оккупации, агрессии или угроз национальному суверенитету, национальному единству или территориальной целостности, а также результатом отказа признать право народов на самоопределение и право каждого народа на осуществление полного суверенитета над своими богатствами и природными ресурсами.

Достоинство личности представляет собой важнейшее достижение, ценность человеческой цивилизации. Формирование достоинства личности прошло различные этапы и в настоящее время достигло наивысшего расцвета, что выразилось в признании человека высшей ценностью со стороны государства и гражданского общества, обязанности личности уважительно относиться к правам и свободам всех членов общества. Если изначально этой привилегией обладали отдельные представители социума, то впоследствии их состав постепенно расширился. На современном этапе кульминационным моментом стало распространение достоинства личности на всех членов общества, приобретающих равные возможности пользоваться общественными благами.

Вторая половина XX ст. ознаменована качественными сдвигами в сфере международных отношений, важнейшим из которых стало признание достоинства личности всеобщим стандартом мирового общения. Это было подтверждено основополагающими актами международного права, в том числе Уставом ООН, Международным биллем по правам человека.

Вместе с тем на международном уровне достоинство личности также идет по пути своеобразной эволюции и сталкивается с немалыми проблемами. Если одни страны находятся в привилегированном положении, обладая большими возможностями и правами, то многие испытывают давление с их стороны, включая и силовое.

Все это можно свести к тому, что одного провозглашения прав человека, выражающих всеобщее признание достоинства личности недостаточно. Необходимы механизмы, которые обеспечат реальное воплощение этих принципов в жизнь. Такие механизмы находятся еще в стадии формирования. И на нынешнем этапе их роль выполняют императивные международные стандарты по правам человека, которые наиболее развиты в содержательном плане и имеют наиболее совершенными механизмами защиты.

Литература

1. Али Хоменеи о Йемене // Иран. – 2015. – № 43.
2. Бомбардировки Югославии (1999) [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki>. – Дата доступа: 24.02.2015.
3. Евменов, Л. Ф. Достоинство и права человека – это не утопия / Л. Ф. Евменов // Наука и инновации. – 2013. – № 2 (120).
4. Евменов, Л. Ф. Достоинство человеческой личности в системе прав человека / Л. Ф. Евменов // Философские исследования: сб. науч. тр. – 2014. – Вып. 1.
5. Евменова, Т. Л. Республика Беларусь: международное и конституционное право прав человека в дискурсе европартнерства / Т. Л. Евменова, Л. Ф. Евменов // Республика Беларусь – Европейский союз: проблемы и перспективы партнерства / А. А. Коваленя [и др.]; под ред. Л. Ф. Евменова; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск: Беларус. навука, 2013. – С. 261.
6. Конец истории и последний человек [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki>. – Дата доступа: 24.02.2015.
7. Международное гуманитарное право: учеб. пособие / сост. В. Ю. Калугин, Л. В. Павлова, И. В. Фисенко. – Минск: Тесей, 1999. – С. 30.
8. Международное публичное право. Общая часть: учеб. пособие / Ю. П. Бровка [и др.]; под ред. Ю. П. Бровки, Ю. А. Лепешкова, Л. В. Павловой. – Минск: Амалфея, 2011. – С. 93.
9. Уляшина, Л. В. Международно-правовые стандарты в области прав человека и их реализация: теория и практика применения / Л. В. Уляшина. – Вильнюс: ЕГУ, 2013. – С. 153.
10. Фукуяма, Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке / Ф. Фукуяма; пер. с англ. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 220 с.
11. Хабермас, Ю. Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека [Электронный ресурс] / Ю. Хабермас. – 2015. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=474&Itemid=52. – Дата доступа: 06.05.2015.
12. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: АСТ, 2003. – 246 с.
13. Цыганков, П. А. Теория международных отношений: учеб. пособие / П. А. Цыганков. – М.: Гардарики, 2006. – 590 с.

**ДОСТОИНСТВО И ПРАВА ЛИЧНОСТИ –
DAS EWIG MENSCHLICH***

**ДОСТОИНСТВО ЛИЧНОСТИ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА**

*О. А. Павловская,
кандидат философских наук, доцент*

Современная социальная реальность, сопряженная с резким обострением внешне- и внутривнутриполитических, межэтнических и межрелигиозных конфликтов, с открытым вооруженным противоборством, гибелью и страданиями людей, настоятельно требует переосмысления проблемы гражданского общества, его сущности и механизмов функционирования и развития.

Известно, что понятие и феномен гражданского общества непосредственно связаны с вступлением человечества на путь демократического развития. Наличие и уровень развития гражданского общества являются показателем процесса демократизации, осуществляемого в том или ином государстве. Так, считается, что в западноевропейских странах существует развитое гражданское общество, сформированное в ходе исторической борьбы населяющих их народов и граждан за свои права и свободы. Другие страны, вступая на путь демократического развития, также сталкиваются с необходимостью формирования гражданского общества, что, естественно, вызывает определенные трудности и сопряжено с обострением социально-политических противоречий.

Проблема формирования гражданского общества особенно актуальна и на постсоветском пространстве, где обретение политического суверенитета и независимости непосредственно связывается с развитием демократии. Для советского общества эта проблема, по существу, не стояла, так как официально было признано существование общенародного государства, что предполагало единство советского народа и государственной власти, хотя на практике постепенно накапливались и периодически обострялись различного рода социально-политические противоречия, что привело в конце концов к распаду существующего государственного строя. Поэтому неслучайно проблема формирования гражданского общества как важного компонента современной социально-политической системы признается практически всеми постсоветскими республиками.

Гражданское общество представляет собой особую форму совместной жизни людей, в рамках которой каждый человек имеет определенный соци-

* Вечно человеческое (нем.).

ально-экономический статус (право частной собственности, финансово-имущественное состояние, социально-профессиональную принадлежность и пр.), обладает совокупностью политических прав и свобод, выступает в качестве суверенного частного лица, имеющего право на личную жизнь, возможности для своего духовно-нравственного развития, что в результате обеспечивает взаимодействие членов общества в реализации их общих интересов, определенный уровень самоорганизации общественной жизни, специфическое морально-психологическое состояние, защиту от внешних и внутренних угроз.

В системе социальных связей и взаимодействий гражданское общество выступает особым субъектом, что выражается как в совместных интересах и действиях граждан, являющихся частными лицами и связывающих свою жизнь с тем или иным государством (страной), так и в деятельности социальных институтов, имеющих в той или иной степени независимость от государственных структур. В современной ситуации к институтам гражданского общества следует отнести семью, учебный и трудовой коллектив, профессиональные союзы, СМИ, церковь, социально-демографические группы, общественные объединения и политические партии, творческих союзы, неформальные группы и др.

Гражданское общество как субъект общественной жизни проявляет себя с двух основных сторон. Во-первых, субъектность гражданского общества направлена прежде всего на то, чтобы сдерживать и не допускать узурпации власти со стороны государства, не позволять утверждаться политическим режимам, основанным на тоталитаризме, абсолютизме и деспотизме. Достижение этого становится возможным при признании права в качестве основного инструмента взаимодействия между государственными и общественными структурами, а также между ними и частными лицами. Построение правового государства является одной из стратегических целей процесса формирования гражданского общества.

Во-вторых, субъектность гражданского общества обусловлена наличием суверенности частных лиц и активизацией их самостоятельной деятельности по ведению своего хозяйства, развитию производства, приносящего необходимый для жизни доход и прибыль, а также стремлением реализовать себя в государственной жизни и участием в различного рода политических акциях. Ведущая роль в регулировании взаимоотношений между частными лицами, а также между ними и государственными, общественными институтами отводится, с одной стороны, законодательно закрепленным правовым нормам, с другой – общественным и внутриличностным моральным механизмам.

Функционирование и развитие гражданского общества в значительной степени зависят от соотношения права и морали как регуляторов социальных взаимоотношений.

Как известно, важнейшее социальное значение морали (нравственности) заключается в выполнении ею регулятивной функции. Она, отражая в различных проявлениях человеческой жизни дихотомию добра и зла, конкретно

раскрываясь в представлениях о достоинстве и его антиподах, об обязанностях и ответственности, о правах и свободах, о любви, уважении и самоуважении, о совести и толерантности, направлена прежде всего на формирование и проявление собственно *человеческого в человеке*. Специфика морали заключается также в том, что она не локализуется в какой-то определенной общественной сфере, она неинституциональна, ее «присутствие» можно обнаружить везде, где находится и действует человек. В человеке она проявляется в его чувствах, ориентациях, взглядах, убеждениях, мотивах, поступках, способствует формированию его личностного отношения к общественным ценностям. Обобщающим результатом усвоения и реализации личностью в своей жизнедеятельности духовных ценностей, принципов и норм и является ее нравственная культура.

Право – один из ведущих способов функционирования и развития социума, представляет собой достаточно строгую систему нормативного регулирования поведения людей и действий различных социальных институтов. Правовые нормы как институциональные регуляторы закреплены в законодательстве и судебных решениях, они предусматривают юридическую ответственность за правонарушения и определенные меры государственного принуждения и наказания. Важнейшим показателем развития правовых отношений является уровень развития правовой культуры, которая представляет собой меру усвоения и реализации гражданами правовых норм, должной организации деятельности системы правосудия, неуклонное соблюдение законности и правопорядка в стране. «Правовая культура опирается на правосознание, однако не сводится к нему, а также к идейно-теоретическим и психологическим элементам правосознания. Она включает в себя юридически значимое поведение субъектов правоотношений. Правовая культура – это не просто то или иное отношение к правовой действительности (правосознание), но прежде всего уважительное отношение к праву» [1, с. 88–89]. Необходимо подчеркнуть, что выделение «уважительного отношения к праву» в качестве одного из существенных атрибутов правовой культуры определенным образом может указывать на теснейшую связь права с моральным сознанием субъекта.

Мораль и право, представляя собой определенные разновидности социальных норм, в то же время в своей совокупности составляют целостную систему нормативного регулирования поведения людей, являющуюся по своей природе аксиологическим образованием. Взаимосвязь права и морали как ценностных структур отчетливо просматривается через такие категории, как свобода, справедливость, ответственность, уважение, честь, достоинство личности и др.

Понятие «право» связывают с осознанием и реализацией необходимой для человека и его жизнедеятельности свободы. «Право – это относительно равный и справедливый масштаб (мера) свободы, диктуемый развитием цивилизации» [1, с. 54]. Право призвано обеспечить свободу как необходимое условие для формирования личности, ее реализации и самореализации в социальной

практике. Свободу отдельного человека не следует трактовать как вседозволенность. Речь идет о той возможности и необходимости свободы в определенной социальной общности, которая предопределена целым рядом факторов социально-экономического, политического и духовно-культурного характера и которая представляет для индивида состояние самостоятельного выбора своих действий в соответствии и согласовании с интересами и правами других людей. Понятие «свобода» теснейшим образом связана с категорией ответственности, что находит отражение в определении права: «Право – это не только равный и относительно справедливый масштаб свободы, но и ответственность за осуществленный свободный выбор поступка» [1, с. 55]. Выбор поступка является прерогативой личности как субъекта деятельности, а следовательно, в значительной мере зависит от уровня ее духовного развития, от осознания и проявления в ней самой собственно человеческой природы или, другими словами, ее человеческого достоинства. Эти моральные основания являются необходимым условием для реализации правовой свободы.

Понятие свободы в современном праве согласуется с принципом дозволенности, который гласит: дозволено все, что не запрещено. Однако простым перечислением прав, заключенных в юридических документах, не может быть гарантирована свобода человека. Ее последовательная реализация становится возможной лишь при теснейшем согласовании сферы права со сферой нравственных ценностей. Об этом весьма убедительно свидетельствует положение, зафиксированное во Всеобщей декларации прав человека: «При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе» [2].

Гражданское общество представляет собой своеобразное социальное пространство, открывающее широкие возможности для личностного развития человека. Человек по своей природе является уникальным существом, обладающим мощнейшими внутренними резервами, о наличии которых он сам до поры до времени может и не подозревать, но именно они являются тем жизненно необходимым источником, который дает физические силы и духовную энергию для его земного бытия. Чрезвычайно важно как для духовного становления самого человека, так и для перспективного развития общества раскрыть этот внутренний источник, направить в созидательное русло, а не дать ему возможность стать почвой для саморазрушения личности, дестабилизации социальных отношений.

Духовно-нравственный потенциал личности реально проявляется прежде всего в таком феномене, как «достоинство человеческого в нас» (согласно Канту), которое «как некая абсолютная внутренняя ценность» приводит в движение весь комплекс личностных качеств человека, притягивает к себе внимание

других людей и порождает у них чувство уважения к нему. Человек «не должен отречься от высокой моральной оценки самого себя, имея в виду это достоинство, т. е. он должен добиваться своей цели, которая сама по себе есть долг, не раболепно, *не холопски*, как если бы он добивался милости, не отречься от своего достоинства, а всегда [добиваться своей цели] с сознанием возвышенности своих моральных задатков» [3, с. 458].

Исторически возникновение гражданского общества было связано прежде всего с проявлением социально-исторической закономерности, экономически и политически обусловившей обособление и выделение индивида в качестве частного лица из жестких сословных структур, закрепощенных оков средневекового общества.

Зарождающиеся и постепенно набирающие силу тенденции индустриальной глобализации требовали разрыва замкнутого пространства средневекового мира, кардинального преобразования ментальных структур и традиционного жизненного уклада. Так, для средневекового человека было неведомо представление о личной свободе. Свобода ассоциировалась у него прежде всего с принадлежностью к тому или иному социальному слою. «Она могла реализоваться только в состоянии зависимости, где высший гарантировал низшему уважение его прав. Свободный человек – это тот, у кого могущественный покровитель» [4, с. 262].

Представление о достоинстве человека четко было увязано с его положением в высших элитных слоях общества. Проблема же личного достоинства человека как самостоятельной ценности имела весьма узкий горизонт применения. Моральная регуляция в традиционном обществе носила достаточно жесткий нормативный характер, всецело была подчинена господствующим в обществе религиозно-конфессиональным отношениям. «Спасение может быть достигнуто лишь в группе и через группу, а самолюбие есть грех и погибель. Средневековый индивид был опутан сетью обязательств и солидарностей, вступавших в конечном счете в противоречие друг с другом» [4, с. 261]. Система сословно-групповых регулятивных практик уже не могла устоять под натиском все более разворачивающегося в масштабах общества нового промышленного производства.

Вступление в индустриальную эпоху непосредственно было сопряжено с кардинальными преобразованиями социально-мировоззренческого характера. В *социальном* плане открывались реальные возможности для самоутверждения и самореализации человека в различных видах деятельности, формах общественных связей, в *мировоззренческом* – четко был поставлен вопрос о соотношении духовной (религиозно-церковной) и светской власти над умами и чувствами людей (массовым сознанием), что создавало предпосылки для эмансипации человеческого духа.

Последствия этих социально-мировоззренческих преобразований были чрезвычайно масштабны. Это и оживление, расширение материального производства, осуществление промышленной, научно-технической революций;

и активизация процесса познания мира, роли в нем человеческого разума, создание различных областей научного знания, эволюция материалистической и идеалистической философии; и социальные революции, народные формы протеста, государственные перевороты, процессы реформирования различных сфер общественной жизни (крестьянские восстания, забастовки рабочих, политические акции протеста, социальные революции в Англии, Франции, России и других странах, национально-освободительное движение и т. д.).

Однако следует заметить, что хотя с вступлением на путь индустриально-го развития обозначилась и стала постепенно набирать силу тенденция индивидуально-личностного развития человека в качестве одной из социальных движущих сил, все же в целом в системе общественного сознания еще весьма сильны были традиционные консервативные тенденции, препятствующие проявлению личностного начала в массовом масштабе. Это неминуемо сказалось на идейно-политическом обеспечении процесса капитализации, обязательной составляющей которого должны были стать принятие и реализация основных демократических прав и свобод личности.

Основные функции в этом направлении вынуждено было взять на себя государство как субъект политической и правовой жизни, хотя и ему самому пришлось в это время освобождаться от отжившей монархической формы правления и переходить на республиканскую, внедрять новые, демократические методы и средства воздействия. В ходе становления капиталистических отношений необходимым условием было то, что человеческая (личностная) эмансипация должна была одновременно сопровождаться государственной (политической) эмансипацией. Государство республиканской формы брало на себя посредническую функцию в утверждении и реализации демократических прав и свобод личности. «Человек, – пишет К. Маркс, – освобождается от какого-либо ограничения через *посредство государства*, освобождается *политически*, когда, в противоречии с самим собой, он возвышается над этим ограничением, *абстрактным* и *ограниченным*, частичным образом. Далее следует, что человек, освобождаясь *политически*, достигает свободы *окольным путем*, через *посредствующее* – хотя и *необходимое* – звено» [5, т. 1, с. 389]. Следовательно, государство, законодательно закрепляя демократические права и свободы, должно было создавать реальные условия для того, чтобы каждый человек мог быть свободен в своем жизненном выборе. Собственно говоря, история Нового времени может служить наглядным подтверждением, с одной стороны, юридического признания различными государствами права, основанного на демократических принципах и нормах, с другой – противоречивости и драматизма в ходе их практического освоения.

Если правовая сторона регулирования общественных отношений в условиях индустриального общества, т. е. признание и официальное принятие демократических прав и свобод, получила в конце концов приоритет в политической системе, то намного сложнее обстояли дела с моральной регуляцией, нацеленной на утверждение индивидуально-личностного на-

чала в человеческой жизни, и, соответственно, с проблемой проявления достоинства личности.

С течением времени по мере упрочения экономических позиций капиталистического строя индивидуально-личностный потенциал человека все больше попадал под власть частной собственности. Для буржуазного сознания стало характерным то, что «собственность, индивидуальность и личность – тождественны, что в «Я» уже заключено «Мое», что природа наделила человека неизбежной и неотчуждаемой собственностью, собственностью на свою индивидуальность» [5, т. 2, с. 204]. Стимулируя развитие частнособственнических отношений, индивидуально-личностный потенциал человека все больше стал попадать в зависимость от них, вплоть до того, что моральные качества личности становились предметом купли-продажи. «При господстве буржуазии индивиды представляются более свободными, чем они были прежде, ибо их жизненные условия случайны для них; в действительности же они, конечно, менее свободны, ибо более подчинены вещественной силе» [5, т. 2, с. 62]. Это, конечно же, сказывается на выборе индивидом своей жизненной позиции, свобода которой в большей мере зависит от его социального и имущественного положения, в какой-то мере от интеллектуальных и творческих устремлений и в значительно меньшей мере – от моральных ориентаций.

Следует признать, что несомненной исторической заслугой либерализма как идеологической основы буржуазного общества является выделение индивида как самостоятельной силы в системе общественных отношений, ратование за создание благоприятных условий для раскрытия и свободной конкуренции индивидуальных способностей и возможностей, отстаивание идеи прав человека как важнейшей демократической ценности. Но в то же время недооценка, игнорирование нравственных идеалов и императивов как важнейших регуляторов индивидуального сознания и поведения позволили в системе отношений «свободного» общества проявиться индивидуализму в различных своих негативных формах.

Формирование гражданского общества является жизненно необходимым и закономерным процессом, что отмечали в свое время классики философской мысли, особо выделяя в качестве важнейшего условия его осуществления развитие духовно-нравственной природы человека.

Ж.-Ж. Руссо, разрабатывая теорию общественного договора, ратует за то, чтобы «найти такую форму ассоциации, которая защищала бы и охраняла совокупной общей силой личность и имущество каждого участника и в которой каждый, соединяясь со всеми, повиновался бы, однако, только самому себе и оставался бы таким же свободным, каким он был раньше» [6, с. 12]. Образование такой ассоциации имеет большое значение с общественной точки зрения: «немедленно создает моральное и коллективное целое, которое получает свое единство, свое общее я, жизнь и волю» [6, с. 13]. В этих условиях личность ощущает свою сопричастность к деятельности общества, свою защищенность от внешних неблагоприятных воздействий, осознает и называет

себя гражданином. В индивидуальном плане такое гражданское состояние также чрезвычайно значимо: «Благодаря общественному договору человек теряет свою естественную свободу и неограниченное право на все, что его прельщает и чем он может овладеть; выигрывает же он гражданскую свободу и право собственности на все, чем он владеет» [6, с. 17]. Руссо отмечает, что наряду с общественно признанными и законодательно закрепленными экономическими и политическим правами и свободами человек в гражданском обществе получает и моральную свободу, «которая одна лишь делает человека господином над самим собой; потому что импульс одного только влечения равносителен рабству, а повиновение закону, предписанному самому себе, равносильно свободе» [6, с. 17].

В философии И. Канта достижение особого гражданского состояния, соответствующего объективному ходу общественного развития, непосредственно связано в экономическом плане с «все более решительным упразднением ограничения личности в ее деятельности», в духовном плане – с «все большим расширением всеобщей свободы вероисповедания» [7, с. 20]. Последнее, в свою очередь, предоставляет человеку реальные возможности ощутить и проявить силу своих рациональных способностей, постепенно освобождаясь от различного рода заблуждений, предрассудков, иллюзий. Такая позиция позволяет оценить «как великое благо» *просвещение*, в ходе которого человек обретает «способность пользоваться собственным умом», получает реальные возможности для своего самостоятельного духовного развития, что, по словам Канта, способствует переходу человека от состояния несовершеннолетия к совершеннолетию своего духа. При этом Кант особо подчеркивает теснейшую связь развития рациональных способностей человека с совершенствованием его нравственной природы: вместе с просвещением появляется «и некая неизбежно возникающая душевная заинтересованность просвещенного человека в добром, которое он постигает полностью» [7, с. 20].

Проблема гражданского общества нашла достойное отражение в гегелевской философии права. Применяемый Г. В. Ф. Гегелем диалектический метод весьма убедительно демонстрирует на понятийном уровне движение и преобразование идеи права от абстрактного к конкретному. Основные стадии этого движения: 1) абстрактное право; 2) моральность; 3) нравственность. Структурные и функциональные характеристики каждого из них, а также особенности их последовательного перехода в определенной мере могут рассматриваться как составные компоненты и механизмы системы социальной регуляции.

Первая ступень – абстрактное право – это формальное право, в основе которого лежит свобода отдельного человека (лица, личности), но эта свобода представлена исключительно на понятийно-абстрактном уровне. На этом уровне в качестве ведущего абстрактного регулятива признается принцип: «*Будь лицом и уважай других в качестве лиц*» [8, с. 98]. Но это содержит в себе лишь *возможность* всех последующих, более конкретных, определений права и свободы. Отдельные из них делают акцент на том, что права человека –

это притязания к самому себе и другому и долженствования себе самому и другому...

Вторая ступень – моральность, на которой личность как абстрактное понятие преобразуется в новую форму – лицо как субъект. «Поскольку человек хочет, чтобы о нем судили по его самоопределению, он в этом отношении свободен, как бы не сложились внешние определения. В это внутреннее убеждение человека нельзя вторгаться; его нельзя подвергать насилию, и поэтому моральная воля недоступна. Ценность человека определяется его внутренним побуждением, и тем самым точка зрения моральности есть для себя сущая свобода» [8, с. 154–155]. На уровне самосознания субъект открывает и познает для себя различные нравственные ценности: добро, долг, благо, счастье, поступок и др.

На третьей ступени – нравственности – предыдущие ступени (абстрактно-правовая и моральная свободы) объективируются в реальном мире. Во всех его сферах должны и могут, по мнению Гегеля, органично соединяться абстрактные правовые нормы и субъективированные моральные ценности, создавая целостное и гармоничное существование человеческой духовности. «Правовое и моральное не могут существовать для себя, они должны иметь своим носителем и своей основой нравственное, ибо праву недостает момента субъективности, который моральность имеет только для себя, и, таким образом, оба момента для себя не обладают действительностью» [8, с. 199]. Соединяясь же вместе в единое целое внутри человека, они преобразуются в действительную духовную силу – «нравственность есть единство воли в ее понятии и воли единичного, т. е. субъекта» [8, с. 95].

Зародившись и развиваясь внутри человека, по мнению Гегеля, эта новая духовная сила – нравственность – реально проявляется: 1) в семье как субстанциональной основе, «природном наличном бытии в форме любви и чувства»; 2) в гражданском обществе, где «семья распадается, и ее члены относятся друг к другу как самостоятельные лица, объединенные лишь узами потребности друг в друге»; 3) в государстве, где «происходит необычайное объединение самостоятельности индивидуальности и всеобщей субстанциональности» [8, с. 95].

Семья, гражданское общество, государство в единстве представляют собой трехъярусную *систему нравственных отношений*. На уровне семьи как непосредственной субстанциональной основы для продолжения человеческого рода нравственность проявляется в чувстве любви между мужем и женой, родителями и детьми, бережном отношении к семейной собственности, заботе и воспитании детей и т. п. На уровне гражданского общества, где происходит соединение людей, в основе которого лежат не природные узы, а определенные социально-групповые интересы, и каждый представитель этой общности уже является «особенным лицом» (личностью), получают возможность реализоваться такие нравственные ценности, как равенство, трудолюбие, добропорядочность, сословная честь, добросовестность и др. На уровне государ-

ства как высшей стадии диалектического духовного восхождения все предшествующие этапы и, соответственно, их нравственное содержание сливаются в единое целое, поэтому и само государство – «не механизм, а разумная жизнь самосознающей свободы, система нравственного мира» [8, с. 300], «самосознательное развертывание в праве, в свободной нравственности и органическом развитии, которое только и достойно духа» [8, с. 304]. Концентрированным выражением нравственного отношения человека к государству является *патриотизм*, представляющий собой «умонастроение, которое в обычном состоянии и обычных жизненных условиях привыкло знать государство как субстанциональную основу и цель. Это сознание, сохраняющееся в обычной жизни и при всех обстоятельствах, и есть то, что становится основой для готовности к чрезвычайному напряжению» [8, с. 292], выражаясь особенно четко категориями обязанность, долг, ответственность.

Гегель, специально выделяя стадию гражданского общества в диалектическом развитии нравственности, особое внимание уделяет проблеме образования личности как одного из главных условий ее духовного освобождения и, соответственно, своего достойного проявления в структурах гражданского общества. «Это освобождение есть в субъекте *тяжелый труд*, направленный на преодоление голый субъективности поведения, непосредственности вожделения, а также субъективной суетности чувства и произвола желаний» [8, с. 232]. В гражданском обществе человек как частное лицо получает возможность проявлять свою особенность, но в то же время, оказываясь в состоянии взаимодействовать с другими людьми, также выступающими в качестве частных лиц, попадает в создаваемое разумом поле всеобщности, которое благотворным образом воздействует на него самого, сдерживая проявление его стихийных вожделений и необузданных страстей. «Образованными можно в первую очередь считать тех людей, которые способны делать все то, что делают другие, не подчеркивая свою частность, тогда как у людей необразованных бросается в глаза именно эта частность, поскольку их поведение не следует всеобщим свойствам вещей. В своих отношениях с другими людьми необразованный человек легко может их обидеть, так как он действует по своему побуждению, не предаваясь рефлексированию о чувствах других» [8, с. 233]. В диалектике гражданского общества Гегель особо выделяет и проблему общечеловеческой сущности человека как важнейшего условия совместной жизни граждан. «Образованию, *мышлению* как сознанию единичного в форме всеобщего, свойственно понимать Я как *всеобщее* лицо, в котором все тождественны. *Значение человека в том, что он человек*, а не в том, что он еврей, католик, протестант, немец, итальянец и т. д.» [8, с. 246]. Само гражданское общество, по мнению Гегеля, должно стать для индивида своеобразной «*всеобщей семьей*», а сам индивид становится «*сыном гражданского общества*», что направлено на укрепление их духовной взаимосвязи [8, с. 268–269].

В современном обществе значительно возрастает напряженность, конфликтность в системе социальных отношений. В условиях глобализации угроз

и вызовов жизнь современного человека, сталкиваясь часто с нравственными антиподами, подвержена практически постоянным опасностям и рискам, сопряжена со всевозможными стрессами, переживаниями, потерями. Подчас складывается ситуация, когда человек оказывается один на один с критическими жизненными проблемами, остро ощущает состояние растерянности, безысходности, одиночества, что может вызвать у него проявление агрессивности, враждебности, насилия. В условиях социальной нестабильности заметно обостряются отношения между людьми на основе социально-имущественного расслоения, различной национальной и конфессиональной принадлежности, что требует от других людей тщательно продуманных акций милосердия. Это не может не сказаться и на формировании в целом гражданского общества. Поэтому чрезвычайно актуальной становится сегодня проблема налаживания отношений между субъектами гражданской жизни на основе позиции диалога с другим и другими.

Для современного этапа социального развития характерным является состояние транзитивности, обусловленное, с одной стороны, сохранением и упрочением тенденций и противоречий индустриальной стадии исторического процесса, с другой – необходимостью перехода на новый уровень развития – информационный (постиндустриальный).

Вступление общества на индустриальный путь развития и происходящие в связи с этим изменения в практической жизни людей обусловили проявление многочисленных морально-психологических состояний, выходящих за традиционные и привычные нормы поведения. В государственной политике на индустриальном этапе имеют место несколько основных направлений, которые позволяют в определенной мере нивелировать стихийный, непредсказуемый характер проявления морали и усиливать ее позитивное воздействие на социальную жизнь. Во-первых, большое значение стала приобретать проблема введения принципа свободы совести, ставшего впоследствии обязательным атрибутом буржуазно-демократического образа жизни, что обусловило, в свою очередь, процесс постепенного освобождения морали как феномена социальной жизни от религиозной оболочки. Во-вторых, это увеличение морального содержания в структурах правового регулирования общественной и индивидуальной жизни (персональная ответственность, честь и достоинство личности, уважение ее прав, возмещение морального ущерба и т. п.). В-третьих, последовательное проведение в жизнь принципа светского образования (т. е. свободного от различного рода религиозной догматики и культовой практики), в рамках которого осуществляется нравственное воспитание личности. В условиях развития индустриального общества, несмотря на возникающие в ходе этого процесса противоречия, появляются реальные возможности для последовательного сочетания правового и морального регулирования, утверждения светского характера образования и нравственного воспитания, эмансипации личности и осуществления ею своих прав и свобод, своего морального выбора. И именно этот потенциал может и должен служить

базой для последовательного перехода на новый уровень социально-исторического развития – постиндустриальный.

Сегодня переход к постиндустриальному (информационному) обществу непосредственно связывается с инновационным, прогрессивным путем социального развития. Эффективность и интенсивность производства в постиндустриальном обществе сопряжены с повышением уровня качества деятельности людей, достижение которого зависит как от их профессиональной компетенции, так и от личностного отношения человека к другому человеку и процессу творческой деятельности, ее результатам, общественному признанию своего личного участия в ней. Перенесение акцента на личностное развитие человека значительно актуализирует проблемы духовно-нравственного характера. В этом отчетливо проявляется инновационный потенциал морали как социокультурного феномена. Право же как регулятор социальных отношений в этих условиях, формально предоставляя равные условия для всех и для каждого, становится гарантом социальной стабильности и национальной безопасности.

Формирование гражданского общества осуществляется в тесной взаимосвязи с построением правового государства, что позволяет в должной мере обеспечить верховенство закона, равенство всех граждан перед законом и независимым судом, признавать и гарантировать права и свободы человека, осуществлять принцип разделения властей. Сложность и масштабность социально-экономических и социокультурных преобразований, связанных со вступлением на путь информационного развития, предполагает активизацию и повышение эффективности деятельности государства как основного субъекта управления и организации, ведущего актора международной деятельности. Однако успешное решение перспективных задач не умаляет функций государства по преодолению различного рода асоциальных и деструктивных явлений, сдерживающих поступательное движение и развитие социума. И в первом, и во втором предназначении государства отчетливо выделяется проблема усиления его роли в качестве института правового регулирования общественной жизни и координатора социально-нравственных отношений.

Отличительной особенностью информационного развития социума является повышение роли самого человека как ведущей производительной силы, как субъекта творческой, творческой, креативной деятельности, свободного и ответственного в своих решениях и действиях. Это реально осуществляется через раскрытие его личностной природы: потребностей и интересов, эмоционально-чувственных переживаний, знаний, представлений и убеждений, волевых усилий, ценностных ориентаций и мотивов поведения, черт характера и моральных качеств. Во всем этом многообразии формируется и проявляется персонализированное ценностное «ядро», в чем и выражается уникальность, неповторимость человеческой личности.

Квинтэссенцией личностной природы человека следует считать такую нравственную ценность, как *собственное человеческое достоинство*, в котором

выражается осознание и творческое развитие индивидом своей особой духовной силы, своего неповторимого «Я». Именно чувство собственного человеческого достоинства дает личности внутренние силы преодолевать трудности бытия, возвышаться над повседневностью, не сгибаться под тяжестью кризисной реальности и в меру своих возможностей оказывать свое воздействие на ход общественной жизни. На базе развивающегося чувства собственного достоинства личности кардинальным образом изменяются в позитивном плане и межличностные отношения, в которых основополагающую регулирующую роль начинает играть такая нравственная ценность, как уважение. Об этой зависимости между достоинством личности и уважением между людьми говорил еще И. Кант: «Человек, рассматриваемый как *лицо*, т. е. как субъект морального практического разума выше всякой цены, ведь как такового его должно ценить не просто как средство для целей других, да и своих собственных целей, но как цель самое по себе, т. е. он обладает некоторым *достоинством* (некоей абсолютной внутренней ценностью), благодаря которому он заставляет все другие разумные существа на свете *уважать* его, может сравнивать себя с каждым другим представителем этого рода и давать оценку на основе равенства. Человечество в его лице есть объект уважения, которого он может требовать от каждого человека, но которого он и себя не должен лишать» [3, с. 457]. Уважение, самоуважение, любовь, по Канту, – великие нравственные силы.

Важнейшее значение для функционирования и развития современного социума имеет проблема формирования человека как *достойного* гражданина, патриота своей Родины, для которого характерны развитое чувство долга, ответственности, любовь к родной земле, уважение и сохранение национально-культурных традиций. Звание гражданина является не только почетным, но и ответственным, в нем наиболее полно проявляется сопричастность человека к жизнедеятельности своего государства, истории и культуре своего народа. В звании гражданина органично взаимосвязаны между собой правовые и моральные компоненты. В связи с этим уместно снова вспомнить И. Канта, который, выводя понятие «гражданин», весьма определенно наряду с правовыми атрибутами называет и моральные: «*свобода* каждого», «гражданское *равенство*», «гражданская *самостоятельность*». В государстве, по утверждению Канта, «быть гражданином – этому удовлетворяют не все с равным правом» [3, с. 356]. Он различает граждан активных и пассивных, хотя тут же замечает, что «понятие *пассивный гражданин* кажется противоречащим дефиниции понятия *гражданин* вообще». Активный гражданин или гражданин по своему определению должен обладать атрибутом «гражданской самостоятельности – быть обязанным своим существованием и содержанием не произволу кого-то другого в составе народа, а своим собственным правам и силам как член общности», а это напрямую связано с уровнем его морального развития [3, с. 355]. Вполне определенно просматривается следующая зависимость: чем чаще человек будет проявлять себя как моральное существо, тем больше он будет рас-

крывать свои личностные качества в роли достойного гражданина своей страны. Развитое гражданское сознание человека является не только результатом правового и идейно-политического воспитания, но и основой и способом его нравственной деятельности, направленной на благо общества и государства.

Таким образом, в формировании современного гражданского общества мораль и право, призванные выполнять свою основную функцию – регулируемую, непосредственно выходят на личностный уровень, на котором человек способен осознанно и по своей воле принимать решения и нести за них персональную ответственность. Следует подчеркнуть, что акцент переносится именно на личностное сознание субъекта, а не как ранее – на массовое. В связи с этим особую значимость приобретает проблема формирования нравственно-правовой культуры личности. Она выступает в качестве особого способа духовно-практического освоения мира человеком, органично включающего в себя как общечеловеческую, гуманистическую природу нравственных ценностей, так и формальную определенность, четкость и упорядоченность правочеловеческих отношений.

Личность, обладающая чувством собственного человеческого достоинства и активной гражданско-правовой позицией, стремящаяся к своему самосовершенствованию, последовательно обретающая в процессе своей жизнедеятельности духовно-нравственную гражданскую зрелость, является благотворным источником развития межличностных, социально-групповых, общественных отношений. На уровне гражданского общества такая личность способна привести в движение важный механизм обратной связи: от конкретного человека к различным ассоциациям граждан и далее к гражданскому сообществу в целом.

Литература

1. Основы права / под ред. М. И. Абдулаева. – СПб.: Питер, 2004. – 604 с.
2. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.un.org/russian/document/declarat/declhr.htm. – Дата доступа: 15.01.2010.
3. Кант, И. Критика практического разума / И. Кант. – 2-е изд., стер. – СПб.: Наука, 2005. – 528 с.
4. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф. – М.: Изд. гр. «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. – 376 с.
5. Маркс, К. Избр. соч.: в 9 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1987.
6. Руссо, Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права / Ж.-Ж. Руссо. – М., 1938. – 123 с.
7. Кант, И. Соч.: в 6 т. / И. Кант. – М.: Мысль, 1966. – Т. 6.
8. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.

СМЫСЛ ЖИЗНИ КАК ФЕНОМЕН ДОСТОИНСТВА ЧЕЛОВЕКА И ОБЪЕКТ ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

С. П. Онуприенко,
доктор философских наук

Смысл жизни и достоинство человека

Как свидетельствует история цивилизации, с самых первичных стадий антропогенеза наши предки, овладевая навыками обработки почвы, охоты, скотоводства, справляясь с воздействием окружающей среды, накапливали арсенал практических знаний, обеспечивали трансляцию в системе родоплеменных отношений, стремились прививать новым поколениям ценности трудолюбия и креативности. По прошествии многих веков и тысячелетий эти тенденции, выражающие преемственность культуры, нашли воплощение в учебно-воспитательных программах, которые сочетают информационно-креативные аспекты обучения с его духовно-патриотической направленностью, тем самым формируя мировоззренческие устои молодых людей.

Одним из актуальных направлений совершенствования учебно-воспитательной работы является воплощение конструктивных подходов к формированию мировоззрения и деятельностных ориентаций обучаемых в соответствии с нравственными и правовыми условиями достоинства человека.

На рубеже XX–XXI вв. в динамике социальных, природных, техногенных трансформаций современного мира феномен достоинства личности представляет собой исключительно важный фактор общественного развития. Как представляется, практическое обеспечение достоинства состоит прежде всего в разработке действенных способов поддержания и развития физических, духовно-нравственных, интеллектуально-психологических качеств людей. На первый план выдвигаются конструктивные методы формирования комплекса физиолого-психологических установок, ориентаций, интересов детей, подростков, молодых людей, соответствующих системе разумных, жизнеутверждающих ценностей национального и общечеловеческого уровня, которые базируются на лучших образцах, проявлениях достоинства личности.

Одним из основополагающих моментов в раскрытии природы и путей реализации достоинства личности является феномен *смысла жизни* – того, что немислимо без фундаментальных прав человека, реализующихся в процессе становления достоинства. Понимание сущности смысла жизни определяется благоприятными социальными условиями, способствующими формированию и последовательному развитию личности. Эти положения прописаны в Декларации прав ребенка, провозглашенной резолюцией 1386 Генеральной Ассамблеи ООН от 20.11.1959 г. Одним из основных принципов является следующий: «Ребенку законом и другими средствами должна быть обеспечена специальная защита и предоставлены возможности и благоприятные условия,

которые позволяли бы ему развиваться физически, умственно, нравственно, духовно и в социальном отношении здоровым и нормальным путем и в условиях свободы и достоинства» [8, с. 135]. В практическом смысле, т. е. как предмет социального обеспечения и контроля, феномен достоинства базируется на двух важнейших функциях общественной системы в отношении формирующейся личности, проходящей социализацию, – охране и заботе. В Конвенции о правах ребенка четко обозначено: «Ввиду физической и умственной незрелости ребенок нуждается в специальной охране и заботе, включая правовую защиту как до, так и после рождения» [8, с. 137].

Связь между представлениями о достоинстве личности и смысле жизни в практическом ключе обусловлена тем, что в достоинстве помимо нормативного, ценностного имеется и ментальный, психоэмоциональный аспект, который раскрывается через совокупность положительных ощущений, установок, ориентаций личности – тот комплекс восприятий мира и отношений к нему, который, как правило, и артикулируется как смысложизненная основа личностного бытия. И наоборот: перспективы осмысления и практической реализации жизненных позиций людей опять-таки определяются активной гражданской позицией, в основе которой – достоинство человека. Содержательное наполнение смысла жизни обусловлено системой психолого-физиологических, духовно-интеллектуальных и других качеств, принципов, характеризующих структурно-функциональные параметры, определяющие круг свойств, отношений, именуемых достоинством человека.

В «Большой советской энциклопедии» смысл жизни определяется как «идеальное содержание, идея, конечная цель (ценность) жизненной деятельности». По мнению российского ученого Т. Н. Березиной, размышление о смысле жизни является необходимым по двум причинам [1, с. 105–116]. Во-первых, смысл дает человеку силы созидать, творить что-то нужное, полезное, ибо креативность – это один из главных императивов достоинства человека. Можно утверждать, что смысл жизни и достоинство представляют собой «энергетический источник» человеческой деятельности. Чем больше человек находит смысла своему существованию, тем интереснее его жизнь, наполненная творческими поисками, открытиями, узнаванием и деланием чего-то нового, важного. И напротив, отсутствие жизненного смысла влечет выход на первый план животных мотивов и инстинктов, способно привести к саморазрушению, самоотрицанию личности, самоубийству. Во-вторых, смысл выступает оправданием прожитой жизни, основой нравственно-деятельностной самооценки. Несовпадение реального жизненного пути с его «идеальным» образом отбирает силы, ломает волю, размывает надежды, тогда как обратное – наполняет прожитую жизнь положительными идеями, эмоциями, очерчивает перспективы успешного будущего.

Образовательные и семейно-воспитательные аспекты становления смысла жизни

Среди образовательно-педагогических мер, направленных на формирование смысла жизни детей и молодежи, на выявление смыслоопределяющих концептов, которыми руководствуется юный человек, первенство, на наш взгляд, принадлежит доверительной беседе, раскрывающей мотивы сомнения, тревоги, страха, неуверенности в сознании подростка, дающей возможность совместного поиска путей выхода из безвыходных на первый взгляд ситуаций. Доверительная беседа, затрагивающая вопросы о достоинстве и достоинствах человека, не должна быть сложной, абстрактной, агрессивной. Каждое высказывание в ней должно подтверждаться примерами из жизни, материалом собственного опыта, выраженными в доступной форме научными и философскими обобщениями.

В частности, в беседе необходимо сообщить о разных критериях толкования жизненных смыслов человека. Нередко их разделяют на три группы: витальные, социальные, идеальные. В общении с молодыми людьми целесообразно учитывать особенности каждой из групп, подчеркнув их социальную необходимость, корреляцию с возрастными психолого-физиологическими особенностями человека.

Далеко не все смыслы продиктованы высшими, прогрессивными целями и ориентациями. Например, витальные смыслы включают действенные ориентации на жизнь ради жизни («выживания»), что характеризует инстинктивно-самосохраняющие качества в обстановке тревоги, страха, постоянной жизненной угрозы. К той же группе следует отнести жизнь ради удовольствия, ориентированную главным образом на вкусную еду и питье. Весьма убедительно по этому поводу звучит предостережение И. Канта: «Скотская неумеренность в пище есть злоупотребление средствами удовольствия, из-за чего уменьшается или истощается способность их интеллектуального применения. Пьянство и обжорство – пороки, которые подходят под эту рубрику. Человека, находящегося в пьяном состоянии, следует рассматривать как животное, а не как человека. ...Что доходить до такого состояния означает нарушение долга перед самим собой, – это очевидно» [4, с. 364–365]. Жизнь ради приятного времяпровождения ориентирует человека, во-первых, на постоянный поиск развлечений, получение успеха, веселья, удовлетворенности; во-вторых, активизирует инстинкт экономии человеческих сил. Подобное же понимание применимо и к интерпретации смысла жизни, связанной с актуализацией половых потребностей, эмоционально-психологических возбуждений и соответствующего типа поведения. И. Кант метко подмечает: «Половое влечение называется также любовью (в самом узком смысле слова) и в действительности есть величайшее чувственное наслаждение каким-либо предметом; не просто чувственное наслаждение предметами, наслаждение, получаемое от пользования другим лицом и относящееся, таким образом, к способности

желания и притом к высшей ее ступени – страсти. Но его нельзя причислять ни к любви удовольствия, ни к любви благоволения (так как они, скорее, удерживают человека от плотского наслаждения): оно есть наслаждение особого рода (*sui generis*), и пылкость не имеет, собственно, ничего общего с моральной любовью...» [4, с. 364].

В противоположность этому жизнь ради заботы и защиты детей, ради укрепления семейного очага (комфортных бытовых условий жизни), реализации социально-групповых целей, выстраивания дружбы, карьеры, профессионального мастерства – все это различные варианты социальной мотивации смысла жизни, которые не столько ориентируют на реализацию витальных инстинктов, сколько обеспечивают более широкие возможности социального развития. В свою очередь, над социальными смыслами возвышаются идеальные жизненные смыслы, например жизнь ради познания, творчества, самосовершенствования, борьбы за свободу [2, с. 53–60]. Они формируются неизоллированно от витальных и социальных смыслов, но вместе с тем способствуют всестороннему развитию наиболее творческих качеств личности, активизирующих ее интеллектуальный и нравственный потенциал. Очевидно: витальные, социальные смыслы дают человеку определенную установку на последовательное совершенствование гаммы физических, социальных качеств, навыков, но не могут сориентировать на возвышенные духовные качества, где требуются иные подходы.

На наш взгляд, любая форма доверительного общения старших с младшими – беседа, игра, совет и др. – необходимое условие поиска, апробации такой среды понимания, в которой особенно нуждаются молодые люди. При этом не раз высказывалось мнение, что значительная часть нынешних педагогов, а также родителей не готовы, а главное, не осознают необходимость подобного общения, чаще всего перекладывая эти функции на плечи специалистов.

Анализ педагогического опыта [9, с. 42–45] – от классического (П. П. Блонский, А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинский, Н. К. Крупская) до новаторского (Ш. А. Амонашвили, Б. Н. Ильин) – убеждает в том, что при всем различии применяемых педагогами средств обучения и воспитания неизменными, общими для них являются следующие психолого-интеллектуальные ориентации, определяющие характер достоинства личности юного человека:

- гуманное отношение к учащимся;
- убежденность в достоинстве и значимости личности каждого из них;
- признание права быть таковой;
- стремление к творческому сотрудничеству с учащимися;
- учет, оценка, поощрение личностного «вклада» педагога в каждое из юных дарований;

- диалогизм – умение слушать, интересоваться мнением учащегося, знать его потребности, интересы, излагать учебный материал как ответ на возникающие у него вопросы, «идти не с предметом к ученику, а с учеником к предмету» (Б. Н. Ильин); умение организовать межличностное взаимодействие на началах равноправия, взаимного уважения, доверия, взаимопонимания;

устойчивая личностная позиция преподавателя, его способность к творческому самовыражению, которая позволяет предстать не в качестве бездумного исполнителя обязанностей (функционера), а как личность, имеющая свою индивидуальную, устойчивую, профессионально-ориентированную педагогическую и гражданскую позицию, открытую в выражении чувств, эмоций.

Опыт работы автора в системе школьного образования Беларуси на протяжении последних пяти лет свидетельствует о том, что педагоги белорусской школы не вполне адаптированы к тенденциям социальных трансформаций с точки зрения осознания критериев достоинства юных граждан страны. Ставка на учащихся, которые повседневно работают над материалом учебной программы с родителями, родственниками, репетиторами, не способствует ориентации на творческий процесс в стенах самого учебного заведения, деформирует представление об учителе как носителе образцовых установок, духовного идеала старшего поколения. Недопонимание, недоверие, а значит, недообращение формируют у ряда подростков устойчиво негативное отношение к школе, разрушают психологический климат учебного коллектива, результатом чего становится общее нежелание учиться, низкий темп усвоения знаний, стремление вырваться из круга проблем, приводящее к первым эмоциональным срывам, возникновению зависимого поведения, суицидальных настроений.

В результате исследования, проведенного среди учащихся 5–10 классов одной из школ г. Минска, выявлено, что среди вариантов действий, направленных на предостережение от социальных бед, формирование установки на осознание смысла жизни, со значительным отрывом лидирует «доверительный разговор со взрослым (один на один), где можно сказать все, что думаешь честно, открыто». Он существенно опережает такие виды работы, как «деловая игра», «беседа со священником» и др. В этом контексте задача взрослых – правильно поставить перед детьми и молодыми людьми вопросы и подобрать аргументированные ответы в соответствии с их психолого-физиологическими особенностями (подробнее см. [7, с. 54–62]).

Познание сущности морально-психологических установок детей, подростков и юношей не может быть целостным вне осмысления глубинных связей человеческой личности с внешним, природным окружением. Неслучайно основатель кибернетики Н. Винер в свое время отмечал, что общественная система не только является организованным целым, подобно индивидууму, но и скрепляется в целое системой связи, обладая динамикой, в которой круговые процессы обратной связи играют важнейшую роль с учетом факторов природной колыбели [3, с. 49]. Общение с природой дарит человеку (тем более – ребенку, подростку) яркие впечатления, внушает чувство величия мироздания, нейтрализует городские страхи, тревоги, напряжение души и тела, заменяя их ощущением гармонии природного и человеческого мира.

Социально-нравственные координаты формирования достоинства: самость, одиночество, интегрированность

Самостоятельность или самость часто описывается как своего рода ориентир, девиз самоутверждения в подростковой и молодежной среде, часто встречается в высказываниях. Но сам по себе этот ориентир нуждается во внимательном и деликатном уточнении, порой – корректировке со стороны взрослого человека. Ведь самость не обретается через изоляцию от других, самолюбование, акцентирование юности, постановку знака равенства между «наивностью» и «непогрешимостью». Достаточно точную формулировку самости нашел А. Маслоу: «Это не просто внутренняя, уникальная сущность человека, а ее связь с безграничными возможностями развития, устремленными к высшим ценностям» [5, с. 151].

Сказанное свидетельствует, что для работы по уточнению границ и содержания «самости» подростка, молодого человека также оптимально подходит форма доверительной беседы, свободного обмена мнениями, творческого диалога. В честном общении всегда лучше сравнивать, определять, и самое существенное – находить в чертах каждого сверстника нечто обладающее безусловной и притом сверхличностной ценностью – то, что отражает качества целой группы, коллектива. Именно эти черты раскрывают подлинную самость, которая есть не что иное, как коррелят достоинства в плане самопонимания и самопроектирования.

Наблюдение за жизнью и поступками молодых людей в современном обществе позволяет выделить ряд закономерностей. Во-первых, обостренное чувство «самости» чаще свойственно детям и подросткам «домашнего» воспитания, не прошедшим стадию социализации в дошкольных учреждениях. Эту их особенность нельзя не заметить в первые годы школьной жизни, и она еще раз подчеркивает «стратегическую близорукость» безмерной родительской любви (правильнее сказать – опеки). Во-вторых, «радикальная» самость с присущими элементами дерзости, непослушания, отрицания поведенческих установок, диктуемых взрослыми, как правило, формируется в подростковом возрасте (10–14 лет). В этом возрасте человек еще не является носителем ярко выраженных, закрепленных психофизиологических качеств. Но именно тогда он начинает все отчетливее ощущать и по-своему осмысливать источники состояний тревоги, неопределенности, подавленности, робости, жестокости, агрессии, подозрительности, гнева. Все эти непривычные для молодого человека состояния приводят к нарушению психологического равновесия, невротическим срывам, чреватые необдуманными поступками. Родители и педагоги должны первыми заметить признаки кризиса в поведении подростка, конструктивно их стабилизировать, избегая резкости, упреков, грубых замечаний. Именно в эти годы доверительные беседы с подростками следует организовывать как можно чаще. В них родители и педагоги должны продемонстрировать подлинную эрудицию и такт, убеждая юных, определяя их

позитивно мотивированные жизненные цели, последовательно расширяя кругозор и эстетическое мировоззрение, формируя познавательные интересы в таких областях, как литература, искусство, различные виды хобби, а тем самым «отвлекая» сознание от свойственной подростковому возрасту неуверенности, тревоги, которая в отсутствие формирующей работы со стороны взрослых порой компенсируется употреблением алкоголя, наркотиков, курением и другими формами зависимого поведения.

Серьезным испытанием в становлении достоинства как доминирующего критерия смысла жизни безусловно является состояние одиночества, изолированности от общества, семьи, сверстников.

Феномен одиночества сопровождает человека на протяжении всей его жизни, то помогая уединению в минуты печали и скорби, то превращая солнечный луч нашего настроения в ледяную пустыню страха, неуверенности, тоски о несбывшемся. Данное переживание освоено практически всеми культурами, находит преломление в религиозной практике многих конфессий. Опыт жизни монахов, старцев, практиковавших отшельнический образ жизни, подтверждает ценность «позитивного одиночества», способствующего внутреннему совершенствованию личности. Во многих религиях считалось, что готовность жить с людьми, с «ближним» предполагает душевную и духовную установку, которую можно развить, только если позволить человеку быть одному [10, с. 98].

И тем не менее одиночество как тензионное психосостояние, характеризующее степень физического, эмоционального напряжения, неустойчивости, является одним из деструктивных мотивационных факторов поведения, в частности одним из источников суицидальности. Важно отметить, что вывести из состояния одиночества весьма сложно, поскольку кажется, что обида, боль, неудача лучше переносятся наедине с собой, порой – на пару с сигаретой, спиртным, наркотиком как средством подавления самосознания. Разумеется, это делает особенно опасным переживание одиночества в подростковом, юношеском возрасте. Первостепенное значение в его профилактике и здесь приобретает фактор доверительного контакта со взрослым, настройка на тот уровень взаимопринятия, понимания, откровенности, который способствовал бы формированию позитивных психологических установок, навыков снятия напряжения, досуга, веселья. Важно убедить юного собеседника в том, что в случае возникновения у него ощущения тревожности, предчувствия «беды» взрослый человек будет готов сразу же приступить к вычленению, фиксации проблемы, поиску действенных средств ее решения. Практическим средством предупреждения одиночества является активное вовлечение подростка в коллективные дела, поощрение его участия в семейных мероприятиях: от совместных занятий физкультурой до работы по дому, совместных покупок. Необходимо предупредить виртуализацию круга общения подростка в качестве фактора, способствующего развитию синдрома одиночества, добиваться того,

чтобы пользование компьютером и другими электронными устройствами не становилось основным элементом времяпровождения.

Годы взросления личности, время формирования ее смысложизненных параметров принято рассматривать как триаду возрастов: детство – отрочество – юность. Каждая из этих стадий знаменует важные мировоззренческие трансформации, закладывает как конструктивные, смыслозидующие, так и отрицательные установки, которые будут в дальнейшем детерминировать поведение и деятельность человека на протяжении всей его жизни. «Общим знаменателем» всех этих установок можно считать формирование культуры достоинства: его ценностного отражения в форме самопонимания (самопроектирования) смысла жизни и практического воплощения в поступках, общении с другими людьми.

Принципиальное значение в воспитании культуры достоинства имеет социализация ребенка, подростка, молодого человека в рамках семьи и школьной жизни. Творческое, заинтересованное общение со взрослыми людьми, формирование навыков рационализации и решения жизненных проблем, конфликтов, эмоциональных кризисов не просто важны сами по себе. Эта деятельность, акцентирующая атрибуты достоинства личности, в то же время «подключает» ее к ресурсу общечеловеческой рациональности и культуры, интегрирует с коллективным разумом. По мнению академика Н. Н. Моисеева, коллективный разум как «системное свойство совокупности индивидуальных разумов людей, способных обмениваться информацией, формировать общее миропонимание, коллективную память и, может быть, самое главное – принимать коллективные решения» [6, с. 76] – не только опора развития человеческого вида: в современных условиях коллективный разум становится объектом целенаправленных усилий по его совершенствованию. «До последнего времени это развитие носило преимущественно стихийный характер, – пишет Н. Н. Моисеев. – Сейчас пришло время его целенаправленной организации в масштабах планеты, необходимой для формирования информационного общества и сохранения цивилизации» [6, с. 82].

Обсуждение и формирование культуры достоинства в семейном кругу, в общении с опытными педагогами, сообществе сверстников можно рассматривать как элементарную среду укоренения идеалов достоинства в глобальной культуре – том коллективном разуме, о котором пишет российский мыслитель. Здесь коллективное решение, а значит, и разум – мерило ответственности и прогресса, конкретная заявка на воспитание креативности и практическую реализацию принципа достоинства.

Литература

1. Березина, Т. Н. Смысл жизни, добро, духовное развитие, определение их значения / Т. Н. Березина // Мир психологии. – 2008. – № 2.
2. Березина, Т. Н. О многообразии смыслов жизни современной личности / Т. Н. Березина // Личность и бытие: субъективный подход. – Краснодар, 2005.

3. Винер, Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине / Н. Винер. – М., 1983. – 320 с.
4. Кант, И. Метафизика нравов / И. Кант // Соч.: в 6 т. – М.: Мысль, 1965. – Т. 4, ч. 2.
5. Маслоу, А. Г. Дальние пределы человеческой психики / А. Г. Маслоу. – СПб.: Евразия, 1997.
6. Моисеев, Н. Н. Информационное общество как этап новейшей истории / Н. Н. Моисеев // Свободная мысль. – 1996. – № 1.
7. Онуприенко, С. П. Интеллект. Темперамент. Как организовать свою жизнь / С. П. Онуприенко. – Минск: ТетраСистемс, 2011. – 384 с. (Экология мира людей).
8. Права человека: сб. междунар.-правовых док. / сост. В. В. Щербов. – Минск: Белфранс, 1999. – 1146 с.
9. Цветкова, В. Подготовка менеджеров образования на основе компетенций / В. Цветкова // Наука и инновации. – 2013. – № 1.
10. Швалб, Ю. Н. Одиночество: Социально-психологические проблемы / Ю. Н. Швалб, О. В. Данчева. – Киев, 1991.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И ДОСТОИНСТВО ЛИЧНОСТИ

В. Н. Карягин,

*Председатель Президиума Республиканской конфедерации
предпринимательства*

Предпринимательство Беларуси демонстрирует свой растущий вклад в экономику страны. Предпринимательскую деятельность в Республике Беларусь сегодня осуществляют свыше 320 тыс. субъектов, среди них 111,8 тыс. на 01.01.2015 г. составляли микро- и малые предприятия, 2416 – средние предприятия, а около 249 тыс. субъектов принадлежали к индивидуальным [11]. Удельный вес поступлений в бюджет от субъектов негосударственного сектора в части платежей, контролируемых налоговыми органами, по сообщению пресс-центра Министерства по налогам и сборам, составил к июлю 2015 г. 67,9%, тогда как на организации государственного сектора приходилось 28,4% поступлений, на долю индивидуальных предпринимателей – 1,7, а на долю физических лиц – 2%. На 2015 г. 71,6% поступлений в консолидированный бюджет г. Минска обеспечивал негосударственный сектор экономики [10]. Уже к началу 2013 г. вклад белорусского предпринимательства в развитие экономики республики был выше, чем в странах – партнерах по интеграционным объединениям. В Беларуси доля малого и среднего бизнеса в ВВП (2014 г.) равнялась 25,3% (по г. Минску – 43,9% в валовом региональном продукте), годом ранее – 22%, в то время как аналогичный показатель в России составлял 20%, в Казахстане – 19% (2013 г.) [6].

Как же проявляются процессы развития предпринимательства в контексте конституционного права человека на достоинство, развития социального партнерства? Каковы правовые и моральные аспекты развития предпринимательства применительно к проблематике достоинства личности?

Именно на этих вопросах, этических нормах и стандартах бизнеса следует сосредоточить внимание в статье, чтобы продемонстрировать, что процесс развития предпринимательства происходит не в ущерб достоинству личности и вовсе не за счет ущемления ее прав.

Правовые аспекты развития предпринимательства и их влияние на обеспечение достоинства личности

Достоинство личности, и в этом сходятся оценки и определения многих исследователей, – это свойство человека, характеризующее его духовный облик и предусматривающее отношение к нему со стороны государства, иных лиц как к высшей ценности. Достоинство личности предполагает определенную оценку со стороны общества и самооценку личностью своих моральных и интеллектуальных качеств.

Конституционное право современных государств достигло такого уровня развития, когда политика и государственная стратегия все более оказываются в рамках правовой регламентации. Правовое пространство для бизнеса, в свою очередь, связано с процессами глобализации, интенсивным развитием информационного общества, инновационной экономики, новых технологий.

Современное правовое государство, как справедливо отмечают исследователи, должно базироваться на двух тесно взаимосвязанных основах: народном суверенитете и достоинстве личности [4]. Для оценки такой категории, как достоинство личности, важно определить ее соотношение с другими правами и свободами, характеризующими правовой статус человека и гражданина. На наш взгляд, имеются все основания согласиться с точкой зрения профессора Г. А. Василевича о более широком содержании категории «право на достоинство личности», признав, что она охватывает наряду с правом на жизнь все явления (права и свободы), характеризующие такое качество жизни, которое не только в силу личностной самооценки (субъективно), но и объективно подтверждает и обеспечивает статус человека как полноправного субъекта человеческой деятельности [1].

Применительно к предпринимательству в Беларуси реализация права на достоинство личности неотделима от улучшения делового климата в стране, эффективного диалога бизнеса и власти, обеспечения равных условий хозяйствования для предприятий государственного и частного секторов экономики, эффективного социального диалога, социальной ответственности бизнеса. Деловое сообщество через «Национальную платформу бизнеса Беларуси» (НПББ), разрабатываемую ежегодно начиная с 2006 г., четко проанжировало важность задач по улучшению делового климата в стране, решение которых будет способствовать и обеспечению достоинства личности. В НПББ-2015, например, определено шесть приоритетных направлений: 1) добросовестная конкуренция; 2) эффективная де бюрократизация; 3) регуляторная оптимизация; 4) денежная политика и финансы; 5) честная приватизация; 6) ответ-

ственное партнерство [8]. Всего НПББ-2015 содержит 87 предложений, она направлена на глубокую модернизацию диалоговых площадок бизнеса и власти с целью выработки не только тактики улучшения деловой среды, но и стратегии развития Беларуси на долгосрочную перспективу, включая важнейшие аспекты правового обеспечения достоинства личности. В редакции Платформы-2014 в качестве одного из приоритетных было названо направление «Рынок труда и социальное партнерство». Эти идеи и сегодня играют важную роль в процессе социального диалога в Беларуси. Всего начиная с 2006 г. было реализовано свыше 350 предложений «Национальной платформы бизнеса Беларуси» по улучшению делового климата в стране. На заседании Президиума Совета Министров Республики Беларусь 20 мая 2014 г. республиканским органам управления, местным органам власти было поручено «принимать всесторонние меры по реализации мероприятий, содержащихся в Национальной платформе». Подобная практика продолжается и в настоящее время. Однако смысл и содержание целого ряда документов, принятых в поддержку предпринимательства, оказались выхолены в процессе согласования с многочисленными структурами госуправления. Целый ряд органов власти продолжает игнорировать наложения Директивы № 4 Президента Республики Беларусь от 31.12.2010 г., направленные на либерализацию предпринимательской деятельности, рапортуя при этом почти о полном выполнении данного документа. Сохраняющееся неравенство условий хозяйствования для предприятий частного и государственного секторов экономики в пользу последнего ущемляют статус предпринимателя как полноправного субъекта хозяйствования.

Достоинство личности наполняется конкретным содержанием в конкретной правовой культуре, а применительно к предпринимательству – и в деловой культуре, становление и развитие которой – предмет конструктивного диалога власти, бизнес-сообщества и гражданского общества.

Развитие законодательства и правоприменительной практики, направленное на обеспечение достоинства личности, – показатель полноты реализации конституционных норм, цивилизованности государства и общества. Категорию «достоинство личности» важно рассматривать в динамике. Если общество отмечает позитивную тенденцию в сфере обеспечения всего комплекса прав и свобод, то и достоинство личности приобретает новые, позитивные черты.

Сопоставим в качестве примера приоритетные конституционные нормы категории «достоинство личности» в Республике Беларусь и Российской Федерации (см. таблицу).

Таким образом, в Основном законе как Беларуси, так и России отражено и закреплено понятие достоинства личности. Проблемы кроются в специфике соблюдения этих норм, в том числе в правоприменительной практике. Конституция укрепляет единство граждан, но она перестает быть регулятором в случае раскола общества, отсутствия единства по базовым вопросам, к которым относятся, как известно, собственность, реальное обеспечение прав и свобод.

**Сравнительная характеристика норм категории «достоинство личности»
в Республике Беларусь и Российской Федерации**

Конституция Республики Беларусь	Конституция Российской Федерации
Ст. 25 закрепляет право на достоинство личности. Личные (гражданские) права и свободы принадлежат всем лицам независимо от гражданства. Гарантией достоинства личности являются конституционные требования. Никто не должен подвергаться пыткам, жестокому, бесчеловечному либо унижающему его достоинство обращению или наказанию, а также без его согласия подвергаться медицинским или иным опытам. Смертная казнь до ее отмены может применяться (ст. 24) в соответствии с законом как исключительная мера наказания за особо тяжкие преступления и только по приговору суда. Неприкосновенность частной жизни (ст. 28) – каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство. Конституционные права: свобода передвижений и выбора места жительства (ст. 30), право на определение отношения к религии (ст. 31), свобода мнений и убеждений (ст. 33), право на национальную принадлежность, пользование родным языком (ст. 50), право на судебную защиту и юридическую помощь (ст. 60, 62).	Ст. 21 закрепляет охрану государством достоинства личности в независимости от обстоятельств. Достоинство личности рассматривается как: 1) один из важнейших конституционных принципов, положенных в основу правового статуса личности; 2) принцип, регулирующий взаимоотношения человека и государства: личность в ее взаимоотношениях с государством является равноправным субъектом, который может защищать свои права всеми незапрещенными способами; 3) самостоятельное субъективное право человека. Гарантией достоинства личности являются конституционные требования: никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому унижающему человеческое достоинство или жестокому обращению или наказанию, а также медицинским, научным или иным опытам без его добровольного согласия.

Защита чести, достоинства и деловой репутации. Право на защиту чести и достоинства относится к конституционным правам человека, гарантируется рядом международных норм и законодательством Республики Беларусь. Оно провозглашено во Всеобщей декларации прав человека (ст. 1, 5, 12), в том числе в форме недопустимости произвольного посягательства на честь и репутацию. Аналогичные нормы содержатся в Международном пакте о гражданских и политических правах (ст. 7, 17), ст. 28 Конституции Республики Беларусь, которая гласит: «Каждый имеет право на защиту от посягательств на его честь и достоинство».

Защита достоинства личности имеет два аспекта: 1) от возможных посягательств в данной сфере отношений со стороны государства; 2) от посягательства других лиц и (или) групп граждан. В первом случае речь идет о соблюдении государством определенных, соответствующих законодательству правовых

норм. Представляется поэтому весьма своевременным, актуальным и значимым событием введение в Республике Беларусь института Уполномоченного по правам человека [5]. Для нашей страны этот институт является новым, но в мировой практике он занимает важное место в системе защиты прав личности. Для Беларуси это может стать новым импульсом в поиске и применении новых правовых инструментов, методов и способов обеспечения и защиты прав, свобод, чести и достоинства личности. Следующим шагом, как предлагается в «Национальной платформе бизнеса Беларуси-2015» (разд. 6, п. 70), может стать создание института Уполномоченного по защите прав предпринимателей (омбудсмана) при Президенте Республики Беларусь.

В Республике Беларусь сегодня существует немало средств защиты прав граждан и достоинства личности, включая судебный (судебная защита), административный (жалоба) способы, прокурорский надзор, судебный контроль и т. д., однако имеющиеся средства защиты нередко оказываются недостаточно эффективными. Необходимы новые инструменты, гарантирующие и защищающие права и достоинство личности.

Для предпринимателей наряду с защитой достоинства личности важнейшее значение имеет защита деловой репутации как физических собственников, учредителей и руководителей субъектов хозяйствования, индивидуальных предпринимателей, так и юридических лиц – предприятий и организаций, предпринимательских объединений. Право на такую защиту – одно из условий их успешной деятельности, стимул их социальной ответственности. Деловая репутация – это сопровождающееся положительной оценкой общества отражение деловых качеств лица в общественном сознании. Ею может обладать любой субъект, способный вести деловую деятельность, т. е. любое физическое лицо, включая лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, и юридическое лицо любой организационно-правовой формы [13].

Действующим законодательством предусмотрены различные средства защиты деловой репутации гражданина и юридического лица. Установлены уголовная, административная ответственность за клевету, оскорбления и др. При разрешении споров о деловой репутации используется судебная защита. Задача суда – организовать правильное и своевременное рассмотрение и разрешение дела, обеспечив защиту прав и охраняемых законом интересов граждан и юридических лиц. При этом должно соблюдаться специальное правило Гражданского кодекса Республики Беларусь (ст. 153) о гражданско-правовой защите деловой репутации, согласно которому гражданин в праве требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности (ч. 1, п. 1, ст. 153 Гражданского кодекса). Правила о защите деловой репутации гражданина должны соответственно применяться к защите деловой репутации юридического лица, кроме возмещения морального вреда (п. 7, ст. 153 Гражданского кодекса). Вместе с тем суды при рассмотрении дел о защите деловой репутации нередко допускают ошибки, в том числе в области процессуального права.

Выбор способа защиты деловой репутации принадлежит гражданину или органу (собственникам) юридического лица. Характерно, что в суд поступает незначительное количество таких исков, число их сокращается – со 172, рассмотренных судами с вынесением решения в 2008 г., до 97 аналогичных исков в первом полугодии 2013 г. Общее количество дел этой категории мизерно по сравнению с числом гражданских дел, рассмотренных судами в первом полугодии 2013 г. Только 97 из 91 875 гражданских дел относились к проблематике защиты чести, достоинства, деловой репутации. При этом в шести судебных исках выдвигались требования об опровержении сведений, распространенных в средствах массовой информации [13].

Все более серьезной проблемой в последнее время, в том числе и в Беларуси, является распространение информации, оскорбляющей достоинство, деловую репутацию личности и (или) предприятия в сети Интернет. Для защиты в этом случае необходимо представить в суд доказательства распространения в Интернете порочащих сведений. В России, в частности, достаточно эффективной формой защиты нарушенных прав может выступать обращение к нотариусу для обеспечения доказательств, включая заверение нотариусом соответствующей интернет-страницы, где содержится порочащая информация. В Беларуси такая судебная защита не исключается, в том числе и в случае, когда невозможно установить лицо, распространившее порочащие сведения в сети Интернет (в силу п. 6. ст. 153 Гражданского кодекса и абз. 12 ч. 1 ст. 364 Гражданского кодекса). На их основании гражданин, в отношении которого такая информация распространена, вправе обратиться в суд с заявлением об установлении факта несоответствия действительности сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию [13]. Не могут, однако, рассматриваться в порядке, предусмотренном ст. 153 Гражданского кодекса, научные споры, т. е. требования об опровержении сведений научного характера.

Если порочащие честь, достоинство и деловую репутацию личности (предприятия) сведения были опубликованы без обозначения имени автора, ответчиком по делу является соответствующий орган массовой информации: организация, физическое лицо или группа физических лиц, осуществляющих производство и выпуск данного средства массовой информации. По искам об опровержении порочащих сведений, изложенных в официальных документах, ответчиками признаются лица, их подписавшие [13].

Истец и ответчик по делам о защите деловой репутации могут использовать любые процессуальные средства защиты своих прав и законных интересов. При рассмотрении таких исков к СМИ учитывается, однако, что в п. 1 ст. 52 Закона о СМИ содержится исчерпывающий перечень обстоятельств, включающих ответственность [13].

По общему правилу, сведения, порочащие деловую репутацию, должны опровергаться путем, наиболее близким к способу их распространения (посредством публикации в печати, сообщения по радио, телевидению, замены документа, содержащего порочащие сведения, оглашения на собрании граждан, трудового коллектива, членов кооператива и т. п.).

При определении способа опровержения сведений, изложенных в СМИ, необходимо принимать во внимание положения ст. 43 и 44 Закона о СМИ, которыми предусмотрены право на опровержение, порядок опровержения и основания для отказа. В то же время следует иметь в виду, что редактирование органом массовой информации текста решения суда либо издание комментариев к нему, которые по содержанию оспаривают решение, не допускается [13].

Гражданин, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, вправе наряду с опровержением такой информации требовать возмещения убытков и морального вреда, причиненных их распространением (п. 5 ст. 153 Гражданского кодекса). Под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода) – ст. 14, ч. 1, п. 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь [13].

Возмещение причиненных убытков и компенсация морального вреда являются различными способами защиты гражданских прав и могут применяться параллельно, независимо друг от друга. Требования о возмещении убытков и компенсации морального вреда могут быть заявлены совместно с требованием о защите чести, достоинства или деловой репутации, в том числе в ходе рассмотрения дела в судебном заседании, так и отдельно от него.

Убытки по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации носят внедоговорный характер.

При заявлении о возмещении убытков необходимо выяснить:

наличие убытков и их размер;

причинную связь между распространением не соответствующих действительности порочащих сведений и понесенными истцом убытками;

вину причинителя вреда в форме умысла или неосторожности.

При этом истец обязан представить доказательства, подтверждающие факт причинения убытков и их размер, а ответчик доказать свою невиновность. Требования о возмещении убытков, причиненных распространением не соответствующих действительности порочащих сведений, носят имущественный характер, а поэтому на них распространяется общий срок исковой давности.

Что же касается требований о компенсации морального вреда, то можно отметить, что необходимость доказывать факт причинения морального вреда отсутствует, так как порочащий характер сведений сам по себе предполагает причинение такого вреда. Доказывать вину лица, распространившего порочащие сведения, не требуется. Компенсация морального вреда, причиненного распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию гражданина, осуществляется независимо от вины причинителя вреда в денежной форме (п. 3 ст. 969 Гражданского кодекса).

Моральный вред признается немущественным вредом. На требования об опровержении сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию

цию гражданина или деловую репутацию юридического лица, а также на требования гражданина о компенсации морального вреда срок исковой давности не распространяется (п. 1 ст. 209 Гражданского кодекса).

Исходя из смысла ст. 152 Гражданского кодекса компенсация морального вреда – это возмещение потерпевшему перенесенных им физических или нравственных страданий, причиненных действиями, нарушающими его личные нематериальные права либо посягающими на принадлежащие ему другие нематериальные блага. Из этого следует, что право на компенсацию морального вреда не может использоваться в иных целях (например, для улучшения материального положения, покрытия расходов и т. п.).

Как правило, при разрешении дела о компенсации морального вреда возникает вопрос, какая сумма компенсации морального вреда будет отвечать требованиям разумности и справедливости, будет соразмерной причиненному вреду. В судебной практике, как отмечают юристы, нередки случаи обжалования судебных постановлений по причине несогласия с установленным размером компенсации морального вреда [13]. Безусловно, вопрос о размере компенсации морального вреда является важным, а поскольку на законодательном уровне он менее урегулирован, нередко возникают подобные жалобы.

В законодательстве, как справедливо отметила заслуженный юрист Республики Беларусь Римма Филипчик, не содержится указаний, позволяющих суду бесспорно определить размер компенсации морального вреда [13]. Общая методология и базис для определения такого размера отсутствуют. Поэтому оценка морального вреда как для потерпевшего, так и для суда всегда является сложным процессом. Иногда суды взыскивают чисто символические суммы для возмещения морального вреда, например 50 000 бел. руб. Такой размер денежной компенсации морального вреда сложно назвать соответствующим требованиям разумности и справедливости.

Законодатель определил основные критерии, которые должны учитываться судом при определении размера компенсации морального вреда. Размер компенсации морального вреда определяется судом не на основе расчета, обоснованного документально, а с учетом характера причиненных потерпевшему нравственных страданий, которые оцениваются судом с учетом фактических обстоятельств причинения морального вреда и индивидуальных особенностей потерпевшего.

Суд при разрешении конкретного дела с учетом приведенных выше критериев по своему усмотрению определяет компенсацию морального вреда, которая, как трактуют судебные органы, должна быть соразмерна причиненному вреду и не вести к ущемлению свободы массовой информации.

Принцип уважения достоинства личности и его деловой репутации, деловой репутации предприятия актуальны и важны для бизнес-сообщества в судостроительстве и судопроизводстве по хозяйственным спорам [3, 7]. Данный принцип, закрепленный в ст. 17 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (ХПК), произведен от требований ст. 2 Конституции Рес-

спублики Беларусь. Уважительное отношение друг к другу позволяет каждому участнику процесса наиболее полно осуществить свои права, реализовать принципы состязательности, диспозитивности, законности, равноправия сторон, а также принципы равенства организаций и предпринимателей перед законом и судом, равноправия и добросовестности сторон [3]. Одновременно правосудие во многом зависит от досудебного производства, соблюдения стандартов досудебного разбирательства.

В последнее время возрастает необходимость создания действенной системы противодействия «рейдерству», что было справедливо названо «Национальной платформой бизнеса Беларуси-2014» одним из основных вызовов для предпринимательства Республики Беларусь в 2014 г. [8]. Отсутствие в отечественном законодательстве самого понятия «рейдерства», нормативно-правовой базы для полноценной защиты от этого явления, в том числе в условиях интенсификации конкуренции в рамках Евразийского экономического союза и других интеграционных объединений с участием Республики Беларусь, создает реальные угрозы и серьезные риски для бизнеса Беларуси и его интересов. При этом в «рейдерстве» нередко используются стратегии и тактические приемы, направленные на создание негативной деловой репутации физических и юридических лиц, предприятий, своих конкурентов. «Национальная платформа бизнеса Беларуси-2015» внесла в число своих предложений власти и обществу «принятие актов законодательства, определяющего понятие «рейдерство», а также инструменты и механизмы противодействия ему» (разд. V, п. 68) [9].

Процесс развития предпринимательства в каждой стране, в том числе и в Беларуси, происходит не в ущерб достоинству личности. Деловое сообщество все более осознает свою социальную ответственность, социальную роль работодателя, налогоплательщика, собственника, партнера социального диалога. В контексте правовых аспектов развития предпринимательства для обеспечения достоинства личности первостепенную роль, на наш взгляд, играют:

1) трудовые отношения – ответственность нанимателя за вред, причиненный жизни и здоровью работников, связанный с исполнением ими своих трудовых обязанностей (определена гл. 38 Трудового кодекса Республики Беларусь);

2) унификация законодательства и практики правоприменения по диалогу между работодателями (нанимателями) и работниками с конвенциями Международной организации труда;

3) реализация социального партнерства в сфере рынка труда.

Законодательная и нормативно-правовая база страны, регулирующая как предпринимательскую деятельность, так и обеспечение достоинства личности, защиту прав на это достоинство, нуждается в постоянном совершенствовании с учетом требований времени. В случае возникновения определенного правового вакуума и проблемных вопросов в данной сфере бизнес стремится к саморегулированию (одним из примеров этого является деятельность третейских судов, о которой см. далее), продолжая настаивать в диалоге с властью на необходимости принятия Закона Республики Беларусь об организациях, действующих в данной сфере на принципах саморегулирования.

Достоинство личности: этика с позиций предпринимательства

Социально ответственный бизнес, наиболее активные и продуктивные его лидеры, члены предпринимательских объединений, как правило, рассматривают категорию «достоинство личности», ставя перед собой более высокие требования в области морали и этики, чем того требует регулирование предпринимательской деятельности в Беларуси.

Примерами могут служить кодексы и другие документы о корпоративной и деловой этике, принимаемые предпринимательскими объединениями – СНО «Конфедерация промышленников и предпринимателей (нанимателей)» и ее члены, РОО «Белорусская научно-промышленная ассоциация» (БНПА), Республиканский союз нанимателей «БелСН», СЮЛ «Республиканская конфедерация предпринимательства», ОО «Минский столичный союз предпринимателей и работодателей» и др.

«Хартия корпоративной и деловой этики», принятая представителями делового сообщества Республики Беларусь, членами СНО «Конфедерация промышленников и предпринимателей (нанимателей)», подчеркивает невозможность утверждения основ правового общества и развития эффективной рыночной экономики без создания устойчивой системы корпоративных отношений, основанной на равноправии и добросовестной конкуренции, социальной и гражданской ответственности бизнеса. Документ исходит из приоритета общепризнанных моральных правил и нравственных норм в поступках и решениях подписавших его предпринимателей и их объединений.

Бизнес-ассоциации, признавшие и подписавшие Хартию, добровольно приняли на себя обязательства следовать нормам корпоративной этики в практике своей общественной, хозяйственной и предпринимательской деятельности. При этом во главу были поставлены принципы добропорядочности, честности во взаимоотношениях со своими партнерами и конкурентами.

Документ указал на один из основных приоритетов обеспечения достоинства личности предпринимателя – содействие укреплению конституционного равенства форм собственности. Подчеркивалась важность следования в предпринимательской деятельности нормам действующего законодательства, недопустимость использования формальных процедур для достижения целей, не совместимых с нормами корпоративной этики.

«Хартия корпоративной и деловой этики» закрепила отказ принявших ее предпринимательских объединений от действий, направленных на усиление социальной напряженности в обществе. Она декларировала проведение предпринимателями согласованной социально-трудовой политики, исключаящей ущемление достоинства личности работника, уважение к конкурентам, всестороннюю поддержку, в том числе материальную, коллегам по деловому сообществу, испытывающим трудности в хозяйственной деятельности, заботу о деловой репутации бизнеса, белорусского хозяйственника и товаропроизводителя, защиту окружающей среды.

Хартия призывает добиваться в случае конфликта интересов разрешения споров путем переговоров, используя механизмы внесудебного их разрешения, предоставляемые действующим законодательством Республики Беларусь.

Важную роль применительно к достоинству личности владельцев и лидеров бизнеса играет «Кодекс чести предпринимательства города Минска», принятый в 1998 г. на Форуме участников Минского городского конкурса «Предприниматель года».

Положения этого документа перекликаются с «Хартией корпоративной и деловой этики» прежде всего в определении качества приоритетов столичного бизнеса: ответственности за судьбу страны, приверженности общепризнанным моральным и нравственным нормам, укрепления репутации города Минска, следования корпоративным отношениям, основанным на добросовестной конкуренции, добровольным обязательствам о ведении своей профессиональной деятельности в соответствии с нормами этики.

Кодекс состоит из 7 разделов.

1. Ответственность предпринимателей за свои действия.
2. Принципы взаимоотношений с партнерами по бизнесу.
3. Принципы взаимоотношений с конкурентами.
4. Принципы взаимоотношений с потребителями.
5. Принципы взаимоотношений с властью.
6. Принципы взаимоотношений с наемными работниками.
7. Принципы взаимоотношений с общественными объединениями и организациями.

При этом в каждом разделе Кодекса подчеркивается уважение достоинства личности, справедливость, содействие гармоничному развитию человека, бизнеса и общества. Предприниматели, которые добровольно, как лично, так и коллективно – в составе своих объединений, подписали данный Кодекс, взяли на себя обязательства следовать принципам «Кодекса чести предпринимателя г. Минска» и нести за его исполнение моральную ответственность перед обществом.

Альтернативным средством для разрешения споров в гражданском обороте стали третейские суды, стимулирующие развитие корпоративной этики и выступающие одним из инструментов защиты деловой репутации. Третейские суды не входят в систему государственных судов Республики Беларусь. Они разрешают споры, возникающие между юридическими лицами, физическими лицами, юридическими и физическими лицами. Третейский суд вправе рассматривать также споры с участием иностранных лиц и граждан. Он принимает к рассмотрению споры при наличии третейского соглашения.

Среди несомненных преимуществ третейских судов, в том числе применительно к деловой репутации физических и юридических лиц, можно выделить право сторон самим выбирать третейских судей (судью) из списка лиц, являющихся членами данного третейского суда; быстроту и экономичность рассмотрения дела; конфиденциальность (рассмотрение споров в третейском

суде является закрытым); отсутствие апелляционной, кассационной и надзорной инстанции.

31 января 2012 г. был зарегистрирован третейский суд при ОО «Минский столичный союз предпринимателей и работодателей», неизменно укрепляющий свой авторитет в деловой среде [12].

Предприниматели, таким образом, не ориентированы на неуважение достоинства личности работника, партнера, конкурента, представителей власти и других слоев общества, хотя было бы опрометчивым считать, что бизнес Беларуси стопроцентно следует нормам морали и этики. Однако начавшиеся формирование и развитие корпоративной среды, которые основываются на приверженности моральным нормам и принципам этики, имеют важное значение для защиты достоинства личности в Беларуси. За такой позицией бизнеса – будущее предпринимательства, страны и общества.

Роль развития социального партнерства в социально-экономическом развитии Беларуси, в обеспечении и защите достоинства личности

Социальное партнерство создает в любом обществе реальные условия для социальной политики, обеспечивает реализацию экономических и социальных преобразований. Оно охватывает все взаимодействия и взаимоотношения в обществе, представляя широкую сферу деятельности. Первостепенное значение при этом имеет наличие социального мира, согласование позиций и учет интересов всех слоев общества, их взаимного отказа от конфронтации и социальных конфликтов. Республика Беларусь не является исключением из данного правила. Именно в этих целях в республике создана и совершенствуется система социального партнерства.

Понятие социального партнерства включает в себя многие аспекты социально-трудовых отношений, поэтому существуют, в том числе и в Беларуси, различные подходы к его определению. В широком смысле слова социальное партнерство нередко трактуют как идеологию и практику мирного, неконфронтационного регулирования социальных отношений в обществе. Вместе с тем система социального партнерства понимается и как действенный механизм согласованных позиций и интересов сторон коллективных трудовых отношений, позволяющих решать возникающие конфликты мирными средствами.

Основополагающим принципом этого партнерства является представительство и равенство трех сторон – государства (органов государственного управления), профсоюзов и работодателей (нанимателей).

Основные формы и методы взаимодействия профсоюзов, работодателей (нанимателей) и органов государственного управления включают в себя создание и деятельность трехсторонних консультативных органов; ведение коллективных переговоров по заключению коллективных договоров, соглашений; создание и совершенствование нормативной правовой базы; проведение

консультаций, семинаров, конференций, а также систему разрешения коллективных трудовых споров и др.

Принципы социального партнерства и взаимодействия сторон отражены как норма в ст. 14 Конституции Республики Беларусь. На этом основываются законодательно отношения в социально-трудовой сфере между органами государственного управления, объединениями нанимателей и профессиональными союзами.

Конституция Республики Беларусь определяет понятие «социальное партнерство» (ст. 352) как форму взаимодействия субъектов социального партнерства (органы госуправления, объединения нанимателей и профсоюзы) при разработке и реализации социально-экономической политики государства, основанной на учете интересов различных слоев и групп общества в социально-трудовой сфере посредством переговоров, консультаций, отказа от конфронтации и социальных конфликтов.

Социальное партнерство и развитие его системы определены в республике в качестве одной из важнейших государственных задач, одним из инструментов социальной политики государства. Социальный диалог признается одной из эффективных форм согласования интересов всех сторон социального партнерства.

Основными нормативными правовыми актами, которые регулируют сегодня сферу и вопросы социального партнерства в Республике Беларусь, являются:

Конституция Республики Беларусь;

Трудовой кодекс Республики Беларусь (IV раздел и др.);

Закон Республики Беларусь «О профессиональных союзах» (1992 г.);

Закон Республики Беларусь «О разрешении коллективных трудовых споров и конфликтов»;

Закон Республики Беларусь «Об охране труда»;

Закон Республики Беларусь «О коллективных договорах и соглашениях» (1992 г.);

Указы Президента Республики Беларусь:

«О развитии социального партнерства в Республике Беларусь» (от 15.07.1995 г., № 278);

«О Национальном совете по трудовым и социальным вопросам» (от 05.05.1999 г., № 252);

«О дополнительных мерах по защите трудовых, социально-экономических прав и интересов работников» (от 19.07.2005 г., № 327);

«Об осуществлении общественного контроля профессиональными союзами» (от 06.05.2010 г., № 240);

«О некоторых вопросах урегулирования коллективных трудовых споров» (от 23.07.2013 г., № 320);

нормативные акты Правительства, министерств и ведомств:

Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 22.02.2012 г., № 169 «Об утверждении Типового положения об отраслевом, территориаль-

ном (областном, городском, районном) совете по трудовым и социальным вопросам»;

Постановление Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 10.10.2013 г. № 101 «Об утверждении инструкции о порядке учета возникших трудовых споров и создании трудовых арбитражей».

Нормы, принципы и правила социального партнерства в Республике Беларусь отражены также в законодательстве о бюджете страны, программе социально-экономического развития Беларуси.

Важную роль в системе социального партнерства играют нормы Трудового кодекса Республики Беларусь, вступившего в силу с 01.01.2000 г. В Кодексе дано определение понятия «социального партнерства», его принципов и субъектов. Специальный раздел Кодекса представляет положения о социальном партнерстве, содержит правила регулирования коллективных трудовых отношений. Трудовой кодекс Республики Беларусь определяет полномочия субъектов социального партнерства, регулирует отношения, связанные с заключением коллективных договоров и соглашений, а также с разрешением коллективных трудовых споров.

Наряду с законодательной базой система социального партнерства в Беларуси предусматривает действия трехсторонних консультативных органов – советов по трудовым и социальным вопросам, функцией которых определено согласование (при реализации социально-экономической политики) интересов нанимателей (работодателей), работников и государства. На республиканском уровне действует (на основе вышеназванного Указа Президента Республики Беларусь от 15.07.1995 г. № 278) Национальный совет по трудовым и социальным вопросам, в работе которого на основе принципа паритетности участвуют представители правительства, республиканских объединений работодателей (нанимателей) и профсоюзов – по 11 представителей от каждой стороны, включая одного сопредседателя с правом решающего голоса.

Национальным советом принимаются решения по вопросам социально-экономической политики, которые затем находят свое отражение в коллективных договорах и соглашениях. Одной из важнейших задач Национального совета по трудовым и социальным вопросам является разработка и принятие генеральных соглашений, которые, согласно белорусскому законодательству, служат основой для заключения тарифных, местных соглашений и коллективных договоров, а также контроль за ходом выполнения данных генеральных соглашений. Нормативная правовая база определяет в связи с этим механизмы социального партнерства на отраслевом и территориальном уровнях.

Если в 2003 г. в республике действовало 148 советов, то сегодня в Беларуси осуществляет свою деятельность 317 Советов по трудовым и социальным вопросам. В их числе Национальный совет, 20 отраслевых советов, созданных в республиканских органах госуправления и государственных организациях, подчиненных правительству, а также 296 территориальных советов.

Генеральное соглашение между правительством Республики Беларусь, республиканскими объединениями нанимателей (работодателей) и профсоюзов

на 2014–2015 гг. было подписано 30 декабря 2013 г. Оно является 14-м по счету, такие соглашения подписываются в Беларуси с 1991 г. В течение первых 7 лет (1991–1997 гг.) генеральные соглашения заключались ежегодно, а впоследствии – на 2–3 года. Генеральное соглашение действует в отношении всех нанимателей (работодателей) и их объединений, профсоюзов и их объединений, а также в отношении работников, студентов и учащихся, получающих высшее, среднее специальное образование. Генеральное соглашение состоит из 7 глав, в которых закреплены договоренности всех сторон социального партнерства по вопросам развития экономики, оплаты труда и повышения уровня жизни населения, социальной защиты и социальной гарантии, содействия занятости, улучшения условий и охраны труда, развития социального партнерства.

Стороны социального партнерства берут на себя обязательства по осуществлению целого ряда мер в области бюджетно-налоговой и ценовой политики, поддержки семей, воспитывающих детей, повышения инвестиционной активности, реформирования неэффективно работающих организаций и др.

Коллективные соглашения и договоры

Практически во всех отраслях экономики Беларуси, включая бюджетный сектор, применяется коллективно-договорная форма регулирования социально-трудовых отношений, что является важным инструментом социального диалога.

Через соглашения и коллективные договоры решаются вопросы оплаты, организации и охраны труда, занятости, отдыха работников, создания условий для работы профсоюзного актива, гарантий и компенсаций при несчастных случаях на производстве, а также предоставляются дополнительные льготы работникам для решения социально-бытовых проблем.

В 2013 г. в Беларуси было подписано и действовало 18 119 коллективных договоров.

По состоянию на 01.07.2015 г. в Беларуси в сфере социального партнерства действуют: 1) Генеральное соглашение между правительством, республиканскими объединениями нанимателей (работодателей) и профсоюзов на 2014–2015 гг.; 2) 47 отраслевых тарифных соглашений республиканского уровня и 500 местных соглашений сторон социального партнерства всех видов.

Формирование нормативной правовой базы в сфере социального партнерства началось в Беларуси с середины 1990-х годов. Сегодня можно сказать, что законодательство в целом соответствует потребностям развития социального диалога. Однако совершенствование нормативных правовых актов в данной области по-прежнему остается актуальной задачей.

К сожалению, в Беларуси до сих пор нет специального закона, который мог бы четко определить правовые нормы создания, деятельности и ликвидации объединений работодателей. Важность и необходимость его создания

и принятия признают представители всех сторон социального партнерства: органов государственного управления, объединений работодателей и профсоюзов.

В связи с отсутствием в стране закона об объединениях работодателей возникают различные толкования норм законодательства, которые регулируют вопросы социального партнерства, а именно:

а) не урегулирован вопрос статуса объединений работодателей, прежде всего по представлению ими интересов работодателей на различных уровнях;

б) сохраняются проблемы статуса Генерального соглашения, а также статуса Соглашений между органами отраслевого управления и объединениями профсоюзов, заключенных без участия объединений работодателей. Так, из 47 действующих тарифных отраслевых соглашений только семь заключено на трехсторонней основе, т. е. с участием объединений нанимателей, а остальные подписаны только профсоюзами и министерствами либо другими государственными органами;

в) правительство, как это видно из его отчетов по выполнению Генерального соглашения, выступает, как правило, основным, а иногда и единственным исполнителем договоренности социального партнерства, что связано и с положением объединений работодателей, особенно на отраслевом и местном уровнях;

г) отсутствует мотивация вовлечения в систему социального партнерства представителей малого предпринимательства, слабо ведется работа в этом направлении со стороны бизнес-ассоциаций. Сильно ограничена и деятельность самих объединений работодателей.

Закон об объединениях работодателей, которого деловое сообщество ждет с 1997 г., мог бы решить большинство из вышеназванных проблем. Данное предложение содержится и в «Национальной платформе бизнеса Беларуси-2014». При этом в данном законе рекомендуется применять термин «работодатели» (вместо «наниматели»). СЮЛ «Республиканская конфедерация предпринимательства», ОО «Минский столичный союз предпринимателей и работодателей», Республиканский союз нанимателей «БелСН», Ассоциация «БелАПП» и многие другие объединения работодателей считают деятельность по продвижению идей принятия вышеназванного Закона приоритетом в своей работе.

Таким образом, можно считать, что в Беларуси создана и функционирует система социального партнерства, развитие которой требует, однако, дальнейшего совершенствования, в том числе с учетом европейского и международного опыта.

Основными элементами данной системы выступают:

действующее законодательство и нормативные правовые акты;

трехсторонние консультативные органы на общенациональном, местном и отраслевом (хотя сегодня далеко не во всех отраслях экономики) уровнях;

коллективно-договорные процессы и их развитие.

Главными направлениями совершенствования системы социального партнерства могут стать:

меры по повышению устойчивости системы социального партнерства в целях увеличения ее эффективности не только в бесконфликтных ситуациях,

но и при необходимости быстрого решения путем социального диалога возникших проблем и споров;

достижение четкого определения и разграничения в сфере и системе социального партнерства функций органов государственного управления, объединений работодателей и профсоюзов. При этом Правительство и другие государственные органы должны все больше выступать в качестве арбитра между работодателями и профсоюзами, обеспечивая равенство ответственности всех сторон социального диалога.

Следует отметить, что, несмотря на произошедшие за последние годы позитивные изменения, в стране по-прежнему недооценивается важность и системность работы по развитию социального партнерства и социального диалога. Мы достигли определенных результатов и успокоились. Поэтому сегодня нашей общей задачей является выработка новых подходов, преодоление несогласованности позиций и возможных корпоративных амбиций, сближение существующих точек зрения о развитии и роли социального партнерства в социально-экономическом развитии Беларуси.

Совершенствование системы социального партнерства в стране, на наш взгляд, окажет позитивное влияние и на оптимизацию условий поддержания и защиты достоинства личности. Предпринимательство Беларуси и его объединения способны внести свой вклад в эти процессы, развивая социальный диалог с властью и обществом, совершенствуя национальную деловую культуру, осваивая международные положительные практики социальной ответственности бизнеса.

Литература

1. Василевич, Г. А. Конституционное право человека на достоинство / Г. А. Василевич // Актуальные проблемы развития правовой системы Респ. Беларусь: материалы Респ. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Минск, 26 окт. 2012 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. экон. ун-т; редкол.: Г. А. Короленок (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГЭУ, 2012. – С. 23–26.
2. Достоинство личности (ст. 21 Конституции России) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://01.mvd.ru/document/201352>. – Дата доступа: 14.10.2015.
3. Жандаров, В. В. Хозяйственный процесс в Республике Беларусь: краткий курс лекций / В. В. Жандаров. – Минск: Амалфея, 2009.
4. Изензее, Й. Государственное право Германии / Й. Изензее, П. Кирххоф. – М.: РАН. – 1994. – Т. 1. – 312 с.
5. Кулаковский, Ю. Уполномоченный по правам человека в Республике Беларусь: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] / Ю. Кулаковский. – Режим доступа: <http://evolution.info/content/view/33/38>. – Дата доступа: 14.10.2015.
6. Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь: стат. сб. / редкол.: И. В. Медведева (предс.) [и др.]. – Минск, 2015.
7. Мартыненко, И. Э. Судостроительство и судопроизводство по хозяйственным спорам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ebooks.grsu.by/martinenko>. – Дата доступа: 14.10.2015.
8. Национальная платформа бизнеса Беларуси-2014. Свободное предпринимательство – благополучная страна. – Минск: А. Г. Печенко, 2014.
9. Национальная платформа бизнеса Беларуси-2015. Структурная модернизация бизнеса и власти. – Минск: Энциклопедикс, 2015.

10. Орешко, А. Более 70% поступлений в бюджет Минска за полгода обеспечил негосударственный сектор экономики [Электронный ресурс] / А. Орешко. – Режим доступа: <http://finance.tut.by/news457891.html>. – Дата доступа: 14.10.2015.

11. Социально-экономическое положение Республики Беларусь в январе – августе 2015 г.: стат. бюл. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.belstat.gov.by/publicbulletin/index_530. – Дата доступа: 14.10.2015.

12. Союз предпринимателей. – 2015. – № 9 (85) – 10 (86).

13. Филипчик, Р. Защита чести, достоинства и деловой репутации: правовое регулирование и судебная практика [Электронный ресурс] / Р. Филипчик. – Режим доступа: <http://pravovedenie.by/zashhita-chesti-dostoinstva-i-delovoj-reputacii-pravovoe-regulirovanie-i-sudebnaya-praktika>. – Дата доступа: 14.10.2015.

СТАРШИЙ ВОЗРАСТ ДОСТОИНСТВА: СТАТУС, СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ И ПРАВА ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Т. П. Липай,

кандидат социологических наук, доцент,

О. А. Волкова,

доктор социологических наук, профессор

Старение населения вышло в последние годы на уровень глобальных проблем человечества. Появилась масса нерешенных социальных, экономических, культурных и медицинских задач по обеспечению и созданию оптимальных условий жизнедеятельности пожилых людей.

Оберегание достоинства, защита прав и вовлечение в реализацию фундаментальных прав человека, повышение уровня и качества жизни пожилых людей как важное условие совершенствования образа жизни – сложный комплексный процесс, в ходе которого достигаются улучшение состояния физического и духовного здоровья, удовлетворенность условиями жизни, высокая обеспеченность необходимыми материальными, духовными, культурными и социальными благами, устанавливаются гармоничные отношения пожилых людей с социальным окружением.

Старение нации как глобально возрастающая в мире проблема

Сложившаяся демографическая ситуация в современном обществе свидетельствует о том, что для государства характерна тенденция к старению населения. Так, в Европе в начале 2014 г. на 1000 человек трудоспособного возраста приходилось 403 человека старше трудоспособного возраста (в 2009 г. этот показатель был 359 человек). Доля людей старше трудоспособного возраста на начало 2014 г. составила 2,3 млн человек и за прошлый год увеличилась на 37,1 тыс. Старение населения характерно для большинства европейских стран и обусловлено «как невысокими темпами рождаемости, так и увеличением продолжительности жизни».

Численность жителей до 15 лет в Беларуси составляет 1,6 млн человек, или 16,7% от общей численности. Демографическая нагрузка на трудоспособное население в Беларуси в связи с ростом числа пожилых людей достигла максимального значения за всю послевоенную историю [13]. В республике отмечается рост количества пенсионеров – впервые за многие годы число получателей пенсий в органах по труду, занятости и соцзащите превысило 2,5-миллионный рубеж [14].

На сегодняшний день все еще ведутся дискуссии вокруг того, какой период жизни индивида считать старостью, ее первыми проявлениями, что такое возраст старости и каковы его границы, как оберегать достоинство и личные права пожилых людей. Это формирует новые вызовы перед обществом в целом и учеными в частности.

Важнейшими направлениями становятся сохранение достоинства личности путем преодоления факторов социальной дезадаптации через социальную реабилитацию и интеграцию; ее включение в систему реализующихся фундаментальных прав человека посредством преодоления негативных социальных и психологических барьеров и стигматизацию, создания условий для полноценного социального функционирования и креативной самореализации.

Особый интерес в этом плане представляют поиск путей активизации поведения пожилых людей, социальных ресурсов и жизненных сил в связи с осознанием изменившейся роли этой категории населения, предполагающей отказ от зависимых отношений между пожилыми людьми, их молодыми наследниками и государственными институтами; развитие социального партнерства в системе обеспечения интегрированной старости; переориентация в системе социальной поддержки от опекающих, контролирующих стратегий в отношении пожилых людей к стратегиям, стимулирующим их активность, ответственное отношение к формированию собственной жизни; активизация и развитие системы межпоколенного и социально-культурного взаимодействия; перенесение акцента от программ вспомоществования на поддержку в получении или сохранении работы и достижение самообеспечения; развитие различных форм заботы о пожилых людях со стороны их самих; практическая реализация принципа дифференцированности социальной политики, который предполагает учет гетерогенности пожилых.

Проблемы места и роли старшего поколения в обществе в том или ином аспекте исследуются представителями различных наук. Старость как один из феноменов человеческого бытия издавна была объектом изучения мыслителей разных взглядов и направлений. Основные подходы к пониманию проблемы «старости» были предложены еще древнеиндийскими и античными философами. Однако только в Новое время (М. Монтень, Ф. Бэкон, Ш. Монтескьё, Ж.-Ж. Руссо) старость стала рассматриваться не только как феномен, присутствующий бытию отдельного человека, но и в качестве одного из важнейших элементов бытия общества. Наконец, в XIX – начале XX в. старость стала признаваться и оцениваться в качестве неперемennого атрибута социального

бытия человека и общества, что позволило выделить наиболее важные социальные стороны данного явления, органически присущего социуму. Демографические процессы в обществе, проблемы воспроизводства, изменения социальной и демографической структуры, процессы старения общества сегодня активно разрабатываются в трудах таких ученых-демографов, как М. С. Бедный, В. А. Борисов, Н. М. Римашевская, Л. Л. Рыбаковский, В. М. Медков, В. Д. Шапиро и др.

Как правило, исследованию подлежат лишь отдельные аспекты, тем или иным образом связанные с проблемой интеграции пожилых людей, например образование в позднем возрасте (М. Э. Елютина, Э. Е. Чеканова); имидж пожилого человека в современном обществе (Э. В. Карюхин, Г. А. Парахонская); старость и мобильность (С. С. Балабанов, Э. И. Никонова, А. В. Писарев); старость и продолжение профессиональной деятельности, карьера в позднем возрасте (Н. И. Кондакова, Т. В. Смирнова, В. Д. Роик); использование потенциала представителей третьего возраста, коммуникативные ресурсы (В. Д. Альперович, Д. Г. Владимиров, В. К. Доброхлеб, М. Э. Елютина); межпоколенное взаимодействие, формирование геронтологических стереотипов (И. С. Кон, Т. А. Петрова, В. В. Семенова). Среди работ последних лет внимания заслуживают работы И. В. Бестужева-Лады, М. Н. Руткевича, Ж. Т. Тощенко, А. Г. Здравомыслова, которые разработали сферный подход к изучению стиля жизни, позволяющего рассматривать отдельно взятую социально-демографическую группу, специфику ее образа жизни.

Факторы социального поведения и самочувствия пожилых людей в обществе, проблемы активизации их поведения исследовали Е. И. Данилова, Н. Ф. Дементьева, А. В. Дмитриев, Н. Г. Ковалева, Т. З. Козлова, А. В. Писарев, Ж. Т. Тощенко. В своих работах эти авторы подчеркивают тот факт, что популярный стереотип о пассивности старшего поколения, а также об его консерватизме не находит подтверждения в эмпирических данных. Прекращение профессиональной активности не должно исключать пожилых людей из активной жизни в обществе, не должно быть связано с отсутствием у них самоуважения и уважения других, чувства ответственности и долга за дела социума.

Сегодня, по оценкам демографов, прогрессирующий процесс старения населения приобрел глобальный характер. Причем понятие «глобальный» может быть использовано применительно как к масштабам распространения этого процесса, так и к его последствиям. Ученые по-разному оценивают последствия старения населения, но в том, что оно оказывает существенное влияние на общественные процессы, их структуру, динамику, мнения исследователей сходятся. Так, например, в современном обществе формируется новая структура населения, где *активные пожилые люди становятся необходимым ресурсом для его функционирования и развития*, что приводит, в свою очередь, к постановке вопроса о необходимости изменения стереотипного восприятия старости и социокультурного статуса пожилых людей, их всесторонней адаптации к социально-экономическим условиям переходного периода. Это требует переосмысления обществом в целом двух ключевых проблем до-

стоинства личности и прав человека: проблемы *притязания* и проблемы *долженствования* государства и общества к пожилым.

Современная ситуация в Беларуси характеризуется существенными структурными изменениями, связанными с глобальными и имеющими долгосрочный характер процессами модернизации устройства общества, пожилым людям иногда значительно труднее адаптироваться в динамично меняющихся экономических и социокультурных условиях. Для этого им требуется квалифицированная помощь, базирующаяся на государственной поддержке лиц пожилого возраста, учитывающей многообразие и неоднородность их проблем и запросов, их притязаний к государству и обществу. Необходимо признать, что положение пожилых людей связано со значительным социальным риском. Людям пожилого возраста присущи специфические проблемы: ухудшение состояния здоровья, снижение способности к передвижению и самообслуживанию, неустойчивое материальное положение, утрата привычного социального статуса. Вот почему наступление пожилого возраста является для отдельного человека источником повышенного социального риска. Проблемы пожилых людей имеют объективные основания и требуют постоянного внимания, изыскания дополнительных материальных, кадровых и других ресурсов. Социетальные, микрогрупповые (в том числе семейные), личные проблемы, вызываемые старением населения и затрагивающие многих людей, имеют глубинные социальные причины, что следует учитывать при разработке и реализации мероприятий, нацеленных на адаптацию пожилых людей в условиях реформирования общества.

О границах старости

На сегодняшний день существуют различные точки зрения относительно того, начиная с какого возраста человек может быть причислен к социально-демографическим категориям «пожилой», «престарелый», «старый». С одной стороны, это объясняется отсутствием единых критериев, увязывающих биолого-демографические и социально-культурные показатели, на основе которых человек может быть причислен к группе «пожилых». С другой стороны, в определенной степени это связано с неоднозначностью самого понятия «возраст». Так, например, можно говорить о календарном, биологическом, социальном или психологическом возрасте.

В самом общем смысле возраст представляет собой конкретный жизненный этап, характеризующийся специфическими для него закономерностями формирования организма и личности и относительно устойчивыми морфофизиологическими и психологическими особенностями. Наиболее употребимым является понятие «календарного (хронологического) возраста», под которым понимается количество лет, прожитых человеком со времени рождения и документально подтвержденных. Сам по себе календарный возраст не является объективным критерием состояния здоровья, трудоспособности, адаптационных возможностей людей. Более показателен в этом отношении биологический возраст – совокупность показателей состояния организма конкретного

человека по сравнению с соответствующими среднестатистическими показателями здоровья людей этого же возраста, принадлежащих одной эпохе, одной национальности, находящихся в одних географических и экономических условиях существования. Он представляет собой меру изменения во времени биологических возможностей организма и определяется на основании математической оценки количественных характеристик отобранных параметров здоровья, коррелирующих с календарным возрастом.

Тем не менее в социальном плане значение календарного возраста достаточно велико: с ним связано прежде всего радикальное событие в жизни пожилого человека – выход на пенсию и сохранение или утрата определенных *прав и обязанностей*, привычных, устоявшихся состояний его достоинства согласно действующему законодательству и социальному статусу. Собственно говоря, для многих наступление старости ассоциируется именно с выходом на пенсию.

Для оценки же демографического старения используют другие значения календарного возраста. В Беларуси, России и во многих других странах это возраст 60 лет (шкала Ж. Божё-Гарнье – Э. Россета), в развитых странах Запада и в международной практике – 65 лет (шкала демографического старения ООН).

Таким образом, в настоящее время наиболее распространенным общепринятым возрастным критерием наступления старости (в первую очередь в социальном отношении) считается возраст 60–65 лет. Однако, как показывает практика, гораздо более важным фактором, оказывающим существенное влияние на жизнедеятельность человека, является связанное с социально-психологическим самочувствием, уровнем и качеством жизни субъективное восприятие возраста.

Люди в возрасте 60–65 лет обычно не причисляют себя к категории «старых» и стараются вести образ жизни, соответствующий образу жизни человека среднего возраста. Причем на их субъективное ощущение в наибольшей степени влияют следующие шесть факторов:

проблемы здоровья, наличие хронической или смертельной болезни, инвалидности;

принудительное увольнение с работы;

физическая или умственная деградация;

ограниченная физическая активность;

свертывание профессиональных и социальных контактов;

болезнь или смерть супруга (супруги).

Определяющими же являются факторы физического здоровья и сохранность привычных социальных ролей.

Стереотипы старости и обязательства государства

Старость как явление человеческой жизни представлена качественно различными аспектами своего существования – биологическим и социальным. Если биологическая старость является закономерной фазой индивидуального

развития, то социальная старость выступает заключительной стадией возрастной структуры общества.

Старость испытывает давление предшествующих стадий развития. Более того, роль старости в значительной степени обусловлена тем багажом знаний, умений и навыков, личностных характерологических свойств, которые складываются у человека в предшествующие периоды.

Стереотип старости, сформировавшийся в том или ином обществе, является отражением положения пожилых людей, которые в этом обществе живут. Каждое общество в целом создает свой стереотип пожилого человека, черты которого экстраполирует затем на всю категорию пожилого населения. *Позитивный стереотип*: в его основе лежат ценность жизненного опыта и мудрости пожилых людей, потребность в уважении к ним и соответствующей опеке. *Негативный стереотип*: на пожилого человека смотрят как на ненужного, лишнего, бесполезного, а его опыт расценивают как устаревший и неприменимый в настоящий момент. Старость обозначает определенный этап индивидуальной жизни, не сводящийся к процессам распада, это самостоятельный и особенный по своим характеристикам возраст [6].

Современная система взглядов на обязательства государства по отношению к пожилым людям базируется на общечеловеческих гуманистических ценностях, идее прав человека и достоинства для людей всех возрастов и служит обоснованием для политических решений и конкретных мер поддержки пожилых людей на межгосударственном и национальном уровнях.

Центральным является принцип социально приемлемого и реально возможного сочетания полноценного участия пожилых людей в жизни общества, заботы о них со стороны общественных и государственных институтов, обеспечения правовых условий для удовлетворения их потребностей для реализации накопленного в течение жизни потенциала достоинства личности. Уважение к пожилым людям, забота о них, позитивное отношение к старости, формируемое с детства, наряду с готовностью к ее наступлению признается нормой для каждого человека и общества в целом.

Пожилые люди вносят многогранный вклад в социальное развитие социума, приветствуют позитивные изменения в современном обществе, проявляют интерес к социальной, культурной и экономической жизни, поддерживают солидарность поколений и являются хранителями духовных и нравственных ценностей, сохраняют способность к активной трудовой деятельности, готовность передавать опыт и восполнять ресурсы, затраченные на обеспечение их жизнедеятельности.

Реальность сегодняшнего дня: происходит решительный отход от мнения о пожилых людях как бремени для общества, дальнейший прогресс которого возможен в контексте общества для людей всех возрастов и состояния здоровья.

Изменения, связанные с процессами модернизации устройства общества, влияют на положение и социальное самочувствие пожилых людей, которым трудно адаптироваться в динамично меняющихся экономических и социаль-

но-культурных условиях. Для этого им требуется помощь, учитывающая значительную дифференциацию, сложность их проблем, многообразие потребностей и запросов.

Активная старость предполагает большую гибкость жизненного пути и нарушение стереотипной временной последовательности социальных ролей и видов социальной деятельности, строго «привязанных» к определенному отрезку жизненного пути, а также развитие реальных практик интеграции пожилых людей в различные виды социального участия [4].

Государство – главный субъект становления и развития привлечения лиц пожилого возраста к выработке и осуществлению политики во всех сферах жизни общества, а не только разработки политики для (и в отношении) лиц пожилого возраста.

Основной принцип данного подхода заключается в различных «способах взаимодействия государства с рыночными и общественными институтами, реализующими в том или ином объеме социальные функции в обществе» [3]. То есть связи между основными субъектами социальной политики носят характер не прямого, а косвенного регулирования. Это позволяет использовать рыночный и общественный потенциалы в качестве основных сил, способствующих росту солидарности и уменьшению социальных аномалий в обществе.

Таким образом, повышение уровня и качества жизни пожилых людей как важное условие совершенствования образа жизни – сложный процесс, в ходе которого достигается реализация экономических, политических, социальных, культурных прав.

Активизация потенциала креативной деятельности как составляющей человеческого достоинства

В повседневной жизни пожилые люди оказывают разнообразную помощь детям, при этом ее следует расценивать как взаимную. На уровне концептуализации и практической реализации социальной политики такой подход расширяет сферу социальной помощи в направлении активизации личностного потенциала пожилого человека, создания механизма реализации его потребности заботиться о ком-либо (о чем-либо) [10]. Признается, что пожилые люди, реализуя свои гражданские и политические права, могут и должны участвовать в процессе принятия политических решений на различных уровнях:

- индивидуальном (в качестве избирателей);
- групповом (через организации, объединяющие пожилых людей);
- правительственном (например, в качестве лоббистов или посредством участия в совещательных органах).

Один из важнейших показателей положения пожилого человека в обществе – его семейный статус. Социально-экономическая нестабильность в нашем обществе привела к тому, что пожилые люди ищут защиту только в семье.

По мнению Е. И. Холостовой, с выходом на пенсию у пожилых людей изменяются привычные жизненные стереотипы, возникают не только материальные, но и психологические трудности. Порой это ведет к возникновению чувства одиночества, ненужности. Чаще всего оно наступает в результате смерти одного из супругов [12].

Активное социальное участие, по мнению А. Адлера, рождает «чувство общности» в виде «уз общей человеческой принадлежности», так как «его телесность требует от него единения; язык, мораль, эстетика и разум стремятся к общепринятости, предполагают ее; любовь, работа, человеческая сопричастность являются реальными требованиями совместной человеческой жизни» [2].

Пассивное социальное участие предполагает достаточную степень вовлеченности в межличностные отношения и недостаточную степень мотивированности участия в них.

Ситуативное социальное участие характеризуется достаточной мотивированностью человека в общественных отношениях. Однако такой человек будет вовлечен в них более или менее активно в зависимости от степени заинтересованности в процессе и результате конкретных контактов с другими людьми.

Слабое социальное участие определяется как отсутствием у личности соответствующей мотивации, так и недостаточной сформированностью и (или) депривацией коммуникативных умений и навыков толерантности, что в совокупности приводит к низкому уровню вовлеченности в систему межличностных отношений.

Кроме того, социальное участие может осуществляться на различных уровнях: институциональном, уровне организаций, индивидуальном и пр. Социальное участие на индивидуальном уровне относится к интеграции пожилых людей в социальные сети родственников и друзей, а также в общество в целом.

Социальное положение пожилых людей в условиях современного общества характеризуется как ситуация социальной эксклюзии. Основаниями данной ситуации являются: низкий уровень и качество жизни; социальное одиночество; наличие негативных социально-психологических барьеров и стереотипное восприятие пожилых людей как «социально слабых» категорий, не способных к полноценному участию в социально-экономических процессах; недостаточно развитые условия для дальнейшего саморазвития и самореализации пожилых людей, организации качественного досуга.

Как не допустить умирания человеческого достоинства

Деятельность в форме социального взаимодействия и организованных форм работы открывает для пожилых людей возможности творческого самовыражения и самоактуализации, реализации социальной потребности быть субъектом помощи и поддержки, быть нужным и востребованным.

Сложившаяся ситуация требует выбора оптимальной стратегии развития современного общества, членами которого выступают в том числе и пожилые

люди. Наиболее перспективной является стратегия, основанная на конструировании необходимых социально-экономических и социокультурных условий для активной старости и обеспечении высокого уровня включенности лиц пожилого возраста в социум, в реализацию их жизненных сил как субъектов *творящей креативной деятельности*, являющейся наряду с *разумом* главным компонентом достоинства человеческой личности.

Активизация социального поведения пожилых людей позволит затормозить и смягчить процесс старения и инвалидизации. Приспособление к старости – это способность определить оптимальные соотношения между неизбежным отдыхом от некоторых сфер прежней деятельности и продолжением активного образа жизни.

Политика и мероприятия, направленные на улучшение положения пожилых людей, должны обеспечивать возможность в удовлетворении потребности проявить себя как личность, что в более широком смысле может быть определено как удовлетворение, полученное в результате достижения личных целей, устремлений и осуществления потенциальных возможностей. Важно, чтобы политика и программы, касающиеся пожилых людей, создавали возможности для их самовыражения путем участия в различных сферах жизни, приносящих личное удовлетворение, пользу семье и обществу. Основными сферами деятельности, в которых пожилые люди находят удовлетворение, реализуя свое достоинство, являются: участие в жизни семьи и поддержание родственных связей, добровольные услуги обществу, постоянное совершенствование путем самообразования и обучения в учебных заведениях, самовыражение в искусстве и ремеслах, участие в различных общественных организациях и организациях для престарелых, религиозная деятельность, отдых и путешествия, участие в политической деятельности в качестве опытных, осведомленных граждан. Эти идеи должны быть учтены при создании специальных законодательных актов, при внесении специальных поправок в Конституцию Республики Беларусь и деятельность специально созданной государственной службы, занимающейся многочисленными и сложными для решения делами пожилых людей.

Литература

1. Альперович, В. Д. Проблемы старения / В. Д. Альперович. – М.: АСТ, 2004. – 352 с.
2. Андреев, С. В. Совершенствование условий для самореализации граждан пожилого возраста в городе Белгороде / С. В. Андреев // Социальная работа в современной России: взаимодействие науки, образования и практики: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (к 10-летию кафедры соц. работы БелГУ). – Белгород: БелГУ, 2008. – С. 150–154.
3. Григорьева, И. А. Теория и практика социальной работы: для студ. высш. учеб. заведений / И. А. Григорьева, В. Н. Келасьев. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. – 356 с.
4. Ермолаева, М. В. К проблеме взаимодействия пожилых людей и детей / М. В. Ермолаева // Психология зрелости и старения. – 2009. – № 4 (48). – С. 45–55.
5. Жданова, И. В. Современные философские представления о феноменах старости и старения / И. В. Жданова // Сб. науч. тр. НГТУ. – 2006. – № 1 (43). – С. 171–176.

6. Карюхин, Э. В. Геронтологические НКО: от моделей ухода к становлению сектора / Э. В. Карюхин. – М.: Эслан, 2002. – 215 с.
7. Колик, Г. Реализация развивающего потенциала досуга людей пожилого возраста: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Г. Колик. – СПб., 2007. – 22 с.
8. Липай, Т. П. Социальное взаимодействие между общественными организациями и учреждениями социальной защиты населения: благотворительность и социальное партнерство / Т. П. Липай, О. А. Волкова // Вестн. МГИРО. – 2014. – № 3 (18). – С. 7–11.
9. Липай, Т. П. Стигматизация как социокультурный феномен: методология, результаты социологического исследования / Т. П. Липай // Личность в едином образовательном пространстве: организация, содержание и технологии освоения / под. науч. ред. проф. К. Л. Крутий. – Запорожье: ООО «ЛИПС» ЛТД, 2011. – 428 с.
10. Мадридский международный план действий по проблемам старения [Электронный ресурс]: [принят второй Всемирной ассамблеей по проблемам старения, Мадрид, 8–12 апр. 2002 г.]. – Режим доступа: http://www.un.org/russian/document/declarat/ageing_program.html. – Дата доступа: 01.11.2015.
11. Переведенцев, В. Недожитые годы / В. Переведенцев // Новое время. – 2007. – № 4. – С. 32–33.
12. Холостова, Е. И. Социальная работа с пожилыми людьми: учеб. пособие / Е. И. Холостова. – М.: Дашков и К°, 2005. – 296 с.
13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nn.by/?c=ar&i=125824&lang=ru>. – Дата доступа: 13.05.2015.
14. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belta.by/society/view/kolichestvo-pensionerov-v-belarusi-prevysilo-25-milliona-64759-2013>. – Дата доступа: 18.10.2015.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЗАЩИТЫ ДОСТОИНСТВА И РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ

*С. Е. Дроздовский,
эксперт, координатор
Просветительского правозащитного учреждения
«Офис по правам людей с инвалидностью»*

Когда мы слышим «инвалид», что нам приходит на ум? Привычный знак с символическим изображением инвалидной коляски?.. Или – образ человека в черных очках с белой тростью?.. Или – человек на костылях?.. Или... Еще что-либо из набора стереотипов, который отображает нашу склонность и сегодня воспринимать проблему инвалидности как проблему состояния здоровья. Но где в этом контексте выступает проблема *достоинства личности человека с инвалидностью?*

На протяжении многих веков в нашем сознании укоренились стереотипы восприятия инвалидности как проблемы несоответствия человека с особенностями «нормальному» индивиду. Сообщества людей в разное время и на разных континентах пытались решать проблему инвалидности социальным обустройством. Сегодня можно выделить две антагонистические модели понимания инвалидности: *медицинскую* и *социальную*. Мы склоняемся к видению модели инвалидности как *патерналистской и модели инвалидности, ос-*

нованной на понимании прав человека (модели гражданских прав). Так, патерналистская модель включает в себя традиционные модели инвалидности, которые со значительной долей условности разделяются на *религиозную* (рассматривающую инвалидность как наказание за грехи), *медицинскую* (детерминирующую людей с инвалидностью по их физическим и (или) психическим отличиям в понимании патологий или дефектов, т. е. неполноценности), а также *реабилитационную модель* (устанавливающую у индивида функциональные отклонения от нормы, требующие устранения или компенсации). В основе перечисленных моделей инвалидности лежит отклонение от «нормальности». Понимание инвалидности в данных моделях выглядит как перенесение ответственности за нее на самого человека. При этом «религиозная» модель допускала удаление из сообщества «отмеченных грехом людей с инвалидностью» для их отмаливания; при медицинском подходе фиксировалось восприятие человека с инвалидностью как «вечного» пациента, на которого обращено лечение в специальных условиях, либо признанного «неизлечимым», бесполезным; реабилитационная модель – приспособление индивида к социуму. Объединяющее начало в данных моделях проявляется в одной особенности – объектном отношении к человеку. При таком подходе наиболее эффективной (с меркантильных позиций) будет сегрегация людей с инвалидностью, размещение их в изолированных пространствах для удобства работы с их «недостатками» либо использование специальных инструментов социального обеспечения. Так, при невозможности быть вылеченным или приспособленным к действительности человек с инвалидностью становился объектом опеки (со стороны государства предлагаются наборы льгот, преференций, размещение в интернатах и т. д.), а также филантропии и благотворительности. Преобладание патерналистской модели характеризуется доминирующими властными отношениями в обществе со стороны государства. При объектном отношении вся судьба человека с инвалидностью находится в руках специалистов, принимающих решения. Именно специалисты вольны определять судьбу человека с инвалидностью с возможностью полного исключения мнения самого человека. Традиционно эксплуатируются объяснения принятия решений «во благо самого инвалида» либо во благо «государственных» интересов. Другая характерная особенность политики на основе патерналистского отношения – это влияние на проблемы инвалидности посредством группирования (например, льготы для инвалидов первой группы и т. п.)

Несмотря на столь «удобный» характер моделей политики инвалидности, ведущих к изоляции, сегрегации и дискриминации, все более интенсивное развитие и уплотнение человеческого социума предъявило множество неразрешимых задач. Разрастание изолированного сектора поставило под сомнение экономическую возможность их постоянного иждивенческого содержания со стороны государства и за счет средств общества. Ведь в результате статистических исследований инвалидности в мире отмечается, что

доля лиц с инвалидностью составляет 10% от населения планеты (от 0,2 до более 20% в разных странах). Как было отмечено на пресс-конференции, посвященной Международному дню инвалидов, в Беларуси на 1 ноября 2014 г. проживали 519 тыс. инвалидов, в том числе 25 тыс. детей-инвалидов до 18 лет.

Патерналистские модели понимания инвалидности преобладали в западных странах (странах «первого» мира) до 1970–1990-х годов, когда топливный кризис заставил полностью пересмотреть политику в сфере инвалидности.

Весьма показательно, что именно мотивы экономического характера подвигли к активизации внедрения инновационной модели понимания инвалидности на основании достоинства личности и прав человека, а не всемирное установление приоритета прав человека путем принятия и внедрения Всеобщей декларации прав человека, провозглашенной резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. [1].

Необходимость пересмотра патерналистских подходов привела к пониманию инвалидности не через «видение ненормальности человека», а как следствие взаимодействия индивида со средой, которая не обеспечивает учета особенностей индивида и ограничивает или блокирует участие индивида в жизни общества. Самым мощным блокирующим барьером на пути интеграции людей с инвалидностью в общество приходится признать преобладание негативного стереотипного отношения в обществе. Одним из самых очевидных признаков (но далеко не единственным и не главенствующим), на основе которых инвалидность относится к правозащитным проблемам, является устойчивая сформированность сообщества людей с инвалидностью как меньшинства. И это – поле дискриминационных отношений. Как отмечалось выше, традиционно практикуемое объектное отношение к людям с инвалидностью создает значительные трудности в обеспечении правомочности и полномочности. Умение совершать выбор является характерной чертой развития личности. Но многие люди с инвалидностью лишены возможности делать осознанный выбор в различных сферах жизнедеятельности. Однако недостаток самоопределения и сил не связан с отклонениями или ограничениями, чаще это происходит из-за негативного отношения и традиций. В большинстве случаев инвалидам предлагаются искусственно отобранные варианты ограниченного характера. Под «вариантами» может просто скрываться стремление избавиться от нежелательных альтернатив. Такой подход ставит под сомнение первенство уважения человеческого достоинства. Объективное наличие инфраструктурных, социальных, административных, политических и экономических барьеров на пути людей с инвалидностью в реализации ими своих прав, их маргинализация смещают проблему инвалидности в правозащитную сферу.

Модель инвалидности, основанная на понимании достоинства и прав человека, исключает возможность социального исключения людей с инвалидностью ввиду имеющихся барьеров, так как само общество создает данные барьеры, продуцируя институциональную сепарацию, тотальную дискримина-

цию. Таким образом, целью создания модели инвалидности, основанной на понимании достоинства и прав человека, являются трансформация и реформирование всех социальных институтов для обеспечения возможности включения (инклюзии) в них людей с инвалидностью, наделения их полноправностью и правомочностью, ролью субъекта социальной политики в сфере инвалидности. Безусловно, модель инвалидности, основанная на понимании прав человека, вступая в антагонизм с моделью патернализма, включающей медицинскую, вовсе не исключает медицинского, социального и иного обслуживания людей с инвалидностью.

Следует признать, что не существует той или иной модели инвалидности в какой-либо из стран в чистом виде. Можно говорить о преобладании или росте значимости в формировании национальной политики понимания инвалидности как правозащитной проблемы благодаря активному внедрению антидискриминационных концепций законодательства. Такой подход характерен для стран США, Великобритании, Германии, Канады и некоторых других. При этом экспертами отмечаются значительные трудности в построении социальной политики, основанной на принципе антидискриминации в странах с переходными режимами, особенно в тех, где наблюдаются сильные традиционалистские течения.

Сложности и затруднения, связанные с продвижением *социальной модели инвалидности, основанной на правах человека*, в определенной степени объясняются как национальными культурными особенностями, так и политическим и экономическим положением – реализация большинства так называемых социальных прав напрямую зависит от экономического благосостояния общества. При таком положении дел особую роль и значимость приобретает международный контекст. При формировании любой новой стратегии или модели политики на национальном уровне следует учитывать международную систему. Одна из причин – это соответствие (потенциальным) правовым обязательствам и наличие стратегий, совместимых с другими (соответствующими) юрисдикциями. Еще одна причина в том, что международная система более инновационна и прогрессивна, чем любая национальная модель, так как она является следствием отражения и сравнения передового опыта и не так сильно ограничена юридическими, экономическими и политическими факторами.

История развития международной основы понимания инвалидности как социально-нравственной правозащитной проблемы имеет свои особенности. Несмотря на то что основные международные договоры по правам человека учитывают и интересы людей с инвалидностью, не идентифицируя их, практика показала наличие значительных проблем в реализации норм договоров во благо поощрения прав людей с инвалидностью. В 1971 г. Генеральной Ассамблеей принята Декларация о правах умственно отсталых лиц [2] и в 1975 г. – Конвенция о правах инвалидов [3], в которых устанавливаются нормы обеспечения одинаковых условий и равного доступа к обслуживанию. В результате проведения Международного года инвалидов (1981 г.) была принята Всемир-

ная программа действий в отношении инвалидов [4]. Главным итогом Десятилетия инвалидов, проведенного Организацией Объединенных Наций (1983–1992 гг.), стало принятие Стандартных правил обеспечения равных возможностей для инвалидов [5]. В 1992 г. Генеральная Ассамблея провозгласила 3 декабря Международным днем инвалидов. Десятилетия целенаправленной работы по совершенствованию политики в сфере инвалидности привели к изменениям медицинских стратегий и отношения к инвалидности. Международная классификация функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья, принятая 54-й сессией Ассамблеи Всемирной организации здравоохранения 22 мая 2001 г., утвердила новый подход к инвалидности, перейдя от медицинского взгляда на патологические последствия заболеваний, к «биопсихосоциальной модели», которая определяет инвалидность как динамическое взаимодействие между состоянием здоровья, с одной стороны, и окружающими и личностными факторами – с другой [6]. Данный шаг позволяет перейти от медицинской модели инвалидности к правозащитной. Причем Международная классификация функционирования (МКФ) не является специальным документом по определению инвалидности, а более широко раскрывает формат инвалидности как одну из форм разнообразия человеческих состояний.

Принятие в 2006 г. Конвенции о правах инвалидов завершило процесс утверждения видения инвалидности как правозащитной проблемы [3]. Конвенция представляет собой результат продолжительной аналитической работы и переговоров, в которых принимали участие представители гражданского общества, правительства, национальные учреждения по защите прав человека и международные организации. После принятия Конвенции Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций в декабре 2006 г. беспрецедентное число стран продемонстрировало свое твердое стремление соблюдать права инвалидов, подписав Конвенцию о правах инвалидов и Факультативный протокол к ней сразу после того, как они были открыты для подписания в марте 2007 г. По данным ООН, на начало 2014 г. 150 стран из 193 государств – членов Организации Объединенных Наций ратифицировали Конвенцию о правах инвалидов. Министерством труда и социальной защиты совместно с Представительством ООН/ПРООН в Беларуси в 2010 г. был реализован проект международной технической помощи «Содействие Республике Беларусь в присоединении к Конвенции о правах инвалидов и ее осуществлению», затем проект закона «О присоединении Республики Беларусь к Конвенции о правах инвалидов» внесен в Совет Министров Республики Беларусь. Пока на государственном уровне только обсуждалась возможность подписать Конвенцию о правах инвалидов, в стране была запущена информационная кампания «Подпиши сердцем», главная идея которой – предоставление возможности для каждого, кто неравнодушен к проблемам людей с инвалидностью, заявить о своей гражданской позиции по поводу принятия Конвенции о правах инвалидов. Подписывая Меморандум о присоединении к добровольному обязательству следования принципам Конвенции о правах инвалидов, граждан

либо организация вносят свой вклад в принятие Конвенции о правах инвалидов – берут на себя обязательства следовать принципам документа. Так, до официального подписания Конвенцию о правах инвалидов подписали 489 граждан Республики Беларусь и 49 организаций. Общественной структурой, проводящей мониторинг соблюдения прав инвалидов, выступает Просветительское правозащитное учреждение (ППУ) «Офис по правам людей с инвалидностью», начавшее свою работу в июне 2011 г. Так, в период с 2 июля 2013 по 30 июня 2014 г. в ППУ «Офис по правам людей с инвалидностью» поступило 979 обращений граждан, 741 обращение из них было принято к детальному рассмотрению юристами учреждения. Среди обратившихся 334 женщины, 259 мужчин и 148 детей. Также по данным мониторинга обращений граждан за ноябрь 2014 г. в ППУ «Офис по правам людей с инвалидностью» поступило около 100 обращений граждан, 82 из которых было принято к детальному рассмотрению юристами Офиса. Наибольшее количество обращений за отчетный период содержало вопросы, касающиеся достаточного жизненного уровня и социальной защиты.

Сама цель Конвенции заключается «в поощрении, защите и обеспечении полного и равного осуществления всеми инвалидами всех прав человека и основных свобод, а также в поощрении уважения присущего им достоинства». Как и типично для правозащитного документа, Конвенция не устанавливает жесткого и закрытого определения понятиям «инвалид» и «инвалидность». Так, к инвалидам относятся лица с устойчивыми физическими, психическими, интеллектуальными или сенсорными нарушениями, которые при взаимодействии с различными барьерами могут мешать их полному и эффективному участию в жизни общества (ст. 1). При этом Конвенция допускает существование в национальных законодательствах собственных определений инвалидности и статуса человека с инвалидностью, но не противоречащих модели, основанной на правах человека, – социальной модели. Более того, появление национальных статусных определений продиктовано, как правило, необходимостью регулирования сфер социальной защиты, трудоустройства. В данном случае важно, насколько национальные определения и нормы соответствуют принципам Конвенции.

Принципами Конвенции являются:

- «а) уважение присущего человеку достоинства, его личной самостоятельности, включая свободу делать свой собственный выбор, и независимости;
- б) недискриминация;
- в) полное и эффективное вовлечение и включение в общество;
- г) уважение особенностей инвалидов и их принятие в качестве компонента людского многообразия и части человечества;
- д) равенство возможностей;
- е) доступность;
- ж) равенство мужчин и женщин;
- з) уважение развивающихся способностей детей-инвалидов и уважение права детей-инвалидов сохранять свою индивидуальность» [3, ст. 3].

Общие принципы задают рамки Конвенции. Принципы носят универсальный характер, но в них подчеркивается специфика инвалидности. Принцип недискриминации составляет саму основу прав человека и закреплён во всех остальных договорах о правах человека. «Дискриминация по признаку инвалидности» определяется Конвенцией как «любое различие, исключение или ограничение по причине инвалидности, целью или результатом которого является умаление или отрицание признания, реализации или осуществления наравне с другими всех прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой иной области. Она включает все формы дискриминации, в том числе отказ в разумном приспособлении». Признание принципа недискриминации в ст. 3 (пункт «б») подчеркивает важное значение рассмотрения дискриминации во всех ее формах. В пункте «а» отмечается главенство требований соблюдения достоинства личности. Также следует подчеркнуть, что из обилия терминов, которыми именуют инвалидов, как отмечают представители белорусского Офиса по правам людей с инвалидностью, «наиболее подходящим является определение – «люди с инвалидностью», в котором на первом месте стоит именно человек, а уж потом – его достаточно конкретно определяемое качество ограниченности в связи с институциональными барьерами, барьерами в отношении или окружающей обстановки, препятствующими участию в жизни общества».

Государства, подписавшие Конвенцию, обязаны принять меры для исключения дискриминации и защиты человеческого достоинства инвалидов: как отраженной в законодательстве, так и происходящей на практике. При этом в сфере инвалидности особенно важным является применение позитивных мер в пользу людей с инвалидностью, т. е., по сути, узаконивается возможность дискриминации большинства в пользу людей с инвалидностью. В чем особенный смысл этого? Основопологающим моментом данной концепции является понятие о том, что иногда дискриминация – это одинаковое обращение со всеми без исключения. Принято считать, что равенство подразумевает всего лишь единообразие и что равное обращение со всеми людьми означает справедливый подход к каждому. Однако это не всегда справедливо. Игнорирование различий может вылиться в игнорирование легитимных потребностей. Равенство ничего не стоит, если под ним не подразумевается, что мы все равны вне зависимости от различий. Таким образом устанавливается приоритет равенства возможностей перед равенством условий.

Уникальным принципом в Конвенции является «разумное приспособление», тесно увязанное с обеспечением равных возможностей, исключением дискриминации. В Конвенции «разумное приспособление» понимается как внесение, когда это нужно в конкретном случае, необходимых и подходящих модификаций и корректив, не являющихся несоразмерным или неоправданным бременем, в целях обеспечения реализации или осуществления инвалидами наравне с другими всех прав человека и основных свобод (ст. 2). На основе этого принципа инвалид может использовать свое право на то, чтобы государ-

ство, а через него и другие стороны, в том числе частный сектор, приняли необходимые меры для изменения конкретной ситуации, которые при этом не становятся несоразмерным бременем. Конвенция гласит, что отказ лицу в «разумном приспособлении» равносителен дискриминации по признаку инвалидности.

Принцип личной самостоятельности подчеркивает правосубъектность индивидуумов с инвалидностью. Данный принцип обязывает создавать условия для обеспечения свободного выбора человеком с инвалидностью образа жизни, принятия независимых решений наравне с людьми без инвалидности.

Принцип полного и эффективного вовлечения и включения в общество и доступности означает, что общество должно быть организовано так, чтобы все люди могли принимать полное участие в его жизни. Полное включение в общество означает, что люди с инвалидностью признаются и воспринимаются как равные участники. Их потребности понимаются как неотъемлемая часть социально-экономического порядка, не могут рассматриваться как «особые». Для обеспечения полного включения необходима доступная физическая и социальная среда. С принципом вовлечения и включения в общество связана концепция универсального дизайна, которая определяется в Конвенции как «дизайн предметов, обстановок, программ и услуг, призванный сделать их в максимально возможной степени пригодными к пользованию для всех людей без необходимости адаптации или специального дизайна» (ст. 2). Иными словами, на этапе дизайна должны учитываться потребности всех членов общества для обеспечения того, чтобы на более позднем этапе не требовалось специальной адаптации.

Конвенция охватывает спектр гражданских, политических, социальных и культурных прав. Принципиальным является тот факт, что Конвенция не устанавливает новых прав, она делает описание прав с позиции инвалидности и, главное, описывает обязательства государств по их обеспечению для людей с инвалидностью. В Конвенции также содержатся нормы, касающиеся просветительно-воспитательной работы, доступности, ситуаций риска и чрезвычайных гуманитарных ситуаций, доступа к правосудию, индивидуальной мобильности, абилитации и реабилитации, статистики и сбора данных. Особое место в Конвенции уделено роли и месту организаций людей с инвалидностью как в принятии решений, так и их реализации. Тем самым Конвенция реализует на практике принцип «Ничего о нас – без нас!».

Анализируя Конвенцию как основу соблюдения достоинства личности и важный международный акт, способствующий инклюзии людей с инвалидностью в общественные отношения, следует отметить, что ст. 10–30 охватывают права, гарантированные инвалидам, среди которых право на жизнь; равенство перед законом; доступ к правосудию; свобода и личная неприкосновенность; свобода от пыток и жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания; свобода от эксплуатации, насилия и надругательства; защита личной целостности; свобода передвижения и гражданство; самостоятельный образ жизни и вовлеченность в местное сообщество; свобода выражения

мнений и убеждений и доступ к информации; неприкосновенность частной жизни; труд и занятость; достаточный жизненный уровень и социальная защита; участие в политической и общественной жизни; участие в культурной жизни, проведении досуга и отдыха и занятии спортом.

Подтверждая взаимозависимость и взаимосвязанность всех прав, тем не менее Конвенция допускает в отношении экономических, социальных и культурных прав их постепенное обеспечение и осуществление, как это уже было признано в ст. 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах и в ст. 4 Конвенции о правах ребенка. Признание того, что полная реализация экономических, социальных и культурных прав может сдерживаться ограниченными ресурсами, уравнивается требованием о максимальном задействовании имеющихся у государства ресурсов и в случае необходимости мер международного сотрудничества [7, ст. 4 (2) и 32].

Говоря о специфике Конвенции, следует указать на описание в ней мер и обязанностей для исполнения государствами:

- принимать все надлежащие законодательные, административные и иные меры для осуществления прав человека в отношении людей с инвалидностью;

- принимать законодательные и иные меры для устранения дискриминации;

- обеспечивать во всех стратегиях и программах защиту и поощрение прав человека для людей с инвалидностью;

- воздерживаться от любых действий, которые нарушают права инвалидов;

- обеспечивать соблюдение органами государственного управления прав инвалидов;

- обеспечивать соблюдение частными лицами, организациями и частными предприятиями прав инвалидов;

- проводить научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в отношении товаров, услуг и технологий, доступных для инвалидов, и поощрять проведение таких работ;

- предоставлять инвалидам доступную информацию об ассистивных технологиях;

- поощрять профессиональную подготовку специалистов и персонала, работающих с инвалидами, по признаваемым в настоящей Конвенции правам;

- консультироваться с инвалидами и привлекать их к участию в разработке и осуществлении законов и политики, а также в процессе принятия решений по вопросам, касающимся инвалидности.

Как уже говорилось выше, наряду с предписанием необходимых мер Конвенция налагает на государства и обязанности. Выполнение государством обязанностей может зависеть от его экономических возможностей. При этом государства должны строить свою политику таким образом, чтобы использовать имеющиеся у него ресурсы для обеспечения реализации прав людей с инвалидностью. Однако принцип постепенности может касаться лишь экономических, социальных и культурных прав, но ни в коей степени граждан-

ских и политических – они должны обеспечиваться незамедлительно и в полном объеме. Дискриминация по любым основаниям, включая инвалидность, неизменно запрещена вне зависимости от уровня реализации экономических, социальных, культурных прав.

Конвенция налагает на все государства-участники три отдельных обязательства.

Обязательство по соблюдению. Государства-участники не должны чинить препятствий в вопросах осуществления прав людей с инвалидностью.

Обязательство по защите. Государства-участники должны предотвращать нарушения этих прав третьими лицами.

Обязательство по исполнению. Государства-участники должны принимать законодательные, административные, бюджетные, судебные и иные меры, для того чтобы гарантировать полную реализацию этих прав.

Впервые в семействе договоров о правах людей с инвалидностью Конвенция приобрела черты договора обязательного («твердого») характера, что выражено в обязанности государства обеспечивать мониторинг хода выполнения норм Конвенции. Конвенция предусматривает национальный и международный мониторинг:

на национальном уровне государства-участники должны выделять в своих правительствах несколько контактных лиц по вопросам, связанным с осуществлением настоящей Конвенции. Они также должны предусмотреть возможность учреждения или назначения в правительстве координационного механизма для содействия соответствующей работе по вопросам, касающимся соблюдения Конвенции;

на международном уровне Конвенция предусматривает механизм мониторинга, осуществляемого Комитетом по правам инвалидов. Комитет занимается рассмотрением периодических докладов, представляемых государствами-участниками, и на основании этих докладов сотрудничает с заинтересованными государствами-участниками и разрабатывает для них замечания и рекомендации, вытекающие из его заключения.

Как инструмент контроля может использоваться инструмент Конференции стран-подписантов.

Согласно ст. 33 Конвенции, государства-участники обязаны создавать специальные механизмы для осуществления и мониторинга прав женщин-инвалидов, мужчин-инвалидов и детей-инвалидов на национальном уровне. В Конвенции говорится о «механизме», а не о «национальном учреждении по защите прав человека».

Комитет по правам инвалидов – также новация в договорах о правах людей с инвалидностью. Если государство ратифицировало Факультативный протокол к Конвенции о правах инвалидов, то Комитет может осуществлять мониторинг соблюдения Конвенции двумя различными способами: посредством процедуры рассмотрения индивидуальных сообщений (жалоб) от част-

ных лиц, которые считают, что являются жертвами нарушения этим государством-участником прав, которые признаны за ними Конвенцией, и посредством процедуры проведения расследования утверждений о грубых или систематических нарушениях Конвенции.

Каждое государство должно готовить и предоставлять в Комитет регулярные отчеты – первый через два года после вступления, последующие – каждые четыре года либо по специальному запросу Комитета. В полномочия Комитета входит формирование требований к отчетам и их содержанию. По рассмотрении отчетов Комитет направляет их в соответствующие органы ООН для реализации сформированных по их анализу Комитетом рекомендаций.

Среди обязанностей государства следует отметить необходимость создать независимую структуру, например национальное учреждение по защите прав человека, занимающееся поощрением и мониторингом соблюдения Конвенции. В Конвенции говорится о «механизме», а не о «национальном учреждении по защите прав человека». Но когда государство создает такой механизм, оно должно учитывать «принципы, касающиеся статуса национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека», принятые Организацией Объединенных Наций в 1993 г. Теперь эти принципы называются «Парижские принципы». Согласно Парижским принципам, национальные учреждения должны иметь право на проведение соответствующих расследований, а также владеть полномочиями принимать жалобы.

Как уже отмечалось, инвалиды должны обладать неотъемлемым правом выбора во всех сферах жизни, в том числе профессионального обучения и места работы. Этот процесс включает в каждом отдельном случае консультации с заинтересованным лицом о его пожеланиях.

В ряде важных международных документов содержатся полезные рекомендации относительно концепций и мер, касающихся создания равных возможностей для инвалидов. Сюда входят следующие документы: «Всемирная программа Организации Объединенных Наций относительно мероприятий, касающихся инвалидов» (ООН, 1982 г.) [8], Конвенция по профессиональной реабилитации и занятости инвалидов (№ 159) (МОТ, 1983 г.) и «Нормативные правила Организации Объединенных Наций по созданию равных возможностей для инвалидов» (ООН, 1983 г.) [9].

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что инвалидность наиболее рационально относить к правозащитным проблемам, и в рамках данной парадигмы имеется весомый инструмент защиты прав и достоинства людей с инвалидностью – Конвенция о правах инвалидов [3]. Ее антидискриминационная направленность, наличие ряда обусловленных ею механизмов делают перспективными направления деятельности по установлению национальных практик защиты прав людей с инвалидностью, в первую очередь судебной, и по соблюдению достоинства личности человека с инвалидностью. Конвенция является основным международным документом, который помогает выстраивать национальную политику таким образом, чтобы в центре стоял че-

ловек с его проблемами и трудностями, а вокруг него выстраивалась цепочка управления, финансов, взаимоотношений государственных органов и общественных объединений. Как отметил д-р Илья Зайферт, член Германского Бундестага и спикер по вопросам инвалидности, президент Всеобщего союза инвалидов Германии «За самоопределение и достоинство» (АБиД), член Совета инвалидов Германии и Европейского форума инвалидов (ЕДФ), сам вследствие несчастного случая уже на протяжении более 45 лет являющийся инвалидом, в своем выступлении «Аспекты прав человека в Конвенции о правах инвалидов как предпосылки участия всех и каждого в инклюзивном обществе»: «Конвенция о правах инвалидов – это именно документ о правах человека. Собственно говоря, она говорит лишь о том, что общие права относятся также и к людям с инвалидностью. Она делает это, так как – во всем мире – ситуация далеко не такая. Поэтому она призывает – всех нас! совместно выровнять отрицательные стороны, обусловленные инвалидностью. Конвенция не требует особого положения для людей с нарушениями. А также их обособления в «специальных жилых зонах» или же какого-то особого их положения в качестве «почти святых». Она направлена на уравнивание неравных. Она хочет, чтобы мы воспринимали друг друга такими, какие мы есть».

Указ Президента от 24 сентября 2015 г. № 401 «О подписании Республикой Беларусь Конвенции о правах инвалидов» подытожил 8 лет подготовительных работ и консультаций по подписанию конвенции и поставил новые задачи: перед правительством – ратификация и имплементация международного документа, обсуждение подписания Факультативного протокола к Конвенции о правах инвалидов, принятого резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи от 13 декабря 2006 г.; перед неправительственными организациями – мониторинг выполнения статей Конвенции, активное взаимодействие с целью подготовки альтернативного Нулевого отчета о состоянии прав людей с инвалидностью в Республике Беларусь, и, конечно, изменение отношения общества в целом к инвалидам, конкретные права которых необходимо рассматривать с позиции достоинства личности соблюдения прав человека.

Литература

1. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III), 10 дек. 1948 г.) // Российская газета. – 1998. – 10 дек.
2. Декларация о правах умственно отсталых лиц [Электронный ресурс]: принята резолюцией 2856 (XXVI) Генеральной Ассамблеи, 20 дек. 1971 г. – Режим доступа: <http://www.hri.ru/docs/?contentxdoc&id=315>. – Дата доступа: 11.02.2015.
3. Конвенция о правах инвалидов [Электронный ресурс]: принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН, 13.12.2006 г., № 51/106. – Режим доступа: <http://www.im.org/nydocuments/ods.asp?m=A/RES/61/106>. – Дата доступа: 08.08.2015.
4. Всемирная программа действий в отношении инвалидов: принята резолюцией 37/52 Генеральной Ассамблеи, 3 дек. 1982 г. – Режим доступа: http://www.un.org/m/documents/decl_conv/conventions/progl.shtml. – Дата доступа: 16.03.2015.
5. Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов [Электронный ресурс] (Нью-Йорк, 20 дек. 1993 г.). – Режим доступа: <http://www.lawmix.ru/abro/8670>. – Дата доступа: 13.04.2015.

6. Международная классификация функционирования ограничений жизнедеятельности и здоровья. – Женева: ВОЗ, 2001. – 342 с.

7. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 нояб. 1950 г.) (с изм. и доп. от 21 сент. 1970 г., 20 дек. 1971 г., 1 янв. 1990 г., 6 нояб. 1990 г. и мая 1994 г.) // Бюл. междунар. договоров. – 2001. – № 3.

8. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Нью-Йорк, 19 дек. 1966 г.) // Сб. действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. – М., 1978. – Вып. XXXII.

9. Конвенция по профессиональной реабилитации и занятости (инвалидов) 1983 г. (№ 159) (МОТ, 1983 г.) и «Нормативные правила Организации Объединенных Наций по созданию равных возможностей для инвалидов» (ООН, 1983 г.).

10. Конвенция о правах ребенка [Электронный ресурс]: резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 44/25, 20 нояб. 1989 г. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/doc umen/convents/childcon.htm>. – Дата доступа: 22.05.2015.

CARITAS HUMANO GENERI*: МИЛОСЕРДИЕ КАК ЦЕННОСТНАЯ ПРЕДПОСЫЛКА И СОЦИАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ

*В. А. Латышева,
кандидат исторических наук, доцент*

Человек милосердный благотворит
душе своей, а жестокосердный раз-
рушает плоть свою.

(Притч. 11: 17)

В условиях современности общество все чаще сталкивается с вызовами, приковывающими повышенное внимание к проблемам духовности, что не только указывает на очевидный кризис соответствующих ценностей, но и демонстрирует их тесную взаимосвязь с основными сферами общественной жизни, в частности материальными и социально-политическими ценностями.

Напомним, что интерес к проблеме существования ценностей отмечался уже в период Античности, подтверждением чему являются учения Сократа (469–399 до н. э.), Платона (427–347 до н. э.), Аристотеля (384–322 до н. э.). Уже тогда была очевидной апелляция к осмыслению идей блага, добра, истины, красоты как вечных сущностных абсолютов, выступающих в роли неотъемлемой части бытия. Впоследствии осмысление понятия «ценность» получило должное развитие и, соответственно, расширилось. Сегодня ценность определяется как «сложившаяся в условиях цивилизации и непосредственно переживаемая людьми форма их отношения к общезначимым образцам культуры и к тем предельным возможностям, от осознания которых зависит способность каждого индивида проектировать будущее, оценивать «иное» и сохранять в памяти прошлое» [15, с. 788].

Накопленный исторический опыт позволяет выделить ценности отдельного индивида, социальной группы, эпохи; ценности меняющиеся и постоянные

* Милосердие к роду человеческому (лат.).

ные. Наполнение самого понятия любой из существовавших ценностей в обществе подвергается постоянному изменению. Однако следует отметить, что обращение к исследованию духовных ценностей той или иной цивилизации, времени, индивида способно отразить не только их истоки, но и степень свободы личности в тех или иных условиях складывающегося исторического выбора.

В условиях правовой нестабильности, которую демонстрирует мировое сообщество, остро встает вопрос о поиске механизмов, которые не только выступали бы гарантами государственных и межгосударственных структур, обеспечивающих свободу личности, но и гарантировали бы ее в рамках общественных связей. В таких условиях особое внимание привлекают ценности, которые способны выводить из кризисных ситуаций, помогают сохранять человеческое лицо и предоставлять свободу благодаря реализации таких ценностных ориентиров, как гуманность, благотворительность, а также милосердие. Примечательно, что одна из современных отечественных светских трактовок понятия «милосердие» следующая: «сострадательное, доброжелательное, заботливое, любовное отношение к другому человеку; противоположно равнодушию, жестокосердию, злонамеренности, враждебности, насилию» [10, с. 307] или «сострадательная любовь, сердечное участие в жизни немощных и нуждающихся (больных, раненых, престарелых и др.) [12, с. 287].

По ряду очевидных объективных причин ценностные ориентиры современности заслуживают пристального внимания. В условиях экзистенциального характера современности они способны выступать и отражать степень свободы отдельного человека. Сегодня именно он, человек, оказывается заложником, а зачастую и жертвой политических игр, экономических просчетов, международного терроризма, экологических катастроф и т. д. К сожалению, такими примерами был полон XX век и продолжает наполняться XXI век, когда достижениями мирового сообщества становятся не только научные открытия, свершения в области культуры и техники, но и горькие последствия разрушительных социальных катаклизмов: революций, гражданских войн, межнациональных и межрелигиозных конфликтов.

Вместе с тем негативные стороны человеческого бытия провоцируют не только создание, функционирование и генезис направленных на противостояние им различных социально-правовых феноменов, каковым выступает институт прав человека, но и «возвышение, углубление, совершенствование человеческого достоинства как явления путем позитивной социальной деятельности» [6]. В этом смысле нельзя не согласиться с отечественным философом Л. Ф. Евменовым, активно разрабатывающим на протяжении последних десятилетий проблемное поле, связанное как с правами человека, так и с категорией достоинства личности [7].

Очевидно, что современность диктует изменение наполнения ряда, казалось бы, устоявшихся на протяжении не одного столетия понятий и ставших

уже «классическими», а также стереотипов общественного отношения к ним. Исследователи склонны связывать такое положение с возникновением целой «популяции антропогенно-антропологических рисков», когда возникает возможность воздействия на природу человека и ее качественную трансформацию. В круг подобных рисков входит и проблема эвтаназии.

Феномен эвтаназии не может кого-либо оставить равнодушным: трудно найти человека, который не имел бы общего представления, о чем идет речь в данном случае. Это явление вызывает горячие споры философов, ученых и простых обывателей. Сегодня эвтаназия продолжает оставаться одним из неоднозначных явлений современности, которому отводится особое место среди моральных, правовых, этических и духовных критериев генезиса общества. Оппоненты различных точек зрения апеллируют к значительному комплексу аргументов медицинского, этического, психологического, правоведческого, теологического характера. Несомненно, проблема эвтаназии лежит как в эмоциональной, так и в познавательной сфере человеческого существования, заостряя внимание на таком понятии, как достоинство человека.

Как правило, структура научных дискуссий проблемного поля эвтаназии уже классически выстраивается в рамках аргументов *pro* и *contra*, что отчасти определило и наши задачи. В предлагаемой статье концентрируется внимание на таких аспектах, как ценность человеческой жизни в правовой культуре, устоявшиеся и новые аргументы противников эвтаназии, современные вопросы отражения позитивного отношения к ней, соотношение понятий «эвтаназия» и «достоинство личности».

Ценность человеческой жизни в правовой культуре

При анализе проблемы эвтаназии следует различать широкий круг этических, медицинских, философских, правовых, психологических и иных аспектов. На наш взгляд, главным посылом в дискуссиях по данному вопросу должна оставаться ценность человеческой жизни.

Наверное, как никогда, этот аспект обострился в своем понимании перед обществом с конца первой половины XX в., что было вызвано трагическими последствиями Второй мировой войны, такими как Холокост, система концентрационных лагерей и другими ужасами нацизма.

Пережитый трагический опыт заставил обратиться к общечеловеческим ценностям. Он породил необходимость реальности отвечать стремлениям и потребностям всех людей в независимости от их религиозных, социальных и иных взглядов, цвета кожи и других черт; обратиться к бесконечному разнообразию форм социальной организации, которые предоставляют человеку максимальную возможность личного выбора. В этом случае «возмущение униженных и оскорбленных по поводу попрания их человеческого достоинства» [20] стало единым с «возвышением, углублением, совершенствованием человеческого достоинства... путем позитивной социальной деятельности»

[16, с. 63], что и нашло должный ответ «негативу социальных действий» в международной деятельности, направленной на развитие института прав человека. Его идеи воплотились в рождении таких широко известных документов, как Всеобщая декларация прав человека, международные пакты и конвенции ООН.

Неудивительно, что всех их объединяет одно: ратуя за «равенство прав и свобод», они в первую очередь обращены к отражению осознания в современности и провозглашения ценности человеческой жизни.

В частности, пресловутая шестая статья из части третьей Международного пакта о гражданских и политических правах, принятого резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 16 декабря 1966 г., гласит: «1. Право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека. Это право охраняется законом. Никто не может быть произвольно лишен жизни». При этом «без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических и иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства» (ст. 2, ч. 2) [9].

Если И. Кант характеризует любовь и уважение как «великие нравственные силы», являющиеся источником жизни и развития достоинства личности, то сегодня «сокровищница достоинства личности» еще более конкретизируется. На взгляд белорусского философа Л. Ф. Евменова, она наполнена такими драгоценностями, как правда, выбор, справедливость, терпимость, стыд, смущение, радость, честь, ответственность, совесть, сострадание, милосердие и др. [6, с. 66]. Действительно, международные правовые акты не только провозглашают достоинство человека, они и «осознанно» базируются на нем в своих нормативных посылах. Например, трудно оспорить мысль о том, что милосердие не находит своего отражения в следующих нормах Международного пакта о гражданских и политических правах (1966 г.): «Каждый, кто приговорен к смертной казни, имеет право просить о помиловании или о смягчении приговора. Амнистия, помилование или замена смертного приговора могут быть дарованы во всех случаях»; «Смертный приговор не выносится за преступления, совершенные лицами моложе восемнадцати лет, и не приводится в исполнение в отношении беременных женщин» (ст. 6, ч. 3) [9].

В современном мире понятие «ценность» претерпело и качественные изменения: в международный правовой язык было введено понятие достоинства личности. Уже преамбула Устава ООН (вступил в силу 24 октября 1945 г.) гласит: «Мы, народы объединенных наций, преисполнены решимости... вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности...». Ей вторит и преамбула Всеобщей декларации прав человека (принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.): «...признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира» [27].

Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [9] отражают генезис включенности понятия достоинства в международный правовой язык. С одной стороны, понятие достоинства стало тесно связываться с его признанием как «присущего всем членам человеческой семьи» и признанием равных и неотъемлемых прав, которые являются основой свободы, справедливости и всеобщего мира. С другой стороны, эти права вытекают из присущего человеческой личности достоинства. Таким образом, понятие достоинства трактуется и как индивидуальная черта – оно свойственно человеческой личности.

Сегодня принято говорить уже о нескольких «поколениях» прав человека. Очевидно, что они вызваны вниманием и соответствующей реакцией на различные аспекты попрания прав и достоинства человека: дискриминация расовых и религиозных меньшинств, изгнание эмигрантов, нечеловеческие социальные условия и др. Как отмечает Ю. Хабермас, в свете исторического вызова актуализируются и другие значимые аспекты человеческого достоинства. Их по разным поводам осуществляемая спецификация может вести к расширению нормативного содержания уже признанных базисных прав, а также к открытию и конструированию новых. В целом базисные права как определенный стандарт продолжают инспирировать (когда речь заходит о беженцах, людях, обреченных, например, на нищету) в людях сознание того, что их страдания не несут нагрузку «природного удела» [20].

Нам представляется, что многоликость современной социальной реальности ведет не только к «расширению» и «конструированию» новых базисных прав, но в некоторых случаях и к проверке на прочность уже существующих и имеющих не одно десятилетие практику применения, в частности феномена эвтаназии. Именно она, как и ряд современных морально-этических проблем, требует повышенного внимания к вопросу прав и достоинства человека не только как к политическим, но и духовно-нравственным категориям.

«Эвтаназия – недопустима»: устоявшиеся и новые аргументы

Некий своеобразный дуализм в обществе преследует существование феномена эвтаназии еще с самого его рождения. С одной стороны, именно эпоха древних греков наиболее известна первыми примерами осуществления действий, трактуемых нами как эвтаназия. Значительное количество современных авторов апеллирует к подобной практике в отношении слабых младенцев в Древней Спарте либо возможности принять яд для желающих свести счеты с жизнью по определенным причинам граждан в Афинах и Фивах. В «легкости» таковых процедур для человека стоит усомниться. Однако следует отметить и то, что большинство из пишущих «забывают» указать на тот факт, что пример Спарты, о котором идет речь, не находил поддержки у других полисов и как минимум скорее удивлял эллинистический мир своей жестокостью, чем заставлял прислушиваться к логике спартанцев. Кроме того, решения подоб-

ного рода принимались только через соответствующие органы: совет старейших членов филы (в Спарте) или ареопаг (в Афинах и Фивах).

С другой стороны, именно эллинистическая цивилизация стала колыбелью зарождения и становления ряда явлений, связанных с ценностями «классической» гуманистической природы, получившими свое дальнейшее развитие на десятки сотен лет вплоть до Новейшего времени. В частности, речь может идти о медицине. Уже первоначально у ее истоков стоял ряд моральных принципов, строго ограничивающих ценностное пространство реализации медицинской практики и направленных на защиту главного объекта существования медицины – человека, пусть и слабого, больного, немощного. Еще в V в. до н. э. эти принципы стали основой этического кодекса «Клятва Гиппократата».

Практика умерщвления как некоего «блага» присуща и ментальной памяти ряда европейских народов, подтверждением чему выступает такой исторический источник, как народные сказки. Так, например, «Сказки братьев Гримм», известные своей богатой этнографической основой, содержат сюжеты о людях преклонного возраста, которые по тем или иным причинам одиноко доживают свой век в лесу («Старый дед и внучек»). Ряд сюжетов посвящен детям, от которых хотят избавиться злые мачехи, выпроваживая несчастных в лес на верную смерть, – например, известная сказка «Гензель и Гретель» или «Три маленьких лесовика». Подобный сюжет и у русской народной сказки «Морозко»: мачеха сознательно отправляет в зимнюю стужу в лес неугодную ей падчерицу. Интересно, что, по данным исследователей, существует не менее сорока разновидностей этой сказки в русской литературе, около тридцати – в украинской и одиннадцати – в белорусской [2, с. 28].

Выбор подобных действий всегда индивидуалистичен – он остается лишь за отдельными персонажами, которые отражают скорее отрицательную природу бытия. Как правило, они бывают наказаны в рамках пресловутой борьбы добра и зла. В. П. Аникин, доктор филологических наук, известнейший советский фольклорист отмечал: «В сказочной истории о стойкости и терпении сироты... заключается мысль: притесняемые, те, кто стоек, будут счастливы. Сказка – своеобразный идейно-эстетический и этический кодекс народа» [1, с. 10].

В ряде исторически сложившихся, устоявшихся аргументов общества по отношению к отрицанию легализации эвтаназии необходимо упомянуть и христианскую традицию. Уже более двадцати столетий она отстаивает неприкосновенность права человека на жизнь, руководствуясь таким «моральным компасом», как Библия. В этом случае основа суждения – прежде всего религиозные ценности. В рамках, например, православия и католицизма эвтаназия по-прежнему воспринимается как недопустимое действие, направленное против Божественной природы. Как известно, Божья заповедь «не убий» не знает «смягчающих обстоятельств» [16].

Кроме того, есть и другие «исторические» обусловленности противостоящих эвтаназии аргументов. По ряду причин использование эвтаназии в про-

шлом остается почти закрытой страницей в современных спорах о правах человека на достойную жизнь и смерть. В первую очередь речь идет о Германии времен нацизма. Там бесчеловечная политика прикрывалась гуманными идеалами – осуществление практики эвтаназии означало проявление жалости к безнадежно больному человеку. В действительности за мнимым милосердием скрывалась откровенная жажда безапелляционно отнимать у больного человека право на жизнь. По прошествии не одного десятка лет, в 2006 г. психиатр из ГДР, д-р М. Кранах следующим образом охарактеризовал преступные цели, которые преследовали убийцы: «Это была не эвтаназия в ее строгом медицинском смысле, это было не «убийство из сострадания». Оно осуществлялось особо жестоким и бесчеловечным образом без каких-либо намеков на сострадание или чувства собственного достоинства... неумеренная жестокость, безнравственность и жажда убийства» [8].

В послевоенное время «Акция Тиргартенштрассе, 4», как и ее жертвы, приобрели статус «неудобной» темы в медицинской среде, среди юристов и историков как в самой Германии, так, например, и в СССР. В выяснении причин такого положения нельзя не согласиться с мнением вышеупомянутого д-ра М. Кранаха, который так попытался объяснить сложившуюся ситуацию: «...после 1945 года Германия унаследовала от стран объединенной коалиции администрацию этих стран, и этот аспект нацистского террора был забыт. Попытки некоторых, например Александра Митшерлиха (1960), привлечь к этому общественное внимание, были заблокированы» [8]. Действительно, именно А. Митшерлих являлся и ярким противником нацизма, и признанным профессионалом в области психиатрии, инициировал присутствие его молодых коллег Ф. Мильке и А. фон Платен Халлермунд в качестве наблюдателей на Нюрнбергском процессе 1946–1947 гг. Однако свидетельства молодых врачей о причастности медицинского персонала к преступлениям нацистов, по мнению Немецкой медицинской ассоциации, не должны были стать достоянием общественности. В послевоенное время официальное молчание профессионалов объяснялось, как тогда казалось, необходимостью восстановления доверия к медицине. Видится справедливым и замечание, сделанное Н. Пёрксом, членом Немецко-польской ассоциации по охране психического здоровья (DPGSG). Он отметил, что официально к проблеме осуществления эвтаназии при нацистском режиме в Германии «интерес Немецкой ассоциации психиатрии, психотерапии и неврологии (DGPPN) возник не раньше 2010 года, точкой отсчета стало официальное провозглашение на Национальном конгрессе и начало интенсивной программы исследования участия психиатров в преступлении нацистов» [11, с. 2].

Ситуация молчания была характерна и для Советского Союза. В этом отношении видятся справедливыми аргументы А. Фридмана, коллеги из Германии, который занимается темой отношения в послевоенный период к убийствам душевнобольных. Он объясняет «советскую» обособленность по отношению к теме, с одной стороны, целенаправленным вовлечением местного

медицинского персонала в процесс уничтожения душевнобольных, а с другой – систематическим использованием психиатрии в СССР в послевоенное время для борьбы с инакомыслящими.

Только с 1990-х годов преступная нацистская политика умерщвления душевнобольных пациентов на оккупированной территории Беларуси нашла свое отражение в историографии. Сегодня исследования преступлений по отношению к душевнобольным в значительной мере представлены работами коллег из Германии: О. Голеты [4], А. Фридмана [17, 18], У. Винклер [29], К. Герлаха [24], Г. Хоэндорфа [21, 29].

В большинстве случаев по-прежнему игнорируется тот факт, что несмотря на то, что в августе 1941 г. правительство фашистской Германии официально заявило о прекращении программы «Тиргартенштрассе, 4» («Т-4»), еще известной как акция «Смерть из жалости», преследование и уничтожение душевнобольных из клиник Германии, Австрии, Польши, а также оккупированных советских территорий продолжались.

Так, выявленные источники позволяют утверждать, что нацистская «эвтаназия» была применена практически ко всем пациентам из специализированных учреждений оккупированной Беларуси. Она унесла жизни больных людей как из старейших центров оказания психиатрической помощи, существовавших в Витебске, Гродно, Минске и Могилеве, так и из тех, где в предвоенные годы только налаживалась специализированная стационарная помощь таким больным: в Волковыске, Пинске, Лидском районе. Наиболее известные – совершенные нацистами акции в Минске и Могилеве, где по ряду причин было сосредоточено более 2 тыс. душевнобольных. Кроме того, убийства больных людей могли вызываться различными личностными свойствами их палачей. Имеющиеся факты позволяют выделить следующие две причины.

1. *Убийства из неприязни к болезни.* Часто вина душевнобольных заключалась только в том, что они не могли сдерживать свои эмоции и в силу болезни откровенно демонстрировали их.

2. *Убийства на почве антисемитизма.* С точки зрения нацистов, мужчина не имел никакого права на жизнь: он был и душевнобольным, и евреем.

Жертвы «спецобработки». Уничтожение отдельных душевнобольных имело и строго спланированный характер роковых действий. Подтверждением этому являлись целенаправленные, специально организованные акции. Их цель сводилась обычно к конфискации материальных ценностей и осуществлению так называемой спецобработки. Несмотря на секретность, ни один из случаев убийств не назывался таковым. Преступления скрывали за словосочетанием «специальная обработка», ставшим в то время штампом в переписке исполнителей и заказчиков. К сожалению, в нынешней политике сокрытия совершаемых преступлений имеет свое продолжение, когда современные массовые убийства мирного населения пытаются прикрыть такими названиями, как «антитеррористическая операция» и др.

Политика уничтожения такой целевой группы, как душевнобольные, направленная на сокращение материальных расходов и очищение генофонда, не привела к каким-либо положительным результатам, продемонстрировав очередной раз в истории лишь преступное отсутствие гуманного отношения к людям, требующим дополнительного внимания и опеки ввиду уникальности их болезни. Стоявшие за массовыми убийствами палачи пытались оправдаться, ссылаясь на милосердие по отношению как к самим жертвам, так и к их родственникам и обществу в целом.

Одним из современных аргументов против эвтаназии по-прежнему остается признание святости человеческой жизни, которая запрещает любые формы и виды посягательств на нее. Кроме того, что отрадно, обращается внимание на ряд негативных социальных последствий, связанных с легализацией эвтаназии: разрыв с традициями, подрыв семейных устоев, изменение отношения к суициду и т. д. Естественным образом сохраняется опасность злоупотребления, «скользкий склон», который создается в связи с легализацией эвтаназии.

Однако существуют и более современные аргументы. В частности, один из них связан с развитием еще в XIX в. хосписного движения и значительных достижений в области паллиативной помощи. Распространенной практикой пытается стать подготовка специалистов в области контроля боли.

Всемирная организация здравоохранения разработала «лестницу боли», которая позволяет лишать боли до 90% пациентов с использованием базового подхода, который доступен для всех врачей [30].

Кроме того, легализация эвтаназии нарушает ряд моральных устоев, например в такой системе отношений, как врач–пациент. Легализация, либо допустимость эвтаназии в частности, видит ее «исполнителем» медицинского работника, что несет на себе соответствующую моральную нагрузку и, естественным образом, подрывает доверие пациентов. Соответственно, вся система функционирования, как и сам веками складывающийся образ медицины, запросит своих кардинальных пересмотров как внутри отрасли, так и в самом обществе. Кроме того, в таких условиях уже невозможно будет ссылаться на «достоинство». Его будет лишен как первый – врач, которого общество же своим выбором заставит проводить процедуру; так и второй – пациент, надеждам которого на выздоровление уже в начале заболевания не будет суждено сбыться.

Современные аспекты отражения позитивного отношения к эвтаназии

В одном из сюжетов известнейшего романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» Коровьев предрек Андрею Фокичу, буфетчику из Варьете, смерть «через девять месяцев, в феврале будущего года, от рака печени в клинике Первого МГУ, в четвертой палате», на что Воланд высказал свое мнение: «Да я и не советовал бы вам ложиться в клинику, – продолжал артист, – какой

смысл умирать в палате под стоны и хрип безнадежных больных. Не лучше ли устроить пир на эти двадцать семь тысяч и, приняв яд, переселиться в другой мир под звуки струн, окруженным хмельными красавицами и лихими друзьями?» [3, с. 110].

Зарождение и генезис светского понятия «право на жизнь» актуализировал уже в Новое время в этой же плоскости вопрос и о «праве на смерть». Ф. Бэкон не был первым из мыслителей, кто заговорил о подобном праве, однако он ввел в научный оборот сам термин, используя древнегреческое слово «эвтаназия» (euthanos – «легкая смерть») для обозначения «легкой смерти, не сопряженной с мучительной болью и страданиями» («О достойном приумножении наук»). Мыслитель XVII в. видел в подобной помощи врача благо в первую очередь для самого пациента.

Современность идет дальше. Она уже опирается на накопленный практический правовой, медицинский и социальный опыт легального осуществления эвтаназии в рамках отдельных государств.

В 1984 г. Голландия стала первой страной за послевоенные десятилетия, узаконившей активную эвтаназию для неизлечимо больных, но находящихся в сознании пациентов. По каждому такому случаю открывается уголовное дело, однако нельзя не заметить, что каждый раз оно закрывается с формулировкой «за отсутствием состава преступления». В 2002 г. примеру Голландии последовала Бельгия. В ряде других стран разрешена только пассивная эвтаназия. В США она осуществляется в двух штатах: если в 1994 г. это был только единственный штат – Орегон, то в 2008 г. опыт был продолжен и в штате Вашингтон. В Израиле эвтаназия стала официально практиковаться с 2005 г., в Швейцарии – с 2006 г., а в Мексике – с 2008 г. Кроме того, запрет на осуществление пассивной эвтаназии снят в Люксембурге, а также в Швеции.

Сегодня развивается дискуссия, связанная с возможным «видовым» разнообразием эвтаназии, когда выделяются направления, связанные с согласием пациента и способами осуществления самой процедуры: обсуждаются проблемы добровольной, вынужденной и принудительной эвтаназии; активной и пассивной. Следует учесть, что при этом человеческая жизнь понимается как высокое, фундаментальное понятие, благо как для каждого человека, так и для общества. Однако есть ситуации неизлечимой болезни и мучительной боли, при которых жизнь становится в тягость.

В современном обществе кардинально изменились не только условия жизни, но и смерти. Д-р Х. Кресс из Германии видит тому ряд причин, проистекающих еще из XX в.

1. Отчуждение от религиозных традиций, когда мысль о жизни после смерти «уходит в отставку». Смерть предстает как что-то непонятное, но конечное.

2. Крушение традиционных укладов, когда человек в предсмертном состоянии находился в семье, имея в своем уходе и религиозное, церковное, а значит, духовное сопровождение. Вместо этого сегодня мы сталкиваемся со смертью,

встречающей человека в стенах медицинских заведений, лишенных подобной духовности.

3. Доминирующие принципы общественной жизни стали проистекать из таких понятий, как «производительность», «эффективность» и т. д.

Ранее превалировала «быстрая» смерть, например от инфекций, отека легких. Сейчас она «замедлена». С одной стороны, эта тенденция имеет положительный эффект – с 1960-х годов интенсивная терапия дарит людям дополнительные годы жизни. С другой стороны, «техническое» продление жизни может оборачиваться только в страдание: когда есть количественное, но не качественное продление жизни [25].

Д-р М. Бест, специалист по вопросам биоэтики и оказанию паллиативной помощи из Сиднея (Австралия), продолжает мысль коллеги. Он указывает на то, что такая ситуация усугубляется и тем, что мы как общество потеряли духовную озабоченность по поводу смерти. Процесс умирания сталкивает современного человека с трудноразрешимыми проблемами жизни: что все это значит? Что мы здесь делаем? Западное общество пытается ответить на данные вопросы. Как правило, эти темы являются сегодня неудобными для обсуждения. Традиции в западной культуре растеряны. Многие люди уже давно игнорируют духовное измерение, когда сталкиваются с загадкой смерти. Они не готовы, и это может быть страшно. Кроме того, мы погружаемся в культуру комфорта, где с большей вероятностью выберем «быстрый уход», чем будем принимать ситуацию достойно [22].

С доводами д-ра Х. Кресса, как и д-ра М. Беста, нельзя не согласиться. Таким образом, возникает ситуация, когда применение эвтаназии кажется оправданным. Анализ аргументов ее сторонников позволяет утверждать, что их позиция имеет ряд отличительных черт по своему характеру от мнения их оппонентов. В первую очередь это слабая связь аргументов сторонников эвтаназии с историческим прошлым социума. Их позиция либо базируется на пересмотре, введении нового смысла в уже, казалось бы, устоявшиеся ценностные ориентиры, либо опирается сугубо на проблематику, возникшую лишь в последние десятилетия. С одной стороны, движение вперед невозможно без некоего обновления, с другой – оно чревато и разрывом с историческим прошлым. Трудно дать какую-то однозначную оценку данной ситуации. Скорее сегодня о ней можно говорить с точки зрения еще одной характеристики современного периода.

Ранее такой ценностный ориентир, как милосердие, воспринимаемый большинством абсолютно одинаково, стал основой и практически девизом – «*Inter Arma Caritas*» (Милосердие на поле брани) – такой Международной организации, как Красный Крест. Опора на милосердие как общепонятный и ментально-ощущаемый механизм позволяет существовать данной организации уже более ста лет.

Однако сегодня понятие милосердия не является некой универсалией, понятной большинству. Появилось осознание того, что существуют случаи, когда

оказать помощь больному уже не представляется возможным, и «милосердие» к такому человеку начинает видаться в прекращении страдания путем его умерщвления не только в понимании отдельных индивидуумов, но уже и целых государств. Кроме того, милосердие в таком понимании обращает внимание как на самого страдающего, так и на его близких. Родственные связи и человеческие чувства обрекают на страдания и их. Таким образом, эффект милосердия как акт прекращения жизни больного в связи с этим пытается быть распространенным и на близких ему людей.

Своеобразная характеристика прошлого столетия – «сто лет одиночества», выражаясь языком Г. Маркеса, не прошла даром. Современная тенденция к признанию автономии человека призывает осознавать только его, человека, обладателем права на свою жизнь. Он вправе ею распоряжаться, а значит, имеет право и покончить с нею по своему желанию.

Уже не одно столетие научно-технический прогресс тесно связан с возможностью предоставления комфорта. В XX веке столкнулись две тенденции. Одна – это семимильные шаги научно-технической революции, в результате которой постоянно улучшаются условия индивидуального комфорта; другая – тяготы и лишения, порожденные такими социальными катаклизмами, как Первая и Вторая мировые войны. Неудивительно, что в условиях возможностей – плодов развития науки и техники – и обостренных желаний – жить комфортно, являющихся последствием, в том числе и мировых войн, актуализируется право на комфорт. Однако если невозможно полноценно жить, наслаждаться полнотой жизни в различных, сегодня довольно ярких и широких ее проявлениях, то почти закономерно лучшим видится «достойно» умереть.

Конечно, можно оспаривать данные точки зрения, но сегодня они выступают уже как данность, как непосредственное отражение современности. Сегодня об их последствиях мы можем судить только гипотетически. Тревогу вызывают именно те аргументы сторонников эвтаназии, которые ведут свою историю еще с XIX в. К сожалению, несмотря на негативные последствия, некоторые из них в той или иной мере используются и сегодня: а) «экономический»: расточительно затрачивать денежные средства на безнадежно больных людей; б) медицинское умерщвление как средство евгеники.

Первый аргумент в период, последующий осуждению нацизма, нашел свое «возрождение», например, в русскоязычной историографии в 1990-е годы. Так, одна из первых публицистических статей принадлежала детскому хирургу, академику АМН СССР С. Я. Долецкому. По вопросу легализации эвтаназии он высказал мысль, что общество все менее способно «нести постоянно возрастающее бремя поддержания жизни обреченных и бесперспективных...» [5]. Однако развитие биоэтики, в том числе на постсоветском пространстве, смогло как минимум приостановить публичные высказывания подобного рода [13].

Напомним, что еще в 1883 г. благодаря публикации книги английского психолога и антрополога Ф. Гальтона «Исследование человеческих способно-

стей и их развития» впервые в научный оборот был введен термин для обозначения целого направления в науке – «евгеника», или «учение о селекции применительно к человеку, а также о путях улучшения его наследственных свойств». Новое учение не только получило в своем развитии два направления – «позитивное» и «негативное», но и обрело широкую аудиторию приверженцев. Довольно быстро евгеника нашла своих сторонников в Западной Европе, странах Скандинавии, в США. Не исключением была и Российская империя. На протяжении 1920-х годов евгеника являлась предметом частых дискуссий и повышенного внимания уже в Советском Союзе. Более того, здесь возникло и действовало Русское евгеническое общество. Большинство советских приверженцев евгеники были последователями ее «позитивного» направления. К сожалению, идеи «негативной» евгеники нашли свое применение в Германии времен нацизма. В послевоенный период она была осуждена как античеловеческая практика. Сегодня идеи евгеники пытаются найти применение, однако сдерживаются законодательством различных стран на международном уровне.

Эвтаназия и достоинство личности: соотношение понятий

Еще в 1990 г. на страницах журнала «Философские науки» Ф. Фут отметила, что «широко известный «Краткий оксфордский словарь» дает три значения слова «эвтаназия»: первый – «спокойная и легкая смерть», второе – «средства для этого», третье – «действия по ее осуществлению». Странно, что ни одно из них не означает гораздо большее, чем легкая и спокойная смерть и средства или действия по ее осуществлению. Дефиниция определяет только форму смерти, но в таком случае действия убийцы, применившего лекарства против своей жертвы, можно было бы назвать актом эвтаназии. Мы обнаружили эту нелепость, потому что считаем само собой разумеющимся, что при эвтаназии именно смерть, а не форма смерти, должна быть благом для того, кто умирает» [19, с. 63].

Действительно, этимология термина «эвтаназия» как «хорошей смерти» не дает ответа на ряд тех вопросов, которые встают перед обществом в связи с поднятой проблемой. Древнегреческая трактовка термина неособенно полезна, когда речь заходит об эвтаназии в современности. Несмотря на обилие аргументов и масштабность споров вокруг проблемы эвтаназии, сегодня нет четкого ответа на вопрос, что же мы понимаем под термином «эвтаназия». Как правило, большинство авторов, работающих над проблемой, либо руководствуются в своей практике каким-то «подразумевающимся» понятием, либо отталкиваются от собственной трактовки. Общепринятого терминологического определения эвтаназии до сих пор нет. Кроме того, сегодня существует и синонимический ряд в отношении термина «эвтаназия», как, например, ассистированная смерть и т. д. В этой ситуации можно было бы говорить о некоем своеобразном парадоксе: дискуссии ведутся, но значение термина

отсутствует. Однако, на наш взгляд, как раз особого внимания и заслуживает состояние проблемы. Эвтаназия – это явление, находящееся в процессе генезиса, темпы которого стали активно возрастать еще в прошлом веке, но процесс этот не завершен до сегодняшнего дня.

С одной стороны, современность обуславливают, с точки зрения ряда исследователей, кризисные ситуации, которые продиктованы пересмотром ранее казавшихся безусловным благом форм и средств постижения и преобразования реальности «прометеевско-фаустовской», «техногенной» цивилизации [13]. С этой точки зрения, актуализация проблемы эвтаназии – это скорее зло, порожденное эпохой комфорта «цивилизации Запада». С другой стороны, кризис – это всегда и поиск нового. «Дебаты об эвтаназии – это выражение общества, которое изо всех сил пытается найти смысл в жизни и поэтому не находит смысла в смерти» [22].

В дискуссии сторон, голосующих «за» и «против» эвтаназии, на наш взгляд, существует очень важная объединяющая позиция. В первую очередь это повышенное внимание к наиболее уязвимым социальным группам – людям, которые стоят на пороге смерти, но по-прежнему нуждаются в участии, внимании и заботе общества. В этом случае довольно показателен пример Австралии, где одним из ответов на краткий период легализации эвтаназии стал рост вливания средств в паллиативную помощь федеральным правительством, что постоянно отражалось на улучшении ее качества. Кроме того, это позволило снизить в обществе влияние в пользу эвтаназии такого аргумента, как «беспросветное страдание умирающего пациента» [22].

Однако возникает другой вопрос: каковы истоки внимания к категориям людей, которые чаще всего оказывались «на задворках истории»? Как правило, ранее их проблемы не получали широкого дискурса, относясь к категории все тех же пресловутых «неудобных вопросов». На наш взгляд, в данной ситуации нельзя сбрасывать со счетов те достижения, которые сегодня имеются благодаря шагам, предпринимаемым в области, затрагивающей все стороны современной жизни и всего человечества, – права человека.

Актуализация проблемы эвтаназии – своеобразное «срабатывание» механизма прав человека: все имеют равные права. Однако эвтаназия демонстрирует элемент реалистичной «включенности» в этот процесс любых категорий, даже тех, кто ранее оставался за рамками истории. Таким образом, права человека приобретают не характер современной утопии, как по этому поводу высказался Ю. Хабермас, а реальной практики в системе выстраивания человеческих отношений.

Внимание к проблеме эвтаназии отражает, на наш взгляд, чувственную природу бытия. Ее идеи, практика осуществления или отказа от нее строятся прежде всего на чувственном, иррациональном фундаменте, основанном на таких понятиях, как милосердие, гуманность, человечность. В этом случае практически параллельно с вниманием к проблеме эвтаназии в послевоенное

время актуализировался вопрос, связанный не только с правами, но и достоинством человека.

В общеупотребительном значении *достоинство человека* понимается как уважение к себе, осознание своих прав, своей ценности [14]. Следовательно, достоинство человека в обыденном сознании есть осмысление, во-первых, своих *прав*, во-вторых, *ценности* своей личности. Споры, вызванные проблемой эвтаназии, отражают проблему не только прав, но и ценности любой личности, невзирая на ее физическое или психическое состояние.

Однако чем глубже базисные права пронизывают всю систему прав, тем чаще они берут верх как над вертикальным отношением отдельного гражданина к государству, так и над горизонтальными отношениями отдельных граждан между собой. При этом умножаются коллизии, требующие разумного взвешивания конкурирующих базисно-правовых притязаний. В подобных *hard cases* обоснованное решение зачастую оказывается возможным только через оглядку на абсолютно значимое, т. е. – «наивысший ранг человеческого достоинства».

В современном международном правовом поле основополагающим концептом выступают права человека в тесной связи с понятием его достоинства. Именно достоинство принимается в качестве исходного понятия, однако оно никак не раскрывается. В этом случае критики говорят «Wanderdune», «тройнянский конь» [25]. «Все готовы были согласиться с тем, что человеческое достоинство – это центральное понятие, но не было согласия в ответе на вопрос: почему и как?» [26].

Очевидно, что если проблема прав человека имеет свою историю развития, как и исследования, ей посвященные, то изучение проблемы достоинства личности – область довольно молодая. Сегодня она, как и проблема эвтаназии, пытается уйти от своего эмоционально-чувственного восприятия и приобрести конкретные черты в рамках строгих концептов их понимания современным обществом. Начало философского постижения понятия достоинства человека сегодня справедливо признают за И. Кантом. В частности, он утверждал, что человек как разумное существо никогда не может быть лишь средством, подобно простой вещи, а всегда является целью самой по себе. Именно из разумности человека возникает, по Канту, его достоинство – особая ценность и значимость людей как личностей.

Каждый человек обладает достоинством в силу своей разумности и принадлежности к человеческому роду, таким образом, достоинство – родовое качество разумных существ. Способность сознавать, ставить цели, следовать нравственному закону – это то, что поднимает людей над слепой природой, живущей только стихийными влечениями, находящейся в тисках необходимости. Человек причастен к разуму и свободе, и это делает его достойным особого положения в мире. Каждый, считает Кант, обязан чувствовать, что он достоин истинно человеческого отношения, должен обладать глубоким самоуважением, признавать в себе существо с особым статусом в бытии. При этом,

утверждает великий моралист, каждый должен также признавать и уважать достоинство других людей. Все люди равны в своем достоинстве, в этом смысле среди них нет «более значимых» и «менее значимых».

Идеи И. Канта о достоинстве стали основополагающими для рационалистической этической мысли последних столетий. Кант основывает достоинство на разумности как собственно человеческом качестве и не упоминает о Боге.

Действительно, современность призывает к тому, что «надо позаботиться о том, чтобы рассуждение, касающееся юридического смысла человеческого достоинства, не создало туманной завесы, за которой скрываются смыслоемкие содержательные дифференциации. Привходящая функция компромисса, которую «достоинство человека» выполняло в ходе раздифференциации (*Ausdifferenzierung*) и расширения прав человека (а также в случаях нейтрализации слишком жестких различий), не может объяснить, почему оно позднее выступит в качестве правового понятия» [25]. Понятие достоинства сегодня выступает как связующее между рядом современных проблем и идей, понятием и деятельностью, связанной с реализацией на практике прав человека. Современности еще только предстоит ответить на вопрос относительно эвтаназии: что это – моральная катастрофа или некий катализатор для пересмотра либо отстаивания ценностных ориентиров сегодняшнего дня?

Литература

1. Аникин, В. П. Русская народная сказка / В. П. Аникин. – М.: Просвещение, 1977. – 208 с.
2. Барг, Л. Г. Примечания / Л. Г. Барг, Н. В. Новиков // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. – М.: Наука, 1984. – 461 с.
3. Булгаков, М. А. Мастер и Маргарита / М. А. Булгаков // Избр. произв.: в 2 т. – Киев: Дніпро, 1989.
4. Голета, В. «Lebensunwertes Leben»: лёс пацыентаў псіхіятрычных клінік Беларусі ў 1941–1944 гг. / В. Голета // АРСНЕ. – 2010. – № 7–8. – С. 610, 617.
5. Долецкий, С. Я. Дай жить и дозволяй умереть / С. Я. Долецкий // Комсомольская правда. – 1992. – 24 марта.
6. Евменов, Л. Ф. Достоинства и права человека – это не утопия / Л. Ф. Евменов // Наука и инновации. – 2013. – № 2 (120).
7. Евменов, Л. Ф. Международная идеология прав человека: проблемы – решения. *International Human Rights Ideology: Problems and Solutions: опыт философского исследования.* – Минск: Беларус. изд. т-во «Хата», 2000. – 450 с.
8. Кранах, М. Уничтожение психически больных в нацистской Германии в 1939–1945 годах / М. Кранах // Психическое здоровье в гражданском обществе: материалы Международ. науч.-практ. конф., Калининград, 31 мая – 3 июня 2006 г.; Независимый психиатрический журнал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.npar.ru/journal/2006/3/killing.htm>. – Дата доступа: 20.10.2009.
9. Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml. – Дата доступа: 10.12.2014.
10. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В. С. Степина. – М.: Мысль, 2001. – Т. 4.
11. Перксен, Н. Влияние эвтаназии на психиатрическую реформу в Германии / Н. Перксен // Вестн. ассоциации психиатров Украины. – 2013. – № 2.

12. Политическая наука: словарь-справ. / сост. И. И. Санжаревский. – 6-е изд., испр. и доп. – Тамбов, 2015.
13. Рыбин, В. А. Философские основания проблемы эвтаназии: методологический анализ: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / В. А. Рыбин. – Екатеринбург, 2006.
14. Словарь русского языка: в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания, Гос. изд-во иностранных и национальных словарей. – М., 1957. – Т. 1.
15. Современный философский словарь. – СПб.: Академический проект, 2004. – 864 с.
16. Судо, Ж. Эвтаназия [Электронный ресурс] / Ж. Судо. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Life_church/Evtanazia.php. – Дата доступа: 10.10.2014.
17. Фридман, А. Могилев – возможный центр уничтожения европейского еврейства? / А. Фридман // История могилевского еврейства. Документы и люди / под ред. А. Литвина. – Могилев, 2009. – Т. 2, ч. 2. – С. 146–147.
18. Фридман, А. Уничтожение пациентов могилевской психолечебницы – путь к созданию нового поколения «душегубок» / А. Фридман // История могилевского еврейства. Документы и люди. – С. 190–193.
19. Фут, Ф. Эвтаназия / Ф. Фут // Философские науки. – 1990. – № 6. – С. 63–80.
20. Хабермас, Ю. Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека / Ю. Хабермас // Вопросы философии. – 2012. – № 2.
21. Хоендорф, Г. Убийства под знаком эвтаназии при нацистском режиме / Г. Хоендорф // Новости медицины и фармации. – 2010. – № 329.
22. Best, M. The ethical dilemmas of euthanasia [Electronic resource] / M. Best. – Mode of access: <http://www.case.edu.au.htm>. – Date of access: 10.01.2015.
23. Charter of the United Nations [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.un.org/en/charter-united-nations/index.html>. – Date of access: 12.01.2015.
24. Gerlach, Ch. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrussland 1941 bis 1944 / Ch. Gerlach. – Hamburg, 1999.
25. Креß, Н. Menschenwürde am Ende des Lebens Sterbehilfe, Sterbebegleitung, Patientenverfügung in ethischer Sicht / Н. Креß // Selbstbestimmt leben – selbstbestimmt sterben?!»: Symposium, Vortrag am 20. Oktober 2001 / Fachhochschule Wiesbaden.
26. McCrudden, Chr. Human Dignity and Judicial Interpretation of Human Rights / Chr. McCrudden, 2008. Цит по: Хабермас, Ю. Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека / Ю. Хабермас // Вопросы философии. – 2012. – № 2.
27. Preamble of The Universal Declaration of Human Rights [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr. – Date of access: 12.01.2015.
28. The international Covenant on economic social and cultural rights [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml. – Date of access: 12.01.2015.
29. Winkler, U. «Nun ist Mogiljow frei von Verrückten». Die Ermordung der PsychiatriepatientInnen in Mogilew 1941/42 / U. Winkler, G. Hohendorf // Krieg und Psychiatrie 1914–1950 / hrsg. von B. Quinkert, Ph. Rauh und U. Winkler. – Göttingen: Wallstein Verlag, 2010. – S. 75–103.
30. World Health Organization. (1996). Cancer pain relief (2nd ed.). (Geneva: WHO, 1996).

СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ И ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

*Н. Е. Захарова,
кандидат философских наук*

Нормы международного и национального права, появившиеся как результат рефлексии общественного сознания над экологическими проблемами, являются необходимым, но недостаточным основанием экологически выверенной социальной практики субъекта. Сам человек давно является главной экологической угрозой жизни Земли. В отличие от всех живущих биологических видов, род *Homo Sapiens* не имеет своей экологической ниши. Таковой для него является вся биосфера Земли. Обладая техническими возможностями и неумной жадой завоевания, человек использует для своей жизнедеятельности гораздо больше природных ресурсов (в том числе энергетических), чем ему необходимо для выживания. Рост материального потребления, информационное, материальное и энергетическое загрязнение нарушают равновесие в биосфере, истощают ее, подрывают видовое разнообразие и угрожают самим основам ее существования. Природа же является неизменным условием не только существования, но и сохранения сущностных характеристик рода *Homo Sapiens*. Вместе с тем в общественном сознании глубоко укоренена мысль о том, что экономический рост и материальный достаток являются критериями общественного прогресса и личностного роста.

Однако глобальный экологический кризис по-новому выявляет критерии достойной жизни и значительно усиливает единство бинарной оппозиции прав и обязанностей современного человека в трактовке достоинства личности. Согласно Эпикуру, нельзя жить приятно, не живя разумно, нравственно и справедливо.

Как писал Григорий Нисский, христианский богослов и философ (III в. н. э.), в трактате «Об устройении человека»? «наше естество как некий сосуд, пригодный для царственной деятельности... вместо багряницы облечено добродетелью. Божественная же красота усматривается в невыразимом блаженстве добродетели» [1].

Марсилио Фичино (XV в.), итальянский философ-гуманист, основатель и глава флорентийской Платоновской академии, размышляя о понимании добродетели в учении Платона, писал: «Деяния, берущие начало в разуме, и ближайшие к природе добродетели, именуются обязанностями. Ведь обыкновенные обязанности исполняют и те, кто лишен добродетели, совершенные же – только те, кто обладает ею. ...Благородство же и достоинство души суть одно и то же» [2]. Согласно Фичино, поступать добродетельно, по достоинству души, значит, поступать божественно.

В основе этики Иммануила Канта также лежит не стремление к счастью, а стремление быть *достойным* счастья. Осуществляясь при выполнении долга,

который и есть категорический императив, это стремление должно быть бескорыстным, свободным от желаний. Когда Кант пишет, что волю надо мыслить совершенно независимой от естественного закона явлений в их взаимоотношении, а именно от закона причинности, пользы и т. п., свободной такая воля становится в самом строгом, т. е. трансцендентальном, смысле [3, с. 344]. Следовательно, воля, законом для которой может служить одна лишь чистая законодательная форма максимы, есть свободная воля. «Максима себялюбия (благоразумие) только советует, закон нравственности повелевает. ... Тем не менее нравственный закон требует от каждого самого точного соблюдения. Следовательно, суждение о том, что надо делать сообразно этому закону, должно быть достаточно простым, дабы самый обыденный и неискушенный рассудок умел обращаться с ним, даже не будучи умудрен житейским опытом» [3, с. 356].

Определяя человека как существо с потребностями, Кант подчеркивает, что человек не до такой степени животное, чтобы пользоваться разумом только как орудием для удовлетворения своих потребностей как чувственного существа [3, с. 384]. Ведь разум и отличает человека от животного, у которого есть только инстинкт, и если разум служит человеку для того же, для чего служит инстинкт животному, то он ничем от животного не отличается.

Моральный закон, пишет Кант, «который один только по-настоящему объективен, совершенно исключает влияние себялюбия на высший практический принцип и бесконечно уменьшает самомнение, которое предписывает субъективные условия себялюбия как законы. А то, что уменьшает наше самомнение в нашем собственном суждении, смиряет. Следовательно, моральный закон неизбежно смиряет каждого человека, сопоставляющего с этим законом чувственные влечения своей природы». Объективно практический поступок, совершаемый согласно этому закону и исключаящий все определяющие основания, которые исходят из склонностей, называется долгом, который ввиду этого исключения содержит в своем понятии практическое принуждение. Вот почему принцип личного счастья, пользы, наслаждения, который пытаются выдать за высшее человеческое достижение достойной жизни, по сути, противоречит моральному закону. Ведь этот принцип гласил бы: люби себя больше всего, а бога и ближнего своего – только ради самого себя. «Вот почему и мораль, собственно говоря, есть учение не о том, как мы должны сделать себя счастливыми, а о том, как мы должны стать достойными счастья» [3, с. 463].

Если исходить из склонностей и потребностей, пишет Кант, то они сначала потребовали бы своего удовлетворения, а затем продолжали бы возрастать в требовании максимального и продолжительного счастья. И если природа людей оставалась бы вне морали, поведение их превратилось бы просто в механизм инстинктивного поведения [3, с. 483]. Причастность же к высшему благу соразмерна с моральной ценностью личности, а не только с поступками [3, с. 484].

Когда Кант говорит о том, что две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, – звездное небо над головой и моральный закон в нас, он отграничивает наше место во внешнем чувственно воспринимаемом мире, в необъятности его связей и миров, от единичной неповторимости личности, ценность которой как мыслящего моральный закон бесконечно возвышает. И закон долга дает человеку внутреннюю свободу, избавление от безудержной навязчивости склонностей [3, с. 498], тем самым вызывая уважение к самому себе. Боязнь оказаться ничтожным и недостойным при внутреннем испытании самого себя – лучший и даже единственный страж от проникновения в душу неблагоприятных побуждений [3, с. 499].

Таким образом, основной мотив достоинства личности у Канта – это сознание человеком того, что он поступает свободно. А для этого необходимо удовлетворение от выполненного долга, а не просто сознание соблюдения правил и легальности поступка, т. е. Кант признает свободной только волю, глубоко осознающую долг. Что же является долгом в отношении природы? Воля, глубоко осознающая долг в отношении природы, а не только человека. Экологический императив – это запретная черта во взаимодействии с природой, преступать которую человечество не имеет права ни при каких обстоятельствах. Экологический императив имеет безусловным приоритетом сохранение живой природы, видового разнообразия планеты, защиту окружающей среды от чрезмерного загрязнения, не совместимого с жизнью. Требование по соблюдению правил ненарушающего поведения во взаимоотношениях с природной средой должно носить силу морального закона как независимого от соображений пользы, наслаждения и т. п., о которых говорил Кант. В данном императиве нет противоречия с правами человека и достоинством личности, ибо достойная личность и поступает морально и добродетельно, просто в моральные принципы включается не только человеческий, но и природный компонент.

Понятие долга объективно требует в поступке соответствия с законом в максиме поступка, а субъективно – уважения к закону как единственного способа определения воли этим законом, говорил Кант [3, с. 497]. Моральная необходимость для людей как разумных существ всегда есть принуждение и обязанность, и каждый основанный на ней поступок должен быть представлен как долг, независимо от того, нравится нам это или нет. Экологический императив следует из глубокого осознания последствий антропогенной деятельности и способности человека хотеть того, что должно в этой деятельности. Заданный Кантом прогресс морального совершенства объективно включает на этапе достижения осуществленной противоположности между человеком и природой такое экологическое сознание, когда возникает отношение к природе не только как к средству, но и как к цели.

Гегель обратил внимание на то совершенно выпадающее из кантовского анализа обстоятельство, что при возведении во всеобщий принцип содержание этой максимы начинает противоречить себе и, если оно делается принци-

пом всеобщего законодательства, разрушает саму моральность. Здесь нельзя обойти и проблему морально обоснованной пристрастности, когда этическую правильность тех или иных действий приходится определять между отдаленными (биосферными) и близкими (личными, групповыми) предпочтениями [4, с. 38].

И все же, говоря о звездном небе над головой как «вещи в себе» и моральном законе внутри как «вещи для нас», Кант постулирует глубокую диалектическую связь бесчисленной множественности миров и возвышение ценности мыслящего существа через его личность, сознающую долг. В этой гармонии и достигается идеал достоинства свободной личности, осознающей и реализующей свою экологическую ответственность.

В определении экологического императива сохраняется кантовский смысл императива как нравственного регулятора. Н. Н. Моисеев предполагал, что экологический императив утверждается тогда, когда разум имеет возможность направлять развитие биосферы в интересах человека и его будущего, ограничивая свои притязания. Причем это будет мучительный и небыстрый процесс выработки новых принципов новой нравственности [5].

Возникающий в связи с этим феномен прав природы уже несколько десятилетий исследуется мировой общественной мыслью. Основатель экологической этики, американский ученый-эколог Олдо Леопольд в отличие от А. Швейцера распространял права не на отдельных живых существ, а на всю землю в целом. «Этика в экологическом смысле, – писал О. Леопольд, – это ограничение свободы действий в борьбе за существование. Этика в философском смысле – это различие общественного и антиобщественного поведения» [6, с. 101].

Концепцию моральных (врожденных, вечных, неотъемлемых, присущих, природных) прав разработал в XVII в. видный английский философ Джон Локк (1632–1704). Однако, согласно Локку, природа не попадала под категорию, имеющую моральные права. И лишь спустя три века западные философы расширили его взгляды, предложив наделять моральными правами живые и неживые объекты природы (как это, скажем, столетиями делают североамериканские индейцы). Признание моральных прав за животными, растениями и участками дикой природы превращает их из эксплуатируемых в равных членов нашего морального сообщества. Конечно, права зайцев, сосен и скал существуют только в понимании людей, тогда, когда последние берут на себя обязанность заботиться о зайцах, соснах и скалах. В самой природе, естественно, не существует моральных отношений. Волк поедает оленя, совершенно не попирая его моральные права. Но дикая природа в целом должна иметь право на существование, на свободу от человеческого вмешательства, право осуществления своей эволюционной судьбы [7].

Во второй половине XX в. растущая оппозиция эксплуатации природы и понимание того, что она тесно связана с эксплуатацией человека, открыла многим глаза на возможность всеобъемлющего освобождения. Например, Герберт Маркузе добавил к категории объектов, заслуживающих свободу от

капитализма, еще и природу. Маркузе был первым известным радикалом, считающим природу рабом человечества и применившим фразу «освобождение природы». Капитализм, по мнению Маркузе, сводит как природу, так и людей, к состоянию простого материала с чисто утилитарной ценностью [8].

Все вышесказанное позволяет сформулировать культурно-экологическое содержание понимания достоинства личности. Достоинство есть то саморефлективное превосходство человека над природными объектами и явлениями, которое подчиняет его разум воле экологического императива, определяющего все его ценностные ориентации. Личность есть социальное и экологическое достоинство человека, так как уникальность и неповторимость человека может быть достигнута не благодаря агрессивной завоевательной практике в природе Земли, а только благодаря его достоинствам и нравственной ответственности. Напомним, что, по мнению того же Н. Бердяева, личность есть целостный человек, познающий бытие, потому что сам является бытием [9, с. 240–241].

Владимир Соловьев писал, что «люди, показавшие власть духа над материальной природою, действительно существовали и существуют, и если их сравнительно мало, то это значит только, что нравственное требование не достигло своего окончательного и полного осуществления, а никак не то, что оно вовсе не осуществляется или остается одним требованием» [10, с. 174].

Становление и существование общества, основанного на принципах коэволюции с природой, возможно благодаря существованию экологически ответственных личностей, понимающих свое достоинство в неразрывной связи с экологической ответственностью.

Если информационная, виртуальная, эскапистская, сетевая ипостаси достоинства личности задают спектр имеющихся у нее *возможностей* для достижения собственных целей, т. е. то, что человек волен использовать или не использовать по своему разумению, то субстанциальная духовно-культурная и нравственная ипостаси достоинства личности играют существенно иную роль. Первые как непрерывно возникающие новые средства позволяют человеку компенсировать дефицит собственных ресурсов, открывают перед ним совершенно новые пространства для развития и реализации своих возможностей, но при этом актуализируют новые соблазны. А вот вторые – это ресурс самоактуализации, понимания социально-природных оснований достоинства своего существования. Именно расширение духовно-культурных и социально-экологических условий саморазвития личности представляется наиболее продуктивным фактором в человеческом и социальном прогрессе и выходе из антропологического кризиса.

В контексте решения задач сохранения и поддержания устойчивости биосферных комплексов и процессов как неотъемлемых, сущностных условий для Homo Sapiens соблюдение прав человека и реализация достоинства личности понимаются как взаимодействие, целостность, диалектическое единство обеспечения условий экологической безопасности и личной ответственности каждого человека за сохранение жизни Земли, что подтверждается международным правом.

В начале XX в. процесс создания международных экологических норм шел путем обычного правотворчества, чтобы при использовании национальных природных ресурсов не причинялся вред территории и законным интересам других государств.

Нормы международного экологического права основываются на Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН в 1948 г., и Пакте о гражданских и политических правах человека, принятом в 1976 г. В основу современного международного экологического права и экологического законодательства отдельных стран легли права любого человека на здоровую и экологически сбалансированную окружающую среду, право на жизнь в условиях мира и право на общее наследие человечества, каким является природа Земли.

Создание ООН и ее специализированных учреждений значительно ускорило развитие международного экологического права. Генеральной Ассамблеей ООН 18 декабря 1962 г. принята резолюция 1831 (XVII) «Экономическое развитие и охрана природы». В ней отмечалось, что природоохранные мероприятия должны проводиться заблаговременно или по крайней мере одновременно с экономическим развитием на основе национального законодательства государств и международного права. Это положение резолюции во многом совпадает с современной концепцией «устойчивого развития».

Эпохальным событием в развитии экологического права явилась Конференция ООН по окружающей человека среде, проходившая 5–16 июня 1972 г. в Стокгольме (Швеция), в которой участвовало 114 государств. На конференции приняты Декларация принципов и План действий. Они положили начало широкой и многолетней деятельности Программы ООН по окружающей среде – ЮНЕП (United Nations Environment Programme – UNEP) и всего международного сообщества. В целях развития идей и предложений, высказанных на Конференции в Стокгольме, были приняты Конвенция ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г.; Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения 1973 г.; Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1977 г.; Боннская конвенция об охране мигрирующих видов диких животных 1979 г.; Конвенция о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния 1979 г.; Конвенция ООН по морскому праву 1982 г.; Соглашение о тропических лесах 1983 г.; Венская конвенция по защите озонового слоя 1985 г. и др.

В 1982 г. ООН принимает Всемирную хартию природы. В ее преамбуле говорится: «Каждая жизненная форма является уникальной, достойной уважения, независимо от ее ценности для человека, и дабы признать за ними это достоинство, человек должен руководствоваться моральным кодексом» [7].

Примерами межгосударственных соглашений могут служить Бухарестская конвенция о защите Черного моря от загрязнения 1992 г., Хельсинкская конвенция о защите морской среды района Балтийского моря 1992 г., Соглашение СНГ о взаимодействии в области экологии и охраны окружающей

и природной среды 1992 г. и Протокол об обязанностях, правах и ответственности участников Соглашения 1992 г.

В июне 1992 г. в Рио-де-Жанейро была проведена Конференция ООН по окружающей среде и развитию, призванная подвести итоги за 20-летний период после Стокгольмской конференции и определить главные направления развития экологического права накануне XXI в. Результаты Конференции в Рио оказались ниже ожидаемых: принципиального улучшения не наступило, человечество по-прежнему на пути к экологической катастрофе.

Следует подчеркнуть, что к концу XX в. сложились необходимые объективные предпосылки для принятия кодифицирующего акта по международному экологическому праву, в котором должен быть закреплён принцип экологической безопасности как один из основных принципов международного права.

Международным сообществом приняты следующие важные политические документы, в которых проблемы мира и безопасности сочетаются с вопросами охраны окружающей среды:

«Московский договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой» (1963);

«Договор о нераспространении ядерного оружия» (1968);

«Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов оружия массового уничтожения» (1971);

«Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) оружия и токсинов и их уничтожения» (1972);

«Конвенция о запрещении военного или иного враждебного использования средств воздействия на природную среду» (1977).

Первая международная экологическая конференция – Стокгольмская конференция ООН по окружающей среде (1972) – приняла «Декларацию принципов» по основным экологическим проблемам человечества, рассчитанную на перспективу. День открытия этой конференции (5 июня) стал Всемирным днем охраны окружающей среды.

Среди принятых конференцией принципов и резолюций следует отметить следующие:

право человека на благоприятные условия жизни в окружающей среде, качество которой позволяет вести достойную и процветающую жизнь;

необходимость сохранения природных ресурсов на благо нынешнего и будущих поколений («природные ресурсы не собственность нынешнего поколения, а взяты в долг у будущих поколений»);

необходимость решать международные проблемы окружающей среды в духе сотрудничества и взаимопомощи;

суверенность прав государств на разработку собственных природных ресурсов при одновременной ответственности этих государств за ущерб, наносимый окружающей среде;

ответственность государств за то, чтобы деятельность, осуществляемая на территории, находящейся под их юрисдикцией, не наносила ущерба окружающей среде других государств или территорий, находящихся за рамками национальной юрисдикции.

В 1973 г. Генеральная Ассамблея ООН образовала постоянно действующий орган по охране окружающей среды – Программу ООН по окружающей среде – ЮНЕП, который стал основным координатором разработки международной стратегии охраны биосферы Земли, обеспечения международной экологической безопасности [11, с. 7–13].

К важнейшим международно-правовым документам по охране окружающей природной среды относятся резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Об исторической ответственности государств за сохранение природы Земли для нынешнего и будущего поколений» (1980) и «Всемирная хартия охраны природы» (1982).

Экологическое право Европейского союза представлено и регламентировано в Договоре об образовании Европейского Сообщества, где в ст. 3, 174, 175 говорится, что политика ЕС в области окружающей среды должна способствовать достижению определенных эколого-политических целей и задач ее является «защищать, сохранять окружающую среду и улучшать ее качество, достичь высокого уровня защиты среды на всей территории Европы, способствовать защите человеческого здоровья, осторожно и рационально использовать природные ресурсы и предпринимать меры по преодолению региональных и глобальных экологических проблем на международном уровне» [12, с. 26–29]. Меры по защите окружающей среды общего характера включают доступ к информации об окружающей среде, проверку соответствия экологическим нормам, экологический аудит, положения, касающиеся инвестиций, или ответственность за окружающую среду.

Государства – члены ЕС должны не только перенести на национальное законодательство предписания европейского экологического права, но и применять их. И эта ответственность постоянно возрастает по сравнению с другими правовыми областями [13]. Некоторые государства – члены ЕС создали особые организационные формы: экологические инспекции, экологическую полицию, специализированные прокуратуры, парламентских уполномоченных, осуществляющих надзор за законностью деятельности.

В настоящее время приблизительно 40% жалоб, приходящих в Комиссию, касается вопросов окружающей среды [12, с. 87]. Производство по жалобам в отношении вопросов окружающей среды показало себя как очень действенное. Оно имеет функцию контроля путем выборочной проверки. При приблизительно 600 жалобах ежегодно Комиссия узнает, таким образом, о большинстве крупных нарушений при фактическом применении экологического права ЕС.

Охрана окружающей среды, рациональное использование природных ресурсов, обеспечение экологической безопасности человека – неотъемлемое условие устойчивого экономического и социального развития любого государ-

ства. Поскольку экологические отношения имеют выраженный двойственный характер (природоресурсный и природоохранный), именно государство призвано обеспечить баланс экономических и экологических интересов и потребностей общества и личности, выступить гарантом соблюдения права человека и общества на безопасную, благоприятную окружающую природную среду.

Природоохранная функция государства выделяется в теории права в начале 1990-х годов, когда стала осознаваться важность охраны окружающей среды и необходимость обеспечения экологической безопасности. Ее предназначение состоит в том, чтобы силами и средствами государства на основании системы норм, регулирующих экологические отношения, установить и поддерживать научно обоснованное соотношение экономических (в сфере природопользования) и экологических (поддержание благоприятного для человека состояния окружающей среды) интересов общества. Экологическая функция государства реализуется на основе ряда программных документов, определяющих направления внутренней и внешней политики Республики Беларусь в области охраны окружающей среды.

Содержание Конституции Республики Беларусь, усложнение содержания и рост объема международных обязательств суверенного независимого государства позволяют усилить взаимодействие белорусского права с международным. Речь идет не о превращении норм международного права в нормы национального права, но о некоторых изменениях положений международных договоров в процессе их применения внутри страны.

Республика Беларусь осуществляет международное сотрудничество в области охраны окружающей среды в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Республики Беларусь в области охраны окружающей среды.

Соблюдение принципов и норм экологической безопасности в Республике Беларусь охраняется ее законами. Ст. 46 Конституции гласит: «Каждый человек имеет право на благоприятную окружающую среду и на возмещение ущерба, причиненного нарушением этого права. Государство осуществляет контроль за рациональным использованием природных ресурсов в целях защиты и улучшения условий жизни, а также для охраны и восстановления окружающей среды».

Принципы охраны окружающей среды, на основе которых реализуется экологическая функция государства, закреплены также в Законе Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. «Об охране окружающей среды» в редакции закона от 17 июля 2002 г. К таким принципам относятся:

соблюдение права граждан на благоприятную окружающую среду и возмещение вреда, причиненного нарушением этого права;

научно обоснованное сочетание экологических, экономических и социальных интересов граждан, общества и государства в целях обеспечения благоприятной окружающей среды;

охрана, рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов как необходимые условия обеспечения благоприятной окружающей среды и экологической безопасности;

предупредительный характер мер по охране окружающей среды и предотвращению вреда окружающей среде;

государственное регулирование охраны окружающей среды и природопользования; платность специального природопользования и возмещение вреда, причиненного в результате вредного воздействия на окружающую среду;

учет природных и социально-экономических особенностей территорий при планировании и осуществлении хозяйственной и иной деятельности;

приоритет сохранения естественных экологических систем, типичных и редких природных ландшафтов и природных комплексов;

презумпция экологической опасности планируемой хозяйственной и иной деятельности;

снижение вредного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду за счет использования технологий, обеспечивающих выполнение требований в области охраны окружающей среды, с учетом экономических и социальных факторов;

запрещение хозяйственной и иной деятельности, которая может привести к деградации естественных экологических систем, изменению и (или) уничтожению генетического фонда объектов растительного и животного мира, истощению природных ресурсов и иным отрицательным изменениям окружающей среды;

гласность в работе государственных органов, общественных объединений по вопросам охраны окружающей среды и обеспечения граждан полной, достоверной и своевременной информацией о состоянии окружающей среды.

Помимо Закона Республики Беларусь об охране окружающей среды (1992) и Кодексов (воздушный (2006); о недрах (2008); водный (1998); лесной (2000); о земле (2008)) в нашей стране действуют Законы: об особо охраняемых природных территориях (1994), о животном мире (2007), о растительном мире (2003), об обращении с отходами (2007), об охране атмосферного воздуха (2008), о государственной экологической экспертизе (1993) и др. Кроме того, в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях существует гл. 15 «Административные правонарушения против экологической безопасности окружающей среды и порядка природопользования», статьи которой предусматривают большие штрафные санкции за различные правонарушения в экологической сфере. В Уголовном кодексе также есть целый ряд статей, где предусмотрены наказания (штрафы и даже лишение свободы) за преступления против экологической безопасности и природной среды.

Основные направления внешней экологической политики белорусского государства заключаются в развитии международного партнерства, присоединении республики к многосторонним договорам, в укреплении двустороннего сотрудничества, в расширении взаимосвязей с международными меж-

правительственными экологическими организациями и финансовыми институтами [14]. С 2011 г. вступил в силу проект «Содействие развитию всеобъемлющей структуры международного сотрудничества в области охраны окружающей среды в Республике Беларусь», один из компонентов которого нацелен на повышение уровня осведомленности общественности в вопросах охраны окружающей среды [15].

Важным для реализации права граждан на благоприятную окружающую среду является законодательно установленная возможность получения информации о состоянии окружающей среды и проводимых мерах по ее охране [16, с. 53].

Право на информацию во всем мире является одним из основополагающих прав личности. Долгие годы в нашей стране практически любая экологическая информация была закрытой. Общеизвестны случаи, когда это приводило к трагическим последствиям. Наиболее выразительным примером нарушения прав человека в сфере информации является авария на Чернобыльской АЭС, когда ее сокрытие, а потом замалчивание последствий привели к целому ряду социальных фрустраций [17, с. 42].

Помимо права граждан на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о состоянии окружающей среды Конституция также обязывает государственные органы, общественные объединения, должностных лиц предоставлять ее гражданам Республики Беларусь [18, с. 42].

Важнейшая роль в регламентации получения экологически значимой информации принадлежит Конвенции о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды [19]. Именно реализация ее положений в законодательстве Республики Беларусь способствует созданию действенного механизма по защите права каждого на благоприятную окружающую среду [20, с. 35; 21].

Перечень данных, относящихся к экологической информации, всегда будет открытым, поскольку дать полный список сведений, относящихся к экологически значимой информации, достаточно проблематично.

Адекватное законам биосферы (ненарушающее, совместимое, коэволюционное) существование и развитие человека представляет собой триаду: «свобода – необходимость – истина», другими словами, «право – долг – знание». Человек не продвинется по пути реализации своих прав и свобод, если он апеллирует только к правам и безразличен к долгу и истине, т. е. права человека относятся не к личностной, а к общественной силе, а именно к равным социально-экологическим условиям для всех людей. Идея коэволюционного развития, экологической этики, экологического императива, «обязанностей для всех», «долга», «необходимости» – это более высокая ступень освоения категорического императива Канта. Экологические права человека заключаются в том, чтобы жить по долгу, осознанно. Диалектический парадокс этой

триады в том, что права человека по сути – это права общества, это права на устойчивое коэволюционное развитие, т. е. справедливые и равные права для *всех*, что возможно только при переходе человека на высокую ступень «морали» и «разума».

Необходимо подчеркнуть, что без институтов гражданского общества невозможно создать условия для формирования личности, обладающей достоинством принимать на себя ответственность за поддержание надлежащего качества окружающей среды и собственной жизни. Конечно, гражданское общество не способно решать задачи в социально-экологической сфере, сопоставимые по масштабу с государственными. Однако дальнейшее взаимодействие государственных и общественных структур, повышение эффективности самоуправления в природоохранной сфере, повышение эффективности экологической политики государства связывается с переносом части полномочий с государства на институты гражданского общества.

В современной Беларуси существуют острые проблемы в социальной и экологической сферах. Затянувшийся процесс формирования системы территориального самоуправления в социальной сфере обусловлен не только социально-экономическими факторами и государственным доминированием, но и культурно-историческими традициями патернализма в политике. В связи с этим особенно важно, чтобы в обществе происходило динамичное развитие общественных структур, ставящих своей целью соблюдение норм экологического права, распространение принципов экологического императива в экономике и культуре, осуществление гражданских инициатив по охране природно значимых объектов, формирование экологической ответственности. Сегодня на территории Республики Беларусь идет активный процесс формирования сети общественных и благотворительных учреждений, которые занимаются проблемами социальной работы и вопросами экологической безопасности. Они организуют слушания по возведению новых зданий, открытию новых производств и экологической оценке старых, по предотвращению загрязнения, нарушению ландшафтов несанкционированной застройкой и т. д.

Перспективы возвышения достоинства личности и прав человека в экологическом дискурсе опираются на равновесное, цельное, не расщепленное на интересы мира биосферы и интересы индивидуума сознание. Если будет построена модель нового отношения к жизни и к природной среде, общество должно обеспечить усвоение этой модели каждым человеком с детства так, чтобы неотъемлемым условием реализации достоинства, цели и смысла своей жизни каждый человек видел неконфликтное развитие общества и природы, а условием реализации своих прав – адекватное этим требованиям выполнение обязанностей. В отличие от действия на основе сотрудничества, стимулом к которому является вознаграждение или угроза, достижение коэволюционного принципа в социоприродных отношениях зависит от степени добровольной вовлеченности в соответствующее действие заинтересованной, компетентной, достойной личности, что согласуется с требованиями морального

императива Канта. Диалог между человеком и природой способствует осознанию прав и моральных обязательств, продуцирует экологическую ответственность, неразрывно связанную с достоинством личности.

Литература

1. Нисский, Г. Об устройении человека [Электронный ресурс] / Г. Нисский. – Режим доступа: www.vusnet.ru/biblio. – Дата доступа: 25.06.2014.
2. Фичино, М. О моральных добродетелях [Электронный ресурс] / М. Фичино. – Режим доступа: www.vusnet.ru/biblio. – Дата доступа: 25.06.2014.
3. Кант, И. Критика практического разума / И. Кант // Собр. соч.: в 6 т. – М., 1965. – Т. 4.
4. Прокофьев, А. В. Парадоксы морально обоснованной пристрастности / А. В. Прокофьев // Человек. – 2008. – № 2. – С. 37–53.
5. Моисеев, Н. Н. Концепция экологической этики [Электронный ресурс] / Н. Н. Моисеев. – Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/moiseev_koncepciekologetiki. – Дата доступа: 24.07.2014.
6. Леопольд, О. Календарь песчаного графства / О. Леопольд. – М., 1980.
7. Борейко, В. Е. Введение в природоохранную этику [Электронный ресурс] / В. Е. Борейко. – Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/boreyko_vvedenie. – Дата доступа: 10.06.2013.
8. Маркузе, Г. Критическая теория общества: избр. работы по философии и социальной критике / Г. Маркузе. – М., 2011.
9. Бердяев, Н. А. Философия свободного духа / Н. А. Бердяев. – М.: Республика, 1994.
10. Соловьев, В. С. Оправдание добра: Нравственная философия / В. С. Соловьев. – М., 1996.
11. Боровский, Е. Э. Основы международного экологического права / Е. Э. Боровский // Химия в школе. – 2004. – № 7.
12. Кремер, Л. Экологическое право Европейского союза / Л. Кремер, Г. Винтер // Экология и жизнь. – 2008. – № 3.
13. Мохаммад, А. С. Экологическая политика Европейского союза как пример системы международного экологического управления [Электронный ресурс] / А. С. Мохаммад. – Режим доступа: <http://49e.ru/ru/2013/11/11>. – Дата доступа: 02.07.2014.
14. Управление природопользованием и охраной окружающей среды [Электронный ресурс] / М-во природных ресурсов и охраны окружающей среды Респ. Беларусь: экол. бюл. 2013 г. – Режим доступа: http://www.minpriroda.gov.by/ru/new_url_349142309-ru. – Дата доступа: 10.04.2015.
15. Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь. Орхусский центр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minpriroda.gov.by/ru/ogxus-ru>. – Дата доступа: 10.04.2015.
16. Балашенко, С. А. Государственное управление в области охраны окружающей среды / С. А. Балашенко. – Минск: БГУ, 2000.
17. Экологическое право: курс лекций и практикум / под ред. Ю. Е. Винокурова. – М.: Изд-во «Экзамен», 2003.
18. Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изм. и доп., принятыми на респ. референдуме 24 нояб. 1996 г. – 3-е изд. – Минск: Амалфея, 2002.
19. Об информатизации: Закон Респ. Беларусь, 6 сент. 1995 г., № 3850-ХП // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1995. – № 33. – Ст. 428.
20. Балашенко, С. А. Право на благоприятную окружающую среду (как его защитить?): практ. пособие / С. А. Балашенко, Е. В. Лаевская, Т. И. Макарова. – Минск, 2000.
21. О подписании Конвенции о доступе к информации, участию общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды: Указ Президента Респ. Беларусь, 28 окт. 1998 г., № 515 // Советская Белоруссия. – 1998. – № 287.

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
И ЗАЩИТЫ ДОСТОИНСТВА И ПРАВ ЧЕЛОВЕКА**

**ДОСТОИНСТВО ЛИЧНОСТИ – ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА**

*Г. А. Василевич,
доктор юридических наук, профессор,
Д. Г. Василевич,
кандидат юридических наук*

Достоинство является универсальным понятием. Оно не зависит от национальной принадлежности, пола, расы, вероисповедания. Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Достоинство человека является неотъемлемым качеством любого физического лица. Оно не зависит от воли иных лиц.

На наш взгляд, в силу важности, комплексности характеристики достоинства человека его уровень обеспечения является интегральным показателем развития права, политики, общей и профессиональной культуры. Именно права и свободы, уровень их обеспечения – та лакмусовая бумажка, которая отражает успех государственного управления. В этом плане часто пересекаются интересы права и политики. При этом в качестве ключевого выступает уровень обеспечения достоинства человека. Это интегральный показатель уровня развития права и политики.

Соотношение права и политики, их взаимодействие и взаимовлияние всегда вызвали интерес исследователей, так как именно эти два явления (право и политика) определяют политико-правовой статус человека, а значит, и то, как обеспечивается достоинство человека.

Наиболее тесно в этом плане соприкасаются конституционное право и политика. Ведь политика (от греч. *politika* – государственные и общественные дела) – это сфера деятельности, связанная с распределением и осуществлением власти внутри государства и между государствами. Что касается первичности права или политики, то первичность за политикой. Право (позитивное) – продукт политики. Можно утверждать, что позитивное право – это закрепленная в соответствующих юридических актах часть политики, ее формализованная часть. Хорошо известно определение Ф. Лассаля сущности Конституции как документа, отражающего расстановку политических сил в обществе. Право обеспечивает порядок в обществе, юридическое равенство всех перед законом. Воля политических сил, воля всего народа становится обязательной для

всех, когда она воплощается в юридическом акте – Конституции, законе, указе и др.

Достоинство человека является показателем цивилизации, под которым справедливо в литературе понимают «не объем валютных резервов и даже не обилие залежей нефти, золота и алмазов, а тот облик человека, который бережно и сознательно взлелеяли своей страной. Речь идет об условиях жизни человека, чье достоинство оберегается всеми правовыми средствами, которые ныне стали доступны людям. Общество, которое ставит во главу угла эту цель, мы именуем гражданским, а государство – правовым» [1, с. 29].

Человеческое достоинство – это свидетельство особой ценности человека. Иммануил Кант утверждал, что человек как разумное существо никогда не может быть лишь средством подобно простой вещи, а всегда является целью сам по себе. Именно из разумности человека возникает, по Канту, его достоинство – особая ценность и значимость людей как личностей. При этом человек должен не только иметь чувство собственного достоинства, но и признавать и уважать достоинство других людей. Все люди равны в своем достоинстве, в этом смысле среди них нет более значимых и менее значимых [2, с. 601–607].

Идеи И. Канта о достоинстве стали основополагающими. Из философско-религиозной, нравственной категории оно выросло в правовую категорию. После Второй мировой войны реакцией государств на человеконенавистническую, фашистскую идеологию, которая попирала достоинство людей, стало принятие ряда международных документов, зафиксировавших право человека на достоинство. Так, во Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. признано, что все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах [3, с. 78–81]. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства (ст. 1).

Международный пакт о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г. установил, что признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира (преамбула) [4, с. 5–32, 761–772].

Права и свободы человека и гражданина в современных условиях находятся в центре внимания национальных государств и международных организаций. При этом вся совокупность прав и свобод человека нацелена на обеспечение достоинства человека. Существуют различные классификации прав и свобод граждан в зависимости от признака, который ложится в основу. В настоящее время утвердился взгляд на то, что все права имеют универсальный характер и должны пользоваться соответствующей защитой со стороны государства. Вместе с тем уже тот факт, что в философской и юридической литературе выделяют несколько поколений прав, свидетельствует не только о развитии общества, но и о ценностной ориентации в отношениях человек – государство.

Естественен вопрос, во имя чего существует государство, государственный аппарат, чиновники? Ответ очевиден: для того, чтобы, как писал великий русский писатель и поэт Н. Некрасов, на Руси (в Беларуси, других государ-

ствах) всем жилось хорошо! Как измерить это? Конечно, не килограммами колбасы, хлеба, тем более литрами спиртного! Замеры, проводимые социологическими службами различных стран, свидетельствуют, что ощущение счастья не зависит от материального благополучия. Более важно обеспечить чувство справедливости, свободы, равенства. Власть должна слышать народ, реагировать на разумные предложения, предоставлять возможность для оппонентов высказывать легально свою точку зрения, убеждать в правильности своей политики силой аргументов.

Обеспечение человеческого достоинства становится целью современного общества и государства. Это является конституционным принципом, получающим развитие в конституционных правах и свободах, в регулировании отношений между обществом, государством и человеком. В связи с этим право в его истинном значении по своей природе «настроено» на прогрессивное развитие – оптимистическую перспективу, отвечающую общим тенденциям развития человеческого сообщества [5, с. 15].

На наш взгляд, заслуживает внимания позиция немецких исследователей, полагающих, что конституционное государство покоится на двух основаниях: народном суверенитете и достоинстве личности. Причем два этих важных аспекта тесно связаны между собой [6, с. 17–18].

С позиции немецких исследователей «несомненна логическая связь между достоинством личности и принципами свободной демократии» [6, с. 19]. Практика свидетельствует, что побудительными мотивами протестных настроений как раз и может быть нарушение принципов народовластия, парламентарной демократии. Хотя, следует отметить, что и в этой сфере могут быть различного рода спекуляции. Поэтому очень важно обеспечить прозрачность избирательного процесса, утверждать в повседневной реальности такую практику, которая бы свидетельствовала о том, что народ – главный субъект политического процесса. Этим целям служит совершенствование законотворческой деятельности, вовлечение в него граждан. С формально юридической стороны основные вопросы здесь решены. Однако исчезла практика широкого народного обсуждения проектов наиболее важных решений государственного и местного значения. Несмотря на развитие информационных технологий, они слабо используются для обеспечения политического взаимодействия власти и граждан, их общественных формирований.

Известно саркастическое изречение, приписываемое одному заокеанскому политику: власть исходит от народа и больше к нему не возвращается. Именно желание людей сохранять свою роль в управлении делами государства, неудовлетворенность тем, как решаются их проблемы, побуждает граждан проявлять свою активность и после того, как от народа власть «изошла» к его представительным органам.

Есть опасность умаления роли парламентов, здесь прослеживается явная тенденция. Некоторые известные юристы, например Ю. А. Тихомиров, даже заявляют об окончании эпохи разделения властей, разрушении системы сдер-

жек и противовесов именно по причине ухода в тень политической сцены парламентов и выдвижении на первые роли исполнительной и судебной власти.

Парламентам необходимо вернуть роль эффективных субъектов политического процесса. На этот счет может быть высказано достаточно много идей, ряд из которых уже апробирован в начале 1990-х годов. Это позволило бы придать новые импульсы работе представительных органов, т. е. тех институтов власти, которые наиболее близки к народу. Парламентская демократия способна исключить консервацию системы отношений, дать гражданам шанс на самовыражение. Без этого произойдет отчуждение власти от народа, что приведет к печальным результатам. Иногда можно слышать заявления о том, что еще не время для демократии. Вот поправим экономику, тогда и займемся демократией. Ошибочная точка зрения. Демократия – это реальная власть народа, власть большинства при уважении прав тех, кто оказался в меньшинстве. Многие болевые проблемы, касающиеся демократии, лежат на поверхности и их решение не требует сверхусилий. Необходимо просто адекватно и оперативно реагировать на волю людей, вести разъяснительную работу относительно проводимой политики, исполнять данные в предвыборный период обещания. Тогда не будет у граждан ощущения, что их достоинство как главных субъектов управления государством умалено.

В современных условиях проблема достоинства личности в качестве интегрального показателя сути отношений между государством, обществом и человеком приобретает особое звучание. Рост правовой культуры, правового сознания граждан меняет сложившуюся ранее парадигму отношений: растет число людей, которые осознают себя полноправными субъектами политического процесса. Их уже не устраивает роль простых фигур на политической шахматной доске.

Что касается определений понятия «достоинство человека», то их нет в законодательстве. В юридической литературе достоинство трактуется как самооценка человеком своих социальных, моральных качеств, способностей и общественной значимости (в отличие от определения чести как общественной оценки социальных и духовных качеств конкретного человека, представлений людей о его поведении) [7, с. 481].

В Конституции России (ст. 21), Конституции Беларуси (ст. 25) содержатся положения, касающиеся достоинства личности. В российской Конституции закрепляется, что «достоинство личности охраняется государством; ничто не может быть основанием для его умаления», в белорусской – «государство обеспечивает достоинство личности». Таким образом, определенное смысловое различие имеется. При этом в указанных статьях содержатся практически идентичные нормы, в соответствии с которыми «никто не должен подвергаться пыткам, жестокому, бесчеловечному либо унижающему его достоинство обращению или наказанию».

В одном из комментариев к Конституции России дано следующее определение достоинства личности. Под ним понимается «осознание самим челове-

ком и окружающими факта обладания им определенными нравственными и интеллектуальными качествами. Достоинство личности определяется не только самооценкой субъекта, но и совокупностью объективных качеств человека, характеризующих его репутацию в обществе (благополучие, нравственные данные, уровень знаний, обладание социально полезными навыками, достойный образ жизни и т. п.)» [8, с. 96].

Для оценки значения такой категории, как достоинство личности, важно определить соотношение этого явления с другими правами и свободами. Обычно в юридической литературе, в том числе учебниках, посвященных правам и свободам, право на достоинство личности рассматривается автономно, вне связи с другими составляющими категориями, характеризующими правовой статус человека и гражданина [9, с. 195–197; 10, с. 226–239; 11, с. 295–309; 12, с. 123–128; 13, с. 282–294].

Несколько иную позицию занимают авторы одного из комментариев Конституции России. Так, утверждается, что «достоинство личности как юридическая категория не стоит в одном ряду с такими правами, как право на свободу передвижения и другими личными правами. Как жизнь человека и признание его права на жизнь являются общим условием существования всех прав и свобод человека и гражданина, так и человеческое достоинство (достоинство личности), его признание, соблюдение и защита государством являются необходимым условием существования личных прав человека» [14, с. 145]. Таким образом, авторы комментария рассматривают принцип уважения достоинства личности как базисный в сфере личных прав и свобод. Однако, на наш взгляд, имеются все основания еще четче заявить о более широком содержании этой категории, охватывающей наряду с правом на жизнь все явления (права и свободы), характеризующие такое качество жизни, которое не только субъективно (в силу личных ощущений, т. е. личностная самооценка), но и объективно подтверждает и обеспечивает статус человека как полноправного субъекта человеческой деятельности. В этом отношении показательно содержание ст. 21 Конституции, с которой начинается раздел 2 Конституции «Личность, общество, государство». В ней помимо закрепления в качестве высшей цели государства обеспечения прав и свобод граждан Республики Беларусь, необходимости их гарантировать предусмотрено, что «каждый имеет право на достойный уровень жизни, включая достаточное питание, одежду, жилье и постоянное улучшение необходимых для этого условий». Таким образом, Конституция в качестве важнейшего составляющего «достоинства человека» предусматривает экономический элемент – достойный уровень жизни. Аналогичная норма содержится и в ст. 7 Конституции России, согласно которой Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Известный российский ученый, судья Конституционного Суда России Н. С. Бондарь справедливо отмечает, что «ценность и цели свободного развития

каждого включают деятельное солидарное соучастие в создании необходимых предпосылок не только физического (материального), но и духовного здоровья нации. С этих позиций следует оценивать и актуальность охраны достоинства личности посредством реализации конституционных начал социальной политики» [15, с. 217].

Можно согласиться с теми авторами, которые полагают, что «достоинство личности» наполняется конкретным содержанием в конкретной правовой культуре. В то же время считали неверным мнение, согласно которому только «в наиболее развитых в государственно-правовом отношении странах в понятие достоинства включается обладание не только правовой свободой, но и минимальным набором социальных благ, необходимых для достойной жизни по стандартам современного потребительского общества (жилище, относительно высокая заработная плата, общедоступное здравоохранение и образование, социальное обеспечение и т. д.)» [11, с. 146].

В Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г., ставшим обязательным для Республики Беларусь (тогда еще – БССР), было закреплено, что достоинство личности присуще всем членам человеческого общества, оно является основой свободы, справедливости и всех неотъемлемых прав личности [4, с. 13–32]. Однако нельзя ограничивать понимание достоинства личности лишь кругом личных прав и свобод. Можно обладать неотъемлемыми правами, но личностная самооценка человека будет низкой, если он ущемлен в сфере социально-экономических и социально-культурных прав и свобод. Причем прежде всего важна его самооценка, положение в условиях конкретного общества и государства, которые должны обеспечивать равноправие. Даже в экономически небогатых странах, но где государство развивается как правовое демократическое и социальное, у граждан более осязаемо чувство достоинства, нежели там, где наблюдается поляризация доходов и где богатые люди ведут вызывающе расточительный образ жизни.

Уместно будет обратить внимание на одно из положений другого Международного пакта – об экономических, социальных и культурных правах [4, с. 5–13]. Согласно ст. 2, каждое участвующее в нем государство обязуется в индивидуальном порядке и в порядке международной помощи и сотрудничества принять в максимальных пределах имеющихся ресурсов меры к тому, чтобы постепенно обеспечить полное осуществление признаваемых в этом Пакте прав всеми надлежащими способами, включая принятие законодательных мер. Поэтому категорию «достоинство личности» следует рассматривать в динамике. Если общество отмечает позитивную тенденцию в сфере обеспечения всего комплекса прав и свобод, то и достоинство личности приобретает новые черты.

Достаточно часто в качестве главного побудительного мотива высказывания претензий власти называют экономическое неблагополучие. Это действительно так. В мировой истории много примеров совершения революций и восстаний, массовых протестов по причине обнищания народа. Наглядный со-

временный пример – Греция. Однако нарушить политическую стабильность могут и другие факторы, даже при росте доходов населения. Среди таких факторов назовем неспособность или нежелание власти реагировать на позитивные идеи, высказываемые оппонентами.

Практика реализации Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод [4, с. 761–772], в том числе и толковательная практика ЕКПЧ Европейским Судом по правам человека, является правовой основой для развития национального законодательства государств, входящих в ЕС, и его исполнения. Нам следовало бы более основательно знакомиться с практикой реализации ЕКПЧ, особенно, когда это воплощается в решения Европейского Суда по правам человека. Накопленный опыт Европейского Суда применения Европейской конвенции позволяет более быстрыми темпами развивать собственную национальную правовую систему, приближая ее к лучшим европейским стандартам.

Наряду с ЕКПЧ 7 декабря 2000 г. провозглашена Хартия Европейского союза об основных правах, вобравшая в себя весь спектр основных прав и свобод, которые признаны международным сообществом. Хартия в отличие от ЕКПЧ включает также экономические и культурные права. По юридической силе она приравнена к учредительным документам. Содержащиеся в ней права классифицированы по такому критерию, как их ценность, на защиту которых они направлены. Обратим внимание, что на первом месте в Хартии находится достоинство личности (ст. 1–5 Хартии, раздел I). При этом имеется в виду не только само право на человеческое достоинство, но и другие права, предопределяющие бытие человека, а именно: право на жизнь, на ценность личности, запрет пыток, иного бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, недопустимость рабства и принудительного труда. Среди белорусских авторов первым, кто актуализировал проблему достоинства личности в качестве интегрального показателя сути отношений между государством, обществом и человеком, является доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси Л. Ф. Евменов [16, с. 17, 21]. Полагаем, что фундаментальные идеи и оценки на этот счет должны получить свое дальнейшее развитие и реализацию.

В Хартии конкретизируется содержание также таких ценностей, как свобода (право на свободу и личную неприкосновенность, право на уважение частной и семейной жизни, свобода выражения мнений, свобода искусства и науки, право собственности, свобода профессиональной деятельности, право на свободу труда); равенство (равенство перед законом, недискриминация, равенство мужчин и женщин, права детей, инвалидов); солидарность (право на коллективные переговоры и коллективные действия, включая забастовку, на справедливые и надлежащие условия труда, на социальное обеспечение, охрана окружающей среды); гражданство; правосудие как источник прав и гарантий личности на судебную защиту.

Защита человеческого достоинства имеет два аспекта: 1) защита достоинства от возможных посягательств в данной сфере отношений со стороны государства; 2) защита достоинства человека от посягательства других лиц, групп граждан. В первом случае можно вести речь о том, что само государство должно находиться в соответствующих правовых рамках, определенных Конституцией, нормами международного права.

Защита человеческого достоинства обычно рассматривается в качестве индивидуального права. В Конституции устанавливаются запреты, чтобы гарантировать достоинство личности. Причем в ст. 25 Конституции Республики Беларусь акцент сделан на недопустимости подвергать человека пыткам, жестокому, бесчеловечному либо унижающему его достоинство обращению или наказанию, а также медицинским или иным опытам без его согласия. Если проанализировать часть первую упомянутой статьи и часть первую ст. 23 Конституции во взаимосвязи, то можно сделать вывод о том, что ограничения в области права на достоинство возможно законом и во имя правомерно достигаемых целей, определенных в ст. 23 Основного закона, т. е. в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц. С учетом этого важно обеспечить пропорциональность ограничения в данной сфере.

Наиболее распространенными примерами умаления достоинства личности являются клевета, оскорбление, высокомерное отношение к человеку, содержание заключенных в условиях, которые не отвечают международным стандартам, установленным для пенитенциарных систем. Здесь можно вести речь о недопустимом умалении достоинства личности, под которым понимают «такое действие, поведение кого-либо, которое в оскорбительной форме представляет человека менее значимым или в искаженном виде, причиняя ему, таким образом, нравственные страдания» [17, с. 117].

Как видим, в белорусской Конституции (аналогичный подход содержится и в Конституции России) наряду с запретом унижающего достоинство обращения или наказания специально указано на недопустимость пыток. По существу, повторена редакция ст. 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

В контексте взаимоотношений государства и человека возникает вопрос о стабильности предусмотренных в законодательстве прав: не умаляется ли достоинство человека, когда происходит их изменение? Если обеспечение неотъемлемых (личных) прав и свобод зависит в большей мере от воли государства (государственных органов, должностных лиц), хотя эта воля и должна быть ориентирована на сложившиеся стандарты в цивилизованном сообществе, то права социальные (экономические, культурные) практически полностью обусловлены не только юридическими, но и материальными гарантиями. Проблема их финансирования на определенном этапе, как отмечает А. Бланкенагель, «становится проблемой демократии и разделения властей» [18, с. 9].

Действительно, мы хорошо знаем, что обеспечение, например таких прав, как право на достойный уровень жизни, включая достаточное питание, одежду, жилье и постоянное улучшение необходимых для этого условий (ст. 21 Конституции), на охрану здоровья (ст. 45), на социальное обеспечение (ст. 47), на образование (ст. 49), на жилище (ст. 48), требует колоссальных затрат, что влияет на уровень налогообложения субъектов хозяйствования и граждан.

Таким образом, «имеющиеся финансовые границы являются абсолютной границей осуществления социальных прав» [18, с. 10]. На это обращалось внимание и ранее белорусскими учеными, в том числе и одним из авторов настоящей статьи [19, с. 3–8].

В данном случае заметим, что в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах предусмотрена обязанность государств, для которых этот международный документ стал обязательным, принимать все меры для обеспечения содержащихся в нем прав в пределах имеющихся ресурсов (ст. 2).

Поэтому с учетом реальных экономических возможностей важно обеспечить такое распределение и использование ресурсов, которое является справедливым. В философской и юридической литературе существует множество определений справедливости. Справедливость раскрывается посредством различных категорий, например таких, как «добро» и «зло». Интересно, что некоторые исследователи определяют право, используя эти два понятия. По определению В. С. Соловьева, правом следует считать «принудительное требование реализации определенного минимального добра или такого порядка, который не допускает известных крайних проявлений зла» [20, с. 35].

В контексте поставленной проблемы следует решать и вопрос об отмене (изъятии) неосновательно предоставленных льгот не только гражданам, но и субъектам хозяйствования. В Республике Беларусь несколько миллионов граждан пользуются различного рода льготами. Когда они не имеют объективной для этого основы, нарушается конституционный принцип равенства.

Однако заметим, что уже само определение государства как социального и правового предполагает наличие соответствующих характеристик. При этом существует соответствующий минимум показателей развития государства, при наличии которых мы можем утверждать, что оно является социальным или правовым. Следует согласиться с теми авторами, которые утверждают, что правовое государство не может не быть социальным, демократическим. Это – все грани единой обобщающей характеристики современного (конституционного) государства.

Аксиомой права является подход, согласно которому граждане всегда должны иметь возможность полагать, что их действия, которые в настоящем соответствуют законодательству, не будут признаны антизаконными в будущем.

Основу свободы труда, экономики составляют не только формы собственности, их многообразие, свобода конкуренции, создание равных условий для развития и их равная защита, но и правовая стабильность, обеспечивающая

эффективное правовое регулирование экономических отношений. Следует согласиться с немецким исследователем Р. Штобером, который утверждает, что «дееспособность, рентабельность, производительность, инвестиции и адаптационные способности народного хозяйства в значительной степени зависят от измеримости и предсказуемости хозяйственно- и административно-правовых действий» [21, с. 60].

Очень важно, чтобы право защищало экономическое доверие, а юридическое решение относительно изменения ранее приобретенных социальных прав было справедливым. Проблема даже не сводится к неприданию акту, ухудшающему правовое положение, обратной силы.

Для правового государства характерна связанность органов государственной власти принятыми решениями (законами, указами, постановлениями и др.). Существует известный принцип: правовой акт, пока он не отменен, обязателен даже для того органа, который его принял. Иной подход приводит к субъективизму, нарушению определенного и известного всем сложившегося правового порядка.

Одним из условий обеспечения надлежащего правового порядка является стабильность правового регулирования, его предсказуемость, своевременное прогнозирование последствий принятия актов законодательства. Вместе с тем политическая, экономическая, социальная жизнь общества находится в динамике, диалектическом развитии. Это объективно обуславливает необходимость своевременного и адекватного реагирования права на потребности общественного развития. В связи с этим возникает дилемма между стабильностью законодательства и его гибкостью, ведь право должно развиваться соответственно меняющейся жизни. В этом, кстати, и проявляется эффективность права.

Для социального государства характерно стремление к социальному уравниванию, т. е. оказанию поддержки слабым и предъявлению больших требований (но до определенных пределов) к социально сильным субъектам, например в сфере налогообложения.

Зафиксированный в Конституции принцип социального государства является обязательным к исполнению предписанием. С учетом наших условий развития достижение социальных целей – достойная жизнь каждого человека – является важнейшим фактором развития правового государства, поэтому ошибочным считаем утверждение Р. Штобера о том, что принцип социального государства не требует ни обязательных широких общественных и экономических преобразований, ни внедрения социальной рыночной экономики [21, с. 50]. В какой-то мере схожую позицию занимает и А. Бланкенагель, указывающий, что «в демократическом конституционном государстве со свободной рыночной экономической системой исходной является концепция человека, ответственного перед самим собой» [18, с. 11].

Таким образом, принципы социального и правового государства тесно связаны и переплетаются друг с другом.

Отмена личных (неотъемлемых) прав в принципе невозможна, допустимо лишь при соблюдении установленных в ст. 23 Конституции, Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод их некоторое ограничение в случаях, допустимых в демократическом обществе.

Что же касается приобретенных социальных прав, то допустимы не только их ограничение или умаление, но и отмена. Конституция Республики Беларусь не запрещает законодателью вносить поправки в действующее законодательство, в том числе и такие, которые ухудшают положение отдельных категорий граждан по сравнению с ранее приобретенным статусом. Однако это может происходить лишь при соблюдении закрепленных в Конституции и законодательстве правил, на которых мы основываемся ниже.

Изменение приобретенных социальных прав может быть обусловлено общественными интересами, уменьшением доходов государства, необходимостью обеспечения социального равенства, когда определенные льготы и преимущества установлены необоснованно. Законодатель в отношении этой категории прав обладает значительно большей свободой, чем в отношении неотъемлемых и политических прав и свобод. Что касается последних двух групп прав, то в Конституции и международных документах фиксируется, какие из этих прав являются абсолютными и в отношении каких вообще недопустимо какое-либо ограничение. Социальные права тоже не являются «беззащитными»: государство должно гарантировать определенный минимум, за пределами которого оно уже не является социальным правовым государством.

Материальное благополучие, являющееся важнейшей составной частью достоинства человека, во многом зависит от эффективности правового регулирования. В юридической литературе высказываются различные взгляды относительно эффективности права, указывается, что оно проявляется: 1) в результативности правового воздействия; 2) в достижении поставленных целей; 3) в полезности и экономичности правового воздействия [22, с. 28].

На наш взгляд, первых два критерия обладают недостатками, так как при обеспечении «результативности» правового воздействия не учитываются такие важнейшие принципы, как свобода, равенство, справедливость, а цель вообще может оказаться ошибочной.

Полагаем, что единственным критерием эффективности права может быть полезность и экономичность правового воздействия. Право – это один из социальных регуляторов, используемых во имя общей пользы. Исходя из задачи государства служить общему благу правовое регулирование должно быть экономичным. Поэтому следует согласиться с мнением Ф. Н. Фаткуллина и Л. Д. Чулюкина о том, что именно в максимальной положительной полезности функционирования правовых норм с наименьшими социальными издержками проявляется эффективность права [23, с. 26].

В свою очередь, профессор В. В. Сорокин видит критерий эффективности права в наличии или отсутствии правового порядка в обществе, способности

правовой системы удовлетворять потребности общества в социально-справедливом порядке [22, с. 29].

Может ли правовая система быть эффективной в переходный период? В. В. Сорокин положительно отвечает на данный вопрос, обращая внимание при этом, что правовая система в переходный период также способна создавать условия для укрепления социальной справедливости, обеспечения гражданского мира, преобладания демократических правил и процедур [22, с. 29].

На наш взгляд, не просто может, а должна. Иначе сам переходный период затянется на многие годы.

Эффективные механизмы защиты прав человека включают материально-правовые, процессуальные и институциональные формы и средства защиты. Взаимодействие всех этих частей на конституционной основе, отвечающей целям демократического развития, делает такую защиту реальной.

С учетом изложенного в современных государствах, особенно с переходной экономикой, одна из важнейших задач – сделать так, чтобы правовое регулирование было стабильным, предсказуемым и в то же время достаточно гибким. Как отмечает Ю. Кочановский, еще в классическом римском праве возникала эта проблема. В нем была принципиальная установка: стабильность регулирования обеспечивают законы, гибкость – правотворчество на практике в ходе правоприменения [24, с. 110].

Эффективность правового регулирования в условиях постоянно меняющейся действительности предполагает, что даже самое совершенное законодательство со временем претерпевает изменения. Это объективный процесс. Тем более потребность в таких изменениях может возникать в связи с несовершенством национального законодательства, необходимостью устранения противоречий и пробелов, учета новых явлений, которые на момент принятия акта не были известны, а в некоторых случаях по причине смены политического курса, концепции развития и т. д.

Совершенствованию национального законодательства и практики его применения в сфере обеспечения и защиты человеческого достоинства, раскрытию ряда понятий способствует, как уже отмечалось, деятельность Европейского Суда по правам человека. Так, с учетом его практики под бесчеловечным обращением понимают обращение, причиняющее сильнейшие физические и моральные страдания, способные, в частности, повлечь острые психические расстройства. Под унижающим человеческое достоинство обращением понимают поведение, способное вызвать у лица, к которому оно применяется, чувство страха, подавленности и неполноценности, способное оскорбить и унижить и, возможно, сломить его физическое и моральное сопротивление. При этом разъясняется, что мера, которая унижает положение человека, его репутацию, может рассматриваться как обращение, унижающее человеческое достоинство, при условии, что она с очевидностью достигает определенного уровня жестокости [25, с. 146–147].

Запрет пыток проявляется также в недопустимости депортировать лица в те страны, где к ним пытки могут быть применены. Случаи расовой дискриминации также рассматриваются как унижающее человеческое достоинство обращение. К ним также следует относить плохие экономические и социальные условия, возникающие по вине властей [26, с. 162–163].

С учетом данного взгляда представляет интерес оценка ситуации, когда само лицо ведет такой образ жизни, который вызывает неуважение к нему со стороны окружающих. Полагаем, что само лицо умаляет свое достоинство. Препятствовать деградации людей (алкоголиков, наркоманов и т. п.) является обязанностью государства. Безусловно, меры здесь должны быть иные, чем это было в советский период.

Относительно юридической ответственности, например административной или уголовной, принимаются другие оценки. Несомненно, в таком случае человек испытывает «унижение». Однако ограничение прав привлекаемого к ответственности лица направлено на обеспечение баланса интересов. Ограничения допустимы во имя правомерно достигаемых целей (см. ст. 23 Конституции). Можно, с точки зрения уровня развития современных государств, оценивать, насколько обеспечивается соблюдение достоинства заключенных, сопоставляя условия содержания заключенных в наших колониях со стандартами, достигнутыми в развитых странах. Отрицательно следует оценивать и те случаи, когда даже национальные нормативы не соблюдаются. В частности, нередки случаи превышения численности задержанных в камерах СИЗО, что вынуждает людей спать по очереди, отсутствия вентиляции, минимальных санитарных удобств и т. п. Это также нарушает достоинство людей, еще не признанных к тому же виновными в совершении преступления. Было бы полезно не только расширить практику применения такой меры пресечения, как залог, но и использовать опыт других стран, когда приговор в виде лишения свободы за некоторые преступления исполняется, когда появляется свободное место в колонии. В Республике Беларусь есть проблемы в данной сфере. Однако в качестве позитивного момента отметим утверждение в декабре 2010 г. Указом Главы государства Концепции совершенствования мер уголовной ответственности и порядка их исполнения. Концепцией намечен широкий спектр вопросов, которые должны решаться в ближайшее время.

Европейский Суд по правам человека также давал оценку действиям правоохранительных органов при задержании лица, осуществлении допроса. Так, в отношении лица, лишённого свободы, любое применение физической силы, которое не было вызвано его собственными действиями, унижает человеческое достоинство. Как бесчеловечное или унижающее достоинство обращение он расценивает недопустимые методы допроса (стояние, надевание на голову капюшона, шум, лишение сна, лишение пищи, воды и т. п.). Европейский Суд в своих решениях отмечал, что для того, чтобы плохое обращение представляло нарушение ст. 3 Конвенции (о запрете пыток), оно должно достигнуть минимального уровня жестокости. Оценка этого уровня относительна:

она зависит от обстоятельств дела, в частности от продолжительности такого обращения, его воздействия на физическое или психическое состояние и в некоторых случаях – от пола, возраста и состояния здоровья жертвы [25, с. 146–151].

Таким образом, Европейский Суд по ряду важных направлений развития национального законодательства и практики его применения высказал свое суждение, которое является обязательным для реализации странами, входящими в Совет Европы. Для иных государств его позиции также, полагаем, является руководством к действию.

Государство в соответствии со ст. 59 Основного закона Республики Беларусь обязано принимать все доступные ему меры для создания внутреннего и международного порядка, необходимого для полного осуществления прав и свобод граждан Республики Беларусь, предусмотренных Конституцией. Государственные органы, должностные и иные лица, которым доверено исполнение государственных функций, обязаны в пределах своей компетенции принимать необходимые меры для осуществления и защиты прав и свобод личности. Эти органы и лица несут ответственность за действия, нарушающие права и свободы личности. Только при этом условии человек может чувствовать себя достойным гражданином своей страны.

Конечно, развитие конституционного права отдельного европейского государства испытывает влияние европейского правового пространства. Европейская интеграция выступает в качестве важнейшего фактора процесса дальнейшего развития и совершенствования национальных правовых систем. Сейчас явно наметился новый этап дальнейшей гармонии права и политики в связи с процессом глобализации, интенсивным развитием информационного общества, новыми достижениями в области биомедицины, биотехнологий. Качественный скачок будет сделан в ближайшие десятилетия. Влияние на развитие конституционного права будут оказывать не только лица, занимающиеся политической деятельностью, но и ученые.

Влияние политики на конституционное право прослеживается на примере Конституции США, которую активно интерпретирует Верховный Суд США, чьи решения по своему объему многократно превзошли текст самой Конституции. Причем Верховный Суд, исходя из новых тенденций развития жизни общества и государства, нередко по-новому интерпретирует конституционные нормы. Таким образом, Конституция испытывает на себе влияние политической жизни, является «живой».

В свою очередь, Конституция регулирует политический процесс. Но Конституция перестает быть таким регулятором, когда большинство отвергает ее нормы, высказывается за ее обновление. Особую угрозу стабильности государства создает раскол общества, отсутствие единства народа в решении базовых вопросов (собственность, политический плюрализм, реальное обеспечение прав и свобод независимо от политических взглядов). Единство граждан формируется и помимо Конституции, но Конституция его укрепляет.

Развитие законодательства и правоприменительной практики, направленное на обеспечение достоинства личности, является интегральным показателем цивилизованности государства и общества, а также того, насколько полно реализуются нормы Конституции, вобравшей в себя важнейшие общечеловеческие ценности.

Литература

1. Мучник, А. Г. Философия достоинства, свободы и прав человека / А. Г. Мучник. – Киев: Парламентское изд-во, 2009. – 696 с.
2. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. – М.: Эксмо, 2006. – 736 с.
3. Права человека: междунар.-правовые док. и практика их применения: в 4 т. / сост. Е. В. Кузнецова. – Минск: Амалфея, 2009. – Т. 1. – 816 с.
4. Права человека: сб. междунар.-правовых док. – Минск: Белфранс, 1999.
5. Права человека: энцикл. слов. / отв. ред. С. С. Алексеев. – М.: Норма, 2009. – 656 с.
6. Изензее, Й. Государственное право Германии / Й. Изензее, П. Кирххоф. – М.: Рос. акад. наук, 1994. – Т. 1. – 312 с.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / под общ. ред. А. В. Баркова. – Минск: Тесей, 2003. – 1200 с.
8. Комментарий к Конституции Российской Федерации / отв. ред. Л. А. Окуньков. – 2-е изд. – М.: Бек, 1996. – С. 96.
9. Воеводин, Л. Д. Юридический статус личности в России: учеб. пособие / Л. Д. Воеводин. – М.: Изд. гр. «НОРМА-ИНФРА-М», 1997. – 304 с.
10. Права человека / под общ. ред. А. Д. Гусева, Я. С. Яскевич. – М.: ТетраСистемс, 2002.
11. Глушкова, С. И. Права человека в России: учеб. пособие / С. И. Глушкова. – М.: Юристъ, 2005. – 494 с.
12. Головистикова, А. Н. Права человека: учеб. / А. Н. Головистикова, Л. Ю. Грудцына. – М.: Эксмо, 2008. – 448 с.
13. Василевич, Г. А. Конституционное право Республики Беларусь / Г. А. Василевич. – Минск: Книжный Дом, 2010. – 768 с.
14. Конституция Российской Федерации: Проблемный комментарий / отв. ред. В. А. Четвернин. – М.: Центр конституц. исслед. Моск. общ. науч. фонда, 1997. – 702 с.
15. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина, Л. В. Лазарева. – М.: Эксмо, 2009. – 1056 с.
16. Евменов, Л. Ф. Международная идеология прав человека: проблемы и решения / Л. Ф. Евменов. – Минск: Хата, 2000. – 450 с.
17. Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / отв. ред. В. В. Лазарев. – 2-е изд. – М.: Спарк, 2002. – 670 с.
18. Бланкенагель, А. Конституционные суды, социальные права и социальные государства / А. Бланкенагель // Конституционное правосудие и социальное государство: сб. докл. – М.: Ин-т права и публичной политики, 2003. – 208 с.
19. Василевич, Г. А. Конституционно-правовые аспекты становления социального правового государства / Г. А. Василевич // Конституционно-правовые проблемы становления социального правового государства: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 30–31 марта 2000 г. – Минск, 2000.
20. Соловьев, В. С. Право и нравственность / В. С. Соловьев. – Минск: Харвест, 2001. – 192 с.
21. Штобер, Р. Общее хозяйственно-административное право / Р. Штобер. – Минск: Изд-во Европ. гуманитар. ун-та, 2000. – 312 с.
22. Сорокин, В. В. Об эффективности правовой системы / В. В. Сорокин // Государственная власть и местное самоуправление. – 2004. – № 3.

23. Фаткуллин, Ф. Н. Социальная ценность и эффективность правовой нормы / Ф. Н. Фаткуллин, Л. Д. Чулюкин. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1977. – 119 с.
24. Кочановский, Ю. Jus et justitia: право и правоприменение / Ю. Кочановский // Право и политика. – 2003. – № 12.
25. Де Сальвиа, М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека / М. де Сальвиа. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 1072 с.
26. Мутагиров, Д. З. Права и свободы человека: теория и практика: учеб. пособие / Д. З. Мутагиров. – М.: Университетская книга: Логос, 2006. – 544 с.

ЗАЩИТА ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ

*Н. Н. Довнар,
кандидат юридических наук, доцент*

Трансформации в белорусском обществе и одновременно развитие такого института, как свобода слова, вызвали необходимость обеспечения прав и свобод человека, граничащих с правом свободно распространять информацию, и в первую очередь чести, достоинства и деловой репутации. Право на их защиту гарантируется международными нормами, Конституцией и рядом законов Республики Беларусь.

Всеобщая декларация прав человека провозгласила, что все люди равны в своем достоинстве, никто не должен подвергаться бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению и наказанию, произвольному посягательству на честь и репутацию (ст. 1, 5, 12). Аналогичные нормы содержатся в Международном пакте о гражданских и политических правах (ст. 7, 17). Конституция Республики Беларусь придала человеку, его правам, свободам приоритет по отношению к другим ценностям, существующим в обществе. Ст. 2 Конституции провозгласила: «Человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства». Ст. 28 Конституции предусматривает: «Каждый имеет право на защиту от посягательства на его честь и достоинство».

Уровень правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации сегодня тесно связан с публичной сферой, деятельностью СМИ. Именно они чаще всего касаются проблемы отдельной личности и дают оценки ее действиям. Порой распространенные СМИ сведения не соответствуют действительности, порочат репутацию человека, причиняют ему материальный и моральный вред. В таком случае действия журналистов могут быть расценены как угрозы в информационной сфере (такую информацию называют «вредной»), что заставляет прибегать к правовым средствам для их нейтрализации.

Поиск баланса интересов личности получать информацию и быть защищенным от подобных угроз требует более полного научного осмысления правового института чести и достоинства (в том числе как института (субинститута) информационной безопасности), выявления недостатков судебной прак-

тики, разработки альтернативных способов защиты. Различные аспекты этих проблем не раз были в центре внимания следующих ученых: А. Л. Анисимова, А. В. Белявского, А. А. Власова, М. Л. Гаскаровой, И. В. Жалинского, Ю. Г. Иваненко, О. С. Иоффе, М. Н. Малеиной, Н. С. Малеина, А. И. Масляева, С. В. Потапенко, М. Г. Прониной, В. Н. Парашенко, В. В. Подгруша, А. Н. Романенко, О. Н. Романовой, З. Б. Хавжоковой и др. Честь и достоинство рассматривались ими как нравственные категории, как субъективное право, как правовой институт.

Однако несмотря на глубокую проработку темы, по некоторым вопросам и сегодня ведутся дискуссии: о соотношении философского и правового содержания категорий «честь», «достоинство», «деловая репутация», о возможности защиты от распространения сведений, соответствующих действительности, но порочащих человека, об определении размера компенсации морального вреда и др.

Немаловажное значение в применении способов защиты имеет категориальный аппарат данного правового института.

Понятия «честь», «достоинство», «деловая репутация»

Честь и достоинство относятся к тем категориям, которые имеют глубокие философские и правовые корни. Философы связывают их с моральным сознанием и этикой, включающими в себя моменты осознания индивидом своего общественного значения и признания этого значения со стороны общества [10, с. 412]. Немецкий философ Артур Шопенгауэр (1788–1860) в трактате «Афоризмы житейской мудрости» постарался доказать, что постоянная забота о мнении других обычно не оправдывается почти никакой разумной целью и что большинство мнений, которые царят в головах людей, бывают совершенно ложны, превратны и ошибочны, и потому сами по себе не заслуживают никакого внимания. По большей части мнение других бывает очень неблагоприятным, так что почти каждый почувствовал бы смертельную обиду, если бы услышал, что о нем говорится и в каком тоне. Следовательно, по мнению А. Шопенгауэра, честь имеет объективную и субъективную сторону. Объективно честь – это мнение других о нашей ценности, а субъективно – наш страх перед этим мнением [12, с. 68].

Современные ученые такой базовой эмоции, как страх, не придают особого значения, больше обращают внимание на оценку поступков человека и самооценку. А. А. Власов выделяет два аспекта понятия чести: внешний (объективный) и внутренний (субъективный). Внешняя сторона чести, по его мнению, заключается в признании и уважении заслуг личности со стороны общества и является ее репутацией, добрым именем, нашедшим выражение в высоком мнении окружающих, т. е. внешняя оценка чести тесно связана с понятиями «репутация», «доброе имя», «престиж». Внутренняя сторона чести заключается в способности человека самому оценивать свои действия и по-

ступки, осознавать свою честь, репутацию, чувствовать мнение о себе в определенной общественной среде и выступает как внутренний мотив деятельности и поведения личности. А. А. Власов приходит к выводу, что честь – это положительная оценка отражений духовных качеств человека в сознании окружающего общества.

Человек также оценивает свою деятельность и свои заслуги с точки зрения интересов общества, в результате чего вырабатывает самооценку. Эта самооценка и является основой достоинства. Представляется правильным суждение о том, что и достоинство имеет как внешнюю (объективную), так и внутреннюю (субъективную) сторону. Внешняя сторона достоинства заключается в признании факта, что человек является высшей ценностью; внутренняя – соотносится с внутренним миром человека, его мировоззрением, убеждениями, способностью поступать в соответствии с принятыми в обществе моральными требованиями, нормами, т. е. связана с чувством и осознанием своей моральной ценности и полезности обществу. Достоинство – это положительная оценка отражений духовных качеств в собственном сознании [2, с. 16].

Однако в правоприменительной практике возникают проблемы в их толковании. Это касается тех случаев, когда речь идет о так называемых коллективных правах – о профессиональной, национальной чести и достоинстве. На вопросы, кто является носителем чести нации или определенной профессиональной группы (все ее представители или отдельно взятый человек) и кто имеет право на обращение в суд, если плохо отзываются о группе (нации) в целом, не конкретизируя ее отдельных представителей, – не всегда можно найти однозначный ответ. Так, суд отказал в иске гражданину К., который считал, что сведения на плакате, касающиеся русского народа, затрагивают его честь и достоинство. Однако по другому делу признал, что газета унизила честь и достоинство всего судейского корпуса. Суд, усмотрев в материале негативную оценку судебных процессов, посчитал, что это является посягательством на личные нематериальные блага судей как граждан и должностных лиц.

Такой неоднозначный подход определяется тем, что понятия «честь» и «достоинство» могут применяться как нравственная и как правовая категории. А. Шопенгауэр, например, определял такие виды чести как гражданская, служебная, воинская, половая, рыцарская. Последнему виду философ уделял особое внимание. Будучи ярким противником решения споров с помощью шпаги или пистолета, Шопенгауэр считал, что рыцарская честь стала заложницей людей, которые желают унижить кого-либо, свести с ним счеты. По его мнению, защищая свою честь, следует прибегать не к оружию, а к помощи государства [12].

Современные исследователи также касаются этих видов чести (рыцарской, конечно, в историческом ключе). Нельзя не согласиться с теми, кто утверждает: сколько существует видов и форм общественно полезной деятельности, столько и видов чести [6, с. 6], при этом, говоря о чести нации, профессио-

нальной чести, часто используют абстрактные понятия, аксиологический подход. В этом случае нельзя, конечно, вынести решение или приговор в защиту воинской чести. Однако, когда речь будет идти о представителе воинской профессии, честь и достоинство будут выступать уже как правовые категории и как субъективные права подлежать судебному способу защиты. Исключением составляет честь нации. Она защищается прежде всего политико-правовыми способами, такими как развитие демократических основ, институтов гражданского общества, правосознания и т. д. Однако, если речь идет о преступлениях против мира и безопасности человечества, честь и достоинство нации могут стать объектом преступного посягательства. Под унижением национальной чести и достоинства в этом случае понимается выражение дискриминационного отношения к определенной нации, издевательство над ее культурой, традициями, историей [4, с. 328], что будет считаться признаком преступления, предусмотренного ст. 130 Уголовного кодекса «Разжигание расовой, национальной или религиозной вражды или розни».

Достоинство человека не зависит от его происхождения, пола, национальности, социального и имущественного положения, образования и других обстоятельств. «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах», – провозглашено во Всеобщей декларации прав человека (ст. 1). Ст. 22 Конституции Республики Беларусь также объявила юридическое равенство: «Все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов».

Вместе с тем в судебной практике неоднозначно решается вопрос о защите чести и достоинства лиц, которые преступили закон. Как правило, осужденные обращаются в суд, если в материале, который был опубликован до вынесения приговора, отдельные сведения не находят своего подтверждения. Были случаи, когда суды отказывали им в иске, считая, что сведения о неблагоприятных поступках, даже если они не соответствуют действительности, не могут рассматриваться без учета морального облика осужденного. Так, один из судов г. Минска отказал в иске осужденному, считая, что истец отбывает наказание за совершенное преступление, а в статье автор высказал свое мнение о личности осужденного и сделал свой вывод о его моральном облике. Оспариваемые истцом некоторые сведения, изложенные в статье, не могут рассматриваться в отрыве от всего текста статьи, от всех сведений об истце, которые им не оспариваются.

По другому делу суд не стал учитывать моральный облик истца. Ш., осужденный за убийство своей жены, обратился в суд с иском к редакции газеты о защите чести и достоинства, указав, что некоторые сведения, изложенные в статье, не соответствуют действительности и порочат его честь и достоинство, в частности, что убийство он совершил из корыстных побуждений, что часто злоупотреблял спиртными напитками, садился за руль в нетрезвом состоянии. Суд данные исковые требования удовлетворил.

Не вызывает сомнения, что осужденный, как и любой другой человек, имеет право на защиту чести и достоинства, поскольку это личное, неотчуждаемое право. Однако при рассмотрении конкретного дела, устанавливая, порочат ли распространенные сведения честь и достоинство осужденного, суды должны учитывать, что общественная оценка личности (честь) может не совпадать с самооценкой (достоинство), так как в самооценке большую роль играет субъективный момент. Некритическое отношение к своим качествам, их преувеличение не позволяет должным образом оценить то мнение, которое сложилось о человеке у окружающих. Как повлияли сведения на честь осужденного, можно оценить в данном случае с помощью репутации. Если своим поведением человек, как говорят, сам «подмочил» собственную репутацию, то отдельные мелкие детали дела навряд ли сыграют большую роль в общественной оценке этого лица, однако если те моменты, которые касаются достоинства, наносят урон осужденному, следует разделить понятия «честь» и «достоинство» и сделать предметом рассмотрения в суде именно достоинство.

Репутация также является оценочной категорией. Когда речь идет о физическом лице, репутация, в том числе и деловая, являясь показателем положительного или негативного отношения окружающих к нему, выступает скорее доказательством того, что распространенные сведения затронули честь и достоинство этого человека. В данном случае все три понятия (честь, достоинство и репутация) тесно связаны и между ними не существует четкого разграничения. Если же речь идет о юридическом лице, используется понятие «деловая репутация», она имеет самостоятельное значение. В Постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 23 декабря 1999 г. № 15 «О практике рассмотрения судами гражданских дел о защите чести, достоинства и деловой репутации» под деловой репутацией гражданина, не являющегося индивидуальным предпринимателем, понимается общественная оценка деловых и профессиональных качеств гражданина при выполнении им трудовых, служебных и общественных обязанностей. Под деловой репутацией юридического лица и индивидуального предпринимателя понимается оценка их хозяйственной (экономической) деятельности как участников хозяйственных (экономических) правоотношений другими участниками имущественного оборота и гражданами, таковыми не являющимися.

Защита чести, достоинства и деловой репутации имеет особенности, связанные с правовой природой нематериальных благ. Согласно гражданскому законодательству (ст. 151 Гражданского кодекса), эти блага носят немущественный характер (т. е. лишены экономического содержания) и тесно связаны с личностью. Нематериальные блага возникают у физического лица в силу рождения, они неотделимы от личности и непередаваемы, поэтому право на их защиту возникает с момента рождения (защищать можно честь и достоинство даже младенца) и существует до конца жизни человека, при этом законом допускается защита чести и достоинства и после его смерти (защиту осуществляют заинтересованные лица). Особенностью нематериальных благ является

их абсолютный характер, и в случае вторжения в эту сферу у потерпевшего возникает право на защиту.

По общему правилу срок исковой давности для обращения в суд установлен в три года. Однако на требования, вытекающие из нарушения личных нематериальных прав и других нематериальных благ (кроме случаев, предусмотренных законодательными актами), исковая давность не распространяется, и требование к нарушителю может быть предъявлено в любое время. Еще одна особенность – презумпция добропорядочности, согласно которой распространитель негативной информации должен доказать, что сообщенные сведения соответствуют действительности. Эти и другие особенности учитываются в способах защиты нематериальных благ.

Способы защиты чести и достоинства существуют с древних времен. Люди тогда не знали другого удовлетворения за поруганную честь (например, за полученную пощечину), кроме судебного, а мудрые пренебрегали и им. Так, Сократ вследствие многих своих диспутов часто получал оскорбления действием, к которым относился с полным спокойствием: получив однажды удар ногой, он терпеливо снес его и сказал удивленному свидетелю: «Если бы меня лягнул осел, разве стал бы я подавать на него в суд?» В другой раз на вопрос, не оскорбляют ли его прозвучавшие в его адрес ругательства, ответил: «Конечно нет... ведь то, что он говорит, не приложимо ко мне» [12, с. 88–89].

Современный правовой институт защиты чести, достоинства и деловой репутации знает несколько способов защиты: гражданско-правовой, административный и уголовный. М. Л. Гаскарова предлагает способы защиты делить также на меры защиты и меры ответственности. При применении мер защиты на первый план выдвигается задача восстановления чести и достоинства потерпевшего. Эта задача достигается опровержением распространенных сведений – способом, обеспечивающим ознакомление с ним всех тех лиц, среди которых были распространены порочащие сведения. Меры ответственности направлены на наказание нарушителя чести и достоинства личности [3].

Такой позиции придерживается и законодатель. Так, Закон Республики Беларусь «О средствах массовой информации» (далее – Закон СМИ) предусматривает внесудебные способы защиты, подробно регламентирует, как должны быть даны опровержение или ответ читателя, который считает, что его честь и достоинство пострадали. Представляется, что эффективными могут быть и медиативные процедуры, предусмотренные недавно принятым Законом Республики Беларусь «О медиации».

Гражданско-правовой способ защиты

Из числа судебных способов защиты самым распространенным является гражданско-правовой. За последние 5 лет в суды Республики Беларусь ежегодно поступало более 200 гражданских дел, из них рассмотрено с вынесением решения: в 2008 г. – 172 дела (в том числе 6 решений об опровержении све-

дений, распространенных в СМИ), в 2009 г. – 182 (15), 2010 г. – 201 (11), 2011 г. – 135 (8), 2012 г. – 164 (8). За 1-е полугодие 2013 г. с вынесением решения рассмотрено 97 дел, в том числе 6 из них об опровержении сведений, распространенных в СМИ [9].

Гражданско-правовой способ защиты позволяет установить, соответствуют ли оспариваемые сведения действительности, порочат ли они честь, достоинство или деловую репутацию гражданина либо деловую репутацию юридического лица.

Судебная практика по искам данной категории дел выявила ряд проблем, связанных с журналистскими материалами: участникам процесса приходится работать с текстами, которые создаются по «своим законам», содержат стилистические особенности, по-разному воспринимаются читателем. Порой, не обладая специальными познаниями в области лингвистики, трудно дать юридическую оценку распространенной информации.

Одна из таких трудностей состоит в определении понятия «сведения», которые могут быть признаны не соответствующими действительности и при условии их порочащего характера подлежать опровержению.

Юридическая значимость точного определения данного понятия вытекает из конституционного права каждого свободно выражать свое мнение, убеждения (ст. 33 Конституции Республики Беларусь). Такое же право закреплено в Законе о СМИ: ст. 34 предусматривает, что журналист имеет право высказывать свои личные мнения по информационным сообщениям и материалам, предназначенным для распространения за его подписью. Исходя из той же конституционной нормы, человеку нельзя запретить выражать свое мнение. «Никто не может быть принужден к выражению своих убеждений или отказу от них» (ст. 33 Конституции Республики Беларусь).

Проблема отделения информации, которая содержит личные оценки, от той, которая соответствует (не соответствует) действительности, и возможность опровержения сведений, содержащих оценочные суждения, обсуждалась в юридической науке еще в 1970-х годов. Так, на страницах журнала «Советское государство и право» выражалось мнение С. А. Чернышевой, что оценочные суждения могут быть предметом оспаривания. Не так категоричны были белорусские ученые (М. Г. Пронина, А. Н. Романович), которые считали, что господствующим все же должно являться мнение о том, что не всякое оценочное суждение можно опровергать по суду. Так, чисто оценочные суждения не оспариваются, поскольку едва ли правильно было бы заставлять человека изменить свое личное мнение о другом с помощью суда. Тем не менее, считали они, при определенных обстоятельствах опровергать оценочные суждения можно, в частности, если оценки сопровождаются воспроизведением конкретных фактов, послуживших основой для отрицательной оценки личности. «Если, например, гражданин назван подлецом и эта оценка основана на приводимых здесь же фактах – пьянстве, избиении жены и других неблагоприятных поступках, то опровержение

этих фактов дает возможность опровергнуть одновременно и отрицательную оценку поведения человека в целом» [8, с. 26–27].

Суды столкнулись с этой проблемой намного позже. В середине 1990-х годов, когда число исков по защите чести и достоинства резко возросло, журналисты сами обратились к юристам с просьбой помочь разобраться в понятиях.

Обеспокоенность журналистов положением, когда суды зачастую выносили необоснованные решения из-за незнания языковой специфики журналистской деятельности, привела к мысли о привлечении к решению проблемы лингвистов. Результаты их исследования помогли ответить на многие вопросы. Ученые обозначили основные понятия, обрисовали сферу их применения, предложили критерии для определения допустимости и правомерности использования тех или иных языковых средств в текстах СМИ, безупречности этих текстов с точки зрения норм массовой коммуникации, помогли понять, что такое факт и мнение. На вопрос: «Чем различаются факт и его оценка?» – ученые ответили: «Факт становится таковым и становится нам доступным в форме суждения (высказывания, пропозиции). Реальность существует независимо от человека, а факт – нет: он, этот человек, выделяет в действительности какой-то фрагмент, а в нем – определенный аспект (событие); затем «переводит» свое знание о действительности (событии) на «естественный» язык, строит в виде суждения о предмете, затем проверяет, истинно ли данное суждение или ложно (как говорят, «верифицирует» его). И только тогда – если окажется, что суждение истинно, – то, что описано в этом суждении, становится фактом!»

Сведения как сообщения о каком-либо событии, процессе, явлении, произошедшем в прошлом или происходящем сейчас, в конкретных условиях места и времени, могут быть или истинными, или ложными (истина всегда конкретна). Такая фактуальная, событийная (бытийная) информация либо соответствует, либо не соответствует действительности. За это несоответствие публикатор несет ответственность.

Но в материалах СМИ содержится также информация иного рода. Это мнения, оценки, интерпретации, которые по своей природе недоступны непосредственной проверке (верификации) путем сопоставления с действительностью или доказыванию посредством свидетельств и документов. Это так называемая оценочная информация. Ее содержание вообще не способно образовывать факт.

Выраженные в ней мнения, оценки, убеждения, так же, как и идеологии, теории, концепции, гипотезы, программы, планы, прогнозы и пр., по своей сущности не могут быть истинными или ложными и соответствовать или не соответствовать действительности. Они могут быть ценными или вредными, правильными или неправильными, обоснованными или необоснованными, убедительными или спорными, прогрессивными или реакционными и т. д. Поэтому идеи, мнения, оценки не могут быть опровергнуты по решению суда как не соответствующие действительности. Они оспариваются в порядке

полемики, т. е. ответа (реплики, комментария) в этом же средстве массовой информации [7].

На практике понятия «факт» и «мнение» не всегда различимы. В одном искомом заявлении истец не отрицал, что информация, опубликованная в газете, взята из справки, им же и составленной, но был не согласен с выводом, к которому пришел журналист. Иногда решение может быть спорным в силу отсутствия лингвистических познаний. Один из судов г. Минска постановил опровергнуть образное выражение журналиста о том, что на глазах у истца шоры, при этом опирался на словарь С. И. Ожегова: «Шоры. 1. В упряжи: боковые щитки на уровне глаз животного, не дающие возможности глядеть в стороны». Изучая словарь, суд не заметил, что слово «шоры» может использоваться в переносном смысле, когда необходимо обозначить то, что мешает человеку правильно понимать окружающее, ограниченность [5, с. 887].

Суды в последнее время при рассмотрении дел о защите чести и достоинства все чаще стали привлекать специалистов в области лингвистики, которые используют различные методы познания лексических средств, входящих в семантическое поле мнения и оценки.

К особенностям рассмотрения дел о защите чести и достоинства с участием СМИ относится возможность исключения их ответственности.

Обстоятельства, исключающие ответственность

Редакция СМИ и журналист не всегда могут проверить достоверность распространяемой информации. Но при этом всегда есть лицо, являющееся первоисточником сведений, которое знает степень их достоверности и имеет определенный умысел при распространении. В отдельных случаях, если эти сведения окажутся не соответствующими действительности, отвечать будет первоисточник, а редакция и журналист освобождаются от ответственности (некоторые называют это «журналистским иммунитетом»). Закон о СМИ (ст. 52) содержит исчерпывающий перечень таких случаев. Журналист, учредитель (учредители) средства массовой информации, главный редактор (редактор) средства массовой информации, юридическое лицо, на которое возложены функции редакции СМИ, распространитель продукции СМИ, информационное агентство, корреспондентский пункт не несут ответственности за распространение сведений, не соответствующих действительности, если эти сведения получены от государственных органов, иных государственных организаций, их должностных лиц, а также содержатся в официальных информационных сообщениях и (или) материалах; исходят от информационных агентств при условии наличия ссылок на данные информационные агентства; являются дословным воспроизведением официальных выступлений должностных лиц государственных органов; содержатся в информационных сообщениях и (или) материалах телевизионных и радиовещательных средств массовой информации, выходящих в эфир без предварительной записи.

Однако, если сведения получены от политических партий, других общественных объединений, иных юридических лиц, взяты из официальных информационных сообщений или материалов пресс-служб политических партий, других общественных объединений и иных юридических лиц и при этом могут дискредитировать Республику Беларусь, а также порочить честь, достоинство или деловую репутацию физических лиц либо деловую репутацию юридических лиц, закон требует соблюдать определенные условия: журналист обязан проверить достоверность сведений и предоставить возможность распространения одновременного комментария физических и (или) юридических лиц, в том числе государственных органов и иных государственных организаций (их пресс-служб), в отношении которых могут быть распространены данные сведения либо в компетенцию которых входит подготовка разъяснений касательно распространяемой информации.

Если журналист не может выполнить данные условия, он имеет полное право не распространять эти сведения, поскольку от ответственности он не освобождается (равно, как и другие субъекты, распространившие информацию). «Журналистский иммунитет» не охватывает и те случаи, когда недостоверные, порочащие сведения распространяются умышленно.

Уголовный способ защиты чести

Уголовный способ защиты чести, достоинства и деловой репутации применяется в Беларуси очень редко. К правонарушениям в отношении физического лица относятся клевета (ст. 188 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК)) и оскорбление (ст. 189 УК). За вред, причиненный деловой репутации юридического лица, может наступить ответственность по ст. 249 УК «Дискредитация деловой репутации конкурента».

Клевета, согласно ст. 188 Уголовного кодекса, – это распространение заведомо ложных, позорящих другое лицо измышлений. Часть первая данной статьи содержит административную преюдицию, согласно которой лицо отвечает в уголовном порядке только в том случае, если оно в течение года уже привлекалось к административной ответственности за клевету и вновь совершило правонарушение. Распространение в СМИ заведомо ложных, позорящих другое лицо сведений влечет ответственность по ч. 2 ст. 188.

Еще один состав клеветы предусмотрен для защиты чести и достоинства Главы государства (ст. 367 УК).

Оскорбление рассматривается как умышленное унижение чести и достоинства личности в неприличной форме (ст. 189 УК). Ст. 189 УК также содержит преюдицию. Ответственность за оскорбление, нанесенное в средствах массовой информации, предусмотрена ч. 2 ст. 189 Уголовного кодекса.

Отдельными видами оскорбления являются: публичное оскорбление Президента Республики Беларусь (ст. 368 УК), публичное оскорбление представителя власти в связи с выполнением им служебных обязанностей (ст. 369 УК),

оскорбление судьи или заседателя в связи с осуществлением ими правосудия (ст. 391 УК).

Проблемы уголовно-правового способа защиты помимо вопросов, связанных с выявлением признаков правонарушений, правовой оценкой сведений, порочащих честь и достоинство, касаются также случаев декриминализации клеветы и оскорбления. Российский исследователь Т. Ю. Вавилычева, обосновывая вывод о преждевременности декриминализации деяний, посягающих на нематериальные блага человека, отмечает, что ранее большинство потерпевших от клеветы или оскорбления (81%) выбирали уголовно-правовые механизмы защиты чести и достоинства, рассматривая гражданско-правовые механизмы восстановления своих прав как недостаточно эффективные. Полная декриминализация клеветы и оскорбления как посягательств на честь, достоинство и репутацию личности лишает потерпевших признаваемых ими способов охраны основных благ и вынуждает искать иные, нередко нелегитимные, способы достижения социальной справедливости. Автор доказывает, что незначительная опасность клеветы и оскорбления при отсутствии отягчающих обстоятельств делает обоснованной их декриминализацию. В то же время декриминализация квалифицированных видов клеветы и оскорбления представляется ошибочной [1].

Позиция Т. Ю. Вавилычевой о том, что декриминализация клеветы и оскорбления возможна при отсутствии отягчающих обстоятельств, представляется обоснованной, поскольку трудности в толковании текстов влияют на доказательственную базу при расследовании и рассмотрении уголовных дел, а значит, и на постановку приговора. В то же время существуют и другие способы защиты, которые исключают судебную ошибку и одновременно могут восстановить нарушенные права и компенсировать причиненный вред.

Компенсация морального вреда и возмещение материального вреда

Историки рассказывают о некоем Луции Верации, забавлявшемся тем, что без всякого повода награждал пощечинами встречавшихся ему на улице римских граждан. Чтобы избежать дальнейших процедур, он брал с собой раба, который нес мешок медных монет и немедленно выплачивал огорошенным неожиданной оплеухой законное вознаграждение за боль в размере 25 ассов (такая плата за причинение боли была предусмотрена еще в XII таблицах) [12, с. 89]. Подход несовременный, но имеющий некоторое отношение к институту компенсации морального вреда.

Этот институт пробивал себе дорогу в законодательство с большим трудом не одно столетие. В Российской империи велись жаркие споры вокруг вопроса о возможности выплачивать денежную компенсацию за причиненные моральные страдания. Развиваться этой идее долго не позволяла Октябрьская революция 1917 г. Принцип компенсации морального вреда в денежной форме стал рассматриваться как классово чуждый социалистическому правосознанию

и перешел из плоскости научных дискуссий в законодательную только в начале XX ст. Закон СССР от 12.06.1990 г. «О печати и других средствах массовой информации» предусматривал, что моральный вред, причиненный гражданину в результате распространения средством массовой информации не соответствующих действительности сведений, порочащих честь и достоинство гражданина либо причинивших ему иной немущественный ущерб, возмещается по решению суда средством массовой информации, а также виновными должностными лицами и гражданами. Моральный вред должен возмещаться в денежной форме, в размере, определяемом судом. Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 г. определили моральный вред как физические или нравственные страдания. Подобный подход был полностью воспринят белорусским законодательством. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 сентября 2000 г. № 7 «О практике применения судами законодательства, регулирующего компенсацию морального вреда», под моральным вредом понимаются испытываемые гражданином физические и (или) нравственные страдания.

Физические страдания – это физическая боль, функциональное расстройство организма, изменения в эмоционально-волевой сфере, иные отклонения от обычного состояния здоровья, которые являются последствием публикации.

Нравственные страдания, как правило, выражаются в ощущениях страха, стыда, унижения, в иных неблагоприятных для человека в психологическом аспекте переживаниях, связанных с потерей работы, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, с ограничением или лишением каких-либо прав и т. д.

Степень нравственных и физических страданий потерпевшего определяется исходя из тяжести (значимости) для него наступивших последствий и их общественной оценки. При этом суды учитывают обстоятельства причинения морального вреда, возраст потерпевшего, состояние его здоровья, условия жизни, материальное положение и иные индивидуальные особенности.

Практически все иски о защите чести и достоинства содержат два требования: об опровержении сведений, которые не соответствуют действительности, и о компенсации морального вреда. Юридические лица, защищая свою деловую репутацию, просят дать опровержение. Требовать возмещения морального вреда они не вправе.

Требования о размере компенсации морального вреда зависят от конкретных обстоятельств, поэтому истец должен четко указать, в чем они выразились, и представить доказательства.

Суд, определяя размер компенсации, вправе также учесть характер и содержание публикации, степень распространения недостоверных сведений.

В соответствии со ст. 970 Гражданского кодекса во всех случаях при определении размера компенсации морального вреда суды должны учитывать требования разумности и справедливости.

Как разъяснил Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в Постановлении от 23 декабря 1999 г. № 15 «О практике рассмотрения судами гражданских дел о защите чести, достоинства и деловой репутации», требование о компенсации морального вреда может быть заявлено как совместно с требованием о защите чести, достоинства или деловой репутации, в том числе и в ходе рассмотрения дела в судебном заседании, так и самостоятельно (в частности, после опровержения сведений СМИ добровольно).

Возмещение материального вреда возможно, если истец предоставит доказательства того, что в результате распространения сведений ему причинены убытки, и покажет размер этих убытков.

Несмотря на то что решение проблем возмещения морального вреда насчитывает не один десяток лет, по-прежнему дискуссионными являются вопросы, связанные с понятийным аппаратом, необходимостью доказывания причинения вреда, его размера. Так, по мнению З. Б. Хавжоковой, самостоятельное применение термина «физические страдания» в составе понятия «моральный вред» не имеет практического значения, поскольку они происходят, как и нравственные, исключительно в эмоциональной сфере потерпевшего, его психике. Термин «физические и нравственные страдания» может быть заменен в гражданском законодательстве на «переживания», под которыми следует понимать любые отрицательные эмоции, дискомфортные состояния потерпевшего, вызванные посягательством на принадлежащие ему нематериальные и материальные блага. Представляется, что определение предлагаемого термина нуждается в уточнении, поскольку понятия «переживание» и «эмоция» не совпадают по объему, а вот точка зрения автора о том, что целесообразно закрепить в Гражданском кодексе презумпции причинения морального вреда любым противоправным посягательством на нематериальные права потерпевшего, кажется обоснованной. Практика показывает, что нарушение прав человека вызывает стрессовое напряжение и влияет на здоровье практически всегда.

Презумпция причинения морального вреда может влиять и на размер компенсации. Как считает З. Б. Хавжокова, для определения размеров компенсации морального вреда следует воспринять концепцию презюмируемого морального вреда, испытываемого «средним», нормально реагирующим на совершение в отношении него противоправного деяния человеком. Одновременно автором предлагается установление как минимальных, так и максимальных пределов компенсации морального вреда по каждому конкретному правонарушению в зависимости от его общественной опасности и ценности нарушенного нематериального блага [11].

Проблема законодательных рамок размера возмещения морального вреда существует и в Беларуси и обостряется в тех случаях, когда суды взыскивают большие суммы в пользу государственных чиновников. Поэтому вышеуказанная точка зрения исследователя заслуживает внимания.

Литература

1. Вавилычева, Т. Ю. Современные проблемы защиты чести и достоинства личности (уголовно-правовой и криминологический аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Т. Ю. Вавилычева. – М., 2012.
2. Власов, А. А. Проблемы судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А. А. Власов. – М., 2000.
3. Гаскарова, М. Л. Правовая защита чести и достоинства личности (вопросы теории): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. Л. Гаскарова. – М., 1999.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.]; под общ. ред. А. В. Баркова. – Минск, 2003.
5. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М., 1994. – С. 887.
6. Парашенко, В. Н. Защита чести и достоинства гражданина в судебном порядке / В. Н. Парашенко, С. Ф. Сокол. – Минск, 1998.
7. Понятия чести, достоинства и деловой репутации: спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами / под ред. А. К. Симонова, М. В. Горбаневского. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2004.
8. Пронина, М. Г. Защита чести и достоинства гражданина (гражданско-правовые средства) / М. Г. Пронина, А. Н. Романович. – Минск, 1976.
9. Филипчик, Р. Защита чести, достоинства и деловой репутации: правовое регулирование и судебная практика [Электронный ресурс] / Р. Филипчик. – Режим доступа: <http://pravovedenie.by/zashhita-chesti-dostoinstva-i-delovoj-reputacii-pravovoe-regulirovanie-i-sudebnaya-praktika>. – Дата доступа: 25.04.2015.
10. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – М.: Политиздат, 1981.
11. Хавжокова, З. Б. Защита чести, достоинства и деловой репутации: теория и практика гражданско-правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / З. Б. Хавжокова. – М., 2009.
12. Шопенгауэр, А. Афоризмы житейской мудрости / А. Шопенгауэр. – Минск, 1998.

ПРАВО ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО НА ЗАЩИТУ И ПРИНЦИП УВАЖЕНИЯ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ

*А. А. Данилевич,
кандидат юридических наук, профессор,
О. В. Петрова,
кандидат юридических наук*

Достоинство как неотъемлемая ценность личности в современном обществе является ключевой категорией для определения взаимоотношений государства и человека на основе признания последнего, а также его прав, свобод и гарантий их реализации высшей ценностью и целью общества и государства (ст. 2 Конституции Республики Беларусь).

Достоинство – это основополагающее благо человека, оно не может быть увеличено или уменьшено, и возможность такого уменьшения не предусматривается ни в какой степени. Достоинством, лежащим в основе прав и свобод, обладает любой человек, в том числе лицо, осужденное за совершение преступления, независимо от возраста, образования, национальности, материального

положения и др. Даже самый опасный преступник не может быть лишен своего неотъемлемого достоинства и не имеет права подвергаться негуманному или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию.

Понимания достоинства личности как базисной основы всех прав и свобод придерживается Г. А. Василевич. По его мнению, имеются все основания еще четче заявить о более широком содержании этой категории, охватывающей наряду с правом на жизнь все явления (права и свободы), характеризующие такое качество жизни, которое не только субъективно (в силу личных ощущений, т. е. личностная самооценка), но и объективно подтверждает и обеспечивает статус человека как полноправного субъекта человеческой деятельности [1, с. 75].

Вместе с тем достоинство как моральное отношение человека к самому себе не относится к существованию человека как такового, а связано с его поведением и является результатом его жизни в соответствии с нормами морали в обществе. В этом смысле люди не наделены достоинством в равном объеме (добродетельный человек обладает большим достоинством, чем преступник). С точки зрения морали человек может проявлять либо терять достоинство [2, р. 47]. В таком понимании данная категория связана с понятием «честь» как оценки лица обществом, окружающими, когда нравственная ценность личности связывается с моральными заслугами человека.

Представляется, что уголовно-процессуальные гарантии прав подозреваемого, обвиняемого затрагивают обе указанные категории понятия «достоинство».

Нормативное закрепление назначения уголовной ответственности прямо отказывается от использования умаления достоинства в качестве средства воздействия на осужденного. Согласно ч. 7 ст. 3 Уголовного кодекса Республики Беларусь, лицу, совершившему преступление, должны быть назначены наказание или иная мера уголовной ответственности, необходимые и достаточные для его исправления. Наказание и иные меры уголовной ответственности не имеют своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства.

Не вызывает сомнений, что привлечение к уголовной ответственности объективным образом негативно влияет на осознание подозреваемым, обвиняемым, осужденным своих нравственных качеств, а также отрицательно сказывается на общественном мнении относительно социальной оценки данного лица.

В этом смысле уважение чести и достоинства личности тесно связано с принципом презумпции невиновности, который в более широком понимании может трактоваться как принцип добропорядочности граждан.

Согласно принципу презумпции невиновности, лицо, обвиняемое в совершении преступления, считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном законом порядке и не будет установлена вступившим в законную силу приговором суда (ч. 1, ст. 16 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК).

Таким образом, решение вопроса о виновности или невиновности лица можно рассматривать и как решение вопроса, имеет ли государство право, в том числе на применение таких мер, которые связаны с правомерным ограничением целого комплекса прав личности и негативным образом воздействуют на морально-этическую оценку лица [3, с. 18].

В юридической литературе выдвигается обоснованное мнение, что предметом судебного разбирательства является спор о праве государства (в случае, если удастся в установленном законом порядке доказать виновность обвиняемого в совершении преступления) привлечь виновного к уголовной ответственности [4, с. 27]. Спорное правоотношение не всегда предполагает заранее правую сторону. Выдвинутое против лица обвинение должно быть доказано, т. е. подтверждено, что лицо, совершив преступление, нарушило чьи-либо права и может быть подвергнуто соответствующим правоограничениям на законных основаниях.

Только когда вина лица в совершении преступления доказана в соответствии с принципом презумпции невиновности, можно утверждать, что применение мер уголовной ответственности правомерно и соблюдается принцип уважения чести и достоинства в том смысле, что негативные последствия, предусмотренные законом, претерпевает только виновное лицо.

Легальное признание данной связи принципа чести и достоинства и презумпции невиновности признано Заключением Конституционного Суда Республики Беларусь от 12 июня 2014 г. № 3-928/2014 «О соответствии Конституции Республики Беларусь пункта 7 части 1 статьи 29 и пункта 1 части 1 статьи 303 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь» [5]. В своем заключении Конституционный Суд мотивировал решение тем, что незаконное или необоснованное уголовное преследование – это прежде всего посягательство на такие закрепленные в Конституции личные неимущественные права гражданина, как достоинство и честь, которые принадлежат человеку от рождения и являются неотчуждаемыми.

Лицо, незаконно подвергнутое уголовному преследованию и осуждению, имеет право на реабилитацию. Так, согласно п. 28 ч. 2 ст. 43 УПК обвиняемому предоставляется право получить возмещение вреда, причиненного незаконными действиями органа, ведущего уголовный процесс, а в случае, если обвинение не подтвердилось, быть реабилитированным. Аналогичное право предоставлено нормой п. 18 ч. 2 ст. 41 УПК подозреваемому.

В соответствии с ч. 3 ст. 29 УПК лишь с согласия подозреваемого или обвиняемого допускается прекращение производства по делу на основании истечения сроков давности либо вследствие акта амнистии, если он устраняет применение наказания за совершенные общественно опасные деяния, а также акта амнистии либо иного акта иностранного государства, если они устраняют применение наказания за общественно опасное деяние.

Таким образом, признание лица виновным и освобождение по указанным выше основаниям в постановлении либо определении о прекращении произ-

водства по делу возможно только в добровольном порядке. По мнению Конституционного Суда, изложенном в указанном выше Заключение, эта норма свидетельствует о реализации таких конституционных принципов, как презумпция невиновности, право каждого на защиту достоинства и чести, гарантирование защиты прав и свобод в судебном порядке.

Человеческое достоинство присуще человеку как таковому. Лицо не утрачивает право на реабилитацию со смертью. В соответствии с п. 7 ч. 1 ст. 29 УПК не может быть возбуждено уголовное дело, а производство по возбужденному делу подлежит прекращению в отношении умершего за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего.

При этом в упомянутом выше Заключение Конституционный Суд пришел к выводу о том, что в случае отказа в возбуждении уголовного дела, прекращения предварительного расследования или производства по уголовному делу судьей при назначении судебного заседания или судом в судебном заседании по причине смерти подозреваемого или обвиняемого для обеспечения реабилитации умершего гражданина с целью защиты конституционных прав личности необходимо получение согласия близких родственников умершего. При отсутствии такового уголовный процесс должен продолжаться на основе состязательности и равенства сторон обвинения и защиты с участием на стороне защиты близких родственников умершего подозреваемого или обвиняемого с принятием в соответствующих случаях судом окончательного решения по уголовному делу [5].

Другой чувствительной мерой с точки зрения реализации права на уважение чести и достоинства для подозреваемого и обвиняемого является применение мер уголовно-процессуального принуждения. При производстве по уголовному делу в отношении подозреваемого и обвиняемого применяются такие меры, которые сопряжены с высоким риском унижения чести и умаления достоинства личности: заключение под стражу, обыск и выемка, освидетельствование и т. д. Наиболее уязвимыми с точки зрения соблюдения принципа уважения чести и достоинства являются те лица, обвиняемые и подозреваемые в совершении преступления, которые лишены свободы.

Проблема заключается не только в создании надлежащих условий для лиц, содержащихся в заключении до судебного приговора, но и в том, что основания для такого заключения, предусмотренные национальным законодательством, не должны нарушать принципы достойного обращения с человеком, вина которого еще не доказана и не подтверждена. На последственных заключенных могут налагаться лишь такие ограничения и при таких условиях, которые гарантировали бы их явку в суд, недопущение их воздействия на свидетелей и предотвращение совершения новых преступлений [6, с. 88].

В международной практике неоднократно обращалось внимание на соблюдение принципа уважения чести и достоинства человека в местах лишения свободы. Так, например, по делу *Kudla v. (Польша)* Европейский Суд

по правам человека указал, что в соответствии со ст. 3 Европейской конвенции о правах человека и основных свободах, государство должно обеспечить такие условия содержания под стражей, которые совместимы с человеческим достоинством, и гарантировать, что мера и способ исполнения наказания не будут приводить к страданиям и испытаниям, чрезмерным по сравнению с установленными требованиями к местам лишения свободы, и что здоровье и благополучие лица, содержащегося под стражей, будут надлежащим образом защищены [7, с. 210].

Таким образом, залогом уважения чести и достоинства обвиняемого и подозреваемого в ходе производства по материалам и уголовному делу является применение в отношении них только таких правоограничений, которые предусмотрены законом и только при наличии действительной необходимости.

Согласно ч. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав и свобод человека 1948 г. при осуществлении прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав других лиц и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе.

В соответствии с международно-правовыми требованиями ст. 23 Конституции Республики Беларусь устанавливает, что ограничение прав и свобод человека допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц.

Цели применения мер уголовно-процессуального принуждения, закрепленные белорусским уголовно-процессуальным законом, в целом соответствуют международно-правовым принципам. В самом широком виде цель применения конкретных правоограничительных мер – это достижение определенного результата, который можно получить при применении таких мер [3, с. 95]. Например, результатом применения заключения под стражу может рассматриваться избежание уклонения подозреваемого или обвиняемого от органов уголовного преследования и суда (ст. 116 УПК).

Требуется установить как возможность достижения определенного результата, так и соразмерность стеснений прав личности в ходе применения указанных мер целям, которых достигают такие меры. Следовательно, должна устанавливаться необходимость применения правоограничительных мер. Без учета данного требования ограничения будут произвольными. Данное понятие является оценочным критерием. Необходимость определяется в каждом случае применения нормы права. В связи с этим уголовно-процессуальным законом устанавливается целый ряд процессуальных гарантий с тем, чтобы обвиняемый и подозреваемый имели возможность оспаривать возможные ограничения.

Согласно ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь государство обеспечивает подозреваемому и обвиняемому право на защиту.

Так и нормы ч. 1 ст. 43 УПК и ч. 1 ст. 41 УПК предусматривают, что обвиняемый и подозреваемый имеют право на защиту от незаконного подозрения или обвинения.

В юридической литературе его содержание понимается по-разному [8, с. 98–99; 9, с. 170]. Наиболее признанной в уголовном процессе является точка зрения, согласно которой выделяют следующие элементы права подозреваемого, обвиняемого на защиту: 1) право самого обвиняемого (подозреваемого, осужденного) использовать любые, не противоречащие закону средства и способы для оспаривания, полностью или частично, выдвинутого против него обвинения, выявления обстоятельств, смягчающих его ответственность; 2) право обвиняемого воспользоваться помощью защитника; 3) обязанность органов дознания, следователя, прокурора и суда разъяснить обвиняемому его права и обеспечить реальную возможность их осуществления [10, с. 62].

В соответствии с п. 9 и 41 ст. 6 УПК защита – процессуальная деятельность, осуществляемая обвиняемым, его законным представителем, защитником, гражданским ответчиком и его представителями в целях опровержения подозрения или обвинения либо смягчения обвинения, обеспечения прав и иных интересов подозреваемого, обвиняемого, лица, совершившего общественно опасное деяние.

Защита определяется в юридической литературе как совокупность принимаемых в соответствии с законом процессуальных действий и отношений, направленных на полное или частичное опровержение (оспаривание) предъявленному тому или иному лицу обвинения, улучшение его положения и на обеспечение прав и юридически охраняемых интересов этого лица по делу [11, с. 110].

С. П. Бекешко также определил право обвиняемого¹ на защиту как совокупность предоставляемых обвиняемому прав, используя которые он может защищаться от предъявленного ему обвинения, осуществлять свои законные интересы в процессе [12, с. 80].

Все это свидетельствует, что, реализуя свое право на защиту, подозреваемый или обвиняемый отстаивает свое честное имя и право на то, чтобы расследование и судебное рассмотрение предъявленного ему обвинения проводилось в точном соответствии с нормами уголовно-процессуального закона и не допускалось применение мер, унижающих честь и умаляющих достоинство либо создающих опасность для жизни и здоровья.

Применение мер, унижающих честь и достоинство на досудебных стадиях, когда проводится основная работа по собиранию доказательств, рассматривается в теории и практике уголовного процесса как незаконные (недозволенные) методы ведения предварительного следствия [13, с. 42].

Такие методы могут привести к оговору или самоговору невиновных, к неполноте, односторонности и необъективности в установлении всех обстоя-

¹ Право подозреваемого на защиту впервые было закреплено Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь 1999 г.

ятельств по делу, к существенным нарушениям уголовно-процессуального закона и иным последствиям [13, с. 43].

Вместе с тем под правомерным психическим воздействием можно понимать такое воздействие на лицо, которое оставляет ему свободу выбора позиции (давать правдивые показания или не давать вообще никаких показаний), позволяет проанализировать возможные последствия занятой позиции, сделать свободный и осознанный выбор из нескольких возможных вариантов [14, с. 54].

Для защиты от неправомерных действий должностных лиц, ведущих уголовный процесс, в ходе производства предварительного расследования подозреваемый и обвиняемый имеют, в частности, право подавать жалобы на действия и решения органа, ведущего уголовный процесс (п. 15 ч. 2 ст. 41, п. 22 ч. 2 ст. 43 УПК). Важной мерой предосторожности является то, что жалобы на пытки (или иное жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение с задержанными лицами) должны быть должным образом и незамедлительно приняты ко вниманию [15, с. 53]. Любое подобное заявление требует тщательной ведомственной и прокурорской проверки.

Своевременные и объективные расследования всех этих фактов, наказание виновных лиц, допускающих произвол при исполнении своих служебных обязанностей, являются эффективным способом предупреждения следственных ошибок как последствий такого произвола [13, с. 54].

Соблюдение требования уважения чести и достоинства личности, проверка фактов применения незаконных методов ведения следствия обеспечивается и в ходе судебного рассмотрения дела. Отсутствие исследования в судебном заседании вопроса о правомерности ограничения прав личности, законности действий органов уголовного преследования в некоторых случаях может повлечь за собой отмену приговора.

Так, по приговору судебной коллегии по уголовным делам Гомельского областного суда Д. осужден по ч. 2 ст. 15 и ч. 1 ст. 115, по п. «ж» ст. 100 УК. Рассмотрев протест Председателя Верховного Суда, в котором поставлен вопрос об отмене приговора и передаче дела на новое судебное рассмотрение, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда определением от 7 мая 1999 г. его удовлетворила. При этом среди прочих оснований указано, что с достаточной полнотой не проверены доводы осужденного о недозволённых методах ведения следствия [16, с. 27].

Суд в обязательном порядке отвергает признательные показания обвиняемых по мотивам получения их недозволёнными методами в случае возбуждения уголовного дела в отношении сотрудников правоохранительных органов. Безусловно, в случае выявления признаков нарушений прав личности, относящихся к категории преступлений (заведомо незаконное задержание, обыск, принуждение к даче показаний и т. п.) прокурор должен решать вопрос о возбуждении уголовного дела в отношении должностных лиц органов, ведущих уголовный процесс.

Реагирование суда на выявленные случаи нарушения прав участников процесса также может осуществляться и в форме частных определений суда (ст. 33 УПК), по результатам рассмотрения которых предполагается применение мер дисциплинарной и иной ответственности.

Кроме того, на наш взгляд, суд должен самостоятельно проводить проверку законности получения доказательств. Опровергать доводы стороны защиты о недозволённых методах ведения следствия только на основании сведений, установленных прокурором, недостаточно [3, с. 64]. Такие данные должны подвергаться всестороннему исследованию в ходе судебного разбирательства и оценке судом при постановлении приговора.

Реализация контрольной функции суда в этом случае должна проводиться посредством признания в приговоре доказательств, добытых с применением мер, унижающих честь и умаляющих достоинство, недопустимыми. Необходимость признания недействительными результатов следственных действий, проведенных с нарушением прав личности, признавалась многими учеными и широко обсуждалась в уголовно-процессуальной науке [17, с. 23–24; 18, с. 24; 19, с. 240–241 и др.].

Белорусский законодатель однозначно закрепляет, что доказательства, полученные путем нарушения закона, в том числе с применением незаконных методов ведения следствия, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого обстоятельства, указанного в ст. 89 УПК (ч. 5 ст. 105 УПК, ст. 27 Конституции).

Важную роль в защите прав подозреваемого, обвиняемого играет возможность обжалования в суд действий и решений на стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

Уголовно-процессуальный закон предусматривает в качестве самостоятельного право подозреваемого, обвиняемого обжаловать в суд задержание, заключение под стражу, домашний арест, продление срока применения указанных мер, а также помещение в психиатрическое (психоневрологическое) учреждение для производства экспертизы (п. 17 ч. 2 ст. 41, п. 15 ч. 2 ст. 43 УПК). Такая возможность обжалования в суд мер, связанных с лишением свободы, известна в теории уголовного процесса как *Habeas corpus* и предусмотрена международно-правовыми требованиями (п. 3 ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах (1966)).

Следует обратить внимание, что еще в 2001 г. Решением Конституционного Суда Республики Беларусь от 3 апреля 2001 г. «О праве граждан на обращение в суд по вопросам, возникающим в связи с осуществлением уголовно-процессуальных отношений» была закреплена необходимость снять все ограничения в праве граждан на обращение с жалобами на действия и решения органов дознания, лица, производящего дознание, или следователя в суд. По объективным причинам ввиду особенностей правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности такой подход не был реализован на практике.

В юридической литературе давно выдвигали идею о «беспробельности» судебного контроля в форме обжалования, в соответствии с которой в ходе предварительного расследования может быть обжаловано в суд любое процессуальное (не тактическое) действие или решение органа расследования [20, с. 14]. Фактически такой принцип был реализован в уголовном процессе Российской Федерации. Однако правоприменение оказалось далеко не всегда эффективным. Так, на одном из круглых столов, посвященных этой проблеме, член Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации Ю. А. Костанов подверг критике широкий судебный контроль в уголовном процессе Российской Федерации: «На сегодняшний день я стараюсь не обращаться в суд. Не потому, что я не прав, а потому, что четко знаю: если, например, при обращении в прокуратуру есть надежда «достучаться», то когда я иду в суд, гарантировано получаю отказ. Это дает возможность лицу, на действия которого я жаловался, ссылаться на подтвержденную судом «правоту». Но может быть дело не в УПК РФ, а в неготовности правоприменителя к эффективной реализации положений нового закона», – констатирует адвокат [21, с. 25].

Представляется справедливым, что белорусский законодатель, хотя достаточно осторожно расширяет объем тех решений и действий, которые могут быть обжалованы в суд на досудебных стадиях, однако стремится, чтобы каждый такой случай был действительно реальным средством защиты.

Для защиты от неправомερных действий должностных лиц, ведущих уголовный процесс, в ходе производства предварительного расследования подозреваемый и обвиняемый, оспаривая предъявленные обвинения или возникшие подозрения, имеют право использовать весь комплекс прав, предусмотренных в ст. 41 и 43 УПК соответственно, в том числе право давать показания, представлять доказательства, заявлять отводы и ходатайства, возражать против действий органа уголовного преследования, подавать жалобы на действия и решения органа, ведущего уголовный процесс и др.

Как известно, в настоящее время обвиняемый и подозреваемый не несут ответственности за дачу заведомо ложных показаний в ходе производства по уголовному делу. Вместе с тем возникает вопрос, справедливо ли, что они имеют так называемое право на ложь. Безусловно, злоупотребление правом на защиту от возникшего подозрения либо выдвинутого обвинения может причинить вред правам и законным интересам других лиц, в том числе и не участвующих в уголовном судопроизводстве [14, с. 67]. В правовой литературе высказывается мнение о необходимости криминализации дачи заведомо ложных показаний подозреваемым или обвиняемым [22, с. 76–77], а в некоторых случаях неподтвердившееся заявление о применении незаконных методов ведения следствия предлагают рассматривать как заведомо ложные показания и установить ответственность обвиняемого и подозреваемого за это [23, с. 10]. Сложно согласиться с таким предложением по следующим основаниям.

Конечно, право на защиту не является абсолютным и его осуществление не должно нарушать права и свободы других лиц [14, с. 67]. Вместе с тем, как

справедливо отмечает Э. Ф. Куцова, для защиты правосудия от злоупотребления обвиняемым (равно потерпевшим и др.) своими правами допускаются лишь такие меры, которые не подрывают реального значения этих прав [24, с. 15]. Установление уголовной ответственности за подобные нарушения не может быть справедливым, поскольку по объективным причинам это будет существенно ограничивать возможности обвиняемого и подозреваемого защиты своих прав. Кроме того, не вызывает сомнений, что уголовно-процессуальный закон содержит ряд гарантий против злоупотребления подозреваемым, обвиняемым процессуальными правами [25].

Соблюдение принципа уважения чести и достоинства в отношении подозреваемого, обвиняемого гарантируется правом иметь защитника и связанными с участием защитника иными правами, деятельностью адвокатуры как профессиональной правозащитной организации.

Следствием значимости участия адвоката в качестве защитника для обеспечения реализации обвиняемым (подозреваемым) своих прав является то, что нарушение права иметь защитника фактически признается существенным нарушением уголовно-процессуального закона, а безусловным основанием для отмены приговора может быть рассмотрение уголовного дела без участия защитника в тех случаях, когда по закону его участие обязательно (п. 4 ст. 391 УПК).

«Общество, – указывает И. И. Мартинович, – все больше осознает, что правовое государство – это не только совокупность грамотных цивилизованных законов, но и возможность их реализации, а также умение населения пользоваться своими правами. А это невозможно без профессиональных юристов, в частности адвокатов, призванных оказывать содействие гражданам и юридическим лицам при осуществлении защиты их прав, свобод и законных интересов» [26, с. 45].

Уголовно-процессуальный закон Республики Беларусь закрепил право подозреваемого, обвиняемого, лишённого свободы на бесплатную юридическую консультацию адвоката до первого допроса (п. 5 ч. 2 ст. 41, п. 4 ч. 2 ст. 43 УПК), что стало важным средством противодействия незаконным методам ведения следствия. Участие адвоката на самом начальном этапе уголовного преследования в отношении лица позволяет обвиняемому либо подозреваемому реализовать свое право давать показания взвешенно, без давления со стороны следствия. По выражению А. Д. Назарова, «после свиданий подследственных с адвокатами «голых признаний» ожидать очень сложно» [13, с. 43].

Кроме того, помимо консультации относительно фактов самого уголовного дела адвокат может оказать помощь подозреваемому, обвиняемому в подаче соответствующих жалоб о применении к нему незаконных методов, а в ряде случаев потребовать медицинского освидетельствования.

Согласно п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 24 сентября 2009 г. № 7 «Об обеспечении права на защиту в уголовном процессе», реализация права на бесплатную юридическую консультацию

адвоката не зависит от характера выдвинутых подозрения или обвинения, а также от отношения к ним подозреваемого, обвиняемого.

Нарушение права на бесплатную юридическую консультацию может сопровождаться высокими рисками незаконных методов ведения следствия.

По приговору суда Ивацевичского района К. признан невиновным в умышленном нанесении тяжкого телесного повреждения и оправдан по п. 3 ч. 2 ст. 147 УК за недоказанностью его участия в совершении преступления.

Как установлено по делу, К. с момента фактического задержания и при проведении с ним в этот день процессуальных действий юридической помощью адвоката не пользовался и реально защитником был обеспечен только на следующий день. В своей жалобе, адресованной прокурору, К. указывал на незаконные приемы ведения следствия работниками милиции, нарушения права на защиту при задержании и первичных допросах.

В суде не были опровергнуты доводы К. о незаконных методах ведения следствия, допущенных по делу нарушениях закона, а также о том, что его явка с повинной и признательные показания не являлись добровольными [27, с. 18].

Незаконным методам ведения следствия препятствует право защитника участвовать в допросах подозреваемого, обвиняемого, а также в других следственных действиях, проводимых с участием подозреваемого, обвиняемого (п. 4 ч. 1 ст. 48 УПК). Участие адвоката – гарантия соблюдения прав подзащитного при их проведении.

Вместе с тем проблемой является то, что незаконные методы могут применяться не в ходе допросов либо проведения следственных действий. В правовой литературе отмечается, что незаконные методы ведения используются чаще всего не следователями, а оперативными работниками или их «людьми», и не при производстве следственных действий, а до них или после [13, с. 45]. Следует признать нарушающей закон практику проведения «непроцессуальных» встреч. Любое общение с лицом, в отношении которого ведется расследование, должно проходить с правом присутствия защитника, а в предусмотренных законом случаях и с обязательным его участием (ст. 45 УПК).

Принцип уважения чести и достоинства личности в уголовном процессе помимо гарантий, обеспечивающих охрану личности и предупреждение нарушений, предусматривает и правосстановительные меры. Согласно ч. 2 ст. 12 УПК, последствия и материальное возмещение морального вреда, причиненного при совершении преступления либо незаконными действиями должностных лиц органа, ведущего уголовный процесс, устраняются и производятся в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом.

Возмещение вреда, причиненного в результате незаконного уголовного преследования, обвинения либо осуждения, проводится в порядке, предусмотренном гл. 48 УПК, а возмещение вреда по иным основаниям – по правилам гражданского законодательства.

С юридической точки зрения, вред – это нарушенное субъективное право. Посредством возмещения вреда, причиненного незаконными действиями

органа, ведущего уголовный процесс, осуществляется восстановление нарушенных прав.

Необходимым условием возникновения обязательства по возмещению вреда является наличие самого вреда. Отметим, что гл. 48 УПК содержит традиционное для уголовно-правовой сферы выделение в зависимости от содержания нарушенных благ физического, морального и имущественного видов вреда. Нарушение принципа уважения чести и достоинства влечет за собой причинение морального вреда, которым, согласно ч. 5 ст. 460 УПК, признается причинение нравственных или физических страданий действиями, нарушающими личные неимущественные права граждан, а также унижение его чести и достоинства, причинение ущерба деловой репутации. Данное понятие разъясняется в Постановлении Пленума Верховного Суда от 28 сентября 2000 г. № 7 «О практике применения судами законодательства, регулирующего компенсацию морального вреда».

Моральный вред может быть причинен нарушением как имущественных, так и личных неимущественных прав. Уголовно-процессуальный закон однозначно решает вопрос, и в соответствии с ч. 5 ст. 460 УПК компенсируется моральный вред, причиненный гражданину действиями, нарушающими только его личные неимущественные права. Такой подход следует признать верным. Незаконное применение мер уголовно-процессуального принуждения и иные незаконные действия в уголовном процессе нарушают именно неимущественные права личности, право на уважение чести и достоинства, как и право на свободу и неприкосновенность личности, неприкосновенность жилища, иных законных владений.

Помимо наличия самого вреда для возникновения права на возмещение вреда необходимо предварительное признание действий органов, ведущих уголовный процесс, незаконными, т. е. признание противоправности действий, причем последняя категория в данном случае используется в особом значении. Понятие «незаконные» действия применительно к возмещению вреда, согласно гл. 48 УПК, имеет специфику. Формально такие действия могут отвечать всем требованиям закона, однако в случае осуществления их в отношении невиновного они признаются незаконными. Как справедливо считает Б. Т. Безлепкин, в качестве критерия определения законности и незаконности выступает несправедливость обвинения, уголовного наказания, принудительных мер медицинского характера или мер уголовно-процессуального принуждения [28, с. 92]. Аналогичного мнения придерживается и Л. А. Прокудина: «незаконные действия» надлежит понимать именно в смысле применения уголовного преследования и ответственности в отношении невиновного гражданина» [29, с. 18].

Отметим, что согласно ч. 1 ст. 460 УПК возмещается вред, причиненный гражданину в результате незаконного задержания, содержания под стражей и домашнего ареста, временного отстранения от должности, помещения в психиатрический стационар, осуждения, применения принудительных мер

безопасности и лечения. В ч. 1 ст. 939 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) предусматривается также возмещение вреда, причиненного в результате незаконного привлечения в качестве обвиняемого, применения подписки о невыезде и надлежащем поведении.

Кроме того, для возникновения права на возмещение вреда необходима непосредственная причинная связь наступившего вреда с применением уголовно-процессуального принуждения, привлечения к уголовной ответственности и иных действий.

Следует согласиться с выделением Б. Т. Безлепкиным в качестве условия возмещения вреда непосредственной причинной связи наступившего вреда с уголовным наказанием или принудительными мерами медицинского характера, назначаемых судом либо с уголовно-процессуальным принуждением [28, с. 85]. Аналогичного мнения придерживается и М. Ф. Полякова [30, с. 36]. На необходимость такого условия указывает и закон. В соответствии с ч. 6 ст. 460 УПК компенсируются лишь нарушенные нематериальные блага, которые связаны с незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения.

В уголовном процессе особенность непосредственной причинной связи наступившего вреда с конкретными действиями состоит в том, что поскольку причинение вреда является нераздельным результатом действий нескольких должностных лиц, объективно определить, какими действиями причинен вред (например, следователь, который возбудил уголовное преследование, или прокурор, который направил дело в суд, или суд, который вынес обвинительный приговор, отмененный в последующем), невозможно.

Особенность характера причиненной связи наступившего вреда с действиями органов, ведущих уголовный процесс, сущность несправедливости таких незаконных действий свидетельствуют о том, что не следует давать исчерпывающий перечень незаконных действий и решений. Такой точки зрения придерживаются многие процессуалисты [31, с. 17; 32, с. 17; 33, с. 8].

Незаконность действий в уголовном процессе определяется признанием лица невиновным (либо не совершившим общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом).

Следовательно, юридическим фактом, влекущим возникновение права на возмещение вреда, является не само совершение действий, предусмотренных в ч. 1 ст. 460 УПК, а признание процессуальным решением их применения к невиновному лицу. На основании анализа ч. 1 ст. 461 УПК представляется, что возмещение вреда влекут следующие решения:

- 1) оправдательный приговор;
- 2) постановление (определение) о прекращении дела по основаниям, предусмотренным п. 1, 2, 8 и 9 ч. 1 ст. 29 УПК и ч. 2 ст. 250 УПК;
- 3) постановление (определение) о прекращении уголовного дела согласно ч. 3 ст. 448 УПК ввиду недоказанности участия лица в совершении обще-

ственно опасного деяния или по основаниям, предусмотренным п. 1, 2, 8 и 9 ч. 1 ст. 29 УПК¹.

Таким образом, незаконность действий подтверждается фактом вынесения реабилитирующего решения².

Необходимым условием возмещения вреда является отсутствие добровольного самооговора (ч. 2 ст. 461 УПК). При этом самооговор, явившийся следствием применения к лицу насилия, угроз и иных незаконных мер, не исключает компенсации вреда.

Постановлениями суда Борисовского района за оправданным Р. признано право на возмещение вреда и устранения последствий морального вреда и определен размер возмещения вреда за счет казны Республики Беларусь в виде затрат на получение юридической помощи в сумме 2450 тыс. рублей. В ходе досудебного производства Р. виновным себя признавал, подтверждал свое участие в преступлении при проведении очной ставки с иным его участником. Данных о том, что такие показания вызваны применением насилия, угроз или иных незаконных методов ведения следствия со стороны лиц, осуществлявших производство по делу, не установлено. Таким образом, Р. при производстве предварительного следствия путем добровольного самооговора препятствовал установлению истины по делу и способствовал наступлению предусмотренных ст. 460 УК последствий. Указанные постановления отменены по протесту Генеральной прокуратуры [34, с. 9].

Для рассмотрения порядка возмещения вреда, причиненного незаконными действиями органа, ведущего уголовный процесс, выделим два этапа компенсации вреда, регулируемых уголовно-процессуальным законом, – признание права на возмещение вреда и определение объема и размера возмещаемого вреда.

Согласно ст. 462 УПК, при наличии оснований, предусмотренных ст. 460 УПК, орган, ведущий уголовный процесс, обязан признать за физическим либо юридическим лицом право на возмещение вреда, о чем выносит постановление (определение), в котором указывается вид причиненного вреда. Копия постановления (определения), а в необходимых случаях и другие документы, подтверждающие факт причинения вреда, направляются заинтересованному лицу или его представителю (наследнику) с разъяснением их прав и порядка обращения за компенсацией вреда.

¹ П. 3 ч. 1 ст. 461 УПК определяет в качестве субъекта права на возмещение вреда лицо, незаконно помещенное в психиатрическое (психоневрологическое) учреждение, либо лицо, к которому незаконно применена принудительная мера безопасности и лечения. Однако закон не указывает, каким решением должна быть признана незаконность действий должностных лиц. Анализ законодательства дает возможность считать, что незаконность применения принудительных мер безопасности и лечения, помещения в психиатрическое (психоневрологическое) учреждение должна быть признана именно таким процессуальным актом.

² Прекращение производства по уголовному делу, согласно ч. 3 ст. 448 УПК, т. е. когда признано незаконным помещение в психиатрический стационар, применение принудительной меры безопасности и лечения, представляет собой акт реабилитации лица, хотя в строгом смысле слова не относится к ней.

Помимо решения вопроса о признании права на возмещение вреда гражданину необходимо разъяснить такое право и порядок его реализации. Как отмечала российский ученый В. Ильютченко, одной из причин того, что граждане не обращаются за компенсацией ущерба, является неудовлетворительное разъяснение реабилитированным лицам права на возмещение ущерба [35, с. 15].

В белорусском законодательстве эта проблема разрешена. В настоящее время среди прав обвиняемого и подозреваемого в Уголовно-процессуальном кодексе закреплено право получить возмещение вреда, причиненного незаконными действиями органа, ведущего уголовный процесс (п. 18 ч. 2 ст. 41 и п. 28 ч. 2 ст. 43 УПК), о которых подозреваемый уведомляется немедленно по задержании или предъявлении постановления о применении меры пресечения (п. 2 ч. 2 ст. 41 УПК), а обвиняемый – с момента ознакомления с постановлением о применении меры пресечения либо с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого (п. 2 ч. 2 ст. 43 УПК). Согласно ст. 462 УПК, право на возмещение вреда разъясняется реабилитированным.

Согласно п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 сентября 2006 г. № 8 «О практике постановления судами оправдательных приговоров», если имеются основания для возмещения вреда, причиненного незаконными действиями органа, ведущего уголовный процесс (ст. 460 УПК), то суд, провозгласив оправдательный приговор, разъясняет оправданному лицу порядок компенсации такого вреда и восстановления нарушенных прав после вступления приговора в законную силу (ст. 462 УПК), что должно быть отражено в протоколе судебного заседания. Таким образом, закрепляется такое правило, что суд вопрос о признании права на возмещение вреда должен решать непосредственно при постановлении оправдательного приговора и разъяснять право на компенсацию вреда в ходе судебного заседания, итогом которого стало постановление оправдательного приговора.

Вторым этапом возмещения морального вреда является принятие мер к его непосредственной компенсации, как в денежном выражении, так и в проведении соответствующих действий. Примечательно, что когда впервые в правовой литературе и обществе заговорили о возможности возмещения вреда незаконно осужденным, необходимости компенсации морального вреда придавали большее значение, чем возмещению имущественного. И. Я. Фойницкий моральный вред называет идеальным вознаграждением и считает, что оно состоит в торжественном признании со стороны государства невиновности данного лица, привлеченного к суду, в оглашении этого в газетах, даже в устройении ему орденов и т. п. [36, с. 314].

Однако меры по возмещению морального вреда в то время, когда только начинали признавать такое право за реабилитированными, вряд ли можно было назвать удачными. Например, предполагалось давать оправданному медаль на белой ленте с надписью «признанная невиновность» или считать день оправдания патриотическим праздником [37, с. 333].

Особенно необходимо принятие дополнительных мер к восстановлению чести и достоинства в случае, если дело прекращено на стадии предварительного расследования. В таких случаях извинения за допущенную ошибку обычно приносятся в кабинете без присутствия публики, поэтому факт оправдания с большой вероятностью может остаться не опровергнутым среди лиц, окружающих реабилитированного, в глазах которых он был опорочен. Поэтому вынесение оправдательного приговора, который провозглашается публично, по сравнению с прекращением уголовного дела в большей степени способствует восстановлению честного имени невиновного.

Компенсация морального вреда начинается уже с вынесением решения о реабилитации, которое должно содержать четкое, ясное и категоричное утверждение о невиновности лица.

В связи с этим неоднократно в юридической литературе поднималась проблема приемлемости такого основания, как недоказанность участия обвиняемого в совершении преступления, если исчерпаны все возможности для собирания дополнительных доказательств. Высказывались аргументы как «за», так и «против» указанного основания [38, с. 159–160; 28, с. 179–181].

С процессуалистами, придерживающимися последней точки зрения, необходимо согласиться. Так, В. М. Савицким отмечалось, «не доказано» возможно толковать как «доказано не полностью», что, в свою очередь, может создать у общественности превратное, искаженное представление об истинном значении акта прекращения дела [39, с. 49].

Согласно ч. 4 ст. 251 УПК, не допускается включение в постановление формулировок, ставящих под сомнение невиновность лица, в отношении которого прекращено уголовное преследование. В связи с этим постановление о прекращении уголовного дела должно содержать в подобном случае такое основание, как несовершение подозреваемым или обвиняемым того предусмотренного уголовным законом деяния, которое им выдвигалось в подозрении или обвинении (ч. 2 ст. 250 УПК).

В ч. 1 ст. 465 УПК предусмотрена компенсация нарушения таких нематериальных благ, как честь и достоинство. Как отмечает Т. Н. Москалькова, удовлетворение униженного достоинства осуществляется в результате принесения пострадавшему публичного извинения и наказания обидчика. Возмещение ущерба, причиненного чести, возможно только в том случае, если будет устранен разрыв между негативным общественным мнением о человеке, сложившимся в связи с привлечением его к уголовной ответственности, и его действительной невиновностью [40, с. 7].

Нормой ст. 465 УПК установлена возможность применения в рамках уголовного процесса следующих специальных мер по устранению последствий морального вреда.

Орган, ведущий уголовный процесс, признав право физического лица на устранение последствий морального вреда, обязан принести лицу официальные извинения за причиненный вред (ч. 1 ст. 465 УПК). Закон не уточняет,

каким образом должны быть принесены извинения: в письменном виде или путем личного уведомления. Необходимость письменных извинений признавал еще С. П. Бекешко, который справедливо предлагал, чтобы в постановлении о реабилитации формулировались извинения перед подозреваемым за причиненный моральный вред и нравственные страдания [41, с. 41–42].

Следует согласиться с мнением о том, что необходимы как письменные извинения реабилитированному, так и извинения, принесенные лично [35, с. 18]. Э. Ф. Куцова высказалась за личное вручение прокурором реабилитирующего решения при прекращении дела на стадии предварительного расследования [24, с. 88].

По нашему мнению, в ст. 465 УПК Республики Беларусь необходимо внести соответствующие изменения и определить, что прокурор обязан приносить официальные извинения лицу за причиненный вред. В случае возмещения вреда реабилитированному очень сложно установить, результатом каких действий явилось причинение вреда. В уголовном процессе прокурор осуществляет уголовное преследование, поддерживает государственное обвинение, поэтому будет вполне справедливо, если бы именно это должностное лицо приносило официальные извинения.

Помимо принесения извинений, орган, ведущий уголовный процесс, должен довести факт невиновности лица в совершении преступления до сведения тех лиц, в глазах которых гражданин опорочен. В связи с этим способ обнаружения факта реабилитации гражданина избирается в зависимости от того, как и кому стало известно о применении мер принуждения, осуждении и т. п. Причем в любом случае необходима инициатива реабилитируемого на применение таких мер, потому что процедура реализации их может нанести дополнительный моральный вред [42, с. 278].

Согласно ст. 465 УПК, закреплена обязанность органов, ведущих уголовный процесс, опубликовать опровержение порочащих сведений не просто в печати, а вообще в средствах массовой информации. Однако, на наш взгляд, обязанность опубликовать опровержение должна лежать на соответствующем средстве массовой информации, где были опубликованы порочащие сведения.

Порядок опровержения сведений в настоящее время регламентируется Законом Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З «О средствах массовой информации». Вместе с тем он не учитывает особенности возмещения вреда в уголовном процессе. Отметим, что если в указанном Законе закреплено право самого лица, пострадавшего от распространения сведений, требовать опровержения, то в отношении государственных органов такой возможности не предусмотрено (ст. 42–44). Следовательно, необходимо внести дополнения в данный Закон и предусмотреть, что средство массовой информации не только руководствуясь заявлением физического либо юридического лица, но и на основании постановления органа, ведущего уголовный процесс, обязано опубликовать опровержение порочащих сведений, если таковые были опубликованы в ходе досудебного и судебного производства.

Б. Т. Безлепкин указывает, что обязанность подготовить текст опровержения должна быть возложена на судебно-следственные органы, а обязанность его обнародования – на соответствующий орган печати, радио или телевидения, опубликовавший ранее порочащую информацию [28, с. 183]. Мы же считаем, что опровержение сведений должно осуществляться по общим правилам опровержения сведений в средствах массовой информации – в порядке, предусмотренном ст. 43 Закона о средствах массовой информации.

В настоящее время важность указанной меры возрастает в связи с тем, что в средствах массовой информации все большей популярностью пользуются статьи и репортажи о недавно совершенных преступлениях. Безусловно, существует возможность того, что в дальнейшем факт совершения преступления, о котором рассказывалось, не подтвердится.

Норма ч. 1 ст. 465 УПК предусматривает помимо опубликования опровержения порочащих сведений обязанность органа, ведущего уголовный процесс, направить по требованию физического лица, его законного представителя (наследника) в срок до десяти дней сообщение об отмене незаконных решений по месту его работы, службы, учебы или жительства. Таким образом, не всегда требуется приведение в сообщении текста всего приговора. Представляется, что данное сообщение должно содержать резолютивную часть приговора или постановления о прекращении уголовного дела; должно быть указано на меры, которые были предприняты в отношении должностных лиц, в результате действий которых незаконно ограничивались права и свободы невиновного.

Такое извещение должно также включать письменные извинения потерпевшему, содержание которых станет гласностью для лиц, окружающих реабилитированного.

Л. И. Кукреш справедливо уточняет, что по требованию реабилитируемого лица, его законного представителя (наследника) направляется не «сообщение об отмене незаконных решений», а сообщение о признании лица невиновным. Автор считает, например, что прокурор может отменить постановление следователя о задержании подозреваемого, но данное решение, во-первых, далеко не всегда является реабилитирующим и, во-вторых, ни в коем случае не является основанием для возмещения лицу вреда в рассматриваемом порядке [43, с. 206].

Если сведения о привлечении лица к уголовной ответственности опубликованы не были, не всегда в интересах реабилитируемого лица предавать гласности факт реабилитации, возможно, что для некоторых лиц привлечение к ответственности вообще останется неизвестным. В связи с этим заслуживает внимания точка зрения, что соответствующие документы необходимо направлять туда, где, по мнению реабилитируемого, требуется огласка его невиновности [44, с. 145].

Согласно ч. 2 ст. 465 УПК компенсация в денежном выражении за причиненный моральный вред может быть взыскана физическими лицами в порядке гражданского судопроизводства в сроки, предусмотренные законом.

За счет казны Республики Беларусь в первом полугодии 2012 г. в возмещение вреда, причиненного незаконными действиями органа, ведущего уголовный процесс, выплачено 2196 млн рублей (в 2010 г. – 1136 млн руб., в 2011 г. – 2272 млн руб.) [34, с. 8].

Возможность получить в уголовном процессе денежную компенсацию морального вреда непосредственно связана с правом на компенсацию морального вреда вообще. Как указывал Н. Лазаревский, если денежное возмещение нематериальных убытков практикуется в виде общего правила, к которому приспособились и гражданский оборот, и народное правосознание, то делать исключение для вознаграждения невинно осужденных нет никакого резонного основания [45, с. 334–335].

Ранее возможность денежной компенсации причинения физических и нравственных страданий, как правило, отрицалась. «Какими бы тяжелыми не были последние, – утверждал В. Т. Нор, – измерить их и оценить каким-либо материальным эквивалентом невозможно» [46, с. 158]. В настоящее время право на денежную компенсацию морального вреда признано как нормами гражданского законодательства (§ 4 гл. 58 ГК), так и нормами гл. 48 УПК.

Критерии же определения размера такой компенсации лишь начинают выработываться. В науке по этому поводу существуют различные точки зрения. Одни авторы считают необходимым определять размер компенсации морального вреда путем проведения психиатрической экспертизы [47, с. 302–303], другие вносят предложение об установлении в законе конкретных размеров возмещения вреда [48, с. 19]. Для определения размера компенсации А. Эрделевский предлагает использовать формулы на основании математической зависимости [49].

Согласно ч. 2 ст. 970 ГК, размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий. При определении размера возмещения морального вреда должно учитываться требование разумности и справедливости. Характер физических и нравственных страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего.

Сложно согласиться с позицией, что достоинство неразрывно связано с честью, а отношение человека к этим благам характеризует его духовный мир и интеллектуальный уровень. Чем богаче духовный мир человека и выше интеллектуальный уровень, тем ценнее для него честь и достоинство, тем менее он склонен незаконно сносить любые посягательства на эти блага [50, с. 28].

Всеобщая декларация прав человека закрепляет, что все люди рождаются равными в своем достоинстве и правах (ст. 1). Честь и достоинство личности должны быть защищены вне зависимости от социального статуса, уровня образования либо иных факторов, равно как и оценка степени нравственных страданий не должна зависеть от указанных факторов.

Определение размера денежной компенсации морального вреда уточняется в п. 15, 16 Постановления Пленума Верховного Суда от 28 сентября 2000 г. № 7. На наш взгляд, в настоящее время суд справедливо определяет размер компенсации морального вреда, исходя в каждом случае из конкретных обстоятельств дела, как это и осуществляется на практике. Формальных критериев определения размера денежной компенсации действующее законодательство не дает и дать не может согласно принципу оценки доказательств на основании внутреннего убеждения (ст. 19 УПК).

Рассмотренные нами проблемы, в том числе анализ норм законодательства, говорят об обоснованности тезиса о том, что подозреваемый и обвиняемый – наиболее уязвимые участники процесса с точки зрения соблюдения принципа уважения чести и достоинства, предусмотренного ст. 12 УПК. Вместе с тем право на защиту как совокупность средств и способов, которые дают возможность противостоять представленному обвинению либо возникшему подозрению, отстаивать недопустимость нарушения прав в ходе расследования и судебного рассмотрения уголовного дела, является важнейшей гарантией недопущения унижения чести и умаления достоинства участников уголовного процесса, в отношении которых ведется уголовное преследование. Таким образом, существующий комплекс уголовно-процессуальных гарантий позволяет максимально снизить риск такого нарушения, а также компенсировать причиненный вред.

Литература

1. Василевич, Г. А. Обеспечение достоинства человека как интегральный показатель уровня развития права и политики / Г. А. Василевич // *Право и демократия: сб. науч. тр. / редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.] – Минск: БГУ, 2013. – Вып. 24. – С. 68–81.*
2. Aldorno, R. Human dignity and human rights / R. Aldorno // *Handbook of global bioethics / ed.: A. M. J. Henk, B. Gordijn. – Dordrecht: Springer Science, 2014. – P. 47–57.*
3. Данилевич, А. А. Защита прав и свобод личности в уголовном процессе / А. А. Данилевич, О. В. Петрова. – Минск: БГУ, 2008. – 168 с.
4. Мытник, П. В. Уголовный процесс: судебные стадии / П. В. Мытник. – Минск: Тесей, 2001. – 288 с.
5. О соответствии Конституции Республики Беларусь пункта 7 части 1 статьи 29 и пункта 1 части 1 статьи 303 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Заключение Конституционного Суда Респ. Беларусь, 12 июня 2014 г., № 3-928/2014 // Конституционный Суд Республики Беларусь. – Минск, 2009. – Режим доступа: <http://www.kc.gov.by/main.aspx?guid=36613>. – Дата доступа: 28.06.2014.
6. Хомич, В. М. Пытка как злоупотребление государством принципами, лежащими в основе ограничения прав и свобод человека / В. М. Хомич // *Предупреждение пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения: Европейские стандарты и Республика Беларусь / отв. ред. В. В. Филиппов; науч. ред. А. Е. Вашкевич. – Минск: Тесей, 2004. – С. 86–98.*
7. Костылева, Е. Д. Проблема участия Европейского Суда в защите личных прав граждан Российской Федерации / Е. Д. Костылева // *Права человека: законодательство и судебная практика: сб. науч. тр. / РАН ИНИОН, Центр соц. науч.-информ. исслед. РАН; отв. ред.: Е. В. Алфорова, И. А. Конюхова. – М., 2009. – С. 203–219.*
8. Бибило, В. Н. Конституционные принципы правосудия и их реализация в стадии исполнения приговора / В. Н. Бибило. – Минск: Университетское, 1986. – 158 с.

9. Стецовский, Ю. И. Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права на защиту / Ю. И. Стецовский, А. М. Ларин. – М.: Наука, 1988. – 320 с.
10. Ларин, А. М. Уголовный процесс России: лекции-очерки / А. М. Ларин, Э. Б. Мельникова, В. М. Савицкий; под ред. В. М. Савицкого. – М.: БЕК, 1997. – 324 с.
11. Фаткуллин, Ф. Н. Обвинение и защита по уголовным делам / Ф. Н. Фаткуллин, З. З. Зинатуллин, Я. С. Аврах. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. – 166 с.
12. Уголовный процесс БССР: учеб. пособие / под ред. С. П. Бекешко, Е. А. Матвиенко. – Минск: Вышэйш. шк., 1979. – 544 с.
13. Назаров, А. Д. Влияние следственных ошибок на ошибки суда / А. Д. Назаров. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 323 с.
14. Конин, В. В. Тактика профессиональной защиты по уголовным делам в суде первой инстанции / В. В. Конин. – Орел: Орловский гос. ун-т, 2008. – 179 с.
15. Макбрайд, Дж. Проблема предварительного заключения в регионе ОБСЕ / Дж. Макбрайд // Обзорная конф. ОБСЕ, сент. 1999 г. – Варшава, 1999. – 107 с.
16. Определения судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь, п. 5 // Судовы весн. – 1999. – № 3.
17. Лупинская, П. А. Допустимость доказательств: пора обеспечить единство судебной практики / П. А. Лупинская // Рос. юстиция. – 1998. – № 11.
18. Маркина, Е. А. Допустимость доказательств как гарантия правосудия и прав личности в современном российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Е. А. Маркина; Науч.-исслед. ин-т проблем укрепления законности, правопорядка при Генпрокуратуре России. – М., 2000.
19. Стецовский, Ю. И. Право на свободу и личную неприкосновенность: Нормы и действительность / Ю. И. Стецовский. – М.: Дело, 2000. – 720 с.
20. Яблоков, В. А. Реализация судебной власти на досудебных стадиях в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В. А. Яблоков; Самар. гос. ун-т. – Самара, 2001. – 24 с.
21. Гарантии правосудия и правосудие без гарантий: материалы круглого стола; подгот. Л. Грудцына // Адвокат. – 2004. – № 8. – С. 25–27.
22. Кукреш, Л. К вопросу о даче подозреваемым, обвиняемым заведомо ложных показаний / Л. Кукреш, Б. Асаенок // Юстиция Беларуси. – 2003. – № 1.
23. Леонко, И. Право на защиту или индульгенция на ложь / И. Леонко // Юридическая газета. – 2013. – 21 февр. – С. 10.
24. Куцова, Э. Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе (предмет, цель, содержание) / Э. Ф. Куцова. – М.: Юрид. лит., 1973. – 199 с.
25. Данилевич, А. А. Обеспечение добросовестного использования прав участниками уголовного процесса / А. А. Данилевич, О. В. Петрова // Право и демократия: сб. научн. тр. / редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2008. – Вып. 19. – С. 256–270.
26. Мартинович, И. И. Адвокатура Беларуси: история и современность / И. И. Мартинович. – Минск: Тесей, 2002. – 175 с.
27. Тылец, И. О практике применения уголовно-процессуального закона, обеспечивающего право на защиту / И. Тылец // Судовы весн. – 2009. – № 4. – С. 17–22.
28. Безлепкин, Б. Т. Возмещение вреда, причиненного гражданину судебными органами: учеб. пособие / Б. Т. Безлепкин. – М.: Акад. МВД СССР, 1979. – 203 с.
29. Прокудина, Л. А. Возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями правоохранительных органов: науч.-практ. коммент. / Л. А. Прокудина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Городец, 1998. – 144 с.
30. Полякова, М. Ф. Возмещение имущественного ущерба в случаях реабилитации – одна из гарантий прав личности в советском уголовном процессе: учеб. пособие / М. Ф. Полякова; Прокуратура СССР, Ин-т повышения квалификации руководящих кадров. – М., 1986. – 36 с.
31. Алмазова, Т. А. Возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия прокуратуры и суда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Т. А. Алмазова; Акад. упр. МВД России. – М., 2001. – 23 с.

32. Войтенко, О. Н. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный незаконными действиями должностных лиц органов дознания и предварительного следствия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09, 12.00.03 / О. Н. Войтенко; Моск. акад. МВД России. – М., 2001. – 23 с.
33. Супрун, С. В. Возмещение материального ущерба, причиненного гражданам при раскрытии и расследовании преступлений (уголовно-процессуальный и оперативно-розыскной аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / С. В. Супрун; Омская акад. МВД России. – Омск, 2001. – 23 с.
34. Турко, В. Некоторые вопросы практики возмещения вреда, причиненного незаконными действиями органа уголовного преследования / В. Турко // Законность и правопорядок. – 2013. – № 1. – С. 8–11.
35. Ильютченко, Н. В. Возмещение ущерба, причиненного личности в уголовном процессе незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Н. В. Ильютченко; Моск. гос. ун-т. – М., 1995. – 22 с.
36. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства / И. Я. Фойницкий; общ. ред., послесл., примеч. А. В. Смирнова. – СПб.: Альфа, 1996. – Т. I. – 607 с.
37. Лазаревский, Н. Ответственность за убытки, причиненные должностными лицами: догмат. исслед. / Н. Лазаревский. – СПб.: Слово, 1905. – 708 с.
38. Ключников, Ю. А. Вопросы дальнейшего совершенствования прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям на стадии предварительного расследования / Ю. А. Ключников // Право и демократия: межвуз. сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: В. М. Хомич (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 1997. – Вып. 8. – С. 152–162.
39. Савицкий, В. М. По поводу уголовно-процессуальных гарантий права невиновного на реабилитацию / В. М. Савицкий // Совет. государство и право. – 1965. – № 9. – С. 49.
40. Москалькова, Т. Н. Уважение чести и достоинства личности как принцип советского уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Т. Н. Москалькова; Акад. наук СССР, Ин-т государства и права. – М., 1988. – 16 с.
41. Бекешко, С. П. Подозреваемый в советском уголовном процессе / С. П. Бекешко, Е. А. Матвиенко. – Минск: Вышэйш. шк., 1969. – 128 с.
42. Данилевич, А. А. Правовое регулирование возмещения вреда, причиненного незаконными действиями органа, ведущего уголовный процесс / А. А. Данилевич, О. В. Петрова // Право и демократия: сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2005. – Вып. 16. – С. 267–279.
43. Кукреш, Л. И. Уголовный процесс. Особенная часть: учеб. пособие / Л. И. Кукреш. – Минск: Тесей, 2000. – С. 71, 206.
44. Касумов, Ч. С. Последствия реабилитации по советскому праву / Ч. С. Касумов. – Баку: Элм, 1991.
45. Лазаревский, Н. Ответственность за убытки, причиненные должностными лицами: догмат. исслед. / Н. Лазаревский. – СПб.: Слово, 1905. – 708 с.
46. Нор, В. Т. Имущественная ответственность за неправомерные действия должностных лиц / В. Т. Нор. – Львов: Вища шк., 1974. – 216 с.
47. Кукреш, Л. И. Некоторые вопросы защиты прав потерпевшего в уголовном процессе / Л. И. Кукреш // Теоретическое и практическое обеспечение реформы в сфере борьбы с преступностью в Республике Беларусь: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22–23 апр. 1999 г. / редкол.: В. М. Хомич [и др.]. – Минск: Право и экономика, 1999. – С. 300–304.
48. Багаутдинов, Ф. Н. Обеспечение имущественных прав личности при расследовании преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ф. Н. Багаутдинов; Науч.-исслед. ин-т укрепления законности и правопорядка при Ген. прокуратуре России. – М., 1994. – 22 с.
49. Эрделевский, А. О размере возмещения морального вреда / А. Эрделевский // Рос. юстиция. – 1994. – № 10. – С. 17–21.
50. Власова, О. В. Принцип уважения чести и достоинства личности в деятельности публичной власти / О. В. Власова // Вестн. Поволж. акад. гос. службы. – 2009. – № 1. – С. 28–35.

УВАЖЕНИЕ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ КАК ПРИНЦИП УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

*О. В. Петрова,
кандидат юридических наук*

Понятие достоинства человека появилось как философская категория исторически давно, активно анализировалось в философской мысли и религиозных учениях, вместе с тем в праве в целом закреплено было относительно недавно.

После окончания Второй мировой войны на международном и национальном уровнях была воспринята идея равенства граждан и уважения достоинства, самоценности человека как такового. Всеобщая декларация прав человека и гражданина 1948 г. стала первым международным документом, где упоминается понятие «достоинство человека». Так, ст. 1 Декларации гласит, что все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. На основании этого в правовой науке делаются выводы, что человеческое достоинство может рассматриваться как основа для всех прав человека в целом, поскольку является ключевым аргументом в обосновании того, что человек должен обладать правами [1, р. 282]. Человеческое достоинство – это более чем сумма всех его прав, определенных в конкретный момент времени [2, р. 276].

Кроме того, согласно ст. 5 указанной выше Декларации, никто не должен подвергаться пыткам либо жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению и наказанию. Право не подвергаться посягательствам на честь и репутацию закрепляется самостоятельно в ст. 12 Декларации совместно с правом не подвергаться произвольному вмешательству в личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность жилища, тайну корреспонденции.

Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. также упоминает понятия достоинства и чести, практически повторяя нормы Всеобщей декларации. Так, согласно ст. 7, никто не должен подвергаться пыткам либо жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению или наказанию, а согласно ст. 17 – не должен подвергаться незаконным посягательствам на его честь и репутацию.

Международные нормы особое внимание уделяют уважению достоинства и в отношении к жертвам преступлений. Согласно п. 4 Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью 1985 г., к жертвам следует относиться с состраданием и уважать их достоинство. Это справедливо даже с точки зрения этических норм, ведь процесс расследования и рассмотрения уголовных дел, который проводится в интересах в том числе и потерпевшего, не может осуществляться с применением мер, унижающих честь и умаляющих достоинство самого защищаемого.

Конституция Республики Беларусь восприняла международные нормы. Достоинство как неотъемлемое благо и как право человека закреплено в ст. 25 Основного закона, которая гласит, что государство обеспечивает свободу, неприкосновенность и достоинство личности. Ограничение или лишение личной свободы возможно в случаях и порядке, установленных законом, а лицо, заключенное под стражу, имеет право на судебную проверку законности его задержания или ареста. Никто не должен подвергаться пыткам, жестокому, бесчеловечному либо унижающему его достоинство обращению или наказанию, а также медицинским или иным опытам без личного согласия.

Достоинство неразрывно связано с правом человека на личную жизнь, и в этом значении – с честью. Согласно ст. 28 Конституции, каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, в том числе от посягательства на тайну корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на честь и достоинство.

Тем самым подчеркивается, что достоинство личности определяет его взаимоотношения с государством и гарантируется государством. В то же время достоинство личности должно соблюдаться во взаимоотношениях с другими. Так, согласно ст. 53 Конституции, каждый обязан уважать достоинство, права, свободы, законные интересы других лиц.

Отраслевое уголовно-процессуальное законодательство содержит самостоятельный принцип уважения чести и достоинства личности, который предусмотрен ст. 12 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК), согласно которой при производстве по материалам и уголовному делу запрещаются действия и решения, унижающие честь и достоинство либо создающие опасность для жизни и здоровья участников уголовного процесса.

Хотя в теории уголовного процесса принцип уважения чести и достоинства личности выделяли еще в советский период (Т. Н. Москалькова, В. М. Савицкий) [3, 4], только в 1999 г. Уголовно-процессуальный закон Республики Беларусь закрепил этот принцип. Ранее требования уважения чести и достоинства личности были предусмотрены только относительно производства некоторых следственных действий.

Анализ международных норм, норм Конституции Республики Беларусь и отраслевого законодательства и теоретических представлений позволяет выделить несколько значений достоинства.

В первую очередь достоинство человека рассматривается как неотъемлемое благо, принадлежащее каждому человеческому существу только потому, что он таковым является, и в наше время эта ценность означает равную ценность каждого индивида.

В связи с этим в юридической литературе в понятие человеческое достоинство выделяют три элемента. Первый заключается в том, что каждое человеческое существо обладает внутренней ценностью просто в силу того, что это человек. Второй означает, что внутренняя ценность должна признаваться

и уважаться другими, при этом некоторые формы обращения с людьми не совместимы либо, напротив, требуются для уважения внутренней ценности. Третий элемент относится к взаимоотношениям личности и государства и сводится к позиции, что государство существует для человека, а не наоборот [5, с. 65].

Понятие «достоинство» в данном понимании также относится к такому положению или обращению, которое характеризуется отсутствием сознательного пренебрежения, унижения или иного ухудшения положения. В этом понимание связано с чувствами лица и его самооценкой, однако не ограничивается ею. Понятие «достоинство» несет моральный аспект и связано с понятием «честь».

Честь и достоинство как нематериальные блага охраняются и защищаются не только при производстве по материалам и уголовному делу, но и во всех иных сферах жизни. При этом понятие «честь», на наш взгляд, имеет единое значение как оценка лица обществом в гражданско-правовом, а также уголовно-процессуальном понимании [6, с. 422–423]. Так, в теории уголовного процесса общепризнано, что честь определяется существующим общественным мнением о его социальной значимости [7, с. 50].

Вместе с тем достоинство в гражданском праве отражает только один из аспектов его конституционного понимания – общественную оценку лица в собственном сознании, т. е. самооценку личности [6, с. 423].

Близкой гражданско-правовому аспекту является точка зрения, согласно которой под достоинством личности признается осознание самим человеком и окружающими факта обладания им непопорочными нравственными и интеллектуальными качествами, самооценки личности. Причем достоинство любого человека подлежит защите государством независимо от действительной реальной ценности [7, с. 50]. Также, согласно позиции А. В. Смирнова, достоинство личности в науке уголовного процесса рассматривается как «осознание самим человеком и признание окружающими людьми того, что он обладает достаточной совокупностью этических и интеллектуальных положительных (социально-признанных свойств)» [8, с. 61].

Представляется, что нормы права закрепляют равную ценность граждан в обществе. Поэтому бесспорно, что каждый имеет право на уважение окружающих и никакие обстоятельства не могут служить основанием для умаления достоинства личности [9, с. 50]. Уголовно-процессуальное понимание, на наш взгляд, включает все аспекты достоинства как ценности личности. В связи с этим удачным видится определение, что достоинство личности как нравственная категория обозначает особое моральное отношение человека к самому себе и отношение к нему со стороны общества, окружающих, основанное на признании ценности человека как личности [10, с. 8].

Указанное выше подтверждает высказанное в правовой литературе мнение, что нечеткость и неопределенность в трактовке основных понятий (как в текстах законодательства, так и в юридической литературе) способствуют субъективности их толкования в правоохранительной практике [11, с. 127].

В юридической литературе человеческое достоинство может рассматриваться и как самостоятельное право, подлежащее судебной защите. Однако в уголовном процессе такое представление, на наш взгляд, не приемлемо. Защита чести и достоинства в данной сфере нераздельно связана с защитой всего комплекса прав подозреваемого, обвиняемого и иных участников процесса.

В связи с этим следует отметить, что принцип уважения чести и достоинства личности не реализуется в своих положениях изолированно, он тесно связан и взаимодействует с многими принципами уголовного процесса. Четкая взаимосвязь уважения чести и достоинства личности прослеживается с такими принципами, как неприкосновенность личности, охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, неприкосновенность жилища, тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, презумпция невиновности и т. п. [12, с. 12]. Ввиду того что достоинство личности лежит в основе всех конституционных прав, нарушение прав человека, и в первую очередь неотъемлемых прав, влечет за собой посягательство на достоинство и честь человека.

Так, произвольное заключение под стражу будет не только нарушать право на неприкосновенность личности, но и умалять достоинство человека.

Принцип уважения чести и достоинства личности наиболее тесно связан с принципом неприкосновенности личности (ст. 11 УПК, ст. 25 Конституции). Особого внимания требует вопрос обеспечения достоинства личности в случае лишения свободы подозреваемого либо обвиняемого. Лица, содержащиеся под стражей, являются наиболее не защищенными от пыток и других проявлений унижения достоинства человека.

Норма ст. 10 Международного пакта о гражданских и политических правах указывает, что все лица, лишённые свободы, имеют право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности.

Гарантией защиты прав таких лиц является прежде всего предоставление подозреваемому, обвиняемому права на защиту (ст. 17 УПК), в том числе права на бесплатную юридическую консультацию до первого допроса, права иметь защитника и связанных с ним прав, права обжаловать в суд задержание, заключение под стражу, домашний арест, продление срока применения указанных мер и др. (ч. 2 ст. 41 и 43 УПК).

Конституция Республики Беларусь закрепляет запрет пыток, жестокого, бесчеловечного либо унижающего достоинство обращения или наказания, вместе с тем ст. 12 УПК дает иную формулировку: она запрещает действия и решения, унижающие честь и достоинство либо создающие опасность для жизни и здоровья участников уголовного процесса.

Справедливо согласиться с мнением, что специфика функционирования правоохранительной и пенитенциарной систем обуславливает наличие повышенной опасности нарушения прав человека. Поэтому и с социальной, и с правовой точек зрения важно определить приоритеты запрета пыток и бесчеловечных и унижающих достоинство человека обращения и наказания в нацио-

нальном законодательстве и установить надлежащий уровень защиты человека от подобных действий публичной власти [13, с. 96].

Ввиду особой важности проблемы недопустимость пыток, жестокого, бесчеловечного либо иного обращения, унижающего человеческое достоинство, стала самостоятельным предметом запрета на международном уровне. Понятие таких мер было конкретизировано в Конвенции против пыток и других жестоких и унижающих человеческое достоинство видов обращения и наказания 1984 г., норма ст. 1 которой под пыткой понимает любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать за действие, которое совершило оно либо третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо или по любой причине, основанной на дискриминации различного характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия.

В это определение Конвенцией не включаются боль или страдания, которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимы от этих санкций или вызываются ими случайно.

В юридической литературе высказываются мнения о необходимости законодательного закрепления понятия «пытка» в национальном законодательстве, в первую очередь в уголовном [13, с. 96], а также и уголовно-процессуальном законе [12, с. 9]. Некоторые авторы предлагают закрепить в уголовно-процессуальном законе понятие незаконных методов ведения следствия [14].

Можно согласиться с предложением о соответствующих изменениях в уголовном законе, так как применение пыток фактически влечет за собой уголовную ответственность. При этом закрепление в национальном законодательстве подобного разграничения может быть важным для квалификации таких правонарушений, как преступления.

Однако, на наш взгляд, данные изменения в уголовно-процессуальном законе не достигнут своей цели, так как в системе процессуальных механизмов контроля и надзора любые подобные нарушения должны быть оценены судом, прокурором, начальником следственного подразделения на основании внутреннего убеждения, руководствуясь законом и правосознанием (ст. 19 УПК), и прежде всего с точки зрения нарушений правил получения доказательств (ст. 27 Конституции, ч. 5 ст. 105 УПК) без разграничения в соответствии с нормами уголовного закона.

Гарантии уважения чести и достоинства состоят прежде всего в том, что закон четко устанавливает основания и порядок ограничения прав и свобод личности, в первую очередь это касается неотъемлемых прав на неприкосновенность личности, жилища и иных законных владений, охрану личной жизни [15].

Однако реализация данного принципа обеспечивается и посредством установления уголовно-процессуальных запретов и ограничений при производстве следственных действий в суде.

Так, согласно ч. 2 ст. 192 УПК, производство следственных действий в ночное время не допускается, за исключением случаев, не терпящих отлагательства.

Специальное правило имеется в отношении получения образцов для сравнительного исследования. Согласно ч. 3 ст. 234 УПК, при получении образцов не должны применяться методы, опасные для жизни и здоровья человека или унижающие его честь и достоинство.

Законом предусмотрены специальные ограничения, призванные не допустить унижения чести и умаления достоинства, особенные для каждого следственного действия. Так, следователь или лицо, производящее дознание, не присутствует при производстве освидетельствования лица другого пола, если освидетельствование сопровождается обнажением тела этого лица. В данном случае освидетельствование проводится врачом в присутствии понятых того же пола с освидетельствуемым (ч. 4 ст. 206 УПК).

Следователь, лицо, производящее дознание, обязаны принимать меры для того, чтобы не были оглашены выявленные при обыске и выемке обстоятельства частной жизни лица, занимающего данное помещение, или других лиц (ч. 11 ст. 210 УПК). Согласно ч. 3 ст. 211 УПК, личный обыск проводится только лицом того же пола, что и обыскиваемый, с участием специалистов и понятых того же пола.

Норма ч. 2 ст. 214 УПК предусматривает максимальное время производства допроса. Так, допрос не может длиться непрерывно более четырех часов. Продолжение допроса допускается после перерыва не менее чем на один час для отдыха и принятия пищи, причем общая продолжительность допроса в течение дня не должна превышать восьми часов. В случае медицинских показаний продолжительность допроса устанавливается на основании заключения врача, работающего в государственной организации здравоохранения.

Согласно ч. 1 ст. 434 УПК, допрос несовершеннолетних подозреваемого или обвиняемого не может продолжаться без перерыва более двух часов, а в общей сложности – более четырех часов в день.

Особая важность придается защите подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления. Это закономерно, так как в таких взаимоотношениях государства и личности проблема уважения чести и достоинства, приоритета прав личности проявляется особенно остро. Вместе с тем принцип уважения чести и достоинства относится не только к обвиняемому либо подозреваемому, но и к иным участникам процесса, в первую очередь его соблюдение требуется в отношении потерпевших. Последний может быть допрошен, с его участием также могут проводиться освидетельствование, экспертиза, получены образцы для сравнительного исследования (ч. 2 ст. 206, ч. 2 ст. 234, ч. 3 ст. 229 УПК).

Для потерпевших участие в производстве этих и других следственных действий либо судебном разбирательстве является дополнительной психотравмирующей ситуацией, поскольку жертве преступления приходится заново переживать случившееся. Органы уголовного преследования и суд обязаны учитывать состояние потерпевшего с целью обеспечения принципа уважения его чести и достоинства (ст. 12 УПК).

На необходимость соблюдения нравственных требований при допросе потерпевшего указывал еще А. Ф. Кони, отмечая, что неменьшего внимания заслуживает и положение потерпевшего, иногда оскорбленного в своих лучших чувствах и своих законных правах [16, с. 95–96].

На международном уровне не только признано требование относиться к жертвам с состраданием и уважать их достоинство, но и уточняется, что должно учитываться личное состояние потерпевшего в результате воздействия преступления, совершенного против него. Более того, должны приниматься во внимание гражданские и процессуальные права, как и его человеческое достоинство [17, р. 45]. В соответствии с п. 16 Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью работникам полиции, системы правосудия следует проходить подготовку, позволяющую обеспечить понимание ими потребности жертв и оказать надлежащую оперативную помощь.

Особенно следует учитывать состояние потерпевших по делам о тяжких насильственных преступлениях, в особенности преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы (гл. 20 УК). Потерпевшему необходимо заново переживать эмоциональные страдания, вызванные преступлением, он или она в психологическом плане могут чувствовать себя виноватыми.

В связи с этим следственные действия и судебное разбирательство должны проводиться таким образом, чтобы максимально снизить причинение дополнительных негативных переживаний потерпевшему в соответствии с принципом уважения чести и достоинства личности.

Согласно п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 27 сентября 2012 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы (ст. 166–170 УК)», учитывая специфику этих дел, председательствующий в судебном заседании, принимая меры к всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела, должен устранять вопросы, задаваемые сторонами обвинения и защиты участникам уголовного процесса, не относящиеся к делу, по форме или содержанию унижающие их честь и достоинство, своевременно пресекать нетактичное поведение отдельных участников уголовного процесса.

Однако в ряде случаев для соблюдения принципа уважения чести и достоинства при производстве следственных или судебных действий с участием потерпевшего требуется использование специальных знаний в области психологии.

В настоящее время уголовно-процессуальный закон предусматривает присутствие педагога (психолога) при производстве допроса несовершеннолетних

подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля (ст. 221, 332, 434 УПК). Согласно п. 2 Положения о порядке привлечения педагога (психолога) для участия в уголовном процессе, цель участия такого специалиста – установление психологического контакта, атмосферы доверия, соблюдения прав и законных интересов несовершеннолетних участников уголовного процесса [18].

Считаем, что участие специалиста-психолога должно быть обеспечено и при производстве следственных и судебных действий в отношении ряда категорий совершеннолетних лиц.

Нельзя не отметить, что сегодня закон не исключает возможность участия специалиста-психолога при производстве следственных и иных процессуальных действий. Норма ст. 62 УПК распространяет правовое положение специалиста на педагога (психолога), участвующего в допросе несовершеннолетних лиц. Согласно ст. 200 УПК, орган уголовного преследования вправе вызвать для участия в производстве следственного и иного процессуального действия специалиста, не заинтересованного в исходе уголовного дела. Специалист по решению суда может участвовать и в судебном разбирательстве уголовного дела (ст. 299 УПК).

Вместе с тем цели участия психолога при производстве следственных действий несколько специфичны по сравнению с теми целями, которые закреплены в указанной ст. 62 УПК.

Согласно п. 4 ч. 3 ст. 62 УПК, специалист обязан участвовать в производстве следственных и других процессуальных действий, используя специальные знания, навыки и научно-технические средства для обнаружения, закрепления и изъятия доказательств. Целью же участия психолога следует считать обеспечение соблюдения законных прав и интересов несовершеннолетнего, в том числе чести и достоинства.

Таким образом, расследование и рассмотрение уголовных дел не может исключить участие потерпевших, однако оно должно сопровождаться дополнительными гарантиями, позволяющими минимизировать неблагоприятные последствия для соответствующего лица.

Обеспечению чести и достоинства граждан способствует требование недопустимости разглашения данных предварительного расследования (ст. 198 УПК). Информировать население о ходе расследования в той или иной мере следует, так как отсутствие правильных сведений о ходе расследования порождает слухи. Однако следователь, лицо, производящее дознание, должен доводить до сведения общественности данные предварительного расследования, которые не только не противоречат по их внутреннему убеждению интересам расследования, но и не нарушают прав и свобод участников следственных и иных процессуальных действий. Лицо, в отношении которого ведется уголовное преследование, считается невиновным, в связи с этим любая информация может ставить под сомнение его честь и достоинство. Выводы следствия в глазах обывателя порой расцениваются как авторитетное свидетельство причастно-

сти определенного лица к преступлению, ассоциируются с компетентным выводом о его виновности [19, с. 101].

Кроме того, в ходе расследования могут быть выявлены обстоятельства, относящиеся к интимным сторонам жизни лиц, иные обстоятельства, унижающие достоинство граждан. Такого рода сведения также не подлежат разглашению в силу принципа уважения чести и достоинства.

Следователь вправе предупредить участников уголовного процесса, как и других лиц, присутствующих при производстве следственных действий, о недопустимости разглашения без их разрешения имеющихся в деле сведений, о чем у этих лиц берется подписка с предупреждением об ответственности в соответствии со ст. 407 УК.

Судебное разбирательство – центральная стадия уголовного процесса, в которой наиболее полно действуют все принципы уголовного процесса, в том числе и принцип уважения чести и достоинства. Однако гласный характер его проведения требует дополнительных гарантий последнего.

Как известно, согласно требованию непосредственности, в судебном заседании должны быть заслушаны показания свидетелей потерпевшего, непосредственно исследованы все иные доказательства (ст. 286 УПК). Важность этого требования подчеркивается в международных нормах. Так, согласно п. 3 «е» ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, обвиняемому должно быть предоставлено право допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос его свидетелей на тех же условиях, какие существуют для свидетелей, показывающих против него.

Должно быть правилом, особенно для защитников, что «перекрестный допрос» участников процесса проводится с соблюдением принципа уважения чести и достоинства допрашиваемого.

Однако в некоторых случаях такой допрос в зале судебного заседания с точки зрения соблюдения прав допрашиваемого невозможен. Оглашение показаний свидетелей и потерпевшего, данных при производстве предварительного расследования, в судебном заседании должно являться исключительной мерой, и лишь в случаях, предусмотренных в ст. 333 УПК.

Таким исключением как раз может стать оглашение показаний в тех случаях, когда эта мера связана с обеспечением безопасности допрашиваемого (ст. 68 УПК) либо когда это может нанести вред его психическому здоровью. Последнее весьма важно в отношении несовершеннолетних. Практика не будет противоречить национальному законодательству и международным нормам, если серьезные негативные последствия для психики несовершеннолетнего станут основанием для оглашения его показаний и воспроизведения видеозаписи допроса, сделанного до суда.

В ходе судебного разбирательства могут быть проведены такие следственно-судебные действия, как экспертиза, следственный эксперимент, предъявление для опознания, освидетельствование. При их производстве обеспечива-

ются гарантии уважения чести и достоинства, также как и при проведении предварительного расследования.

Согласно ч. 2 ст. 23 УПК, в целях предотвращения разглашения сведений об интимных сторонах жизни участвующих в деле лиц либо сведений, унижающих их достоинство, по делам о преступлениях, совершенных лицами, не достигшими шестнадцатилетнего возраста, о половых преступлениях и другим делам допускается проведение закрытого судебного разбирательства. Это также возможно в случае защиты интересов и обеспечения безопасности потерпевшего, свидетеля или иных участников уголовного процесса, а также членов их семей или близких родственников и других лиц, которых они обособанно считают близкими.

Постановлением Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 марта 2013 г. № 1 «О практике применения судами принудительных мер безопасности и лечения в уголовном судопроизводстве» закреплён частный случай необходимости проведения закрытого судебного разбирательства [15]. Согласно п. 6 данного постановления, судам надлежит учитывать, что в соответствии со ст. 20 Закона Республики Беларусь от 7 января 2012 г. «Об оказании психиатрической помощи» сведения о состоянии психического здоровья, полученные при оказании пациенту психиатрической помощи, составляют врачебную тайну, охраняемую законом. В связи с этим необходимо принимать предусмотренные законом меры по обеспечению ее охраны, в том числе путем проведения в закрытом судебном заседании всего разбирательства либо отдельных его частей (ч. 4 ст. 287 УПК).

Постановлением Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 27 сентября 2012 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы (ст. 166–170 УК)» предусмотрено, что по делам такой категории судам надлежит в соответствии со ст. 23 УПК в каждом случае решать вопрос о разбирательстве уголовного дела в закрытом судебном заседании, принимать необходимые меры для того, чтобы лица, не достигшие шестнадцатилетнего возраста, не являющиеся участниками уголовного процесса, не находились в зале судебного заседания, а допрошенные в качестве свидетелей лица после допроса удалялись из зала судебного заседания (п. 19).

Однако даже при таких возможностях проведения закрытого судебного заседания в соответствии с ч. 5 ст. 287 УПК личная переписка и личные телеграфные сообщения граждан могут быть оглашены в открытом судебном заседании с согласия лиц, между которыми эта переписка и телеграфные сообщения происходили. Указанные правила применяются и при исследовании звуко- и видеозаписи, носящей личный характер.

Принцип уважения чести и достоинства должен соблюдаться и в ходе судебных прений. Участники судебных прений не вправе использовать в своих речах и репликах формулировки, унижающие честь и достоинство других участников процесса.

Оценивая гарантии соблюдения принципа уважения чести и достоинства личности в целом, следует отметить, что это обеспечивается не только соблюдением самой нормы-принципа, но и частными случаями запретов. Помимо прямых запретов гарантиями уважения чести и достоинства является и надлежащее исполнение обязанностей должностными лицами органов уголовного преследования и суда. Важная составляющая процессуальных гарантий – человеческий фактор. Надлежащий подбор кадрового состава обеспечивает не только соблюдение норм права, но и осуществление оценки конкретных обстоятельств дела в соответствии с реальным значением тех либо иных правил.

Таким образом, все указанное выше показывает, что уголовно-процессуальное законодательство содержит целый ряд процессуальных гарантий, которые в своей системе позволяют обеспечить соблюдение всех принципов уголовного процесса, в том числе уважения чести и достоинства.

Вместе с тем в настоящее время одной из тенденций развития уголовной юстиции в мире является восстановительное правосудие. В отечественной уголовно-процессуальной науке высказывались предложения, в том числе и автором данной статьи, о введении такой формы восстановительного правосудия, как медиация (посредничество) [20–22]. Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г. № 672, в п. 16.14 предусматривает меры по введению в уголовном процессе института медиации для внесудебного урегулирования конфликтов.

С одной стороны, примирительные встречи как новая форма разрешения уголовно-правового конфликта призвана оказать положительное психологическое воздействие на правонарушителя, сформировать позитивное отношение к ликвидации последствий преступления, способствовать добровольному возмещению вреда, причиненного преступлением.

С другой стороны, при всех преимуществах, которые предоставляет восстановительное правосудие, неформальный характер программ примирения таит в себе опасность нарушения прав обвиняемого и подозреваемого, предусмотренных международными нормами [23, с. 32].

С точки зрения психологии воздействия на преступное поведение центральное место этого процесса для правонарушителя занимает стыд, стимулирующий реинтеграцию в общество. Однако такой стыд с легкостью может превратиться в унижение в зависимости от психологических характеристик преступника и от хода самой встречи. Таким образом, существуют высокие риски, что вместо оказания позитивного эффекта медиация и иные программы восстановительного правосудия приведут к унижению обвиняемого и умалению его человеческого достоинства [24, с. 219–220].

Это требует как закрепления четких правил проведения медиативных процедур, контроля эмоционального процесса при проведении встреч, наличия у медиатора навыков диагностики негативных эмоций, применения особых мер предосторожности при проведении медиативных встреч.

Конституция и отраслевое законодательство определяют не только гарантии уважения чести и достоинства, но и способ восстановления такого блага. С целью защиты прав, свобод, чести и достоинства граждане в соответствии с законом вправе взыскать в судебном порядке материальное возмещение как за имущественный вред, так и за нанесение морального вреда (ст. 60 Конституции).

Отраслевое уголовно-процессуальное законодательство в целях развития норм Конституции рассматривает компенсацию вреда как средство восстановления чести и достоинства, причем как потерпевшего, так и лица, незаконно привлеченного к уголовной ответственности. В соответствии с ч. 2 ст. 12 УПК последствия и материальное возмещение морального вреда, причиненного при совершении преступления либо незаконными действиями органа, ведущего уголовный процесс, устраняются и производятся в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом.

Умышленное нарушение норм, обеспечивающих принцип уважения чести и достоинства личности, может повлечь за собой уголовную ответственность. Уголовный закон Республики Беларусь предусматривает ответственность за привлечение в качестве обвиняемого заведомо невиновного (ст. 393 УК), за принуждение к даче показаний (ст. 394 УК), заведомо незаконные задержание или заключение под стражу (ст. 397 УК) и т. п.

Соответственно, установленные вступившим в законную силу приговором суда преступные действия должностных лиц органов уголовного преследования и судей, в том числе связанные с посягательством на честь и достоинство участников процесса, могут послужить основанием для возобновления дела по вновь открывшимся обстоятельствам (ст. 418 УПК).

Подводя итог, следует признать, что принцип уважения чести и достоинства личности, закрепленный в ст. 12 УПК, складывается из системы мер как охранительного, так и правовосстановительного порядка, которые в своей совокупности формируют такие приоритеты уголовно-процессуальной деятельности, которые обеспечивают достижение поставленных в ст. 7 УПК задач только гуманными способами и методами.

Литература

1. Jones, J. Human Dignity in the EU Chapter of Fundamental Rights and its Interpretation before the European Court of Justice / J. Jones // *Liverpool Law Review*. – 2012. – № 33. – P. 281–300.
2. Monteiro, R. A. *Ethics of Human Rights* / R. A. Monteiro. – Dordrecht: Springer, 2014. – 540 p.
3. Москалькова, Т. Н. Честь и достоинство: как их защитить? (уголовно-процессуальный аспект) / Т. Н. Москалькова; Народный ун-т. – М.: Знание, 1992. – 128 с.
4. Савицкий, В. М. Презумпция невиновности / В. М. Савицкий. – М.: НОРМА, 1997. – 121 с.
5. Маккруденн, К. Человеческое достоинство и судебное толкование прав человека / К. Маккруденн // *Права человека: законодательство и судебная практика: сб. науч. тр.* / РАН ИНИОН, Центр соц. науч.-информ. исслед.: РАП; отв. ред.: Е. В. Алферова, И. А. Конюхова. – М., 2009. – С. 60–68.
6. *Гражданское право: учеб.: в 2 ч.* / под общ. ред. В. Ф. Чигиря. – Минск: Амалфея, 2000. – Ч. 1. – 976 с.

7. Уголовный процесс: учеб. / под общ. ред. В. И. Радченко. – М.: Юрид. дом «Юстициформ», 2003. – 752 с.
8. Смирнов, А. В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Туркменистана / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский; Центр ОБСЕ в Ашхабаде. – Ашхабад, 2012. – 656 с.
9. Уголовный процесс: учеб. / под общ. ред. В. И. Радченко. – М.: Юрид. дом «Юстициформ», 2003. – 752 с.
10. Закиров, А. Ф. Уважение чести и достоинства личности – принцип российского уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А. Ф. Закиров: Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2004. – 22 с.
11. Рыжкова, И. А. Уголовно-процессуальные гарантии права на честь и достоинство личности: междунар. стандарты и опыт России / И. А. Рыжкова // Бизнес в законе. – 2008. – № 1. – С. 127–129.
12. Телегина, И. В. Реализация принципа уважения чести и достоинства личности в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / И. В. Телегина; Южно-Урал. гос. ун-т. – Челябинск, 2009. – 24 с.
13. Хомич, В. М. Пытка как злоупотребление государством принципами, лежащими в основе ограничения прав и свобод человека / В. М. Хомич // Предупреждение пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения: Европейские стандарты и Республика Беларусь / отв. ред. В. В. Филиппов; науч. ред. А. Е. Вашкевич. – Минск: Тесей, 2004. – С. 86–98.
14. Шадрин, В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений / В. С. Шадрин. – М.: Юрлитинформ, 2000. – 232 с.
15. Данилевич, А. А. Защита прав и свобод личности в уголовном процессе / А. А. Данилевич, О. В. Петрова. – Минск: БГУ, 2008. – 168 с.
16. Кони, А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (Общие черты судебной этики) / А. Ф. Кони // Избранные труды и речи / сост. И. В. Потапчук. – Тула: Автограф, 2000. – С. 78–107.
17. The position of the victim in the framework of criminal law and procedure: Recommendation No. R (85) 11 and explanatory report. – Strasbourg: Council of Europe, 1996. – 45 p.
18. Об утверждении Положения о порядке привлечения педагога (психолога) для участия в уголовном процессе: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 24 окт. 2001 г., № 1533 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2001. – № 102. – 5/9250.
19. Орлов, О. В. Особенности определения категорий «честь», «достоинство» и «доброе имя» в отношении осужденных к лишению свободы / О. В. Орлов // Человек: преступление и наказание. – 2010. – № 4. – С. 100–103.
20. Петрова, О. В. Службы посредничества по уголовным делам: модели организации и практика зарубежных стран / О. В. Петрова // Юстиция Беларуси. – 2009. – № 8. – С. 32–34.
21. Петрова, О. В. Примирительное соглашение как результат применения программ восстановительного правосудия / О. В. Петрова // Юстиция Беларуси. – 2009. – № 11. – С. 32–35.
22. Зайцева, Л. Применение с потерпевшим – альтернативный способ урегулирования уголовно-правового конфликта / Л. Зайцева // Судовы весн. – 2011. – № 3. – С. 71–77.
23. Петрова, О. В. Процессуальные гарантии прав обвиняемого и подозреваемого и восстановительное правосудие / О. В. Петрова // Юстиция Беларуси. – 2010. – № 12. – С. 31–34.
24. Cohen, R. L. Provocations of Restorative Justice / R. L. Cohen // Social Justice Research. – 2001. – № 5. – P. 209–232.

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Ю. Л. Шевцов,

кандидат юридических наук, доцент

В современных условиях проблема обеспечения достоинства личности приобретает особое звучание и выступает в качестве интегрального показателя отношений между человеком и обществом, государством, поскольку рост правовой культуры и правового сознания граждан меняет сложившуюся ранее парадигму отношений [1, с. 68]. Имея целью исследование категории «достоинство личности» в первую очередь как правового явления, следует рассмотреть ее соотношение с другими присущими личности правами, свободами и законными интересами. Необходимо отметить, что в научной литературе право на достоинство часто характеризуется вне связи с юридическими правами и обязанностями, устанавливающими правовой статус человека, в том числе осужденного, что нам представляется неверным. Показательно, что в уголовном праве достоинство и честь рассматриваются лишь как объекты уголовно-правовой охраны в ст. 188 и 189 Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 г. (УК), предусматривающих ответственность за клевету и оскорбление, соответственно, за распространение заведомо ложных, позорящих другое лицо измышлений и за умышленное унижение чести и достоинства личности, которое выражено в неприличной форме, а также в некоторых других аналогичных составах преступлений. Таким образом, в уголовно-правовой науке достоинство рассматривается в локальном, ограниченном понимании.

Всеобщая декларация прав человека 1948 г., являясь основополагающим документом в области прав человека, в ст. 1 провозглашает, что «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах», а в ст. 22 устанавливает право каждого человека на осуществление необходимых для поддержания его достоинства и для свободного развития его личности прав в экономической, социальной и культурной областях через посредство национальных усилий и международного сотрудничества и в соответствии со структурой и ресурсами каждого государства. Наряду с Всеобщей декларацией прав человека международно-правовой основой для обеспечения достоинства, прав, свобод и законных интересов осужденных лиц выступают Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Минимальные стандартные правила обращения с заключенными 1955 г., Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме 1988 г. и др.

В Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) установлена обязанность государства обеспечивать свободу, неприкосновенность и достоинство личности (ст. 25). В Конституции также предусматривается, что каждый обязан уважать достоинство, права, свободы, законные интересы других

лиц, а государство обязано принимать все доступные ему меры для создания такого порядка, который необходим для полного осуществления прав и свобод граждан. На государственные органы, должностных и иных лиц, в том числе персонал органов, исполняющих наказания и иные меры уголовной ответственности, возложена обязанность в пределах своей компетенции принимать необходимые меры для осуществления и защиты прав и свобод личности.

Исследование проблем правового обеспечения достоинства личности в уголовно-исполнительной системе следует начать с рассмотрения общих вопросов. В преамбулах ко Всеобщей декларации прав человека и Международному пакту о гражданских и политических правах записано, что признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира. В научной литературе последних лет достоинство личности стало оцениваться как неотъемлемое личное право человека, которое должно осуществляться во всех сферах жизнедеятельности, в том числе на этапе исполнения наказания. Известный белорусский ученый в области международного права Л. В. Павлова указывает, что, согласно Всеобщей декларации прав человека, достоинство личности является стержневым элементом для признания прав и свобод человека [2]. И. Н. Штанько отмечает, что вся система прав человека выстраивается вокруг этой фундаментальной ценности, заложенной в самой сути человека [3, с. 7–8]. Достоинство человека отражает нравственную самооценку личности, оценку человеком своей связи с обществом, государством и правом и своей собственной значимости. Оно непосредственно связано с признанием обществом социальной ценности, уникальности, неповторимости личности и ее конкретной индивидуальности. Достоинство представляет собой право на оценку со стороны общества моральных, деловых и иных качеств лица, от которых зависит его общественный статус. Человеческое достоинство (достоинство личности), его признание, соблюдение и защита государством являются необходимым условием существования личных прав человека и их надлежащей реализации [4, с. 145]. Некоторые исследователи считают достоинство основой прав человека, фундаментом правового статуса личности, признавая достоинство личности абсолютным моральным законом, принципом, охрану которого взяло на себя государство [5, с. 16].

Однако вопрос о месте и роли достоинства в системе прав, свобод и законных интересов человека, а также о неограничиваемом (абсолютном) характере достоинства является дискуссионным. Как обоснованно пишет Е. Н. Рахманова, права человека – символ современной эпохи [6, с. 8], однако по вопросу понимания сути прав человека существует несколько концепций. Согласно одной из них, права человека понимаются как отражение достоинства личности [7]. Современные российские исследователи считают, что абсолютные права – это такие субъективные права, носителям которых противостоит неопределенное число обязанных лиц, а право на достоинство – одно из таких прав. Обязанность, соответствующая абсолютным правам, всегда состоит

в воздержании от совершения действий, ущемляющих абсолютные права. Так как нарушителем абсолютных прав может оказаться любое лицо, закон защищает абсолютные права против всех и каждого, т. е. против неопределенного круга лиц [8, с. 164]. Эту позицию поддерживает Н. И. Матузов, который считает, что абсолютным правам корреспондирует обязанность всякого воздержаться от его нарушения. Их ограничение или временное приостановление не допускается в демократическом правовом государстве ни при каких обстоятельствах.

А. В. Малько к абсолютным относит права, которые указаны в ч. 3 ст. 56 Конституции Российской Федерации: право на жизнь; право на достоинство; право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени; запрет сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия; на свободу совести и вероисповедания; на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной, не запрещенной законом экономической деятельности; право на жилище [9, с. 99]. Далее автор называет специфические права в сфере уголовного правосудия: на судебную защиту прав и свобод; на получение квалифицированной юридической помощи; презумпция невиновности; никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление; при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением закона; каждый осужденный за преступление имеет право на пересмотр приговора вышестоящим судом; право просить о помиловании или смягчении наказания; никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников; права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью на возмещение вреда; закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет.

Р. А. Ромашов абсолютными правами считает право на гражданство, право на уважение достоинства личности, право на правосудие и др. [10, с. 23]. По мнению В. Е. Чиркина, напротив, «нет абсолютной свободы и абсолютных прав» [11, с. 59].

В ст. 63 Конституции указано, что осуществление предусмотренных Конституцией прав и свобод личности может быть приостановлено только в условиях чрезвычайного или военного положения в порядке и пределах, определенных Конституцией и законом. Но при осуществлении особых мер в период чрезвычайного положения не могут ограничиваться права, предусмотренные в ст. 24, ч. 3 и ст. 25, 26, 31 Конституции, соответственно, право на жизнь, запрет пыток, презумпция невиновности и свобода совести. Отметим, что права на достоинство в указанном списке нет.

Таким образом, сегодня достоинство личности не может рассматриваться только как один из элементов системы субъективных конституционных прав. Право на достоинство, пройдя путь философского, нравственного и религиозного осмысления, а также государственно-правового признания, стало крае-

угольным понятием всех гуманитарных, в том числе правовых, наук. От уровня достоинства зависит, с одной стороны, уровень осознания личностью своих прав и обязанностей, а с другой – совокупность охраняемых прав человека, поскольку государство, закрепляя в законодательстве те или иные права, показывает, насколько им уважается достоинство личности.

В правовой науке обеспечение достоинства личности корреспондирует с проблемой ответственности и наказания. Французская Декларация прав человека и гражданина 1789 г., признавая неотъемлемость прав и свобод как обязательных для полноценной жизнедеятельности человеческой личности, отрицала их абсолютный характер. В ней записано, что осуществление естественных прав каждого человека ограничено теми пределами, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами (ст. 6). Иными словами, использование этих прав не может наносить вред другому человеку, а пределы пользования правами и свободами могут быть установлены только законом.

В указанном контексте актуальными в политическом и правовом отношении являются вопросы ограничения прав и свобод человека вследствие совершения им преступления и исполнения (отбывания) в связи с этим мер уголовной ответственности. Очевидно, и это следует из законодательства, осужденные ограничиваются в общегражданских правах и свободах, что обусловлено режимом осуждения лица в качестве преступника, видом назначенного судом наказания и установленными законом условиями отбывания наказания. Кроме ограничений общегражданских прав и свобод, осужденные наделяются специальными правами и обязанностями как субъекты уголовно-исполнительных отношений.

Уместно отметить, что необходимость и целесообразность ограничений прав и свобод осужденного при отбывании уголовного наказания и иных мер уголовно-правового воздействия признается всеми исследователями, безотносительно, связаны ли эти меры уголовной ответственности с изоляцией от общества или нет [12, с. 14]. И. Я. Фойницкий в начале XX в. писал, что «принуждение наказания заключается в причинении или обещании причинить наказываемому какое-нибудь лишение или страдание, поэтому всякое наказание направляется против какого-либо блага, принадлежащего называемому – его имущества, свободы, чести, а иногда даже против его жизни» [13, с. 9].

При реализации мер уголовной ответственности достоинство следует обеспечивать на всех ее этапах – при привлечении, расследовании, осуждении, назначении наказания или иных мер уголовной ответственности и их исполнении. Достижение указанной цели возможно лишь при реализации следующих правовых принципов: 1) презумпция невиновности (ст. 26 Конституции); 2) право на судебную защиту (ч. 1 ст. 60 Конституции); 3) право на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 62 Конституции); 4) право на свидетельский иммунитет для определенной категории лиц к даче показаний против самого себя, членов своей семьи, близких родственников (ст. 27 Кон-

ституции); 5) право не быть подвергнутым пыткам, жестокому, бесчеловечному либо унижающему его достоинство обращению или наказанию (ч. 3 ст. 25 Конституции); 6) запрет подвергаться медицинским или иным опытам независимо от согласия осужденных (ст. 10 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (УИК)); 7) непривлечение к принудительному труду; 8) возможность с целью защиты прав, свобод, чести и достоинства взыскать в судебном порядке как имущественный вред, так и материальное возмещение морального вреда (ч. 2 ст. 60 Конституции); 9) свобода от рабства и иного подневольного состояния (ст. 8 Международного пакта о гражданских и политических правах); 10) право на иммунитет от обратной силы уголовного закона (ст. 104 Конституции); 11) право не быть подвергнутым заключению за невыполнение договорных обязательств (ст. 8 Минской Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г.). Нарушение вышеуказанных принципов несовместимо с обеспечением достоинства осужденных лиц.

Наказание, выступая формой реализации уголовной ответственности, является принудительной мерой уголовно-правового воздействия в отношении лица, совершившего преступление, которая применяется на основе осуждения виновного по приговору суда в качестве преступника, заключается в карательном лишении или ограничении осужденного прав и свобод и назначается судом в соответствии с тяжестью содеянного и принципами уголовного права [14, с. 410]. Для исполнения наказаний характерен принцип соединения принудительных мер с воспитательным воздействием, который заключается в осуществлении принудительных режимных требований, выражающих правоограничения, свойственные назначенному наказанию, наряду с воспитательными мероприятиями, преследующими цели исправления осужденных. Органы государства, исполняющие наказание, применяют меры принуждения наряду с мерами исправительного воздействия. Последние не являются карой за содеянное, а способствуют исправлению осужденных. К основным средствам исправления осужденных, указанным в ст. 7 УИК, относятся режим, воспитательная работа, труд, обучение, общественное воздействие. Следовательно, деятельность по реализации мер уголовной ответственности приобретает характер единого карательно-воспитательного процесса, требующего на каждом этапе соблюдения достоинства.

Существование ограничений субъективных прав и свобод осужденных лиц вызывает вопрос: следует ли считать, что они ограничиваются и в праве на достоинство. Принципы обеспечения достоинства личности и основания ее международно-правовой охраны вытекают из Всеобщей декларации прав человека. Поскольку человек обладает достоинством независимо от своей действительной социальной ценности и имеет право на уважение со стороны окружающих, то предполагается, что не существует обстоятельств, которые могут служить основанием для умаления достоинства личности. Таким образом, международное гуманитарное право основывается на неотъемлемом ха-

рактуре достоинства человеческой личности. Права человека опираются на принцип равного достоинства всех людей. Являясь принадлежностью каждого, право на уважение его достоинства предполагает, что всякий должен уважать достоинство другого и всякий вправе рассчитывать на уважение своего достоинства со стороны других членов общества. Однако указанные положения подвержены нивелировке с учетом выделяемых в правовой науке правовых статусов: общего правового статуса человека и гражданина и специальных статусов, в частности правового статуса осужденных лиц. Очевидно, что содержание прав и свобод у носителей этих статусов разное и, соответственно, существует разница в притязании на уровень права на достоинство.

В международно-правовых актах, направленных на охрану права на достоинство осужденных, а также Конституции определены общие основания, по которым могут быть ограничены права человека. Эти ограничения могут применяться только для тех целей, для которых они предусмотрены. Зафиксирован принцип уважения достоинства лиц, в отношении которых исполняется наказание, и одновременно допускается возможность ограничения личной неприкосновенности и права на достоинство при реализации «законных санкций».

В связи с реализацией в процессе исполнения наказания правоограничений международное сообщество придает особое внимание вопросам обращения с осужденными лицами и гарантиям законности деятельности органов, исполняющих наказания.

Праву осужденного на уважение его достоинства в сфере исполнения уголовных наказаний соответствует обязанность неограниченного круга лиц из числа персонала, с которым он контактирует, воздерживаться от жестокости, грубости, унижающих заявлений о неполноценности. Из него же вытекает обязанность персонала не допускать в своем поведении излишнего высокомерия, презрения, самоуверенности в обращении с осужденными.

Субъективное право осужденного на достоинство позволяет выделить четыре основные составляющие: 1) право-поведение, т. е. деятельность осужденного, направленная на обеспечение своего собственного достоинства; 2) право-требование как возможность требовать определенного поведения обязанных лиц в пределах нормативного и морально-нравственного поля. Данное право выражается в требовании надлежащего уважения достоинства со стороны других осужденных, а также персонала органов, исполняющих наказание, и, кроме того, его охраны и защиты со стороны должностных лиц уголовно-исполнительной системы (УИС). При этом защита подразумевает не только ограждение от потенциально опасного поведения и общественно опасных посягательств, но и предоставление права на получение информации, права на поддержание оптимального уровня достойного содержания, права на труд, образование и духовное развитие, т. е. права на надлежащее осуществление основных средств исправления осужденных, установленных законом, – режима, труда, образования, воспитательного и общественного воздействия. Требованию субъекта корреспондирует обязанность государства по созданию

такой парадигмы общественных отношений, которая с необходимостью обеспечивала бы достоинство, законные права, свободы и интересы осужденного; 3) право-пользование, предполагающее право на уважение личного достоинства осужденного, поскольку в ст. 10 УИК установлено, что осужденные имеют право на вежливое обращение со стороны работников органа или учреждения, исполняющих наказание и иные меры уголовной ответственности. Осужденные не должны подвергаться жестокому, бесчеловечному либо унижающему их достоинство обращению. Меры принуждения к ним могут быть применены не иначе как на основании закона и в установленном порядке; 4) право-притязание, обеспечивающее возможность каждого осужденного обращаться в суд, прокуратуру, другие государственные органы и общественные образования с жалобами, заявлениями, предложениями в целях защиты нарушенного субъективного права.

В юридической литературе принято различать категории «уважение», «обеспечение», «защита», «охрана» достоинства.

Под уважением понимается признание достоинства личности осужденного, такая позиция представителей персонала органов, исполняющих меры уголовно-правового воздействия, по отношению к осужденному, которая предписывает не причинять последнему физического или морального вреда и реализуется в отношениях законности, справедливости, внимания к его убеждениям, законным правам и интересам.

Обеспечение прав, свобод и достоинства осужденных лиц имеет приоритетное значение в деятельности органов, исполняющих уголовные наказания, и выступает в качестве одной из основных задач. Проблематика обеспечения достоинства в учреждениях УИС находится в первую очередь в плоскостях выполнения персоналом режимных требований наказания, а также взаимоотношений конкретного лица с другими осужденными.

Охрана достоинства включает защиту и предупреждение посягательств, его нарушающих. Под защитой достоинства понимается восстановление нарушенного права на достоинство путем реализации мер правовой ответственности. Защита субъективных прав – это субъективное право каждого, которое свидетельствует как о принадлежности права конкретному субъекту, так и о наличии возможности совершения субъектом определенных юридических действий для достижения правового результата. Защита субъективного права на достоинство носит гарантированный характер, в качестве гаранта выступает Конституция.

Механизм юридической защиты достоинства осужденных предполагает определенную систему нормативных, институциональных, процедурно-организационных и контрольно-инспекционных элементов, взаимодействующих между собой. Структура этого механизма включает в себя: 1) нормативное регулирование; 2) правомерную деятельность субъектов права; 3) процедуру и организационные мероприятия; 4) ответственность и контроль; 5) учет общественного мнения; 6) учет экономических возможностей страны. Мировая

практика свидетельствует, что чем больше институтов, гарантирующих и охраняющих права и свободы человека, тем эффективнее их защита.

Понятия «защита» и «защищенность» следует различать. Если рассматривать категорию «социальная защита достоинства», то ее содержанием является совокупность социально-экономических и правовых, т. е. законодательно закрепленных экономических, правовых и социальных гарантий, их обеспечивающих. Социальная защита – это вид деятельности государства и его институтов, в том числе органов, исполняющих меры уголовной ответственности. Социальная защищенность – результат этой деятельности, состояние, отражающее уровень реальной защиты. С объективной стороны защищенность – это реальное состояние дел, которое характеризует уровень охраны прав осужденных лиц, а с субъективной – психологическое состояние осужденного относительно уровня его социальной защищенности и возможностей имеющихся у него средств защиты.

В структуре правовой защищенности можно выделить два элемента: 1) правовой статус осужденного как ее основу; 2) правовую защиту как существующие способы и средства ее обеспечения. Посредством правовой защиты гарантируется реализация тех возможностей, которые дает правовой статус, и обеспечивается состояние правовой защищенности. Вместе с тем правовое положение отдельных категорий осужденных существенно различается в зависимости от вида назначенного им наказания.

Таким образом, защита достоинства в данном контексте – это возможность применения к лицу, допустившему нарушение, организационных и иных мер, направленных на восстановление нарушенного права, либо дисциплинарной, административной или уголовной ответственности.

Правовая защита достоинства личности осужденного как определенный социальный механизм имеет морально-правовой характер. Она тесно связана с морально-этическим содержанием категории «достоинство» и с субъективным восприятием самого субъекта и лиц, обязанных защищать данное право и его обладателей. Правовой механизм защиты достоинства осужденных начинает действовать, как правило, по инициативе субъекта-правообладателя. Иное установлено в ст. 59 Конституции, согласно которой на государственные органы, должностных и иных лиц, которым доверено исполнение государственных функций по исполнению наказаний, возложена обязанность в пределах своей компетенции принимать необходимые меры для осуществления и защиты достоинства, прав и свобод осужденных лиц.

Защита права на достоинство носит правовой, юридически закрепленный характер. Это означает, что возможные способы и формы защиты содержатся в нормативно-правовых актах, в частности в Гражданском и Уголовном кодексах, Кодексе об административных правонарушениях Республики Беларусь (КоАП) и др. Защита предполагает применение принудительных правоохранительных мер, ее целью является восстановление нарушенного субъективного права на достоинство в рамках гражданско-правовых отношений или санк-

ционно-штрафная ответственность за административный проступок либо противоправное деяние. Основанием возникновения права на защиту является нарушение субъективного права лица. Следует отметить, что не могут рассматриваться в качестве основания защиты действия, связанные с законным применением правоохранительных мер, в том числе по исполнению наказаний, либо при отсутствии нарушения субъективного права. Применение мер, направленных на защиту, возможно только в отношении лица, допустившего нарушение субъективного права.

Гражданско-правовой порядок защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан предусмотрен в ст. 153 Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК), в соответствии с которой лицо вправе требовать по суду опровержения порочащей его деловую репутацию информации, если распространивший эти сведения не докажет, что они соответствуют действительности. Однако в условиях отбывания наказания в исправительном учреждении (ИУ) проблема защиты деловой репутации может быть неактуальной, да и реализовать право на такой иск достаточно сложно. Гражданско-правовая защита исходит из понятий социального статуса личности и деловой репутации субъекта. Вместе с тем при отбывании лишения свободы лицо в значительной мере объективно лишается того социального статуса, который оно имело до осуждения и который был основан на оценке со стороны гражданского общества моральных, деловых и иных качеств лица.

Оскорбление чести и достоинства может сопровождаться взысканием компенсации морального вреда. В этом вопросе важное значение имеет понятие морального вреда. Профессор Н. С. Малейн пишет, что вред – это юридический факт, который порождает обязательство его возместить. Вред ученый считает социальным понятием и определяет его как последствие посягательства на общественные отношения и нарушения охраняемых законом прав, свобод и интересов государства, организаций или отдельных граждан. Всякое посягательство на честь и достоинство означает нарушение, которое представляет собой вред для общества [15]. В деле защиты чести и достоинства, по мнению профессора Н. С. Малейна, ключевым является понятие «страдание», которое, будучи чисто психологическим термином, приобретает в этом случае правовое значение. Однако страдание может стать правовым явлением лишь в том случае, если гражданину причинен указанный вред действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом. Таким образом, страдание как психологическое понятие будет нести правовую нагрузку лишь тогда, когда суд установит и вынесет решение, что эти страдания являются следствием действия обязанного лица. В иных обстоятельствах «страдание» как психологическое понятие не может нести юридическую нагрузку.

В теории уголовного права Н. С. Таганцев еще на рубеже XIX–XX вв. писал, что всякое наказание должно быть страданием для виновного, страдани-

ем, им лично отбываемым [16, с. 116]. В психологии страдание рассматривают как одну из фундаментальных эмоций, сигнализирующую человеку о воздействии на него неблагоприятных факторов, а также как собственно процесс неприятных переживаний субъектом воздействующих на него негативных факторов физического, социального и нравственного характера. Страдания представляют собой, по сути, эмоции в виде отрицательных переживаний человека, затрагивающих его личные структуры, психику, здоровье, самочувствие, настроение. Это свидетельствует о том, что источником нравственных страданий субъекта является прежде всего посягательство на его социальный статус, включая честь и достоинство, личные убеждения и т. д.

В отличие от нравственных физические страдания связаны с причинением человеку физической боли. Нравственные или физические страдания человек может претерпевать во многих случаях, в том числе и в результате неправомерных действий со стороны других лиц, однако право на компенсацию морального вреда возникает только при определенных условиях, равно как и обязательство в отношении его компенсации. К таким условиям относятся: претерпевание морального вреда, т. е. нравственных или физических страданий, а в иных случаях – и тех и других; неправомерное действие причинителя вреда; причинная связь между неправомерным действием и моральным вредом; вина причинителя морального вреда.

Законодательство предусматривает возможность правовой защиты достоинства осужденных в ИУ путем привлечения виновных лиц к административной или уголовной ответственности. В отношении персонала УИС такая ответственность наступает, если унижение достоинства переросло в злоупотребление служебными полномочиями. Однако следует иметь в виду, что такие деяния, ущемляющие достоинство осужденного, в значительной мере латентны, поскольку осужденный предпочитает о них не жаловаться и не обращаться за официальной защитой.

В вопросе защиты достоинства возможна специфическая ситуация, когда окружающие объективно оценивают личность осужденного заметно ниже существующей у лица самооценки, соответственно, конкретное лицо с субъективной точки зрения может считать, что чувство его собственного достоинства ущемлено, однако реализовать защиту правовыми средствами в этом случае нет возможности.

В российской юридической литературе имеются предложения о дополнении Уголовного кодекса Российской Федерации статьей «Оскорбление со стороны должностного лица», т. е. «Оскорбление, совершенное должностным лицом при исполнении им своих служебных полномочий...».

Вопросы обеспечения достоинства лица, осужденного к наказаниям в виде ареста, лишения свободы и пожизненного заключения, связанным с изоляцией от общества в исправительном учреждении, требуют отдельного рассмотрения. Характерной чертой личности осужденного в местах лишения свободы является потеря того социального статуса, который она имела до осуждения

и который был основан на оценке со стороны общества его моральных, личностных, деловых и иных качеств. Утрата статуса означает потерю места личности в социальной структуре общества и в системе общественных отношений. Исполнение наказания с приданием личности статуса осужденного фактически означает временное исключение человека из обычных условий жизни общества, определение в отношении такого лица подконтрольного состояния со стороны соответствующих органов в связи с осуждением, а исполнение лишения свободы означает содержание личности в условиях изоляции от общества и исключение из привычной социокультурной среды. Утраченный социальный статус и после отбытия срока лишения свободы и погашения судимости в определенных случаях не может быть восстановлен в полной мере.

Лишение свободы предполагает резкое воздействие на достоинство, снижение социального статуса личности, связанное с помещением ее в социально-негативную среду, что не может не вызывать у осужденного целого комплекса отрицательных социально-психологических и поведенческих проявлений.

Отдельно следует рассмотреть право на достоинство осужденных, приговоренных к лишению свободы и иным наказаниям с изоляцией от общества. В отношении осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, следует заметить, что некоторые из них пассивны в вопросах собственной самооценки, характерной для достоинства, т. е. не проявляют необходимой для этого интеллектуальной или физической активности. Вместе с тем, находясь в исправительном учреждении, т. е. социуме, человеку надо в первую очередь понять для себя – кто он и как ему жить дальше, а во вторую – дать это понять окружающим, т. е. существует объективная потребность к осуществлению лицом самооценки и выражению субъективной меры достоинства. В то же время, отбывая наказание в виде лишения свободы, некоторые осужденные объективно теряют свою индивидуальность, утрачивая чувство собственного достоинства. С. В. Познышев в начале XX в. говорил о нравственном вырождении значительного процента преступников, которое выражается в отсутствии, полной или частичной атрофии нравственных эмоций (сострадания, жалости, уважения к личности, чувства справедливости, чувства долга, чувства чести и человеческого достоинства и т. д.) [17, с. 111]. Современные российские исследователи также отмечают, что низкие моральные стандарты (пренебрежительное отношение к труду, семье, правовой нигилизм и т. д.) характерны для 92% осужденных, отбывающих наказания в тюрьмах России [18, с. 19]. В свою очередь, условия жизни и быта в ИУ сами по себе служат причиной повышенной эмоциональной, межличностной, межгрупповой напряженности, тревожности, раздражительности осужденных, способствуя психологическому нигелизму.

Осужденный, находясь в учреждениях УИС, психологически идентифицирует себя с этой системой, считает самого себя ее частью. Именно в качестве реакции на неестественные для человека условия изоляции от общества

у осужденных появляется стремление к самоорганизации, созданию собственной неофициальной социальной стратификации со своими ролями, правилами поведения, статусами, что также оказывает влияние на формирование правового и морального климата в ИУ.

При исполнении лишения свободы вопрос охраны и защиты достоинства, прав и свобод личности приобретает особую остроту. В данном случае существует опасность умаления достоинства осужденных, содержащихся в ИУ. О том, что насилие среди осужденных в ИУ распространено, известно давно [19]. Концентрация криминогенной части населения в условиях ограниченного жизненного пространства отрицательно влияет на обеспечение и защиту достоинства. В общественном сознании исправительные и тюремные учреждения ассоциируются с насилием. Следует признать, что насилие и достоинство – это явления, которые находятся на разных полюсах, поскольку насилие подавляет достоинство, а обеспечение достоинства сокращает насилие. В то же время в условиях пенитенциарной системы достоинство следует безусловно обеспечивать, а насилию противостоять.

Прибывая в ИУ, осужденный попадает в сложную и не свойственную для него психологическую обстановку, которую психологи определяют как стресс. Социологические исследования свидетельствуют, что прибывший осужденный психологически готов как к физическому, так и к психическому насилию. При этом он понимает, что его жизнь перешла в другую плоскость, где имеют место другие жизненные ценности и условия, налицо уменьшенное жизненное пространство и отличные от прежних жизненные приоритеты. Объективно среда диктует осужденному другой уровень притязаний в сфере достоинства.

Но вопреки распространенному мнению и с точки зрения самих осужденных, среда мест лишения свободы не воспринимается ими как исключительно жестокая и невыносимая. Но здесь имеет место изменение критериев оценки, одно и то же действие может рассматриваться как жестокое и насильственное в повседневной жизни, а в ИУ оно приобретает иную оценку, становясь обыденной нормой. В среде осужденных человек вынужден поднимать планку своей чувствительности к насилию, подобно тому, как лишения, страдания и смерть во время войны теряют свой исключительный характер. Силовое разрешение некоторых ситуаций приобретает характер неизбежности, поскольку сотни осужденных в исправительных колониях проживают в условиях ограниченного жизненного пространства, имеют разный уровень культуры, разные представления о достоинстве, некоторые из них культивируют противоправное поведение как способ разрешения возникающих проблем. Снижая собственные установки в отношении достоинства, осужденный в значительной мере зависит от воли государства в деле организации процесса отбывания наказаний и в значительной меньшей степени от имеющихся собственных возможностей. Исследования свидетельствуют, что логика вынужденного смирения с насилием в закрытых общностях людей позволяет говорить о присутствии в их повседневной жизни насилия как в легальных, так и нелегальных формах, что несовместимо с правом на достоинство.

В целях обеспечения достоинства личности при исполнении наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия следует развивать правовые механизмы-гаранты обеспечения достоинства осужденных. Эти механизмы разноплановы по содержанию и образуют систему средств и факторов, обеспечивающих необходимые условия уважения прав и свобод человека, вытекающих из достоинства, присущего человеческой личности, но с учетом установленных в отношении осужденных правоограничений. Рассмотрим гарантии обеспечения достоинства осужденных подробнее.

1. В первую очередь необходимо остановиться на философско-социальной основе исполнения мер уголовной ответственности. Нравственное значение обеспечения достоинства личности в процессе исполнения наказаний заключается в поиске ответа на дискуссионный вопрос о том, как уголовное наказание оценивается гражданским обществом и чем оно является для общества: социальным благом или, наоборот, социальным злом? Большая часть юристов – и ученых, и практиков – убеждены, что наказание – это социальное благо. Благо по той причине, что с помощью наказания и иных мер уголовной ответственности общество борется с преступностью и защищает себя от произвола преступника [20]. Альтернативную точку зрения сформулировал великий русский писатель Лев Толстой словами: «Всякое наказание преступно».

В современной иностранной юридической литературе концепция наказания как социального зла распространена, ее сторонниками являются, например, профессор Н. Кристи из университета Осло [21, с. 16], американские ученые-юристы. Они говорят о так называемом кризисе наказания и необходимости расширения применения альтернативных мер уголовно-правового воздействия.

Дискуссия об оценке роли наказания имеет практическое значение, поскольку она является социально-психологической основой для деятельности персонала ИУ. Если исходить из того, что наказание является благом, получается, что всякий осужденный, который в ИУ нарушает режим и противится воспитательному воздействию, – противится благу, которое ему пытаются привить. Тогда он враг самому себе и противник системы исполнения наказаний. Такая философско-нравственная основа является благодатной почвой для морального оправдания действий по применению излишней жесткости и иных злоупотреблений в отношении осужденных.

На наш взгляд, следует исходить из концепции оценки наказания как социального зла, но зла вынужденного, которое общество вынуждено применять в отношении преступника с целью его исправления, ресоциализации и возврата в общество законопослушным гражданином. Концепция социального зла будет способствовать гуманизации исполнения наказаний и позволит решить следующие задачи: 1) минимизация правоограничений (зла) в отношении осужденного, т. е. назначение ему наказания с минимальными ограничениями его прав и свобод, которые вместе с тем будут достаточны для эффективного достижения целей уголовной ответственности; 2) расширение

сферы применения менее суровых наказаний, в том числе не связанных с изоляцией от общества; 3) активизация поиска альтернативных наказанию более гуманных мер воздействия на преступников – пробация, отсрочка и т. д.; 4) способствование обеспечению достоинства личности осужденного.

Международное сообщество считает, что «пенитенциарной системой должен предусматриваться режим для заключенных, существенной целью которого являлось бы их исправление и социальное перевоспитание» (ст. 10 Пакта). В этом плане особое значение имеет реализация нравственно-гуманистических начал процесса правоприменения и исполнения наказаний и иных мер уголовной ответственности. Здесь очевидна недостаточность только принятия адекватных законов, необходима их правильная реализация, отвечающая современным гуманным и нравственно-этическим требованиям. Важную роль играют и моральные качества самого правоприменителя: следователя, судьи, работника уголовно-исполнительной системы.

2. Следующим проблемным моментом в деле обеспечения достоинства личности в сфере уголовного правосудия и исполнения наказаний, который признан международным сообществом и заслуживает особого внимания, является запрет подвергать лицо пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. В Конституции установлено, что «никто не должен подвергаться пыткам, жестокому, бесчеловечному либо унижающему его достоинство обращению или наказанию, а также без его согласия подвергаться медицинским или иным опытам». Сегодня применение пыток признается международным правом грубым нарушением прав человека и сурово осуждается. Эти положения интегрированы во внутреннее законодательство многих государств, в том числе Республики Беларусь. Данное требование носит абсолютный характер и распространяется на всех без исключения, независимо от их социального и правового статуса: никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению и наказанию.

Реализация этих положений находит выражение в том, что жестоких наказаний или наказаний, носящих характер пытки или унижающих человеческое достоинство, в системе наказаний действующего УК нет. Сегодня нельзя не признать, что пытка – одна из наиболее опасных форм посягательства на личность и ее достоинство, нарушающая важнейшие правовые, морально-этические, социальные и иные установленные законом права. Но так было не всегда. В средние века во многих странах пытка признавалась основным официальным средством получения «доказательств», воздействия на личность. И если психологические последствия оправдательной аргументации такого поведения во многом уже преодолены, то в отношении осужденных этот рудимент еще встречается, находя свое воплощение в оправдании излишней жесткости в обращении с осужденными, что находит воплощение, в частности, в поговорке «тюрьма не санаторий, все средства хороши».

В Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, которая принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1984 г., пытка определяется как любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия. В УК определение пытки аналогичного содержания было введено в примечании к ст. 128 Законом Республики Беларусь от 05.01.2015 г., в котором особо отмечено, что в это определение не включаются боль или страдания, которые возникают вследствие применения мер процессуального или иного законного принуждения.

Пытка, жестокое обращение, унижение достоинства в сфере исполнения уголовных наказаний являются следствием превышения полномочий в рамках реализации законных принудительных мер, поэтому как указанные выше действия можно квалифицировать только деяния сотрудников государственных органов и учреждений, наделенных полномочиями по применению и реализации мер принуждения. Иные действия, совершаемые в отношении осужденного с целью принудить его к чему-либо или сломать его волю, следует, по нашему мнению, рассматривать в зависимости от мотива и цели исполнителя как побои, истязание или принуждение.

В целях предотвращения пыток во исполнение требований вышеупомянутой Конвенции против пыток государства – участники этой Конвенции взяли на себя обязательство по созданию национального превентивного механизма. Например, в Республике Казахстан создан и действует Национальный превентивный механизм в виде системы предупреждения пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, предусмотренный гл. 3-1 УИК Республики Казахстан, кодекс которой был дополнен законом Республики Казахстан от 02.07.2013 г. Участники национального превентивного механизма Республики Казахстан посещают учреждения, исполняющие наказания (ИУ, следственные изоляторы, гауптвахты), и иные организации. Эти посещения носят наименование так называемых превентивных посещений. В УИК Республики Казахстан в качестве участников национального превентивного механизма определены Уполномоченный по правам человека, отбираемые Координационным советом члены общественных наблюдательных комиссий и общественных объединений, осуществляющих деятельность по защите прав, законных интересов граждан, а также юристы, социальные работники, врачи. Важно отметить, что расходы участников нацио-

нального превентивного механизма по превентивным посещениям осуществляются за счет средств бюджета.

Координация деятельности участников национального превентивного механизма возложена на Уполномоченного по правам человека, при котором для этой цели создан Координационный совет. Последний взаимодействует с Подкомитетом по предупреждению пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания Комитета ООН против пыток. Координационный совет готовит ежегодный консолидированный доклад участников национального превентивного механизма с учетом их отчетов по результатам превентивных посещений.

Следует признать обоснованной тревогу международного сообщества о том, что специфика функционирования пенитенциарной системы способна генерировать повышенную опасность нарушения достоинства, прав, свобод и законных интересов личности. В связи с этим в законодательстве Республики Беларусь в качестве мер противодействия следовало бы предусмотреть создание специального механизма предотвращения пыток, жестокого или унижающего достоинство обращения и наказания, реализовав соответствующие изменения и дополнения в УИК и приняв иные законодательные акты по данному вопросу. Что касается превентивных посещений, то введение в республике института Уполномоченного по правам человека и наделение его правом превентивных посещений способствовало бы приданию целостности правовой системе защиты достоинства, прав, свобод и законных интересов осужденных. Предложения относительно введения данного института широко представлены в белорусской юридической литературе [22].

3. Эффективность деятельности механизмов обеспечения достоинства и прав осужденных лиц в значительной мере зависит от персонала органов, исполняющих наказания и иные меры уголовной ответственности. Практика свидетельствует, что опасность умаления достоинства осужденных существует и со стороны лиц, ответственных за организацию исполнения наказания. Свидетельство осознания этого факта со стороны международного сообщества и нашло выражение в разработке и принятии вышеназванной Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

В отечественной и зарубежной литературе, посвященной пенитенциарным проблемам, акцентируется внимание и обосновывается необходимость специфических требований, предъявляемых к сотрудникам УИС. На особенности личностных качеств персонала обращал внимание еще российский император Петр I: «Тюрьма есть ремесло окаянное, и для скорбного дела сего зело истребованы люди твердые, добрые и веселые».

В число профессионально значимых качеств сотрудников органов, исполняющих наказания и иные меры уголовной ответственности, А. Д. Глоточкин, В. Ф. Пирожков, Е. А. Пономарева включают следующие: эмоциональную устойчивость, развитые педагогические и коммуникативные способности, нрав-

ственную активность, психологическую готовность к службе, устойчивость к неблагоприятному влиянию среды осужденных [23, с. 325]. На основе психологического тестирования были выявлены типичные личностные профили сотрудников ИУ. Предполагается, что персонал этих органов должен обладать высоким уровнем самоконтроля, эмоциональной устойчивостью, отсутствием хронической тревожности, склонности к депрессивным состояниям и паническим реакциям. В межличностных отношениях они должны избегать конфликтов, проявлять склонность к сотрудничеству, гибкость в разрешении острых служебных ситуаций [24].

Унижение достоинства человека в уголовно-исполнительных отношениях с субъектным составом «должностное лицо – осужденный» следует связывать не с самим применением мер уголовной или иной юридической ответственности, а прежде всего с характером поведения официальных лиц при исполнении ими служебных обязанностей. В работах по уголовно-исполнительному праву обращается внимание на проблему профессиональной деформации сотрудников органов, исполняющих наказания.

Лица, отбывающие наказание, склонны оценивать представителей органов, исполняющих наказание, в зависимости от того, насколько они могут облегчить бремя их ограничений в процессе отбывания лишения свободы. Эта мотивация значительно определяет отношение осужденных к представителям администрации, от которых зависит очень ценная осужденными возможность их защиты от различного рода угроз, а также расширение на доступ к материальным благам или иным льготным условиям содержания, иногда в противоречие с предписаниями закона. Социологические опросы осужденных свидетельствуют, что многие из них убеждены в том, что администрация не способна защитить их от преступных посягательств. Российские исследователи отмечают, что большая часть осужденных предпочитают обеспечить свою личную безопасность самостоятельно или обратившись к «смотрящему» (31,4%), криминальному «авторитету» (9,1%), и только 29,7% осужденных, отбывавших наказание неоднократно, считают, что администрация может защитить их от преступных посягательств только в зависимости от конкретной ситуации. К администрации ИУ, прокурору готовы обратиться не более 5% осужденных [18, с. 19]. Белорусские ученые В. Б. Шабанов и М. Ю. Кашинский указывают, что в ходе опросов только 32,6% осужденных ответили, что чувствуют себя в безопасности, находясь в учреждении УИС, 24,8% респондентов затрудняются ответить на этот вопрос, а 42,6% осужденных не могут чувствовать себя в безопасности [25, с. 47], в связи с чем исследователи полагают, что в УИС необходимо практически реализовать мероприятия, обеспечивающие безопасность каждому осужденному, что законодательно гарантировано (ст. 11 УИК).

Проблематика безопасности в среде осужденных существенно влияет на обеспечение достоинства, мотивацию поведения осужденных и их доверие к администрации, поскольку некоторые осужденные в большей степени наде-

ются на свои силы, на неформальных лидеров из их среды, чем на администрацию. В связи с этим администрации ИУ следует активизировать проведение мероприятий по практической реализации существующих законодательных положений, по выявлению и устранению причин и условий, представляющих угрозу безопасности осужденных, а также персонала, в том числе конфликтных ситуаций в среде осужденных, неправомерных действий сотрудников ИУ, нарушений законности, необеспечение установленных условий размещения и порядка отбывания наказания и некоторых других.

На возникновение взаимной агрессивности и формирование неприязненных отношений в среде мест лишения свободы влияет сам факт изоляции лиц, отбывающих наказание, ведь эта изоляция и является одним из выражений наказания. В специальной литературе отмечается, что в системе межличностных отношений, в которую осужденные включаются помимо своего желания, насилие является одним из способов разрядки психологической напряженности, а также методом решения многих неофициальных статусных и материальных проблем.

В учреждениях УИС достаточно распространено аутодеструктивное поведение осужденных, которое характеризуется разрушением личностных черт вплоть до лишения себя жизни и в значительной степени является зеркалом, отражающим степень решения проблем обеспечения достоинства лиц, отбывающих лишение свободы, и степени их правовой защищенности. Способы причинения себе вреда достаточно разнообразны – голодовка, членовредительство (сознательное причинение себе различных ран, порезов, ожогов, проколов, нанесение травм, самоотравление), нанесение татуировок, искусственный вызов различных заболеваний, попытка самоубийства, самоубийство. Причинами этих явлений, по мнению В. Б. Шабанова и М. Ю. Кашинского, могут быть: 1) недостаточная работа по практическому применению норм УК, поскольку, согласно данным социологического опроса практических работников по факту самоубийства в учреждении УИС, уголовные дела по ст. 145 и 146 УК не возбуждались по следующим причинам: отсутствие фактов – 34,9%, сложности в доказательствах состава преступления – 20,7, возбужденное уголовное дело может повлиять на показатели работы учреждения – 6,6% [26, с. 45–46]; 2) высокая латентность некоторых форм аутодеструктивного поведения, что характерно не только для учреждений УИС, но и для общества в целом; 3) недостаточность внимания к данным проблемам в целом, ведь Республика Беларусь относится к государствам с высоким уровнем суицидов и, по данным ВОЗ, в некоторые годы находилась в первой десятке стран в мире по коэффициенту самоубийств.

4. Механизмом-гарантом в деле обеспечения достоинства осужденных лиц и их законных прав и свобод является открытость деятельности учреждений и органов УИС и общественный контроль за законностью их деятельности. Задачу контроля общественности за законностью деятельности в органах УИС следует решать во взаимодействии с институтами гражданского общества.

Под общественным контролем в местах принудительного содержания осужденных понимается добровольная, некоммерческая деятельность, направленная на защиту неотъемлемых прав осужденных и иных содержащихся в них лиц, ориентацию их на исправление и ресоциализацию, соблюдение ими законности в своей деятельности, на обеспечение эффективности работы ИУ и иных органов, их открытости для общества.

Стандарты деятельности учреждений пенитенциарной системы, выработанные международным сообществом, и практика исполнения мер уголовной ответственности в развитых странах мира показывает, что государственный контроль за соблюдением прав лиц, находящихся в местах лишения свободы и принудительного содержания, не в состоянии эффективно охватить все имеющиеся в стране учреждения. Вектором развития в XX в. стала реализация программы открытости и прозрачности деятельности системы исполнения уголовных наказаний. Без механизма полноценного общественного контроля за соблюдением прав лиц, находящихся в местах лишения свободы и принудительного содержания, невозможно говорить об обеспечении достоинства личности осужденного и иных важнейших прав человека, а также о перспективах их исправления и ресоциализации.

Принцип демократизма, закрепленный в ст. 6 УИК, проявляется в привлечении общественности в процесс воспитания и исправления осужденных, в предоставлении общественным образованиям права контролировать деятельность ИУ и других органов, исполняющих наказания. В УИК закреплено, что общественное воздействие является одним из основных средств достижения целей уголовной ответственности в процессе ее применения. Несмотря на то что исполнение наказания является исключительной прерогативой государства и его органов, уголовно-исполнительное законодательство регулирует порядок и формы участия общественности в процессе исполнения наказаний и способы осуществления контроля за деятельностью органов, исполняющих наказания.

В Республике Беларусь общественный контроль за деятельностью органов, исполняющих меры уголовной ответственности, осуществляется: 1) представителями гражданского общества посредством участия в работе наблюдательных комиссий или комиссий по делам несовершеннолетних; 2) общественными объединениями посредством участия их представителей в работе общественных наблюдательных комиссий; 3) общественными организациями иной деятельности (попечительские советы, общественные воспитатели, средства массовой информации и др.). Однако последняя выступает средством общественного воздействия на осужденных и не обладает властно-контрольными функциями.

Полномочия общественного контроля в нашей стране возложены в первую очередь на наблюдательные комиссии, действующие на основании Положения о наблюдательных комиссиях при областных (Минском городском), районных, городских исполнительных комитетах, местных администрациях,

утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 28.08.2001 г. № 460. Наблюдательные комиссии осуществляют общественный контроль за деятельностью органов, исполняющих наказание, а также общественное воздействие на осужденных и проводят с ними воспитательную работу в целях их исправления. Основными задачами наблюдательных комиссий при местных исполнительных органах являются наблюдение за деятельностью органов, исполняющих наказание, за порядком и условиями отбывания осужденными наказания, применением к ним средств профилактического воздействия; выявление нарушений и содействие в их устранении; оказание помощи учреждениям и органам, исполняющим наказание, в организации исправительного процесса, а местным исполнительным и распорядительным органам – в обеспечении ресоциализации лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Члены наблюдательных комиссий имеют право посещать органы, исполняющие наказание, и организации, в которых работают лица, осужденные к наказанию в виде общественных работ, исправительных работ, ограничения свободы, в целях наблюдения за осуществлением исправительного процесса в отношении этих лиц.

В исправлении несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы в воспитательных колониях, и осуществлении общественного контроля за деятельностью этих колоний участвуют комиссии по делам несовершеннолетних при местных исполнительных и распорядительных органах. Задачи и права комиссий по делам несовершеннолетних в сфере общественного контроля в известной мере соответствуют, с учетом специфики, задачам вышеуказанных наблюдательных комиссий. Обе названные формы общественного контроля характеризуются тем, что выполнение ими общественных функций сочетается с государственно-властными полномочиями при исполнении уголовных наказаний, которыми их наделил закон.

По сравнению с наблюдательными комиссиями и комиссиями по делам несовершеннолетних при местных исполнительных и распорядительных органах контрольные функции общественных объединений и создаваемых ими общественных наблюдательных комиссий значительно уже. Их контроль заключается в общественном наблюдении за законностью деятельности органов, исполняющих наказания, и соблюдением прав человека. Осуществляется он посредством участия представителей общественности в работе общественных наблюдательных комиссий, создаваемых при Министерстве юстиции и его органах на местах. Порядок образования и деятельности общественных наблюдательных комиссий регулируется Постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь № 85 от 15.12.2006 г.

В Российской Федерации общественный контроль регулируется на более высоком законодательном уровне посредством принятого в 2008 г. Федерального закона «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания», который направлен на преодоление закрытости

таких учреждений и исходит из необходимости восстановления и развития различных форм общественного контроля и попечения над тюрьмами, сложившихся в России еще в начале XIX в., в современных условиях. В Российской Федерации общественный контроль в местах принудительного содержания осуществляют члены общественных наблюдательных комиссий, образуемых в субъектах Федерации. Они избираются на срок, установленный Общественной палатой Российской Федерации, и осуществляют свою деятельность в пределах субъекта Федерации, в котором образованы в составе не менее 5 и не более 20 членов. Их основными задачами являются следующие: осуществление общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания; подготовка заключений, предложений и обращений по результатам осуществления общественного контроля; содействие и сотрудничество с общественными объединениями, администрациями мест принудительного содержания, органами государственной власти и органами местного самоуправления. Члены общественных наблюдательных комиссий при осуществлении общественного контроля вправе посещать места принудительного содержания без специального разрешения со стороны администрации.

Белорусское законодательство по вопросам общественного контроля в целом соответствует современным требованиям. Однако парадигма правового решения этих вопросов не претерпела существенных изменений по сравнению с ранее действующим исправительно-трудовым законодательством. В настоящее время реальное состояние дел требует учета новых подходов к обеспечению и защите прав человека в сфере отправления уголовного правосудия, что связано с активизацией деятельности общественного контроля. Во многих государствах постсоветского пространства по указанным вопросам были приняты новые законы об общественном контроле и превентивных посещениях, которые способствовали расширению и развитию практики общественного контроля, что следовало бы осуществить и в нашей республике.

5. Следующий компонент механизма обеспечения достоинства может быть определен как дальнейшее «очеловечивание» условий содержания в местах лишения свободы, которые сегодня в целом соответствуют Минимальным стандартным правилам ООН, однако развитие экономической и социальной сфер постоянно выдвигает новые потребности в этом направлении. В современных условиях, раскрывая право на достоинство через систему прав и свобод, которые в нашем обществе гарантируются каждому человеку, в понятие «достоинство личности» следует включать не только обладание определенной правовой свободой, характерной для осужденных лиц, принцип законности деятельности органов, исполняющих наказания, но и минимальный набор социальных благ, необходимых для достойной жизни, в том числе в условиях отбывания уголовного наказания, с учетом уровня экономических возможностей государства. В целях обеспечения достоинства осужденных лиц необходимо критически проанализировать правоограничения, присущие наказани-

ям, с учетом сформулированного в международных документах положения о том, что отличие между порядком и условиями отбывания лишения свободы и жизнью на свободе должно быть минимальным, щадящим человеческое достоинство.

В течение ряда последних лет наблюдается благоприятная тенденция снижения числа зарегистрированных в республике преступлений и количества осужденных лиц. Но в периоды сложной криминогенной обстановки звучали призывы к усилению строгости наказаний и обращения с лицами, которые попадают в сферу уголовной ответственности в качестве задержанных, подозреваемых, обвиняемых, содержащихся в местах отбывания наказания. В числе политических решений называются меры, связанные с усилением строгости наказания и его сроков, ужесточением условий отбывания и режима содержания. Однако общеизвестно, что значение уголовной ответственности и наказания в жизни общества состоит в том, что они выступают дополнительными средствами борьбы с преступностью. Главными средствами являются мероприятия экономического, социального, нравственного и иного характера. Уголовная ответственность и наказание не решают и не могут решить задачу ликвидации преступности, способствуя лишь ее сокращению. В связи с этим еще Чезаре Беккариа писал, что не неоправданная жестокость, а неотвратимость наказания играют главную роль в деле предупреждения преступлений [26].

6. Принцип уважения достоинства основан на незыблемых постулатах гуманизма и доброжелательности в отношениях между людьми, общественно полезной деятельности как источника существования человека в обществе. Однако криминальная среда способна генерировать специфическую субкультуру, под которой следует понимать совокупность исторически сложившихся и неофициально узаконенных в этой среде стереотипов поведения лиц, нарушивших уголовный закон [27]. «Философия» криминальной субкультуры включает специфические требования и положения, не вмещающиеся в общепринятое понятие достоинства. Личности преступника присущ особый уровень индивидуального и группового сознания, основу которого составляют нравственный и правовой нигилизм и даже цинизм по отношению к основополагающим ценностям общества. Так, считается нормальным отрицание своей вины, стремление уйти от ответственности за содеянное, оправдание нормами «воровских законов» преступного образа жизни, существование в местах лишения свободы извращенных эстетических и культурных потребностей. Антинормы этой субкультуры играют в деле достоинства отрицательную роль, они требуют усилий со стороны общества по противодействию их распространению как в пределах зоны, т. е. мест лишения свободы, так и в масштабах общества.

В рамках субкультуры формируются неофициальные требования относительно поведения в местах лишения свободы, поощряется противопоставление осужденных администрации ИУ, распространяются мифические ореолы «правильного» заключенного со специфическим пониманием «честности»,

«достоинства», «порядочности», оправдываются деяния конкретных преступников, «жизнь по понятиям» и т. д. Общение с другими осужденными делает тюремную субкультуру осужденных неизбежным феноменом, элементами которой становится неформальная (неофициальная) организация общности заключенных, а также наличие неофициальных норм, регулирующих процесс общения между собой и с администрацией ИУ. В этом плане любое нарушение неофициальных норм является недопустимым и карается со стороны преступного сообщества. В местах лишения свободы существует особая психология отношений и управления внутри определенных категорий осужденных лиц, которая выработана преступным сообществом.

Как социальное явление, формирующее внешнюю среду взаимоотношений в местах лишения свободы, уголовная субкультура характеризуется следующими признаками: а) латентный, тайный, неофициальный характер; б) наличие социальных носителей в виде неформальных малых групп отрицательной направленности; в) ярко выраженная негативная позиция к официально установленным нормам и требованиям; г) наличие собственных норм поведения, обязательных для выполнения, собственной атрибутики, символики и условностей; д) обязательная стратификация с выделением специфических кастовых групп. Вместе с тем субкультура осужденных социально детерминирована: с одной стороны, изоляцией от общества и комплексом режимных требований и условий в местах лишения свободы, с другой – самовоспроизводящейся системой, генерирующей специфическую тюремную социокультурную среду за пределами зоны. За нарушение установленных неофициальных норм предусмотрены санкции, которые включают в себя не только изгнание из «своей» касты лиц, нарушивших правила, либо лишение занимаемого статуса или перевод в статус наиболее низких категорий, но и применение физического насилия в различных формах его проявления вплоть до лишения жизни. Как отмечают российские исследователи, необходимым и важным элементом тюремной субкультуры является наличие сконцентрированной денежной массы, аккумулируемой в своеобразных фондах взаимной помощи заключенных – общаке, основной смысл существования которого заключается в создании необходимой материальной базы для защиты коллективных интересов, а также в помощи малоимущим, иным заключенным. Привлекательность субкультуры обусловлена тем, что в ней имеются возможности для самоутверждения осужденных и компенсации неудач, постигших их в обществе.

В работах белорусских исследователей предлагается выделять следующие неформальные группы осужденных: 1) осужденные с отрицательной направленностью поведения (криминальные авторитеты, лидеры групп). К ним примыкают «блатные» – осужденные из непосредственного окружения авторитета, придерживающиеся уголовных традиций, а также рядовые исполнители, именуемые «пристяжь», «быки», «шестерки». Их доля в общей массе составляет примерно 5–17%. Для представителей данной группы основным регулятором выступают неформальные нормы, сформулированные в «воровском

законе». Для них характерны оппозиция или открытое противодействие администрации ИУ, уклонение от участия в трудовой деятельности, стремление доминировать над другими осужденными и жить за их счет. Они поддерживают нарушителей режима, противодействуют работе самодеятельных организаций осужденных, ведут борьбу с активом колонии за сферы влияния; 2) осужденные с нейтральной направленностью поведения, относящиеся нейтрально как к официальным, так и неофициальным нормам. Составляют самую многочисленную часть общности осужденных (около 60%). Они внешне солидарны с официальными нормами и выполняют требования администрации, не нарушают режим, работают на производстве, однако открыто не осуждают поведения нарушителей режима, уклоняются от прямой поддержки инициатив администрации ИУ и актива колонии, считаясь в то же время с неофициальными нормами среды осужденных; 3) осужденные, сотрудничающие с администрацией учреждения и тем самым нарушающие неофициальные нормы (их около 20%). Их поведение ориентировано на соблюдение правил внутреннего распорядка, стремление позитивно изменить себя и оказывать помощь администрации учреждения. Эта группа включает лиц, доказавших свое исправление или твердо вставших на путь исправления, которые активно участвуют в трудовом процессе и общественно полезной деятельности, в работе самодеятельных организаций; 4) осужденные, выполняющие в неформальной среде роль отверженных, которые когда-то нарушили либо были заподозрены в нарушении неофициальных норм. Они являются самой угнетаемой и презираемой всеми категорией, доля в общей массе составляет 3–12%. Раньше в эту группу входили преимущественно лица, склонные к гомосексуализму в пассивной форме или имеющие психические отклонения. В настоящее время их состав расширился за счет лиц, проигравшихся в карты, уличенных в краже у других осужденных; заподозренных в сотрудничестве с администрацией учреждения; изгнанных из «воровской касты» за нарушение традиций и правил поведения [25, с. 80–81].

Обеспечение достоинства в условиях учреждений УИС должно быть основано на требовании детального изучения индивидуальных качеств лиц, отбывающих наказание [28, с. 9]. Указанные характерные особенности каждой группы подлежат учету при организации деятельности администрации ИУ по исправлению и ресоциализации осужденных и обеспечению их достоинства, поскольку уже само существование стратификации является прямой причиной неравенства осужденных в вопросах достоинства личности в ее общепринятом значении.

7. Эффективным механизмом, направленным на обеспечение личного достоинства осужденных лиц, является право осужденных на подачу предложений, заявлений и жалоб, которое закреплено в ст. 13 УИК. Закон предусматривает особый порядок направления предложений, заявлений и жалоб осужденных к аресту, лишению свободы, пожизненному заключению или смертной казни. Адресованные в суд, прокуратуру и другие государственные органы,

общественные объединения, они направляются через администрацию учреждений, исполняющих наказание. Обращения указанных осужденных, адресованные в органы, осуществляющие государственный контроль и надзор за деятельностью учреждений, исполняющих эти наказания, просмотру и цензуре не подлежат и не позднее суток направляются адресату. Другие обращения осужденных подвергаются цензуре. Предложения, заявления и жалобы, содержащие нецензурные выражения, а также унижающие честь и достоинство работника ИУ, адресату не направляются. Такие письма приобщаются к материалам личного дела осужденного, а подавшие их лица привлекаются к ответственности. В местах лишения свободы разрешены только индивидуальные обращения, осужденные вправе подавать предложения, заявления и жалобы только от своего имени. Обращения осужденных без подписи рассмотрению и направлению адресату не подлежат.

Осужденные к видам наказания, не связанным с изоляцией от общества, или к иным мерам уголовной ответственности направляют обращения самостоятельно в общем порядке. Письменные обращения должны быть рассмотрены не позднее пятнадцати дней, а обращения, требующие дополнительного изучения и проверки, – не позднее одного месяца, если иной срок не установлен законодательными актами.

Органы и должностные лица, которым направлены обращения осужденных, должны рассмотреть их в установленные законодательством сроки и принятые решения довести до сведения осужденных через администрацию учреждений, исполняющих наказание. О поступлении ответов объявляется осужденным под роспись, но не позднее чем в трехсуточный срок.

Предложения, заявления и жалобы осужденных по поводу решений и действий органов и учреждений, исполняющих наказание и иные меры уголовной ответственности, не приостанавливают их исполнение.

Согласно ст. 11 Закона «Об обращениях граждан и юридических лиц» подача заявлений и предложений сроком не ограничивается. Жалобы могут быть поданы в течение трех лет со дня, когда заявители узнали или должны были узнать о нарушении их прав, свобод и (или) законных интересов.

Обращения осужденных, адресованные в государственные органы, редакции газет и журналов, общественные объединения и на имя должностных лиц, содержащие вопросы, которые эти органы, общественные объединения либо должностные лица в силу положения о них или их компетенции решать не правомочны, по просьбе осужденного направляются указанным адресатам. Осужденному разъясняется и рекомендуется адресовать обращение компетентному органу, организации либо должностному лицу. Если осужденный настаивает на направлении его предложения, заявления или жалобы в избранный им государственный орган, общественную организацию или должностному лицу, ему разъясняется, что его предложения, заявления или жалобы, в том числе рассмотренные администрацией ИУ, с решениями по которым осужденный не согласен, первоначально направляются в управление Депар-

тамента исполнения наказаний по территориальности, где подлежат рассмотрению по существу, а при повторном несогласии с результатами рассмотрения осужденный может обратиться в Департамент или Министерство внутренних дел. Решение Министерства внутренних дел по заявлению или жалобе может быть обжаловано в суд.

В странах, подписавших Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., предусматривается дополнительная возможность (по отношению к внутренней судебной системе государства) обеспечения достоинства через судебный механизм защиты нарушенных прав и свобод путем обращения в Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ). Согласно вышеназванной Конвенции государство несет ответственность перед Советом Европы и потерпевшим лицом. Государство обязано исправить ситуацию как в отношении обратившегося (принять меры индивидуального характера), так и в отношении изменения ситуации в целом (применив меры общего характера), а также приложить максимум усилий для предупреждения подобных нарушений впредь. Важное практическое значение имеют те решения Европейского Суда, в которых содержатся итоги разбирательства различных конкретных ситуаций, связанных с условиями содержания и обращения с заключенными и осужденными лицами, многие из которых основаны на фактах унижения их достоинства.

Беларусь не является членом Совета Европы, находится в процессе интеграции в международное сообщество. Республикой также не ратифицирована Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Однако белорусское национальное законодательство, регулирующее уголовно-исполнительные отношения, учитывает существующие общеевропейские тенденции, в том числе усиление влияния международных правовых актов на национальные правовые системы, в частности на законодательство в уголовно-правовой сфере, распространение механизмов наднационального контроля, реализацию норм международных конвенций в сфере борьбы с преступностью документов, укрепление взаимодействия правоохранительных органов европейских государств между собой, с международными организациями в сфере уголовной юстиции, Европол и Интерпол по вопросам обмена информацией, выполнение взаимных поручений при расследовании уголовных дел, экстрадиции, передачи осужденных для отбывания наказания.

В заключение необходимо отметить, что важнейшим признаком правового государства является признание и юридическое закрепление самоценности человеческой личности и уважение государства к человеческому достоинству, в том числе достоинству осужденных лиц как одному из показателей того, является ли правовое государство реальностью. Достоинство личности – необходимая субъективная составляющая любого правоотношения, в том числе уголовно-исполнительного, и выступает отдельным свойством правового статуса осужденного лица. Достоинство личности осужденного может выступать и в качестве объекта специальных правоотношений, направленных на его

реализацию, охрану и защиту. С пенитенциарной точки зрения, обеспечение достоинства, присущего человеческой личности, является предпосылкой для реализации эффективных воспитательных, профилактических, а также коррекционных программ.

Литература

1. Василевич, Г. А. Обеспечение достоинства человека как интегральный показатель уровня развития права и политики / Г. А. Василевич // *Право и демократия: сб. науч. тр.* – Минск, 2013. – Вып. 24. – С. 68–81.
2. Павлова, Л. В. Современная концепция прав и свобод человека и ее трактовка Всеобщей декларацией прав человека 1948 г. / Л. В. Павлова // *Белорусский журнал международного права и международных отношений.* – 1998. – № 5; [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://evolutio.info/content/view/249/49>. – Дата доступа: 17.10.2015.
3. Штанько, И. Н. Достоинство личности как правовое явление: дис. ... канд. юрид. наук / И. Н. Штанько. – Владимир, 2006.
4. Конституция Российской Федерации: проблемный коммент. / отв. ред. В. А. Четвернин. – М.: Центр конституц. исслед. Моск. общ. науч. фонда, 1997.
5. Власова, О. В. Достоинство человека как нравственно-правовая ценность: дис. ... канд. юрид. наук / О. В. Власова. – Ханты-Мансийск, 2006. – С. 16; Штанько, И. Н. Достоинство личности как правовое явление: дис. ... канд. юрид. наук / И. Н. Штанько. – Владимир, 2006. – С. 7, 16.
6. Рахманова, Е. Н. Права человека и глобализация: теоретические основы криминологического и уголовно-правового анализа / Е. Н. Рахманова. – СПб., 2007.
7. Ковалев, А. А. Ценность и достоинство личности – философско-правовая основа прав и свобод человека [Электронный ресурс] / А. А. Ковалев. – Режим доступа: http://www.journal-nio.com/index.php?option=com_content&view=article&id=1097&Itemid=114. – Дата доступа: 17.10.2015.
8. Гасанов, К. К. Абсолютные права человека и ограничения прав / К. К. Гасанов, А. В. Стремюхов // *Правоведение.* – 2004. – № 1. – С. 164–173.
9. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2001. – С. 99, 235.
10. Ромашов, Р. А. Теория правового статуса осужденного / Р. А. Ромашов // *Вестн. Кузбасс. ун-та.* – 2013. – № 3 (16). – С. 23; Ромашов, Р. А. Теория государства и права: краткий курс / Р. А. Ромашов. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2010. – С. 82.
11. Чиркин, В. Е. Конституционное право зарубежных стран / В. Е. Чиркин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2001.
12. Мицкевич, А. Ф. Уголовное наказание: понятие, цели и механизмы действия / А. Ф. Мицкевич. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. – 329 с.
13. Фойницкий, И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением / И. Я. Фойницкий. – М.: Добросвет; Городец, 2000.
14. Уголовное право. Общая часть: учеб. / Н. Ф. Ахраменка [и др.]; под ред. И. О. Грунтова, А. В. Шидловского. – Минск: Изд. центр БГУ, 2014.
15. Малейн, Н. С. Возмещение вреда, причиненного личности / Н. С. Малейн. – М.: Юрид. лит., 1965. – С. 12.
16. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право / Н. С. Таганцев. – Тула: Автограф, 2001. – Т. 2. – С. 38, 116–122.
17. Познышев, С. В. Основы пенитенциарной науки / С. В. Познышев. – М., 1923.
18. Белов, В. И. Предупреждение преступлений осужденных, отбывающих лишение свободы в тюрьмах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / В. И. Белов. – Рязань, 2012. – 24 с.
19. Антонян, Ю. М. Насилие среди осужденных: учеб. пособие / Ю. М. Антонян, И. Б. Бойко, В. А. Верещагин. – М.: ВНИИ МВД РФ, 1994. – 116 с.; Познышев, С. В. Основы пенитенци-

арной науки / С. В. Познышев. – М., 1923. – С. 123, 158; Гернет, М. Н. История царской тюрьмы / М. Н. Гернет. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1952. – Т. 3. – С. 382.

20. Хохряков, Г. Уголовное наказание: благо или зло? / Г. Хохряков // Вестн. Верховного Суда СССР. – М.: Юрид. лит., 1991. – № 9. – С. 2–5; Гоббс, Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс // Философское наследие: соч.: в 2 т. – М.: Мысль, 1991. – Т. 2. – С. 241.

21. Кристи, Н. Пределы наказания / Н. Кристи. – М.: Прогресс, 1984.

22. Василевич, Г. А. Концепция Национального учреждения по правам человека в Беларуси: концепция предполагаемого проекта Закона об Уполномоченном по правам человека в Беларуси [Электронный ресурс] / Г. А. Василевич. – 2013. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/38595/1/%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87%20%D0%93.%D0%90.%20%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf>. – Дата доступа: 18.08.2014.

23. Исправительно-трудовая психология: учеб. пособие / А. Д. Глоточкин [и др.]; под ред. А. Д. Глоточкина, К. Е. Игошева, К. К. Платонова. – Рязань: Изд-во РВШ МВД СССР, 1985. – 356 с.

24. Бовин, Б. Г. Прогнозирование профессиональной успешности сотрудников подразделений специального назначения Федеральной службы исполнения наказаний России [Электронный ресурс] / Б. Г. Бовин, А. В. Кокурин, Д. А. Красов // Вопросы психологии экстремальных ситуаций. – 2010. – № 3. – Режим доступа: [http://pe.mgppu.ru/app/webroot/ckfinder/userfiles/files/kokurin%20\(4\).pdf](http://pe.mgppu.ru/app/webroot/ckfinder/userfiles/files/kokurin%20(4).pdf). – Дата доступа: 18.08.2014.

25. Шабанов, В. Б. Аутодеструктивное поведение в учреждениях уголовно-исполнительной системы: организационные и правовые проблемы / В. Б. Шабанов, М. Ю. Кашинский. – Минск, 2009.

26. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа. – М., 1995. – С. 105–106.

27. Шабанов, В. Б. Организационные и правовые проблемы предупреждения и раскрытия преступлений в исправительных учреждениях / В. Б. Шабанов. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2001. – 223 с.; Ушатиков, А. И. Пенитенциарная психология: (психология тюрем, среды): учеб. пособие / А. И. Ушатиков, Б. Б. Казак. – Рязань: Рязан. ин-т права и экономики, 1998. – 260 с.; Хохряков, Г. Ф. Парадоксы тюрьмы / Г. Ф. Хохряков. – М.: Юрид. лит., 1991. – 222 с.; Антонян, Ю. М. Тюремная субкультура и нейтрализация ее негативных проявлений / Ю. М. Антонян, В. А. Верещагин, Г. Б. Калманов // Государство и право. – 1996. – № 10. – С. 72–79.

28. Антонян, Ю. М. Личность преступника / Ю. М. Антонян, В. Н. Кудрявцев, В. Е. Эминов. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 366 с.

СУДЕБНЫЙ КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ – ВАЖНЕЙШАЯ ФОРМА ЗАЩИТЫ ДОСТОИНСТВА, ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН

*Г. А. Василевич,
доктор юридических наук, профессор*

Общепризнанным в юридической литературе является тот факт, что каким бы ни был уровень развития государства, его национальная правовая система, правовое сознание, качество работы законодательной власти, все равно существует необходимость в постоянном контроле за конституционностью нормативных актов. Это обусловлено активной нормотворческой деятельностью, когда принимается много актов, причем с различной степенью квалифициро-

ванности, влиянием политической конъюнктуры, а иногда и элементарными ошибками. Для исключения этих недостатков и наделяются органы судебной власти функцией контроля за соответствием законодательных и иных актов Конституции [1, с. 653; 2, с. 207–208]. Ведь только при обеспечении верховенства норм демократической Конституции в правовой системе, непосредственном действии ее норм можно утверждать о реальном функционировании правового государства. Тем самым реализуется такой важнейший принцип государства, как конституционность – система действующего права, обеспечивающая наличие правовой Конституции, ее верховенство и прямое действие на всей территории государства, а также ее обеспечение и охрану (защиту) [3, с. 44–45].

Как справедливо замечают немецкие ученые, предназначение конституционного правосудия заключается в удерживании законодательства и деятельности Правительства в рамках Основного закона, обеспечивая предпосылки для принятия ими конституционных решений. Применительно к Федеральному Конституционному Суду (ФКС) они отмечают, что ФКС влияет «на судопроизводство специализированных судов, учитывая потребности политического процесса... Это означает, что он должен обеспечивать стыковку политического процесса в различных областях жизни и с этой целью гарантировать единство судебной практики», используя для этого процессуальные средства [4, с. 277].

Конституционное правосудие является важнейшим фактором становления государства в качестве правового и демократического. Оно занимается «тонкой» материей; органы, которые осуществляют его, основывают свои акты на глубоком исследовании конституционных принципов и норм. По существу, органы судебного конституционного контроля содействуют переходу «от понимания права как права власти, исключительно силового явления, сугубо властно-государственного образования к его пониманию как самостоятельного и высокозначимого социального феномена – убежища от произвола, института свободного самоутверждения человека» [5, с. 16].

Важно не только закрепить в законодательстве достойный статус субъектов, осуществляющих судебный конституционный контроль, но и надлежащим образом реализовывать права и обязанности. Ведь конституционное правосудие – это материализованная совесть. Искажения и дефекты имеют далеко идущие последствия.

Объективная закономерность создания и деятельности Конституционного Суда заключается в том, что права и свободы постоянно совершенствуются, при этом изменяется их объем и содержание. Вновь актуальными становятся вопросы о праве наций на самоопределение, на свою государственность, на право пользования родным языком, на сохранение собственной национальной культуры и др. Более десяти лет назад нами отмечалось, что Конституционные Суды уже в ближайшее время столкнутся с проблемами реализации свободы научного творчества. Достижения научно-технического прогресса, влияющие на статус человека, деформирующие его природу (например, в области

клонирования, трансплантации человеческих органов, использования стимуляторов для кормления животных, выращивания растений, в последующем используемых в питании и т. д.), ставят новые задачи и перед конституционалистами (теми, кто занимается правами человека) по разрешению возникших конфликтов. Сделать это на научной основе, оценить с точки зрения права может только Конституционный Суд.

Одной из ближайших задач для нашего государства является установление более тесного сотрудничества с Советом Европы и вступление в эту организацию на правах полноправного члена. Основным документом, интегрирующим европейские страны в области прав и свобод человека, является Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. По своей глубинной сути содержащиеся в ней нормы являются базовыми для развития законодательства европейских государств и практики его применения. Уяснению этих норм, а в конечном итоге и «перенесению» на национальную почву государств, входящих в состав Совета Европы, способствует деятельность Европейского Суда по правам человека. Его решения следует рассматривать в качестве источника права, они играют роль прецедентного права.

В мире реализуются различные модели конституционного правосудия. Различают американскую и европейскую модели судебного конституционного контроля.

Исходя из круга субъектов, обладающих правом осуществления судебного конституционного контроля, выделяют две разновидности американской модели: 1) контроль осуществляют все суды общей юрисдикции, рассматривая конкретное дело; 2) контроль осуществляется только высшими судебными инстанциями. В любом случае для американской модели характерно следующее: рассмотрение вопроса о конституционности (неконституционности) нормативного акта решается в контексте рассмотрения конкретного дела (уголовного, гражданского, административного и др.); акт, признанный неконституционным, утрачивает юридическую силу. Верховный Суд США, если дело доходит до него, подтверждает или отклоняет позицию суда общей юрисдикции по вопросу о конституционности примененного в деле акта.

Для европейской модели характерно функционирование специализированного органа конституционного контроля. Выделяют также «смешанную» модель, сочетающую в себе черты американской и европейской моделей конституционного контроля [6, с. 15–119; 7].

Как же реализуются конституционные нормы, посвященные судебному конституционному контролю в Республике Беларусь, какая модель контроля ею предусмотрена? От ответа на этот вопрос зависит определение механизма функционирования судебного конституционного контроля, направления осуществления на практике принципа реализации конституционных норм.

В первом варианте проекта Конституции 1994 г., подготовленном к сентябрю 1991 г. рабочей группой, в составе которой довелось работать и автору данной публикации [8, с. 58–84], речь шла о создании Конституционного Совета, на который предполагалось возложить конституционный надзор:

1) за соответствием законов, а также заключенных, но не вступивших в силу международных договоров и иных обязательств республики Конституции и признанным ею международно-правовым пактам;

2) за соответствием актов, принимаемых Президентом, Советом Министров, а также руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда, Высшего Хозяйственного Суда, актов Прокурора республики, имеющих нормативный характер, Конституции, законам и международно-правовым пактам.

Предполагалось, что Конституционный Совет представляет Верховному Совету заключения о соответствии законов, международных договорных и иных обязательств республики ее Конституции, международно-правовым пактам по своей инициативе, а также по предложениям не менее одной пятой депутатов Верховного Совета, постоянных комиссий Верховного Совета, Президента, Совета Министров, Верховного Суда, Высшего Хозяйственного Суда, Прокурора республики, областных, городских Советов (городов республиканского подчинения), республиканских органов общественных объединений и Академии наук. Таким образом, предусматривался широкий круг субъектов, обладающих правом обращения в Конституционный Совет. Он мог и сам инициировать рассмотрение соответствующего вопроса.

Однако юридическая сила актов Конституционного Совета соответствовала его названию («Совет»). Так, при несоответствии закона, международного договорного или иного обязательства либо отдельных их положений Конституции или международно-правовым пактам Конституционный Совет направлял Верховному Совету соответствующее заключение. Принятие заключения лишь приостанавливало действие закона, международного обязательства. Заключение могло быть отклонено двумя третями голосов от общего числа депутатов Верховного Совета, т. е. Парламент сохранял за собой верховенство в решении этих юридических споров. В то же время нормативные акты других государственных органов и должностных лиц или их отдельные положения, признанные Конституционным Советом не соответствующими Конституции, законам либо международно-правовым пактам, согласно проекту, считаются утратившими силу с момента принятия заключения Конституционным Советом.

Однако уже в этом первом варианте (проекте) будущей Конституции закреплялась норма (см. ст. 145 проекта), согласно которой судьи не вправе применять нормативный акт, противоречащий Конституции. Если при рассмотрении конкретного дела суд придет к выводу о несоответствии нормативного акта Конституции или иному закону, он обязан поставить в установленном порядке вопрос о признании данного нормативного акта неконституционным. Уже на том этапе изыскивался реальный механизм обеспечения непосредственного (прямого) действия конституционных норм.

Отметим, что проект Конституции, рассмотренный на заседании Конституционной комиссии 30 сентября 1991 г., был скорректирован следующим образом: Конституционный Совет стал Конституционным Судом. Однако его

решения вначале приостанавливали действие неконституционного закона, Верховный Совет мог отклонить заключение Конституционного Суда, который, в свою очередь, наделялся правом подтвердить ранее вынесенное заключение. Норма об обязанности судов выносить свои постановления на основе Конституции и обращении в специализированный орган конституционного контроля в этом проекте отсутствовала [8, с. 85–110]. Она была восстановлена в проекте, который был представлен Верховному Совету для рассмотрения 11 ноября 1991 г. [8, с. 111–138]. В последующем эта норма сохранялась в первоначально предложенной редакции. Что же касается полномочий Конституционного Суда, то происходила постепенная трансформация: в проекте по состоянию на 6 апреля 1992 г. еще содержалась норма о приостановлении Конституционным Судом действия неконституционного акта, Парламент мог отклонить данное решение, но после этого Конституционный Суд вправе был принять окончательное решение [8, с. 139–161].

В проекте Конституции по состоянию на 8 октября 1992 г., предложенном для рассмотрения на десятой сессии Верховного Совета, сохранялась та же «схема» взаимодействия Конституционного Суда и Парламента, однако акцентировалось внимание на том, что при признании акта противоречащим Конституции, если им затрагивались права и свободы человека, он теряет силу с момента принятия такого акта [8, с. 162–184].

Прообраз ныне закрепленной в Конституции 15 марта 1994 г. системы взаимоотношений между судами и Конституционным Судом, юридическая сила его актов (см. ст. 112, 116 Конституции) зафиксирован в проекте Конституции по состоянию на 11 марта 1993 г. [8, с. 185–206].

Таким образом, можно сделать вывод, что разработчики проектов Конституции, белорусский Парламент последовательно шли к установлению такой модели судебного конституционного контроля, при которой обеспечение верховенства конституционных норм возлагалось как на суды (общие и хозяйственные), так и на Конституционный Суд, вердикт которого имел решающее значение, был обязательным для судов. Исходя из смысла конституционных требований, они обязаны были привести в соответствие с позицией Конституционного Суда ранее вынесенное постановление по делу, если между ними были разночтения.

Анализируя нормы Конституции в их взаимосвязи, можно сделать вывод о том, что Основным законом предусмотрена смешанная система судебного конституционного контроля. Потенциально, на наш взгляд, она более эффективна и динамична, если, конечно, имеются запросы судов в Конституционный Суд.

В первые годы деятельности Конституционного Суда, в частности после референдума 1996 г., нами обращалось внимание руководителей высших судебных инстанций общих и хозяйственных судов на то, что не реализуются требования ст. 112 Конституции, направленной на взаимодействие с Конституционным Судом. Изучалась практика, например хозяйственных судов,

о признании актов не имеющими юридической силы. Значительное количество среди всех правовых актов, в том числе правоприменительного характера, составляли рассмотренные хозяйственными судами нормативные правовые акты, что относилось к юрисдикции Конституционного Суда, если этот вопрос не увязывался в контексте конкретного дела.

«Включение» всей системы судебной власти в деятельность по контролю за соответствием нормативных актов Конституции продиктовано не только формальным требованием – соблюдением Основного закона. Без этого существует огромный риск неудачи в формировании правового государства.

Разработчики текста Конституции ставили цель добиться прямого действия конституционных норм. Предполагалось, что суды будут активно применять конституционные положения, ссылаясь на них в своих постановлениях, а при выявлении противоречий между Конституцией и подконституционным актом обращаться в Конституционный Суд для того, чтобы исключить какие-либо разночтения в восприятии конституционной нормы. Вынесение судом решения на основе Конституции и последующее обращение с запросом в Конституционный Суд мыслилось именно в качестве средства подтверждения правильности позиции суда, вынесшего решение, относительно понимания смысла конституционной нормы. Не имелось в виду, что Конституционный Суд будет вторгаться в суть разрешения конкретного спора. Предполагались непосредственно запросы судов в Конституционный Суд без обращения в какую-то промежуточную инстанцию (Верховный Суд или Высший Хозяйственный Суд).

Используемую в ч. 2 ст. 112 Конституции фразу об обращении судов в Конституционный Суд «в установленном порядке» противники такой «свободы» стали трактовать следующим образом: это можно делать не непосредственно, а апосредованным образом – через те субъекты, которые указаны в ч. 4 ст. 116 Основного закона, якобы Конституция исключает расширение круга субъектов, упомянутых в названной части. Однако нормы Конституции следует воспринимать во взаимосвязи, в том числе руководствоваться ст. 7, 60, 112, 116, 137 и др. Кроме того, издание Декрета № 14 подтвердило давно высказанную нами мысль о том, что круг субъектов обращения в Конституционный Суд может быть расширен законом (законодательным актом).

Наше законодательство несколько отличается от законодательства ряда других стран, в том числе государств СНГ: предполагается, что суд при выявлении расхождения между Конституцией и иным нормативным актом сразу выносит решение по делу, руководствуясь при этом Конституцией. Однако не исключается и возможность суда при рассмотрении конкретного дела приостановить производство по нему до вынесения вердикта Конституционным Судом по вопросу о конституционности нормативного акта. Следовало бы предусмотреть аналогичный механизм взаимодействия судов и Конституционного Суда при установлении расхождений между международными догово-

рами, действующими на территории Беларуси, и иными подконституционными актами с целью обеспечения реального верховенства первых над вторыми.

Обратим внимание на два аспекта.

1. Несколько месяцев назад на рассмотрение Совета по вопросам правовой и судебной деятельности при Президенте Республики Беларусь вносилось предложение об отнесении к компетенции судов дел «об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части». Нами было обращено внимание, что такое расширение полномочий судов противоречит нормам Конституции, закрепленной в ней концепции судебного конституционного контроля, согласно которой главенствующая роль принадлежит Конституционному Суду: именно с учетом этого и сформулирована ст. 112 Конституции.

2. При точном, как того требует Конституция, функционировании системы судебного конституционного контроля снимается проблема введения института конституционной жалобы или по крайней мере уменьшается ее острота. Ведь все споры с участием граждан, юридических лиц могут разрешаться в судах общей юрисдикции, в том числе экономических судах, где можно ходатайствовать о проверке конституционности подлежащего применению в деле нормативного правового акта. Конституционный Суд Республики Беларусь во второй половине 1990-х – начале 2000-х годов снял практически все ранее существовавшие ограничения на обращения в суд. Правосудие на уровне судов общей юрисдикции (ранее и хозяйственных судов) стало более доступным. Запросы судов в Конституционный Суд призваны сделать более доступным и конституционное правосудие.

Ю. А. Тихомиров справедливо обращает внимание на конституционные риски. Он имеет в виду «прежде всего политические факторы, которые влияют или могут повлиять на устойчивость конституционно-правовых регуляторов», что может повлечь тяжелые последствия [9, с. 18]. «Процесс реализации конституционных положений и действия Конституции в целом, ее защита должны быть в фокусе патриотизма граждан (как это закреплено в Конституции ФРГ и Конституции Греции), всех государственных и общественных институтов. Конституционный риск опасен еще и тем, что его деструктивный потенциал обладает системным характером» [9, с. 19–20].

Практика свидетельствует, что граждане или их представители, участвующие в рассмотрении дела в суде, нередко заявляют перед ним ходатайство об обращении в Конституционный Суд, однако эти ходатайства не получают удовлетворения. Обращения к другим уполномоченным субъектам (см. ст. 116 Конституции) также не дают результата. Полагаем, что подобную практику необходимо менять. Ведь в таком случае не реализуется законное право гражданина на обращение в тот орган, который, по его мнению, может восстановить нарушенное право. Особенно недопустимо игнорирование таких обращений (ходатайств) со стороны судов. Ведь и сами суды могут получить поддержку правильности своей позиции. Когда же нет обращения в Конституционный Суд, то гражданин полагает, что ему не дали «добиться» правды. Нельзя не

согласиться с позицией Э. М. Мурадяна, что «судебная защита – право. Обращение за ней – не просьба о милости, а этически корректное и юридически обоснованное требование. Право на судебную защиту гарантировано Конституцией» [10, с. 181]. Доступ к правосудию – важнейшая гарантия реализации прав человека в различных сферах отношений [11].

В юриспруденции обращения граждан рассматриваются в качестве одной из форм обратной связи между государственными органами и гражданином. Как полагают российские авторы, обращение – это правомерное действие, состоящее в предъявлении требований об осуществлении и охране субъективных прав и интересов [12, с. 13–15]. Конституционный Суд в данном случае, когда возникает сомнение в конституционности нормативного правового акта, является той вершиной, после достижения которой все субъекты спора обязаны действовать в соответствии с его заключением.

По мнению Н. С. Бондаря, Конституционный Суд выступает универсальным институтом обеспечения баланса власти и свободы [13, с. 27]. Разрешая конкретные дела о конституционности оспариваемых норм, толкуя Конституцию, Конституционный Суд раскрывает содержание соответствующих норм, создает условия для оптимизации публичной власти [12, с. 29–30]. В этом и состоит огромный позитивный потенциал воздействия Конституционного Суда на процесс нормотворчества и правоприменения и предназначение данного органа власти.

Развитие конституционного правосудия является отражением процесса становления правовой государственности. Конституция в виде содержащихся в ней руководящих идей дает законодателю и судам, прежде всего Конституционному Суду, не только инструмент определения содержания будущего закона, но и его толкование, выступает критерием для Конституционного Суда при установлении конституционности либо неконституционности конкретного закона.

Конституционные нормы и принципы определяют правовую парадигму, так как они отражают и одновременно формируют концепции законодательного развития государства и общества. Конституционный Суд как высшая юридическая инстанция по разрешению правовых коллизий фиксирует в своих решениях истинность той или иной концепции. В связи с этим он (Конституционный Суд) не имеет права на ошибку.

Со второй половины 1994 г. началась деятельность Конституционного Суда уже непосредственно в виде принимаемых им решений. Согласно ст. 127 Конституции в редакции от 15 марта 1994 г., Конституционный Суд по предложениям уполномоченных субъектов давал заключения о конституционности широкого круга нормативных правовых актов. При этом он был вправе рассмотреть вопрос о соответствии нормативных актов любого государственного органа, общественного объединения Конституции по своему усмотрению.

Позитивной, на наш взгляд, была запись в тексте ст. 128 Конституции, согласно которой нормативные акты, международные договорные или иные обязательства, признанные Конституционным Судом неконституционными ввиду нарушения ими прав и свобод человека, считаются не имеющими юридической силы в целом либо в определенной их части с момента принятия соответствующего акта. Другие нормативные акты, признанные Конституционным Судом не соответствующими Конституции, законам или международно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь, считаются утратившими силу в целом или в определенной их части с момента, определяемого Конституционным Судом.

Существенной конституционной гарантией была запись в ст. 129 о том, что заключения Конституционного Суда являются окончательными, обжалованию и опротестованию не подлежат.

Ряд изменений в правовом статусе Конституционного Суда произошел в результате проведенного 24 ноября 1996 г. народного голосования по тексту Конституции. Конституционный Суд лишился права возбуждения производства по собственной инициативе, в тексте Конституции не оговаривалась юридическая сила заключений, он перестал быть субъектом права законодательной инициативы и др. Основной стала ст. 116 Конституции, весьма объемная по своему содержанию, определяющая базу правового статуса Конституционного Суда.

Важной вехой в правовой регламентации деятельности Конституционного Суда явились изменения в Законе «О Конституционном Суде Республики Беларусь», внесенные в июле 1997 г., принятие Кодекса о судостроительстве и статусе судей Республики Беларусь, а также издание 26 июня 2008 г. Декрета Президента Республики Беларусь № 14 «О некоторых мерах по совершенствованию деятельности Конституционного Суда Республики Беларусь» и др.

Анализ конституционных норм, актов текущего законодательства, практики Конституционного Суда, его взаимоотношений с иными субъектами государственной власти позволяет выделить три этапа деятельности Конституционного Суда.

Первый этап – 1994 г. (с начала формирования Конституционного Суда) до 27 ноября 1996 г. Это период становления Конституционного Суда, определения им своего места в системе государственной власти и в то же время период сильной подверженности политическому влиянию со стороны депутатов, средств массовой информации. Для него характерна активность как в части возбуждения Судом производств по делам о проверке конституционности нормативных правовых актов, так и в области активного комментирования судьями принятых решений, политических процессов, период попыток занять нейтральную позицию, обеспечивая лишь верховенство Конституции. В этот период Конституционный Суд практиковал принятие различного рода заявлений.

Второй этап – период после 27 ноября 1996 г. и до вступления в силу Декрета Президента от 26 июня 2008 г. № 14. Для него характерно реформирова-

ние Конституционного Суда, обновление законодательства о Конституционном Суде. В частности, была предусмотрена возможность оглашения заключения Конституционным Судом не сразу после завершения слушаний и ухода судей в совещательную комнату, а в течение пятнадцати дней после этого. Это позволило судьям принимать решения в спокойной обстановке, взвешивая свою позицию. Осуществлялось активное взаимодействие Конституционного Суда и субъектов, обладающих правом внесения предложений в Конституционный Суд о проверке конституционности нормативных правовых актов. Активность Конституционного Суда по вынесению решений о конституционности нормативных правовых актов не только республиканских, но и органов местного управления и самоуправления базировалась исключительно на конституционной основе – нормах, содержащихся в ст. 7, 60, 112, 116, 137 Конституции.

В своей деятельности в это время Конституционный Суд стал активно ссылаться в решениях на правовые принципы, которые укрепляли его позицию и тем самым оказывали воздействие на правотворческую и правоприменительную деятельность. Как справедливо отмечает профессор Л. Ф. Евменов, проблема принципов является ключевой в правах человека [14, с. 60]. В европейской практике (судебной, иной правоприменительной) принципы рассматриваются в качестве источника права, например в Австрии, Германии, Греции, Испании. У нас же пока эта идея только пробивает себе дорогу.

В этот период не только выносились заключения по предложению субъектов, указанных в ч. 4 ст. 116 Конституции, но и практиковалось рассмотрение конституционных жалоб относительно нормативных правовых актов местных Советов депутатов, местных исполнительных и распорядительных органов по совершенствованию актов действующего законодательства [15]. На данном этапе деятельности Конституционный Суд активно реализовывал свое право последующего конституционного контроля. Его заключения и иные решения открыли простор для реализации многих конституционных принципов и норм, их непосредственного действия, ускорили процесс обновления законодательства, исключили действие архаичных и противоречащих Конституции положений текущего законодательства и практики его применения, содействовали формированию правового сознания граждан и должностных лиц.

Отметим, что Конституционный Суд в этот период занимал последовательную позицию, нередко обращения касались различных граней одной проблемы, но Конституционный Суд сумел избежать противоречий в своих решениях. В данный период было снято большинство ограничений на судебную защиту, была обеспечена доступность к правосудию, гарантировано право на квалифицированную юридическую помощь (например, в связи с принятым решением постановлением министра внутренних дел был гарантирован порядок общения задержанного со своим адвокатом в таких условиях, когда обеспечивалась конфиденциальность его разговора), ряд решений касался реализации уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Третий этап, на наш взгляд, охватывает период со вступления в силу Декрета Президента Республики Беларусь от 26 июня 2008 г. № 14 и до начала реализации Конституционным Судом его положений. Позитивно оценивая дальнейшее расширение полномочий Конституционного Суда, все же заметим, что это привело к фактическому умалению такой важной и традиционной для органов судебного конституционного контроля функции, как последующий (репрессивный) контроль. В этот период Конституционный Суд в определенной мере продолжил практику внесения предложений в нормотворческие органы по совершенствованию текущего законодательства, однако прекратил принятие решений по обращениям граждан относительно конституционности нормативных актов органов местного управления и самоуправления. Ранее Конституционный Суд активно использовал закрепленное в ст. 122 Конституции право на вынесение решения о конституционности актов указанных органов. В предшествующий период таких решений принималось более десятка. Они способствовали упорядочению нормотворческой деятельности на местном уровне, прежде всего в области налогообложения.

Конституционный Суд в 2008 г. в порядке обязательного предварительного контроля конституционности законов рассмотрел 102 закона, в том числе 3 кодекса, 24 общих и специальных закона, 40 законов о внесении изменений и дополнений и признании утратившими силу законодательных актов, 35 законов о ратификации международных договоров Республики Беларусь. По результатам обязательного предварительного контроля, все проверенные законы признаны соответствующими Конституции. Вместе с тем в некоторых решениях Конституционный Суд обращал внимание на некорректность формулировок законов. Аналогичные подходы характерны и для последующего периода деятельности. Отметим усиление аргументации Конституционного Суда при вынесении своих решений, в которых акцентировалось внимание на важнейших конституционных принципах и нормах. В 2009 г. Конституционный Суд в порядке обязательного предварительного контроля конституционности законов рассмотрел 104 закона, в том числе 44 закона о ратификации международных договоров Республики Беларусь; в 2010 г. – 129 законов, в том числе 80 законов о ратификации международных договоров; в 2011 г. проверено 109 законов; в 2012 г. в порядке предварительного контроля проверено 113 законов.

Таким образом, можно отметить интенсивную деятельность Конституционного Суда по осуществлению предварительного конституционного контроля. Это значительно ослабило последующий конституционный контроль, который, на наш взгляд, является эффективным, прежде всего за счет конкуренции (сопоставительности) сторон в деле.

В связи с этим нами уже несколько лет назад предлагалось несколько изменить законодательство: исключить сплошной предварительный контроль принятых законов, определить те из них, которые являются наиболее важными (программные, кодексы, законы, которые затрагивают непосредственно

конституционные права и свободы граждан и т. п.), в остальных случаях предоставить право гражданам на обращение в Конституционный Суд по поводу проверки конституционности принятых Парламентом законов, т. е. можно развивать институт конституционной жалобы. На сайтах палат Парламента в этих целях должны размещаться рассматриваемые палатами законы, а также принятые редакции, которые направляются в Совет Республики для одобрения и Президенту на подпись.

После издания Декрета № 14 оппонентам уже трудно возражать против правовой возможности расширения круга субъектов, имеющих право обращения в Конституционный Суд, что нами отстаивалось в течение многих лет и наконец было реализовано в 2008 г. Наше предложение обусловлено и тем, что нежелательна избыточность предварительного контроля, которая ведет к девальвации конституционного контроля. Это способствовало бы развитию принципа состязательности в рамках конституционного судопроизводства, который как раз и закреплен в Законе «О конституционном судопроизводстве».

На законодательном уровне следует определить, что является грубым и систематическим нарушением Конституции (когда оценивается деятельность палат Парламента) и таким же нарушением местными Советами депутатов законодательства. На наш взгляд, систематическими могут считаться такие нарушения, которые совершены в течение одного года. Что касается роспуска палат Парламента по причине принятия законов, которыми нарушена (грубо или систематически) Конституция, то это возможно, когда речь идет о законах, по которым были высказаны возражения Президента, однако его вето было преодолено. Если же закон прошел предварительную проверку в Конституционном Суде без каких-либо замечаний, подписан Президентом, то в дальнейшем некорректно ставить такой вопрос. Относительно определения того, что является грубым нарушением, следует исходить из оценки наступивших либо возможных последствий.

Позитивно оцениваем Закон от 8 января 2014 г. «О конституционном судопроизводстве». В нем нашли воплощение многие положения, ранее содержащиеся в Регламенте Конституционного Суда Республики Беларусь, а также идеи (принципы и нормы), которые апробированы в Беларуси, Российской Федерации и других зарубежных странах.

В связи с изданием в июне 2008 г. Президентом Декрета № 14 важно было формализовать всю процедуру, относящуюся к осуществлению предварительного контроля. Это также решено в Законе. В нем уделено внимание особенностям производства по отдельным категориям дел. При этом закреплено, что рассмотрение вопроса в порядке предварительного контроля не лишает Конституционный Суд права его рассмотрения в порядке последующего контроля.

Читая Закон от 8 января 2014 г. «О конституционном судопроизводстве», автор настоящей статьи с удовлетворением отмечает, что ряд его идей и предложений, высказанных еще в 90-е годы прошлого столетия и вызывавших споры и возражения со стороны иных участников обсуждения, в нем реализо-

ваны. Прежде всего нами отстаивалась на основе анализа конституционного текста идея о возможности расширения на основе Закона компетенции Конституционного Суда по сравнению с теми полномочиями, которые непосредственно закреплены в ст. 116 Конституции. Естественно, что расширять полномочия Конституционного Суда позволительно лишь с учетом его природы и предназначения. В свое время жаркие дебаты были относительно того, каким актом необходимо осуществлять официальное толкование заключения, решения Конституционного Суда. То, что нами отстаивалось, нашло закрепление в Законе: официальное толкование заключения, решения осуществляется в соответствии с порядком осуществления конституционного судопроизводства путем принятия Конституционным Судом акта того же вида, что и акт, в отношении которого осуществляется толкование. В первые годы деятельности Конституционного Суда были случаи, когда свои заключения он толковал решениями, правовой статус которых совершенно иной, чем заключений.

Таким образом, Закон от 8 января 2014 г. создает добротную основу для осуществления конституционного судопроизводства. Вместе с тем хотелось бы высказать некоторые предложения, которые следовало бы, на наш взгляд, решить в упомянутом законе или иных законодательных актах с целью повышения роли конституционного правосудия.

Тот факт, что наряду с Конституцией иными законодательными актами расширен круг субъектов, обладающих правом обращения в Конституционный Суд, подтверждает ранее высказанное и обоснованное мнение о такой возможности. Поэтому следовало бы упростить процедуру обращения судов в Конституционный Суд: их запросы могли бы направляться непосредственно, минуя Верховный Суд. Как представляется, в настоящее время «запрос суда» относится к своего рода инициативным общениям.

Как при подготовке Декрета № 14, так и в редакции Закона от 8 января 2014 г. вызывает возражение закрепление в нем нормы о даче Конституционным Судом официального толкования декретов и указов Президента, касающихся прав, свобод и обязанностей граждан. Во-первых, это не функция Конституционного Суда. Во-вторых, могут возникнуть противоречия между аутентичным толкованием, которое может быть дано самим Президентом, и толкованием Конституционным Судом. Исходя из Закона следует, что акт толкования Конституционного Суда выше, чем толкование, даваемое Президентом: согласно ч. 15 ст. 85 Закона толкование Конституционного Суда «является обязательным для государственных органов, иных организаций, должностных лиц и других граждан», т. е. и для Президента.

В Законе от 8 января 2014 г. имеется общая отсылка к тому, что за неисполнение вступивших в законную силу не только заключений, но и решений Конституционного Суда либо воспрепятствование их исполнению наступает ответственность в соответствии с законодательными актами. Осознано ли на то пошел законодатель, инициаторы законопроекта? Ведь ответственность должна

наступать и за неисполнение решения Конституционного Суда, принятого в порядке предварительного контроля, представленного на подпись Президенту. Надо иметь в виду, что уже сейчас в таком законодательном акте, как Уголовный кодекс (ст. 423), за неисполнение судебного акта предусмотрена ответственность должностных лиц в виде штрафа или лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. В завершение отметим, что Закон от 8 января 2014 г. вполне можно было бы принять в виде кодекса. Это позволило бы правильно разрешать возможные коллизии с Кодексом о судоустройстве и статусе судей. Ведь, как известно, кодекс, даже если он принят ранее, чем закон, обладает большей юридической силой.

Проблемным для последующего конституционного контроля остается вопрос об активности не только судов, но и иных субъектов, обладающих правом внесения предложений в Конституционный Суд о проверке конституционности нормативного правового акта.

Поступающие в Конституционный Суд обращения от граждан и общественных объединений с просьбой о проведении такой проверки свидетельствуют об актуальности введения института конституционной жалобы (хотя, как уже было отмечено, остроту проблемы могли бы снять суды). Не могут они «добраться» до Конституционного Суда и посредством направления своих обращений в адрес субъектов, указанных в ч. 4 ст. 116 Конституции. В последние годы обычно следует отказ.

Необоснованные отказы в юриспруденции оценивают как злоупотребление правом. Как гражданин, не исполняющий закон, так и государственный орган, несвоевременно принимающий акт в развитие конституционной нормы либо бездействующий, злоупотребляют таким образом своим правомочием. Конституция предусматривает взаимную ответственность государства и гражданина.

Расширение круга субъектов обращения в Конституционный Суд свидетельствовало бы о демократизации процесса судебного конституционного контроля. Ведь в конечном итоге, если акт является конституционным, то он и после обращения заинтересованного субъекта таковым останется. Для обращения частного лица можно установить уплату государственной пошлины в размере, аналогичной пошлине, уплачиваемой при обжаловании неправомерных действий органов государственного управления и должностных лиц.

Особенности конституционной жалобы, возможные последствия ее введения давно известны. Этому еще на заре становления белорусской государственности была посвящена не одна конференция с участием зарубежных экспертов.

Перспективной для практики Конституционного Суда является ориентация на соответствующую иерархическую соподчиненность норм самой Конституции. Нормы, посвященные основам конституционного строя, правам, свободам и обязанностям граждан, рациональной системе сдержек и противо-

весов между государственными институтами, должны получить свою приоритетную защиту со стороны Конституционного Суда.

Наделение Конституционного Суда правом осуществления предварительного контроля, по существу, означает наделение его функцией превенции, т. е. предупреждения возможных нарушений конституционной законности.

Ранее нами выдвигалась идея расширения полномочий Конституционного Суда посредством увеличения круга субъектов, обладающих правом обращения в Конституционный Суд. Очень рьяно выступали против этого некоторые юристы. Декрет № 14 заставил их изменить свою «риторику». Издание Декрета послужит укреплению конституционной законности.

Нами предлагалось введение предварительного конституционного контроля относительно наиболее важных юридических документов, например крупных международных договоров о проверке конституционности выборов, проведении референдумов, разрешении споров о компетенции государственных органов и др. Внедренная сплошная проверка законов до их подписания Президентом, на наш взгляд, не столь необходима. Сплошная «автоматическая» предварительная проверка конституционности всех законов до их подписания является избыточной. Нами уже предлагалось несколько изменить сложившийся порядок. С одной стороны, исключить обязательность проверки всех законов до их подписания, а с другой – расширить круг субъектов, которые вправе потребовать проведение такой проверки. Среди таких субъектов могли бы быть и граждане, возможно, их общественные объединения. Однако для этого у них должна быть информация о принятых в палатах Парламента законах, их можно было бы одновременно с движением из одной палаты в другую, направлением Президенту на подпись размещать на сайте палат Парламента.

Таким образом, в Конституционном Суде в порядке предварительного контроля проверялись бы не все законы, а лишь те, в отношении которых у соответствующих субъектов будут сомнения в их конституционности. Реально стал бы работать принцип состязательности, что очень важно для правосудия.

Есть еще одна проблема, решение которой может способствовать укреплению конституционной законности. Следует практиковать при проведении предварительного конституционного контроля законов, представленных на подпись Президенту, запрашивать мнение заинтересованных общественных структур, изучать позицию граждан, иных субъектов относительно рассматриваемых законов. С формальной стороны может показаться, что закон соответствует Конституции, а в содержательном плане он нарушает принципы социального государства. Выяснение позиции граждан на стадии предварительного конституционного контроля будет полезным для дела. Найти приемлемые формы этого не составляет труда.

В Декрете № 14 предусмотрено право Конституционного Суда давать по поручению Главы государства толкование некоторых декретов и указов. В целом Декрет № 14 направлен на усиление правовых устоев нашего государства.

В то же время норма о праве Конституционного Суда давать толкование декретов и указов Президента Республики Беларусь, на наш взгляд, может восприниматься как ограничение конституционных полномочий Главы государства. «Снимает» проблему тот факт, что этот вопрос решен в Декрете Президента, закрепление такой нормы в законе без согласования с Президентом могло бы вызвать обоснованные возражения с его стороны.

Нами также предлагалось предусмотреть возможность обязательной проверки конституционности временных декретов до их рассмотрения Парламентом. Это было бы продолжением тех логичных шагов, которые предусмотрены Декретом № 14. Вместе с тем, учитывая, что декреты относятся к категории законодательных актов, было бы правильным их также до подписания направлять Конституционному Суду для проверки. При этом сроки изучения могут быть большие, нежели это установлено для законов.

Полезно дать официальное толкование ст. 101 Конституции в части определения «особой необходимости» издания временных декретов, а также возможности их издания в период сессии палат Парламента. Полагаем несомненным наличие такого права, если палаты отвергли принятие закона, объявленного срочным, либо преодолели вето Президента.

Интересно решен вопрос о юридической силе решений (заключений) Конституционного Суда в Законе «О конституционном судопроизводстве».

Согласно ранее действовавшей редакции ст. 22 Кодекса о судостроительстве и статусе судей, нормативные правовые акты, признанные, согласно заключению Конституционного Суда, не соответствующими Конституции Республики Беларусь или нормативным правовым актам, обладающим более высокой по отношению к ним юридической силой, считаются утратившими силу в целом или в определенной их части с момента внесения в них соответствующих изменений и (или) дополнений либо принятия новых нормативных правовых актов.

Это явно не согласовывалось с требованиями ч. 3 ст. 7 Конституции Республики Беларусь, согласно которой признанные противоречащими Основному закону акты не имеют юридической силы. Если законодатель хотел изменить статус Конституционного Суда и превратить его заключения в акты рекомендательного характера, тогда подобная редакция (хотя и не допустимая с точки зрения ст. 7 и других статей Конституции) была понятной. Однако в последующей части ст. 22 Кодекса было предусмотрено, что признание нормативного правового акта или его отдельных положений не соответствующими Конституции Республики Беларусь или нормативным правовым актам, обладающим более высокой по отношению к ним юридической силой, является основанием для отмены в порядке, установленном ч. 5 ст. 22 Кодекса, положений иных нормативных правовых актов, основанных на таком нормативном правовом акте или его отдельных положениях, либо воспроизводящих его или содержащих эти положения. Положения таких нормативных право-

вых актов не могут применяться судами, иными органами, а также должностными лицами.

В ст. 85 вышеназванного Закона эти недостатки устранены, хотя некоторые аспекты и требуют уяснения.

Конституционный Суд наделен правом проверять конституционность правоприменительной практики. Специфика полномочий Конституционного Суда заключается и в том, что он вправе проверить на соответствие Конституции акты Верховного Суда и ранее принятые акты Высшего Хозяйственного Суда.

Обратим особое внимание на такой акт прокурорского надзора, как протест, который приносит прокурор или его заместитель на противоречащие законодательству правовые акты и решения (действия) республиканских органов государственного управления и иных государственных организаций, подчиненных Совету Министров, местных представительных и распорядительных органов, других организаций, должностных лиц, индивидуальных предпринимателей.

При отклонении протеста или его нерассмотрении в установленный срок прокурор или его заместитель могут принести протест (за исключением протеста на судебное постановление) в вышестоящий государственный орган (организацию, вышестоящему должностному лицу). Если и в этом случае рассмотрение протеста не дало позитивных результатов, то прокурор или его заместитель вправе, согласно Закону «О прокуратуре Республики Беларусь», обратиться с заявлением в суд об отмене противоречащих законодательству правового акта или решения (действия). Полагаем некорректной норму закона о том, что суд «отменяет» нормативный правовой акт. На наш взгляд, он вправе признать его незаконным (со всеми вытекающими отсюда последствиями – необходимостью его корректировки, восстановления нарушенного права и др.).

В действующих законодательных актах прямо не закреплено право Генерального прокурора обращаться в Конституционный Суд, если идет речь о нормативном правовом акте, в отношении которого был отклонен протест. Указание в законе обратиться в этом случае «в суд» на практике трактуется как в любой суд (по компетенции), исключая Конституционный Суд.

Ранее нами уже обращалось внимание, что такая трактовка является неверной. С учетом положений ч. 1 ст. 116 Конституции и действующего Закона «О прокуратуре Республики Беларусь» при отклонении протеста относительно нормативного правового акта Генеральный прокурор вправе обратиться в Конституционный Суд для вынесения им решения. Ранее аргументом против реализации такого подхода были ссылки на якобы недопустимость расширения полномочий Конституционного Суда, однако не бралось в расчет содержание ч. 7 ст. 116, в которой предусмотрено развитие конституционных положений законом. Вопрос лишь в формировании практики и понимании того, что нормы Конституции следует воспринимать во взаимосвязи, с учетом природы и предназначения каждого государственного органа.

В соответствии с Конституцией и законом Конституционный Суд обладает некоторыми иными существенными полномочиями. Так, в случаях, предусмотренных Конституцией Республики Беларусь, Конституционный Суд по предложению Президента Республики Беларусь дает заключение о наличии фактов систематического или грубого нарушения палатами Национального собрания Республики Беларусь Конституции Республики Беларусь. Рассмотрение этого вопроса не может быть отклонено по инициативе Конституционного Суда. В то же время, как нами уже отмечалось, в случае, если закон был подписан Президентом без возражений, то впоследствии некорректно ставить вопрос о роспуске палат Парламента в связи с нарушениями Конституции. Однако закон таких препятствий не устанавливает. Полагаем также, что в связи с введением предварительного конституционного контроля и признанием в его процессе конституционности закона неприемлемо принимать решение о роспуске палат Парламента при проведении последующего конституционного контроля. Нельзя исключать право Парламента на самостоятельное инициирование внесения изменений в закон, если он (его отдельные положения) в порядке предварительного контроля признаны противоречащими Конституции.

Вынося свои решения, Конституционный Суд должен не только ориентироваться на современный уровень общественных отношений, но и видеть перспективу развития правовых отношений. При этом, решая конкретную задачу, он обязан формулировать свой подход по конкретному делу таким образом, чтобы, разрешая другой вопрос, косвенно связанный с предыдущим, не оказаться в будущем в «ловушке» противоречий, т. е. его концепция действий должна быть последовательной в правовом отношении. Конституционный контроль в нашей республике может и должен получить свое дальнейшее развитие.

Литература

1. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации: учеб. для вузов / М. В. Баглай. – 3-е изд., изм. и доп. – М.: Изд. гр. «Норма-Инфра», 2001. – 800 с.
2. Мишин, А. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учеб. для вузов / А. А. Мишин. – 17-е изд., испр. и доп. – М.: Статут, 2013. – 520 с.
3. Витрук, Н. В. Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс: учеб. пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2005. – 527 с.
4. Изензее, Й. Государственное право Германии: в 2 т. – М.: Рос. акад. наук, Ин-т государства и права, 1994. – Т. 1. – 312 с.
5. Права человека: энцикл. слов. / отв. ред. С. С. Алексеев. – М.: Норма, 2009. – 656 с.
6. Клишас, А. А. Конституционный контроль и конституционное правосудие зарубежных стран. Сравнительно-правовое исследование / А. А. Клишас / под ред. проф. В. В. Еремина. – М.: Междунар. отношения, 2007. – 496 с.
7. Harutyunyan, G. Mavcic Constitutional review and its development in the modern world (a comparative constitutional analysis) / G. Harutyunyan. – Yerevan-Ljubljana, 1999. – 445 p.
8. Василевич, Г. А. Проекты Конституции Республики Беларусь: поиск оптимальной модели (1990–1994) / Г. А. Василевич. – Минск: Право и экономика, 2014. – 308 с.

9. Тихомиров, Ю. А. Риск и право / Ю. А. Тихомиров, С. М. Шахрай. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. – 64 с.
10. Мурадян, Э. М. Судебное право / Э. М. Мурадян. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2007. – 575 с.
11. Жуйков, В. М. Судебная реформа в прошлом и настоящем / В. М. Жуйков. – М.: Статут: РАП, 2007. – 415 с.
12. Лучин, В. О. Жалобы граждан в Конституционный Суд РФ / В. О. Лучин, О. Н. Дорогина. – М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1998. – 260 с.
13. Бондарь, Н. С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. – М.: Юстицинформ, 2006. – 592 с.
14. Евменов, Л. Ф. Международная идеология прав человека: проблемы и решения / Л. Ф. Евменов. – Минск: Хата, 2000.
15. Василевич, Г. А. Решения Конституционного Суда Республики Беларусь как фактор совершенствования национального законодательства / Г. А. Василевич, К. И. Кеник, В. В. Подгруша. – Минск: Право и экономика, 2007. – 74 с.

УЧРЕЖДЕНИЕ ИНСТИТУТА УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В БЕЛАРУСИ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА ДОСТОИНСТВО ЧЕЛОВЕКА

*Г. А. Василевич,
доктор юридических наук, профессор*

Ученые, занимающиеся теорией прав человека, убедительно доказывают, что «высшей и непреходящей ценностью является человеческая личность» [1, с. 25]. Эти идеи получают свое юридическое закрепление в конституционных текстах, в частности соответствующее положение закреплено в ст. 2 Конституции Республики Беларусь.

В современной мировой практике признана полезность учреждения специализированного института, который бы занимался в масштабе всего государства изучением состояния прав и свобод, на основе проводимого анализа ситуации в этой сфере, изучения конкретных жалоб принимал меры по исправлению ситуации. Речь идет об институте Уполномоченного по правам человека (омбудсмене), комиссии по правам человека. Институт Уполномоченного имеет свою давнюю историю. Однако в современном виде он получил свое закрепление впервые в скандинавских странах (Швеции) [2].

Исследование правового статуса Уполномоченного активно проводилось российскими, а также белорусскими учеными [3–5]. Совершенно справедливо отмечается, что деятельность Уполномоченного дополняет существующие средства защиты прав и свобод граждан [1, с. 373], обеспечивая их сбалансированность и взаимодополнение.

Уполномоченный по правам человека может существенно содействовать сближению должного и сущего, т. е. преодолевать расхождение между естественным и позитивным (действующим) правом. В этом отношении можем

сослаться на позицию И. А. Ильина, который отмечал, что единство естественного и позитивного права уже как бы задано в силу того, что естественное право лежит в основе позитивного права в качестве известного «минимума правоты», а также в лице основных правовых категорий. Конфликт между естественным и положительным правом разрешается, по его выражению, в жизненной борьбе за право – в правотворчестве [5, с. 293–295]. В связи с этим конструктивна высказанная мысль «об углублении рациональных начал в праве», что является оптимальным направлением «развития гражданского общества в области социальной регуляции, утверждения в нем ценностей и идеалов свободы человека, его статуса и достоинства, условий его созидательной активности, творческого дела – жизни свободных людей в свободном обществе» [1, с. 16].

Анализ взглядов ученых относительно статуса Уполномоченного, сферы его деятельности не является задачей данной статьи. Нами предложена собственная Концепция Национального учреждения по правам человека в Республике Беларусь. Она подготовлена на основе Парижских принципов, касающихся статуса национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека. Избрание их в качестве основы для подготовки Концепции позволяет предложить достаточно сильную с точки зрения полномочий фигуру Уполномоченного по правам человека, обеспечить демократизм его избрания и функционирования.

В Республике Беларусь в основном создана система органов государственной власти, которая призвана реально обеспечить конституционные права и свободы человека и гражданина. За почти двадцатилетнюю историю со времени принятия нового Основного закона нашей страны много сделано для формирования правовых отношений между государством и человеком, укрепления конституционной законности. Вместе с тем было бы полезно создание специализированного Национального учреждения по правам человека, т. е. органа, который занимался бы исключительно вопросами соблюдения прав и свобод. Таким учреждением мог бы быть институт Уполномоченного по правам человека.

На основе изучения опыта создания и функционирования подобных учреждений в зарубежных странах нами разработана Концепция Национального учреждения по правам человека в Беларуси. Вкратце представим модель этого института власти.

1. Полномочия и функции

Целью Национального учреждения по правам человека в Беларуси является:

- 1) защита прав и свобод человека и гражданина, провозглашенных Конституцией Беларуси, ее международными договорами, законодательными актами;
- 2) обеспечение соблюдения и уважения прав и свобод человека и гражданина в Республике Беларусь;
- 3) предупреждение нарушений прав и свобод человека и гражданина или содействие их восстановлению;

4) содействие приведению законодательства Республики Беларусь о правах и свободах человека и гражданина в соответствие с Конституцией, международными стандартами в этой области;

5) улучшение и дальнейшее развитие международного сотрудничества в области защиты прав и свобод человека и гражданина;

6) предотвращение любых форм дискриминации по реализации человеком своих прав и свобод;

7) содействие правовой информированности населения и защита конфиденциальной информации о лице.

Национальное учреждение по правам человека в Беларуси (далее – Национальное учреждение) с учетом международного опыта призвано осуществлять две основные функции: а) создание культурной среды в области прав и свобод человека, т. е. всего того, что определяется как поощрение прав человека; при этом основное направление деятельности заключается в информационно-просветительской работе, в том числе посредством организации круглых столов, конференций, выступлений в СМИ, совместных мероприятий с национальными правозащитными организациями, парламентских слушаниях, содействии организации более широкого образования в области прав и свобод, включая школьные учреждения и высшие учебные заведения; б) защита прав человека посредством реализации полномочий по восстановлению нарушенных прав и свобод и привлечения виновных к ответственности.

За Национальным учреждением и его аппаратом должно быть закреплено право осуществлять деятельность по созданию культурной среды в области прав и свобод человека. Главная задача – сформировать в обществе понимание высокой ценности прав и свобод, взаимной заинтересованности государства, общества, граждан в росте правовой культуры. Для ее решения следует подключить к целенаправленной работе не только государственные, но и общественные структуры, институты гражданского общества. Национальным учреждением может быть разработана и предложена Национальная стратегия в области поощрения прав и свобод человека на определенный период времени (например, 5–7 лет).

С учетом зарубежного опыта деятельность в данном направлении должна охватывать самые широкие сегменты общества. В учреждениях образования (школы, средние специальные учреждения, высшие учебные заведения, институты переподготовки и т. п.) помимо чисто познавательного обучения внимание следует сосредоточить на конкретных правозащитных механизмах, преимуществах легальной борьбы за право. Активная работа со стороны Национального учреждения должна проводиться с учителями и преподавателями, иными специалистами в правозащитной сфере с целью выработки современных подходов в данной области обучения (усвоение необходимых знаний и формирование личных качеств, необходимых для эффективной работы в системе образования в области прав человека).

В университетской среде представители Национального учреждения организуют лекции приглашенных специалистов, сами проводят их, а также семинары и практические занятия. Следует ежегодно организовывать конкурсы среди студенческих работ по вопросам прав человека, победителей поощрять, широко освещать такого рода мероприятия.

Образовательные инициативы Национального учреждения должны охватывать граждан, находящихся вне системы формального образования. В этом отношении наиболее тесная связь может быть налажена с профсоюзными организациями.

Особое направление деятельности – взаимодействие с правоохранительными органами, пенитенциарной системой. Возникающие конфликты граждан с представителями этих органов, если со стороны последних допускаются нарушения законодательства, формируют негативное отношение граждан к государству. Поэтому государство в первую очередь должно быть заинтересовано в строгом соблюдении норм международного права и соответствующего им национального законодательства. Это свидетельство цивилизованного развития государства. Среди тем обучения – международные стандарты для органов по поддержанию порядка; права человека и тюремные учреждения и др.

Национальное учреждение участвует в работе функционирующего в Беларуси Института переподготовки судей, сотрудников прокуратуры, работников учреждений юстиции.

Национальное учреждение проводит как общие, так и адресные кампании, в том числе с использованием радио, телевидения, Интернета, подготовки печатных изданий (основные публикации, ежегодные доклады, специализированные публикации по правам человека).

Порядок образования, функции и компетенция Национального учреждения должны определяться законом. Оптимальным вариантом было бы предварительное его публичное, т. е. народное, обсуждение. Это позволило бы уже на этапе создания данного института власти «подключить» широкий круг общественности к решению общегосударственной задачи – созданию указанного Национального учреждения. При этом органы государственной власти получили бы более полную информацию о проблемных вопросах и о том, как общество видит их решение. Опыт обсуждения проектов законов в Республике Беларусь имеется, и его в данном случае следует использовать. Гражданское общество также заинтересовано в таком подходе и его принятии.

Уполномоченный осуществляет свою деятельность независимо от других государственных органов и должностных лиц.

Создание Национального учреждения дополнит существующие средства защиты прав и свобод граждан, но не приведет к принципиальному пересмотру компетенции государственных органов, обеспечивающих защиту и восстановление нарушенных прав и свобод. В этом нет необходимости на данном этапе. Другое дело, что создание Национального учреждения активизирует

процессы защиты прав и свобод человека, усилит информационно-просветительскую функцию государства в сфере прав и свобод, будет способствовать формированию более высокой культуры в данной области. Благодаря Национальному учреждению должна быть усилена правозащитная функция таких органов, как парламентские комиссии, Конституционный Суд, общие и хозяйственные суды, прокуратура, адвокатура, учреждения Министерства юстиции, общественных объединений, включая профсоюзы (только в Федерации профсоюзов Беларуси насчитывается более четырех миллионов человек). Но некоторая корректировка действующих актов необходима именно под углом зрения активизации и взаимодействия различных субъектов власти и общественных объединений с Национальным учреждением, решения и действия которого в ряде случаев должны иметь обязательный характер для рассмотрения и исполнения.

Так, с принятием закона о Национальном учреждении потребуются внесение изменений и дополнений в такие (основные) законодательные акты, как закон «О Национальном собрании Республики Беларусь», «О Президенте Республики Беларусь», регламенты палат Парламента, Кодекс о судоустройстве и статусе судей, Закон «О прокуратуре Республики Беларусь», закон «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь», некоторые иные.

Таким образом, полагаем, что закрепленные в Конституции Республики Беларусь полномочия высших органов государственной власти (Президента, Парламента, Правительства, Конституционного Суда) сохранятся. Однако создание Национального учреждения и наделение его соответствующими полномочиями должно повлечь закрепление за вышеназванными органами обязанности рассмотрения заключений (предложений, рекомендаций) Национального учреждения и реагирования на них, т. е. принятия решений в соответствии с Конституцией, общепризнанными принципами международного права (ст. 8 Конституции), нормами международных договоров, ставших обязательными для Республики Беларусь.

Например, очень важным было закрепление в законодательстве следующего права, аналогичного тому, которое закреплено в ч. 2 ст. 112 Конституции. В ней в настоящее время предусмотрено, что если при рассмотрении конкретного дела суд выявит расхождение между Конституцией и законом, то он принимает решение в соответствии с Конституцией и ставит в установленном порядке вопрос о признании данного акта неконституционным. Было бы полезно предусмотреть такой же подход, когда в процессе рассмотрения дела выявляется расхождение между актами национального законодательства и международными договорами. Последние по юридической силе выше иных подконституционных актов. Закрепление такого подхода видится целесообразным. Практика применения Декрета Президента от 26 июня 2008 г. № 14, которым расширены полномочия Конституционного Суда, убеждает в возможности развития института конституционной жалобы. Для этого предлагается следующее. В настоящее время все законы до их подписания Прези-

дентом проверяются на соответствие Конституции в порядке предварительного контроля. Такая сплошная проверка законов, на наш взгляд, не столь необходима. Тем более, что за четыре года реализации упомянутого Декрета все законы признаны Конституционным Судом соответствующими Конституции, хотя и высказывались определенные замечания. Поэтому предлагаем, с одной стороны, исключить обязательность проверки всех законов до их подписания, а с другой – расширить круг субъектов, которые вправе потребовать проведение данной проверки. Среди таких субъектов могли бы быть и граждане, возможно, их общественные объединения. Однако для этого у них должна быть информация о принятых законах, их можно было бы одновременно с направлением Президенту на подпись размещать на сайте палаты Парламента. Таким образом, можно прогнозировать, что в Конституционном Суде в порядке предварительного контроля будут проверяться не все законы, а лишь те, в отношении которых у соответствующих субъектов будут сомнения в их конституционности.

Наиболее оптимальным вариантом является учреждение поста Уполномоченного по правам человека. Это устоявшийся в сознании специалистов и граждан институт власти.

У Уполномоченного должно быть два заместителя, штат численностью до сорока человек. С учетом абсолютно правильного подхода, который практикуется в нашем государстве, создание такого аппарата может проводиться за счет сокращения численности других государственных учреждений, осуществляющих управленческие функции, которые часто дублируются либо являются излишними.

Национальное учреждение (Уполномоченный) должно быть наделено широким спектром правомочий.

Уполномоченный прежде всего должен быть наделен правом рассмотрения жалоб граждан Беларуси и других заявителей, постоянно проживающих на ее территории, в том числе депутатов, юридических лиц, чьи интересы непосредственно затронуты либо затронуты интересы их избирателей, работников. Обращение к Уполномоченному осуществляется в соответствии с законом «Об обращениях граждан и юридических лиц». Необходимые дополнения следует внести в данный Закон с учетом специфики статуса Уполномоченного. При этом Уполномоченный вправе рассматривать жалобы на решения или действия (бездействие) государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, если ранее заявитель обжаловал эти решения или действия (бездействие) в судебном либо административном порядке и не согласен с решениями, принятыми по его жалобе, либо оно оставлено без рассмотрения. Особая категория – лица, содержащиеся в заключении. Реагирование на их обращения должно быть более быстрым, нежели на обращения иных заявителей. Указанным лицам должны быть созданы условия для беспрепятственного направления обращений в адрес Уполномоченного. Обращения

в адрес Уполномоченного указанных лиц не подпадают под установленные Уголовно-исполнительным кодексом ограничения на переписку.

В законе об Уполномоченном следует оговорить, что принимаются к рассмотрению те жалобы граждан, основания для подачи которых возникли после принятия закона об Уполномоченном в силу. Право на подачу жалобы граждане в дальнейшем имеют в течение года со дня нарушения прав и свобод заявителя или с того дня, когда заявителю стало известно об их нарушении. Отсчет годичного срока следует вести со дня, когда гражданин исчерпал свои возможности разрешить свой вопрос в иных уполномоченных инстанциях (судах, в том числе на уровне высших судебных инстанций). В исключительных случаях, когда жалобы носят массовый характер и имеют общественную значимость, этот срок можно увеличить до трех лет.

В случае, если лицо по уважительным причинам не имеет возможности направить жалобу, в том числе и по причине смерти, обращение подается его представителем.

Могут быть коллективные обращения.

Жалобы должны подаваться в письменном виде, содержать описание обжалуемого решения (действия), имя, адрес заявителя, документы, свидетельствующие о попытке решить свой вопрос в соответствии с установленной процедурой (в суде, вышестоящей организации). В них должно быть описание обжалуемой меры и требование заявителя. Анонимные жалобы не подлежат рассмотрению. Жалоба принимается, если исчерпаны все средства административной и судебной защиты внутри страны. Жалоба Уполномоченному не требует оплаты государственной пошлины. При обращении к Уполномоченному не может быть привилегий или ограничений по признакам расы, цвета кожи, религиозных и иных убеждений, пола, этнического и социального происхождения, имущественного положения, места жительства, по языковым и иным признакам. Отказ в принятии обращения к рассмотрению должен быть мотивированным. Уполномоченный вправе отказать от рассмотрения обращения, если придет к выводу, что оно носит необоснованный характер, ранее по нему Уполномоченный принимал решение.

Уполномоченный не исследует жалобы, которые находятся в производстве суда. После вынесения судебного постановления Уполномоченный вправе высказать свое мнение относительно возможных вариантов решения по жалобе, которое имеет рекомендательный характер.

Уполномоченный должен обладать правом по собственной инициативе принимать в пределах своей компетенции соответствующие меры. Такие действия могут быть осуществлены при наличии информации о массовых или грубых нарушениях прав и свобод граждан либо в случаях, имеющих особое общественное значение или связанных с необходимостью защиты интересов лиц, не способных самостоятельно использовать правовые средства защиты, а также в иных случаях, когда сочтет это необходимым Уполномоченный.

При рассмотрении обращения Уполномоченный:

1) открывает производство по делу о нарушении прав и свобод человека и гражданина;

2) разъясняет меры, которые должно предпринять лицо, подавшее обращение к Уполномоченному;

3) направляет обращение по принадлежности в орган, к компетенции которого принадлежит рассмотрение дела, и контролирует рассмотрение этого обращения;

4) отказывает в рассмотрении обращения.

Уполномоченный не рассматривает обращения, которые рассматриваются судами, приостанавливает уже начатое рассмотрение, если заинтересованное лицо подало иск, заявление или жалобу в суд.

Уведомление о принятии обращения к рассмотрению или отказ в принятии обращения к рассмотрению направляется в письменной форме лицу, подавшему его. Отказ в принятии обращения к рассмотрению должен быть мотивированным.

Уполномоченный должен иметь право:

1) безотлагательного приема Президентом, Председателями палат Парламента, Премьер-министром, председателями Конституционного Суда, Верховного Суда, Высшего Хозяйственного Суда, Генеральным прокурором, Председателем Комитета государственного контроля, руководителями других государственных органов, органов местного самоуправления, объединений граждан, предприятий, учреждений, организаций независимо от формы собственности, их должностными лицами;

2) присутствовать на заседаниях палат Парламента, Совета Министров, Конституционного Суда, Верховного Суда, Высшего Хозяйственного Суда, коллегии Генеральной прокуратуры и других коллегиальных органов;

3) обращаться в Конституционный Суд с предложением о проверке соответствия Конституции законов и иных нормативных правовых актов, касающихся прав и свобод человека и гражданина; процедура и последствия принятия решения Конституционным Судом должны быть аналогичными тем, что установлены для субъектов, указанных в ч. 4 ст. 116 Конституции, т. е. в связи с обращением Уполномоченного Конституционным Судом должно выноситься заключение. Признанные неконституционными акты или отдельные их положения, как это предусмотрено в настоящее время в ст. 22 Кодекса о судоустройстве и статусе судей, не могут применяться судами, иными органами государственной власти.

4) обращаться в Палату представителей об официальном толковании Конституции и законов;

5) беспрепятственно посещать органы государственной власти, органы местного самоуправления, предприятия, учреждения, организации независимо от формы собственности, присутствовать на их заседаниях;

б) на ознакомление с документами, в том числе и секретными (тайными), и получение их копий в органах государственной власти, органах местного самоуправления, объединениях граждан, на предприятиях, в учреждениях, организациях независимо от формы собственности, органах прокуратуры, включая дела, которые находятся в судах.

Доступ к информации, связанной со служебной и государственной тайнами, осуществляется в порядке, определенном законодательными актами Беларуси;

7) требовать от должностных и служебных лиц органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций независимо от формы собственности содействия проведению проверок деятельности подконтрольных и подчиненных им предприятий, учреждений, организаций, выделения специалистов для участия в проведении проверок, экспертиз и предоставления соответствующих заключений;

8) приглашать должностных лиц, граждан Беларуси, иностранцев и лиц без гражданства для получения от них устных или письменных объяснений относительно обстоятельств, которые проверяются по делу;

9) посещать в любое время места содержания, предварительного заключения, учреждения отбывания осужденными наказаний и принудительного лечения и перевоспитания, психиатрические больницы, опрашивать лиц, которые там находятся, и получать информацию об условиях их содержания;

10) присутствовать на заседаниях судов всех инстанций, в том числе на закрытых судебных заседаниях, при условии согласия субъекта права, в интересах которого судебное разбирательство объявлено закрытым;

11) обращаться в суд с заявлением о защите прав и свобод граждан, которые по состоянию здоровья либо по другим уважительным причинам не могут этого сделать самостоятельно, а также лично или через своего представителя принимать участие в судебном процессе в случаях и порядке, установленных законом;

12) направлять в соответствующие органы акты реагирования Уполномоченного в случае выявления нарушений прав и свобод человека и гражданина для принятия этими органами мер;

13) проверять состояние соблюдения установленных прав и свобод человека и гражданина соответствующими государственными органами, в том числе осуществляющими оперативно-розыскную деятельность;

14) осуществлять контроль обеспечения равных прав и возможностей женщин и мужчин, соблюдения требований Конституции о недопустимости дискриминации по иным признакам.

Уполномоченный имеет право излагать свою позицию в рамках законотворческого (нормотворческого) процесса, затрагивающего права и свободы граждан. При этом Уполномоченный вправе контролировать своевременность принятия законодательных актов, направленных на реализацию конституционных прав и свобод, а также оценить дискреционные полномочия, если их реализация приводит к ущемлению прав и свобод.

Уполномоченный вносит свои предложения Главе государства относительно утверждаемого им Плана законопроектных работ, участвует в заседаниях Парламента, которые организуются для вопросов членов Парламента и ответов Правительства (по Конституции такие заседания организуются один раз в месяц). При осуществлении Конституционным Судом проверки принятого закона в порядке предварительного конституционного контроля Уполномоченный вправе высказать свою оценку проверяемого закона.

Уполномоченный обязан добиваться того, чтобы в области публичных отношений не совершалось несправедливости в результате решений и действий государственных органов и должностных лиц. Одной из его задач является содействие реализации права граждан на хорошее управление. Уполномоченный вправе высказываться по поводу содержания нормативного правового акта, который приводит к неразумному или несправедливому результату. Он может вносить свои предложения о более рациональном правовом регулировании общественных отношений, о ненадлежащем управлении на местном уровне и доводить об этом информацию до Главы государства, Парламента или Правительства.

Уполномоченный обязан направить государственному органу, органу местного самоуправления или должностному лицу, в решениях или действиях (бездействии) которых он усматривает нарушение прав и свобод граждан, свое заключение, содержащее рекомендации относительно возможных и необходимых мер восстановления указанных прав и свобод. Уполномоченный вправе опубликовать принятое им заключение.

Должностные лица бесплатно и беспрепятственно обязаны предоставлять Уполномоченному запрошенные материалы и документы, иную информацию, необходимую для осуществления его полномочий. Запрошенные материалы и документы и иная информация должны быть направлены Уполномоченному не позднее 15 дней со дня получения запроса, если в самом запросе не установлен иной срок.

Следует установить административную ответственность за ненадлежащее рассмотрение заключений Уполномоченного, игнорирование его запросов. Она должна быть сопоставима с установленной в настоящее время ответственностью за проявление неуважения к суду. Кроме того, применима дисциплинарная ответственность, вплоть до освобождения виновного лица от занимаемой должности. Уполномоченный обладает правом внесения предложения о привлечении к дисциплинарной ответственности, включая освобождение от должности, должностного лица, нарушающего права и свободы граждан. Исключение – Президент, члены Парламента, Правительства, судьи.

Вмешательство в деятельность Уполномоченного с целью повлиять на его решение, неисполнение должностными лицами обязанностей, установленных законом, а равно воспрепятствование деятельности Уполномоченного в иной форме также должно влечь ответственность, сопоставимую с установленной законодательством при вмешательстве в деятельность суда.

Актами реагирования Уполномоченного на нарушения положений Конституции, законов, международных договоров Беларуси относительно прав и свобод человека и гражданина являются заключение, представление и предложение Уполномоченного в адрес органов государственной власти, органов местного самоуправления, объединений граждан, предприятий, учреждений, организаций независимо от формы собственности и их должностных и служебных лиц.

Заключение Уполномоченного принимается по вопросам, позиция по которым запрошена у него государственными и иными органами, а также относительно актов (проектов актов) законодательства, итогов проведенных Уполномоченным проверок.

Представление Уполномоченного – акт, который вносится Уполномоченным в органы государственной власти, органы местного самоуправления, объединения граждан, предприятия, учреждения, организации независимо от формы собственности, их должностным и служебным лицам для принятия соответствующих мер в месячный срок по устранению выявленных нарушений прав и свобод человека и гражданина.

Предложение Уполномоченным вносится в порядке собственной инициативы по вопросам, которые желательно нормотворческому или правоприменительному органу разрешить.

В случае грубого или массового нарушения гарантированных Конституцией прав и свобод человека и гражданина Уполномоченный вправе:

1) выступить с докладом на очередном заседании палат Парламента; должна быть обеспечена трансляция выступления в СМИ, если иное не предложит Уполномоченный;

2) обратиться в любую из палат Парламента (с учетом их компетенции) с предложением о создании палатой комиссии по расследованию фактов и обстоятельств, послуживших основанием для проведения парламентского расследования; принимать участие в работе указанной комиссии непосредственно либо через своего представителя, а также участвовать в заседаниях палат при рассмотрении ими вопроса об утверждении итогового доклада указанной комиссии.

Уполномоченный вправе обратиться в палаты Парламента с предложением о проведении парламентских слушаний по фактам нарушения прав и свобод граждан, а также непосредственно либо через своего представителя участвовать в проводимых парламентских слушаниях.

По итогам года Уполномоченный не позднее 15 марта (совпадает с днем принятия 15 марта 1994 г. Конституции) следующего года направляет доклад о состоянии прав и свобод человека, взаимодействии с иными субъектами. Доклад размещается на сайте Уполномоченного, содержит разделы, касающиеся реализации неотъемлемых, политических, экономических, социальных и культурных прав и свобод, совершенствования действующего законодательства, приведения его в соответствие с международными документами. Еже-

годный доклад должен содержать ссылки на имевшие место нарушения прав и свобод человека и гражданина, по которым Уполномоченный предпринимал необходимые меры, а также результаты проверок, которые осуществлялись в течение года, заключения и рекомендации, направленные на улучшение состояния обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Необходимо уделить внимание соблюдению прав и свобод молодежи, инвалидов, национальных меньшинств, проблемам обеспечения равенства, исключения дискриминации, равенства двух государственных языков, что актуально для Беларуси, следованию стандартам содержания в местах лишения или иного ограничения свободы, соблюдению установленного Конституцией, международными документами порядка защиты и восстановления нарушенных прав и свобод.

Доклады направляются Президенту, палатам Парламента. В порядке информации такие доклады по решению Уполномоченного могут быть направлены Правительству, Конституционному Суду, Верховному Суду, Высшему Хозяйственному Суду, Генеральному прокурору Республики Беларусь, иным государственным органам. Указанным субъектам власти могут также направляться специальные доклады. Особое внимание уделяется реализации неотъемлемых прав и свобод, в том числе праву пользования родным языком. Доклады должны быть рассмотрены в месячный срок, а палатами Парламента – на ближайшей сессии не позднее месяца со дня начала ее работы. Об итогах рассмотрения докладов Уполномоченный информируется в установленном законом порядке.

Доклады и иные материалы Уполномоченного готовятся аппаратом Уполномоченного без какого-либо предварительного одобрения иными государственными органами и лицами. Доклады и информация Уполномоченного должны быть тщательно аргументированными.

Предметом особой заботы Уполномоченного может быть состояние реализации в законодательстве и на практике международных документов, составляющих Международный Билль о правах человека. Соответствующие доклады могут быть результатом проведенных анализов. Правовую основу составляют ст. 8, ч. 4 ст. 116 Конституции, а также установленный в ст. 112 подход по реализации судами норм Конституции в случае расхождения с ней иных (подконституционных) актов: аналогичную практику, как отмечалось, следует внедрить при расхождении международного договора, в котором зафиксированы права и свободы человека, и законодательного акта. Уполномоченный инициирует присоединение Беларуси к международным документам в области прав и свобод человека. Уполномоченный мог бы инициировать подготовку Программы действий по приведению национального законодательства в соответствии с правовыми документами, действующими в рамках Совета Европы, Европейского союза, имея в виду участие Беларуси в Восточном партнерстве и ее стремление вступить в Совет Европы, а значит последующую ратификацию Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод: здесь полезен опыт России, Украины, других государств молодой де-

мократии, которые проводили работу по совершенствованию национального законодательства в связи со вступлением в Совет Европы. Уполномоченный и его аппарат в силу близости положений белорусской Конституции, касающейся прав и свобод человека, и Европейской конвенции могли бы взять на себя функцию «ретрансляции» решений Европейского Суда по правам человека для ее реализации в сфере нормотворчества и правоприменения.

В поле постоянного внимания Уполномоченного находится непосредственная реализация норм ставших обязательными для Республики Беларусь международных договоров.

Общественность постоянно информируется о предпринятых шагах Уполномоченного по реализации норм и принципов международного права.

Уполномоченный участвует в подготовке национальных докладов о соблюдении прав и свобод по аспектам своей деятельности, которые представляются Республикой Беларусь в международные организации в соответствии с действующими международными договорами, согласие на обязательность которых дано Республикой Беларусь. Окончательный вариант национального доклада до направления в соответствующие международные организации направляется Уполномоченному. При этом обеспечивается точность изложения позиции Уполномоченного. Полученные белорусским Правительством оценки со стороны договорных органов относительно состояния прав и свобод в государстве также доводятся до сведения Уполномоченного. После изучения полученных замечаний и рекомендаций Уполномоченный может счесть целесообразным представить Правительству свои рекомендации по исправлению ситуации, а также обеспечить контроль за их реализацией.

По отдельным вопросам соблюдения прав и свобод граждан Уполномоченный может направлять в соответствующий орган специальный доклад.

Ежегодные и специальные доклады Уполномоченного (по его решению) не позднее десяти дней со дня направления подлежат обязательному официальному опубликованию в газете «Республика». Также они размещаются на сайте Уполномоченного. Рекомендации Уполномоченного, высказанные в адрес иных государственных органов и должностных лиц (по решению Уполномоченного), публикуются в тех изданиях, которые определены в качестве официальных для этих органов и должностных лиц. По поводу ежегодных докладов, а также в иных случаях Уполномоченный вправе проводить пресс-конференции.

Уполномоченный должен обладать правом представлять замечания, заключения, в том числе по своей инициативе, если проектами решений или решениями (нормативными правовыми актами) затрагиваются права и свободы человека и гражданина, неправомерно предусматриваются дополнительные обязанности, нарушаются принципы установления и реализации юридической ответственности.

Парламентские комиссии взаимодействуют с Уполномоченным по проектам законов, затрагивающим права и свободы граждан. Замечания и предложения

Уполномоченного во время доклада на заседании палаты Парламента субъектом права законодательной инициативы доводятся до сведения членов палаты.

Уполномоченный вправе направить свое заключение в палаты Парламента относительно проектов законов, касающихся прав и свобод граждан. Заключение Уполномоченного подлежит обязательному рассмотрению в Парламенте при обсуждении проектов законов. Оно имеет рекомендательный характер. При его отклонении Уполномоченный вправе направить свое заключение Конституционному Суду, который в настоящее время в соответствии с Декретом Президента осуществляет в обязательном порядке предварительный контроль за конституционностью законов, направленных Президенту для их подписания. Уполномоченного следует также наделить правом обращения в Конституционный Суд наряду с субъектами, указанными в ч. 4 ст. 116 Конституции. Итогом такого обращения является заключение Конституционного Суда. Юридическая сила заключения Конституционного Суда и его последствия определены в ст. 22 Кодекса о судостроительстве и статусе судей: положения нормативных правовых актов, признанных не соответствующими Конституции, не могут применяться судами, иными органами, иными должностными лицами.

Участие Уполномоченного в законотворческом процессе должно быть приближено к участию в нем субъектов, обладающих правом законодательной инициативы. В ст. 99 Конституции дан их перечень. Основной закон не предусматривает возможность их расширения посредством принятия обыкновенного закона (в отличие, например, от имеющейся в Конституции возможности наделения Уполномоченного правом обращения в Конституционный Суд для вынесения им обязательного для исполнения решения в форме заключения, см. ч. 7 ст. 116 Конституции). Вместе с тем на практике были уже апробированы корректные формы решения данного вопроса. Например, из содержания регламентов палат Парламента, Кодекса о судостроительстве и статусе судей следует обязанность палат Парламента рассматривать предложения Конституционного Суда по совершенствованию действующего законодательства. Аналогичное право Уполномоченного и соответствующую обязанность Парламента можно предусмотреть в законе об Уполномоченном и регламентах палат Парламента, Правительства и др. (следует более широко закрепить право Уполномоченного участвовать не только в законотворческом, но и нормотворческом процессе, т. е. на уровне Правительства, министерств и ведомств, если речь идет о регламентации отношений по поводу прав и свобод).

Уполномоченный и его Секретариат систематически изучают действующее законодательство, практику его применения в области прав и свобод человека. Такой мониторинг может осуществляться не только в связи с изучением поступивших жалоб, но и в связи с изучением нормативных правовых актов по инициативе Уполномоченного. Особый акцент может быть сделан на реализации гражданами права законодательной, а также нормотворческой инициативы на местном уровне, на обеспечении права на народное обсужде-

ние проектов нормативных правовых актов. В рамках данного направления деятельности уделяется внимание соблюдению международных стандартов в сфере нормотворчества, определению путей дальнейшего совершенствования законодательства, подготовке доклада с соответствующими рекомендациями, их открытому рассмотрению соответствующими органами, информированию о том, в какой мере реализованы высказанные рекомендации. Уполномоченный вправе высказывать свои рекомендации по вопросам нормотворческой деятельности в адрес Правительства, а также руководителей министерств и государственных комитетов, органов местного управления и самоуправления.

Уполномоченный и его Секретариат взаимодействуют с Национальным центром законодательства и правовых исследований при Президенте Республики Беларусь, с Министерством юстиции Республики Беларусь. Обеспечивает заблаговременное выяснение планируемых нормотворческих инициатив.

Уполномоченный вправе направлять предложения Генеральному прокурору принести протест относительно принятых актов законодательства, которые являются предметом надзора органов прокуратуры, а также судебных постановлений. Уполномоченный не осуществляет постоянный надзор за судебными актами, проверяет лишь те из них, на которые к нему поступили жалобы от граждан. Уполномоченный участвует в осуществлении информационно-просветительских и научных программ по вопросам прав человека, в том числе путем содействия разработке программ для школ, средних специальных и высших учебных заведений; проведения конкурсов по тематике прав человека; участия в подготовке сотрудников пенитенциарной системы, органов внутренних дел; распространения информации в системе образования, СМИ; издания брошюр, собственного журнала «Права человека». Уполномоченный осуществляет взаимодействие с национальными организациями, занимающимися правозащитной деятельностью, а также правозащитными организациями других стран и международными организациями.

2. Состав и гарантии независимости и плюрализма

Уполномоченный является должностным лицом, статус которого определяется соответствующим Конституции Законом «Об Уполномоченном Республики Беларусь по правам человека», Законом «О государственной службе». Уполномоченный осуществляет свою деятельность независимо от других государственных органов и должностных лиц.

Полномочия Уполномоченного не могут быть прекращены либо ограничены в случае введения военного или чрезвычайного положения в Беларуси или в отдельных ее местностях.

Уполномоченный имеет печать с изображением Государственного герба Республики Беларусь и своим наименованием.

Местонахождением Уполномоченного является столица Беларуси – город Минск.

Уполномоченный назначается Президентом Республики Беларусь сроком на семь лет с предварительного согласия Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь.

За месяц до внесения предложения Президентом кандидатуры в Палату представителей для получения согласия в республиканской печати с целью изучения общественного мнения публикуются биографические данные не менее трех возможных кандидатов. При этом в составе руководства Национального учреждения (Уполномоченный или заместитель) должны быть представители обоих полов (как мужчины, так и женщины). По итогам изучения общественного мнения Президент вносит соответствующую кандидатуру в Палату представителей.

Назначение первого Уполномоченного осуществляется не позднее чем в трехмесячный срок со дня принятия закона об Уполномоченном.

При вступлении в должность Уполномоченный приносит присягу следующего содержания: «Я, (имя, отчество и фамилия), вступая в должность Уполномоченного по правам человека, торжественно присягаю честно и добросовестно защищать права и свободы человека и гражданина, добросовестно исполнять свои обязанности, соблюдать Конституцию Беларуси и руководствоваться справедливостью и собственной совестью. Обязуюсь действовать независимо, непредвзято, в интересах человека и гражданина».

Учитывая, что наибольшие трудности в работе Уполномоченного будут в период становления этого института, было бы полезно, чтобы первый Уполномоченный и его заместители публично заявили о том, что они исключают свое участие в выборах на пост Президента или в состав Парламента. Возможно, эта мера позволит исключить политизацию их работы.

Полномочия Уполномоченного начинаются с момента принесения присяги.

Присягу принимает Глава государства. Она приносится в торжественной обстановке. При ее принесении присутствуют председатели палат Парламента, Премьер-министр, руководители высших судебных инстанций, Генеральный прокурор. После принесения присяги она подписывается Уполномоченным.

Срок полномочий исчисляется с момента принесения присяги. Его полномочия прекращаются с момента принесения присяги вновь назначенным Уполномоченным. Уполномоченный уходит в отставку по достижении 65 лет.

Заместители Уполномоченного назначаются Уполномоченным. Один из них назначается по согласованию с Президентом, а другой – по согласованию с Советом Палаты представителей. Срок полномочий заместителей пять лет. При первом назначении (после принятия Закона об Уполномоченном) заместителей срок полномочий заместителя, назначаемого с согласия Президента, четыре года. Одно и то же лицо не может быть повторно назначено на должность Уполномоченного, повторно занимать должность заместителя Уполномоченного. Заместитель может быть назначен на должность Уполномоченного в случае досрочного появления вакансии Уполномоченного.

Уполномоченным, его заместителями может быть назначено лицо не моложе 50 лет, являющееся гражданином Республики Беларусь. Это должны быть известные в республике специалисты в области защиты прав и свобод человека, осуществляющие научную либо практическую деятельность (зани-

мающиеся правозащитной деятельностью), предпочтительно имеющие юридическое образование. С учетом значимости языковой проблемы Уполномоченный, его заместители должны свободно владеть двумя государственными языками – белорусским и русским. Предварительную оценку знания языков могла бы давать соответствующая комиссия.

По окончании полномочий Уполномоченному и его заместителям в течение трех месяцев предоставляется работа (должность) не ниже той, которую они выполняли (занимали) до назначения на должность Уполномоченного, его заместителя. За все время задержки предоставления указанной работы выплачивается среднемесячная заработная плата действующего Уполномоченного, его заместителя.

Уполномоченный (его заместитель) не может являться депутатом, членом Совета Республики Национального собрания, заниматься другой оплачиваемой или неоплачиваемой деятельностью, за исключением преподавательской, научной либо иной творческой. Уполномоченный не вправе заниматься политической деятельностью, быть членом политической партии или общественного объединения. Уполномоченный обязан прекратить деятельность, не совместимую с его статусом, не позднее десяти дней со дня вступления в должность. До устранения указанных обстоятельств он не может приносить присягу. Если обстоятельства, касающиеся несовместимости мандатов, возникли во время деятельности Уполномоченного, они должны быть устранены в течение десяти дней со дня, когда об этом стало известно. В случае невозможности устранить их в течение десяти дней Уполномоченный обязан сделать в указанный срок заявление об отказе исполнять какие-либо другие поручения либо полномочия, кроме тех, которые принадлежат Уполномоченному.

Если в течение указанного срока Уполномоченный не выполнит установленных требований, он освобождается от должности. Новое выдвижение кандидатур и назначение Уполномоченного осуществляются по процедуре, предусмотренной Законом.

Уполномоченный обладает неприкосновенностью в течение всего срока его полномочий, а также по их окончании. Он не может быть без согласия Палаты представителей привлечен к уголовной или административной ответственности, налагаемой в судебном порядке, задержан, арестован, подвергнут обыску, за исключением случаев задержания на месте преступления, а также подвергнут личному досмотру, за исключением случаев, когда это предусмотрено законом для обеспечения безопасности других лиц. Неприкосновенность Уполномоченного распространяется на его жилое и служебное помещения, багаж, личное и служебное транспортные средства, переписку, используемые им средства связи, а также на принадлежащие ему документы.

Уголовное дело против Уполномоченного в случае дачи на это согласия Палатой представителей может быть возбуждено лишь Генеральным прокурором. За нарушение законодательства относительно гарантий деятельности Уполномоченного, его представителей и работников Секретариата виновные

лица привлекаются к ответственности согласно действующему законодательству.

Жизнь и здоровье Уполномоченного, его заместителей, его представителей, сотрудников Секретариата, которые работают на постоянной основе, подлежат обязательному государственному страхованию на случай смерти, травмы, увечья или заболевания, полученных при исполнении ими служебных обязанностей. Порядок и условия страхования устанавливаются Советом Министров Беларуси.

Уполномоченный вправе отказаться от дачи свидетельских показаний по гражданскому, административному или уголовному делу об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с выполнением его обязанностей. Уполномоченный досрочно освобождается от должности в случаях отставки; подачи им заявления об освобождении от должности по собственному желанию; отказа от принесения присяги; нарушения запрета на совмещения обязанностей Уполномоченного с иной деятельностью; прекращения гражданства; вступления в законную силу обвинительного приговора суда, невозможности в течение более четырех месяцев подряд исполнять обязанности ввиду неудовлетворительного состояния здоровья либо потери трудоспособности.

Заключение о наличии основания для досрочного освобождения от должности Уполномоченного должна дать временная специальная комиссия Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь.

Досрочное освобождение Уполномоченного от должности по указанным основаниям производится Президентом с предварительным, не менее чем за семь дней, уведомлением Палаты представителей, которая должна дать на это согласие либо отказать в нем. В этих целях созывается сессия Палаты представителей. Аналогичное правило должно действовать (имеется в виду согласование с соответствующими органами) и при освобождении от должности заместителей Уполномоченного.

В случае досрочного освобождения Уполномоченного от должности новый Уполномоченный должен быть назначен в установленном порядке в течение трех месяцев со дня досрочного освобождения предыдущего Уполномоченного от должности.

Для обеспечения деятельности Уполномоченного создается Секретариат, который имеет в своем составе несколько управлений (отделов) с целью юридического, организационного, научно-аналитического, информационно-справочного и иного обеспечения деятельности Уполномоченного. Уровень заработной платы и условия занятости, материально-технического, медицинского обеспечения должны соответствовать уровню, предусмотренному для сотрудников Секретариата палат Парламента (Правительства).

Секретариат является юридическим лицом, имеет свой счет в банке и печать установленного образца. Структура Секретариата, распределение обязанностей и другие вопросы по организации его работы регулируются Положением о Секретариате Уполномоченного, утверждаемым Уполномоченным

самостоятельно. На работников Секретариата распространяется действие Закона «О государственной службе».

Замещение должностей в Секретариате Уполномоченного может осуществляться на конкурсной основе. Лица, назначаемые на должности ответственных работников, должны обладать глубокими знаниями и опытом работы. Поощряется прием на работу лиц, имеющих ученую степень, склонных к аналитической работе. Особое внимание уделяется приему на работу на ответственные должности в Секретариат женщин. Лица, занимающие ответственные должности в Секретариате, обязаны знать два государственных языка.

Набор в Секретариат может осуществляться из числа лиц, работавших не только в государственных учреждениях, но и в негосударственных правозащитных организациях.

Сотрудники Секретариата должны обладать такими качествами, как компетентность, честность, неподкупность и независимость. Приказ о назначении на работу сотрудников Секретариата издает Уполномоченный. Трудовой договор заключается на неопределенный срок. Допускается заключение контракта до пяти лет с правом его перезаключения. Запрещается прекращать действие трудового договора (контракта) по формальным признакам – истечение срока: контракт может быть прекращен, если на место увольняемого работника подобран более компетентный и достойный кандидат.

Сотрудники Секретариата также обладают неприкосновенностью. Не допускается их обыск, изъятие их документов, привлечение к административной ответственности без согласия Уполномоченного.

Финансирование деятельности Уполномоченного и его Секретариата реализуется из средств республиканского бюджета и должно обеспечить возможность независимого осуществления его деятельности в полном объеме. В республиканском бюджете ежегодно отдельной строкой предусматриваются средства, необходимые для обеспечения деятельности Уполномоченного и его аппарата. При этом финансирование, предусматриваемое на очередной год, не может быть меньшим, чем в предыдущем году, без согласия на то Уполномоченного, т. е. не допускается его произвольное уменьшение.

Финансирование расходов на помещение, в которых осуществляют свою работу общественные помощники Уполномоченного, производится за счет средств местного бюджета. Оно также не может быть меньшим, чем в предыдущем году.

Допускается финансирование для поощрения деятельности лиц, привлекаемых для работы на общественных началах, за счет средств, выделяемых из иных (негосударственных) источников. При этом смета расходов должна доводиться до сведения общественности.

Размещается Уполномоченный и его Секретариат в городе Минске. Обеспечиваются достойные условия работы, необходимые для выполнения возложенных задач, включая служебное помещение, транспорт, средства связи и т. п. Обеспечивается охрана офиса Уполномоченного и его Секретариата.

Уполномоченный самостоятельно разрабатывает и исполняет свою смету расходов. Он утверждает структуру Секретариата, его штатное расписание, положение о Секретариате и его структурных подразделениях и непосредственно руководит его работой.

Уполномоченный и его Секретариат являются государственным органом с правом юридического лица, имеющим расчетный и иные счета, печать и бланки со своим наименованием и с изображением Государственного герба Республики Беларусь.

При Уполномоченном может создаваться Консультативный совет, куда включаются представители государственных (с их согласия), а также общественных правозащитных формирований. Состав Совета должен быть широко представительным и гендерно сбалансированным. Регламент Совета утверждается Уполномоченным.

3. Методы работы

Уполномоченный вправе свободно рассматривать любые вопросы, относящиеся к сфере его ведения. Гарантией реализации им своих полномочий будет его право самостоятельно принимать к своему рассмотрению вопрос, имеющий общественный резонанс, либо когда имеются сведения, включая сообщения в СМИ, о грубом нарушении прав и свобод, в том числе факты дискриминации. Ограничение возможно лишь по сроку (когда допущено нарушение либо о нем стало известно). Полагаем, что свои рекомендации Уполномоченный должен иметь право выносить в адрес любого государственного органа, должностного лица, органа местного управления и самоуправления, общественного объединения.

Государственный орган, должностные лица, органы местного управления и самоуправления, общественное объединение, получившие заключение Уполномоченного, содержащее его рекомендации, обязаны в установленный законом срок рассмотреть их и о принятых мерах в письменной форме сообщить Уполномоченному. (Об ответственности за игнорирование обращения Уполномоченного указывалось выше.)

Заключение Уполномоченным вносится в адрес органов (должностных лиц), допустивших нарушения либо правомочных устранить допущенные нарушения. Подлежит рассмотрению не позднее месячного срока со дня поступления, а коллегиальным органом (местным советом депутатов, исполкомом, местной администрацией, коллегией министерства, государственного комитета) – на ближайшем заседании, о чем в двухнедельный срок должно быть сообщено Уполномоченному.

Если заключение рассматривается коллегиальным органом, то Уполномоченному должно быть заранее сообщено о дате, времени, месте проведения ближайшего заседания, в котором может принять участие он либо его представитель.

В исключительных обстоятельствах, например в случае, когда нарушение законодательства носит явный характер и может причинить существенный

вред правам и законным интересам граждан, Уполномоченный вправе установить сокращенный срок для рассмотрения заключения, в том числе и для коллегиального органа.

При проведении проверки по жалобе Уполномоченный вправе:

беспрепятственно по предъявлению служебного удостоверения входить в помещения и на другие объекты государственных органов, иных организаций и индивидуальных предпринимателей, присутствовать на заседаниях коллегиальных органов, а также беспрепятственно посещать предприятия, учреждения и организации независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, воинские части, общественные объединения; вход Уполномоченного на территорию и в помещения, доступ в которые ограничен в соответствии с законодательными актами и международными договорами Республики Беларусь, и допуск его к сведениям, составляющим государственные секреты, осуществляются в соответствии с законодательством;

запрашивать и получать от государственных органов, органов местного самоуправления и у должностных лиц и государственных служащих сведения, документы и материалы, необходимые для рассмотрения жалобы; должностные лица обязаны исполнить требование Уполномоченного в порядке и в сроки, установленные законом, и о результатах сообщить ему;

получать объяснения должностных лиц, исключая Президента, председателей палат Парламента, Премьер-министра, судей, по вопросам, подлежащим выяснению в ходе рассмотрения жалобы;

проводить самостоятельно или совместно с компетентными государственными органами, должностными лицами и государственными служащими проверку деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц;

знакомиться с уголовными, гражданскими делами и делами об административных правонарушениях, решения (приговоры) по которым вступили в законную силу, а также с прекращенными производством делами и материалами, по которым отказано в возбуждении уголовных дел.

Уполномоченный должен иметь право посещать в любое время без личного досмотра органы и учреждения, исполняющие наказание и иные меры уголовной ответственности, учреждения, исполняющие принудительные меры безопасности и лечения, принудительные меры воспитательного характера, места содержания под стражей и лечебно-трудовые профилактории; знакомиться с документами, на основании которых лица содержатся под стражей и в лечебно-трудовых профилакториях, осуждены, подвергнуты принудительным мерам безопасности и лечения, принудительным мерам воспитательного характера. В необходимых случаях Уполномоченный опрашивает указанных лиц. Уполномоченный использует ту процедуру, которая необходима, по его мнению, в конкретных обстоятельствах дела. Уполномоченный имеет право присутствовать на заседаниях палат Парламента, Правительства, Конституционного Суда, иных судебных органов, коллегиях Генеральной

прокуратуры, органов управления, местных представительных органов. Во время присутствия на заседаниях судов при рассмотрении конкретных дел Уполномоченный не высказывает свое мнение, что должно обеспечивать независимость суда.

По вопросам своей деятельности Уполномоченный пользуется правом безотлагательного приема руководителями и другими должностными лицами расположенных на территории Беларуси органов государственной власти, органов местного управления и самоуправления, предприятий, учреждений и организаций независимо от формы собственности, руководителями общественных объединений, лицами начальствующего состава Вооруженных Сил Беларуси, других войск и воинских формирований, администрацией исправительных колоний и других учреждений, ведающих исполнением наказания, осуществляющих принудительное лечение по решению суда от алкоголизма.

Предоставление Уполномоченному информации, составляющей государственную, коммерческую либо иную охраняемую законом тайну, осуществляется в соответствии с законодательством.

Уполномоченный вправе опубликовать принятое им заключение в газете «Республика» и в одном из белорусскоязычных изданий, которое следует определить в Законе. Кроме того, периодическое печатное издание, одним из учредителей (соучредителей) которого являются государственные органы, органы местного управления и самоуправления, государственные предприятия, учреждения и организации либо которое финансируется полностью или частично за счет средств федерального бюджета или бюджета субъекта Республики Беларусь, не вправе отказать в публикации заключений и иных документов Уполномоченного.

Заседания Уполномоченного с участием его заместителей и руководителей основных подразделений Секретариата проводятся не реже одного раза в месяц. Созывает заседания Уполномоченный. На эти заседания могут приглашаться представители государственных органов, общественных объединений, занимающихся вопросами соблюдения прав и свобод человека. Итоги заседания освещаются в СМИ.

Заседания проводятся поочередно на белорусском и русском языках.

По наиболее актуальным вопросам деятельности могут создаваться рабочие группы из представителей государственных органов, общественных объединений, в том числе профсоюзов. Регламент их работы утверждается Уполномоченным.

В областных центрах, городе Минске, других крупных городах может учреждаться по решению Уполномоченного институт общественных помощников Уполномоченного. На них возлагается обязанность осуществлять мониторинг состояния прав и свобод, прием граждан и информировать Уполномоченного о существующих проблемах в области соблюдения прав и свобод. По решению Уполномоченного им может быть поручено изучить жалобу и высказать свою позицию.

Как альтернативный вариант может быть создание в областях (городе Минске) региональных общественных советов под эгидой Уполномоченного. В их состав на добровольных началах могут войти представители региональных неполитических общественных формирований, для которых одной из задач является обеспечение и защита прав и свобод человека. Основная их задача – анализ состояния дел в указанной сфере, подготовка информации в адрес Уполномоченного, проведение постоянного мониторинга. Один раз в полугодие можно проводить общереспубликанский форум с участием представителей региональных структур, на котором бы обсуждались существующие проблемы и намечались конкретные меры на ближайшую перспективу. Работа республиканских форумов освещается в СМИ, включая информирование общественности о выполнении ранее принятых решений.

В консультативных советах, рабочих группах, создаваемых Уполномоченным, обеспечивается максимально возможное представительство различных социальных слоев.

Следует закрепить в законе возможность на правовой основе проводить консультации с высшими судебными органами, Генеральной прокуратурой. Подобные консультации можно проводить в форме совместных заседаний, участия в заседаниях пленумов, коллегий. Целесообразно не реже одного раза в полугодие проводить встречу с представителями общественных объединений, зарегистрированных Министерством юстиции, с целью обеспечения мониторинга в области прав и свобод человека. Один раз в год организовывать парламентские слушания по тематике соблюдения прав и свобод. Это может быть приурочено к рассмотрению доклада Уполномоченного.

Уполномоченный имеет право назначать своих представителей в пределах выделенных средств. Организация деятельности и пределы полномочий представителей Уполномоченного регулируются Положением о представителях Уполномоченного, которое утверждается Уполномоченным.

По результатам рассмотрения жалобы Уполномоченный вправе:

обратиться в компетентные государственные органы с ходатайством о возбуждении дисциплинарного или административного производства либо уголовного дела в отношении должностного лица, в решениях или действиях (бездействии) которого усматриваются нарушения прав и свобод человека и гражданина;

обратиться в суд или прокуратуру с ходатайством о проверке вступившего в законную силу решения, приговора суда, определения или постановления суда либо постановления судьи с целью возможного принесения протеста;

присутствовать при судебном рассмотрении дела в порядке надзора, инициированного Уполномоченным;

вносить предложения в Конституционный Суд о вынесении заключения относительно конституционности нормативного правового акта, затрагивающего конституционные права и свободы граждан.

Правительство, все государственные служащие обязаны способствовать Уполномоченному в выполнении им своих функций. Должностные лица обязаны разрешать своим подчиненным отвечать на вопросы Уполномоченного, по предложению Уполномоченного поручать контрольным органам проводить проверки.

Уполномоченный имеет право предоставить возможность государственному органу, должностному лицу, которые приняли обжалуемый акт, гражданину, подавшему жалобу, высказать свою позицию, в том числе посредством явки в офис Уполномоченного. Указанные лица имеют право воспользоваться услугами адвоката. От обязательной явки освобождаются руководители и члены высших органов государственной власти Республики Беларусь и судьи. Если обязанное явиться лицо не прибыло в офис Уполномоченного, то он вправе потребовать от органов внутренних дел обеспечить их привод.

Свидетели обязаны дать письменное обязательство говорить только правду, переводчики и эксперты – исполнять свои обязанности добросовестно.

В пределах полномочий, установленных законом, Уполномоченный вправе избирать форму доведения до сведения государственных органов и общественности своих рекомендаций (заклучения, письма, памятные записки, информации и т. п.).

Уполномоченный является одним из координаторов усилий в рамках государства по обеспечению прав и свобод. При этом он активно взаимодействует с институтами гражданского общества, выстраивая с ними равноправные партнерские отношения. Осуществляется активное взаимодействие с организациями юристов, журналистов, научным сообществом. При Уполномоченном могут создаваться консультативные советы, куда могут входить представители правозащитных организаций, общественных объединений, ученые и специалисты в области прав человека.

4. Дополнительные принципы и другие вопросы

Уполномоченный должен быть наделен правом полюбовного урегулирования спора.

В качестве возможного варианта «стимулирования» разрешения спора вне Уполномоченного можно было бы предусмотреть порядок, в соответствии с которым лицо перед тем, как подать жалобу, должно проинформировать о своем намерении обратиться к Уполномоченному соответствующий орган, в чьей компетенции было рассмотрение данного вопроса. Для ответа гражданину в этом случае следует предусмотреть срок не более одного месяца.

Аналогичный подход можно было бы применить и для Уполномоченного, который может проинформировать соответствующее государственное учреждение о намерении провести изучение поступившего к нему обращения, что могло дать возможность разрешить конфликт до принятия решения Уполномоченным.

Уполномоченный вправе пригласить стороны конфликта или их представителей для возможного разрешения спора. Его разрешение может завершить-

ся соответствующим соглашением, удостоверенным Уполномоченным или его представителем. Исполнение соглашения осуществляется в соответствии с гражданским процессуальным законодательством.

Литература

1. Права человека: энцикл. слов. / отв. ред. С. С. Алексеев. – М.: Норма, 2009. – 656 с.
2. Соколов, А. Н. Институт омбудсмана в современном мире / А. Н. Соколов, К. Б. Трумпель, Е. С. Смирнова. – Калининград: Калинингр. юрид. ин-т, 2001. – 152 с.
3. Бойцова, В. В. Омбудсмен как защитник фундаментальных личных прав / В. В. Бойцова. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1994. – 96 с.
4. Брилева, В. А. Теоретические основы института Уполномоченного по правам человека в Республике Беларусь / В. А. Брилева. – Гомель: Гом. гос. ун-т, 2005. – 82 с.
5. Ильин, И. А. Борьба за право / И. А. Ильин // Родина и мы. – Смоленск: Посох, 1995. – 511 с.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Ценность и достоинство человека заключены в его сердце и в его воле; именно здесь – основа его подлинной чести», – пишет Мишель Монтень в 31-й главе своих «Опытов». За этой фразой, высказанной между прочим, в рассуждении о случайности военных побед и о славе, которую приносят стойко принятые поражения, стоит тем не менее целая история: сложный, нелинейный, противоречивый процесс зарождения, смыслового наполнения и развития понятий о достоинстве, свободе, правах и ответственности человека, процесс, в известном смысле равный по длине самой истории культуры. Человечество прошло долгий путь от представления о достоинстве как внешней, оценочной характеристике личности или вещи, от рассуждений о способах распознать, сравнить и зафиксировать меру достоинства в субъекте – к пониманию того, что достоинство является атрибутивным, неотъемлемым признаком человечности и что, более того, достоинство и свобода личности – две стороны, две проекции одного и того же субстанциального начала, имя которому Человек.

Отражением этого пути служит мировая и европейская философия, которая, в свою очередь, на протяжении всей истории обеспечивала идейно-ценностную подпитку правотворческой деятельности, научных изысканий, литературно-художественной практики. Логику развития интеллектуальной культуры общества, взятую в самых общих, категориальных основаниях, можно обозначить как процесс «освоения», интериоризации достоинства во всем спектре проявлений творческого разума или, что то же самое, как процесс «очеловечивания» теории, результатом которого является и универсализация представлений о правах и свободах, и гуманизация общественно-политической практики, и, наконец, формирование человекомерной науки, социализация научного знания и технологий.

Разумеется, этот процесс далек от своего завершения (да и разве было бы необходимо говорить о «логике достоинства», если бы мы могли ограничиться «историей становления принципа достоинства», прошедшей и оконченной?). Напротив, современность с ее многообразными рисками расчеловечивания – от бестияльности терроризма и современных войн, ведущихся средствами массового поражения, до угрозы «растворения» человека в прагматичных

инструментах техносреды – предельно обнажает противоречия того понимания достоинства, прав, ответственности, которое сложилось в традиции Ренессанса и Просвещения, было артикулировано с опорой на мировоззренческие принципы и правовые механизмы индустриального общества.

Это свидетельствует, что логика достоинства и свободы личности – в том концептуальном понимании, которое было сформулировано в данной книге, – имеет прежде всего проективный смысл. Она демонстрирует и обосновывает переход от феномена достоинства к идее, от идеи достоинства – к теоретическому и методологическому принципу, наконец от принципа – к *императиву достоинства*. Точно такой же, параллельный, переход отображается в концептуализации права и ответственности (обязанностей, долга) личности. Логика достоинства показывает, как эти понятия, осознанные в качестве *взаимосвязанных, взаимоотображенных, конвергентных императивов*, призваны осуществить высшую, надпрагматическую регулятивную функцию, путь к которой лежит через последовательное повышение уровня и цельности самосознания человечества – рефлексии культуры.

Да, понятийная схема еще далеко не везде и не в полной мере реализуется на практике. Но выдающиеся произведения литературы и искусства XX–XXI вв. уже отразили ее своими сюжетами и образами. Творчество философов социально-критической школы, представителей традиции экзистенциализма, гуманистической психологии, эколого-ноосферной парадигмы разметило ее категориальными вехами и методологическими ориентирами ценностномерного мышления. Работа авторов международных конвенций о достоинстве и правах человека, современных школ конституционного права укрепила социально-практические основания этой схемы. И каким бы туманным, угрожающим не казалось сегодня будущее мировой цивилизации, думается, что нас ожидает медленное, не всегда уверенное, но все же поступательное движение к полному воплощению данной схемы.

Речь об этом движении, его траектории, препятствиях, с которыми оно сталкивается, и идет в настоящей книге. В известном смысле данное издание – лишь очередная работа в обширнейшей серии публикаций, посвященных ценностным основаниям политики, экономики и культуры, гуманизации права и социальных отношений, которые год за годом выходят в нашей стране и за рубежом. Но во многом книга носит уникальный – можно даже сказать, экспериментальный, – характер. Это издание, которое ставит перед собой цель сформировать основания целостной философско-методологической доктрины достоинства, свободы и прав человека и подступает к данной задаче, охватывая совокупность линий развертки понятий и явлений достоинства, прав, ответственности: в логико-семантическом ключе, историко-культурном, социологическом, этическом (включая становящуюся этику научно-технической деятельности и биоэтику), философско-правовом и юридическом. Это книга, которая намечает – где-то эскизно, полемично, «с правом на ошибку» – конту-

ры структуры и деятельности будущей междисциплинарной научной школы по проблематике достоинства и прав личности.

Данными задачами обусловлена композиция книги, многоплановость ее содержания. Материалы Л. Ф. Евменова, Е. М. Бабосова, А. А. Лазаревича, В. В. Познякова, В. Н. Сидорцова задают общие и методологические рамки коллективной работы с предметным полем достоинства. В статьях И. О. Евтухова, И. Я. Левяша, С. Г. Мовсесяна, С. А. Мякчило, О. Л. Позняковой, Н. Г. Севостьяновой рассматриваются процессы становления и развития дискурса достоинства, свободы и прав человека в философии, богословии, художественной литературе от времен античности до наших дней. Материалы А. Б. Довнара, А. А. Лукашанца, В. А. Максимовича, И. В. Саверченко, М. И. Веренич и Е. Ф. Ивашкевича задают контекст раскрытия императивного смысла достоинства в нациогенезе, формировании национальной идентичности и культуры. Статьи Н. Е. Захаровой, Н. А. Лазаревич, В. А. Латышевой, В. К. Савченко вводят в контекст динамики этических регулятивов современного медико-биологического знания и практики. Реализация принципов достоинства, прав и свободы личности в системе образования, социальной работы, в развитии гражданской и предпринимательской инициативы осмысливается в очерках, подготовленных С. Е. Дроздовским, В. Н. Карягиным, С. П. Онуприенко, О. А. Павловской, Л. И. Смагиной, Т. П. Липай и О. А. Волковой. О формировании категориальных представлений о достоинстве и соответствующих им нормах в актах международного права пишут В. А. Божанов, Е. А. Дейкало, Т. Л. Евменова, Н. Е. Сокол, А. В. Щукин. Опыт, задачи и государственно-правовые перспективы реализации принципа достоинства и защиты прав человека, рецепты совершенствования этой работы, включая плодотворную идею об учреждении института Уполномоченного по правам человека в Беларуси, отражены в статьях Г. А. Василевича, Д. Г. Василевича, А. А. Данилевича, Н. Н. Довнар, О. В. Петровой, Ю. Л. Шевцова.

Каков важнейший результат всей проделанной работы? Нам представляется, что он состоит прежде всего в создании концепции культурно-антропологических оснований достоинства личности, в понимании достоинства как конституента онтологии «мира людей», важнейшего фактора социодинамики. В книге последовательно проводится мысль о конвергенции понятий и явлений достоинства, свободы, прав и обязанностей человека, которая в высоких формах политической и духовной культуры достигает качества *диалектического единства*, неразрывности. Отсюда вытекает понимание того, что обязанности, являющиеся эпифеноменом этического императива ответственности – важнейшей и, по сути, основополагающей ипостаси личностного достоинства, – выступают в той же мере предпосылкой прав и одновременно первейшим социально-онтологическим препятствием на пути произвольных, неправовых ограничений свободы человека. Эта довольно сложная для прочтения теоретическая конструкция служила и служит тем не менее интуитивным основанием наиболее справедливых, гармоничных форм социально-пра-

вового устройства. В своем детальном раскрытии, в изложении для широкого общественного дискурса, в форме идеологии профессиональной подготовки законодателей и юристов, в качестве методологического основания социально-гуманитарной экспертизы различных сторон общественной жизни она должна выступить основой любого правотворчества в будущем, критерием *гуманности* государства и социума.

Осмысление полученного результата обозначает векторы дальнейшей работы в тематическом поле книги: те области, что остались за рамками издания, но которые можно и следовало бы рассмотреть подробнее. Это в первую очередь компаративное исследование теории и практики достоинства и свободы личности в цивилизациях Запада и Востока, потенциальные пути обогащения философско-правовой культуры западного общества ценностями восточного мировоззрения. Это подробный анализ эвристики философско-правовой мысли французского, английского, американского Просвещения: каким образом она повлияла на современную философию достоинства, а какие мотивы, тезисы, интерпретации, наоборот, оказались вытеснены на периферию общественного сознания. Это изучение антропологических оснований достоинства, свободы, прав и ответственности личности в художественном и прежде всего религиозном мышлении, его различных по содержанию и родственных по социогносеологической ценности традициях – от православия до ислама и буддизма. Все это – направления, по которым предстоит двигаться дальше, и мы искренне надеемся, что найдутся те заинтересованные читатели, которые осмысленно и компетентно продолжат наши начинания.

Лучшим результатом публикации данной книги стало бы возникновение среди исследователей научно-экспертной дискуссии о ней – вокруг затронутых тематических блоков, о сказанном и несказанном. Дополнения и уточнения, поддержка и принципиальное несогласие с выдвинутыми тезисами, экстраполяция методологии исследования достоинства и свободы личности на другие смежные предметные области – все это способствовало бы прогрессу отечественной гуманитаристики, повышению уровня общественной рефлексии над мировоззренческими, духовно-нравственными и правовыми основами жизни современного общества, его трансформаций и модернизации.

В работе над философскими основаниями достоинства, прав и обязанностей личности поставлена не точка, а очередное многоточие, что сулит нам в будущем новые важные идеи и открытия, интересные встречи, плодотворные дискуссии.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (Л. Ф. Евменов, С. А. Мякчило)	3
Раздел 1. Достоинство и права человека: история становления, логика развития	16
И. О. Евтухов. <i>Historia est magistra vitae</i>	16
О. Л. Познякова. Кантова идея достоинств человека в системе ценностей общественного развития	31
Н. Г. Севостьянова. Категорический императив достоинства личности в философском дискурсе	39
И. Я. Левяш. Эволюция смыслоконцепта «достоинство»: от Возрождения к европейскому декадансу	54
С. А. Мякчило. Идеи и образы достоинства личности в постклассической философии	68
С. Г. Мовсесян. Антропологические аспекты христианского понимания достоинства личности и прав человека	88
В. В. Позняков. Концепт достоинства личности в контексте прав человека	102
Л. Ф. Евменов. Достоинство, права и обязанности – социально-нравственные императивы: опыт современного философского прочтения	118
Раздел 2. Науки в дискурсе достоинства и прав человека	134
А. А. Лазаревич. Достоинство, свобода и ответственность человека в эпоху науки и креативности	134
Е. М. Бабосов. Концептуализация достоинства личности и прав человека: теоретико-методологический и социоэмпирический аспекты	152
Н. А. Лазаревич. Достоинство личности и права человека как проблема биоэтики	162
В. К. Савченко. Научный прогресс в этическом измерении достоинства личности: <i>casus genome humani</i>	174
В. Н. Сидорцов. Достоинство личности и права человека в свете исторической синергетики	185
А. Б. Доўнар. Статуты ВКЛ, магдэбургскае права ў Беларусі – годнасць і правы асобы	192
І. В. Саверчанка. Годнасць як аснова нацыянальнага быцця і сацыяльнай крэатыўнасці	205
А. А. Лукашанец. Нацыянальная мова і годнасць асобы і нацыі ў кантэксце блізкароднаснага двухмоўя (беларускія рэаліі)	224
В. А. Максімовіч. Фарміраванне ідэалаў годнасці і свабоды асобы ў беларускай літаратурнай традыцыі	238

Раздел 3. <i>Salus humanitatis suprema lex</i>: Международное право о достоинстве и правах человека.	256
<i>Т. Л. Евменова</i> . Всеобщая декларация прав человека – логика свободы и достоинства	256
<i>Е. А. Дейкало</i> . Трактовка достоинства личности в международных пактах о правах человека 1966 г. и факультативных протоколах к ним	265
<i>В. А. Божанов</i> . Современная Европа: права человека, достоинство личности, человеческое измерение.	278
<i>М. И. Веренич, Е. Ф. Ивашкевич</i> . Право на культуру как важнейший компонент прав и свобод человека.	295
<i>Л. И. Смагина</i> . Защита достоинства женщин и детей: правовые основы, международный опыт	306
<i>Н. Е. Сокол</i> . Проблемы ограничения прав человека в дискурсе достоинства личности	322
<i>А. В. Щукин</i> . Формирование и реализация международных стандартов прав человека и достоинства личности	333
Раздел 4. Достоинство и права личности – <i>Das ewig Menschlich</i>	349
<i>О. А. Павловская</i> . Достоинство личности и права человека в контексте становления гражданского общества	349
<i>С. П. Онуприенко</i> . Смысл жизни как феномен достоинства человека и объект образовательно-воспитательной практики	363
<i>В. Н. Карягин</i> . Предпринимательство и достоинство личности	371
<i>Т. П. Липай, О. А. Волкова</i> . Старший возраст достоинства: статус, социальная активность и права пожилых людей	388
<i>С. Е. Дроздовский</i> . Теория и практика защиты достоинства и реализация прав людей с инвалидностью	397
<i>В. А. Латышева</i> . <i>Caritas humano generi</i> : милосердие как ценностная предпосылка и социальный механизм защиты достоинства личности	409
<i>Н. Е. Захарова</i> . Социально-экологический ракурс достоинства личности и прав человека	426
Раздел 5. Теоретические и практические проблемы правового обеспечения и защиты достоинства и прав человека.	439
<i>Г. А. Василевич, Д. Г. Василевич</i> . Достоинство личности – теоретические и практические проблемы права	439
<i>Н. Н. Довнар</i> . Защита чести, достоинства и деловой репутации	454
<i>А. А. Данилевич, О. В. Петрова</i> . Право подозреваемого, обвиняемого на защиту и принцип уважения чести и достоинства личности	467
<i>О. В. Петрова</i> . Уважение чести и достоинства личности как принцип уголовного процесса	489
<i>Ю. Л. Шевцов</i> . Правовое обеспечение достоинства личности в уголовно-исполнительной системе	502
<i>Г. А. Василевич</i> . Судебный конституционный контроль – важнейшая форма защиты достоинства, прав и свобод граждан.	529
<i>Г. А. Василевич</i> . Учреждение института уполномоченного по правам человека в Беларуси как важнейший фактор обеспечения права на достоинство человека	547
Заключение (<i>Л. Ф. Евменов, С. А. Мякчило</i>)	572

Научное издание

**ЛОГИКА
ДОСТОИНСТВА И СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ**

Редакторы *О. Н. Масухранова, О. А. Рахуба*
Художественный редактор *И. Т. Мохнач*
Технический редактор *О. А. Толстая*
Компьютерная верстка *Н. И. Каиуба*

Подписано в печать 24.05.2016. Формат 70×100^{1/16}. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 46,96. Уч.-изд. л. 42,0. Тираж 200 экз. Заказ 111.

Издатель и полиграфическое исполнение:
Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013. Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск.